

С. А. Ланцов

Политология

Допущено Научно-методическим советом по политологии
Министерства образования и науки Российской Федерации
в качестве учебного пособия для студентов высших и средних
специальных учебных заведений

Москва • Санкт-Петербург • Нижний Новгород • Воронеж
Ростов-на-Дону • Екатеринбург • Самара • Новосибирск
Киев • Харьков • Минск

2010

ББК 66.01я7

УДК 32(075)

Л22

Рецензенты:

Ачкасова В. А., завкафедрой социально-политических наук Санкт-Петербургского университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, доктор политических наук, профессор;

Косов Ю. В., завкафедрой международных отношений Северо-Западной академии государственной службы, доктор философских наук, профессор

Ланцов С. А.

Л22 Политология: Учебное пособие. — СПб.: Питер, 2011. — 544 с.

ISBN 978-5-49807-485-6

В учебном пособии представлены все разделы современной политической науки: излагаются основы теории политики; анализируется природа политической власти; дается характеристика основных идеологических течений современного мира, политической культуры, политической социализации. Излагаются концепции, объясняющие роль элит и лидеров. На конкретных примерах политического опыта России и других стран мира раскрываются сущность и типология политических режимов, структура и типология политических систем. Анализируется место и роль государства, политических партий, средств массовой информации. Обобщается опыт избирательных кампаний в России и других странах мира и показывается роль в них различных политических технологий.

Большое внимание в пособии уделяется проблемам политических изменений, теории и практики политической модернизации, перехода от авторитаризма и тоталитаризма к демократии. Проблемы международных отношений рассматриваются в книге на уровне теории и современной политической практики. Дается характеристика глобальных общечеловеческих проблем и возможных путей их решения.

Учебное пособие написано в полном соответствии с требованиями Государственного образовательного стандарта и предназначено для студентов и аспирантов высших учебных заведений, обучающихся по гуманитарным направлениям, учащихся средних специальных учебных заведений, а также для всех, кто интересуется вопросами внутренней и международной политики.

ББК 66.01я7

УДК 32(075)

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Оглавление

Предисловие	7
Часть I. Теория политики	11
Глава I. Политология как наука	12
§ 1. Основные этапы истории политической мысли	12
§ 2. Становление современной политической науки	21
§ 3. Политология в структуре социально-гуманитарного знания.	32
§ 4. Методологические проблемы политологии	38
Контрольные вопросы и задания	42
Глава II. Политика и общество	43
§ 1. Природа политики	43
§ 2. Проблемы взаимоотношения политики с другими сферами общественной жизни	52
Контрольные вопросы и задания	63
Глава III. Политическая власть	64
§ 1. Теоретические концепции власти в политической науке	64
§ 2. Источники и ресурсы власти	71
§ 3. Легитимность и легитимация политической власти	78
Контрольные вопросы и задания	88
Глава IV. Политическая идеология	90
§ 1. Сущность и функции политической идеологии	90
§ 2. Либерализм как политическая идеология	93
§ 3. Консерватизм как политическая идеология	98
§ 4. Марксизм и социалистические концепции XIX–XXI вв.	105

§ 5. Идеология и политика современной социал-демократии	114
§ 6. Леворадикальные идеологические течения	119
§ 7. Фашизм и современный правый радикализм	123
Контрольные вопросы и задания	127
Глава V. Политическая культура и политическая социализация	128
§ 1. Сущность, структура, функции и типология политической культуры	128
§ 2. Особенности российской политической культуры	140
§ 3. Политическая социализация	145
Контрольные вопросы и задания	154
Глава VI. Политические элиты	155
§ 1. Классические теории политической элиты	155
§ 2. Современные элитаристские концепции	160
§ 3. Политическая элита России: история и современность	166
Контрольные вопросы и задания	172
Глава VII. Политическое лидерство	174
§ 1. Сущность и типология политического лидерства	174
§ 2. Политическое лидерство в современной России	182
Контрольные вопросы и задания	191
Часть II. Политические институты и процессы	193
Глава VIII. Политические системы	194
§ 1. Теоретические концепции политической системы	194
§ 2. Структура и функции политической системы	201
Контрольные вопросы и задания	210
Глава IX. Политические режимы	211
§ 1. Понятие политического режима в современной политологии	211
§ 2. Теоретические концепции и исторические формы демократии	214
§ 3. Авторитаризм как тип политического режима	225
§ 4. Типология тоталитарных режимов	232
Контрольные вопросы и задания	239
Глава X. Государство как политический институт	241
§ 1. Сущность и происхождение государства	241
§ 2. Формы государственного устройства и правления	248

§ 3. Взаимодействие государства и гражданского общества	260
§ 4. Современная российская государственность	271
Контрольные вопросы и задания	284
Глава XI. Политические партии и партийные системы	285
§ 1. Сущность и происхождение политических партий	285
§ 2. Типология партий и партийных систем	293
§ 3. Партийная система России: история и современность	304
Контрольные вопросы и задания	312
Глава XII. Избирательные системы и электоральный процесс	313
§ 1. Типы избирательных систем	313
§ 2. Эволюция избирательной системы России	320
§ 3. Политические технологии в избирательных кампаниях	327
Контрольные вопросы и задания	338
Глава XIII. Средства массовой информации как политический институт	340
§ 1. Сущность, структура и функции СМИ	340
§ 2. Особенности взаимодействия СМИ с государством и гражданским обществом	351
Контрольные вопросы и задания	359
Глава XIV. Политические конфликты	360
§ 1. Сущность и типология политических конфликтов	360
§ 2. Этнонациональный и религиозный факторы в современных политических конфликтах	366
§ 3. Пути урегулирования политических конфликтов	376
Контрольные вопросы и задания	382
Глава XV. Политическая модернизация	383
§ 1. Общие закономерности модернизации и ее специфика в политической сфере	383
§ 2. Исторический опыт модернизации России	391
Контрольные вопросы и задания	399
Глава XVI. Политические революции	401
§ 1. Теоретические концепции революции	401
§ 2. Революции в политической истории России	410
§ 3. Революции и современность	416
Контрольные вопросы и задания	423

Глава XVII. Теория и практика перехода от авторитаризма и тоталитаризма к демократии	424
§ 1. Транзитологические концепции в современной политической науке	424
§ 2. Современная Россия в контексте переходных политических и экономических процессов	436
Контрольные вопросы и задания	442
Часть III. Мировая политика и международные отношения.	443
Глава XVIII. Теоретические концепции международных отношений.	444
§ 1. Международные отношения и мировая политика как объект изучения.	444
§ 2. Проблемы международных отношений в истории политической мысли	455
§ 3. Геополитические концепции международных отношений	460
§ 4. Становление и развитие современной теории международных отношений	464
Контрольные вопросы и задания	478
Глава XIX. Международные отношения как система	479
§ 1. Типология международных отношений и международных акторов	479
§ 2. Теоретические модели международных систем	487
§ 3. Эволюция системы международных отношений в современных условиях	491
Контрольные вопросы и задания	501
Глава XX. Актуальные вопросы мирового политического процесса	502
§ 1. Особенности современного этапа глобализации	502
§ 2. Глобальные проблемы современности и пути их решения	512
§ 3. Международные конфликты и международная безопасность	520
§ 4. Современная Россия в мировом политическом процессе	532
Контрольные вопросы и задания	536

Предисловие

Политология — наука сравнительно молодая. История современной политологии насчитывает немногим более ста лет, хотя предпосылки для возникновения науки о политике, а именно так переводится термин «политология», формировались на протяжении нескольких столетий и даже тысячелетий. Об этом говорит богатое наследие политической мысли во многих странах мира. С глубокой древности люди задумывались о том, что представляют собой государство и политика, какими путями осуществляется власть в обществе и каким образом можно сделать так, чтобы эта власть в наибольшей степени соответствовала интересам народа. Мыслители предлагали варианты идеального, с их точки зрения, государственного устройства, давали рекомендации правителям о том, какими должны быть цели их деятельности и средства достижения этих целей. Но все эти идеи не выходили за пределы узкого круга их авторов, немногочисленной аудитории образованных людей и тех, кто был близок к государственной власти. Причем те, кто распоряжался властью, далеко не всегда прислушивались к рекомендациям политических мыслителей и руководствовались не теми мотивами, о которых говорили философы. Между философией и политической практикой существовал разрыв, а идея Платона о том, что государством должны управлять философы, оставалась несбыточной. Политика на протяжении тысячелетий была уделом избранных, подавляющее же большинство было отчуждено от политики и выступало скорее как объект, нежели субъект политического действия.

Когда постепенно, в ходе развития общества, в политике стали принимать участие все более широкие массы людей, когда государственное управление усложнилось, а система организации и осу-

цествления политической власти больше не ограничивалась одним лишь государством, выяснилось, что накопленных разрозненных знаний о политике недостаточно и необходима специальная наука о политике. Такая наука и стала формироваться во второй половине XIX столетия. Но этот процесс затронул не все страны, а только те, в которых уже сложилась публичная политика, развивался политический плюрализм, появилась реальная политическая конкуренция в борьбе за обладание и использование государственной власти. Политология в первую очередь рождалась там, где сложилась политическая система открытого и демократического характера.

Знания о политике в той или иной степени востребованы в условиях любого политического режима, но независимая и самостоятельная политическая наука становится возможной только в условиях демократического общества. Это обстоятельство объясняет, почему молодая по мировым меркам политическая наука является еще более молодой в российских условиях. История отечественной политологии столь же невелика, сколь невелик по времени опыт российской демократии. Но и за короткое время своего существования в качестве самостоятельной и официально признанной науки политология добилась определенных успехов. Процесс ее институционализации в основном завершен. В университетах страны осуществляется подготовка профессиональных политологов.

Политологию ежегодно начинают изучать сотни тысяч студентов, учащихся средних специальных учебных заведений и школьников. Изучение политологии дает знания, позволяющие ориентироваться в мире политики, разбираться в сути происходящих в стране и в мире политических событий. Такие знания помогают лучше осознавать свои обязанности как гражданина и более эффективно использовать свои гражданские права.

За прошедшие двадцать лет в нашей стране было издано множество учебников и учебных пособий по политологии, как по отдельным ее разделам, так и по смежным с политической наукой дисциплинам — политической социологии, политической психологии, политической антропологии, политической истории... Каждое из них по-своему раскрывает содержание политических процессов и явлений, знакомит читателей с теоретическими концепциями, объясняющими закономерности политической жизни общества. В силу того что политика представляет собой весьма сложное общественное явление, а в политологии часто нет единой и общепризнанной точки зрения на сложные политические феномены,

существующие учебники и учебные пособия по политологии имеют между собой различия по структуре и по внутреннему содержанию.

Предлагаемое читателю учебное пособие написано на основе многолетнего опыта чтения лекций по курсу «Теоретическая политология» для студентов-политологов Санкт-Петербургского государственного университета, а также на основе преподавания дисциплин политологического профиля в других высших учебных заведениях. Структура учебного пособия включает три части, охватывающие основные тематические области политической науки. В первой части излагаются основы теории политики. Во второй части рассматриваются вопросы функционирования отдельных политических институтов и политических систем общества в целом, анализируются процессы политических изменений. В третьей части раскрываются проблемы современной мировой политики и международных отношений. Данное учебное пособие является одним из немногих, в котором представлены все основные темы учебного курса политологии.

По сложным вопросам приведены разные точки зрения, с тем чтобы сами читатели могли разобраться в сути идущих в политологии научных дискуссий и сделать самостоятельный выбор в пользу той или иной позиции.

Теоретические концепции, выработанные зарубежной и отечественной политической наукой, иллюстрируются на основе политической практики нашей страны и других государств. Это поможет читателям лучше усвоить суть анализируемых концепций.

Учебное пособие рассчитано на широкую аудиторию. Оно может быть использовано в учебном процессе как в рамках образовательных программ политологии при изучении ряда общепрофессиональных и специальных учебных дисциплин, так и при изучении общего курса политологии в учебных заведениях различного уровня. Книга также будет полезна тем, кто интересуется вопросами политической теории и практики, кто хочет разбираться в сути политических процессов и событий, происходящих в России, других странах и на международной арене.

*С. А. Ланцов,
доктор политических наук, профессор*

Часть I

Теория политики

ГЛАВА I

Политология как наука

---

§ 1. Основные этапы истории политической мысли

Политология, или, иначе говоря, наука о политике, является относительно молодой научной дисциплиной. Однако она имеет длительную предысторию в виде истории мировой политической мысли. Политические учения стали формироваться еще в древности, когда возникла потребность в объяснении политических явлений. Так же как весь комплекс знаний о природе и обществе, знания о политике первоначально формировались и развивались в рамках философии. Философия как способ осмысления мира, окружающего человека, родилась в Древнем мире — Китае, Индии, других странах Древнего Востока, а также в античных Греции и Риме. Тогда же возникли и первые учения о природе государства и политики, о способах и методах политического управления и политической деятельности.

Судьба политических концепций Древнего мира складывалась по-разному. Некоторые из них были забыты вскоре после своего появления и сегодня известны лишь узкому кругу специалистов в области истории политической мысли. Другие сохраняли свое влияние на умы людей на протяжении столетий и тысячелетий. Есть и концепции, не утратившие своей актуальности даже в наши дни. Примером того, какое воздействие политические учения Древнего мира могут оказывать на социально-политическое развитие в последующие века, может быть история Китая. Еще в 1-м тысяче-

летию до н. э. в Древнем Китае сложились две основные политические традиции — конфуцианство и легизм, — в той или иной форме сохранившиеся до наших дней.

Конфуцианство представляет собой социально-политическую и этическую доктрину, получившую название по имени своего основоположника — древнекитайского философа Конфуция. Конфуций был обеспокоен характерным для того периода истории Китая всеобщим падением нравов, обострением социально-политических конфликтов в китайском обществе. Выход он видел в гармонизации общественных отношений и совершенствовании государственного управления. Этические нормы древнекитайский философ ставил выше норм формального права, полагая, что последнее действует только на основе принуждения и поэтому не может способствовать гармонизации взаимоотношений между политической властью и населением. Если руководить только с помощью законов, действие которых основано исключительно на страхе перед наказанием, народ будет просто уклоняться от наказания, не испытывая при этом стыда за свои неблагоприятные поступки. Напротив, если руководить народом при помощи добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуала, то народ, по мнению Конфуция, будет знать стыд и исправится.

Государство должно быть подобно семье, где, с одной стороны, есть единство интересов, а с другой стороны, царит гармония, основанная на признаваемом всеми распределении ролей и безусловном подчинении младших старшим. По мнению Конфуция, государь должен быть государем, сановник — сановником, отец — отцом, а сын — сыном. Каждая социальная роль требует определенных качеств личности. Сын должен быть послушным, отец — заботливым, сановник — преданным и исполнительным, а государь — мудрым. Конфуций обосновал необходимость бюрократической организации государственного управления, построенного на жесткой иерархии. Со времен Конфуция и до падения последней маньчжурской династии Цин в начале XX в. в Китае установилась практика сдачи обязательных экзаменов претендентами на должности государственных служащих, поскольку именно «экзамен на чин» должен был подтверждать благородство и компетентность будущего сановника.

Конфуций считал необходимой строгую политическую иерархию, но возражал против чрезмерной социально-экономической дифференциации. По его мнению, разрыв между богатыми и бед-

ными необходимо уменьшать ради сохранения общественной стабильности и гармонии.

Будучи сторонником ненасильственных методов государственного управления, Конфуций возражал и против излишнего использования силы в международных отношениях. Он был противником агрессивных, захватнических войн, полагая, что и без территориальных приобретений Китай является величайшим государством мира. Со времен Конфуция в Китае существует представление о китайском государстве как о Срединной империи, Поднебесной империи, стоящей по уровню своего развития выше любой другой страны мира, а о китайцах — как о народе, превосходящем все остальные народы. Конфуцианство обосновывало изоляцию Китая от остального мира как не представляющего для него никакого позитивного интереса, а лишь являющегося источником внешних опасностей.

Противоположная конфуцианству традиция китайской политической мысли получила название *легизма*. Основоположником легизма (от лат. *lex* — закон) считается древнекитайский философ Шан Ян (390–338 гг. до н. э.). Шан Ян не считал возможной гармонию между управляющими и управляемыми, он говорил о неизбежном антагонизме между ними. Поэтому добиваться подчинения правитель может, только вселяя в подданных страх перед жестоким наказанием. Власть устанавливает законы и с помощью силы заставляет население этим законам подчиняться. Приверженность легистов формальному праву, основанному на силе и принуждении, стала основанием для наименования этого учения в европейских языках, включая русский язык. Для легизма характерно неуважительное и враждебное отношение к простым людям, которые должны подчиняться любым распоряжениям власти. Сама же власть ничем не связана, в том числе и собственными законами. С точки зрения легистов, законы представляют собой лишь формы, которые можно заполнить любым содержанием в соответствии с текущими интересами правителя. Никакого равенства перед законом легисты не признавали, так же как и не признавали необходимости следовать заведенным ранее традициям и ритуалам. Жесткость наказания не должна строго соответствовать степени вины. Более того, легисты считали необходимыми и возможными превентивные наказания, никак не связанные с конкретными нарушениями действующих законов.

Большое значение легисты придавали принципу коллективной ответственности. Этот принцип внедрялся ими, начиная с отдель-

ных семей и заканчивая крупными общинами — «пятиворками» и «десятиворками». Все жители общин были связаны круговой порукой, что провоцировало их из-за страха перед жестоким наказанием на взаимную слежку и доносы. Именно таким образом достигались основные цели легизма — обеспечение твердого государственного порядка и поддержание жесткой властной вертикали.

Опираясь на силу и принуждение в области внутренней политики, сторонники легизма отдавали приоритет силовым методам и в осуществлении внешней политики. В отличие от конфуцианцев легисты призывали к территориальной экспансии, политической активности за пределами государственных границ Китая.

При всей противоположности концептуальных основ конфуцианства и легизма в политической практике древнего и средневекового Китая они зачастую использовались одновременно. В разное время преобладали то конфуцианские, то легистские принципы. Это находило отражение, например, в сфере международной политики. При доминировании легистского подхода Китай проводил активную внешнюю политику. Многие соседние страны и территории становились объектами китайских завоеваний. Когда верх брали конфуцианские принципы, Китай проводил политику изоляционизма, отгораживаясь от внешнего мира.

В целом влияние конфуцианства было определяющим на большинстве этапов политической истории Китая. Последствия этого влияния были неоднозначными. Как полагали многие европейские исследователи, включая Макса Вебера, конфуцианство с его ориентацией на знание древних текстов, с установкой на безусловное подчинение авторитету старшего способствовало застою общественной жизни Китая, бесконечному воспроизводству одних и тех же политических норм и институтов.

Политические идеи Древнего Востока в целом и политические учения Древнего Китая в частности долгое время не были достаточно известны в Европе и поэтому не оказали какого-либо влияния на европейскую политическую жизнь.

Большое значение для европейской политической жизни имели политические учения Древней Греции и Древнего Рима. Основной единицей внутриполитического устройства Древней Греции был город-государство — полис. Формы, которые принимала политическая жизнь в полисах, были разнообразными. Наряду с демократией имели место тирания, аристократическое правление, власть богатых — олигархия, а также иные модели государственного

устройства. Дискуссии в древнегреческой политической мысли шли как раз вокруг вопроса о выборе оптимальной модели государственного устройства. Свои варианты предлагали такие мыслители, как Фрасимах, Пол Аргентский, Калликл, Ликофрон, Сократ. Но наиболее заметными, оказавшими влияние на развитие всей европейской политической мысли стали концепции Платона и Аристотеля.

Древнегреческий мыслитель Платон (428/427 — 348/347 гг. до н. э.) известен прежде всего своей концепцией *идеального государства*. Он выделял два варианта идеального государства. В первом случае в таком государстве существует три основных класса — правители, воины и земледельцы, иначе говоря, все, кто занимается производительным трудом. Функция первого класса — государственное управление, функция второго класса — защита от внешних военных угроз. Управлять государством должны лучшие по своим интеллектуальным и моральным качествам люди. Оптимальной является ситуация, когда у власти находятся философы. Эти классы, по мнению Платона, не должны иметь права на частную собственность, с тем чтобы всю энергию сосредоточивать на достижении общественного блага. Для них не предусматривалось индивидуальной семьи, а их дети должны были получать общественное воспитание.

Второй вариант идеального государства отличался от первого наличием не трех, а четырех основных классов, а также детальным описанием процесса его создания и внутреннего устройства. Платон указал, каким образом жители первого идеального государства могут построить второе. Проект идеального государства Платона, который предусматривал, хотя бы и частичную, ликвидацию частной собственности, в последующем вдохновлял многих мыслителей на создание утопических концепций, в том числе социалистического и коммунистического толка.

Наряду с описанием устройства идеального государства в работах Платона содержался анализ реально существовавших в античной Греции форм политической власти и их динамики. Монархия — власть одного и аристократия — власть избранных, получивших ее по праву рождения, не могли, по мнению философа, удерживаться долгое время. Причина этого — постоянные войны, которые ведут к господству военных — тимократии. Война же способствует и социальной дифференциации общества — выделению богатых и бедных. Богатые постепенно узурпируют власть, что означает переход к олигархии. Для олигархии характерно обострение соци-

ального конфликта между богатыми и бедными. Поскольку бедных большинство, то они вполне способны свергнуть олигархическую власть и установить демократическое правление. Однако демократия — власть большинства, демоса — тоже несовершенная, по Платону, политическая форма. Ее главным недостатком является разгул своеволия и беззакония, порождающие хаос. Дезорганизация общественной жизни создает предпосылки для нового переворота, в ходе которого власть захватывает диктатор — тиран. Тирания, считал Платон, представляет собой наихудшую форму правления, поскольку власть становится совершенно бесконтрольной, способной на самые отвратительные и жестокие действия.

Идеи Платона нашли свое продолжение в творчестве его ученика — Аристотеля (384–322 гг. до н. э.). Рассматривая политические явления и процессы, Аристотель стремился учитывать морально-этический фактор. Сама политика Аристотелем понималась как деятельность, направленная на достижение общественного блага. Человек по своей природе является существом политическим и поэтому должен вместе с другими людьми составлять государство или, иначе говоря, политическое общество. Используя выделенные Платоном формы государственного устройства, Аристотель предложил свою типологию и классификацию этих форм. Типы политической власти Аристотель определял, исходя из числа господствующих субъектов. Власть может быть властью одного, властью немногих или властью большинства. В зависимости от того, в какой мере государственная власть реализует принципы справедливости, формы государства делятся на правильные и неправильные. Справедливость же в одних случаях может быть уравнивающей, а в других — распределяющей.

Правильной формой власти одного, по Аристотелю, является монархия, а неправильной — тирания. Правильная форма власти немногих — аристократия, а неправильная — олигархия. Демократия представляет собой неправильную форму государственной власти, поскольку отождествляет между собой относительное и абсолютное равенство, что, по Аристотелю, неверно. Абсолютное равенство между свободными людьми невозможно, так как они имеют разные способности и потребности, обладают неодинаковой собственностью. Аристотель — противник резкого экономического расслоения, он отдает предпочтение среднему уровню достатка и, соответственно, средним социальным слоям, которые должны быть опорой общественным устоям и государственной власти. Поэтому неправильному правлению большинства — демократии —

мыслитель противопоставляет правильную форму правления — политию. Политика Аристотеля совмещает в себе лучшие черты олигархии и демократии, отвергая их худшие стороны. В политике власть принадлежит большинству, но это большинство составляют те, кто соответствует определенному имущественному цензу. Они не относятся ни к богатейшей, ни к беднейшей части общества, составляя, по сути, его средний слой. Фактически Аристотель на два тысячелетия предвосхитил идею о том, что основой стабильной демократической системы может быть только развитый и многочисленный средний класс.

Влияние идей Платона и особенно Аристотеля на развитие политической мысли явно прослеживается на протяжении последующих столетий, начиная с Древнего Рима и до средневековой Европы. Римская политическая мысль добилась немалых успехов в изучении взаимосвязи государства и права, в выявлении основных функций государственной власти. Но при определении лучших форм ее устройства римские мыслители пользовались теми же категориями, что и древнегреческие философы. Так, Цицерон полагал, что в своем чистом виде и монархия, и аристократия движутся к неизбежному вырождению и поэтому наилучшей моделью государственного устройства является аристократическая республика во главе с сенатом.

После падения Римской империи и наступления эпохи Средневековья политическая мысль Европы развивалась под мощным влиянием христианской религии. Однако и в этот период политические идеи античности не были полностью преданы забвению. Так, в работах известного средневекового мыслителя Фомы Аквинского (1225–1274 гг.) упоминаются абсолютно те же формы государственного устройства, что и у Аристотеля.

Эпоха Возрождения положила начало освобождению европейской политической мысли от религиозного влияния. Особую роль в этом сыграл итальянский мыслитель Николо Макиавелли (1469–1527 гг.). Иногда именно его называют основоположником современной политической науки. Это мнение не является общепризнанным, однако Макиавелли отличался от многих политических философов предшествующих веков тем, что предлагал рекомендации для непосредственного практического использования.

Говоря современным языком, Н. Макиавелли разработал своеобразную технологию эффективного, с его точки зрения, политического лидерства. Эта практика включала в себя различные способы

достижения поставленных целей, вплоть до аморальных. Макиавелли считал, что поведение людей определяется двумя чувствами — любовью и страхом. Умелый политический деятель должен использовать эти чувства. Причем если в борьбе за власть необходимо возбудить в людях любовь к себе, завоевать популярность и авторитет, то для сохранения власти следует делать ставку на те меры, которые вызывают в народе страх и заставляют безоговорочно подчиняться правителю. Успешный государственный деятель должен умело подбирать себе помощников, отдавая предпочтение тем из них, кто обладает наибольшими и востребованными в данный момент способностями. Считая наилучшей республиканскую форму правления, Макиавелли допускал возможным на пути к ней существование единоличной автократической диктатуры.

Необходимо учитывать исторический контекст, в котором формировалось политическое учение Макиавелли. Оправдывая убийства политических противников, лжесвидетельства и клятвоступления, Макиавелли бросал вызов господствовавшим догматам католической религии. Для мыслителя католическая церковь была главным политическим противником, помехой на пути к его главной цели — объединению Италии. Для преодоления этой помехи необходимо было разрушить официальную политическую доктрину католицизма, что Макиавелли и пытался делать, восхваляя языческое наследие античности и проповедуя в пике официальной христианской морали воинствующий аморализм. Вместе с тем Макиавелли показал те негативные стороны политической деятельности, которые всегда существовали, но их стремились скрывать от непосвященных и маскировать рассуждениями о нравственности и справедливости.

Макиавелли первым увидел в государстве особый, отдельный от общества институт. Все мыслители, по сути, отождествляли государство и общество. Макиавелли впервые использовал термин «*stato*», от которого происходят термины, обозначающие государство во всех западноевропейских языках.

Вопрос о взаимоотношениях государств и общества стал главным вопросом в концепциях общественного договора. Первую такую концепцию предложил английский философ Томас Гоббс (1588–1679 гг.). По Гоббсу, в своем естественном состоянии люди постоянно враждуют между собой, поскольку их интересы не совпадают. Гоббс характеризует такое естественное состояние как «войну всех против всех». Такая «война» могла бы в конечном

итоге закончиться самоуничтожением человеческого сообщества. Для того чтобы не допустить этого, люди должны заключить между собой общественный договор. В соответствии с общественным договором создается особый институт — государство. Цель государственной власти — установление четких правил, которым должны подчиняться все. В качестве оптимальной формы правления Гоббс рассматривал абсолютную монархию. Властвующий монарх издает законы и одновременно контролирует их исполнение, назначает судей и чиновников, собирает налоги и даже определяет — какая религия подходит его подданным. В результате заключения общественного договора возникает не только государство, преодолевающее естественное состояние, но и гражданское общество. В гражданском обществе царят закон и порядок, опирающиеся на неограниченную власть монарха. В то же время государство гарантирует гражданам свободу, которую Гоббс понимал как возможность делать все, что не запрещено законом. В рамках действующих законов граждане могли реализовывать свои частные интересы и удовлетворять свои потребности.

Иную концепцию общественного договора можно найти у соотечественника Т. Гоббса — Джона Локка (1632–1704 гг.). Политическая философия Дж. Локка принадлежит уже иному этапу истории политической мысли — Новому времени, начало которому положили нидерландская и английская революции XVII в.

Дж. Локк не рассматривал естественное состояние как «войну всех против всех». С его точки зрения, в естественном состоянии люди свободно распоряжаются своей личностью и своей собственностью, от природы они наделены способностью регулировать свои взаимоотношения. Однако этих способностей на каком-то этапе становится недостаточно, и появляется потребность в особом органе, который будет беспристрастно разрешать споры между людьми, наказывать тех, кто нарушает естественные законы. Таким органом становится государство, и оно создается в результате заключения общественного договора.

Локк, в отличие от Гоббса, не считал, что государство создается для ограничения негативных сторон природы человека. По Локку, государство должно защищать и обеспечивать имманентно присущие человеку права и свободы. Однако с возникновением государства свобода человека потенциально оказывается под угрозой, поэтому власть государства должна быть ограничена рамками, которые не допускают нарушения естественных прав личности. Всякая

власть, с точки зрения Локка, должна действовать в рамках закона и быть им ограничена. По функциональному признаку власть следует разделять на законодательную, исполнительную и судебную. Философ считал необходимым разделение власти и для того, чтобы предотвратить опасность деспотизма. В иерархии разных ветвей власти Локк на первое место ставил законодательную власть, представляющую интересы всего общества.

Идея разделения властей была развита французским мыслителем Шарлем Луи Монтескье, а также получила отражение в работах И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, Т. Джефферсона и других политических мыслителей и философов XVIII — начала XIX вв.

С наступлением Нового времени в развитии политической мысли произошел качественный перелом. Начался процесс формирования политических идеологий, прежде всего либерализма и консерватизма (см. главу IV). Идеология либерализма оказала особое влияние на политическое развитие стран Западной Европы и Северной Америки в конце XVIII и XIX столетиях. Идеи либерализма стали одним из факторов модернизации политических систем этих стран, что, в свою очередь, создало предпосылки для начала нового этапа эволюции европейской и мировой политической мысли. К середине XIX в. назрела объективная необходимость перехода от разрозненных политических учений к единой и самостоятельной науке о политике.

§ 2. Становление современной политической науки

Политология как самостоятельная научная дисциплина насчитывает немногим более ста лет. Ее рождение было обусловлено возникновением практической потребности в интенсивном изучении политики, а также коренными переменами в характере общественного знания, происшедшими после появления социологии.

В середине XIX в. в политическом развитии ведущих стран Западной Европы и Северной Америки произошли серьезные сдвиги. Там сформировались политические системы современного типа, включавшие наряду с государством политические партии, разнообразные группы интересов и другие новые для того времени институты. Одновременно в этих странах окончательно утвердилась

парламентская демократия. Избирательный процесс приобрел регулярный и систематический характер. Сфера публичной политики радикально изменилась, а у ее субъектов сформировались запросы на такие политические знания, которые традиционным для философии или юридических наук путем получить невозможно. Необходимо было готовить кадры для обслуживания политического процесса, для работы в государственных и партийных структурах. Поэтому в ряде университетов возникли кафедры и институты политических наук.

В 1857 г. Ф. Либер основал в Колумбийском колледже (США) кафедру истории и политической науки. Сменивший Ф. Либера на его посту Дж. Бердженс создал в том же колледже, ставшие к тому времени университетом, школу политических наук. Произошло это событие в 1880 г. Во вновь созданной школе была налажена подготовка научных кадров, включавшая написание и защиту диссертационных работ. Примерно в то же время при Лондонском университете была основана школа экономики и политических наук, существующая до сегодняшнего дня. В 1871 г. во Франции Э. Бутли открыл Свободную школу политических наук.

Обычно учебно-научные центры возникают тогда, когда сама наука достигает определенной степени зрелости. С политологией же было несколько иначе. Процесс формирования первых научно-учебных подразделений обогнал процесс становления самой политической науки. Поэтому первые кафедры и школы лишь номинально можно назвать политологическими, в научном отношении они по-прежнему оставались на философской или юридической почве. Становлению собственно политологических исследований и политологического образования способствовало развитие социологической науки. Позитивистская социология поставила задачу приблизить общественные науки по уровню достоверности полученных знаний к наукам естественным. Уже это требовало широкого использования эмпирических исследований, точного фиксирования фактов и проведения систематических наблюдений. Социология дала политическим исследованиям новую для них методологию и обогатила категориальный аппарат формирующейся политологии.

Особенно ценными для последующего развития политической науки стали работы и идеи немецкого социолога М. Вебера, например его типология легитимного господства, концепции рациональной бюрократии и плебисцитарной демократии. Французская социология XIX в. в лице сначала О. Конта, а затем Э. Дюркгейма также

обогатила политическую науку новыми идеями, а труд А. де Токвиля «О демократии в Америке» до сих пор может считаться образцом умелого сочетания теоретических и эмпирических подходов и методов при изучении политических институтов общества. На рубеже XIX и XX вв. работы представителей итальянской социологической школы — Г. Моска, В. Парето и Р. Михельса положили начало научному анализу роли политических элит в общественном развитии. Это стало крупным вкладом в развитие социологии, но еще в большей степени — политологии.

К началу XX в. институционализация политической науки в основных странах Запада завершилась. Появились первые периодические издания по проблемам политологии. С 1896 г. в США начал выходить «Ежеквартальник политической науки», в 1903 г. — журнал «Анналы американской академии политических и социальных наук», а в 1906 г. — «Обозрение американской политической науки». В 1903 г. была основана Американская ассоциация политических наук, первая среди подобных национальных ассоциаций. Несмотря на столь бурное развитие политологии в Соединенных Штатах Америки, следует помнить, что ее теоретические корни имели сугубо европейский характер. В конце XIX — начале XX в. американские политологи на американской почве использовали идеи европейских ученых. После первой мировой войны ситуация коренным образом изменилась.

Первая мировая война дезорганизовала внутреннюю экономическую и политическую жизнь многих западноевропейских стран. Военное время было не лучшим периодом для развития наук, тем более социально-гуманитарного профиля. Но и окончание войны не означало для многих государств Европы наступления стабильности. Едва последствия войны стали преодолеваются, начался мировой экономический кризис. Он стал причиной серьезных политических сдвигов в странах Европы. Если непосредственно в послевоенные годы в них развернулись процессы демократизации, то затем вектор политического развития повернулся в обратную сторону. В ряде европейских стран установились авторитарные и тоталитарные политические режимы, количество демократических государств резко сократилось. Во второй половине 30-х гг. XX в. к демократическим можно было отнести лишь североевропейские страны, Великобританию, Францию, а в Восточной Европе — Чехословакию.

Любая диктатура несовместима со свободой научного творчества, особенно в области гуманитарных наук, тем более в поли-

тологии. Развитие политической науки в Европе затормозилось, в некоторых странах оно и вовсе было остановлено. Достаточно вспомнить, что фашизм одержал победу в Германии и Италии, которые в начале XX в. занимали лидирующее положение в сфере социально-политических исследований. В 30-е гг. XX в., накануне Второй мировой войны, происходила массовая миграция ученых разного профиля из европейских стран в США, среди этих эмигрантов обществоведы, в том числе политологи, составляли немалую часть. Благодаря этим обстоятельствам в межвоенный период центр мировой политической науки переместился на североамериканский континент. А в США для развития политологии сохранились благоприятные условия.

Политологические центры были созданы практически во всех ведущих американских университетах. Поскольку в условиях бесконечных избирательных кампаний повысился спрос на их научное и методологическое обеспечение, американские политологи активно занимались прикладными, эмпирическими исследованиями. Ведущую роль в американской политической науке межвоенного периода играли ученые Чикагской школы — Ч. Мерриам, Г. Лассуэлл, Г. Госнелл. По мнению одного из наиболее известных современных американских политологов Г. Алмонда, заслуга представителей Чикагской школы состояла в том, что они на примере конкретных эмпирических исследований обосновали вывод о необходимости использования в политологии междисциплинарного подхода, количественных методов, повышения организационного уровня научной работы.

Начало Второй мировой войны и вступление в нее США обусловили повышение роли американской политологии в подготовке и принятии важнейших политических решений как по внутренним, так и по международным проблемам. В военное время появилась необходимость в постоянной политологической экспертизе, что, в свою очередь, стало причиной бурного развития сети академических центров и институтов политологического профиля в послевоенные десятилетия.

По окончании второй мировой войны созданная в рамках системы ООН специализированная организация по вопросам культуры и образования ЮНЕСКО провела ряд мероприятий по конституированию политологии в качестве общепризнанной научной дисциплины. С этой целью в 1948 г. в Париже состоялся международный политологический коллоквиум, на котором были определены

содержание и структура политической науки. Год спустя под эгидой ЮНЕСКО создается Международная ассоциация политических наук. Ежегодные конференции этой ассоциации способствовали дальнейшему развитию политологии.

В силу вышеперечисленных причин тон в мировой политической науке задавали американские ученые. Они составляли (и составляют сегодня) большинство политологов всего мира. Теперь уже не в Европе, а в США возникают новые идеи и направления, которые затем получают известность у политологов других стран. Особенно сильно американское влияние в области политических наук проявилось в конце 40–50-х гг. XX в. Американским ученым принадлежат заслуги в разработке структурно-функционального и системного анализа политических явлений, изучении политической культуры, формировании сравнительной политологии. Работы таких американских политологов, как Г. Алмонд, С. Верба, Д. Истон, С. Липсет, Г. Моргентгау, С. Хантингтон и многих других, приобрели всемирную известность. До сих пор в США выходит больше всего научных работ по проблемам политологии, издается наибольшее количество политологических журналов.

Постепенно активизировались и европейские научные исследования в области политологии. Самобытная политологическая школа складывается во Франции. После окончания Второй мировой войны здесь создаются новые политологические центры и структуры — Национальная административная школа, Институт политических исследований при Парижском университете, Национальный фонд политических наук, а также Французская ассоциация политических наук. С 1951 г. выходит «Французский журнал политической науки». В 1956 г. была утверждена ученая степень доктора политических наук. Во всех университетах Франции по распоряжению правительства был введен новый учебный курс «Конституционное право и политические институты», призванный знакомить студентов с основами как правовых, так и политологических знаний. Заметный вклад в развитие политических наук в послевоенные десятилетия внесли такие французские ученые, как Р. Арон, М. Дюверже, Б. де Жувенель, Ж. Бурдо, Ж. Ведель, М. Прело, П. Фавр.

В 1950 г. по инициативе известных политологов Г. Ласки, Д. Бронгэна, И. Уильсона, М. Оукшта в Великобритании была создана Ассоциация политических исследований Соединенного Королевства, ставшая центром политологических исследований в этой стране.

Сегодня изучение политических явлений и процессов, подготовка политологов ведется почти в сорока английских университетах.

После поражения фашизма началось возрождение политической науки в Федеративной Республике Германии. Ученые ФРГ стали заниматься вопросами теории политики, истории политических учений, политической антропологии, теории и практики международных отношений. В 90-е гг. XX в. труды таких немецких политологов, как К. Блайме, Г. Любе, Г. Майер, Г. Рормозер, стали известны и в нашей стране.

Процессы интеграции на европейском континенте отразились и на развитии политической науки. Политологи, работающие в разных государствах Европы, проявляют все больший интерес к научной деятельности коллег, стремятся объединить свои усилия в таких отраслях научного знания, как политическая теория, история политических учений, методология политических исследований, изучение политических систем отдельных стран, сравнительная политология и международные отношения. Европейские политологи занимаются исследованиями не только в национальных ассоциациях, но и в Международной ассоциации политических наук, а также создают региональные профессиональные объединения. Среди них — Европейская ассоциация преподавателей политологии, Европейский консорциум политических исследований, Европейская ассоциация политической науки. В рамках Болонского процесса происходит сближение образовательных программ по подготовке политологов в разных странах европейского континента.

С 50-х гг. XX в. политическая наука начинает развиваться и за пределами Северной Америки и Западной Европы. Особенно высока научная активность политологов в таких странах, как Индия, Южная Корея, Тайвань, во многих государствах Латинской Америки. После крушения тоталитарных и авторитарных режимов возможности для развития политологии появились в республиках бывшего СССР и странах Восточной Европы. В условиях экономических реформ, неизбежно затрагивающих и другие сферы общественной жизни, происходит активизация политических исследований в Китайской Народной Республике. Китайские политологи большое внимание уделяют исследованиям международной политики, опыта политического развития зарубежных стран.

Поскольку на рубеже XX и XXI вв. несколько десятков государств мира одновременно решали проблемы строительства стабильных демократических систем, резко возрос интерес к такой

политологической субдисциплине, как *транзитология*, изучающей закономерности перехода от тоталитаризма и авторитаризма к демократии (см. главу XVII). Научные исследования в этой области получили широкое распространение во многих странах мира, включая и Россию. В нашей стране проведение таких исследований совпало с процессом становления самой политологии как самостоятельной научной дисциплины. Отечественная политическая наука, с одной стороны, формировалась на базе мировой политологии, с другой стороны, продолжала традиции русской дореволюционной политической мысли.

В истории политической мысли Россия XIX в. занимает особое место. В этот период усилились связи русской общественности с внешним миром. Русские мыслители не только заимствовали те или иные политические идеи на Западе, но и сами вносили немалый вклад в разработку принципиальных положений либерализма, консерватизма, социализма и других течений политической мысли. Например, среди «отцов-основателей» анархизма двое — М. А. Бакунин и П. А. Кропоткин — были русскими мыслителями. Г. В. Плеханов, Л. Д. Троцкий, В. И. Ленин внесли немалый вклад в развитие марксизма. Популярность же радикальных взглядов в России была обусловлена отсутствием назревших социально-экономических и социально-политических реформ. О необходимости таких реформ говорили не только революционеры-радикалы, но и многие мыслители либерального направления. Либерализм оказал глубокое воздействие на русскую социально-политическую мысль и на настроения образованных слоев российского общества. Освободившись от влияния радикальных идей, некоторые русские обществоведы не только пытались трезво взглянуть на российскую действительность, но и предлагали планы ее преобразования.

Профессор юридического факультета Московского университета Б. Н. Чичерин активно разрабатывал теоретические проблемы взаимосвязи гражданского общества и правового государства. Ученый предлагал продуманный проект социально-политических изменений в России, направленных на торжество права и принципов представительной власти. Б. Н. Чичерин стал автором фундаментальной пятитомной «Истории политических учений», одного из первых полного и систематического изложения на русском языке истории развития мировой политической мысли.

Не менее важными в теоретическом и практическом отношении были работы М. М. Ковалевского, Н. И. Кареева, К. Д. Кавелина.

На рубеже XIX–XX вв. в России сложились традиции изучения политики в рамках юриспруденции и философии. Труды П. И. Новгородцева, С. Л. Франка, Б. А. Кистяковского, В. П. Вышеславцева, Л. И. Петражицкого и многих других философов и правоведов не уступали глубиной содержания аналогичным работам западноевропейских авторов.

Так же, как и в Западной Европе, в России сложились предпосылки перехода от разрозненных исследований политических явлений к их анализу в рамках самостоятельной политической науки. Однако этого не произошло из-за отсутствия такой предпосылки становления политологии, как политическая система демократического типа. Самодержавие долго противилось любым формам политической активности в обществе. Даже шаги по превращению самодержавной монархии в конституционную с провозглашением основных гражданских и политических свобод, сделанные из-за страха перед революционным движением 1905 г., власти рассматривали как временные. Подлинной демократизации политической системы России вплоть до 1917 г. так и не произошло, следовательно, отсутствовала возможность существования автономной от власти политической науки. Если даже на социологию царские чиновники смотрели с подозрением, не допуская ее преподавания в государственных учебных заведениях, то самостоятельная наука о политике тем более не могла получить официального признания.

Тем не менее русские ученые участвовали в процессе становления политической науки. В 1898 г. наш соотечественник М. Я. Острогорский опубликовал на французском языке в Париже двухтомный труд под названием «Демократия и политические партии». Это было наиболее фундаментальное для того времени исследование процессов развития политических партий в странах Запада. М. Я. Острогорский первым предпринял попытку анализа роли партийной бюрократии, опередив в этом вопросе таких известных ученых, как М. Вебер и Р. Михельс. Но в России труд М. Острогорского увидел свет только в 20-х гг. XX в., после чего был предан забвению. Между тем на Западе М. Острогорского причисляли к классикам политической социологии и политологии.

После революции очень большое число представителей русской гуманитарной интеллигенции оказались за границей. Находясь в эмиграции, многие продолжали свои научные занятия и в прямой или косвенной форме оказали воздействие на развитие западной политологии. Например, П. А. Сорокин стал одной из наиболее значи-

тельных фигур в социологической мысли XX в. Идеи и концепции П. Б. Струве, Н. А. Бердяева, И. А. Ильина активно использовались политологами Европы и Америки при изучении природы тоталитаризма, исследовании политической истории России и СССР.

После Октябрьской революции 1917 г. развитие нашей страны пошло особым путем. Ранее самодержавие, при своем антидемократизме, все же допускало возможность широких контактов с зарубежным миром. Россия тогда находилась в общем духовном и культурном пространстве Европы. Но с утверждением коммунистического режима Советская Россия и Советский Союз отгородились от остального мира «железным занавесом». Старая гуманитарная интеллигенция эмигрировала или была насильственно выслана за рубеж либо стала жертвой последующих политических «чисток». Все несовпадающие с точкой зрения правящей большевистской партии воззрения оказались под запретом, а их носители были репрессированы. Философия и экономическая наука лишились иной теоретико-методологической основы, кроме марксизма, а социология и вовсе не вписалась в его структуру. Политология, которая не сумела конституироваться и институционализироваться в дореволюционной России, тем более не могла сделать этого при советской власти. Изоляция советского общества от внешнего мира пришлось на период наиболее интенсивного развития политической науки в зарубежных странах. После смерти И. Сталина ситуация стала постепенно меняться. Появилась возможность проведения научных дискуссий не только в естественных, но и, в определенных рамках, в общественных науках. Развивались контакты с зарубежными странами, налаживался научный обмен. В 1962 г. было объявлено о создании Советской ассоциации политических и государствоведческих наук, которая была принята в состав Международной ассоциации политических наук. Правда, в ней преобладали юристы, поскольку двойное название это допускало. Такое положение отражало реальную структуру советского обществоведения, в котором проблемы государства и других политических институтов почти полностью были отнесены в сферу исследований юридических наук. В целом структура советского обществоведения укладывалась в схему марксизма, сложившуюся в середине XX в., когда ни социологии, ни политологии в качестве самостоятельных научных дисциплин в СССР не существовало.

Советское государство придавало большое значение процессу политической социализации и такому ее элементу, как политиче-

ское образование. Это образование включало несколько ступеней. Высшая ступень — изучение общественных наук в высшем учебном заведении. Правда, собственно политическую проблематику разделили между философией, историей КПСС и научным коммунизмом. Последний был объявлен «социально-политической теорией марксизма-ленинизма» и претендовал на роль как политологии, так и социологии. Сложившуюся структуру учебных обществедческих дисциплин в 60-е гг. XX в. попыталась изменить группа руководителей Советской ассоциации политических наук во главе с Ф. М. Бурлацким. Они добивались официального признания «марксистско-ленинской политической науки» и введения ее в программу советских вузов. Но эта попытка закончилась безрезультатно.

Все же возросшая внешнеполитическая активность СССР требовала научного анализа политических процессов во многих странах и регионах мира. Этим занимались институты системы Академии наук, выполнявшие, по сути, те же функции, что и политологические центры в западных странах. В условиях разрядки международной напряженности контакты советских ученых с зарубежными коллегами сохранялись и расширялись и в области общественных наук. Например, в 1979 г. в Москве состоялся конгресс Международной ассоциации политических наук. В 60–80-е гг. XX в. изоляция советской научной общественности от зарубежной политологии была несколько ослаблена, но знакомство с ее идеями и теоретическими концепциями оставалось уделом узкого круга специалистов.

Становление российской политологии началось в годы перестройки. С одной стороны, гласность разрушила господствовавшие мифы и догмы, на которых базировалась официальная идеология. С другой стороны, возродилась публичная политика, началось становление гражданского общества. Все это породило кризис советской системы обществоведения и одновременно вызвало у субъектов политики интерес к овладению теоретическими знаниями, необходимыми для полноценного участия в политическом процессе. В конце 80-х гг. XX в. в СССР формируется мощный общественный запрос на политологию. Сам этот термин становится весьма популярным, многие начинают именовать себя политологами.

Первая кафедра политологии в России и во всем СССР была открыта на философском факультете Ленинградского государственного университета летом 1989 г. В 1990 г. в ходе перестройки гуманитарного образования в вузах был введен курс политологии. После

этого количество кафедр политологии резко возросло. Правда, на первых порах еще не был создан соответствующий теоретический и методологический фундамент и курсами политологии были названы прежние обществоведческие учебные курсы.

Окончательно препятствия для развития политологии были устранены в 1991 г. Были введены ученые степени кандидата и доктора политических наук и определена номенклатура специальностей для защиты диссертаций на соискание этих степеней. В ряде российских университетов началась подготовка профессиональных политологов. Произошли перемены в системе политологических центров Академии наук. На основе Института международного рабочего движения был создан Институт сравнительной политологии. Потребности изучения политического процесса обусловили развитие прикладной политологии. Возникли центры, осуществляющие политическое консультирование и организацию избирательных кампаний.

Несмотря на экономические трудности, в России издается научная и учебная литература по политологии, выходят периодические издания политологического профиля, среди них журналы «Политические исследования», «Социально-политический журнал», «Мировая экономика и международные отношения», «Международная жизнь», «Свободная мысль», «Россия в глобальной политике», «Международные процессы», «Полития», «Политическая экспертиза», «Вестники» Московского и Санкт-Петербургского университетов. Статьи политологической тематики печатаются и в других научных гуманитарных журналах. На базе прежней Советской ассоциации политических наук создана Российская ассоциация политической науки (РАПН). В феврале 1998 г. под эгидой РАПН в Москве прошел Первый российский политологический конгресс. Недавно, в 2009 г., состоялся очередной, Пятый российский политологический конгресс. Наряду с РАПН была создана Академия политической науки, объединившая политологов, работающих в высших учебных заведениях, академических институтах, органах государственной власти и управления.

В конце XX — начале XXI вв. продолжалось развитие политологического образования в Российской Федерации. Подготовкой политологов сегодня занимаются десятки российских университетов. Важным шагом в повышении статуса политологического образования стало открытие факультетов политологии в двух главных университетах России — Московском и Санкт-Петербургском.

Первый этап становления и институализации российской политологии завершился, но перед ней стоит еще немало требующих решения задач.

§ 3. Политология в структуре социально-гуманитарного знания

Термин *«политические науки»* появился в средневековых европейских университетах и обозначал комплекс знаний о политике. Множественное число самого термина *«политические науки»* подчеркивало неопределенность ситуации, когда, с одной стороны, имелось огромное желание получить достоверные сведения о природе политических явлений и процессов, но, с другой стороны, объем и качество этих сведений не позволяли составить четкую и однозначную картину мира политики. В единственном числе термин *«политическая наука»* существует сравнительно недавно. Его эквивалентом в русском, а также в некоторых других языках является получивший широкое распространение в последние десятилетия термин *«политология»*. Созданный по аналогии с такими терминами, как *«геология»*, *«биология»*, *«социология»*, термин *«политология»* свидетельствует о том, что уровень представлений о политике сравним с уровнем научных знаний о других сферах общественного и природного бытия.

Наряду с термином *«политология»* (*«политическая наука»*) по-прежнему в ходу и термин *«политические науки»*, который свидетельствует о существовании не одной, а нескольких научных дисциплин, ориентированных на изучение политики. Это явление настолько сложно и многогранно, что привлекает к себе внимание различных наук. Об их соотношении с политологией речь впереди. Но и вышесказанное позволяет констатировать, что политология не обладает абсолютной монополией на объект своего изучения. А то, что именно политика является таким объектом, вытекает из самого термина *«политология»*.

Предмет политологии — вся политическая сфера, а не какие-либо ее части или участки. Это отличает политологию от частных политических наук — политической социологии, политической психологии, политической антропологии. В центре внимания политологии находятся все элементы и уровни политики. Она изучает и политические отношения, и политическое сознание, и политические нормы, и по-

литические институты, рассматривает политику как в статике, так и в динамике. В фокусе интересов политологии находятся политические процессы на глобальном, региональном и локальном уровнях. Предметом изучения политологии являются макро-, микро- и мегаполитика, деятельность всех без исключения политических субъектов — наднациональных политических институтов, национальных государств, политических партий и движений, групп интересов, политических элит и политических лидеров. Специфика собственно политологического знания состоит в выяснении природы власти в обществе, изучении технологии ее осуществления и распределения.

На основании всего вышеперечисленного можно дать следующее определение политологии: *это наука об общих закономерностях политической жизни общества, об устройстве, распределении и осуществлении политической власти, о формах и методах деятельности основных субъектов политики.*

Политология призвана выполнять в обществе ряд важных функций. Выполняя *теоретико-познавательную* функцию, она вырабатывает фундаментальное знание о природе политических явлений, необходимое для рационализации деятельности основных институтов власти и управления, отдельных субъектов политического процесса. *Прогностическая* функция позволяет политологии разрабатывать желательные и возможные сценарии развития политических событий, учитывающие действия различных экономических, социальных, социокультурных, внешних и внутренних факторов. *Диагностическая* функция дает политологии возможность определять соответствие политических программ и лозунгов существующим общественным условиям. Функция *политической социализации* вытекает из того, что политология призвана формировать демократическую политическую культуру, гражданские ориентации, способствующие интеграции индивидов на основе общепринятых норм и стандартов политического поведения. *Регулятивная* функция определяет способность политологии воздействовать на функционирование политических институтов и оказывать влияние на политическое поведение. Политология выполняет *методологическую* функцию по отношению к другим общественным наукам, исследующим политическую сферу.

В период формирования политологии среди ученых не было единства мнений относительно ее содержания. Юристы полагали, что политология должна изучать государство и его институты, философы отождествляли политическую науку с социальной

философией. В 1948 г. под эгидой ЮНЕСКО в Париже прошел первый научный коллоквиум, посвященный проблемам политологии, на котором была определена структура политической науки. Она включала: политическую теорию (теорию политики и историю политических идей); теорию политических институтов; раздел, изучающий деятельность партий, групп, общественное мнение; теорию международных отношений (исследование международной политики, организаций, международного права). Каждый из вышеназванных разделов политологии относительно самостоятелен в рамках единой политической науки.

В процессе развития политической науки ее структура менялась. С середины 50-х гг. XX в. шло интенсивное становление нового раздела — сравнительной политологии. Появление сравнительной политологии связано с обретением независимости многими государствами Азии и Африки, которые становились самостоятельными и все более активными субъектами мировой политики. Сравнительный подход заставил его приверженцев отказаться от господствовавшего в западной политической науке в первой половине XX в. европоцентристского взгляда на политику. Выяснилось, что прежние представления о политических системах не соответствуют новым реалиям. Поэтому одной из центральных проблем сравнительной политологии стала проблема политической модернизации, ее общих закономерностей и специфики их проявления в отдельных странах. В последние годы обнаружилось новые явления общественного развития, усилился научный интерес к политологическому анализу этих явлений, возникли новые разделы политической науки, например *этнополитология* (изучение межнациональных отношений), *экополитология* и *глобалистика* (изучение глобальных проблем современности).

Политологическое знание подразделяют на *теоретическое* и *эмпирическое*. Теоретическая политология обобщает накопленный фактический материал и на его основе определяет и анализирует тенденции и закономерности политического развития. Эмпирические политологические исследования накапливают такой материал на основе непосредственного наблюдения, эксперимента, опроса участников политических событий, анализа документов и данных статистики, производят его первичную обработку. Но не следует противопоставлять эмпирическое и теоретическое в политологическом исследовании, это две стороны целостного исследования политического мира, взаимодействующие между собой и дополняющие друг друга.

Политологическое знание подразделяется также на *фундаментальное* и *прикладное*. Цели и задачи первого — построение и развитие теории и методологии самой политологии, а цели и задачи второго — исследование и решение вопросов преобразования политической жизни, выработка практических рекомендаций, например, по урегулированию политических конфликтов, по организации избирательных кампаний, по формированию общественного мнения и использованию средств массовой информации. Прикладной характер могут иметь как эмпирические, так и теоретические политологические исследования.

Как и всякая наука, политология выработала собственный категориальный аппарат. Категории политологии отражают существенные черты и свойства, стороны и структурные элементы политической реальности как объекта политологии, а законы отражают глубинные и необходимые связи и отношения между ними. Наиболее общими категориями политологии являются категории *политика* и *политическое*. Они конкретизируются рядом других категорий, отражающих своеобразие их проявлений в различных условиях места и времени, на разных уровнях. Производными от категории «политика» выступают категории *мировая политика*, *внутренняя политика*, *внешняя политика*, *экономическая политика*, *социальная политика*, *демографическая политика*, *национальная политика* и т. д. Более частными по отношению к категориям «политика» и «политическое» выступают категории *политическая власть*, *политическая система*, *политическая структура*, *политические нормы*, *политическое сознание*, *политические отношения*, *политическая культура*, *политический конфликт*, *политические партии* и другие.

Политология использует и категории смежных наук. Среди категорий политологии есть такие, которые находятся на стыке разных наук, например категория «политическая культура» является одновременно категориями политологии и культурологии, «государство» — категориями политологии, социальной философии, социологии, правоведения, категории «цивилизация», «гражданское общество», «революция» являются одновременно категориями социальной философии, политологии и социологии. Однако каждая из вышеперечисленных категорий используется этими науками в соответствии с их предметом и методом. В существовании общих категорий двух или нескольких наук выражается взаимосвязь и взаимодействие смежных общественных наук.

Политология является одной из многих социально-гуманитарных дисциплин, изучающих общество во всем многообразии его связей, институтов и отношений. Так как политика тесно переплетается с другими сферами жизни общества, политическая наука взаимодействует и взаимосвязана с другими общественными науками. В одном случае это взаимодействие может быть не столь тесным, поскольку объекты научного исследования не глубоко пересекаются между собой, например политология и экономические науки. В другом случае такое взаимодействие более интенсивно, поскольку объекты исследования частично совпадают, например, политология и юридические науки параллельно изучают институты и механизмы государственной власти, но на основе различных методологических подходов.

Когда взаимодействие политологии с другими социально-гуманитарными науками многообразно и глубоко, на их стыках возникают пограничные научные дисциплины. Так же как политология, эти дисциплины рассматривают политику, политические явления как объект своего теоретического анализа, при этом каждая из них опирается на методологический фундамент какой-либо общественной науки — философии, социологии, психологии и т. д. Основными пограничными с политологией научными дисциплинами являются, таким образом, *политическая философия, политическая социология, политическая антропология, политическая история, политическая психология, политическая география*. Эти дисциплины вместе с политологией могут быть объединены общим названием «политические науки», но, в отличие от политологии, ни одна из них не имеет полностью независимого статуса.

Философия — самая древняя и одновременно наиболее общая наука не только об обществе, но и о природе, о мире и человеке в этом мире. Знания о политике, политических феноменах начали формироваться в лоне философии и долго в этом лоне пребывали. Не случайно история философии и история политических учений совпадают на персональном уровне вплоть до начала XIX в. Даже после завершения процесса становления политологии как самостоятельной науки традиционный философский взгляд на политику сохраняется. Этот взгляд присущ политической философии, которую некоторые авторы ошибочно отождествляют с общей теорией политики. На самом деле политическая философия изучает политику, политическую реальность не как таковые (это ракурс политологии), а как составные части, элементы проявления мира в целом и их

взаимоотношение с экономической, социальной и духовной реальностями. Предметом политической философии являются не законы функционирования политической жизни общества, а особенности проявления и действия более общих, философских законов в сфере политического. В политической философии находит выражение общемировоззренческий подход и уровень изучения политики и политического.

Связь между социологией и политологией существует с момента их зарождения. Хотя термин «политическая наука» гораздо старше термина «социология», своим нынешним обликом политология в значительной мере обязана появлению социологического подхода к исследованию общественной жизни. *Социология*, так же как и философия, выполняет по отношению к политологии методологическую функцию, обусловленную ее ролью науки, изучающей общество как целое. При этом вопрос о месте и роли *политической социологии* остается до сих пор дискуссионным. Некоторые авторы, среди них, например, известный французский ученый М. Дюверже, склонны полностью отождествлять политологию и политическую социологию. Такой взгляд вряд ли правомерен, но нельзя не признать, что политическая социология, оставаясь частью социологической науки, тесно и непосредственно связана с политической наукой. В центре внимания политической социологии находятся проблемы взаимосвязи политического и социального, особенно социальной обусловленности политической власти, отражения в ней интересов различных социальных групп, политических отношений в связи с социальным статусом, ролью и сознанием личности и социальных групп, влияния социальных конфликтов на политическую жизнь и пути достижения политического согласия.

Тесная связь между политологией и политической социологией обусловлена тем, что личности, социальные группы, социальные общности, институты и организации являются важнейшими субъектами и объектами политики, а также тем, что политическая деятельность представляет собой одну из основных форм деятельности людей и их объединений, а политика как социальное явление влияет на другие сферы жизни общества — экономическую, социальную и духовную — и во многом определяет жизнь общества в целом. Однако при всей их близости между политической социологией и политологией есть реальные различия. Яснее всего они видны сквозь призму исследования гражданского общества. Если социология изучает проблемы гражданского общества в аспекте социальной

реальности, то политология — в аспекте политической реальности. Можно сказать, что социология идет от общества к государству, политической власти, а политология — от государства, политической власти к обществу.

Весьма тесные связи у политологии с исторической наукой. Английский историк А. Фримэн говорил: «История — это прошлая политика, а политика — это сегодняшняя история». Взаимодействие *истории* и политологии привело к формированию относительно самостоятельной науки *политической истории*, которая изучает развитие политических теорий, политических институтов и политических событий в их хронологической последовательности.

Политическая антропология исследует зависимость политики от биологических, интеллектуальных, социальных, культурных, религиозных и иных родовых качеств человека, а также обратное воздействие политической среды на личность. В центре внимания политической антропологии находятся проблемы генезиса политики, власти и политических институтов в примитивных обществах с родоплеменным строем.

Политическая психология изучает субъективные механизмы политического поведения, влияние на него сознания и подсознания, эмоций и воли человека, его убеждений, ценностных ориентаций и установок. Политико-психологические исследования широко применяются при анализе электорального поведения, политического лидерства, политического конфликта и сотрудничества, процессов политической социализации.

Политическая география рассматривает взаимосвязь политических институтов и процессов с пространственными и иными географическими факторами. В результате взаимодействия политической географии с политологией сформировалась *геополитика*, которая является одним из направлений исследования международных отношений.

§ 4. Методологические проблемы политологии

В процессе развития политической мысли выработалось несколько концептуальных подходов к изучению политики и политических явлений. Некоторые из этих подходов устарели, хотя до сих пор

востребованы их элементы. Другие остаются актуальными и для современной политологической науки.

Исторически первым был *нормативно-ценностный подход*, сложившийся в русле политико-философской мысли еще в глубокой древности. Суть его в том, что тот или иной философ на основе своих умозаключений обосновывал проект лучшего политического устройства общества. Затем этот проект предлагался в качестве нормативного образца, к которому люди должны были стремиться. Примеры таких проектов — «идеальное государство» Платона или «полития» Аристотеля. В Новое время на основе нормативно-ценностного подхода были выработаны основополагающие принципы таких современных политических идеологий, как либерализм, консерватизм и социализм.

Но уже в XIX в. нормативно-ценностный подход подвергался критике. С одной стороны, мыслители сформулировали ряд идей, которые отражали постепенное движение западного общества к демократии, к гуманистической организации власти и ее отношений с обществом. С другой стороны, рождались и идеи, которые увлекали людей, но, как оказывалось впоследствии, отбрасывали общество на конфронтационные позиции. В русле нормативно-ценностного подхода предлагались различного рода утопии, ведущие к романтическим, но опасным проектам. Главный недостаток нормативно-ценностного подхода в политологии состоит в оценке действительности с позиций идеала. Но насколько реален такой идеал? Его оторванность от жизни и конкретных эмпирических знаний вызывала скептическое отношение.

На смену нормативно-ценностному в XIX в. пришел заимствованный из социологии *позитивистский подход* к политическим явлениям, в соответствии с которым внимание исследователей акцентировалось на реальности, конкретных процессах, а не только общих принципах. Основателем позитивистского подхода был О. Конт. Он предложил очертить границы научного знания об обществе фиксированием точных связей между конкретными явлениями, действиями, функциями, институтами. Позитивизм основывается на ориентации не на то или иное видение общества, а на то или иное исследование его. С точки зрения позитивизма задача любой науки, в том числе и политологии, — получение достоверного знания.

В XX в. позитивизм эволюционировал в *неопозитивизм*. Основной принцип неопозитивизма — *сциентизм*, который означает господство в научном исследовании профессионального, точного

знания, отделенного от идеологии и каких-либо политических влияний. Сторонники сциентистского подхода убеждены, что и на основе политологического знания можно давать точные и конкретные прогнозы развития политических событий. Под влиянием развития математики, кибернетики и информационных технологий среди политологов, особенно американских, распространяется убеждение в возможности точных измерений, полного обоснования и прогнозирования функционирования общества и составляющих его групп. Политологию с точки зрения сциентизма можно превратить в науку, которая не уступала бы физике и кибернетике по широте экспериментов, применимости математических методов и лабораторных исследований.

Еще одним принципом неопозитивизма является принцип *верификации*, в соответствии с которым научную ценность могут представлять только эмпирически достоверные факты, проверяемые наблюдением, анкетированием, интервьюированием, изучением документов. Важную роль играет социальная и политическая статистика. Компьютер, используемый для обработки информации, превращается в средство получения знаний. Однако разработке математических моделей мешает субъективность, то есть присутствие в политических отношениях живых людей с их мотивацией, волей, позициями, представлениями, которые не укладываются в рационально-логические формулы.

В 20-х гг. XX в. в американской политической науке появляется, а затем становится ведущим заимствованный из психологии *бихевиористский* подход, который сводил задачи исследования к изучению непосредственно наблюдаемого поведения. Бихевиористское направление сформировалось как альтернатива детерминизму, общим теориям в политике. Распространению этого подхода способствовало стремление получить результаты, имеющие четкое практическое значение. В центре внимания бихевиористов — политическое действие. Политический процесс виделся им как взаимодействие и соперничество групп, заинтересованных в обладании ресурсами власти. Задача политолога с точки зрения бихевиористского подхода заключалась не только в том, чтобы дать точное описание причин и целей поведения, но и в том, чтобы предложить ориентиры в практической политике. Главное внимание уделялось конкретным мотивациям, побудившим индивида к определенному поведению и решению. Бихевиористский подход открыл возможности для анализа причин расхождения между устойчивыми политическими

принципами и принимаемыми конкретными решениями, заставил увидеть многофакторность мотивации и зависимость действий индивида от его непосредственного окружения. В американской политической науке в русле бихевиоризма исследовались проблемы принятия политических решений, обосновывалась их типология, анализировались уровни и объяснительные модели, интересы и предпочтения лиц, принимающих решения, проводилась экспертиза и давался политический прогноз.

В начале 70-х гг. XX в. возникает *постбихевиоризм*, представители которого пытаются преодолеть ограниченность бихевиористского подхода. Главная задача политологического исследования с точки зрения постбихевиоризма заключалась не только в описании, но и в анализе и истолковании политических процессов исходя из господствующих в обществе ценностей.

Современная политология использует широкий набор методов теоретического и эмпирического анализа политической действительности. Прежде всего, это *общелогические* методы всех научных дисциплин, методологические подходы, общие для политологии и для всех социально-гуманитарных дисциплин. К их числу относится, например, метод *структурно-функционального анализа*. Он предполагает изучение политики как некоторой целостности, системы, обладающей сложной структурой, каждый элемент которой имеет определенное назначение и выполняет специфические функции, направленные на удовлетворение соответствующих потребностей и ожиданий. Структурно-функциональный метод широко используется многими политологами.

Близка к структурно-функциональному анализу методология *системного* подхода. Суть этого метода состоит в рассмотрении политики как целостного, сложного феномена, саморегулирующегося и находящегося в непрерывном взаимодействии с окружающей средой (см. главы VIII и XIX).

При изучении политических систем ученые используют также и *институциональный* метод. Суть институционального метода заключается в наблюдении, описании и анализе политических структур, их свойств и взаимосвязей. Этот метод предполагает оценку институтов на основе национального и мирового опыта. Институциональный подход доминирует в политико-правовых науках при изучении политической системы и ее подсистем — государственных структур, партий и органов, обеспечивающих реализацию прав человека.

Политические институты всегда национальны и несут отпечаток национальной самобытности. Но политические отношения имеют общую логику функционирования. Сближение культур, развитие общих интересов и идеалов дают основание сопоставлять политические процессы, институты разных стран, относящиеся к разным историческим периодам. На основе использования *сравнительного* метода развивается целое направление — сравнительная политология.

В области прикладной политологии чаще всего применяют *методы эмпирических исследований*. К ним относятся: использование статистики, прежде всего электоральной, анализ документов, анкетный опрос, наблюдение, осуществляемое исследователем, являющимся непосредственным участником реальных политических событий, или наблюдение поведения людей, находящихся в условиях экспериментальной ситуации.

Контрольные вопросы и задания

1. Какие идеи и высказывания политических мыслителей прошлого (Конфуций, Аристотель, Платон) не утратили своего значения и сегодня?
2. Чем похожи и чем различаются теории общественного договора Т. Гоббса и Дж. Локка?
3. В чем принципиальное отличие политологии от политических учений прошлого?
4. Назовите основные предпосылки возникновения политической науки.
5. Охарактеризуйте особенности становления и развития политической науки в разных странах.
6. В чем специфика становления и развития политологии в России?
7. С какими науками наиболее тесно связана политология?
8. Что такое «пограничная политологическая дисциплина»?
9. Для чего необходимо изучать политологию?
10. Дайте характеристику основных методологических подходов, используемых в политологических исследованиях.

ГЛАВА II

Политика и общество

---

§ 1. Природа политики

Слово «*политика*» имеет несколько значений. Этим термином обозначают любую деятельность, направленную на достижение какой-либо заранее поставленной цели. Например, *экономическая политика* — это деятельность государственных органов для достижения определенных экономических результатов. *Кадровая политика* представляет собой деятельность любой руководящей инстанции по подбору и расстановке кадров в соответствии с определенными целями и задачами организации. Однако ни экономическая, ни кадровая политика не тождественна тому явлению, которое привычно связывается с борьбой за власть партий, лидеров, функционированием государственных структур, взаимоотношениями государств. Не существует однозначного и общепринятого определения политики, раскрывающего все сущностные черты и характеристики данного явления. Можно назвать несколько концептуальных подходов к определению содержания категории «политика» и на их основе дать ее обобщенную и систематизированную дефиницию.

В нашей стране долгое время господствовал марксистский подход к пониманию политики. В соответствии с известным высказыванием В. Ленина, политику трактовали как «концентрированное выражение экономики». При такой точке зрения политика как специфическая область общественной жизни утрачивает самостоятельность, а политическая деятельность подчиняется лишь

объективным экономическим законам, не зависящим от непосредственных участников политического процесса. С марксистской традицией связано и понимание политики как соперничества и борьбы классов и наций. Подобную трактовку можно назвать стратификационной. Она характерна и для теории заинтересованных групп, понимающей политику как соперничество разнообразных групп интересов (бизнес, профсоюзы и т. д.), обеспечивающее в итоге сбалансированность общественного развития. Родоначальником этой теории был А. Бентли. Еще один подход к определению сути политики можно определить как субстанциональный. Исходной субстанцией является в данном случае власть, вокруг которой возникают все политические отношения. Такой подход был характерен как для К. Маркса, так и для М. Вебера, полагавшего, что политика — это стремление к участию во власти или оказанию влияния на распределение власти. Сторонники антропологического подхода пытаются найти источник политических отношений в самой природе человека, определяя политику как форму общения людей, коллективный способ их сосуществования. Родоначальником такого подхода можно считать еще Аристотеля, видевшего в человеке существо коллективное, а поэтому политическое. С именем Аристотеля связана и традиция этического толкования политики. Суть этического подхода состоит в определении политики как деятельности, направленной на достижение общего блага. Близкой к этому подходу является уже упоминавшаяся в начале телеологическая трактовка политики как деятельности, направленной на достижение определенной цели.

В современной политологии весьма распространены дефиниции политики, которые рассматривают ее как деятельность по мирному или насильственному разрешению конфликтов. Не менее популярна и характеристика политики как процесса подготовки, принятия и практической реализации обязательных для общества решений. Существуют также институциональные, правовые трактовки политики. Их многообразие обусловлено сложностью, богатством содержания и многофункциональностью данного общественного феномена. Обобщая различные дефиниции, можно определить *политику как сферу общественной жизни, в центре которой находится деятельность индивидов и социальных групп по осознанию и представлению своих противоречивых коллективных и индивидуальных интересов, выработке обязательных для всего общества решений, осуществляемых с помощью государственной власти.*

Политика гораздо моложе многих общественных явлений и социальных институтов. Она возникла при достижении человеческим обществом определенного уровня зрелости. Первоначально человек полностью зависел от природы, использовал то, что можно было получить у нее непосредственно. Доминирующее значение в формирующейся социальной жизни имели кровнородственные связи, а сама она регламентировалась обычаями, традициями, примитивными религиозными нормами. Первые политические институты — лидеры, советники, аппарат принуждения — возникли, по мнению ученых, примерно в 4-м тысячелетии до н. э. Но появление политики как полностью самостоятельной сферы приходится на более поздний период, когда в результате технологического прогресса (совершенствование сельскохозяйственных орудий, использование животных в качестве тягловой силы) появилась возможность производить средств жизнеобеспечения больше, чем требовалось для удовлетворения примитивных потребностей людей. Накопление излишков производства у старейшин, жрецов и других высокопоставленных членов общества стало предпосылкой возникновения института частной собственности. Частная собственность обусловила появление принципиально важного момента социальной жизни — обособления отдельного человека, обретения им качества автономной личности, независимой от власти рода. Социальные взаимосвязи вышли за границы общины, и поведение такой автономной личности уже не определялось только родственными связями, обычаями, традициями и религиозными нормами.

Структура интересов и потребностей дифференцируется, разрушает монолитное единство первобытных обществ и вызывает к жизни новые средства регуляции социальных взаимоотношений. Кровнородственных связей, обычаев, традиций, религиозных норм уже недостаточно для преодоления возникавших противоречий. А необходимость в обеспечении прав и свобод автономной личности значительно возрастает. Политика появляется там и тогда, где и когда существует потребность в упорядочении взаимодействия между индивидами, в достижении и закреплении согласования между ними. Эта потребность и привела к возникновению институтов власти — государства, армии и т. д. Взаимодействия людей и их общностей приобретают политический характер постольку, поскольку их интересы не могут быть согласованы без вмешательства государства.

В *структуре политики* принято выделять ее *элементы и уровни*. Под основными элементами политики понимают *политические отношения, политическое сознание, политические нормы и политические институты*. *Политические отношения* включают в себя многообразные взаимодействия электората и элиты, лидеров и групп поддержки, социальных и национальных общностей, разнообразных групп интересов и политических институтов. Важнейшей характеристикой политической жизни являются политические отношения, показывающие, что доминирует в сфере государственной власти: непримиримая борьба за политическое господство или осознанная кооперация усилий всех групп с целью оптимального использования государственного авторитета и принуждения, стабильность или кризисность, гражданский мир или война.

Политическое сознание в самом общем плане является отражением политических отношений и всех политических явлений в общественном сознании. Ядро политического сознания — *политическая идеология*, представляющая собой совокупность идейных воззрений, выражающих коренные интересы различных социальных групп по поводу власти, ее завоевания, защиты и использования. Политическая идеология не только отражает сложившиеся политические отношения, но и активно влияет на их формирование, а также на функционирование политических институтов. Неотъемлемая часть политического сознания — *политическая психология*, отражающая политические отношения в социально-психологической форме. Политическая психология способствует выработке у субъектов политического процесса непосредственных мотивов и установок политического поведения.

Политические нормы включают в себя программные положения и организационные принципы деятельности политических партий и движений, политическую культуру общественных групп и индивидов, правовую регламентацию государственных и общественных структур как элементов политической системы общества. Политические нормы тесно связаны с политическим сознанием, без них невозможно функционирование политических институтов.

Политические институты как четвертый элемент структуры политики не могут быть представлены в отрыве от политических отношений, политического сознания и политических норм. Главная функция политических институтов — регулирование общественных процессов с целью поддержания стабильности общества. Основными политическими институтами являются: государство

в целом и отдельные его элементы, политические партии, группы давления и т. д.

Политика подразделяется на две большие сферы: *внутреннюю* и *международную* политику. Область внутренней политики распространяется на территориальное пространство, находящееся под юрисдикцией и легитимным контролем государства, внутри его формально-юридических границ. В рамках международной политики осуществляется регулирование отношений между государствами и народами на международной арене. Для каждого конкретного государства эта сфера обозначается как сфера его внешней политики.

Политические явления и процессы, так же как и другие процессы, имеют пространственное и временное измерение. Специфика политики заключается в том, что она существует не только в «обычном» времени и пространстве, но и в особом *политическом пространстве* и *политическом времени*.

Для политических процессов, с одной стороны, характерен нормальный ход времени из прошлого в будущее. Время в политике, так же как и в обычной жизни, состоит из одинаковых однородных отрезков: минута равна минуте, неделя — неделе, а год — году. С другой стороны, *политическое время* имеет и иные характеристики. Оно органично связано с самим содержанием политических процессов и поэтому может изменяться в зависимости от изменения характера и направленности этих процессов. Политическое время может менять скорость и ритм движения. Оно может замедлять или ускорять свой ход, а то и останавливаться на месте. Почему это происходит? Потому что в политике может возрастать или уменьшаться интенсивность происходящих событий. Если важные политические события происходят редко, то время как бы растягивается, его хватает на обдумывание решений, осмысление возможных последствий их реализации. Если события развиваются стремительно, время как бы сжимается, а его «цена» резко возрастает. На обдумывание принимаемых решений отводится гораздо меньше времени и возможность совершения ошибок увеличивается. Один и тот же промежуток времени в разные исторические эпохи может включать в себя разное количество важных политических событий. Недаром существует такое выражение «год как жизнь», отражающее насыщенность и значимость событий, которые произошли в течение одного календарного года. Когда говорят о «времени перемен», «времени реформ», «времени революционных изменений», имеют в виду ускорение хода времени, повышение интенсивности социально-

политической жизни в эти периоды. Выражение «время застоя» отражает ситуацию, когда на протяжении длительного временного периода ничего существенного не происходит.

Политическое время может даже менять свою направленность и поворачиваться вспять. Такой поворот возможен тогда, когда возвращаются политические ситуации, уже имевшие место в прошлом, когда опять возникают вопросы, которые ранее как будто бы уже были решены. Такие явления, широко известные из политической истории как реставрации, контрреволюции, как раз и свидетельствуют о тенденциях обратного течения политического времени.

Все субъекты политического процесса должны ценить время как важнейший ресурс своей деятельности. Тот, кто этого не учитывает, рискует столкнуться с серьезными проблемами. Назревшие политические решения должны приниматься своевременно, затягивание с их принятием может привести к тому, что они не принесут желаемого результата.

Все политические субъекты и объекты, с одной стороны, находятся в пределах трехмерного пространства, которое можно охарактеризовать как «геометрическое» или «географическое». Политическая география и геополитика как раз и изучают взаимосвязь политических процессов с пространственным и географическим фактором. Идет ли речь о межгосударственных отношениях, административно-территориальном устройстве государства, организации избирательных кампаний — все это имеет определенные пространственные рамки. С другой стороны, понятие политического пространства связано, как и понятие политического времени, с сущностной стороной политических процессов и отношений. *Политическое пространство* — сфера распространения влияния политических партий и лидеров, политических идей, сфера столкновения и взаимодействия субъектов политики.

Политическое пространство может совпадать или не совпадать с геометрическим или географическим пространством. В некоторых случаях политическое пространство имеет, говоря современным языком, виртуальный характер, например, тогда, когда к политическим явлениям применяют пространственные характеристики, относящиеся и к материальным объектам, но сами политические явления имеют сугубо воображаемый характер. Так, деление на «правых» и «левых» первоначально появилось в революционной Франции и отражало пространственное размещение депутатов Национального собрания: радикальные депутаты располагались

в левой части зала заседаний, а их более умеренные оппоненты — в правой. Со временем это пространственное разделение стало названием различий в политических и идейных позициях субъектов политического процесса независимо от того, в какой части реального геометрического пространства эти субъекты находятся. Когда отмечают, что какая-либо партия «сдвинулась влево», это не означает перемещение ее членов и сторонников в левую сторону геометрического пространства, а означает изменение идейно-политических принципов партии.

Различной бывает освоенность отдельных участков политического пространства. Одни участки привлекают к себе повышенное внимание, и там разворачивается острая конкуренция между партиями, лидерами и другими субъектами политического процесса. Другие участки политического пространства могут быть и вовсе свободны. Существует понятие политического вакуума, которое означает освобождение какой-либо части политического пространства в результате исчезновения или ослабления той или иной политической силы. Речь может идти о вполне конкретных вещах, например о голосах избирателей, которые ранее отдавались за сошедшую с политической арены партию. Политические конкуренты устремляются в погоню за этими голосами, следовательно, стремятся заполнить возникший политический вакуум.

С понятием политического пространства тесным образом связано понятие «политическое поле». Его можно определить как часть, элемент какого-либо общего пространства. В рамках политического пространства выделяется множество полей, представляющих собой совокупность проблем, находящихся в центре внимания субъектов политического процесса. Например, есть поле *экономическое, правовое, внешнеполитическое, внутривнутриполитическое, экологическое* и т. д.

Политическое пространство в целом находится в динамике. Оно может расширяться и сужаться. Расширение политического пространства выражается в увеличении числа вопросов, находящихся в центре политических дискуссий и политической борьбы, а также в увеличении числа лиц и сил, вовлеченных в политику. Сужение политического пространства означает сужение числа вопросов политических дискуссий, уменьшение интереса к политике, снижение уровня политической активности в обществе. Политическое пространство может расширяться за счет других, неполитических сфер общественной жизни, что с неизбежностью обостряет вопрос о взаимоотношении этих сфер с политикой.

С точки зрения пространственного подхода выделяются *локальный, региональный и глобальный уровни политики*. Если считать, что глобальный уровень совпадает с международной политикой в целом, то ее региональный уровень охватывает политические процессы в рамках международных регионов и субрегионов (Северная Америка, Юго-Восточная Азия и т. д.). Локальный уровень характеризуется политикой отдельных национальных государств.

В современной российской политике глобальный уровень охватывает функционирование общефедеральных институтов власти, политические отношения, которые складываются между субъектами, претендующими на их завоевание и использование. Региональный уровень российской политики представлен политическими институтами и процессами внутри субъектов федерации (республик, областей, Москвы и Санкт-Петербурга). Локальный уровень охватывает деятельность органов местного самоуправления.

Если точка отсчета — не пространственный фактор, а политический институт, который стоит в центре любых политических отношений, то есть государство, то уровни политики должны быть охарактеризованы иначе. В таком случае говорят о «макро», «микро» и «мега» уровнях. Под *макрополитикой* понимается функционирование государства и его институтов как целого. Уровень *микрополитики* охватывает деятельность отдельных организаций — партий, профсоюзов, средств массовой информации, корпораций. Третий уровень — *мегаполитика* — включает в себя национальные государства и наднациональные политические институты в их взаимодействии по вопросам, затрагивающим интересы всего человечества (проблемы войны и мира, глобальные проблемы современности).

Политика выполняет ряд важных функций в организации общественной жизни. Однако количество таких функций может быть не одинаковым в разных типах общества. Ведущая роль политики, как правило, свидетельствует о слабом развитии самого общества. Степень зрелости гражданского общества определяется его способностью к саморегуляции и саморазвитию. В то же время всегда есть проблемы, которые невозможно решить без использования политических механизмов и институтов, прежде всего института государственной власти. В целом для современного общества характерны такие функции политики:

1. *Функция обеспечения целостности и стабильности общества.*

Политика определяет направленность общественного развития и обеспечивает его ресурсами.

2. *Функция обеспечения эффективности общей деятельности.* Определяя значимые цели поступательного развития, политика обеспечивает их реализацию, а также предоставляет индивидам эффективные возможности удовлетворения социальных потребностей.
3. *Управленческая и регулятивная функция.* Политика обеспечивает взаимодействие интересов и потребностей различных групп общества. Воздействуя на интересы групп, она регулирует социальные процессы.
4. *Функция социализации.* Политика включает личность в социальные отношения, предоставляя возможность приобретения опыта и навыков преобразовательной деятельности.
5. *Функция рационализации.* Рационализируя групповые и индивидуальные интересы, политика вырабатывает механизмы и правила их реализации. Политика обеспечивает цивилизованное урегулирование и разрешение конфликтов и противоречий.
6. *Гуманитарная функция.* Политика обеспечивает права и свободы личности, гражданский мир и организованность социума.

Регулятивная функция политики реализуется в различных сферах общественной жизни. Это является основанием для выделения *видов* политики. Одну из первых классификаций видов политики в начале XX в. предложил известный шведский ученый Р. Челлен. Он исходил из того, что в центре политики всегда находится государство, поэтому различные виды политики различаются между собой в зависимости от того, в каком из своих измерений выступает само государство. Согласно взглядам Челлена, таких измерений пять: государство как *институт власти*, как *совокупность населения*, как *территориальная общность*, как *экономическая система*, как *социальная система*. Государству как институту власти соответствует *кратополитика* (от греч. *kratos* — власть), государству как совокупности населения соответствует *демографическая политика* (от греч. *demos* — народ), государству как территориальной общности — *геополитика* (от греч. *ge* — земля), государству как экономической системе — *экономическая политика* и государству как социальной системе соответствует *социальная политика*. Термин «кратополитика» не стал общеупотребительным, а другие термины получили широкое признание и распространение. Термин «геополитика» используется как синоним понятий «*международная политика*» и «*внешняя политика*»,

а также для обозначения одного из направлений в исследовании международных отношений (см. главу XVIII). Социальная и экономическая политика представляют собой важнейшее направление деятельности органов государственной власти и управления в современных условиях.

В связи с усложнением общественных отношений сегодня в поле зрения государства и других политических институтов попадают все больше новых проблем и вопросов. Поэтому можно говорить о появлении новых видов политики, в частности, *экологической политики, информационной политики, космической политики* и т. д. Практически в любой сфере общественной жизни можно выделить соответствующую разновидность политики, представляющую собой в данном случае регулируемую деятельность государства и его органов. Принятие и реализация политических решений, связанных с регулированием отношений в неполитических сферах жизни общества, должны основываться на адекватном понимании специфики взаимоотношений этих сфер с самой политикой как общественным явлением.

§ 2. Проблемы взаимоотношения политики с другими сферами общественной жизни

Одной из наиболее оригинальных концепций политики и политического является концепция немецкого философа и правоведа Карла Шмитта. С его точки зрения, любая сфера общества имеет свою специфику, которая выражается через парные категориальные антиномии. Например, для экономической жизни и, соответственно, экономического подхода характерна антиномия «рентабельное — нерентабельное» («полезное — бесполезное»). Морально-этическая сфера и, следовательно, этический взгляд на вещи характеризуются антиномией «зло — добро». Эстетическое восприятие мира основано на антиномии «прекрасное — безобразное». Политика же, согласно К. Шмитту, не имеет своей собственной, отличной от других общественных сфер основы. «Политическое», по его мнению, черпает свою силу из экономических, этнических, культурных, религиозных или иных противоречий. Политическое качество возни-

кает в результате уплотнения этих противоречий, их осознания как отношений «друзей — врагов». Эта антиномия «друг — враг» или «свой — чужой» выражает специфику политики, так же как антиномия «полезное — бесполезное» выражает специфику экономики.

Поскольку политика — это деятельность, основанная на групповых или индивидуальных интересах, субъекты политики неизбежно сталкиваются между собой в случае несовпадения их интересов либо, наоборот, обречены на союз и взаимодействие, если интересы сходятся. Когда речь идет о политических отношениях, политических институтах или о политическом сознании, конфликт интересов и вытекающее из него восприятие всего происходящего сквозь призму противопоставления «своих» и «чужих» вполне закономерны и обоснованы. Политические партии строят свои отношения с другими политическими партиями как с возможными союзниками или с противниками; государства рассматривают другие государства в сфере международных отношений как противников, союзников или в качестве нейтральных государств. Однако политика, политический взгляд на мир должны иметь в общественной жизни определенные границы. Переход через эти границы, вторжение политики в иные сферы общества может иметь отрицательные последствия. Так, например, губительно вторжение политического подхода в сферу литературы и искусства. Здесь уместны лишь эстетические критерии, а применение свойственного политике деления на «чужих» и «своих» способно полностью исказить смысл и предназначение художественного творчества.

К сожалению, в истории нашей страны было множество примеров, когда произведения литературы и искусства оценивались на основе сугубо политических критериев. В годы советской власти литература и искусство находились под жестким диктатом господствовавшей политической идеологии. Те художественные произведения, которые не вписывались в официальные рамки «социалистического реализма», нередко оказывались под запретом, а их авторы подвергались гонениям. В годы сталинизма немалое число писателей, поэтов, художников, режиссеров было репрессировано. В последующие десятилетия преследования не были столь жесткими, но тем не менее продолжались вплоть до начала «перестройки». Одновременно большими тиражами издавались литературные произведения, выпускались в прокат кинофильмы и ставились спектакли, не имевшие эстетической ценности, но соответствовавшие официальным идеологическим канонам и текущим политическим

установкам. Правда, следует отметить и то, что в Советском Союзе на развитие культуры и искусства выделялись немалые средства, а падение коммунистического режима и освобождение этой сферы от политико-идеологического диктата сопровождалось резким сокращением ее финансирования.

Большой вред в свое время нанес политизированный подход сфере научных исследований. Причем речь шла не только о гуманитарных и социально-экономических, но и о естественных науках. Классическим примером является вмешательство советского политического руководства в научный спор между сторонниками и противниками генетики. Академику Трофиму Лысенко удалось убедить Сталина в том, что именно он и его «учение» смогут обеспечить повышение эффективности сельского хозяйства. Сторонников Лысенко стали рассматривать как «своих», а его противников как «чужих». Такой политизированный взгляд на биологию был заимствован из политической идеологии. Учение Лысенко было объявлено марксистским и материалистическим, а классическая генетика — буржуазной и идеалистической. Научные исследования в области генетики были практически свернуты, многие ученые изгнаны из академических и учебных заведений, некоторые из них, включая известного советского генетика Николая Вавилова, были репрессированы. Поскольку «учение» Лысенко было плодом, с одной стороны, его личных заблуждений, а с другой стороны, его же элементарного невежества, советская биологическая наука в результате победы данного учения понесла серьезный урон. Реальных результатов для отечественного сельского хозяйства опыты Лысенко и его последователей не принесли, но времени и средств на них было затрачено немало. Советская генетика потеряла передовые позиции в мировом научном сообществе и уже не смогла их восстановить, а отечественная биология стала отставать от развития зарубежной биологической науки.

Не менее важны проблемы взаимоотношения политики с другими сферами общественной жизни и иными социальными институтами, прежде всего с экономикой, моралью и правом.

Экономический подход, основополагающей ценностью которой является отношение «рентабельное — нерентабельное», далеко не всегда совместим с подходом, мотивированным исключительно политическими интересами. В сфере международной политики иногда экономическая выгода заставляет отступать от политических принципов и, наоборот, в полити-

ческих целях могут приниматься экономически нерентабельные решения. Так было тогда, когда Н. Хрущев в ответ на американские санкции против Кубы принял решение о закупках кубинского сахара-сырца, который в то время был абсолютно не нужен СССР. Экономическая нерентабельность данного решения компенсировалась существенными политическими выгодами. Однако гораздо чаще соображения экономической выгоды оказываются сильнее политических пристрастий. Официально декларируя политику защиты прав человека, США каждый раз отступают от этой позиции, когда речь заходит, например, об американо-китайских отношениях, поскольку торговые связи между этими двумя странами имеют весьма существенное значение.

Очень сильной деформации экономические решения могут подвергаться в силу политической идеологии. Об этом свидетельствует более чем 70-летний опыт нашей страны. Большевики, придя к власти, поставили перед собой цель — создать совершенно новую экономическую систему, основанную на полном господстве общественной собственности и тотальном планировании промышленного и сельскохозяйственного производства. Такой экономической системы на тот момент нигде не существовало, но ее необходимость и неизбежность вытекала из политической идеологии марксизма. Однако сам классический марксизм не содержал в себе точных рецептов создания экономического фундамента будущего коммунистического общества, которое было описано К. Марксом и Ф. Энгельсом лишь в самом общем виде. Поэтому строительство социализма в «одной отдельно взятой стране», которой оказалась Советская Россия, шло методом проб и ошибок, при том что все связанное с рынком и частной собственностью априорно считалось «чужим», а с общественной собственностью и планированием — «своим». Этим объяснялось и свертывание новой экономической политики (НЭПа) в конце 20-х гг. XX в., хотя НЭП доказал свою эффективность. Однако он содержал в себе потенциальную угрозу для большевистского политического режима.

Начинавшаяся тогда же массированная коллективизация сельского хозяйства также была обусловлена политизированным подходом, хотя проводилась под предлогом необходимости создания крупных и эффективных сельскохозяйственных предприятий. Большевики, исходя из марксистской идеологии, видели в крестьянстве мелкобуржуазный класс, чуждый целям коммунистического переустройства общества. Превращение единоличных кре-

стьян в колхозников при одновременном «уничтожении кулачества как класса» должно было, по мысли Сталина и его ближайшего окружения, ликвидировать опасность со стороны «мелкобуржуазной стихии». У большевистского руководства был также расчет увеличить экспорт сельхозпродукции для получения средств, которые обеспечат индустриализацию страны. Как показала практика, коллективизация не дала ожидаемого экономического эффекта, поскольку сугубо политические подходы взяли верх над трезвым экономическим расчетом. Производство сельскохозяйственной продукции упало, что в условиях ее широкомасштабного экспорта привело к массовому голоду во многих районах СССР. Последствия коллективизации, проведенной при отсутствии соответствующих экономических и технологических предпосылок, еще долго негативно сказывались на отечественном сельском хозяйстве.

Хотя СССР достиг несомненных успехов в технологической модернизации, стал промышленно развитой страной, советская модель экономики была малоэффективна. Особенно это стало заметно тогда, когда все экстенсивные факторы экономического роста были исчерпаны. Необходимость преодоления неэффективности существовавшей экономической системы стала одной из предпосылок «перестройки». Однако попытка реформирования советского общества завершилась крахом прежнего политического режима (см. главу XVII).

Но и в посткоммунистической России вновь проявились попытки перенесения политизированных и идеологизированных подходов в экономическую сферу. Группа экономистов во главе с Е. Гайдаром («младореформаторы») были вдохновлены идеями экономического неолиберализма, доминировавшего тогда в политико-экономической мысли Запада. Эти идеи нашли свое выражение в политике, которую проводили консервативные правительства в США и западноевропейских странах в 80-х гг. XX в. («тэтчеризм», «рейганомика»). Важнейшими постулатами экономической политики неолиберального толка были отказ от государственного регулирования и приватизация принадлежавшей государству собственности. Хотя на Западе нигде теоретические рекомендации либеральных экономистов полностью не реализовывались на практике, в посткоммунистической России такая тенденция имела место. Так же как когда-то большевики, «младореформаторы» стремились перестроить экономику в соответствии со своими политико-идеологическими принципами. И в том

и в другом случае отбрасывались как экономические соображения, так и простой здравый смысл. Говорили о необходимости передачи предприятий в руки «эффективных собственников», а в реальности их владельцами становились люди, преследовавшие корыстные сиюминутные цели, ничего общего не имевшие с задачами сохранения и повышения эффективности производства.

Взаимоотношения политики и экономики имеют и иные аспекты. Прежде всего это вопрос о том, является ли экономика главной детерминантой политики или все обстоит прямо противоположным образом. На позициях экономического детерминизма первоначально стоял марксизм, но позже взгляды его основоположников изменились. Ф. Энгельс отрицал однолинейное воздействие экономики на политику. В реальной действительности экономика и политика находятся в постоянном взаимодействии. Экономическая ситуация отражается на политическом процессе, но и сама экономика зависит от политических решений, от деятельности политических институтов, особенно государства. В условиях рыночной экономики может быть две основных модели экономической политики: *неокейнсианская* и *неолиберальная*. Первая модель ориентирована на стимулирование совокупного спроса и предусматривает высокий уровень государственных расходов, широкое развитие социальных программ. Вторая модель ориентирована на подавление инфляции, уменьшение государственного вмешательства в экономику, низкий уровень налогообложения. В реальной действительности востребованными бывают элементы как одной, так и другой модели экономической политики, их соотношение определяется конкретной ситуацией.

В развитых странах Запада с 30-х гг. XX в. активно использовались кейнсианские и неокейнсианские принципы, предполагавшие значительную роль государства в экономике. После второй мировой войны это дало положительный эффект как в экономической, так и в социальной сфере. Во многом благодаря опоре на эти принципы в экономической и социальной политике во многих странах удалось заложить основы «государства всеобщего благоденствия». Но постепенно выявились и негативные экономические последствия избранной модели. Рост государственных расходов привел к росту налогов, породил высокую инфляцию. Все это стало причиной появления неолиберальных экономических концепций, призывавших вернуться к принципам свободного рынка и резко ограничить масштабы вмешательства государства в экономику. Неолиберальные

принципы стали определять экономическую политику большинства развитых государств мира с 80-х гг. XX в.

В 90-х гг. XX в. появились утверждения, что альтернативы нелиберальной модели экономики вообще не существует. Именно эта модель определяла процессы глобализации, охватившие мир на рубеже XX и XXI столетий (см. главу XX). Однако разразившийся летом 2008 г. мировой финансово-экономический кризис поставил под сомнение правильность многих нелиберальных рецептов и установок. Одной из предпосылок возникновения кризиса ипотечного кредитования в США, ставших эпицентром мирового кризиса, было ослабление государственного контроля и регулирования в отношении деятельности частных банков. В предшествующие годы там были отклонены некоторые нормативные акты, регулировавшие банковскую сферу и принятые еще во времена «нового курса» президента Ф. Рузвельта в 30-х гг. XX в. Отмена этих актов аргументировалась их «нерыночным» характером и необходимостью уменьшить «чрезмерную» роль государства в данной сфере. На практике же частные банки, оставшиеся без контроля, стали раздувать «мыльный пузырь» ничем не обеспеченных кредитов. Рано или поздно такой «пузырь» должен был лопнуть. Когда это произошло, разразился финансовый кризис, вскоре перекинувшийся на все отрасли экономики и принявший мировой, глобальный характер.

Необходимость борьбы с последствиями кризиса вынудила правительства ведущих стран мира принять меры по усилению роли государства в экономике. Это произошло и в тех странах, которые всегда считались эталоном нелиберальной модели экономики. Речь не идет о полном отказе от рыночных принципов функционирования экономических систем на национальном и глобальном уровнях. Но экономическая политика должна корректироваться не на основе каких-либо «правильных», «своих» политико-идеологических принципов в ущерб «неправильным» и «чужим», а на основе прагматичных, сугубо экономических подходов, основанных на понятиях рентабельности, эффективности и одновременно общественной целесообразности.

Как в прошлом, так и сегодня большую роль в политике играет религиозный фактор. Религия на протяжении столетий оказывала значительное влияние на все сферы общественной жизни, включая и политическую. Религия использовалась и часто используется сегодня для легитимации политической власти (см. главу III). Религия, так же как и светские политические идеологии, может

способствовать мобилизации больших масс людей на реализацию определенных политических целей. Недаром многие политические партии и общественные движения в своей деятельности активно опираются на религиозные идеи и символы. В современном мире существует довольно много религиозных конфессий. Число приверженцев основных мировых религий — христианства, ислама, буддизма — исчисляется сотнями миллионов людей. Наряду с мировыми религиями во многих странах существуют и местные примитивные языческие культы. Религиозные различия могут становиться барьерами на пути свободного общения между людьми, а при определенных обстоятельствах быть источником конфликтов между ними. Это особенно проявляется в политической сфере, где и сегодня немалое число конфликтов имеет, кроме прочего, и религиозную основу (см. главу XIV).

Религия издавна определяла особенности социокультурного развития отдельных стран и народов, что привело к возникновению различных по своему характеру цивилизаций. Американский политолог С. Хантингтон высказывал предположение, что именно цивилизационные различия и лежащие в их основе различия религиозного характера станут в XXI в. главной причиной конфликтов в мировой политике (см. главу XVIII). Данное предположение изначально носило спорный характер и сегодня оценивается далеко неоднозначно. Однако несомненно, что религиозные (а в более широком плане — цивилизационные) различия влияют на политическую ситуацию во многих государствах. Примером такого государства является Ливан, где сложная религиозно-конфессиональная структура общества не раз способствовала возникновению конфликтов и где принадлежность к той или иной конфессии обязательно учитывают при распределении основных государственных и правительственных постов.

Современная Украина также представляет собой государство, где политический раскол между отдельными регионами тесно переплетается с расколом по религиозному принципу. Если в южных и восточных регионах Украины среди верующих преобладают приверженцы Украинской православной церкви Московского патриархата, то в центральных регионах наиболее влиятельна Украинская православная церковь Киевского патриархата, не являющаяся канонической с точки зрения других православных церквей, но пользующаяся поддержкой действующих украинских властей. В западных областях Украины, составляющих историческую территорию

Галиции, подавляющее большинство верующих принадлежит к униатской церкви, возникшей в конце XVI в. в результате Брестской унии. С одной стороны, вмешательство украинских политических сил в религиозную жизнь усиливает и без того заметные различия между регионами, с другой стороны, различия между регионами влияют на ситуацию в украинской политике, поддерживая в ней высокую степень напряженности и нестабильности.

О роли религиозного фактора в политике и о том, что религиозные различия могут подпитывать политические конфликты, следует помнить и в российских условиях. Россия — многоконфессиональная страна. Предпочтения и особые условия для представителей какой-либо конфессии могут вызывать недовольство у сторонников других религий, а также стать основой недоверия друг к другу и к государственной власти. Демократия должна обеспечивать неукоснительное проведение в жизнь принципа отделения государства от церкви и одновременно создавать условия для свободной деятельности всех признаваемых законом религиозных объединений. Общее среднее и высшее образование должно иметь светский характер. Одновременно в обществе должна быть обеспечена возможность для каждого получать знания обо всех религиях современного мира.

Религия традиционно оказывает сильное влияние на формирование моральных норм, призванных регулировать отношения между людьми во всех сферах их жизнедеятельности. В политической сфере действие моральных норм имеет свою специфику. Поэтому вопрос о соотношении морали и политики в истории социально-политической мысли решался различным образом. Н. Макиавелли отстаивал тезис о неприменимости морально-этических критериев к политической деятельности, которую нужно оценивать только с точки зрения эффективности способов и средств достижения поставленных целей. Подобных взглядов придерживался и В. Ленин, который считал, что «морали в политике нет, а есть только целесообразность». Противоположное мнение, исходящее из того, что мораль первична по отношению к праву, а следовательно, государству и политике, принадлежит И. Канту.

Эти разночтения объясняются сложностью взаимоотношений морали и политики. В Древнем мире можно было обходиться без политики, регулируя общественные взаимоотношения и обеспечивая общественный порядок с помощью обычаев, традиций и вырастающей на их основе морали. Политика возникает вследствие

регулярной недостаточности морали, как ее дополнение. Главные социальные функции политики и морали совпадают, но их базовые характеристики расходятся. Моральная оценка общественных явлений исходит из парной категории «добро — зло», а политическая оценка опирается на упоминавшуюся антиномию «свой — чужой».

Аморальные явления, нередко встречающиеся в политической жизни, во многом связаны с перенесением политических принципов на область морально-нравственных отношений. Здесь уместное в политике разделение всех объектов, явлений, событий, личностей на соответствующие или не соответствующие собственным интересам неминуемо ведет к выработке двойного стандарта при оценке неблагоприятных поступков, деформирует морально-этические принципы. Именно этим объясняется часто встречающаяся ситуация, когда политические деятели активно используют против своих противников обвинения в аморальных поступках и не замечают подобных или даже больших прегрешений своих единомышленников и союзников. Для минимизации общественного вреда, который могут принести аморальные проявления в политической жизни, необходим жесткий контроль за соблюдением этических норм, регламентирующий любые виды политической деятельности.

Вместе с тем современная политическая наука способна по-иному решить традиционный спор о морально-этическом измерении политического действия. Основой для этого послужили идеи М. Вебера. Известный немецкий социолог и политолог предложил разделить этику на «этику убеждений» и «этику ответственности». В первом случае речь идет об оценке поведения людей по единой и общей для всех случаев жизни морально-этической шкале. Во втором случае предполагается оценивать действия отдельного индивида в контексте обстоятельств места и времени осуществления такого действия. Особенно важна этика ответственности в политической сфере. С одной стороны, нельзя оставлять поведение и действия политических лидеров без этической оценки. С другой стороны, нельзя применять к ним те же критерии, что и к частным лицам. Например, в период войны любой государственный руководитель неизбежно принимает решения, исполнение которых ведет к гибели людей, в том числе и граждан его страны. Требовать в условиях военного времени от руководителя выполнения библейской заповеди «Не убий» бессмысленно и даже преступно. Государственный руководитель выполняет свои обязанности, но это не означает, что он может принимать любые решения и действовать без всяких огра-

ничений морально-этического характера. В любом случае гибель людей — зло, которое следует по возможности ограничить. В этом смысле могут заслуживать осуждения те решения, которые ведут к излишним, неоправданным жертвам. Например, высшее советское политическое и военное руководство в годы Великой Отечественной войны не заботилось о сохранении жизней воинов Красной Армии и мирного населения, допускало многочисленные жертвы, которых можно было бы избежать. Наивысшими добродетелями политических лидеров, как полагают многие авторитетные специалисты по вопросам политической этики, должны быть умеренность и осторожность. Политический деятель должен отдавать отчет о возможных последствиях собственных решений, находить оптимальный баланс между поставленными целями и средствами их достижения.

Если двойной стандарт в морали наносит ущерб общественной нравственности, то двойной стандарт в осуществлении права может подорвать законность и правосудие. Отсюда вытекает непреложная необходимость полной деполитизации органов юстиции и правопорядка. Иначе они могут стать орудиями сил, преследующих узкогрупповые политические интересы, а не общезначимые цели, что, в свою очередь, неизбежно ведет к бесправию граждан, произволу и злоупотреблению властью.

Право как общественный институт представляет собой нормативную систему, призванную регулировать поведение и отношения людей во всех сферах, включая и политическую. Любые политические действия коллективных сил или индивидуальных субъектов с правовой, юридической точки зрения оцениваются в зависимости от того, соответствуют ли они действующим в данный момент нормам права, иначе говоря, для правовой сферы, в отличие от политической, характерно базовое взаимоотношение по линии «законно — незаконно». Все, что соответствует правовым представлениям о законности и справедливости, одобряется, санкционируется, а все, что не соответствует, — осуждается и запрещается.

Правовой подход объективно противоречит политическому, поскольку незаконными могут быть как «чужие», так и «свои» политические цели и действия. Правовое регулирование, таким образом, ограничивает заложенные в природе политики негативные и губительные для общества тенденции. Это происходит благодаря тому, что правовые нормы не предназначены для регулирования отношений между сторонниками какой-либо политической линии, а рассчитаны на всех граждан государства, предъявляя им общие

требования, независимые от партийных симпатий и антипатий того или иного конкретного индивида. Право по своей сути является системой требований к совместной жизнедеятельности людей, которая определена природой общества и без которой невозможно само его существование. В нормах права фиксируется тот нижний предел общественных требований организации и порядка, который необходим для осуществления власти и совместного проживания людей. Право определяет границы и возможности деятельности как оппозиции, так и самой власти, поэтому подчинение ему всех граждан, включая и власть имущих, выступает одной из важнейших предпосылок легитимизации и обеспечения стабильности политического режима.

Политика может диктовать свои условия праву и даже иногда подминать его под себя. В тоталитарных или авторитарных диктатурах сама формальная законность перестает соответствовать общепринятым представлениям о праве и становится лишь инструментом политического насилия. Но и в условиях демократии излишняя политизация правовой сферы может губительно отражаться на деятельности правоохранительных органов, подрывать веру граждан в законность и справедливость. Случается, что объективная политическая необходимость требует игнорирования и отбрасывания устаревших и отживших юридических норм. Однако это происходит только в чрезвычайных ситуациях, как правило, в условиях быстрой и радикальной смены политического и общественного строя. Для современного правового и социального государства примат права над политикой является всеобщим и основополагающим принципом.

Контрольные вопросы и задания

1. Когда и почему возникла политика?
2. Охарактеризуйте основные элементы, уровни и виды политики.
3. Насколько актуальна в современном мире концепция политического К. Шмитта?
4. Как взаимодействуют между собой политика и экономика?
5. В чем опасность перенесения политизированных подходов на неполитические сферы жизни?
6. Что такое «этика ответственности»? Как на ее основе можно давать морально-этическую оценку политической деятельности?

ГЛАВА III

Политическая власть

---

§ 1. Теоретические концепции власти в политической науке

Одно из центральных понятий современной политической науки — «*власть*». Общеизвестное определение власти принадлежит Максиму Веберу, который видел в ней способность одного индивида проводить в определенных общественных условиях свою волю вопреки сопротивлению другого индивида. Иначе говоря, это способность субъекта *A* так влиять на объект *B*, чтобы последний сделал то, что никогда не стал бы делать по своей собственной воле. Волевая трактовка категории власти была широко представлена в истории политической мысли. Кроме М. Вебера, с этой точки зрения рассматривали власть Г. Гегель, И. Фихте, А. Шопенгауэр и многие другие философы. Феномен власти встречается в самых разных областях общественной жизни — экономике, культуре, науке, образовании, семейной сфере, а также и за пределами общественной жизни — в животном мире.

Большое значение для понимания сущности власти и властных отношений имело появление и развитие социологического знания. В рамках социологического подхода можно выделить несколько концепций власти. Марксистская трактовка рассматривала политическую власть в системе межгрупповых отношений как следствие экономического господства одного класса над другим. Во второй половине XX в. получили известность структурно-

функциональные и системные концепции власти. В структурно-функциональной теории Т. Парсонса власть рассматривалась как отношения между субъектами, выполняющими определенные, закрепленные за ними социальные роли, в частности управляющих и управляемых. Сами эти роли обусловлены структурой всей общественной системы, где каждый элемент обеспечивает ее успешное функционирование. Власть Парсонс рассматривает как символическое средство обмена, которое создается и циркулирует в социальной среде. Во-первых, она является элементом оборота во взаимодействии индивидов и коллективов внутри любой общественной подсистемы, а во-вторых, лицо, располагающее властью, черпает ее из некоего «хранилища» для обмена на блага и услуги, необходимые коллективу, который данное лицо возглавляет. Поэтому власть носит символический характер, сама по себе она, как и деньги, ничто, ее ценность заключается лишь в том, что за нее можно что-либо получить. В-третьих, Парсонс не рассматривает власть как постоянный и закрепленный в обществе феномен. Сила власти может возрастать или убывать, можно использовать власть «в кредит», опираясь на доверие народа. Расходуя власть, лидеры, по мнению Парсонса, могут укреплять политическую систему и общество в целом. Власть в рамках политической системы подвержена колебаниям, аналогичным тем, которые происходят в экономической системе, то есть, по мнению Парсонса, инфляции и дефляции. В-четвертых, в концепции Парсонса власть увязывается с целями общества и эффективностью достижения коллективных целей.

Позднее на основе системного подхода появились коммуникативные концепции власти Х. Арндт, К. Дойча, Н. Лумана, Ю. Хабермаса. В них власть рассматривается как важнейший элемент коммуникационной системы общества. В качестве типичного примера можно описать взаимодействия регулировщика и водителя. Если регулировщик способен контролировать действия участников дорожного движения, а водители подчиняются его указаниям, то это является результатом обмена информацией между ними, то есть результатом коммуникационных процессов. Следовательно, главное во властных отношениях — это поддержание коммуникации между субъектами и объектами власти.

Н. Луман выделял черты власти, обеспечивающие возможности социального общения. Власть рассматривается им не только как отношения господства и подчинения, но и в более широком аспекте

коммуникации и общения, где отношения господства и подчинения являются лишь частным, отдельным случаем. Власть — символическое средство социальной коммуникации, предоставляющее ее обладателям дополнительные преимущества перед своими партнерами, в частности, при выборе наиболее оптимального способа социального действия. Власть, которой обладает один из участников социального взаимодействия, ограничивает или совсем исключает возможность выбора «правил игры» у другого или других участников такого взаимодействия. В соответствии с концепцией Лумана, роль власти идентична роли таких средств социальной коммуникации, как, например, естественные или искусственные языки, деньги и т. д.

В последние десятилетия получили распространение постмодернистские концепции власти. К ним, в частности, можно отнести концепцию «археологии и генеалогии власти» М. Фуко и концепцию «поля власти» П. Бурдьё.

Для М. Фуко наибольшее значение имеет сам процесс осуществления власти, а не вопрос о ее сущности. Для него власть — это особый тип практики. В современных обществах власть, с точки зрения Фуко, характеризуется пятью основными признаками: власть не является чем-то «вещным», то есть тем, чем можно обладать и что можно потерять, она осуществляется в зависимости от очень многих факторов; отношения власти не существуют ни отдельно, ни внутри, ни в виде надстройки над другими видами отношений, в том числе и экономических; отношения власти существуют внутри групп и институтов, которые являются основой общества, например в отдельных семьях, на предприятиях; эти отношения могут контактировать между собой, создавая массовое противостояние между теми, кто господствует, и теми, над кем господствуют; отношения власти носят хотя и преднамеренный, но не субъективный характер, поскольку не порождаются желанием господствовать со стороны индивидуальных или коллективных субъектов, а являются производными от сложных стратегических и тактических программ, функционирующих автономно, то есть относительно самостоятельно; власть всегда сталкивается с сопротивлением, причем выражающимся не в пассивной вязкой форме, а в форме продуманной контрстратегии и контрпрактики. По мнению М. Фуко, сопротивление власти нельзя рассматривать как внешний по отношению к ней фактор. В целом власть представляет собой действие, осуществляемое в ответ на другое действие, она является совокупностью поведений, которая меняет поведение других участников этого отношения.

П. Бурдые вводит понятие «символическая власть», основанная на «символическом капитале» (экономическом, культурном, информационном и т. д.), распределяющемся между субъектами в соответствии с их позициями в «политическом поле», иными словами, в социальном пространстве с определенным типом взаимодействия, который функционирует как рынок. Доступ той или иной группы или индивида к власти зависит не только от величины их «символического капитала», но и от его «органического строения». Например, учителя школ имеют одинаковые доходы с чернорабочими, но располагают гораздо большим культурным капиталом, следовательно, имеют больше шансов приблизиться к властным структурам или повлиять на их функционирование.

Реляционистские концепции (от лат. *relativus* — относительный) власти, представителями которых можно назвать П. Блау, Д. Картрайта, Д. Ронга, Дж. Френча, видят в ней, прежде всего, особые отношения между ее субъектом и объектом. Субъектом же является тот, кто способен контролировать объект в соответствии со своими целями и интересами.

По мнению одного из представителей реляционистского подхода П. Блау, отношения власти напрямую зависят от обмена ресурсами. Неравное распределение ресурсов между индивидами и группами приводит к тому, что те, кто лишен ресурсов, находятся в заведомо худшей ситуации по сравнению с теми, кто этими ресурсами обладает. Последние получают возможность трансформировать излишки своих ресурсов во власть, поскольку, уступая их нуждающимся, взамен они получают желаемые образцы социального поведения. П. Блау полагает, что властные отношения неизбежно носят асимметричный характер: одна из сторон, а именно субъект, имеет превосходство над объектом. Не отрицая асимметрии в каждом отдельном властном отношении, другой представитель реляционистского подхода — Д. Ронг — указывал, что взаимодействующие в таких отношениях индивиды и группы могут меняться ролями. Если в одном эпизоде одна из сторон выступает в качестве субъекта, а другая — в качестве объекта власти, то в следующем эпизоде все может быть наоборот. Например, предприниматель имеет определенную власть над своими наемными работниками. Но и работники, объявив забастовку, могут заставить предпринимателя пойти на уступки, то есть смогут навязать ему свою волю и, следовательно, будут в этой ситуации обладать над ним властью.

В современных обществах, как отмечает Д. Ронг, существует множество отношений, в которых контроль индивидов и групп в одной

сфере уравнивается контролем других групп и индивидов в иной сфере. Исходя из этого, Д. Ронг выделил понятия «интегральная» и «интеркурсивная» власть. Интегральная власть — это власть, в основе которой лежит монополия на принятие решений и их реализацию. Интеркурсивная власть — это властные отношения, в которых власть одной из сторон социального взаимодействия противостоит власти другой из сторон. В условиях такой власти необходим механизм переговоров и совместного принятия решений. В реальной действительности интегральная власть может быть ограничена, и на практике между ней и интеркурсивной властью различий не существует. Более того, согласно мнению Ронга, в обществе всегда должны существовать центры сопротивления интегральной власти, ограничивающие ее возможности. Политолог выделяет четыре возможных способа сопротивления интегральной власти. По его мнению, объекты власти могут: во-первых, бороться за создание уравнивающих центров власти, способных трансформировать интегральную власть в систему интеркурсивной власти; во-вторых, ограничить число субъектов власти, а также сферу их воздействия; в-третьих, разрушить интегральную власть целиком, выйдя из сферы ее воздействия; в-четвертых, попытаться заменить чуждую интегральную власть своей собственной. Первые три типа альтернатив связаны с либерализацией и демократизацией политической жизни, а также с переходом к полной анархии, четвертая альтернатива означает путь радикального революционного преобразования ранее существовавших социальных институтов и отношений.

Поскольку субъекты и объекты власти — это люди со свойственными им эмоциями и чувствами, постольку в изучении властных отношений широко применяются психологические знания и подходы. Одной из первых попыток обоснования власти на основе психологического подхода стал *бихевиоризм* (от англ. *behaviour* — поведение). С точки зрения бихевиоризма всякая власть, включая политическую, является особым типом поведения, при котором одни люди командуют, а другие вынуждены им подчиняться. Бихевиористский подход рассматривает власть, прежде всего, как межличностное взаимодействие и поэтому обращает внимание на субъективную мотивацию подчинения и господства. Например, с точки зрения Г. Лассуэлла, первоначальным импульсом для возникновения властных отношений может быть присущая некоторым индивидам «воля к власти» и обладание определенной «политической энергией». Человек стремится к власти в надежде

на улучшение своей жизни посредством приобретения богатства, престижа и т. д. Власть может быть и самоцелью, сама по себе представлять источник наслаждения. При таком подходе политическая власть трактуется как некий феномен, возникающий на основе столкновения многообразных «воль к власти», как баланс, равновесие различных политических сил.

Психоанализ трактует стремление к власти как проявление, сублимацию подавленного либидо. У З. Фрейда оно понималось как влечение сексуального характера, а у К. Юнга — как просто психическая энергия в целом. С точки зрения психоанализа стремление к власти и обладание ею может компенсировать у индивидов физические или духовные недостатки. Причем воля к власти у одних должна дополняться готовностью к подчинению, «добровольному рабству» у других. З. Фрейд полагал, что в психике каждого человека имеются структуры, которые могут способствовать тому, что он предпочтет рабство свободе ради личной защищенности или из-за любви к властителю.

Конечно, власть не может быть объяснена только лишь с помощью психологических категорий. Поэтому нельзя не признавать необходимости ее системных, структурно-функционалистских и реляционистских трактовок. Однако власть, в том числе и политическая, это всегда субъектно-объектные отношения, отношения между людьми, со всеми присущими им психологическими качествами и особенностями. Кроме воли к власти ее субъект должен обладать и иными психологическими предпосылками для реализации своих властных функций. Отнюдь не каждый человек по своему характеру способен к руководящей деятельности, принятию решений, выходящих за круг его собственных, повседневных интересов.

Еще в большей степени психологическую основу имеет готовность к подчинению у объекта власти. Подчинение чужой воле, следование правилам, установленным другими людьми, должно опираться на четко выраженную психологическую мотивацию. Эта мотивация напрямую связана с теми средствами и ресурсами, которые находятся в распоряжении у субъекта власти. Если власть основана на силе и возможности наказания, то она способствует появлению страха перед возможными санкциями как главного мотива подчинения. Мотивы повиновения могут состоять в бессознательном подчинении чужой воле в силу привычки, обычая. Такая мотивация закладывается, как правило, в раннем возрасте и затем воспроизводится на протяжении длительного времени,

даже в течение всей жизни, если только не приходит в противоречие с реальными жизненными интересами человека. Как только люди начинают замечать, что власть, которой они привыкли подчиняться, не соответствует их запросам и не представляет никакой ценности, они отказываются такой власти в доверии.

Политическая власть способна концентрировать в своих руках значительные материальные ресурсы: деньги, землю и т. д. Наличие у субъекта власти подобных ресурсов может способствовать формированию у ее объекта такого мотива, как интерес. Власть, основанная на интересе, как правило, является наиболее стабильной. Личная заинтересованность побуждает людей к добровольному и добросовестному выполнению указаний и распоряжений субъекта власти. У последнего исчезает необходимость в постоянном контроле и применении каких-либо штрафных санкций. К аналогичным результатам (и даже большим) приводит подчинение на основе такого мотива, как убеждение, связанного с понятиями «менталитет», «ценностные ориентации» и «установки». Готовность подчиняться государственной власти в этом случае формируется под воздействием высоких идейных побуждений патриотического, религиозного или нравственного толка.

Мотивацией подчинения, благоприятной для власти, выступает авторитет. Это понятие охватывает высоко ценимые качества, которые подчиненные видят в руководителе и которые обеспечивают их подчинение без давления или угрозы наказания. Авторитет формируется на основе общей заинтересованности и согласия объекта и субъекта власти и убежденности подчиненных в особых способностях руководителя. Авторитет может быть истинным, когда руководитель действительно обладает приписываемыми ему качествами и способностями, и ложным, основанным на заблуждениях. В зависимости от лежащих в его основе качеств авторитет бывает деловым, научным, религиозным, моральным и т. п.

Власть, основанная на интересе, убежденности и авторитете, может перерасти в идентификацию (отождествление) подчиненного с руководителем. В этом случае достигается максимальная сила власти и руководитель воспринимается подчиненным как свой представитель и защитник. Идентификация субъекта власти с объектом объясняется либо двойственным положением людей по отношению к власти, например, в демократических организациях индивиды, с одной стороны, выбирают и контролируют руководство, с другой стороны, выполняют его решения, либо общностью интересов

и ценностей руководителей и подчиненных и возникновением у исполнителей чувства единства со всей организацией или группой.

Власть представляет собой весьма важный для жизни любого общества и его отдельных систем и подсистем феномен. В различных сферах общественной жизни она выполняет ряд важнейших функций: регулирование общественных отношений, контроль над поведением индивидов и групп, руководство и управление общественными процессами, координация действий по выполнению поставленных перед обществом или группой задач, организация таких действий, мобилизация индивидов, групп или общества в целом на достижение каких-либо значимых для них целей. Реализация всех этих функций связана с механизмами функционирования власти в обществе и особенно такого важнейшего ее вида, как власть политическая или государственная.

§ 2. Источники и ресурсы власти

В структуре власти всегда выделяют субъект и объект, источники власти, основания власти и ресурсы власти.

В качестве *субъектов* власти могут выступать государство и его отдельные институты, политические элиты и лидеры. *Объектами* власти становятся как индивиды, так и социальные группы, а также большие массы людей — население той или иной территории или целого государства.

Источниками власти могут быть закон, сила, авторитет, престиж, богатство, интерес, тайна, харизма, знания, идеи, организация. Исторический опыт показывает, что очень часто источником власти являлась и является сила — вплоть до наших дней. Это в свое время констатировал и председатель Коммунистической партии Китая Мао Цзэдун в своем афористическом высказывании «Винтовка рождает власть». Не меньшее значение в качестве источника власти, особенно в современных условиях, имеет богатство. Хотя нет прямой и автоматической связи между уровнем материального богатства и степенью доступа к власти, способностью ею овладеть, однако определенная зависимость, как указывали многие мыслители, в частности Г. Моска, между богатством и властью существует. В любой, самой демократической стране для победы на свободных выборах, помимо всех остальных условий, необходимы деньги,

причем деньги немалые. По Конституции США президентом может стать любой гражданин Америки, но в ее истории не было примера победы на президентских выборах малоимущего или безработного. Для победы на выборах необходимы сотни миллионов долларов. Кандидаты в президенты используют, конечно, не только и не столько свои личные средства, а взносы крупных компаний в избирательный фонд. Но именно материальное богатство выступает в качестве одной из важнейших предпосылок пути к власти. В современных сложноорганизованных обществах организация как таковая также стала источником власти. Например, после смерти В. Ленина в советском государстве и большевистской партии разгорелась борьба за власть. В этой борьбе принимали участие такие известные и яркие партийные лидеры, как «второй вождь Октября» Л. Троцкий, председатель Петроградского совета Г. Зиновьев, председатель Московского совета Л. Каменев. Однако победу одержал державшийся долгое время в тени И. Сталин. Он не обладал сколько-нибудь яркими талантами, не был хорошим оратором, имел более низкий, чем его соперники, образовательный уровень, не занимал заметных постов в первые годы после революции. Соперники относились к нему с пренебрежением, но именно И. Сталин одержал победу во внутривнутрипартийной борьбе. Произошло это во многом благодаря тому, что он в 1922 г. занял вновь учрежденный пост Генерального секретаря ЦК РКП(б). Первоначально эта должность рассматривалась как второстепенная и сугубо техническая в структурах партийной иерархии. Но, оказавшись на посту Генерального секретаря, И. Сталин получил контроль над организационным механизмом большевистской партии. Пользуясь этим, он стал постепенно продвигать «наверх» своих сторонников, отесняя противников на периферию партийной жизни. В итоге И. Сталин занял господствующую позицию в партии, а пост Генерального секретаря ЦК вплоть до развала Советского Союза оставался важнейшим в стране.

«Основания власти» и «ресурсы власти» — понятия близкие, но не совпадающие полностью. Под основаниями власти понимают тот фундамент, на котором базируются источники власти. Социальными основаниями власти могут быть социальные группы и слои, на которые опирается власть. Состав таких групп и слоев меняется, поскольку те или иные группы и слои либо перестают поддерживать власть, либо, наоборот, переходят от конфронтации к сотрудничеству. Административным основанием государственной власти является ее административный аппарат со всеми входящими

в него институтами и учреждениями. Культурно-информационные основания власти представляют собой систему организаций, аккумулирующих в себе духовный, культурный и научный потенциал, систему образования, средства массовой информации. Юридическим основанием государственной власти выступает совокупность законов, и прежде всего основной закон — Конституция.

Понятие «экономические основания власти», по сути, полностью совпадает с понятием «экономические ресурсы», поскольку подразумевает обладание совокупностью этих ресурсов. Для государственной власти экономическими основаниями можно считать объем валового внутреннего продукта (ВВП) в целом и на душу населения, а также процент от ВВП, перераспределяемый через государственный бюджет. К экономическим основаниям власти относятся золотой запас, уровень стабильности национальной валюты, наличие природных ископаемых и степень контроля над ними, а также производственные мощности, земля и другие материальные объекты, находящиеся в государственной собственности.

Ресурсы власти — это конкретные средства, с помощью которых субъект власти воздействует на объект для достижения своих целей. Известны несколько типологий ресурсов власти. Отдельные виды ресурсов классифицируют по сферам их применения: экономические, социальные, культурно-информационные, правовые, силовые и др.

Экономические ресурсы, прежде всего собственность и деньги, всегда были важнейшими ресурсами любой власти. В средневековом феодальном обществе государственная власть для достижения своих целей широко использовала важнейший в то время ресурс земельной собственности. В Московской Руси дворянство было сословием, состоящим на государственной службе, платой за которую являлись поместья. Еще более универсальным экономическим ресурсом были и остаются деньги. Без них в современном обществе невозможно ни овладеть властью, ни успешно ею распоряжаться.

Социальные ресурсы власти — это ее способность менять при помощи различных рычагов, включая и экономические, социальный статус индивидов и общественных групп, обеспечивая их поддержку и достигая этим определенных целей. Например, в первые годы существования коммунистического режима в нашей стране социальный статус интеллигенции был невысок. Впоследствии были предприняты меры к повышению престижа интеллектуального труда и повышению статуса связанных с ним общественных групп,

поскольку возникла необходимость социально-экономического развития Советского Союза.

Весьма разнообразными являются культурно-информационные ресурсы. Наряду с собственно информацией, без которой невозможно сегодня функционирование любой общественной структуры, к культурно-информационным ресурсам относятся разнообразные научные знания, идеи, духовные ценности. Например, для сохранения спокойствия и стабильности в обществе тоталитарные режимы дозируют информацию о событиях в стране и мире, ограничивают доступ населения к таким знаниям, которые могли бы поставить под сомнение господствующие идейно-политические принципы.

К силовым ресурсам относятся средства насилия и принуждения, включая оружие, а также соответствующие государственные институты: армия, полиция, служба безопасности, тюрьма и т. д.

Демографические ресурсы — это сами люди, без которых ни одна власть не может обойтись. Примером использования демографических ресурсов является подбор и расстановка кадров в разных сферах общественной жизни, в том числе в структурах власти и управления.

Правовые ресурсы — это законы и другие нормативные акты (указы президента, распоряжения правительства и т. д.), которые используются властью в процессе своего функционирования.

В типологии известного политолога А. Этциони правовые нормы вместе с ценностными ориентациями, определяющими поведение людей, включены в состав нормативных ресурсов. Наряду с этими ресурсами он выделяет также утилитарные и принудительные ресурсы власти. К утилитарным Этциони относит различные экономические и социальные блага, а к принудительным — штрафные санкции, используемые властью для достижения своих целей.

В зависимости от того, какой из ресурсов субъект использует для воздействия на объект, выделяют различные виды власти. Можно говорить об экономической власти, которой обладают те, у кого есть деньги или собственность по отношению к тем, у кого денег и собственности нет. Так, любой работодатель обладает некоторой степенью власти по отношению к наемному работнику. Другими разновидностями экономической власти могут быть названы власть продавца над покупателем или, наоборот, власть покупателя над продавцом. Первая разновидность имеет место при дефиците товаров, например, как это было при «развитом социализме», когда продавец мог диктовать свои условия покупателям. Продавцы, как

и работники торговли вообще, занимали в повседневной жизни людей более заметное, чем в обычных условиях, место. Власть покупателя осуществляется в условиях насыщенного товарами рынка, что приводит к зависимости продавца. Продавцы стараются привлечь внимание покупателей, а покупатели получают возможность влиять на поведение продавцов, например снижать цену на товары, предоставлять дополнительные услуги.

При использовании культурно-информационных ресурсов тоже могут возникать новые виды власти. Такова, например, власть писателя над читателем, позволяющая ему на какое-то время стать «властителем душ». К такому же типу власти относятся религиозная, моральная, идейная власть, основанные на авторитете религии, этического учения или идеологии. Большие возможности для использования культурно-информационных ресурсов, в том числе и для манипулирования сознанием и поведением людей, дают средства массовой информации. Не случайно СМИ часто называют «четвертой властью», имея в виду ту роль, которую они играют в современном обществе.

Власть, в основе которой лежат исключительно силовые ресурсы, определяется как власть принуждения. Такой властью может обладать любой человек, заставляющий под угрозой применения силы или оружия других людей подчиняться своей воле. Пример такой власти — характерные для 90-х гг. XX в. в нашей стране отношения между преступными элементами и предпринимателями. Последние, если они были лишены надежной охраны и защиты, отдавали преступникам часть своих доходов. В условиях нормально функционирующего общества использование силовых ресурсов, насилия и принуждения должно быть закреплено, причем в строго оговоренных рамках, только за государством как за институтом политической власти.

Главным же признаком политической власти по отношению к другим ее разновидностям выступает то, что она может использовать все многообразие ресурсов, не только принудительных и правовых, но и экономических, социальных, культурно-информационных, демографических.

Среди других отличительных признаков политической власти выделяют:

- а) легальность в использовании силы;
- б) верховенство власти, то есть обязательность ее решений для всех индивидов и институтов в пределах данной территории;

в) публичность, то есть обезличенность власти, некоторую дистанцированность и обособленность от других общественных институтов;

г) моноцентричность, то есть наличие единого центра принятия решений; это отличает политическую власть от экономической власти, у которой центров принятия решений практически столько, сколько и субъектов экономических отношений.

Общепризнанной является типология исторических форм политической власти, предложенная французским политологом М. Дюверже. Он выделил три таких формы власти: *анонимную* — характерную для примитивных слабоструктурированных обществ; *индивидуализированную* — возникающую по мере усложнения разделения труда и обособления видов деятельности; и *институализированную* — опирающуюся на систему социальных институтов, выполняющих четко определенные функции. В современных обществах политическая власть существует преимущественно в своей третьей, институализированной форме.

Политическую власть часто рассматривают как синоним *государственной* власти, опирающейся на основные институты государства (парламент, правительство, правоохранительные органы) и использующей все ресурсы, контролируемые государством. Но в сфере политики власть проявляется и в иных формах. Например, *партийная* власть распространяется на определенное число членов и сторонников партии. Властью обладают некоторые общественные организации, в частности профессиональные союзы. *Духовной* властью, основанной на использовании культурно-информационных ресурсов, могут обладать средства массовой информации и формируемое ими общественное мнение. В нормальных условиях государственная власть монопольно занимает имманентно присущее ей легальное положение в обществе. Но могут быть случаи, когда монополию государственной власти оспаривают нелегальные структуры. Например, криминальный рэкет оспаривает государственную монополию на сбор налогов, преступные группировки, терроризируя население, выводят его из подчинения официальным государственным структурам. Все это является результатом ослабления государства и, в свою очередь, обуславливает появление альтернативных центров силы и принятия решений.

Несмотря на свою моноцентричность, политическая власть обладает свойствами *разделения* и *распределения*. Разделение власти может иметь горизонтальный характер, когда отдельные функции

закрепляются за специальными государственными институтами. Например, разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную. Разделение власти может иметь и вертикальный характер, когда ее полномочия делятся между центральными и местными государственными институтами. Но при всех вариантах разделения власти необходимо сохранять принцип ее моноцентричности, исключающий конфликты в виде противостояния законодательной и исполнительной власти или субъекта федерации и федеративного центра. Нарушение принципа моноцентричности власти может привести к катастрофическим для общества последствиям. Так случилось, например, в нашей стране после февральской революции 1917 г., когда противостояние Временного правительства и Советов привело сначала к дестабилизации и дезорганизации всей общественной жизни, а в итоге к установлению тоталитарного режима.

Двоевластие в период между февральской и октябрьской революциями 1917 г. выражалось в том, что и Временное правительство, и Петроградский совет принимали по одним и тем же вопросам параллельные, но не идентичные решения и пытались добиваться их выполнения. На практике это приводило к нарастанию хаоса. Особенно неуправляемыми становились вооруженные силы. Петроградский совет в одном из первых своих решений отменил элементарные основы воинской дисциплины в частях Петроградского гарнизона, вскоре это решение стихийно распространилось на всю армию. Временное правительство не смогло предпринять никаких контрмер, и вскоре в вооруженных силах началось массовое дезертирство и отказ от участия в боевых действиях. Формально государственная власть оставалась в руках Временного правительства, но большинство его распоряжений выполнялось только с согласия Петроградского совета.

Другой пример возникновения параллельных центров власти в истории нашей страны связан с событиями 1993 г. Тогда Президент Российской Федерации Б. Ельцин, ссылаясь на итоги состоявшегося референдума по вопросу о доверии к основным государственным институтам, издал Указ о роспуске Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ и о проведении конституционной реформы. В ответ Съезд народных депутатов объявил об отстранении президента от должности и о передаче его полномочий вице-президенту А. Руцкому. В итоге сложилась опасная ситуация противостояния исполнительной и законодательной власти, которая привела к трагическим событиям 3–4 октября 1993 г.

Оба вышеприведенных примера имеют отношение к еще одной из важнейших сущностных характеристик политической власти — к вопросу о ее легитимности.

§ 3. Легитимность и легитимация политической власти

«*Легитимность*» — термин, который широко применяется в современной политической науке и политической практике. Иногда его трактуют предельно широко, отождествляя с формальной юридической законностью. Однако это далеко не всегда так. Легитимность власти, действительно, означает законность, но законность субъективную. В силу тех или иных причин люди могут давать положительную оценку политическим институтам, концентрирующим в себе властные полномочия, признавать их право на принятие управленческих решений и быть готовыми добровольно им подчиняться. Такое взаимоотношение между властью и людьми принято называть легитимностью. Легитимная власть оценивается признающими ее людьми как правомерная и справедливая. Легитимность означает соответствие этой власти основным ценностным ориентациям большинства граждан.

Термин «легитимность» в его нынешнем значении ввел в научный оборот немецкий социолог М. Вебер. В его методологии выделения типов легитимного господства обнаруживается ярко выраженный психологический подход. Характеристика типов легитимности власти у М. Вебера основана на его же концепции о типах социального действия. В самом общем плане «социальное действие» — это особенности, приемы поведения людей в различных сферах, результатом которого становятся все социальные отношения и институты. М. Вебер выделил несколько видов социального действия в зависимости от того, какими мотивами это действие определяется.

Высшим видом социального действия ученый считал *целерациональное* действие. Иными словами, такое действие, которое мотивировано исключительно осознанными, рациональными интересами. В нем присутствует заранее поставленная цель, и путь к ее достижению вырабатывается при помощи рациональных инструментов — математических, технических, естественно- и общественно-

научных знаний, а также правовых норм. Ценностно-рациональное социальное действие осуществляется на основе осознанной веры в определенные этические, эстетические или религиозные идеалы. Третий вид социального действия М. Вебер связывал исключительно с эмоционально-чувственной мотивацией и называл его «аффективным». Наконец, четвертый вид социального действия социолог характеризовал как традиционный, где главным мотивом выступает привычка, бессознательное следование раз и навсегда установленным стереотипам поведения.

Исходя из вышеперечисленных видов социального действия, М. Вебер выделил три типа легитимного господства. Первый тип был назван им *легальным*. Только в этом типе легитимность и формальная законность совпадают. Главным мотивом к подчинению власти является интерес, а в его основе лежит целерациональное социальное действие. В политической системе, построенной на легальном типе легитимности власти, подчиняются не какой-либо конкретной личности, а установленным законам, причем подчиняются этим законам не только те граждане, которыми управляют, но и те, которые призваны управлять (правлящая элита, бюрократический аппарат, состоящий из чиновников). Формально-правовое начало здесь является определяющим. До тех пор пока все осуществляется в соответствии с законом, система полностью сохраняет свою легитимность. Легально-рациональный тип легитимного господства не может обойтись без специально обученных, компетентных чиновников, составляющих, по Веберу, рациональную бюрократию. Рациональная бюрократия предполагает такую технологию и структуру государственного управления, при которой весь управленческий процесс разбит на отдельные обезличенные операции, требующие профессиональных знаний, навыков и опыта.

Чиновник такого типа управления должен соответствовать следующим критериям: быть лично свободным и подчиняться только служебному долгу, а не своим или чужим интересам; занимать четкое определенное место в служебной иерархии; обладать определенной компетенцией (в данном случае твердо знать свои права и обязанности); работать на контрактной основе в условиях свободного выбора; занимать должность в соответствии со своей профессиональной квалификацией; получать регулярное денежное вознаграждение в соответствии с занимаемой должностью; иметь возможность подниматься вверх по ступеням служебной иерархии в зависимости от эффективности своей деятельности; рассматривать свою службу как

основную профессию; не использовать свое служебное положение и вытекающие из него возможности в личных целях; подчиняться единой для всех служебной дисциплине.

М. Вебер понимал, что в реальной жизни бюрократический способ управления отличается от идеального типа. Политическая практика показывает много примеров превращения чиновников в замкнутую касту, действующую не в интересах общества, а преимущественно в личных целях. Поэтому для нейтрализации негативных последствий бюрократизации власти и управления используются различные формы контроля над деятельностью чиновников со стороны политических институтов и общественного мнения.

Другой тип легитимного господства, в котором мотивация к подчинению М. Вебер видел в «нравственной привычке к определенному поведению», он назвал *традиционным*. Такой тип господства основан на вере в законность и даже священность издавна существующих порядков и властей и связан с традиционным социальным действием. На основе обобщения исторического опыта целого ряда стран Вебер выделяет две формы традиционного легитимного господства: *патриархальную* и *сословную*. *Патриархальная форма* организации традиционной власти имела место, по мнению Вебера, в Византии. Для нее характерны отношения личной зависимости в аппарате государственного управления. Хотя довольно высокие посты могут занимать как выходцы из социальных низов, включая вчерашних рабов, так и ближайшие родственники самого императора, все они являются бесправными слугами последнего. Примеры *сословной формы*, согласно взглядам Вебера, можно найти в феодальных государствах Западной Европы. Здесь механизм власти более обезличен. Нижестоящие звенья властной иерархии имеют бóльшую автономию, а в основе самой иерархии лежат принципы сословной принадлежности и сословной чести. Такая форма традиционного господства создает условия для образования аристократии, в какой-то степени ограничивающей власть монарха.

При традиционном типе легитимного господства и в особенности при его патриархальной форме чрезвычайно низка роль формального права. Личная преданность и верность начальнику имеют гораздо большее значение, чем знания и компетентность. Поэтому именно личная преданность является важным условием для продвижения по служебной лестнице.

Третий тип легитимного господства получил определение *харизматического*. Под харизмой (от греч. *charisma* — дар) М. Вебер

понимал некие особенные способности, дарованные некоторым индивидам и выделяющие их среди других людей. К харизматическим качествам социолог относил способность магического воздействия на окружающих, пророческий дар, выдающиеся силу духа и слова. Харизмой, по мнению Вебера, обладают герои, великие полководцы, маги, пророки и провидцы, гениальные художники, выдающиеся политики и, наконец, основатели мировых религий, такие как Будда, Иисус, Магомет. Для харизматического типа легитимного господства характерна совершенно иная мотивация подчинения, чем для традиционного. Если при традиционной легитимности мотивация основана на привычке, привязанности к обычному, то при харизматической легитимности она связана с сильным воздействием на психику и сознание людей чего-то нового, яркого, необычайного. Здесь речь идет об аффективном типе социального действия. Источником привязанности к харизматическому властителю, готовности следовать его указаниям является не традиция и формальные юридические нормы, а эмоционально окрашенная личная преданность ему и вера в харизму этого человека. Поэтому, полагал М. Вебер, харизматический вождь должен постоянно доказывать наличие этой самой харизмы.

От легально-рационального и традиционного типов легитимного господства харизматический тип отличается отсутствием четких правил и норм, решения в этом случае принимаются из иррациональных побуждений. В реальной политической практике харизма вождя не всегда связана с каким-либо особым даром, она может быть следствием некритического восприятия его образа сторонниками и последователями. Нередко такая харизма возникает благодаря искусной демагогии и популизму. Пришедший к власти на основе подобной «искусственной» харизмы политический деятель может вскоре разочаровать своих приверженцев неспособностью выполнить обещания, реализовать зачастую утопические пожелания своих последователей. М. Вебер отмечал, что вождь, не сумевший доказать свою харизму, начинает ее терять. Для удержания власти такому лидеру не остается ничего другого, как прибегать к силе, репрессиям. Таков механизм возникновения авторитарных диктатур во многих странах третьего мира. Подобные примеры можно увидеть и на постсоветском пространстве.

Нетрудно заметить, что количество видов социального действия и типов легитимного господства у М. Вебера неодинаково. Ценностно-рациональное социальное действие не имеет соответ-

ствующего ему типа легитимности. Современные концепции легитимности это несоответствие устраняют.

В процессе развития политической науки развивались и представления о легитимности. В качестве объекта легитимности стали рассматривать не только власть как субстанцию, но и ее институциональное выражение в виде политической системы в целом. По мнению известного американского политолога С. Липсета, понятие «легитимность» означает способность системы породить и поддерживать веру народа в то, что ее политические институты в наибольшей степени отвечают интересам общества. Другой, не менее известный, американский политолог Д. Истон считает легитимной такую власть или политическую систему, которая соответствует моральным принципам индивидов, их собственным представлениям о том, что является справедливым или правильным в сфере политики.

Типология легитимности, по Д. Истону, основана на его представлении о том, что политическая система может иметь два вида поддержки — *диффузную* и *специфическую*. Под диффузной поддержкой он понимает поддержку фундаментальных, базовых идей и принципов, которые лежат в основе данной политической системы. Причем такая поддержка оказывается независимо от конкретных результатов функционирования самой системы, поскольку носит преимущественно аффективный характер, то есть связана с эмоциональным восприятием оправдывающих систему идей и принципов. *Специфическая* поддержка понимается как поддержка конкретных решений правительства, отдельных институтов политической системы в зависимости от эффективности их деятельности. Такая поддержка основана на рациональном расчете и является результатом осознанного выбора индивидов.

В качестве источников легитимности Д. Истон называет идеологию, политический режим и политическое лидерство. Исходя из этого, он выделяет и три типа легитимности: *идеологическую*, *структурную* и *персональную*.

Идеологическая легитимность основана на убежденности граждан в правильности тех идейных ценностей, на которых основывается политический режим и представляющие его институты. Чем больше граждан разделяют ценности и нормы, характерные для данного политического режима, тем большей степенью легитимности он обладает, и наоборот, чем меньше таких граждан, тем ниже уровень легитимности. *Структурная легитимность* основана на убежденности граждан в оптимальности структуры институтов

политической системы и выполняемых ими функций, на уверенности в правильном распределении ролей в структурах власти и одобрении юридических норм, на которых базируется данная система. Нетрудно заметить, что структурная легитимность в понимании Истона сходна с легально-рациональной легитимностью в понимании Вебера. Точно так же можно провести аналогию между персональной легитимностью по Д. Истону и харизматической легитимностью по М. Веберу. *Персональная легитимность*, по Истону, основана на вере индивидов в личные качества политических лидеров, на уверенности в их способности наилучшим образом распорядиться властью. Но если Вебер считал, что «харизма», присуща лишь выдающимся историческим деятелям, то Истон исходил из того, что массовую поддержку могут получать политические лидеры и не обладающие в действительности особыми качествами. Как показывает политическая практика, власти могут добиться весьма заурядные личности, и они могут пользоваться достаточно устойчивой и широкой поддержкой населения, следовательно, иметь персональную легитимность.

В современной политической науке получила известность концепция легитимности политической власти в изложении французского политолога Ж. Шабо. Легитимность он определяет как адекватность реальных или предполагаемых качеств управителей (а также тех, кто намеревается ими стать) подразумеваемому или ясно выраженному согласию управляемых. Ж. Шабо выделяет четыре типа легитимности: *демократическую, идеологическую, технократическую* и *онтологическую*. *Демократическая легитимность* присуща политическим системам, функционирующим на основе базовых демократических принципов: коллегиальное принятие решений, учет воли большинства, соблюдение прав и свобод человека. *Демократическая легитимность* относительна и должна дополняться другими типами легитимности. Прежде всего, это *технократическая легитимность*, понимаемая Шабо как степень профессионализма и компетентности тех, кто находится у власти и принимает решения. Лидеру недостаточно только завоевать поддержку избирателей, необходимо оправдать оказанное доверие эффективной управленческой деятельностью. *Идеологическую легитимность* Шабо понимает практически так же, как и Истон, связывая ее с функционированием советского и других тоталитарных режимов.

Наиболее трудна для восприятия концепция *онтологической легитимности* Ж. Шабо. Политолог указывал, что в данном случае

«речь идет о выявлении соответствия политической власти объективному порядку, вписанному в человеческую и социальную действительность, продолжении порядка, установленного в космической внечеловеческой действительности». Иными словами, существование любой политической системы оправдано до тех пор, пока она не вступает в противоречие с наиболее универсальными законами развития природы и общества.

При всем многообразии концепций легитимности власти все они имеют и немало схожих аспектов. Различия же между ними объясняются сложностью самого феномена легитимности.

Наряду с теоретической проблемой легитимности политической власти существует практическая проблема ее *легитимации*, то есть обретения легитимности в глазах общества. Легитимация власти в ряде случаев может совпадать с легализацией — принятием основополагающих юридических актов, прежде всего конституций. Механизмом легитимации могут быть *выборы* или *референдумы*, с помощью которых выявляется уровень поддержки населением лидеров, партий, институтов, нормативных актов или решений. Идеологическая легитимация власти бывает необходима не только в тоталитарных системах, на те или иные идейные ценности для оправдания своих действий и решений опираются и руководители самых демократических стран.

Политическая власть, особенно высокого уровня, часто персонифицирована. Поэтому для сохранения авторитета и, следовательно, легитимности власти необходимо поддерживать и укреплять авторитет представляющих ее политических лидеров. В условиях авторитарных, тоталитарных режимов харизматическая или, используя терминологию Истона, персональная легитимация может принимать форму «культы личности», однако более цивилизованные примеры такой же легитимации наблюдаются и в условиях демократии. Для легитимации власти большое значение имеет эффективность решений и действий тех, кто ею обладает. Политический режим, не имеющий достаточной легитимности, может обрести ее, если будет способствовать успешному решению стоящих перед обществом проблем и тем самым удовлетворению потребностей и чаяний большинства населения.

В качестве эмпирических индикаторов степени легитимности власти могут рассматриваться следующие признаки.

1. Уровень принуждения, используемый властью для осуществления своей политики (легитимная власть может вообще обо-

диться без прямого насилия, нелегитимная власть часто просто «сидит на штыках»).

2. Наличие или отсутствие попыток незаконного свержения данного правительства или политического лидера.
3. Наличие или отсутствие массовых акций гражданского неповиновения, а также сила такого неповиновения.
4. Результаты выборов, референдумов, а также данные социологических исследований, если последние достоверны.

Наряду с процессом легитимации власти в политической практике может происходить и обратный процесс — делегитимации власти, то есть утраты тех факторов, которые определили ее легитимность.

Делегитимация власти может стать результатом целого ряда причин:

- ✦ следствием противоречия между эгоистическими устремлениями правящей элиты и господствующими в данном обществе идейными ценностями;
- ✦ следствием противоречия между официально провозглашенными демократическими принципами и реальной политической практикой, связанной с ограничением прав и свобод населения, давлением на средства массовой информации, преследованием оппозиции;
- ✦ следствием повышения неэффективности деятельности бюрократического аппарата и усиления его коррумпированности;
- ✦ следствием раскола внутри правящей элиты из-за утраты уверенности в оправданности ее претензий на власть;
- ✦ следствием конфликта между ветвями власти.

Кризис легитимности может наступить также тогда, когда политическая система перестает воспринимать требования основных общественных групп, когда в ней отсутствуют или прекращают функционировать механизмы, защищающие интересы широких народных масс.

Процессы легитимации и делегитимации власти можно проиллюстрировать примерами из истории коммунистического политического режима в нашей стране. Как для любого тоталитарного режима, для власти большевистской партии в России особое значение имела идеологическая легитимность. В процессе легитимации коммунистического режима можно обнаружить две основные

составляющие. Первая связана с постепенным вытеснением всех чуждых коммунистической идеологии взглядов, вторая — с приспособлением самой коммунистической идеологии к реальностям и традициям российского общества. Искоренение инакомыслия началось на второй же день после Октябрьской революции, но продолжалось достаточно длительное время, поскольку пришлось решать целый комплекс связанных с этим задач. Необходимо было устранить носителей чуждых марксизму-ленинизму идейных течений, одновременно сформировать новый идеологический и пропагандистский аппарат. На решение этой задачи ушло как минимум два десятилетия. Однако только одного этого для установления тотального идеологического контроля над обществом было бы недостаточно. С точки зрения режима, необходимо было также установить информационную блокаду, превратить СССР в информационно закрытое, изолированное от остального мира общество. Постепенно советские люди все более и более отгораживались не только от окружающего мира, но и от своего прошлого.

Но идеология не могла долго оставаться единственным легитимирующим фактором коммунистического режима в СССР. Она подкреплялась факторами иного порядка. Можно говорить и об определенной экономической эффективности этого режима. Были решены задачи индустриальной модернизации в технико-технологическом и социально-культурном отношении. Аграрная Россия превратилась в ракетно-ядерную сверхдержаву, запустила первый искусственный спутник Земли и осуществила первый полет человека в космос. Не следует забывать и о том, что начиная с середины 50-х гг. XX в. наблюдалась устойчивая тенденция роста уровня материального благосостояния большинства населения Советского Союза, которое могло также пользоваться и широким набором бесплатных социальных услуг, пусть и невысокого по мировым стандартам качества. Улучшение жизни советского народа было неплохим дополнением к обещанию всеобщего счастья в «светлом будущем» — коммунизме. И сам образ этого грядущего процветания был важным элементом идеологической доктрины и оправданием всех трудностей и бед повседневной жизни, легитимировал любые действия власти. Именно идеология для советского общества была силой, наиболее интегрирующей и легитимирующей существующую власть.

Идеологическая эрозия в полной мере стала реальностью уже во времена руководства страной Л. И. Брежневым. Его правление было

отмечено нараставшим разочарованием в прежних идеалах и ценностях. Прежде всего, оказались дискредитированы представления о коммунизме, который не наступил в обещанные сроки, а партийное руководство избегало прямых объяснений с народом по этому поводу. К тому же реальное повышение уровня жизни не всегда ощущалось психологически. Зачастую, наоборот, усиливалось недовольство своим материальным положением из-за сохранявшегося дефицита на многие товары и услуги. С обострением социально-экономических проблем усилилась деградация во многих сферах общественной жизни. Стали отчетливо обнаруживаться коррупция и разложение партийно-государственного аппарата. А всеохватывающая коррупция, по мнению французского социолога М. Догана, является симптомом делегитимации режима. Но до полной его делегитимации в Советском Союзе было еще далеко, тем более что общество по большей части находилось в неведении относительно реально стоящих перед ним проблем.

В начале «перестройки» советское общество в целом еще не было готово к серьезным и системным изменениям. М. Горбачев столкнулся не только с сопротивлением части консервативного аппарата, но и с инертностью массового сознания. Поэтому понадобилась помощь средств массовой информации, получивших, пусть и ограниченную «сверху», свободу критиковать существующие реалии для того, чтобы «расшевелить» общество. Но так называемая «гласность» стала первым камнем, сорвавшимся в пропасть и увлекшим за собой всю систему мифов, на которых покоилась господствовавшая идеология. Процесс деградации идеологии шел и в предшествовавшие годы, но рухнула она, не выдержав «перепада давления», вызванного открытием внешних и внутренних идеологических шлюзов. Параллельно с быстрым размыванием идеологического фундамента легитимности коммунистической власти обнажилась и экономическая неэффективность системы. В результате делегитимации прежняя экономическая и политическая система прекратила существование, открыв новый период развития нашей страны.

Непростым был процесс легитимации власти в новой России после крушения коммунистического режима и распада СССР. Затягивалось принятие необходимых в новых условиях нормативных актов и, прежде всего, Конституции. Это привело к политическому кризису. Сложилась ситуация, когда формальная законность (легальность) и легитимность не только не совпадали, но в некоторых

пунктах находились в конфликте между собой. Так было в сентябре — октябре 1993 г. во время уже упоминавшегося противостояния между президентом Ельциным и большинством Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. Б. Ельцин к тому времени еще не утратил полностью своей «харизмы», приобретенной им в борьбе с прежней системой, в том числе и популистскими приемами. В первые годы реформ «харизма» Ельцина была едва ли не единственным фактором, легитимировавшим происходившие перемены. По мере того как популярность Ельцина падала, власть искала иные средства своей легитимации. Например, был задействован идеологический фактор. Если в начале 90-х гг. XX в. в ходу были ссылки на либеральные ценности, то затем видные представители правящего режима использовали патриотические лозунги и риторику, заимствованную у оппозиции.

В начале XXI в. возросла роль легально-рациональных факторов легитимации политической власти в России, в частности правовых норм. Легитимность и легальность власти теперь, в отличие от периода 80–90-х гг. XX в., практически совпадают. Передача президентских полномочий от В. В. Путина к Д. А. Медведеву в 2008 г. произошла полностью в соответствии с действующей Конституцией и другими законодательными актами. Но и сегодня задача легитимации власти не сводится лишь к исполнению формально-правовых норм. По-прежнему важным фактором легитимации политической власти в России остается эффективность ее деятельности. Поскольку наша страна, как и другие страны мира, переживает глобальный экономический кризис, сохранение политической стабильности и высокого уровня доверия населения к основным государственным институтам, а следовательно, уровень их легитимности будут зависеть от того, как все ветви власти справятся с непростыми социально-экономическими проблемами.

Контрольные вопросы и задания

1. Сравните основные подходы к определению сущности власти и властных отношений.
2. Назовите основные элементы в структуре власти.
3. Найдите связь между источниками власти и мотивами к подчинению.

4. Какие из ресурсов власти, по вашему мнению, имеют наиболее важное значение?
5. Чем политическая власть отличается от экономической?
6. Какова связь между теорией социального действия М. Вебера и его теорией легитимного господства?
7. В чем состоит сходство и различие между понятиями «легальность» и «легитимность»?
8. В чем состоит сходство и различие между понятиями «харизматическая легитимность» и «персональная легитимность»?
9. Каковы, по вашему мнению, критерии эффективности власти?
10. Охарактеризуйте роль идеологического фактора в процессах легитимации и делегитимации коммунистического режима в бывшем СССР.

ГЛАВА IV

Политическая идеология

---

§ 1. Сущность и функции политической идеологии

В политическом процессе последних двух столетий значительная роль принадлежит идеологическому фактору. Единого и общепринятого толкования самого термина «идеология» нет. В свое время его ввел в научный оборот французский философ начала XIX в. А. Дестют де Траси. Он толковал идеологию как некую науку об идеях. Впоследствии данный термин стал использоваться для обозначения *системы воззрений и духовных ценностей, отражающих интересы отдельной общественной группы, на основе которых определяются цели и средства политической деятельности, направленной на обеспечение этих интересов*. Молодой К. Маркс рассматривал идеологию как форму ложного сознания, отражающего интересы эксплуататорских классов, стремящихся во что бы то ни стало, даже путем лжи и подтасовки фактов, обосновать свое господство. Позже марксисты выдвинули идею о возможности научной идеологии, имея в виду при этом, конечно, свою собственную доктрину. Близкой к точке зрения молодого Маркса была позиция известного немецкого социолога Карла Маннгейма, который делил идеологические течения на собственно идеологию и утопию. К идеологии он причислял ложные утверждения господствующих классов, оправдывающих свое господство, утопия, по его мнению, объединяла иллюзорные представления угнетенных о путях и способах освобождения.

Успехи науки и техники, технологический прогресс в середине XX в. побудили некоторых исследователей заговорить о «конце идеологии». В частности, такую концепцию выдвинул американский социолог Даниэл Бэлл. В будущем постиндустриальном обществе он не оставил места идеологии, поскольку, считал ученый, человечество научится решать свои проблемы совместно, на основе позитивного знания и с помощью рациональных инструментов. Однако последующий ход истории не оправдал этих надежд. Научно-технический прогресс не устранил из общественной жизни социальные конфликты, следовательно, сохранили актуальность большинство идеологических доктрин.

Современный исследователь Э. Шилз обуславливает существование идеологии необходимостью преодолевать последствия кризисов, неизбежно присутствующих в обществе. Шилз полагает, что само понятие «идеология» можно применить только к таким системам воззрений, которые становятся востребованными в ситуации глубокого социально-политического кризиса. Поскольку мировоззренческие ценности, составляющие основу любой идеологии, по своей силе сопоставимы с силой религиозных убеждений, сама идеология обладает существенным ориентационным потенциалом, позволяющим людям находить выход из сложных кризисных ситуаций.

Идеология, таким образом, выполняет ряд серьезных общественных функций. Во-первых, она способствует интеграции общества в целом или отдельных его частей вокруг определенных ценностей. Такое общество более устойчиво к внутренним конфликтам и внешним угрозам, поскольку общие интересы оказываются сильнее частных. Во-вторых, идеология может выполнять функцию легитимации политической власти в целом и ее отдельных институтов в частности. В-третьих, идеология обеспечивает мобилизацию людей, социальных групп, целых народов на решение самых различных задач общественного развития. Мобилизация с помощью идеологии может поднять население на восстание против существующей власти, может вызвать в массах трудовой энтузиазм, необходимый для достижения экономических целей. В советский период нашей истории власть часто использовала этот ресурс и в отдельные периоды, например в годы первых пятилеток, добивалась заметных результатов. В-четвертых, политическая идеология может осуществлять функцию социальной амортизации. Эта функция реализуется в ее способности интерпретировать социальную действительность и ослаблять напряженность в ситуациях конфликта между потреб-

ностями людей и реальными возможностями их удовлетворения. Пример истории нашей страны показывает, как коммунистическая партия, используя образ «светлого будущего», отвлекала советский народ от «временных трудностей», которые постоянно сопровождали процесс «социалистического и коммунистического строительства». Было обещано, что лишения и страдания советских людей с лихвой окупятся в коммунистическом обществе, и если не строители коммунизма, то их дети и внуки смогут воспользоваться всеми радостями жизни. В-пятых, политическая идеология выполняет функцию выражения и защиты интересов определенной общественной группы, что делает идеологический взгляд на мир ангажированным и предвзятым. Одни и те же события общественной жизни трактуются по-разному представителями различных идеологий. Если для К. Маркса революции были «локомотивами истории», «праздником угнетенных», то консерваторы считали их общественными катастрофами (см. главу XVI).

В структуре политической идеологии можно выделить три уровня функционирования политических доктрин. Первый уровень — *теоретико-концептуальный*. Он тесно связан с философским знанием, социально-гуманитарными науками. Отдельные мыслители, часто не отдавая себе в этом отчета, могут формулировать идеи, отражающие интересы социальных групп, а иногда наций или государств. Такие идеи находят своих сторонников, давая мотивацию для их политической активности. Однако на основе абстрактных философских положений не всегда возможно строить стратегию и тактику политической борьбы, поэтому необходим и иной, более приближенный к реальной действительности уровень, который можно назвать *программно-политическим*. На этом уровне общие принципы политической идеологии находят свое отражение в документах политических партий и движений, в разработках, конкретизирующих общетеоретические положения и приспособляющих их к обстоятельствам места и времени. Третий, *актуализированный* уровень политической идеологии интерпретирует в простой и доступной форме ее положения и доносит их до широкого круга сторонников и единомышленников. Этот уровень может быть представлен предвыборными лозунгами, агитационными материалами, используемыми в политических кампаниях.

Соотношение между этими уровнями можно проиллюстрировать примером из российской истории. К. Маркс в своем труде «Капитал» высказал убеждение, что неизбежно пробьет «последний

час капиталистической частной собственности», когда «экспроприаторов экспроприируют». Политические партии, сделавшие марксизм идейной основой своей деятельности, трансформировали теоретическую формулу основоположника в программное требование национализации средств производства. Когда в России дело дошло до революционной практики, один из руководителей Октябрьской революции, Лев Троцкий, бросил в массы простой и доходчивый лозунг: «Грабь награбленное!»

Политическая идеология — феномен последних двух столетий, она представляет собой продукт модернизации, поскольку в традиционном обществе ничего подобного идеологии в современном значении этого слова не существовало. Место, которое в наши дни занимают политические идеологии, в традиционном обществе принадлежало религии. Политические идеологии формировались и оказывали возрастающее воздействие на социальную практику по мере секуляризации общества — освобождения его от религиозного влияния. Хотя и сегодня влияние религии сохраняется, а временами даже и возрастает.

В современном мире существует множество идеологических течений. Некоторые из них имеют миллионы сторонников, другие же известны узкому кругу лиц. Также существуют различные типологизации и классификации политических идеологий. С точки зрения конфликтологического подхода важнейшим критерием выделения идеологических течений является их подход к путям и способам разрешения и урегулирования конфликтов. Исходя из этого идеологии делятся на две большие группы: *умеренные* и *радикальные*. Сторонники идеологии умеренного толка придерживаются преимущественно мирных, ненасильственных способов разрешения социальных конфликтов. Сторонники радикальных идеологий, напротив, выступают за быстрые и глубокие преобразования, не отрицая возможности политического насилия.

§ 2. Либерализм как политическая идеология

Из современных политических идеологий *либеральная* является одной из старейших. Термин «либерализм» появился довольно поздно, к 40-м гг. XIX в., но как течение политической философии

он существовал по крайней мере уже с XVII в. Появление либеральной идеологии было обусловлено начавшейся модернизацией западноевропейского общества и необходимостью борьбы против экономических и политических структур феодализма. Наиболее видными идеологами классического либерализма стали Дж. Локк и Д. Юм в Англии, Ш. Монтескье, Вольтер и Д. Дидро во Франции, И. Кант в Германии. Зарождение либеральной традиции за океаном связано с именами «отцов-основателей» Соединенных Штатов Америки Джефферсона, Гамильтона, Франклина.

Представители классической либеральной доктрины выдвинули ряд идей, которые на всех этапах ее развития оставались определяющими. Прежде всего, это идея об абсолютной ценности человеческой личности и вытекающее отсюда равенство людей от рождения. В рамках либеральной доктрины впервые был поставлен вопрос о неотчуждаемых правах человека — праве на жизнь, свободу, собственность. Государство понималось как результат общественного договора, главной целью которого является защита этих прав. На этой основе возникла концепция правового государства и выдвинуто требование ограничения объема и сфер деятельности государства, защиты граждан от чрезмерного государственного контроля. Либерализм исходил из необходимости разделения власти, с тем чтобы каждая из ее ветвей не имела бы полного превосходства над другими и была бы для них сдерживающим ограничителем.

Наряду с политическими идеями классический либерализм декларировал и ряд важнейших принципов в сфере экономики. Экономическая доктрина либерализма также основывалась на требовании сокращения государственного вмешательства и регламентации. На практике это означало признание полной свободы частной инициативы и частного предпринимательства. По мнению одного из главных идеологов экономического либерализма, А. Смита, свободное взаимодействие индивидов в их экономической деятельности в конечном счете приведет общество к такому состоянию, когда будут удовлетворены интересы всех социальных слоев. Следует отметить, что первоначальная тенденция совпадения политического и экономического либерализма в дальнейшем не сохранилась.

Исторический опыт показал, что две основополагающие ценности классического либерализма — свобода и равенство — противоречат друг другу. Этим противоречием было обусловлено его дальнейшее разделение. Левое направление либерализма ориентировалось на элементы эгалитаризма, свойственные раннему либерализму,

и нашло свое воплощение в различных вариантах социального либерализма, нацеленных на осуществление социально-экономических реформ. Цель таких реформ — предотвращение острых социально-политических конфликтов, способных разрушить существующее общество и создать угрозу основополагающим правам и свободам граждан. Другое направление в большей степени вдохновлялось идеями экономического либерализма, отстаивая приоритет частной собственности и частного предпринимательства.

После Второй мировой войны реальное политическое влияние либералов во всех развитых странах упало. Это было связано как с тем, что политические идеи либерализма осуществились на практике в большинстве цивилизованных стран, так и с тем, что в политической жизни либералов потеснили социал-демократы. Однако политические партии и организации либеральной ориентации и сегодня представляют собой влиятельную силу в некоторых странах. С 1947 г. существует Либеральный Интернационал, штаб-квартира которого располагается в Лондоне. В программных документах Либерального Интернационала, принятых в 1947, 1967 и 1981 гг., зафиксированы основные принципы политической идеологии либерализма применительно к современным условиям. Либералы считают, что политической свободы не может быть там, где государство полностью контролирует экономику, не оставляя места для частной инициативы. Но экономическая свобода невозможна, если отсутствует свобода политическая и не соблюдаются права человека. Либералы выступают за социальную рыночную экономику, которая должна совмещать экономическую эффективность и социально ориентированные цели. Большое внимание уделяется гибкой налоговой политике. Налоги, по мнению либералов, должны поощрять предпринимательскую деятельность и обеспечивать равенство возможностей. Современная либеральная доктрина декларирует необходимость обеспечения полной занятости, ликвидацию бедности. Но либералы категорически возражают против эгалитаризма, они понимают равенство как равные для всех возможности для саморазвития и для того, чтобы вносить максимальный вклад в развитие общества. Принцип уважения человеческой личности и семьи для либералов лежит в основе общества. Они считают, что государство не должно брать на себя полномочия, противоречащие основным правам граждан. Каждый гражданин должен обладать чувством моральной ответственности по отношению к другим членам общества и принимать участие в общественных делах.

Сегодня задачи реформирования общества либералы видят в укреплении реальной власти парламентов, повышении эффективности исполнительной власти и парламентского контроля над ней, децентрализации власти, юридической защите прав личности и человеческого достоинства, тщательном уравнивании вмешательства и невмешательства государства для того, чтобы примирить интересы человека с интересами общества. В международном аспекте либералы декларируют приверженность принципам сохранения и укрепления мира и безопасности, разоружения, разблокирования региональных и международных конфликтов, развития отношений между странами.

Либерализм как политическая идеология в XX в. оказал сильное влияние на другие идеологические течения. Социал-демократическая идеология вобрала в себя многие принципы социального либерализма. Консервативная идеология в большей степени усвоила идеи либерализма экономического. Либерализм в его чистом виде сегодня имеет довольно ограниченное влияние в странах Запада. Партии, сохраняющие верность базовым принципам либеральной идеологии и поэтому избегающие популистских политических технологий, не пользуются поддержкой широких масс избирателей. Странниками либеральных идей являются преимущественно люди с высоким уровнем образования, принадлежащие к высшим слоям среднего класса или к элитарным кругам. Население в целом ориентировано на поддержку левоцентристских партий, придерживающихся либо консервативных, либо социал-демократических ценностей.

В Россию либеральные идеи стали проникать практически с момента их возникновения в Западной Европе и оказали определенное влияние на программы реформ, которые пытались реализовать в России начиная с рубежа XVIII–XIX вв. (см. главу XV). К концу XIX в., по мере того как царское правительство обнаруживало свою неспособность к глубокому реформированию российского общества и решению его назревших проблем, либерализм становится идейной платформой части оппозиционно настроенной интеллигенции. В отличие от социалистов — сторонников радикальных революционных преобразований, либералы выступали за реформирование общественных отношений в рамках существующей политической системы, а также ее модернизацию. Идеалом для многих русских либералов начала XX в. была конституционная монархия по английскому образцу, хотя левое крыло русского либерализма не ис-

ключало и возможности перехода к республиканской форме правления. В этот период русская либеральная мысль была представлена именами видных политических деятелей и ученых, внесших свой вклад в дальнейшее развитие либеральных концепций.

Оригинальные идеи по поводу разрешения главной антиномии либеральной доктрины — равенства и свободы — были высказаны выдающимся русским правоведом, социологом, историком М. М. Ковалевским. Он обосновывал возможность параллельного развития равенства и свободы. Опираясь на конкретные примеры развития права и политики, Ковалевский доказывал, что преодолеть противоречие между свободой и равенством можно в том случае, если ввести вместо понятия равенства понятия справедливости и солидарности. Концепция солидарности соответствовала основным принципам социального либерализма, поскольку в ней присутствовала идея защиты личности и ее прав наряду с утверждением коллективистских основ бытия человечества. М. М. Ковалевский полагал, что солидарность не требует от людей отказа от свободы самоопределения и от субъективных прав. Свобода самоопределения одной личности не должна мешать свободе самоопределения других, поэтому с каждым субъектом права связано понятие об обязанностях.

Русский либерализм в начале XX в. не уступал западному ни по теоретическому уровню осмысления общественных проблем, ни по конкретным программам их решения. Однако в России либералы имели узкую социальную базу, так как процессы модернизации российского общества были далеки от завершения. Как бы ни были образованы теоретики русского либерализма, насколько бы ни были обоснованы их концепции и программные требования, все равно это не позволяло преодолеть разрыва между либералами и российским народом. Именно поэтому не либерализм, а социализм оказался доминирующей политической идеологией, определившей деятельность наиболее активных противников русского самодержавия.

Возрождение либеральной политической идеологии в России происходило в условиях трансформации советской политической и экономической системы. В начале 90-х гг. XX в. в качестве реформаторов выступила группа молодых экономистов — сторонников неолиберальных экономических концепций. Особенность их деятельности заключалась в том, что они практически не учитывали специфики политики и политических отношений. Сам термин «либерализм» стал толковаться скорее как экономическая, нежели

политическая категория. Причем либерализм отождествлялся с экономическими принципами неолиберализма, главными сторонниками которых на Западе были консерваторы. Любопытный факт: Е. Гайдар, возглавивший партию Демократический выбор России (ДРВ), заявил о намерении этой партии вступить в Международный демократический союз (МДС). Между тем МДС объединяет в своих рядах партии консервативной ориентации, в то время как Демократический выбор России считался ведущей партией либерального толка.

Помимо всего прочего, те, кто позиционировал себя в России начала 90-х гг. XX в. как либералы, плохо разбирались в российской специфике. Их подходы к вопросам как внутренней, так и международной политики отличались схематизмом и утопизмом. Негативные социальные последствия реформ, проводившихся под либеральными лозунгами, способствовали дискредитации самого понятия «либерализм» среди широких слоев российского населения. Для возрождения влияния идей либерализма и политических сил, которые будут ориентироваться на эти идеи, необходимо критически переосмыслить неудачный опыт 90-х гг. XX в. Здесь следует не ограничиваться заимствованием одной лишь экономической доктрины либерализма, а учитывать все многообразие либеральных концепций в странах Запада, не забывая обращаться к дореволюционному наследию либеральной отечественной мысли.

§ 3. Консерватизм как политическая идеология

Возникновение *консерватизма* как течения политической мысли относится к XVIII в. Консерватизм появился как реакция на распространение революционно-демократических идей эпохи Просвещения и особенно на практику Великой Французской революции. Отличительные черты консерватизма — традиционализм и реформизм, негативное отношение к революционному движению. С самого начала аксиомой консервативной идеологии и политики было признание необходимости сохранения неравенства людей. Основатели консерватизма считали, что неравенство общественного положения верхов и низов служит сильным стимулом для развития общества, побуждая первых сохранять свое положение,

а вторых стремиться пробиться наверх, в ряды первых. Со временем консервативная идеология и политика многое заимствовали из теоретического арсенала либерализма.

После Второй мировой войны западноевропейскому консерватизму пришлось приспособливаться к новым историческим условиям, и одной из форм такого приспособления стало появление христианско-демократических партий. В политическом курсе христианской демократии в самых разнообразных сочетаниях существовали либеральные и консервативные тенденции. Это во многом определялось широкой социальной базой христианско-демократического движения. В годы «холодной войны» христианская демократия в значительной степени сместилась вправо, а ее идеология сблизилась с классическими консервативными традициями.

Сегодня консервативные тенденции наиболее явно прослеживаются в политическом курсе Республиканской партии США. Ее теоретиками были сформулированы основные положения неоконсерватизма, воспринятые и в западноевропейских странах. В основе системы идейных ценностей современного консерватизма лежат следующие убеждения: в безнадежном несовершенстве природы человека, под маской цивилизованного поведения которого скрываются неразумие и греховность; в ограниченности человеческого разума и, следовательно, важности универсального морального порядка, санкционируемого и поддерживаемого религией; в особой роли, которая принадлежит традициям, институтам, символам, ритуалам и даже предрассудкам; в ненадежности прогресса ввиду ограниченности поступательного движения, на которое способно общество; в естественном — физическом и умственном — неравенстве людей; в необходимости общественных классов и групп, а значит, и в безрассудности попыток социального уравниательства с помощью силы закона; в несовершенстве правления большинства, подверженного ошибкам и склонного к потенциальной тирании, и в связи с этим — в желательности рассредоточения и сбалансирования политической власти; в важнейшей роли частной собственности как гаранта личной свободы и социального порядка.

На принципах *неоконсерватизма* базируется в последнее десятилетие идеологическая платформа Республиканской партии США и других консервативных политических партий Запада. Неоконсерватизм окончательно сформировался в 70-х гг. XX в., но процесс его становления был длительным.

Один из предшественников современного неоконсерватизма — либертаризм. Данное направление появилось в консерватизме еще на рубеже XX–XXI вв. и его отличал ярко выраженный интерес к экономическим вопросам. Сторонники либертаристских взглядов в полной мере признали и усвоили идеи экономического либерализма в духе А. Смита. Либертаризм, с одной стороны, стремился отстаивать ценности индивидуальных свобод, а с другой стороны — предотвратить дальнейшее распространение и рост популярности социалистических идей. Появление либертаристского течения символизировало, что главным антиподом консерватизма как политической идеологии в XX столетии стал не либерализм, как раньше, а социализм. Либертаризм отрицал любые формы государственного вмешательства в экономику, провозглашая, что так же, как не может быть ограничена свобода в политической, правовой или духовной сфере, она не может быть ограничена и в экономической сфере, где должны существовать естественные законы рынка.

Одним из наиболее известных идеологов либертаризма середины XX в. стал Ф. Хайек. В работе «Дорога к рабству» он поставил перед собой цель доказать несостоятельность теории и практики социализма. С точки зрения Хайека, реализация принципов планирования на практике неизбежно приводит к тоталитаризму, поскольку это невозможно сделать без использования насилия и без проникновения государственного контроля во все сферы общественной жизни. Рыночная же экономика — одновременно основа и гарант политического плюрализма и открытости общества. При этом демократия обеспечивает свободу и, прежде всего, свободу экономической деятельности.

Усвоив либеральную концепцию прав и свобод человека, сторонники либертаризма интерпретировали ее по-своему. В первую очередь они отстаивали такие естественные, с их точки зрения, права человека, как право на жизнь, право на индивидуальную свободу и неприкосновенность личности, право на владение частной собственностью. Этим правам противопоставлялись искусственно сформулированные социалистами и сторонниками социального либерализма так называемые «позитивные» права — право на труд, право на жилище и т. д. Сама идея полного социального равенства лишена, по мнению либертаристов, реального гуманистического содержания, поскольку означает равенство условий, неминуемо посягающее на право частной собственности, а не равенство возможностей.

Во второй половине XX в. ведущим представителем либертаризма становится глава так называемой Чикагской школы в области экономической теории М. Фридман. Он и его сторонники утверждали, что экономические проблемы в странах Запада возникли вследствие эрозии принципов свободного предпринимательства и индивидуальной ответственности из-за чрезмерного вмешательства государства в социально-экономические отношения. Экономические концепции, разработанные учеными Чикагской школы, обосновывавшие необходимость очистить рыночную экономику от всех несвойственных ее природе искажений, и получили обобщенное наименование «неолиберализм». Эти концепции были использованы при формулировании политической программы современного неоконсерватизма. Можно констатировать, что экономическим фундаментом неоконсерватизма как политической идеологии является неолиберализм в духе Чикагской школы. Данное обстоятельство часто становится причиной того, что различить между собой современных либералов и консерваторов бывает сложно.

Представители неоконсерватизма считают, что основой всякого общества является предприниматель, выполняющий важнейшие экономические функции, прежде всего инвестирующий в производство большую часть своих доходов. Разумная экономическая политика должна защищать предпринимателя от сверхвысоких налогов. Способствуя образованию свободных капиталов, такая система стимулирует предложение капитала, а значит, содействует экономическому росту. Положение основной массы населения экономическая концепция неоконсерватизма рассматривает лишь как функцию от развития капитала. Если возрастут капиталовложения, увеличится объем продукции, то население окажется вовлеченным в производственный процесс и получит непосредственный материальный выигрыш. Этот выигрыш перекроет те потери, которые понесут трудящиеся в результате жесткой экономии, сокращения общественных расходов и социальных субсидий. А забота о беднейших и нетрудоспособных слоях населения должна возлагаться не на государственную систему обеспечения, а на частную благотворительность.

Неоднозначно отношение неоконсерваторов и к проблемам демократии. С одной стороны, они декларируют свою приверженность политической демократии. Некоторые идеи неоконсерватизма и практические действия их сторонников имели антибюрократическую направленность и тем самым способствовали расширению

демократических инициатив гражданского общества. С другой стороны, для неоконсерваторов характерен узкий подход к проблемам демократии, которую они стремятся ограничить лишь сферой чистой политики. Для неоконсервативной идеологии свойственны элитаристские и патерналистские подходы к проблеме непосредственного участия масс в политике, что находится в противоречии с процессами повышения уровня образования, гражданской политической культуры, формирования личного достоинства значительной части населения западных стран.

Чрезмерный акцент на экономическую эффективность не позволяет консерваторам дать адекватные ответы на многие вопросы, которые ставит действительность перед западными странами в последние десятилетия. Хотя практический курс неоконсерваторов в некоторых странах принес несомненные экономические успехи. Однако реальная политика консервативных правительств далеко не полностью соответствует рекомендациям неоконсервативных идеологов, так как демонтаж в полном объеме системы социальных гарантий был бы чреват серьезными социально-политическими потрясениями. В целом консерваторы всегда стремились к разрешению общественных конфликтов на основе существующих традиций, в рамках закона, отдавая предпочтение социально-политической стабильности и порядку.

В области международных отношений консерваторы исходят из необходимости противостоять угрозам национальной безопасности и готовы для этого использовать военную силу. В полной мере это было продемонстрировано в начале XXI в. во время пребывания у власти в США республиканской администрации Дж. Буша-младшего. За этот период Соединенные Штаты предприняли две крупнейшие военные акции за пределами своей территории — сначала в Афганистане, а затем в Ираке. Эти акции оправдывались как ссылки на угрозы для национальной безопасности, так и аргументами из традиционного набора не консерваторов, а либералов. В этом также проявилась присущая неоконсерватизму черта — усваивать и по-своему интерпретировать идеи политических оппонентов. Опасность терроризма на Ближнем и Среднем Востоке объяснялась отсутствием там демократии. Следовательно, для того чтобы победить терроризм и обеспечить национальную безопасность США, необходимо помочь народам ближневосточного региона перейти к демократии, устранив существующие там диктаторские режимы. Вся эта аргументация весьма похожа на старую

либеральную идею, высказанную еще Дж. Бентамом, о том, что «демократии между собой не воюют». Современные неоконсерваторы воспользовались этой идеей, а также неолиберальной концепцией «демократического мира» для оправдания экспорта демократии американского образца, в том числе и военными средствами. События в Афганистане и Ираке показали, что представления неоконсерваторов о внешнем мире не всегда совпадают с действительностью.

Консервативная традиция в России имеет столь же длительную историю, что и либеральная. Основоположителем русского консерватизма считается выдающийся русский историк и писатель Н. М. Карамзин. Независимо от Э. Берка и Ж. де Местра, но также под впечатлением от Великой Французской революции, он пришел ко взглядам, схожим со взглядами западноевропейских консерваторов. Так же как и они, русский писатель и историк придавал особое значение сохранению традиций, без чего любые изменения приводят к хаосу и анархии. Изучение русской истории позволило Н. Карамзину прийти к выводу, что каждому народу присущ свой, особый путь развития и поэтому очень важно заботиться о сохранении «народного духа», вбирающего в себя исторический опыт нации. Н. Карамзин негативно оценивал реформаторские планы М. Сперанского, полагая, что они способны подорвать основы русской жизни, поскольку явятся лишь «пустыми прожектами», оторванными от реальностей и исторического прошлого России.

Консервативную ориентацию имели и идеи славянофилов, считавших, что реформы Петра Великого сломали традиционные устои русского общества и впоследствии стали причиной множества проблем. Славянофилы не призывали к сохранению существующих в России порядков, но считали, что реформирование русского общества должно осуществляться на основе собственных национальных традиций, а не слепо копировать западноевропейских опыт.

Русские консерваторы XIX в., в отличие от русских либералов, настороженно относились к Западу, его политическим и социальным институтам, а также его политике в отношении России. Известный российский мыслитель консервативной ориентации Н. Я. Данилевский обратил внимание на несправедливую оценку России и целей ее внешней политики со стороны многих представителей Западной Европы. Эти оценки, по его мнению, были особенно обидными для России, поскольку она не раз в своих внешнеполитических действиях исходила не из собственных интересов, а из

интересов западноевропейских государств — Германии, Франции, Австрии, или из общеевропейских интересов в целом. Н. Данилевский считал ложными западноевропейские стереотипы восприятия России как агрессивного по своей природе государства, стремящегося к постоянной экспансии и являющегося препятствием на пути общественного прогресса. Он отмечал, что процесс формирования территории российского государства шел преимущественно естественным образом, при незначительной роли того фактора, который в западноевропейских странах принято считать насильственными завоеваниями. Подражание Европе, «европейничество» Данилевский называл главной болезнью русского общества. Россия должна основывать свою внешнюю политику на собственных интересах, исходить из иной, чем у Европы, цивилизационной принадлежности. Западная романо-германская цивилизация вступила в эпоху своего упадка, и, по мнению Данилевского, наступило время для новой цивилизации, которую образуют славянские народы.

Несколько иную позицию занимал другой русский консервативный мыслитель — К. Н. Леонтьев. Подлинное призвание России он видел в создании особой русско-азиатской цивилизации, поскольку Россия уже не является ни чисто славянской, ни европейской страной. Так же как и многие другие русские консерваторы, К. Леонтьев с недоверием относился к Западу и идущим оттуда влияниям, считая, что России нужно устоять от этого влияния и сохранить свою самобытность. Своим политическим идеалом Леонтьев называл «византизм» как нечто противоположное «европеизму», связанному с эгалитарным прогрессом.

В дореволюционном русском консерватизме была довольно сильная охранительная тенденция, стремление сохранить самодержавную монархию и не допустить сколько-нибудь существенного реформирования олицетворяющих ее политических институтов.

Сходство русских консерваторов с консерваторами других стран проявлялось в признании важнейшей роли религии и религиозных традиций. Они призывали сохранять и усиливать роль официального православия в духовной и общественной жизни России.

Несмотря на богатую идеями и самобытную историю, в предреволюционные годы российский консерватизм не сумел стать самостоятельной и влиятельной политической силой. Однако отдельные политические деятели и мыслители консервативного направления верно оценивали реальные угрозы для российской государственности в тот непростой период. Так, известный в прошлом государ-

ственный деятель П. Дурново незадолго до начала Первой мировой войны предупреждал власти об опасности вовлечения России в европейский вооруженный конфликт. С большой точностью он предсказал возможные последствия участия Российской империи в войне, включая и неизбежную в этом случае революцию.

В послереволюционное время консервативная традиция была представлена в политической мысли русской эмиграции. Такие мыслители, как И. Ильин и Г. Федотов, пытались переосмыслить и понять причины революционных событий в нашей стране, а также наметить задачи, которые, по их мнению, следует решить в будущей посткоммунистической России. Когда советская система разрушилась, интерес к творчеству политических мыслителей русской эмиграции и идейному наследию дореволюционного русского консерватизма возник у представителей разных политических сил — от крайне правых до тех, кто считает себя последователями левых идей, например современных российских коммунистов и их лидеров. В последнее время у ведущей политической партии «Единая Россия» также появилось стремление формировать свою идейно-политическую платформу на основе консервативной политической идеологии.

§ 4. Марксизм и социалистические концепции XIX–XXI вв.

Весьма распространена точка зрения о том, что наряду с либерализмом и консерватизмом третьей наиболее весомой политической идеологией является идеология социализма. Однако *социализм* как идеология не представляет собой гомогенного течения и распадается на несколько направлений. Эти направления традиционно для своего обозначения использовали термины «социализм» и «коммунизм». Оба понятия близки, но не тождественны друг другу.

Понятие «*коммунизм*» имеет более длительную историю. Сам термин появился в средние века и описывал такой тип общественного устройства, который основан на полном отсутствии частной собственности и, следовательно, на полном имущественном равенстве людей. Подобный идеал общественного устройства был представлен в античной политической мысли, в частности в работах Платона. Древнегреческий философ полагал, что в идеальном госу-

дарстве на принципах полного имущественного равенства должна быть организована жизнь высшего класса — стражей (см. главу I). В Средневековье и в Новое время появились произведения, авторы которых рисовали картину общества, лишённого имущественных различий. Автор одного из подобных произведений английский мыслитель и государственный деятель Т. Мор назвал остров, где он изобразил коммунистические порядки, Утопией (от греч. *u* — не, нет и *topos* — место), то есть местом, которого нет. По этой причине концепции, предлагавшие некий несуществующий в действительности вариант общественного развития, стали называть *утопическими*. Утопическими были все коммунистические концепции вплоть до начала XIX в., когда наряду с идеей коммунизма появляется и идея социализма. *Социализм* означал такой тип общественного устройства, при котором частная собственность полностью не ликвидировалась, но в существенной степени ограничивалась. Главное состояло в том, что цели общественного развития должны были подчиняться не частным, а общим, коллективным интересам.

Одной из первых социалистических, но не коммунистических концепций была концепция французского мыслителя А. Сен-Симона. Идеи А. Сен-Симона не вышли за рамки утопического направления социально-политической мысли и вместе с идеями его соотечественника Ш. Фурье и англичанина Р. Оуэна вошли в историю как идеи *критически-утопического социализма и коммунизма*. Они получили такое название, поскольку, в отличие от утопических концепций предшествующих эпох, совмещали картину будущего идеального общественного устройства с критикой зарождавшегося в то время капиталистического общества.

Социалистические концепции Сен-Симона и Фурье вместе с коммунистической концепцией Оуэна стали одним из источников формирования марксизма. *Марксизм* — система взглядов, присущих К. Марксу и его другу и сподвижнику Ф. Энгельсу. Первоначально Маркс и Энгельс позиционировали себя в качестве сторонников идей коммунизма, рассматривая социализм как враждебное ему буржуазное и мелкобуржуазное течение. Постепенно основоположники марксизма стали все чаще использовать термин «социализм» и в ином значении, чем в первые годы своей научной и революционной деятельности. В поздних работах К. Маркса и Ф. Энгельса термин «социализм» выступает в качестве синонима термина «коммунизм». В начале XX в. последователи К. Маркса вообще перестали употреблять понятия «коммунизм», «коммунистический»,

заменяя их, соответственно, понятиями «социализм» и «социалистический».

Ренессанс термина «коммунизм» связан с именем В. И. Ленина. После раскола международного социал-демократического движения, произошедшего после Первой мировой войны и победы Октябрьской революции в России, сторонники В. Ленина в разных странах стали называть себя коммунистами. В рамках марксистско-ленинской коммунистической доктрины оба термина — «коммунизм» и «социализм» — приобрели четко определенное значение. *Коммунизм* — это общественная формация, которая приходит на смену капитализму, а *социализм* — первая, начальная фаза этой формации. Социалистическими стали называть страны, где у власти оказались коммунисты, а также те институты и отношения, которые в этих странах сформировались.

Марксизм, так же как и предшествовавшие ему критически-утопические социалистические и коммунистические концепции, появился в то время, когда шло формирование важнейших политических идеологий и их влияние на политическую практику возрастало. Идеи социализма и коммунизма стали своеобразным ответом либерализму «слева», тогда как консерватизм был таким же ответом «справа». Консерваторы, ужаснувшись кровавым событиям Французской революции, увидели в ней следствие влияния опасных идей либерализма. Авторы же и сторонники социалистических и коммунистических концепций были разочарованы результатами реализации либеральных идей как во время революционных событий во Франции, так и в послереволюционный период. Социалисты и коммунисты сохраняли верность вдохновенному принципам либерализма лозунгу Великой Французской революции «Свобода. Равенство. Братство», но негативно оценивали родившееся в результате реализации идей либерализма буржуазное общество. Заимствовав многие общедемократические ценности либерализма, сторонники социалистических и коммунистических идей разрешали фундаментальное противоречие либеральной идеологии между ценностями свободы и равенства в пользу последних. Стремление к социальному равенству и социальной справедливости стало объединяющим для всех социалистических и коммунистических учений независимо от их конкретных политических и экономических программ.

Если до XIX в. коммунистические утопические проекты были либо мечтой одиночек, либо практикой отгородившихся от внешнего мира сект, то после Великой Французской революции социали-

стические и коммунистические концепции приобрели способность мобилизовать людей на политическую деятельность и тем самым влиять на реальные общественные отношения, то есть они приобрели черты, присущие политическим идеологиям. Самой известной, наиболее влиятельной и распространенной идеологией такого типа постепенно стал марксизм. Это произошло не в последнюю очередь потому, что учение К. Маркса имело существенные отличия от других социалистических и коммунистических концепций. Марксизм был цельной и хорошо структурированной идеологией. Его основные положения были сформулированы К. Марксом при активном участии Ф. Энгельса. Их взгляды практически полностью совпадали. Марксизм вобрал в себя достижения предшествовавшей ему философской, политической и экономической мысли. Его источниками были не только идеи утопического социализма и коммунизма, но и классическая немецкая философия, представленная работами И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля, а также английская политическая экономия, прежде всего трудовая теория стоимости А. Смита и Д. Рикардо.

Для обозначения своей социально-политической доктрины и всего учения в целом К. Маркс и Ф. Энгельс использовали термин *научный коммунизм (социализм)*. Этим они хотели подчеркнуть научный характер этой концепции и ее отличие от других социалистических и коммунистических воззрений. Мыслители декларировали, что не собираются заниматься конструированием детальных проектов «лучшего будущего», а на основе материалистического понимания истории стремятся исследовать условия социалистического переворота, поставив в центр своего внимания изучение капиталистического способа производства и форм его движения к тому рубежу, когда общественный характер производства сделает возможным и необходимым общественную собственность. Классики марксизма исходили из того, что новые общественные отношения могут пустить корни только на той материально-технической базе, которая создается в рамках капиталистического способа производства. Маркс и Энгельс связывали установление социалистических общественных отношений с коренным преобразованием материально-технической базы общества на основе более полного использования достижений и доведения до конца промышленной революции. Они считали возможным и необходимым после преобразования отношений собственности устранить антагонистические формы технического прогресса, использовать его в интересах трудящихся.

Политику К. Маркс рассматривал как отношения между классами, а вся предшествующая история для него была историей классовой борьбы. Утверждение коммунистического общества должно было стать также результатом классовой борьбы, кульминацией которой будет революция, совершаемая угнетенным и эксплуатируемым классом буржуазного общества — пролетариатом (см. главу XVI). Идея «всемирно-исторической миссии рабочего класса (пролетариата)» занимает в марксистской идеологии центральное место. Но в этой идее изначально было заложено противоречие, которое обнаружилось впоследствии. С одной стороны, Маркс и Энгельс исследовали рабочий класс как социологи и установили, что этот класс появился и растет вместе с ростом промышленного капитализма. Он лишен собственности на средства производства, значит, в условиях его существования, как писал Маркс, уничтожены условия существования самого буржуазного общества. Именно поэтому рабочие и должны стать «могильщиками капитализма». К решительным революционным действиям пролетариат, по мнению Маркса, будет подталкиваться неизбежным ухудшением его материального положения в условиях капитализма. Маркс вывел закон абсолютного и относительного обнищания пролетариата, который, как он считал, будет действовать, пока существует капитализм. С другой стороны, положение о всемирно-исторической миссии рабочего класса было выдвинуто Марксом не без влияния философии истории Гегеля. Схема реализации всемирно-исторической миссии пролетариата у Маркса очень напоминает схему становления Абсолютного духа у Гегеля. И в том и в другом случае процесс завершается достижением некоего конечного состояния, означающего разрешение всех противоречий и конфликтов. Только у Маркса — это победа коммунизма и начало «подлинной истории человечества», а у Гегеля, наоборот, — «конец истории», поскольку историю он понимал именно как борьбу противоположностей.

В соответствии со схемой Маркса, должны были увеличиваться число промышленных рабочих и их доля в составе населения отдельных стран. Противоречия капитализма должны будут постоянно обостряться до того момента, когда, по словам Маркса, придет последний час капиталистической частной собственности и «экспроприаторов станут экспроприировать».

Противоречие между логической схемой и реальной действительностью обнаружилось еще при жизни К. Маркса. Ему пришлось искать объяснение, почему в самой промышленно развитой стране

середины XIX в. — Англии — наибольший по численности промышленный пролетариат был настроен отнюдь не революционно, а социалистические идеи марксизма не получили в его среде широкого распространения. Маркс увидел причину такого положения в том, что английская буржуазия подкупает английский рабочий класс за счет прибыли, полученной от эксплуатации населения колоний. В дальнейшем марксистам еще не раз придется искать аргументы для объяснения фактов, не укладывающихся в схему марксизма.

Еще одно фундаментальное противоречие, имманентно присущее марксизму, было связано с положением о неизбежности смены капитализма социализмом, с одной стороны, и утверждением, что эта смена произойдет в результате целенаправленных действий революционного рабочего класса, с другой стороны. Идея насильственной революции и следующей за ней революционной диктатуры была заимствована Марксом не у Сен-Симона и Фурье. Эта идея появилась у революционных коммунистов рубежа XVIII и XIX вв. Г. Мабли, Ж. Морелли и Г. Бабефа. Их представления о коммунизме существенно не отличались от более ранних коммунистических утопий. Но путь к коммунизму лежал, по мнению Бабефа и подобных ему теоретиков, через революционное ниспровержение старого политического режима и установление революционной диктатуры по образцу якобинской. Революционные коммунисты начала XIX в. представляли революцию как сознательно подготовленный и организованный переворот. Маркс эту точку зрения неоднократно критиковал, утверждая что революция подготавливается объективным ходом социально-экономического развития, а не желанием или фантазиями людей. И Маркс, и его последователи всячески отмежевывались от взглядов французского революционного коммуниста О. Бланки, всю свою жизнь посвятившего организации политических заговоров. Но в самом марксизме была заложена потенциальная возможность такой же революционной тактики. Уже в ранних работах К. Маркса обосновывалась необходимость диктатуры пролетариата — политического режима, призванного обеспечить проведение коммунистических преобразований и сломить сопротивление их противников. Сходство этой идеи с идеями Г. Бабефа или воззрениями постоянно критиковавшегося Марксом О. Бланки очевидно.

Первоначально К. Маркс разделял общие для либералов и социалистов представления о демократии и считал, что классовое

господство пролетариата может утвердиться в рамках республиканского парламентаризма. Но после Парижской коммуны, которую он считал первой реально существующей формой диктатуры пролетариата, Маркс изменил свои взгляды. Теперь диктатуру пролетариата Маркс связывал с принципиально иным типом политического устройства, чем «буржуазная демократия». Впоследствии отношение к марксистской идее диктатуры пролетариата оказалось камнем преткновения в спорах между последователями учения К. Маркса. Такие споры возникали и при жизни основоположников марксизма, но после смерти Ф. Энгельса они резко обострились.

В международном социал-демократическом движении, идеологией которого был марксизм, на рубеже XX и XXI вв. сформировались три основных течения: *ортодоксальное*, *ревизионистское* и *леворадикальное*. Ревизионизм стремился пересмотреть некоторые установки классического марксизма, противопоставляя идею социальной революции идею социальных реформ. Ортодоксальные марксисты сохраняли верность букве и духу классического марксизма, игнорируя заложенные в нем противоречия. Леворадикальное крыло социал-демократии ориентировалось на прямое революционное действие, полагая, что оно уже не за горами. Ревизионизм в процессе идейной эволюции привел к разрыву между социал-демократией и марксизмом. Ортодоксальный марксизм постепенно полностью сошел с политической арены. Леворадикальные течения в социал-демократии стали базой для формирования международного коммунистического движения.

Одной из виднейших фигур на левом фланге международной социал-демократии был лидер русских большевиков В. И. Ленин. Впоследствии он стал основоположником и лидером международного коммунистического движения. Отношение Ленина к классическому марксистскому наследию было противоречивым. Из марксизма Ленин заимствовал те идеи, которые в большей степени соответствовали стоявшим перед ним практическим задачам. Поэтому он взял у К. Маркса ту часть его политической доктрины, которая базировалась на наследии революционно-утопического коммунизма и была наиболее слабой ее стороной. В то же время В. Ленин самостоятельно переработал марксизм и прибавил к нему идеи, соответствующие потребностям нового этапа борьбы. Это помогло Ленину и большевикам завоевать в октябре 1917 г. политическую власть в России и впервые в истории приступить к реализации социалистических идей на практике.

Победа Октябрьской революции сделала имя и идеи В. И. Ленина известными в мире и популярными в леворадикальных кругах. Он придал марксизму такую форму, которая оказалась пригодной не только в промышленно развитых странах, но и на периферии мирового капитализма. Со временем коммунистические партии в ряде слаборазвитых стран стали даже более сильными и влиятельными, чем в большинстве стран развитого капитализма. Вопреки схеме Маркса, вслед за Россией коммунисты пришли к власти в странах, за редким исключением (Восточная Германия, Чехословакия) не относившихся к числу экономически и технологически развитых.

Практическая реализация идей марксизма осуществлялась в условиях, которые не предвидел сам Маркс, и ее результаты были противоречивыми. Диктатура пролетариата фактически означала установление коммунистических тоталитарных режимов (см. главу IX). В ряде случаев тоталитарный террор становился причиной гибели миллионов людей. Полная ликвидация частной собственности и замена рыночных механизмов централизованным планированием сформировала неэффективные экономические системы. Но «марксизм-ленинизм» (термин был введен в употребление И. Сталиным) стал теоретическим обоснованием технико-экономической модернизации ранее отсталых стран. Ленин в последние годы жизни призывал строить в Советской России социализм на основе копирования материально-технической базы, которая существовала в развитых капиталистических странах. В итоге СССР к середине XX в. превратился в индустриально развитое государство. Пример Советского Союза оказал сильное влияние на воззрения даже тех людей, которые были далеки от идей коммунизма. В мире появилось не так мало стран, где попытались также осуществить эксперимент по строительству социализма.

Но марксизм никогда не был единственной политической идеологией социалистического типа. В XIX — начале XX в. существовали такие разновидности социалистических концепций, как *кооперативный социализм, христианский социализм, аграрный социализм, гильдейский социализм, фабианский социализм*. Стремление переносить определенные стороны опыта социалистического строительства в СССР и других странах в бывшие азиатские и африканские колонии привело к широкому распространению немарксистских социалистических концепций. В странах третьего мира появились концепции «индийского социализма», «африканского социализма», «исламского социализма». Хотя лидеры политических сил, идеоло-

гией которых были эти и другие немарксистские социалистические концепции, с недоверием относились к марксистско-ленинской коммунистической идеологии, они заимствовали из нее такие элементы, как принцип примата общегосударственных интересов над частными или идею огосударствления и планирования экономики.

Интерес к строительству социализма сохранялся в мире вплоть до 80-х гг. XX в., когда выяснилось, что экономика СССР и других социалистических стран сталкивается с серьезными трудностями. Крушение коммунистических режимов в Восточной Европе и Советском Союзе, распад СССР резко ударили по престижу самой идеи социализма и существенно ослабили позиции коммунистических партий.

Непростая ситуация складывалась в странах, где коммунисты остались у власти. В Китае и во Вьетнаме под руководством коммунистических партий осуществляются реформы, которые уже привели к созданию рыночных в своей основе экономических систем. Однако политические системы сохраняются пока в прежнем виде. Правящие партии официально декларируют верность марксизму-ленинизму, одновременно обновляя свои идейно-политические платформы. Например, в документах Коммунистической партии Китая в последние годы активно используется конфуцианский термин «сяокан» — «общество среднего достатка». Этот термин упоминается теперь чаще, чем термины первых лет экономических реформ — «начальная стадия социализма» и «социализм с китайской спецификой». В Северной Корее функционируют политическая и экономическая системы сталинского типа, модифицированные в годы жизни Ким Ир Сена в духе так называемых идей «чучхе»¹. Куба пережила сложный период после распада СССР и пытается нащупать путь реформ, в котором элементы китайского опыта совмещаются со спецификой геополитического положения «Острова свободы».

Коммунистические партии в бывших социалистических странах по-разному адаптировались к новой для них идеологической и социально-политической ситуации. В Болгарии, Венгрии, Польше и Словакии они перешли на идеологическую платформу социал-

---

¹ Чучхе — официальная идеологическая доктрина Трудовой партии Кореи начиная с 60-х гг. XX в. Совмещает в себе традиционные элементы марксистско-ленинской идеологии в ее сталинском варианте с идеями корейского национализма.

демократии. В Чехии и бывших советских республиках коммунисты остались верны марксистско-ленинской идеологии.

Официально о своей приверженности идеям Маркса и Ленина заявляет и руководство КПРФ. Однако реально после распада СССР КПРФ постепенно эволюционирует. С одной стороны, по экономическим вопросам российские коммунисты сделали некоторые шаги в сторону социал-демократии. С другой стороны, лидеры и активисты КПРФ, в отличие от руководства КПСС периода разоблачения «культы личности», позитивно оценивают роль Сталина в истории нашей страны. Официальная марксистско-ленинская идеология всегда носила интернационалистский характер, а сегодня некоторые активисты КПРФ допускают националистические высказывания, но партийное руководство на это закрывает глаза. В пропагандистской деятельности КПРФ используется национал-патриотическая риторика, обычно характерная для партий консервативной идеологической ориентации.

В 90-е гг. XX в. можно было услышать мнения о том, что идеи социализма окончательно утратили актуальность и привлекательность. Американский политолог Фукуяма даже провозгласил победу идеологии либерализма, означавшую «конец истории» (см. главу XVIII). Однако в начале XXI в. выяснилось, что никакого «конца истории» не наступило. Идеи социализма вновь обрели популярность в ряде стран и регионов мира. Например, в Латинской Америке во многих странах к власти пришли левые правительства, заявляющие о своем стремлении к глубоким общественным переменам. В Венесуэле руководство страны поставило задачу строительства «социализма XXI века». Мировой кризис усилил антикапиталистические настроения по всему миру. В Германии и других странах возрос интерес к теоретическому наследию Карла Маркса. Очевидно, идеология социализма не потеряет своей привлекательности до тех пор, пока в мире будет сохраняться потребность в социальной справедливости.

§ 5. Идеология и политика современной социал-демократии

Одним из наиболее влиятельных политических движений, ориентирующихся на социалистические ценности, является *социал-демократия*. В момент своего возникновения социал-демо-

кратическое движение базировалось на идейной платформе революционного марксизма. Духовным отцом современной концепции демократического социализма и основателем реформистского течения внутри социал-демократии стал Э. Бернштейн. Он поставил ряд вопросов, связанных с тенденциями экономического и социально-политического развития капиталистических стран в конце XIX в. Задачу социалистического движения Бернштейн видел во внедрении принципов солидарности, товарищества, справедливости в общественную жизнь в условиях мирной эволюции капиталистической экономики и развития демократических институтов. Первоначально ревизионизм Э. Бернштейна был осужден руководством II Интернационала. Большинство социал-демократических партий, входивших в этот Интернационал, официально сохранили верность принципам ортодоксального марксизма. Однако после Первой мировой войны, когда произошло организационное и идейное размежевание между социал-демократами и коммунистами, реформистские идеи стали приобретать популярность в социал-демократическом движении. Процесс окончательного отказа от революционных принципов марксизма и формирования отличной от него, самостоятельной идеологической платформы социал-демократии начался после окончания Второй мировой войны.

Историческим рубежом в идейной эволюции социал-демократического движения стал учредительный конгресс Социалистического Интернационала во Франкфурте-на-Майне, состоявшийся в 1951 г. В принятой конгрессом декларации «Цели и задачи Социалистического Интернационала» был провозглашен мировоззренческий нейтралитет социал-демократического движения. В декларации указывалось, что независимо от того, выводят ли социалисты свои убеждения из результатов марксистского или иного анализа или из религиозных и гуманистических оснований, все они стремятся к общей цели — обществу, где будет торжествовать социальная справедливость, лучшая жизнь, свобода, мир. Интегрирующей идейной концепцией социал-демократии стала концепция демократического социализма как «третьего пути» между капитализмом и коммунизмом.

Социал-демократы трактовали демократический социализм как общество будущего, к которому они стремятся, и как длительную политическую стратегию социал-демократических партий, направленную на реформирование общества на основе принципов социальной справедливости, свободы, солидарности, мира,

равенства и братства. Важнейшими составляющими демократического социализма как идеологии и политической стратегии являются четыре основные цели: политическая демократия, экономическая демократия, социальная демократия и международная демократия.

Политическая демократия означает неприятие любых диктаторских или авторитарных форм правления, признание и отстаивание правового государства и прав человека. Социал-демократы выступают за свободу слова, профсоюзного движения, за политический плюрализм, предусматривающий возможность свободной смены у руля государственной власти партий в зависимости от результатов выборов. *Экономическая демократия* означает внедрение демократических принципов в экономическую жизнь государства, создание такой системы, в которой доминировали бы интересы всего общества, а не частной прибыли. В то же время социал-демократы не стремятся к отмене частной собственности, частной инициативы и рыночной экономики. Они признают смешанную экономику, сочетание различных укладов, в большей степени, чем либералы или консерваторы, являются приверженцами государственного регулирования в экономической и социальной сферах общества. *Социальная демократия* — более высокая ступень осуществления принципов демократического социализма по сравнению с политической и экономической демократией, когда эти принципы пронизывают все сферы общества. Социальная демократия означает торжество основных ценностей — свободы, справедливости и солидарности — при высоком уровне материального благосостояния всех членов общества. *Международная демократия* воплощается в демократизации международных отношений, исключении войны и насилия, угнетения и эксплуатации народов.

Следует отметить, что при решении экономических и политических проблем на национальном уровне социал-демократы не всегда действовали в соответствии с официально провозглашенными принципами, предпочитая прагматический подход, направленный на привлечение голосов избирателей. В то же время благодаря использованию кейнсианских методов регулирования экономики социал-демократам во многих странах Западной Европы удалось достичь существенных успехов. Перераспределение доходов от богатых к бедным с помощью специальной налоговой политики сократило разрыв между ними. Были предприняты меры по борьбе с безработицей и поддержанию высокого уровня занятости трудо-

способного населения. Увеличились расходы на образование, здравоохранение и социальное обеспечение. Социал-демократы внесли существенный вклад в формирование так называемого «государства всеобщего благосостояния» во многих странах Запада. Особенно серьезные успехи принесла социальная политика социал-демократов в скандинавских странах, в частности в Швеции, где они находились у власти в течение нескольких десятилетий. В обиход вошло выражение «шведский социализм».

Но когда на рубеже 70–80-х гг. XX в. мировая капиталистическая экономика столкнулась с кризисными явлениями, в странах Запада поднялась так называемая «неоконсервативная волна». На фоне недовольства значительной части населения экономической ситуацией к власти стали приходить правоконсервативные правительства, предлагавшие свою модель экономической политики, основанную на неолиберальных принципах. Международная социал-демократия занялась поисками путей обновления своей идеологии и политики. Развернулась работа над новым программным документом социал-демократического движения.

В 1989 г. на XVIII конгрессе Социнтерна, проходившем в Стокгольме, такой документ под названием «Декларация принципов Социалистического Интернационала» был принят. В этой Декларации анализировались изменения, происходившие тогда в мире. В качестве цели демократического социализма провозглашалось такое международное устройство, при котором можно будет укрепить основные ценности человеческой цивилизации, а каждый человек получит возможность развивать свои личные качества и таланты, пользуясь гарантиями гражданских прав в демократическом обществе. Подтверждая приверженность традиционным ценностям социал-демократии, документ указал на различия между позициями социал-демократов, либералов, консерваторов и коммунистов в понимании этих ценностей. Если либералы и консерваторы придают основное значение принципу личной свободы в ущерб справедливости и солидарности, то коммунисты стремятся обеспечить равенство и солидарность за счет свободы, а социал-демократы придают этим принципам одинаково важное значение.

В Декларации была дана новая интерпретация базовых ценностей демократического социализма:

- ✦ свобода — это результат индивидуальных или совместных усилий, которые представляют собой две части единого процесса; каждый человек имеет право быть свободным от политического

принуждения, действовать в соответствии со своими личными целями и индивидуальными возможностями;

- ✦ справедливость означает прекращение всякой дискриминации личности, а также равенство в правах и возможностях. Это требует компенсации за физическое, умственное и социальное неравенство, освобождения от зависимости либо от владельца средств производства, либо от тех, кому принадлежит политическая власть;
- ✦ равенство предполагает равную ценность всех людей и служит неперемным условием свободного развития личности и социального прогресса, равенство и личная свобода неразделимы;
- ✦ солидарность носит всеобъемлющий и глобальный характер, это практическое выражение общности человечества и чувства сострадания к жертвам несправедливости. В нашу эпоху беспрецедентной взаимозависимости между личностью и государством принцип солидарности приобретает особое значение, поскольку он необходим для выживания человечества.

Стокгольмская Декларация была принята накануне радикальных сдвигов, произошедших в мировой политике. Распад Советского Союза и перемены в Восточной Европе означали исчезновение той коммунистической модели, которой социал-демократы противопоставляли модель демократического социализма. Социал-демократы лишились своей политической ниши — партии «третьего пути» между капитализмом и социализмом советского образца.

Падение авторитета социалистических идей отразилось и на социал-демократическом движении. Некоторые партии, входящие в Социалистический Интернационал, заменили в своих названиях термин «социалистический» на термин «социал-демократический». Так поступили социалисты Австрии и Японии. В программных документах некоторых социал-демократических партий термин «социализм» не упоминается вообще. Например, в программе СДПГ, принятой в 2008 г., понятие «демократический социализм» часто заменяется равноценным ему понятием «общество социальной демократии».

На рубеже XX–XXI вв. международная социал-демократия была вынуждена искать ответы на вызовы глобализации. Пока разработать действенную альтернативу неолиберальной модели этого процесса социал-демократам не удалось, но они по-прежнему активно выступают за поиск новых решений многочисленных проблем

современного мира, мирных путей урегулирования внутренних и международных конфликтов.

В посткоммунистической России было предпринято несколько попыток создания партий, ориентирующихся на социал-демократические ценности. Все они оказались неудачными. Адаптировать идеологию и политику социал-демократии к российским условиям не удалось ни в 90-х гг. XX в., ни в начале XXI в. Сегодня эту задачу пытается решить партия «Справедливая Россия», занимающая более-менее прочное место в российской политической системе. «Справедливая Россия» стала даже членом Социалистического Интернационала. Как показывает практика многих стран мира, социал-демократия способна играть стабилизирующую роль в обществе. Это возможно и в российских условиях, если будет выработана основанная на социал-демократических ценностях программа решения назревших социальных, экономических и политических проблем нашего общества.

§ 6. Леворадикальные идеологические течения

Идеи *радикализма* лежат в основе политических действий, нацеленных на коренное, радикальное, быстрое изменение существующих социальных и политических институтов. Нередко понятия «радикализм» и «*экстремизм*» употребляются как синонимы, однако между ними есть различия. Радикализм — это теоретическое обоснование политического действия, а не само действие, он вообще может не быть связан с политикой, а представлять собой лишь абстрактную теорию. Экстремизм же проявляется в практической политической деятельности, в использовании крайних, преимущественно насильственных средств политической борьбы. Радикализм всегда представляет собой какое-либо идеологическое течение, а экстремизм может быть полностью бездейственным.

Политический радикализм подразделяется на два типа — правый и левый. Такое его деление соответствует разделению на левые и правые политические идеологии и движения.

Леворадикальные течения основываются на идеологических концепциях, резко критикующих неравенство и несправедливость, и призывают к быстрым и резким способам достижения социаль-

ного равенства и социальной справедливости. Праворадикальные движения основываются на представлениях об имманентном превосходстве какой-либо группы (расовой, национальной, социальной, религиозной) над всеми остальными и стремятся закрепить привилегированное положение таких групп. К леворадикальным идейно-политическим течениям относят *анархизм*, *марксизм* и такие его разновидности, как *маоизм*, *троцкизм*. К праворадикальным течениям относятся *фашизм*, *неофашизм*, крайние формы *национализма* и религиозной нетерпимости, *расизм*. И левый, и правый радикализм способен воспроизводить *экстремизм* и быть идеологической основой политического насилия и терроризма.

Одной из первых леворадикальных идеологических концепций был анархизм, возникший как направление политической мысли в середине XIX в. У его истоков стояли французский философ П. Ж. Прудон и немецкий философ М. Штирнер. Известными анархистами были также русские мыслители М. А. Бакунин и П. А. Кропоткин. Основной принцип анархизма — отрицание государства и его отдельных институтов, а также всякой насильственной власти в целом. Анархисты призывали к освобождению человека, обладающего внутренней потребностью к свободе, от всех форм экономического, политического и духовного порабощения. Главным инструментом этого порабощения они считали государство и официальную религию, поэтому весь пафос отрицания направлен против них.

Анархизм включает в себя три основных течения: анархо-коммунизм, анархо-индивидуализм и анархо-синдикализм. Представители анархо-коммунизма считали, что на смену государству должна прийти децентрализованная конфедерация самоуправляющихся коммун, основанных на общественной собственности. Анархо-индивидуалисты выступали против государства и против капиталистических форм организации крупного производства, но считали возможным существование частной собственности для мелких производителей — крестьян и ремесленников, полагая, что социальной гармонии можно достичь организацией справедливого товарообмена. Анархо-синдикалисты выражали надежду на деятельность революционных профсоюзов, поскольку в них видели зародыш будущего децентрализованного, эгалитарного и неиерархического общества.

Большинство анархистов отрицали легальные формы политической борьбы и были сторонниками революционного насилия. В середине XIX в. анархисты отдавали предпочтение организации

массовых восстаний, а позже перешли к тактике индивидуального террора. В конце XIX — начале XX в. в Западной Европе и Северной Америке именно они более всего использовали революционный террор. После Второй мировой войны классический анархизм утратил свое значение, но его идеи оказывают некоторое влияние на деятельность левоэкстремистских организаций и группировок.

Марксизм в целом было бы неверно отождествлять только с леворадикальной идейной традицией, поскольку это учение содержит в себе множество идей философского, экономического, социологического характера, не утративших своего важного значения для современной науки и общественной практики. Но революционная доктрина марксизма нашла свое выражение в ряде леворадикальных концепций, возникших в рамках коммунистического движения XX столетия. Одной из таких концепций был *троцкизм* — леворадикальное идейно-политическое течение, связанное с именем одного из руководителей Октябрьской революции 1917 г. в России — Л. Троцкого. После смерти В. Ленина Л. Троцкий потерпел поражение во внутрипартийной борьбе, был отстранен от руководства, исключен из большевистской партии и выслан из СССР. В эмиграции он пытался продолжать борьбу со Сталиным и пропагандировал свои взгляды среди зарубежных коммунистов и других левых радикалов.

Центральное место в концепции Л. Троцкого занимала так называемая «теория перманентной (непрерывной) революции». В соответствии с ней русская революция, начавшись как «буржуазная», должна была привести к образованию «рабочего правительства», которое непременно вступит в конфликт с крестьянским населением страны. И этот конфликт может разрешиться только «на арене всемирной революции пролетариата». Мировая революция должна развиваться до своей полной победы во всемирном масштабе. А пока это не произошло, могут существовать лишь «рабочие государства», каким и был для Л. Троцкого Советский Союз. Но и Советскому Союзу незавершенность мировой революции грозит перерождением, поскольку «рабочая демократия» уступила место, по его мнению, диктатуре бюрократии. Причем бюрократическое перерождение произошло не только в СССР, но и в Коммунистическом Интернационале, поэтому Троцкий предпринял попытку объединить своих сторонников в новый, IV Интернационал.

После смерти Л. Троцкого единое организованное движение его сторонников перестало существовать. Троцкистские идеи пользовались популярностью у некоторой части левых радикалов. Троцкист-

ские группы либо использовали тактику энтризма (внедрения в другие левые партии и организации), либо действовали самостоятельно, проявляя склонность к экстремизму и террористическим методам.

Леворадикальным течением XX в., возникшим на марксистской основе, был *маоизм*. Этим термином принято обозначать совокупность идей, концепций и практику их осуществления, связанных с именем председателя ЦК Коммунистической партии Китая (КПК) Мао Цзэдуна. Идею наследие Мао Цзэдуна противоречиво. В нем можно найти как воспроизведение догм сталинского «марксизма-ленинизма», так и оригинальные суждения и мысли самого лидера китайских коммунистов. В разное время Мао Цзэдун высказывал прямо противоположные положения, часто отклоняясь «влево» или «вправо» от ортодоксальной коммунистической доктрины. Особенности интерпретации и практического использования идей Мао Цзэдуна отличались в самом Китае, в странах Юго-Восточной Азии и в странах Западной Европы и Латинской Америки.

По отношению к Китаю применение термина «маоизм» не совсем корректно, поскольку этот термин имеет не китайское происхождение. В современных официальных документах КПК используется термин «марксизм — ленинизм — идеи Мао Цзэдуна», суть которого определяется как «соединение всеобщей истины марксизма-ленинизма с конкретной практикой китайской революции». Сегодня идеи Мао Цзэдуна разделены на «правильные» и «неправильные». К «неправильным» отнесены некоторые левацкие установки времен «большого скачка» и «культурной революции». К «правильным» — те, которые обосновывают курс экономических реформ в КНР.

В Юго-Восточной Азии местные коммунисты использовали те идеи Мао Цзэдуна, в которых говорилось о приоритете вооруженного насилия («винтовка рождает власть»), о партизанских формах вооруженной борьбы (теория «народной войны») и о ведущей роли крестьянства в этой борьбе (теория «окружения города деревней»). Коммунистические партии, вставшие на путь «идей Мао Цзэдуна», втянулись в затяжные, многолетние партизанские войны, часто сопровождавшиеся террористическими акциями. Но, потеряв в 80-х гг. XX в. поддержку Китая, они исчезли как реальная политическая сила.

В Западной Европе маоизм стал популярен у леворадикальной молодежи в конце 60-х гг. XX в. Ее привлекала ультрареволюционная риторика тогдашней китайской пропаганды, призывы к бескомпромиссной борьбе с мировым империализмом. Руководство

КПК, пытаясь перехватить у КПСС гегемонию в коммунистическом движении, выделяло деньги на создание и содержание ориентированных на Китай леворадикальных организаций. Китайская «культурная революция» оказала большое влияние на некоторых европейских левых интеллектуалов, в ней они увидели народное восстание против бюрократического сталинистского режима, а также утверждение в Китае принципов крайнего эгалитаризма. Высказывание Мао Цзэдуна «Бунт — дело правое», обращенное к китайским хунвейбинам и цзаофаням, вдохновляло многих участников студенческих волнений в конце 60-х гг. XX в. в Западной Европе и Северной Америке. Радикальные идеи и экстремистские установки, характерные для западноевропейской версии маозима, подталкивали ее сторонников прямым насильственным действиям, в том числе и к терроризму.

В Латинской Америке маоистскими идеями также увлекались крайне левые в региональном коммунистическом движении. Здесь радикалы пытались связать китайский и кубинский опыт партизанской войны. Подобный синтез подтолкнул многих латиноамериканских левых к использованию вооруженного насилия в разрешении многочисленных социально-политических конфликтов, традиционно присущих странам этого континента.

В 90-х гг. XX в. влияние леворадикальных идей в мире несколько снизилось и активность левоэкстремистских организаций пошла на убыль. Однако леворадикальные идеологические концепции нашли своих сторонников в рядах формировавшегося в тот период движения антиглобалистов. Появились и новые неонархистские группировки, имеющие очень мало общего с традиционным анархизмом XIX — начала XX в., но постоянно напоминающие о себе хулиганскими выходками и организацией беспорядков на улицах многих городов. В условиях мирового экономического кризиса возрастание числа акций экстремистов левого толка вполне возможно.

§ 7. Фашизм и современный правый радикализм

Наиболее характерным примером праворадикальной идеологии и политической практики в XX в. стал *фашизм*. Этот термин употребляется в трех значениях: для обозначения одного из видов правора-

дикального движения и присущей ему идеологии; для определения конкретной формы такого движения и идеологии в Италии; как название одного из основных типов тоталитарного политического режима. Термин «фашизм» происходит от латинского и итальянского слова *fascio*, означающего связку прутьев как одного из символов власти в Древнем Риме, а также союз, объединение сторонников каких-либо общественных или политических целей. Оба значения данного слова были использованы Б. Муссолини в Италии после окончания Первой мировой войны. Бывший лидер крайне левого крыла Итальянской социалистической партии, перешедший во время войны на националистические позиции, Муссолини создал объединившую ветеранов-фронтовиков организацию, получившую наименование «Союз бойцов». На основе этой организации вскоре возникла политическая партия, сохранившая в своем названии корень «фаши», — «Национальная фашистская партия». Итальянские фашисты активно использовали политическую символику Римской империи, в том числе и изображение связки прутьев с выглядывающим из нее топором. Вскоре термин «фашизм» приобрел международное значение и стал обозначать движения, схожие по своей идеологии и политической практике с итальянской фашистской партией.

Для всех разновидностей фашизма присущи некоторые общие черты. В идеологии — это крайний национализм и шовинизм, антилиберализм и антимарксизм. В представлении сторонников фашистских идеологических концепций интересы нации являются главным приоритетом. Фашизм обосновывал культ силы и отрицал либеральные принципы политической демократии, а также марксистские представления о возможности экономического и социального равенства. Невозможность равенства объяснялась врожденным неравенством между отдельными индивидами, нациями и расами. Марксистским идеям классовой борьбы фашисты противопоставляли идеи социального мира внутри нации, с одной стороны, и идеи неизбежных конфликтов и борьбы между нациями, расами и государствами, с другой стороны.

Фашизм отрицал демократию и стремился к утверждению тоталитарной модели политического устройства. Важнейшим принципом его идеологии и политической практики был культ вождя, который должен обладать абсолютной властью и непосредственно руководить нацией, минуя парламентские механизмы, через массовые митинги и демонстрации. Фашистской идеологии присуща

антикапиталистическая направленность, поскольку капиталистическая конкуренция раскалывает нацию, а свобода международной торговли способствует ее подчинению внешним плутократическим силам. Утверждая приоритет интересов нации, фашисты ставили общее благо выше личного, декларировали презрительное отношение к богатству и погоне за прибылью. Итальянские и германские фашисты осуществляли широкомасштабные меры по государственному регулированию экономики с целью ее милитаризации и подготовки к войне. Отвергая равноправные международные экономические связи, фашисты делали ставку на создание автаркического, то есть изолированного, замкнутого на себе, хозяйства и захват обширных колониальных владений, которые обеспечивали бы получение любых видов сырья, дешевой рабочей силы и возможности сбыта готовой продукции.

Социальной базой фашистского движения 20–30-х гг. XX в. был низший слой среднего класса, обладавший невысоким уровнем образования, обремененный различными суевериями и предрассудками, одинаково ненавидевший крупный капитал и организованное рабочее движение. Фашистские лидеры активно пользовались политическим опытом своих противников. У европейских социал-демократов и коммунистов они заимствовали практику создания массовых партий и движений, у русских большевиков — технологию захвата власти и создания однопартийной диктатуры. Фашистские партии и движения появились в период между первой и второй мировыми войнами во многих европейских странах, но более всего фашизм ассоциируют с германским *национал-социализмом*, или *нацизмом*.

В отличие от Италии в Германии фашистское движение имело более глубокие идеологические и политические корни. Еще до Первой мировой войны здесь распространялись правоконсервативные концепции националистического, «почвеннического», антисемитского толка. Эти концепции пытались противопоставить марксистскому социализму немецкий, самобытный эквивалент. Такой попыткой было создание в начале XX в. «Немецкой рабочей партии» в Богемии, входившей тогда в состав Австро-Венгерской империи. Руководители этой партии противопоставляли интересы немецких и чешских рабочих и утверждали, что социализм должен развиваться на национальной основе. После окончания Первой мировой войны эта партия перенесла свою деятельность на территорию Германии, в город Мюнхен, приняв в 1918 г. название «Герман-

ская национал-социалистическая рабочая партия». Возглавивший партию в 1919 г. А. Гитлер сумел превратить ее из маргинальной правоэкстремистской организации, которых было достаточно в послевоенной Германии, в многочисленную и влиятельную партию.

Идеологическая платформа нацистской партии соответствовала принципам фашистской идеологии. Отличительной же чертой германской разновидности фашизма стала расовая теория и воинствующий антисемитизм. Немцы были объявлены представителями высшей, «арийской» расы с правом господства над другими «неполноценными» народами. Все беды Германии связывались со «всемирным еврейским заговором», проявление которого нацисты видели и в господстве еврейского финансового капитала, и в марксизме, и в коммунистическом движении, и в Версальском мире, и в Октябрьской революции в России.

Нацизм несет ответственность за развязывание Второй мировой войны, за многочисленные военные преступления, совершенные гитлеровской армией, за миллионы жертв нацистского террора. Идеология и политика национал-социализма на Нюрнбергском трибунале были названы преступными, а все нацистские организации запрещены. Однако после Второй мировой войны нашлись силы, которые попытались в той или иной степени продолжить традиции фашизма. Речь идет о *неофашизме*, ставшем идеологической основой для некоторых праворадикальных организаций и движений в ряде государств мира. Неофашизм воспроизводит крайний национализм, враждебность принципам либеральной демократии. Неофашисты проявляют склонность к политическому экстремизму, используют террористические формы деятельности.

В Западной Европе активность неофашистских и других крайне националистических организаций и группировок подпитывается постоянным притоком иммигрантов из афро-азиатских стран. Эти организации разжигают национальную рознь и расистские настроения, обвиняя выходцев из других стран во всех бедах общества, особенно в росте преступности и безработицы среди коренного населения. Подобные настроения существуют и в современной России. В нашей стране также действуют правоэкстремистские группировки, идеологическая платформа которых близка к идеологическим течениям неофашистского толка.

Контрольные вопросы и задания

1. Перечислите основные функции политической идеологии.
2. Дайте характеристику либерализму как политической идеологии.
3. В чем заключается сходство и различие между консерватизмом XIX и XX вв. и современным неоконсерватизмом?
4. Когда появились термины «коммунизм» и «социализм» и что под ними понималось и понимается?
5. Чем марксизм отличался от утопических социалистических и коммунистических концепций?
6. Почему марксистско-ленинская идеология имела значительное влияние на протяжении практически всего XX в.?
7. Охарактеризуйте основные этапы эволюции идеологии социал-демократии.
8. Как соотносятся между собой понятия «радикализм» и «экстремизм»?
9. Назовите основные черты фашистской идеологии.
10. В каких регионах современного мира леворадикальная идеология наиболее влиятельна и в чем причины такого влияния?

ГЛАВА V

Политическая культура и политическая социализация

---

§ 1. Сущность, структура, функции и типология политической культуры

Изучение политической культуры общества представляет собой одно из важнейших направлений научных исследований в современной политологии. Сам термин «*политическая культура*» возник раньше, чем соответствующая категория утвердилась в политической науке. Впервые данный термин использовал немецкий философ И. Гердер в конце XVIII в. Позже тот же термин можно встретить и в работах других философов, политических мыслителей и политических деятелей. Когда в СССР, вслед за мировой политической наукой, термин «*политическая культура*» получил официальное признание, советским обществоведам удалось «обнаружить» его даже в работах В. И. Ленина. Однако ни Гердер, ни Ленин, ни многие другие авторы, пользовавшиеся этим понятием, не рассматривали политическую культуру с тех позиций, которые приняты в современной политологии.

Возникновение концепции политической культуры было обусловлено особенностями развития политологии в США и Западной Европе в 50-х — начале 60-х гг. XX в. Тогда перед политологами встали вопросы, которые потребовали новых теоретических и методологических подходов. Например, вопрос о том, почему в 30-х гг.

XX в. мировой экономической кризис, породив в разных странах сходные социально-экономические последствия, привел к разным политическим результатам. В Германии на волне экономического кризиса к власти пришел Гитлер и была установлена тоталитарная фашистская диктатура, а в США экономический спад и депрессия стали предпосылкой «нового курса» Ф. Рузвельта. И в Германии, и в США пытались найти выход из сложной социально-экономической ситуации, решить проблемы растущей безработицы, массовой бедности, обнищания населения. Но если в Германии это делалось в условиях ликвидации политических свобод, подавления инакомыслия, привлечения мобилизационного ресурса тоталитарного режима для подготовки к будущей войне, то в США администрация Рузвельта стремилась найти выход из социально-экономической «ямы» на основе идей социального либерализма, совмещая усилия по государственному регулированию экономики с сохранением и даже расширением политической демократии, в частности, признавая важную роль профсоюзов в политической системе.

На основе бихевиористского (от англ. *behaviour* — поведение) подхода, господствовавшего в политической науке довоенного и военного периодов, объяснить эти процессы было невозможно. Ведь с точки зрения бихевиористской методологии одинаковый «стимул» должен порождать одинаковую «реакцию» (см. главу I), но этого не происходило, реакции, то есть последствия воздействий, оказывались разными. Возникли представления о том, что между «стимулом» и «реакцией» вклиниваются и другие факторы, определяющие особенности политического поведения людей в разных странах. Такой же вывод напрашивался при сравнительном анализе функционирования политических систем, состоявших из однотипных политических элементов и построенных на одних и те же конституционно-правовых нормах. Особенно это стало заметно в период деколонизации, когда бывшие колонии копировали отдельные политические институты и политические системы своих метрополий. Однако построенные по французскому образцу политические системы в бывших французских колониях развивались и функционировали совсем не так, как во Франции. То же самое происходило и в бывших британских колониях, даже если они оставались в составе Британского Содружества Наций и номинальным главой их государства оставалась английская королева. Устроенные по одинаковому образцу политические системы

работали по-разному, следовательно, дело было не в формально установленных правилах, а в том, как эти правила соблюдаются и выполняются людьми, которые росли и формировались в разных социально-политических условиях, усваивали разные политические ценности, традиции и нормы, приобретали разный политический опыт. Поскольку категории *опыт*, *ценности*, *традиции* и *нормы* рассматриваются как элементы такого важного феномена социальной жизни, как культура, то в политической сфере их стали объединять под общим понятием *«политическая культура»*.

По мнению большинства специалистов, приоритет в современном толковании понятия *«политическая культура»* принадлежит американскому политологу Г. Алмонду. В работе «Сравнительные политические системы», увидевшей свет в 1956 г., он выделил два уровня анализа политических систем. Один уровень — традиционный институциональный, в рамках которого главное внимание уделяется функциям, нормам и механизмам, присущим государству и другим политическим институтам. Второй уровень — ориентационный, представляющий собой анализ особых форм отношения людей к политическим институтам и другим политическим объектам. В итоге Алмонд сделал вывод о том, что каждая политическая система базируется на своеобразной структуре ориентаций относительно политического действия. Такие ориентации ученый и предложил называть политической культурой.

Впоследствии Алмонд и другие политологи дали большое количество определений понятия *«политическая культура»*. Например, тот же Г. Алмонд совместно с американским политологом Дж. Б. Пауэллом в книге «Сравнительная политология: эволюционный подход» представил такой вариант определения политической культуры: политическая культура — совокупность личных позиций и ориентаций членов конкретной политической системы, субъективная сфера, создающая первооснову политических действий и придающая им смысл. В другой работе, «Гражданская культура», Г. Алмонд со своим соавтором, американским политологом С. Вербой, определил политическую культуру как систему ценностей, глубоко укоренившихся в сознании мотиваций, ориентаций и установок, регулирующих поведение людей в ситуациях, имеющих отношение к политике.

Известный американский политолог С. Липсет определил политическую культуру как некую совокупность ритуалов, служащих сохранению законности политической деятельности. Другой аме-

риканский политолог, Л. Пай, полагал, что политическая культура является набором установок, верований, чувств, вносящих порядок и значение в политический процесс и содержащих скрытые предположения и правила, управляющие поведением в политической системе.

Многообразные подходы к определению сущности политической культуры, сложившиеся в зарубежной политической науке, российский политолог и политический психолог Е. Б. Шестопал сводит в четыре группы:

- ✦ психологические трактовки, когда политическая культура рассматривается как система ориентаций на политические объекты;
- ✦ «всеобъемлющие» определения, объединяющие вместе политическое поведение индивида и психологические установки, лежащие в его основе;
- ✦ так называемые «объективные» определения, в которых политическая культура выступает в качестве ограничителя поведения индивидов и групп;
- ✦ «эвристические» определения, рассматривающие политическую культуру как некую гипотетическую конструкцию, создаваемую исключительно для целей политологического анализа.

Все существующие определения с разных сторон отражают такое сложное и важное для политической жизни общества явление, как политическая культура. Но ни одно из имеющих определений не может претендовать на абсолютную полноту и безупречность. Каждое содержит некоторые неточности и недостатки. В качестве базового можно использовать определение политической культуры, предложенное российским политологом Э. Я. Баталовым. Политическая культура — *это система исторически сложившихся, относительно устойчивых, воплощающих опыт предшествующих поколений людей установок, убеждений, представлений, моделей поведения, проявляющихся в непосредственной деятельности субъектов политического процесса, фиксирующих принципы их отношений к этому процессу в целом и его элементам, друг к другу, к самим себе, к политической системе, в рамках которой протекает этот процесс, и тем самым обеспечивающих воспроизводство политической жизни общества на основе ответственности*. Российский ученый уточняет, что суть политической культуры выражается в том, что она представляет собой способ существования социальных субъектов (наций, классов, групп, индивидов) как субъектов политического процесса.

Политическая культура — сложное явление, и ее структуру нельзя свести к какой-либо единственной модели. Многие исследователи отмечают, что политической культуре присущ полиструктурный характер. В политической культуре выделяют структуру *ценностных ориентаций*, определяющих поведение людей в политической сфере. Г. Алмонд и С. Верба дали характеристику трех уровней ориентаций.

1. *Познавательные ориентации*, то есть знания о политике, в том числе о механизмах функционирования политической системы и ее отдельных институтов.
2. *Эмоциональные ориентации*, то есть политические традиции, ценности, идеалы и убеждения, в той или иной степени отражающие чувства людей по отношению к политической системе, субъектам политического процесса и их конкретным действиям.
3. *Оценочные ориентации*, отражающие личное отношение конкретного индивида к политической системе, ее отдельным элементам, политическим событиям и личностям.

Несколько иную структуру политических ориентаций представил американский исследователь политической культуры У. Розенбаум. Он выделил следующие элементы этой структуры.

1. Ориентации относительно институтов государственного управления, политического режима, относительно «входа» в политические системы и относительно «выхода» из политической системы (оценка принимаемых решений и результатов их реализации), в совокупности это получило название *«ориентации относительно правительственных структур»*.
2. *Ориентации по отношению к «другим» в политической системе*, что означает политическую идентификацию индивидов, их политические убеждения и их представления об основных нормах, регулирующих деятельность политической системы.
3. *Ориентации относительно собственной политической деятельности*, а именно степень политической компетентности и политической действенности индивидов, адекватная оценка как своих возможностей участия в политике, так и степени влияния такого участия на политическую практику.

Некоторые ученые, например российский политолог А. И. Соловьев, выделяют в структуре политической культуры мировоззренческие, гражданские и собственно политические ценностные

ориентации. Мировоззренческие ориентации обусловлены философскими, религиозными, этическими воззрениями граждан. Отношение к политическому процессу на основе мировоззренческих ориентаций выстраивается с точки зрения жизненных целей и ценностей человека. Гражданские ориентации формируются на основе общих политических и правовых знаний, которые позволяют осознать человеку возможности своего участия в политической жизни, реализации прав и свобод, присущих данной политической системе. Конкретная практическая деятельность институтов власти, политических партий и лидеров, оказывая воздействие на граждан, рождает в них политические ориентации.

Кроме ценностных ориентаций, в структуре политической культуры выделяют *политические стереотипы, политические ритуалы, политические традиции, политические мифы, политическую символику и политический язык*.

Политические стереотипы — упрощенные, схематические представления о политических феноменах, вырабатываемые в массовом сознании и влияющие на сознание отдельных индивидов. Политические стереотипы характеризуются эмоциональностью, иррациональностью и устойчивостью.

Политический ритуал — установленный «сверху» или выработанный на основе обычая порядок проведения какой-либо церемонии. В политике совершается множество церемониальных действий и, соответственно, существуют ритуалы их проведения. Ритуалы присущи носителям определенной политической культуры. Изменение политической культуры влечет за собой изменение ритуалов. Например, в Советском Союзе сложились ритуалы проведения ежегодных демонстраций 1 мая и 7 ноября, в которых принимала участие значительная часть населения. Своеобразным политическим ритуалом стало проведение выборов с единственным кандидатом. С первых лет советской власти складывались ритуалы проведения съездов, собраний и других публичных мероприятий. Исполнение этих ритуалов стало традицией для большинства советских людей.

Политические традиции являются весьма важным элементом политической культуры, по сути, они цементируют ее и придают ей устойчивость. Свою роль в политической культуре играют *политические мифы*, представляющие собой опирающиеся на верования статичные образы политических явлений. Эти образы позволяют упорядочить и структурировать в сознании факты и события,

которые приводят людей в смятение. Мифы позволяют пережить тяжелые кризисные времена, дают надежду и поэтому наиболее широко распространяются в эпохи радикальных общественных перемен. Политические мифы бывают весьма устойчивыми. Например, миф о добром царе, правду от которого скрывают злые придворные, продержался в массовом сознании русского народа не одно столетие. Вплоть до революции 1905–1907 гг. большинство крестьян в России ожидало решения земельного вопроса именно от царя, а не от его противников из либерального и революционного лагеря. Миф о добром царе пережил самодержавие и сохранился как в годы советской власти, так и в постсоветской России.

Для политической культуры любой крупной социальной группы присуща особая символика. В качестве *политических символов* могут выступать флаги, гербы, гимны государств, символы политических партий и движений. Символами отдельных государств и их центров власти могут быть отдельные здания и сооружения. Например, когда речь идет о Белом доме, имеется в виду президент США и его администрация, а упоминание Кремля подразумевает высшее руководство нашей страны, представленное сегодня президентом РФ и членами его правительственной команды.

Политическая символика способствует самоидентификации и интеграции индивидов и групп, участвующих в политическом процессе, помогает осуществлять коммуникации между ними. Таковую же задачу решает *политический язык*. Для каждой группы в каждый конкретный отрезок времени характерна своя политическая терминология. Например, если на рубеже 80–90-х гг. XX в. в нашей стране слова «демократ» и «демократический» были самыми популярными и широко распространенными, то впоследствии эти термины приобрели некоторый негативный, уничижительный оттенок. В политических культурах разных стран в одинаковые политические термины может вкладываться разное, иногда даже противоположное содержание. Так, в США часто либералами называют тех, кого в Западной Европе называли бы социал-демократами. В Советском Союзе в годы «перестройки» «левыми» стали называть тех политических деятелей, кого во всем остальном мире принято было относить к числу «правых», и наоборот.

Политическая культура выполняет ряд важных общественных *функций*. К ним, в частности, относят:

- ✦ функцию *идентификации*, реализующей потребность людей в осознании своей групповой принадлежности;

- ✦ функцию *ориентации*, заключающуюся в познании сути политических явлений и понимании возможности реализации своих целей и интересов в политической сфере;
- ✦ функцию *адаптации*, выражающую потребность людей в приспособлении к меняющейся социально-политической действительности;
- ✦ функцию *социализации*, обеспечивающую возможность приобретения людьми навыков и качеств, которые необходимы для участия в политической жизни общества;
- ✦ функцию *интеграции* (или в некоторых случаях дезинтеграции), обеспечивающую сохранение целостности государства через взаимодействие отдельных общественных групп в рамках существующих политических институтов;
- ✦ функцию *политической коммуникации*, обеспечивающую взаимодействие всех субъектов политического процесса на основе общего политического языка и политической символики посредством существующих на данный момент способов общения и передачи информации.

Сегодня можно услышать рассуждения некоторых отечественных журналистов, публицистов, политиков о «низкой политической культуре» наших граждан или даже о полном ее отсутствии. Подобные высказывания свидетельствуют о том, что понимание социального феномена культуры и политической культуры является в этом случае односторонним и поверхностным. Если под культурой понимать только степень воспитанности и образованности людей, тогда можно рассуждать о «низкой политической культуре» или ее отсутствии. Однако категория политической культуры формировалась в политической науке на основании представлений о культуре как совокупности духовных и нравственных ценностей и норм, присущих большой социальной группе, общности, народу или нации. С этой точки зрения нельзя говорить об обществе, группе или человеке как о полностью лишенных культуры, в том числе и политической. Нет и общей, универсальной, охватывающей все человечество политической культуры. Она распадается на отдельные типы, присущие тем или иным общностям людей. При этом наряду с политической культурой всего сообщества могут существовать субкультуры отдельных групп внутри такого сообщества.

Классификация типов политической культуры может осуществляться на основе различных признаков. Американские политологи

Г. Алмонд и С. Верба в основу своей широко известной типологии положили такие составные части политической культуры, как ценности, образцы поведения и способы организации политической власти. Они выделили три идеальных типа политической культуры.

1. *Патриархальная* политическая культура, характеризующаяся отсутствием у большинства населения какого-либо интереса к политической жизни.
2. *Подданническая* политическая культура, для которой характерна сильная ориентация людей на поддержку существующей политической системы, сочетающаяся со слабой заинтересованностью в политическом участии.
3. *Активистская* политическая культура, носители которой не только интересуются политикой, но и сами активно в ней участвуют.

В реальной жизни существуют смешанные типы политической культуры, включающие в себя в той или иной пропорции элементы всех вышеназванных идеальных типов. Наиболее важным из смешанных типов политической культуры Г. Алмонд и С. Верба считали *гражданскую* политическую культуру.

Носитель гражданской политической культуры

- ✦ положительно оценивает значение существования и деятельности правительства для общества в целом и лично для себя;
- ✦ имеет высокий интерес к деятельности правительства;
- ✦ испытывает чувство гордости за свои национальные политические институты;
- ✦ ожидает равного к себе отношения со стороны официальных должностных лиц государства;
- ✦ испытывает желание публично обсуждать политические вопросы в кругу друзей и знакомых;
- ✦ имеет возможность открыто выражать свои оппозиционные настроения;
- ✦ испытывает чувство удовлетворения от проведения общенациональных политических, в частности избирательных, кампаний;
- ✦ компетентно оценивает правительственную политику и понимает свою обязанность воздействовать на эту политику вместе со всеми согражданами;

- ✦ достаточно компетентен в использовании действующего законодательства для успешного противодействия возможным актам произвола со стороны властей;
- ✦ верит в то, что демократия является необходимой и желательной системой государственного устройства.

Английский политолог Д. Каванах считал, что национальные политические культуры отдельных стран отличаются друг от друга степенью внутреннего единства и интегрированности. На этом основании он выделил следующие типы политических культур:

1. *Гомогенная политическая культура* характеризуется наличием единых ценностных ориентаций для всех граждан, терпимостью к возможным проявлениям инакомыслия при четкой дифференциации политических ролей.
2. *Фрагментарная политическая культура* представляет собой совокупность резко отличающихся друг от друга субкультур, присущих разным группам населения.
3. *Смешанная политическая культура* характеризуется наличием различных ценностных ориентаций граждан, отличающихся от официально провозглашаемых норм и ценностей существующего режима.
4. *Искусственно гомогенная политическая культура* отличается, с одной стороны, массовой политической апатией, с другой стороны, искусственно инициируемой «сверху» политической активностью в поддержку существующего режима.

Нетрудно заметить, что последний тип политической культуры охватывает авторитарные и тоталитарные политические режимы.

Свою типологию политической культуры, однако, весьма похожую на предыдущую типологию политической культуры Д. Каванаха, позже предложил Г. Алмонд. Поскольку данные социологических исследований свидетельствовали о серьезных различиях в ценностных ориентациях граждан тех стран, где должна была господствовать, по мнению Алмонда и Вербы, гражданская культура, американский политолог посчитал необходимым выделить четыре типа политической культуры, в соответствии с характером политических систем. В англо-американских политических системах представлена *гомогенная* и *секуляризированная* политическая культура. В континентальных западноевропейских политических

системах одновременно сосуществуют совершенно различные политические субкультуры. В каждой отдельной стране Западной Европы общенациональная политическая культура имеет, вследствие этого, *фрагментарный* характер. В политических системах доиндустриального и частично индустриального типа политическая культура имеет *смешанный* характер. И наконец, в тоталитарных политических системах господствует *искусственно гомогенная* политическая культура.

Национальные типы политической культуры различаются также в соответствии с цивилизационными особенностями социумов, внутри которых они сформировались. В сравнительной политологии выделяют западный и восточный типы политической культуры. Западный тип присущ странам и народам, принадлежащим к западной или западно-христианской цивилизации. Восточный сформировался на социокультурной почве восточных цивилизаций — буддистско-конфуцианской, исламской и индуистской.

Российские политологи В. П. Пугачев и А. И. Соловьев видят основные различия политических культур Запада и Востока в следующем:

- ✦ если в странах Запада более распространена убежденность в том, что политическая власть может покоиться на физическом, духовном или экономическом превосходстве человека над человеком, то на Востоке существовала уверенность в божественном происхождении власти, не связанной ни с какими человеческими достоинствами;
- ✦ если на Западе к политике относились и относятся как к разновидности конфликтной социальной деятельности, строящейся на принципах честной игры и равенства граждан перед законом, то на Востоке сформировалось отношение к политике как к подвижнической деятельности, недоступной простым смертным, а являющейся уделом лишь выдающихся личностей. На Востоке политика понималась как средство достижения гармонии и мира, причем возможность случайных событий в политической жизни отрицалась;
- ✦ на Западе личность осознавалась как самодостаточная для осуществления ею властных полномочий, на Востоке личность таковой не признавалась, а предполагалась необходимость в посредничестве в отношениях между личностью и властью;

- ✦ если на Западе утвердился примат идеалов индивидуальной свободы, то для Востока характерен приоритет идеалов справедливости;
- ✦ на Западе принято признавать индивида главным субъектом политического процесса, а государство считать гарантом прав и свобод личности, инструментом достижения целей и реализации интересов отдельных групп и индивидов, зависимым от гражданского общества. На Востоке главная роль в политике отдается элитам, за государством же признается функция патроната над отдельными людьми; кроме того, на Востоке доминируют ценности корпоративизма, то есть личность подчиняется руководителям общин, сообществ, групп.
- ✦ на Западе в конце концов утвердился плюрализм форм политической жизни, сложный характер организации политических систем, демократический характер политических режимов; на Востоке долго сохранялось тяготение к авторитарному типу правления, упрощенным формам организации власти, поискам харизматических лидеров, предпочтение коллективным формам политического участия при безусловном подчинении личности исполнительной власти;
- ✦ для Запады в целом характерно рациональное отношение к исполнению политическими элитами и лидерами своих управленческих функций в соответствии с нормами общественного договора, здесь утвердилось мнение о необходимости общественного контроля над их деятельностью; на Востоке имеет место сакрализация (обожествление) власти и ее носителей при отсутствии убежденности в необходимости контроля над их действиями;
- ✦ если для Запады характерен примат общегосударственного кодифицированного права над частными нормами и местными обычаями, то на Востоке, наоборот, приоритет отдается местным правилам и обычаям перед формальными законами государства;
- ✦ на Западе довольно рано пришли к пониманию различий моральной и политической мотивации политического действия, на Востоке же сохранилась тенденция к сглаживанию противоречия между моральными и правовыми мотивами политического поведения.

§ 2. Особенности российской политической культуры

Россия, как уже было показано, развивалась под воздействием как западной, так и восточной цивилизаций. Соответственно и российская политическая культура испытывала влияние как западной, так и восточной политических культур. Однако в силу геополитических, социально-экономических и социокультурных обстоятельств российская политическая культура традиционно все же была ближе к восточному типу. Например, общей чертой для политической культуры российского и восточных обществ был патернализм. Отношения патернализма — отношения, характерные для большой патриархальной семьи, где все подчиняется хозяину дома, в обязанности которого входит «отеческая забота» о своих домочадцах. Сохранение отношений патернализма в Великой России было обусловлено рядом экономических и природно-климатических причин. Короткое лето требовало проведения множества полевых работ, что было возможно при мобилизационных формах внутрисемейного общежития и определяло авторитетный характер власти главы семьи. Глава традиционной семьи — «большак», представлял семейные интересы во взаимодействии с внешним миром, внутри семейного хозяйства управлял собственностью, распределял производственные задания и контролировал их исполнение. Глава семьи поощрял и наказывал, был гарантом соблюдения обычаев и нравственных норм. Глава семьи был вправе распоряжаться жизнью своих домочадцев, а они, в свою очередь, принимали его решения как неизбежность, поскольку иначе было невозможно обеспечить интересы выживания семьи как целостности.

Возникший под влиянием природно-климатических условий патерналистский тип взаимоотношений в великорусской деревне затем нашел свое выражение в политической жизни российского общества. На это обстоятельство обращали внимание многие русские историки и философы. В частности, К. Д. Кавелин отмечал, что «дом или двор... представляет человеческое общество, поселенное на известном месте, состоящее из членов семьи и домочадцев и подчиненное власти одного господина, домоначальника. В этой социальной единице заключаются, как в зародыше, зачатки всех последующих общественных отношений: и семья, и рабство, и гражданское общество, и государство».

В условиях господства патерналистских отношений большинству членов общества уготована роль исполнителя внешней, чужой воли. В такой ситуации не формируется потребность быть самостоятельной личностью, ответственность за судьбу человека перекладывается на семью, а в дальнейшем на государство. Нет личной, индивидуальной ответственности, следовательно, нет и индивидуальной свободы. По мнению некоторых культурологов, «культура русского человека отличается внутренней безответственностью и жесткой внешней ответственностью».

Традициями патернализма можно объяснить и особенности русского самодержавия и некоторые предпосылки возникновения коммунистического тоталитарного режима. Патерналистские отношения были характерны для советского периода отечественной политической истории, их влияние сохранилось и в постсоветский период. Перекладывать личную ответственность на государственную власть — по-прежнему свойственно для массового сознания российского общества. Присущи современному массовому сознанию в России и ценности коммунитаризма (общинности), характерные как для политических культур восточного типа, так и для традиционной российской политической культуры. Большая часть населения дореволюционной России — крестьяне — вплоть до начала XX в. жила в условиях сельской поземельной общины, так называемого «мира». Более длительное сохранение общинных отношений, чем в Западной Европе, обусловлено не только особыми природно-климатическими и экономическими условиями, но и тем, что в дальнейшем они искусственно поддерживались государством из фискальных соображений¹. Влияние коммунитаристских ценностей на политическое развитие России можно увидеть и в широкой популярности социалистических идей, в том числе самобытных русских концепций социализма, идеализировавших крестьянскую общину. Коммунитаристские традиции облегчали большевикам решение их задач по завоеванию власти и строительству нового общества. Элементы коммунитаризма сохраняются в массовом сознании и современного российского общества.

Так же как и на Востоке, в России политика традиционно ассоциируется с людьми, а не с институтами, здесь всегда есть спрос на харизматических лидеров, живучи представления о сакральном

---

¹ Легче было собирать налоги с «мира» в целом, чем с каждого крестьянского хозяйства в отдельности.

характере государственной власти. Как и в некоторых странах Востока, в России моральные нормы нередко ценились и ценятся выше правовых. Сама же правовая традиция была развита гораздо слабее, чем в странах Западной Европы. Для массового сознания российского общества было характерно недоверие к формальному праву, что выражалось в словах известной русской поговорки «закон — что дышло, куда повернешь — туда и вышло». Даже В. Ленин однажды саркастически упомянул о «калужской законности», отмечая приоритет местных норм перед общегосударственным правом. Уже в наши дни федеральному центру пришлось затратить немало усилий, чтобы привести местное законодательство в соответствие с общедоказательными законами, поскольку «субъекты федерации» в неразберихе 90-х гг. XX в. наприносили массу законов, противоречивших российской Конституции.

Если с политическими культурами восточного типа традиционная российская политическая культура имела немало общего, то от политической культуры Запада она, напротив, существенно отличалась. Немецкий политолог В. Пфайлер в начале 90-х гг. XX в. в качестве причин этого назвал отсутствие в России таких социокультурных явлений, как Возрождение и Реформация, вследствие чего здесь не получили развитие и не утвердились ценности индивидуализма, свободы совести, толерантности. В традиционной российской политической культуре, как полагает В. Пфайлер, в связи с этим не развивалась культура компромисса, не были разграничены мировоззренческие и политические ценности. Не было в России и собственного (точнее, самостоятельного) Просвещения. Оно было «импортировано» в Россию во времена Екатерины II. В результате, считает В. Пфайлер, в России не возникли и не получили распространения ни рациональный тип мышления, ни рациональные способы государственного управления. Некоторые же стороны Просвещения были абсолютизированы, например, вера в возможности науки у некоторой части населения приобрела черты религиозной веры. Видит немецкий политолог и различия в социально-экономическом развитии России, отмечая неразрывность экономики и политики, собственности и власти. Не находит он в России такого же индивидуалистического рыцарства, как на Западе, а также традиций правовой государственности. Все вышеперечисленное отличает российскую цивилизацию от западноевропейской, обуславливает несовпадение циклов и темпов исторического процесса в России и Европе.

По мнению В. Пфайлера, цивилизационные особенности России и российской политики связаны с византийской традицией. Не только В. Пфайлер, но и многие другие западные политологи отмечают влияние, которое оказала Византийская империя на формирование российской политической культуры. В первую очередь это касается представлений об универсальном иерархизированном порядке, в рамках которого отдельный индивид включен в коллективные структуры, являющиеся частью более высокого Божественного космического порядка. К византийскому наследию относились и концепции единства царской и имперской идей, государственной религии и государственной церкви. «Не будет большой ошибкой, — писал Пфайлер, — квалифицировать эту имперскую идею как политическую теологию». Надэтнический, надгосударственный характер власти и государства, унаследованный от Византии, попали на благодатную почву, поскольку российская государственность изначально формировалась и развивалась как полиэтническая. Впоследствии пришедшая из Византии имперская идея материализовалась в создании Российской империи, но имперская традиция замедлила процесс формирования самой русской нации и стала препятствием на пути строительства национального государства.

Хотя непосредственные контакты между Москвой и Константинополем, как уже говорилось, были сильно затруднены, известие о падении Византийской империи стало потрясением для тогдашней Руси. В 1204 г. захват Константинополя крестоносцами воспринимался русскими людьми, по словам Л. Гумилева, «как внезапная смерть близкого человека... Русь перестала быть частью мировой системы, а оказалась в изоляции». После окончательного завоевания Константинополя турками в 1453 г. своеобразной реакцией на это печальное для всего православного мира событие стало появление концепции «Москва — Третий Рим». В соответствии с ней русское государство представлялось единственным оплотом истинного христианства — православия, а Москва унаследовала роль Второго Рима — Константинополя.

Идея «Москва — Третий Рим» укоренилась в российской политической культуре и сыграла неоднозначную роль в политической истории России. С одной стороны, эта идея мешала заимствованию иностранного опыта, поскольку «Третий Рим» не мог «идти на поклон» к еретическому Западу. С другой стороны, эта идея фактически была мессианской. В соответствии с ней Российское государство имело особое предназначение — сохранять и защищать

истинную веру, будь то православие в дореволюционной России или коммунистическая идея в Советском Союзе. Образ «Третьего Рима» диктовал свой особенный, ни с чем не сравнимый путь. В этом смысле данная идея способствовала сохранению самостоятельности и независимости России на всех этапах ее истории.

Наряду с влиянием византийского наследия специфика российской политической культуры определяется и особенностями развития российской государственности. Одну из таких специфических особенностей политической культуры России представляет собой переплетение в ней ценностей этатизма и анархизма. О традициях сильной государственной власти писали многие дореволюционные историки и философы. В. О. Ключевский обращал внимание на то обстоятельство, что, в отличие от Киевской Руси, где образованию государства предшествовала длительная история развития восточнославянского общества, на северо-восточных землях, где впоследствии и возникло Московское государство, княжеская власть сама выступала в качестве творца общества, всех общественных институтов и отношений. «Старое киевское общество, — писал русский историк, — было старше своих князей. Совсем иной взгляд на себя, иное отношение к управляемому обществу усвоили под влиянием колонизации князья верхневолжской Руси. Здесь, особенно за Волгой, садясь на удел, первый князь его обыкновенно находил в своем владении не готовое общество, которым предстояло ему править, а пустыню, которая только что начинала заселяться, в которой все надо было завести и устроить, чтобы создать в нем общество. Край оживал на глазах своего князя: глухие дебри расчищались, пришлые люди селились на „новьях“, заводили новые поселки и промыслы, новые доходы приливали в княжескую казну. Всем этим руководил князь, все это он считал делом рук своих, своим личным созданием. Так колонизация воспитывала в целом ряде княжеских поколений одну и ту же мысль, один взгляд на свое отношение к уделу, на свое правительственное в нем значение».

Впоследствии существование сильной государственной власти определялось и влиянием византийской традиции и геополитическими факторами — необходимостью защищать государство от внешних врагов и сохранять контроль над постоянно расширяющейся территорией. В России без государства не обходилось ни одно даже малое начинание. Многие общественные институты, в Европе появившиеся и развивавшиеся самостоятельно, в России возникали по инициативе и при активном участии государственной власти. И сегодня государственная власть в лице админи-

страции президента, не дождавшись соответствующих действий и инициатив «снизу», стала «сверху» по своему усмотрению создавать институты гражданского общества и перекраивать партийно-политическую систему.

На протяжении многих столетий государственная власть в России была ничем не ограниченной и деспотичной. Деспотизм, с одной стороны, порождал в народе привычку к покорности, а с другой стороны, вызывал протест и стремление освободиться от всеобъемлющего государственного контроля. Н. А. Бердяев отмечал: «Может поражать противоречие между русской анархичностью и любовью к вольности и русской покорностью государству, согласием народа служить образованию огромной империи... Возрастание государственного могущества, высасывающего все соки из народа, имело обратной стороной русскую вольницу, уход из государства, физический или духовный».

Наличие как этатистской, так и анархической традиций в российской политической культуре в какой-то степени объясняет, почему Россия, с одной стороны, была родиной основоположников идеологии анархизма — М. Бакунина и Н. Кропоткина, а с другой стороны, стала страной, давшей миру образец тоталитарного политического режима в XX столетии. Каждый период российской истории нашел свое отражение в формировании специфических черт российской политической культуры. Например, петровские реформы, а точнее их последующая оценка и переосмысление, породили размежевание в российском обществе и русской социально-политической мысли на так называемых «западников» и «почвенников». Семь десятилетий существования советской власти не могли коренным образом изменить все традиционные ценности отечественной политической культуры, но оказали на нее весьма сильное влияние. В любом случае, понять закономерности современного политического процесса в России без учета такого социокультурного фактора, как исторические традиции российской политической культуры, невозможно.

§ 3. Политическая социализация

С понятием политической культуры тесным и неразрывным образом связано понятие «политическая социализация». *Политическая социализация* — процесс усвоения индивидом, социальной

группой или всем обществом ценностей и норм, присущих какой-либо политической культуре. На индивидуальном уровне политическая социализация означает усвоение отдельными людьми умений и навыков, а также приобретение опыта, необходимых для выполнения определенных ролей в политической системе. Без механизмов политической социализации невозможно воспроизводство политической культуры и, следовательно, невозможно воспроизводство и существование как отдельных политических институтов, так и политической системы в целом. В свою очередь, изменение самой политической культуры, изменение политических институтов и политических систем невозможно вне процесса политической социализации. Каждое новое поколение усваивает опыт и ценности, выработанные предшествующими поколениями, но усваивает их в новой исторической и социальной обстановке, которая в той или иной степени влияет на процесс и результат социализации.

Процесс политической социализации начинается с того момента, когда человек становится способным осознавать себя и воспринимать окружающий мир, и продолжается на протяжении всей его жизни. В процессе политической социализации выделяют три основных этапа: *первичную политическую социализацию, вторичную политическую социализацию и политическую социализацию в зрелом возрасте.*

Первичная политическая социализация начинается примерно в три года и охватывает детство до 12–13 лет. Американские политологи Д. Истон и Дж. Денис провели массовое исследование особенностей первичной политической социализации на примере американских детей. Результаты этого исследования широко известны специалистам — политологам и социологам. Д. Истон и Дж. Денис выделили четыре периода социализации детей от 3 до 13 лет. Первому периоду они дали название *политизация*. В этот период происходит первичное знакомство ребенка с информацией о мире политики. Дети начинают понимать, что наряду с властью родителей есть и другая власть — политическая, которая может иметь даже большее значение. Второй период политологи охарактеризовали как *персонализацию*. В течение этого периода в сознании ребенка политическая власть начинает ассоциироваться с конкретными фигурами. В США это прежде всего фигуры президента и полицейского, о которых дети либо слышат чаще всего, либо сталкиваются в повседневной жизни. Третий период тесно связан

со вторым и получил название *идеализация*. Дети приписывают известным им представителям власти исключительно положительные качества, хотя это может не соответствовать истинному облику этих фигур. Завершается первичная политическая социализация периодом «институциализации», когда дети начинают переходить от персонифицированных представлений о политике и политической власти к восприятию обезличенных политических институтов. Они могут различать законодательную и исполнительную власть, осознавать специфику отдельных государственных институтов — полиции, армии и др.

Вторичная политическая социализация охватывает годы отрочества и юности и завершается вступлением человека во взрослую самостоятельную жизнь. У молодого человека накапливается собственный жизненный, в том числе и политический опыт, формируются политические взгляды и убеждения. Хотя эти убеждения могут быть непрочными и впоследствии меняться под воздействием внешних факторов.

Политическая социализация продолжается и в зрелом возрасте. Результатом такой политической социализации является коррекция или изменение политических взглядов и убеждений, причем изменения могут быть весьма радикальными. Например, Бенито Муссолини в юности воспринял от своего отца, который был сельским кузнецом, идеи анархизма. Вступив в самостоятельную жизнь, он сблизился с социалистами, а впоследствии стал одним из лидеров левого крыла Итальянской социалистической партии. Большое впечатление на Муссолини произвел всплеск националистических настроений в начале Первой мировой войны. Он разочаровался в идеях интернационального социализма, и его политическая позиция стала эволюционировать вправо. После окончания Первой мировой войны Б. Муссолини нашел свое место на крайне правом фланге итальянской политики и стал основателем сначала фашистского движения, а затем и фашистской партии Италии.

В истории есть многочисленные примеры идейно-политической эволюции и в обратном направлении — «справа-налево». Так, Фидель Кастро вырос в богатой аристократической семье, получил среднее образование в католическом учебном заведении. В ранней молодости он был сторонником одной из традиционных кубинских правоцентристских партий. Результатами его идейной и политической эволюции стала роль вождя кубинской революции и взгляды убежденного коммуниста.

В процессе политической социализации взрослый человек может получить самый разнообразный опыт, сменить множество ролей внутриполитической системы. Политический активист может разочароваться в своей деятельности и полностью отойти от нее. И наоборот, человек, первоначально сторонившийся политики, может быть вовлечен в политический процесс и даже подняться к вершинам политической власти. В качестве примера такого развития событий можно назвать жизнь и деятельность первого Президента России Б. Ельцина. Свою профессиональную карьеру он начал инженером-строителем и долго даже не состоял в КПСС. Уже с должности руководителя крупной строительной организации, в силу стечения обстоятельств, он попал на партийную работу, где быстро продвинулся вверх по иерархической лестнице. Со временем Б. Ельцин стал крупным функционером КПСС, а в условиях «перестройки» — лидером борющейся с КПСС оппозиции.

Политическая социализация может быть как *прямой*, так и *косвенной*. *Прямая политическая социализация* представляет собой целенаправленное приобщение индивида или группы к знаниям о политике, получение навыков и умений участия в политической жизни. Изучение курса политологии в высших и средних учебных заведениях — пример прямой политической социализации. *Косвенная политическая социализация* осуществляется стихийно, уже в силу того обстоятельства, что индивид или группа погружены в какую-либо политическую реальность.

Политическая социализация осуществляется разными по характеру агентами социализации в рамках самых разнообразных социальных институтов. *Агентами политической социализации* могут быть родители, старшее семейное поколение, братья, сестры и другие родственники. Причем они осуществляют политическую социализацию как косвенно, через личный пример и общение, так и прямо, целенаправленно, стремясь сформировать у члена семьи определенные взгляды и убеждения. Значительная часть агентов политической социализации являются таковыми в силу тех общественных функций, которые они выполняют. Это — школьные учителя и преподаватели высших и специальных учебных заведений, партийные функционеры, активисты общественных организаций и движений, журналисты, публицисты, писатели, деятели культуры, священнослужители, чиновники. Они чаще являются агентами прямой политической социализации, хотя могут осуществлять и косвенную политическую социализацию. К числу агентов полити-

ческой социализации можно причислить и друзей, знакомых, всех, кто входит в непосредственный круг общения человека.

Среди общественных институтов, играющих активную роль в процессе политической социализации, можно выделить семью, школу и другие учебные заведения, детские и молодежные организации, средства массовой информации. Институтами политической социализации являются политические партии, церковь, религиозные организации, а также государственные структуры, например армия. Политологи обращают внимание на то, что роль институтов политической социализации могут играть и неформальные структуры, например уличные молодежные группировки.

Семья имеет наибольшее значение для *первичной политической социализации*. Первые представления о мире политики ребенок получает в семье от родителей и других близких родственников. *Школа* дает ребенку как *первичную*, так и *вторичную политическую социализацию*. В школе, как и в других учебных заведениях, имеет место прямая и косвенная форма политической социализации. С одной стороны, в учебных курсах истории, географии, обществознания и некоторых других учащиеся получают конкретные знания, оказывающие прямое влияние на формирование их мировоззренческих общегражданских и собственно политических ориентаций. С другой стороны, кроме учебных занятий в школе проводятся внеклассные мероприятия, обеспечивающие процесс политической социализации: беседы, лекции, экскурсии, праздники, встречи с общественно-политическими деятелями. Как показывает опыт многих стран, школа может быть местом деятельности детских и молодежных организаций. В кругу школьных друзей и одноклассников происходит постоянное неформальное общение, в том числе и по поводу политических событий и политической жизни страны и мира в целом. Такое общение осуществляется также между школьниками и учителями.

Политическая социализация в зрелом возрасте, впрочем, как и в молодые годы, осуществляется при заметном участии *средств массовой информации*. Для большинства граждан именно они являются источником сведений о политических событиях. СМИ как прямо, так и косвенно способствуют распространению ценностных установок, обуславливающих формирование политических убеждений людей.

В процессе политической социализации важную роль играют такие специализированные институты, как *политические партии*.

Политические партии стремятся мобилизовать граждан в свою поддержку. С этой целью партийные функционеры дают информацию населению по самым разнообразным политическим вопросам. Партийные активисты проводят работу среди избирателей по разъяснению программы и позиций партии по важнейшим общественным проблемам. Особенно активизируется работа избирателей в периоды предвыборных кампаний. Сами выборы могут рассматриваться как общенациональные уроки гражданского воспитания, а партийные функционеры и активисты выступают в качестве учителей на этих уроках. Однако в условиях многопартийности политические партии как институты социализации способствуют фрагментации общенациональной политической культуры, поскольку, привлекая сторонников, стремятся формировать у граждан разные, зачастую несовместимые системы ценностей.

В тех странах, где религия играет существенную роль в общественной жизни, важнейшими институтами политической социализации может быть *церковь* и другие *религиозные институты*. Во-первых, религия имманентно содержит в себе определенные социальные и нравственные нормы, неизбежно оказывающие влияние на формирование ценностных ориентаций верующих. Во-вторых, священнослужители в процессе общения с людьми прямо или косвенно способствуют процессу политической социализации населения. В проповедях, с которыми священнослужители разных религиозных конфессий обращаются к пастве, может содержаться и информация политического характера, и пропаганда определенных политических ценностей. Кроме этого, авторитет самих священников может быть весьма высок и, следовательно, оказывать влияние на формирование политических ориентаций верующих.

Государство участвует в процессе политической социализации в разных формах. Во многих странах реализуются государственные программы гражданского образования. Эти программы являются примером того, как государство использует каналы прямой политической социализации с целью формирования у населения качеств, необходимых для стабильного функционирования существующей политической системы. Политическая социализация граждан происходит и в ходе их непосредственного общения с представителями государственных структур, прежде всего чиновниками. Такое общение может способствовать формированию как позитивных, так и негативных установок населения относительно отдельных

чиновников, государственных структур и всего политического режима в целом.

Помимо институтов государства и институтов гражданского общества на процесс политической социализации могут воздействовать факторы неинституционального характера. Такие масштабные события, как революция или война, оставляют глубокий отпечаток в сознании как всего общества, так и отдельных его членов. В годы крутых поворотов общественного развития столь же радикально меняются взгляды и убеждения многих людей, в активную политическую деятельность вовлекаются те, кто в обычные, спокойные времена стремился держаться подальше от политики.

Американский политолог Р. А. Мерельман выделил четыре типа политической социализации. Первый тип — *гармонический* или *системный*. Он характерен для тех стран, где утвердилась гомогенная политическая культура. Предполагается, что в таких странах и власть, и индивиды разделяют общие идеалы, нормы и ценности, поэтому каждое новое поколение относительно безболезненно входит в политическую жизнь. Второй тип — *плюралистический*. Он имеет место в странах с фрагментарной политической культурой. Существование множества различных субкультур приводит к тому, что первоначальная политическая социализация индивида протекает в границах идеалов и ценностей, присущих собственной этнической, социальной группе или политической партии. Однако наличие в обществе некоторого консенсуса относительно набора базовых ценностей, подкрепленного достаточно высоким уровнем жизни, дает возможность сформировать ряд общих для всех гражданских ориентаций и, следовательно, сохранить стабильность политических систем и институтов.

Третий тип политической социализации — *конфликтный*. Такой тип разворачивается, как правило, в странах с низким уровнем социально-экономического развития. Нищета и бедность большинства населения, приверженность индивидов в первую очередь ценностям собственного клана, племени или рода затрудняют достижение согласия между отдельными социальными группами и политической властью в целом. Политическая социализация в этих странах осуществляется в условиях широко распространенного насилия, возникающего на религиозной, этнической, социально-экономической или социально-политической основе. Носители разных политических субкультур нередко вступают в прямые и открытые конфликты между собой.

Четвертый тип политической социализации — *гегемонистский* — способствует формированию искусственно гомогенной политической культуры. Для этого типа политической социализации характерно полное и безусловное господство только одной, «единственно верной» системы политических ценностей. Взгляды, противоречащие официально принятым установкам, всячески вытесняются, и их носители нередко подвергаются репрессиям. При таком типе политической социализации все институты, являющиеся ее агентами, а именно: учебные заведения, детские и молодежные организации, средства массовой информации, партийные и государственные органы, действуют согласованно и совместно преследуют общие для них и для самой политической системы цели. Именно таким образом осуществлялась политическая социализация в Советском Союзе и других странах социалистического лагеря до крушения господствовавших там коммунистических политических режимов.

Типы политической социализации различаются и в зависимости от того, какие цели объективно стоят перед процессом социализации. Таких целей может быть три: *воспроизводство* существующей политической культуры; *изменение* существующей политической культуры; *формирование новой* политической культуры. В каждом случае меняется роль и значение институтов политической социализации. Если стоит цель воспроизводства прежней политической культуры, то главную роль играет семья, где, как правило, лучше сохраняются присущие данному обществу традиции, где велико влияние старшего поколения, а младшее поколение впитывает накопленный опыт и усваивает образцы поведения старших. Система образования при таком типе политической социализации функционирует без существенных изменений на протяжении длительного времени.

Если необходимо существенно модернизировать политическую культуру, власти могут пойти на временное ослабление роли семьи в обществе, а система образования подвергается глубокому реформированию в соответствии с новыми потребностями и задачами. Например, в послереволюционной России семейные устои значительно ослабли, а школьное образование подверглось коренной перестройке. Эксперименты в советской школе продолжались вплоть до середины 30-х гг. XX в. Лишь тогда наметилось возвращение ко многим традициям отечественного образования, а роль семьи как ячейки нового общества укрепилась. Интересно, что одно из обвинений, выдвинутых Л. Троцким против И. Сталина, было связано именно с этими процессами. Троцкий упрекал сталинское

руководство в бюрократическом перерождении, в отказе от завоеваний Октябрьской революции. К таким «завоеваниям» Троцкий причислял и произошедшее в первые послереволюционные годы ослабление традиционных семейных связей. К концу 30-х гг. XX в. советское общество стабилизировалось, был создан механизм политической социализации, который без особых изменений функционировал до начала «перестройки».

Наибольшим своеобразием отличается процесс политической социализации тогда, когда стоит цель формирования новой политической культуры. Примером реализации четвертого типа политической социализации являются многие бывшие советские республики, ставшие ныне независимыми, суверенными государствами. В таком качестве большинство из них никогда не существовало или существовало крайне непродолжительное время. Характер политической социализации в этих случаях усложняется тем, что необходимо, с одной стороны, доказать правомерность существования самих государств, с другой стороны, сформировать у населения совершенно новые общегражданские политические ориентации. Для решения этих задач активно действуют средства массовой информации, система образования. Такая политическая социализация часто основана на ценностях и идеях национализма, нередко для убедительности доводов прибегают к фальсификации истории.

Яркий пример такого типа политической социализации — современная Украина. Сама идея независимого и самостоятельного украинского государства возникла в рамках идеологии украинского национализма. Причем эта идеология всегда имела антироссийскую направленность. Поэтому неудивительно, что и процесс политической социализации в условиях независимой Украины, в основу которого положили идеи украинского национализма, также приобрел антироссийскую направленность. Особенно она усилилась после «оранжевой революции», когда к власти пришли откровенно националистические политические силы. Это нашло выражение в стремлении украинских властей изолировать население Украины от российской культуры и российских средств массовой информации. Это нашло выражение и в широких пропагандистских кампаниях, основанных на сознательном искажении и фальсификации исторических фактов. Пример такой фальсификации — попытки выдать голод начала 30-х гг. XX в., охвативший многие территории Советского Союза, за специально организованный геноцид украинского народа. В этом же ряду стоит и прославление националистов-бандеровцев, запятнавших себя кровавыми преступлениями в годы

Великой Отечественной войны и в послевоенные годы. Подобный характер политической социализации молодого поколения Украины может весьма негативным образом сказаться на будущих отношениях братских народов — русского и украинского.

В отличие от властей бывших республик СССР, руководство постсоветской России долгое время не уделяло внимания вопросам политической социализации. В результате в 90-х гг. XX в. в российском обществе широкие масштабы приобрело явление *аномии*, то есть состояние отсутствия норм, когда старые ценности и нормы были дискредитированы в сознании населения, а новые пока не сформировались. Лишь в начале XXI в. стали предприниматься меры по патриотическому воспитанию молодежи, формированию уважительного отношения к символам российской государственности. Однако стройная и продуманная система политической социализации в современной России пока не сложилась.

Контрольные вопросы и задания

1. Что такое «политическая культура» и какие понятия она включает?
2. Дайте характеристику типологиям политической культуры.
3. Что такое «гражданская культура» и какую роль она играет в условиях демократии?
4. Чем различаются между собой политические культуры Запада и Востока?
5. В чем специфика российской политической культуры?
6. Какие факторы влияли на формирование российской политической культуры?
7. Дайте характеристику процесса политической социализации и назовите его основные этапы.
8. Назовите основные типы политической социализации.
9. Охарактеризуйте особенности политической социализации в Советском Союзе.
10. Чем различаются между собой процессы политической социализации в современной России, с одной стороны, и в других бывших республиках СССР, с другой стороны?

ГЛАВА VI

Политические элиты

---

§ 1. Классические теории политической элиты

Политическая элита — небольшая по численности привилегированная группа, обладающая необходимыми для активной политической деятельности качествами и имеющая возможность прямо или косвенно влиять на принятие и реализацию решений, связанных с использованием государственной власти.

Одним из основоположников теории политической элиты является итальянский ученый Гаэтано Моска. В конце XIX в., то есть в период формирования политической науки, Г. Моска был среди тех, кто внес существенный вклад в этот процесс. В 1885 г. он выпустил книгу под названием «Основы политической науки». В этой работе, позднее получившей название «Правящий класс», была изложена политическая концепция Г. Моска. В соответствии с этой концепцией, общество всегда делится на два класса: класс правящих и класс управляемых. Класс правящих хотя и составляет в любом обществе меньшинство, выполняет все основные политические функции, монополизирует власть, а следовательно, и те преимущества, которые она дает. Класс управляемых, составляя основную массу населения в любой стране, является, однако, менее организованным и находится в подчинении у класса правящих, господство которого может носить как законный, так и насильственный характер.

Москва еще не использовал термин «элита». Вместо этого он употреблял термины «правлящий класс» и «политический класс». Сначала эти термины использовались как синонимы, в дальнейшем же итальянский ученый видел в политическом классе часть правящего класса, чья деятельность целиком связана с вопросами власти и политики.

Принадлежность к политическому (правлящему классу) у Г. Моски определяется такими признаками, как богатство, происхождение, отношение к церковной иерархии, личные качества, включая военную доблесть и владение искусством управления. Эти характеристики были выделены ученым на основе обобщения исторического опыта. Действительно, есть многочисленные примеры, указывающие на то, что успехи на военном поприще могут стать трамплином для политической карьеры, более того, открыть дорогу к вершинам власти. Так было, например, в XIX в. с Наполеоном, в XX в. с генералом Д. Эйзенхауэром в США и Ш. де Голем во Франции. Политическая история России последнего десятилетия тоже дает образцы успешной политической карьеры бывших военных — Б. Громова, А. Лебеда и др.

Во все времена материальное богатство открывало дорогу к власти, и сегодня также любые самые свободные и демократические выборы нельзя выиграть без материальных ресурсов, особенно денежных. Важную роль в функционировании правящего класса, по мнению Моски, играет фактор рождения. На основе исторического исследования он сделал вывод о том, что у всех народов был период, когда правящий класс состоял из весьма ограниченного числа семей и носил фактически закрытый характер. Всякое правящее меньшинство стремилось стать наследственным если не по формальному закону, то по существу. Семейные и личные связи всегда играли важную роль в функционировании правящей элиты. Семейное воспитание способствует выработке качеств, необходимых для удержания власти. Представителям господствующего меньшинства всегда доступнее хорошее образование и высокий уровень профессиональной подготовки.

Однако Г. Моска отнюдь не абсолютизировал фактор происхождения и не считал, что представители правящей элиты имеют врожденное превосходство над представителями средних и низших слоев общества. В противном случае, как указывал он, было бы трудно объяснить тот факт, что из этих слоев нередко выходят люди, способные благодаря своему уму, воле и другим личным

качеств подняться к самым вершинам власти, если это позволит стечение благоприятных обстоятельств. Выделение в качестве одного из источников политического господства близости к церковной иерархии объясняется не только тем, что Г. Моска был итальянцем, а в Италии религия и церковь традиционно играли важную роль в общественной жизни, но и тем, что опыт многих государств мира свидетельствовал о большом влиянии религиозного фактора на политическую жизнь.

Необходимым свойством правящего меньшинства, по мнению Моски, является его организованность и умение эффективно осуществлять властные полномочия над неорганизованным большинством. В связи с этим проблема эффективного управления весьма интересовала ученого и была затронута им в работе «Основы политической науки». Более подробно этот вопрос рассматривается им в работе «История политических доктрин», где искусство управления определяется как основная практическая функция политической науки, а выполнение этой функции возлагается на политическую элиту общества. Именно в руках политической элиты, утверждал Моска, несмотря ни на какие разговоры о народном представительстве и демократии, находится власть.

Г. Моска увидел две тенденции, присущие правящему классу, назвав их аристократической и демократической. Аристократическая тенденция проявляется в том, что обладающие властью слои стремятся закрепить свое господство и передать власть по наследству, если не *de jure*, то *de facto*. При этом наблюдается, по выражению Моски, «кристаллизация» правящего класса, определенная застылость форм и методов управления, консерватизм. Обновление правящего слоя происходит весьма медленно. Демократическая тенденция наблюдается тогда, когда в обществе происходят изменения в соотношении политических сил. Правящий класс пополняется наиболее способными к управлению и активными представителями низших слоев общества. Моска выделяет три способа, с помощью которых правящий класс закрепляет и обновляет себя: наследование, выбор и кооптация.

Если правящий слой практически не обновляется, а в обществе созревают новые мощные политические силы, то начинается процесс его вытеснения новым правящим меньшинством. Это происходит в результате политических революций, главной функцией которых должна быть замена неэффективного, выродившегося правящего класса новым, более жизнеспособным. В этом пункте

взгляды Г. Моски практически полностью совпадают со взглядами другого итальянского ученого — Вильфредо Парето. Но в отличие от Моски Парето уже активно использовал сам термин «элита». В его понимании элита — это избранная часть общества, к которой должны приспосабливаться все отдельные его члены. Принадлежность к элите обуславливается, прежде всего, личными биологическими и психологическими качествами человека. В целом элита, по мнению В. Парето, характеризуется высокой степенью самообладания и расчетливостью, умением видеть слабые и наиболее чувствительные места в окружающих и использовать их в своих интересах. Массы же, напротив, характеризует неспособность справиться со своими эмоциями и предрассудками. Для правящей элиты особенно необходимы два основных качества. Во-первых, умение убеждать, манипулируя человеческими эмоциями; во-вторых, умение применять силу там, где это требуется. Качествами первого типа обладают люди, которых Парето, вслед за Макиавелли, называл «лисами». У них преобладают базовые инстинкты, названные Парето «искусством комбинаций», то есть способность лавировать, находя всевозможные варианты выхода из складывающихся ситуаций. Качества второго типа присущи «львам», то есть людям решительным, твердым, даже жестоким, не останавливающимся перед применением насилия. В разные исторические эпохи востребованы правящие элиты различного типа. Если элита не соответствует требованиям времени, то она неизбежно терпит крушение, поэтому историю В. Парето называл «кладбищем аристократии».

Механизм смены элит у Парето весьма схож с тем, который описал Моска. Выглядит он следующим образом: между элитой и массой происходит постоянная циркуляция — лучшие представители массы пополняют ряды элиты, а та часть элиты, которая утратила необходимые качества, покидает ее ряды. Если процесс циркуляции не происходит, элита постепенно вырождается. Чем хуже качественный состав элиты, тем ниже результативность ее управленческой деятельности, вследствие чего обостряются экономические, социальные и политические проблемы общества. Поскольку элита закрыта, то те индивиды, которые по своим качествам должны входить в ее состав, не имеют такой возможности. Как следствие, они объединяются в оппозиционную контрэлиту, заявляющую свои претензии на место во властных структурах. Используя недовольство народа политикой существующей власти, контрэлита привлекает его на свою сторону. Для мобилизации масс на борьбу

с правящей элитой контрэлиты опирается на вырабатываемые ею идеологические доктрины. На определенном этапе, в ситуации общественного кризиса она свергает правящую элиту и на волне народного возмущения приходит к власти. Однако в дальнейшем, по мнению Парето, все неизбежно повторяется. Новая правящая элита постепенно приобретает все более закрытый характер, и в конечном счете вновь возникает революционная ситуация со всеми вышеописанными последствиями (см. главу XVI).

Третьим итальянским социологом, внесшим существенный вклад в разработку теории элит на рубеже XIX и XX вв., стал Роберт Михельс. В начале своей деятельности он был сторонником марксистских социалистических идей и верил в конечное торжество идеалов всеобщего равенства и социальной справедливости. Стремясь помочь социалистическому движению в Италии, он предпринял попытку изучения опыта самой авторитетной в то время из марксистских партий — социал-демократической партии Германии. Выводы, которые сделал Михельс на основе проделанного анализа, полностью противоречили его первоначальным представлениям. Партия, декларировавшая свой демократический характер и провозглашавшая идеалы социального равенства и справедливости, воспроизводила неравенство в собственных рядах. Партийное руководство все более отчуждается от основной массы членов партии и старается сохранить и закрепить свое привилегированное положение.

В итоге Михельс делает вывод о существовании «железного закона олигархии». Его суть сводится к следующему: в силу закона разделения труда в больших организациях (без которых современное общество невозможно) всегда выделяется слой управляющих. Данный слой составляет меньшинство, но получает доступ к большей части ресурсов. В деятельности слоя управляющих проявляется тенденция к тому, чтобы использовать эти ресурсы в своих собственных интересах при ослаблении контроля со стороны большинства. Это удается сделать, поскольку масса населения в большинстве случаев пассивна и инертна, к тому же не обладает необходимыми для управленческой деятельности качествами. Постепенно господствующее меньшинство превращается в замкнутую олигархическую группу, стремящуюся сделать свое привилегированное положение наследственным, укрепляя и защищая его всеми возможными способами.

Михельс считал, что открытый им закон носит универсальный характер и все рассуждения о равенстве не имеют под собой

оснований. Демократический идеал в принципе недостижим и следует принять неизбежность господства элитарного большинства.

Идеи Моски, Парето и Михельса были во многом сходны и в совокупности составили классическую, или, как ее еще называют, макиавеллистскую, концепцию элиты. Основные положения данной концепции таковы:

- ✦ Общество всегда делится на привилегированное, творческое, властвующее меньшинство и пассивное, нетворческое большинство. Такое разделение общества закономерно обусловлено естественной природой человека и общества.
- ✦ Элита обладает особыми психологическими качествами. Принадлежность к ней связана с природными дарованиями и воспитанием.
- ✦ Для элиты характерна групповая сплоченность. Она объединена общностью социального положения, профессионального статуса и элитарным самосознанием, представлением о себе как об особом социальном слое, призванном руководить обществом.
- ✦ Легитимность элиты, то есть более или менее широкое признание массами ее права на политическое руководство.
- ✦ Структурное постоянство элиты и ее властных отношений. При смене персонального состава элиты в ходе истории ее господствующее положение остается неизменным.
- ✦ Смена элит в процессе борьбы за власть. Господствующее положение стремятся занять многие люди, обладающие особыми психологическими и социальными качествами, но никто добровольно не уступает им своего высокого социального положения привилегированного слоя. Поэтому скрытая или явная борьба за это привилегированное положение неизбежна.

§ 2. Современные элитаристские концепции

Классическая теория элит появилась как результат разочарования в прежних идеализированных представлениях о демократии. Навеванный идеями Руссо взгляд на демократию как на непосредственную власть народа пришел в противоречие с реалиями представи-

тельной демократии, утвердившейся в конце XIX в. в большинстве государств Западной Европы (см. главу IX). Однако и классическая макиавеллистская теория элиты, фактически оправдывавшая диктаторские политические режимы, включая и тоталитарные, не получила всеобщего и безусловного признания. Стремление исследователей показать реальную роль элит в осуществлении политической власти привело к появлению ряда концепций, объединивших принципы элитизма с принципами демократии.

Широкую известность и распространение получила концепция плюрализма элит. Ее истоком стали идеи английского политолога А. Бентли и австрийского социолога и экономиста Й. Шумпетера. А. Бентли обосновал положение о различных заинтересованных группах, взаимодействующих между собой в борьбе за власть в процессе ее осуществления. Й. Шумпетер рассматривал демократию не как власть народа, а как режим, допускающий свободную конкуренцию между отдельными индивидами и группами в борьбе за поддержку народа.

С позиций плюралистической концепции, сторонниками которой являются такие современные политологи, как Р. Даль, С. Келлер, Д. Рисмен, элиты как единой сплоченной группы вообще не существует. Есть множество элитарных групп, связанных с различными сферами деятельности и территориальными образованиями. Каждая такая элитарная группа опирается на свою базовую «материнскую» группу — профессиональную, демографическую, региональную и т. д. — и представляет ее интересы в сфере политики. «Материнские» группы способны контролировать деятельность своей элиты, используя механизм выборов, референдумов, общественного мнения. Прочности контроля элит со стороны «материнских» групп способствует конкуренция между элитами, которая является неизбежным следствием экономического и социального плюрализма самого общества. Между элитой и массой, с точки зрения представителей плюралистической концепции, не существует «китайской стены», более того, грань между ними носит условный, размытый характер.

Среди современных концепций элиты выделяют и так называемые «ценностные» концепции. Они включают в состав элиты тех, кто обладает наиболее ценными для общества в целом качествами. Деление на элиту и массу представляется естественным процессом, который должен быть организован в наиболее оптимальной для общества форме через совершенствование механизма отбора и рекру-

тирования в состав элиты. Элитарность общества не противоречит принципам демократии, потому что соответствует представлениям о равенстве как равенстве возможностей.

В разные исторические эпохи были востребованы различные типы элит, обладавшие наиболее ценными в тот период для общества ценностными качествами. Так, аристократическая элита отличалась такими культивировавшимися и воспроизводившимися в ее среде качествами, как честь, достоинство, широкая образованность, культура. Для технократической элиты характерно наличие точных естественнонаучных и технических знаний, рациональность, умение принимать решения и действовать, однако все вышеперечисленное сочетается с упрощенными взглядами на общество и межличностные отношения.

Одной из разновидностей ценностных концепций стала концепция *меритократии*. Она получила известность в 60-х гг. XX в. Термин «меритократия» (от лат. *meritos* — лучший и греч. *cratos* — власть) означает «власть лучших». Ряд исследователей, в частности Д. Бэлл, полагали, что с переходом к постиндустриальному, информационному обществу власть будет сосредоточиваться в руках интеллектуалов, обладающих необходимыми для компетентного управления обществом знаниями и умениями.

Среди современных концепций элиты есть и леворадикальные, проводящие аналогию между идеей существования правящей элиты и марксистской идеей о «господствующем классе». Примером подобного подхода может служить ставшая широко известной в 50-х гг. XX в. концепция американского социолога Р. Милса. Милс, так же как и сторонники классической макиавеллистской теории, полагал, что правящая элита представляет собой привилегированную и сплоченную изнутри группу. Но она отличается от массы не столько индивидуальными психологическими качествами, сколько структурно-функциональными признаками. Милс включал в элиту тех, кто занимает в общественной иерархии позиции, связанные с принятием наиболее важных решений. Хотя внутри элиты имеет место разделение по функциональным признакам на политическую, экономическую, военную, административную и т. д., она сохраняет свое единство благодаря общности интересов, духовных ценностей, социального статуса, многочисленных родственных и личных связей. Внутри элиты возможна горизонтальная и вертикальная мобильность, но доступ в ее ряды представителям массы ограничен. Элита воспроизводится преимущественно на

своей собственной основе и стремится, прежде всего, к обеспечению собственного господства. Принципы демократии и элитарность, по Милсу, противоречат друг другу, и это противоречие может быть разрешено через расширение участия масс в политике.

Все существовавшие и существующие концепции политической элиты каждая по-своему раскрывают различные аспекты функционирования этого важнейшего субъекта политического процесса. Современная политология политическую элиту представляет как внутренне дифференцированную, но относительно интегрированную группу лиц, занимающих руководящее положение в общественных институтах и причастных к принятию важнейших управленческих решений. Элита, являясь меньшинством, обладает определенными привилегиями и занимает господствующее положение в обществе. В условиях демократии элита в той или иной степени подконтрольна массам и относительно открыта для вхождения в нее тех, у кого есть соответствующая квалификация и достаточная политическая активность.

Деление на элиту и массу носит объективный характер и обусловлено рядом общественных факторов. Прежде всего, один из таких факторов — социальное и психологическое неравенство людей. Вследствие этого неравенства основная масса населения не обладает необходимыми для успешной управленческой деятельности качествами и проявляет политическую пассивность. Следует учитывать и фактор разделения труда, а также и то, что управленческий труд является высококвалифицированным и требует специальных знаний и навыков. Управленческая деятельность привлекает людей высоким социальным статусом и доступом к распределению важнейших общественных ресурсов. Отсюда и возможность получения привилегий, к которым стремится фактически каждая элита, отсюда и желание закрепить за собой господствующее положение. Поскольку полный контроль за лидерами невозможен, элита в какой-то мере может дистанцироваться и обособляться от массы.

С точки зрения политической науки в современном обществе элита не может представлять собой цельный монолит. Она имеет сложную структуру. Во-первых, элита подразделяется на экономическую (бизнес-элиту) и элиту политическую. Экономическая элита включает тех лиц, которые контролируют важнейшие экономические ресурсы и влияют на принятие важнейших экономических решений. Однако в условиях социального и политического плюрализма экономическая и политическая власть не может быть

сосредоточена в одном центре. Политическая элита носит относительно самостоятельный характер, хотя и имеет широко разветвленные связи с экономической элитой.

Политическая элита по отношению к существующей системе власти делится на собственно правящую и оппозиционную (контрэлиту). По функциональному признаку политическая элита может быть разделена на собственно политическую, в узком смысле слова, и на административную и военную. К административной и военной элитам относят гражданских чиновников и профессиональных военных, причастных к принятию важнейших государственных решений, но не занимающихся при этом публичной политической деятельностью. Собственно политическая элита состоит из лидеров политических партий и общественных движений, членов правительства, депутатов парламента, ведущих журналистов и экспертов, всех, кто связан с профессиональной деятельностью в сфере публичной политики и благодаря этому способен влиять на принятие важнейших политических решений. По степени такого влияния элита может быть разделена на высшую и среднюю. В ряде случаев выделяют также и маргинальную элиту и включают в нее тех, кто замечен своей политической активностью, но весьма удален от реальных центров принятия решений. Существуют региональные элиты, функционирующие в рамках какого-либо административно-территориального образования.

Элита должна обладать достаточной степенью внутренней горизонтальной и вертикальной интеграции. Иначе возникает опасность внутренних политических конфликтов, излишней поляризации и радикализации общества. Чрезмерная обособленность и самостоятельность региональных элит чревата опасностью сепаратизма. Но и чрезмерная интегрированность и сплоченность элиты таит в себе угрозу ее олигархического перерождения из-за ослабления социальной представительности элиты. Социальную представительность элиты не следует сводить только к ее социальному составу. Необходимые для реализации управленческих функций знания, умения, навыки, опыт неравномерно распределены между представителями различных социальных групп, и чем ближе тот или иной пост к вершинам политической власти, тем труднее на нем встретить представителя социальной низов. Социальная представительность характеризуется степенью отражения элитой интересов всего общества. В идеале структура политических ориентаций элиты должна в целом отражать струк-

туру политических предпочтений всего населения. Социальная представительность элиты напрямую зависит от способа ее отбора или, иначе говоря, рекрутирования.

Общепризнанными являются две основные системы рекрутирования элит — антрепренерская и система гильдий. Антрепренерская система потому и получила такое название, что принципы отбора в ней такие же, как у антрепренера при подборе артистов для спектакля. Его интересуют не их прежние заслуги и формальные звания, а способность успешно исполнять конкретную роль в конкретном месте и в определенное время. Так и для антрепренерской системы рекрутирования характерны: открытость; наличие широкого круга претендентов на замещение лидирующих позиций; отсутствие большого числа формальных требований (возраст, образование, профессия и т. п.) при первостепенном значении личных качеств; высокая конкуренция между претендентами и широкий круг селектората (то есть тех, кто участвует в отборе). Для системы гильдий, напротив, характерны: закрытость; отбор претендентов на руководящие посты из представителей низших слоев самой элиты; высокая институализация процесса отбора при первоначальном учете формальных критериев; узкий круг селектората. Система гильдий способствует воспроизводству уже существующего типа элиты.

Каждая из двух систем рекрутирования элиты имеет свои достоинства и недостатки. Антрепренерская система больше приспособлена к динамическим изменениям, она помогает пополнять ряды элиты теми, кто отвечает новым условиям развития общества. Но при использовании такой системы существует риск, что на руководящие посты попадут случайные, некомпетентные люди. Примером антрепренерской системы рекрутирования элиты могут служить выборы. Система гильдий обеспечивает стабильность, часто более высокую подготовленность и компетентность управленческих кадров. Но ей присущи бюрократизация политического процесса, консерватизм и конформизм. Типичным примером системы гильдий является так называемая номенклатурная система рекрутирования элиты, в которой отсутствует конкурентная борьба, но зато высок уровень идеологизации и политизации, обнаруживается тенденция к nepoтoлизму (семейственности, доминированию родственных связей). Термином «номенклатура» (от лат. *nomenclatura* — роспись имен) принято было обозначать правящую элиту Советского Союза и других коммунистических государств.

§ 3. Политическая элита России: история и современность

Каждый этап истории России был связан с эволюцией ее политической элиты. В дореволюционный период существовало несколько типов правящей элиты. Первым типом стали *бояре*, первоначально представлявшие собой высший слой княжеской дружины в Киевской Руси. Позднее ряды бояр пополнялись за счет бывших удельных князей, потерявших политическую самостоятельность, но сохранивших социальные и экономические привилегии. Боярство было аристократической по своему характеру элитой. Все бояре, и те, кто не утратил право носить титул «князя», и те, кто не имел этого титула, были владельцами передаваемых по наследству земельных угодий — *вотчин*. Наличие вотчины делало бояр независимыми от государственной власти и было основой их политической фронды по отношению к ней. Хотя все бояре должны были присягать на верность великому князю, а затем и царю, многие из них имели и собственные политические амбиции, что особенно проявлялось в периоды кризисов, когда верховная государственная власть слабела. Бояре осуществляли разнообразные управленческие функции в центре и на местах. Но постепенно объем функций возрастал, «управленцев» не хватало, поэтому московские великие князья стали привлекать на службу лиц, не обладавших собственными земельными угодьями. Этих людей стали называть *дворянами*. От бояр новый слой правящей элиты отличался тем, что дворяне служили за своеобразную плату в виде выделяемых им *поместий*, которые не были пожизненными и наследственными владениями дворян. Власть могла отобрать поместья, поэтому дворяне зависели от великокняжеской, а затем от царской власти и считались ее более надежной опорой, чем бояре. Когда боярская оппозиция становилась опасной, власть использовала дворян для борьбы с ней. Так было, например, во времена Ивана Грозного, когда опричный террор подорвал позиции боярской аристократии.

При Петре Великом дворянство окончательно становится государствующим и в экономическом отношении классом, и основой административно-управленческой элиты Российской империи. Постепенно различия между боярами и дворянами исчезают, уходит из употребления и само слово «боярин». Петр I смотрел на дворян как на людей, находящихся на постоянной государствен-

ной службе, беспрекословно выполняющих свои обязанности как в гражданской, так и в военной сфере. В петровские времена была разработана Табель о рангах — документ, четко определивший порядок продвижения по служебной лестнице. Одновременно были упразднены различия между поместьями и вотчинами. В результате дворяне могли передавать свои владения по наследству потомкам. Петр I использовал и меритократический принцип рекрутирования правящей элиты (см. § 2 данной главы). Многие видные государственные деятели петровской эпохи происходили из низших социальных слоев и были продвинуты к вершинам власти императором за личные качества и заслуги.

В послепетровское время в эволюции правящей элиты России наметились две тенденции. С одной стороны, расширение пределов государства, возрастание объема и усложнение управленческих функций требовали не только количественного роста административно-управленческого аппарата, но и изменения его качественного характера. Нужны были профессиональные, компетентные чиновники, в той или иной степени соответствовавшие модели «рациональной бюрократии» М. Вебера (см. главу III). С другой стороны, дворяне как социальный класс стремились к расширению и гарантированному сохранению своих привилегий. И когда удалось этого добиться, у многих дворян исчез стимул к постоянной государственной службе. Начался процесс дифференциации господствующего класса России на экономическую и административную элиту. Окончательно эта дифференциация так и не завершилась вплоть до Октябрьской революции 1917 г. При этом роль дворянства, сохранившего статус привилегированного сословия Российской империи, постепенно падала. В составе административной и экономической элит увеличивалось количество выходцев из иных сословий. Но в высшем слое правящей элиты дифференциация проявилась слабо, а с XIX в. в развитии этого слоя усилилась аристократическая тенденция. В продвижении на самые высокие ступени государственной иерархии фактор происхождения имел огромное, часто решающее значение. В истории России XIX — начала XX вв. постоянно присутствуют одни и те же фамилии, то есть у рычагов власти находился узкий круг сословной аристократии, в который крайне редко пробивался «выскочка» из низов, как, например, известный государственный деятель С. Ю. Витте. Представители знатных семейств не только занимали важнейшие государственные посты, но и являлись крупнейшими землевла-

дельцами. Это обусловило отношение верхнего слоя правящей элиты Российской империи к назревшим в начале XX в. реформам, и прежде всего в аграрной сфере. Даже такой видный реформатор, как П. А. Столыпин, не смог переступить через сословно-классовый подход в реализации аграрной политики (см. главу XV).

В начале XX в. закрытый характер верхнего слоя правящей элиты сохранялся, что все более входило в противоречие с процессами модернизации российского общества. Усиливалась конфронтация между старой аристократической элитой и контрэлитой, представленной либеральными оппозиционными кругами. Это противоречие оказало влияние на революционные события 1905 и 1917 гг., но не определило их окончательного итога (см. главу XVI). Победу одержало леворадикальное крыло марксистского социал-демократического движения в лице большевиков.

Марксистская идеология предполагала последующую ликвидацию классов, утверждение полного социального равенства и отмирание самого института государственной власти. Данная позиция весьма афористично была выражена В. Лениным в его книге «Государство и революция»: «Каждая кухарка научится управлять государством». Вопреки марксистскому идеалу социального равенства, после прихода сторонников марксизма к политической власти, неравенство, как и предсказывал Михельс, сохранилось, хотя и приобрело новые формы. Утвердившаяся у руля государственного управления *номенклатура* представляла собой высший слой партийной бюрократии. Она была внутренне интегрированной и привилегированной группой, оказывавшей большое влияние на политическую историю целого ряда стран и особенно СССР.

Можно выделить четыре поколения советской партийно-государственной номенклатуры. Эти поколения имели серьезные различия, и каждое из них сыграло важную роль в развитии Советского Союза.

Первое поколение, которое условно называют «ленинской гвардией», состояло из профессиональных революционеров, вступивших в большевистскую партию еще до революции. Среди представителей этого поколения выходцев из рабочей среды и крестьян было очень мало. Большинство из них происходило из средних слоев. Лишь немногие из большевистских функционеров имели высшее образование, хотя все они в разное время где-то учились, а также занимались самообразованием. Значительная часть новой советской элиты первого поколения вышла из среды дореволюционной по-

литической эмиграции. Эти люди хорошо знали жизнь западноевропейских стран, зарубежное социалистическое движение, владели иностранными языками. Но они плохо разбирались в российских реалиях, не обладали конкретными позитивными знаниями, необходимыми для управления государством, не обладали они и опытом государственного управления. Неудовлетворительные результаты первых лет деятельности большевиков, кроме прочего, объяснялись и низкими функциональными качествами правящей элиты. Но постепенно положение менялось, новые хозяева быстро осваивались на своих постах. Однако в целом «ленинская гвардия», являясь носителем дореволюционных традиций социал-демократического движения, не смогла вписаться в рамки складывающейся в Советском Союзе тоталитарной системы, основным признаком которой является внутренняя монолитность, преданность вождю.

Новое поколение номенклатуры оттеснило «ленинскую гвардию» после победы И. Сталина во внутривнутрипартийной борьбе. С окончанием Гражданской войны в разросшийся партийный аппарат влилась большая группа функционеров рабоче-крестьянского происхождения. Они имели гораздо более низкий образовательный и культурный уровень, никогда не бывали за границей, имели самое примитивное представление о марксистской теории. Победа И. Сталина, отказ от идеи мировой революции, постепенный отказ от радикального интернационализма в пользу возрождения национальных традиций стали возможны в результате явного численного преобладания второго поколения номенклатуры. «Ленинская гвардия» была значительно потеснена в структурах власти, но не устранена окончательно.

В годы «большого террора» (1937–1939) репрессии в первую очередь обрушились на остатки «ленинской гвардии», но среди жертв репрессий были и представители второго поколения номенклатуры. В результате такой «чистки» освободились тысячи мест в партийно-государственном аппарате на разных уровнях. Эти места были заняты новым поколением номенклатуры, наиболее длительное время занимавшим ключевое положение во властных структурах страны. В правящую элиту пришли молодые люди, получившее образование уже в советское время. Этот процесс носил массовый характер.

Следует отметить, что репрессии против представителей номенклатурной элиты выполняли в тоталитарной системе ряд функций. В условиях отсутствия реальных экономических стимулов для

добросовестного выполнения своих обязанностей их заменял страх за свою судьбу. Кроме того, номенклатурная система организации государственного и партийного аппарата создавала благоприятные возможности для коррупции. При отсутствии реального контроля снизу и какой-либо гласности возможности коррупции партгосаппарата резко возрастали. Естественно, что многие представители элиты находились в постоянной тревоге за свою жизнь и судьбу. Сразу же после смерти И. Сталина наиболее популярной становится идея о прекращении репрессий и либерализации режима в целом. Номенклатура в целом поддержала процесс десталинизации. Решающая роль в наступивших переменах принадлежала третьему поколению номенклатуры, окончательно утвердившемуся на всех ступенях партийно-государственного аппарата с середины 50-х гг. XX в.

Наступил «золотой век» номенклатуры, впоследствии названный «застоем». Воцарилось спокойствие для партийно-государственных функционеров, их жизнь и карьера стали стабильными и предсказуемыми. Но в обществе нарастали кризисные явления, зрели противоречия. Руководство предпочитало не замечать их. Третье поколение советской номенклатуры, придя в структуры власти в молодом возрасте, находилось там несколько десятилетий, постепенно придавая режиму геронтократический характер.

Постепенно стал вырисовываться облик нового поколения, которое шло на смену находившемуся у власти. Идеи мотивы, которыми руководствовались в своей деятельности предшествующие поколения, ушли в тень, а на первое место вышли прагматизм, а иногда и откровенный карьеризм. Четвертое поколение советской элиты приобрело откровенно технократический характер.

Крах прежней политической и экономической системы означал также и смену правящей элиты. Характеризуя процесс смены элит, все бывшие советские республики можно условно разделить на три группы. Одна группа — среднеазиатские республики, где партийно-государственная элита долго сохраняла свои позиции. Другая группа — республики, где бывшая партийная номенклатура в значительной степени устранена из структур исполнительной власти (например, Армения, Латвия, Эстония). Третья, самая многочисленная группа постсоветских государств, куда входит и Россия, отличалась частичной сменой правящей элиты. По данным Института социологии РАН, представители советской номенклатуры составляли в 1994 г. порядка 75 % состава высшего российского руководства (включая правительство), более 50 % партийной

и 60 % парламентской элиты, около 40 % бизнес-элиты и более 80 % региональных элит.

Большой удельный вес старой номенклатуры в составе тогдашней российской элиты был не случайным. Кроме прочего, это было связано с тем, что партийно-государственные кадры советского периода были носителями управленческого опыта, который отсутствовал у выдвиженцев, поднявшихся на гребне «демократической волны». Далеко не все эти выдвиженцы удержались в составе политической элиты в дальнейшем. Если сразу же после крушения прежнего коммунистического режима политическая и бизнес-элита носили достаточно открытый характер, то затем уровень открытости снизился. В конце первого десятилетия XXI в. система рекрутирования элиты в России эволюционировала в сторону системы гильдий, в то время как в начале 90-х гг. XX в. она носила скорее антрепренерский характер. Было немало случаев, когда в большую политику попадали никому ранее не известные люди, сумевшие одержать победу на парламентских выборах в своих мажоритарных избирательных округах. Переход к пропорциональной избирательной системе практически полностью перекрыл этот канал рекрутации парламентского сегмента российской политической элиты.

В годы, когда президентом России был В. В. Путин, произошли серьезные изменения в составе административной элиты, особенно ее высшего слоя. На многие высшие государственные должности назначались люди, знакомые президенту по прежней совместной деятельности. По сути, повторялась практика советского периода, когда вслед за новым генеральным секретарем в центральную власть приходили его земляки. О характере изменений в высшем слое правящей элиты свидетельствуют такие цифры. Если в 1993 г. земляков главы государства в ее составе было 13,2 %, то в 2002 г. — 21,3 %, доля военных за этот же период выросла с 11,2 до 25,1 %, а доля лиц, имеющих ученую степень, снизилась с 52,5 до 20,9 %. В начале второго президентского срока В. В. Путина в составе его команды выделялись две основные группы: выходцы из Санкт-Петербурга и представители различных силовых структур. Большинство из них продолжают работать и при новом президенте, который сам был членом «команды Путина».

Важны изменения не столько в составе политической элиты, сколько в ее структуре. Для анализа нынешних российских реалий наиболее адекватно подходит концепция плюрализма, поскольку российский политический класс сегодня, в отличие от советской

номенклатуры, больше не представляет собой гомогенного целого. Он распадается на множество группировок не только по идейно-политическим, но и по функциональным признакам. В связи с этим весьма важное значение в 90-е гг. XX в. имели региональные элиты. В советские времена степень интеграции номенклатуры на местном уровне была невелика, так как существовала практика движения кадров не только по вертикали, но и по горизонтали. А целью многих функционеров был перевод на ответственную работу в центр. В начале 90-х гг. XX в. положение изменилось. Перед региональными элитами открылись большие возможности, что способствовало их сплочению на основе общих корпоративных интересов. Обособленности региональных элит, усиление бесконтрольности их деятельности поставило под угрозу целостность российского государства и снизило уровень его управляемости.

Эта тенденция была преодолена в результате ряда мер, принятых в последние годы федеральным центром. Среди них — изменение порядка выборов глав исполнительной власти субъектов федерации и изменение принципов формирования состава Совета Федерации. Отказ от прямых выборов губернаторов и президентов, сделал прежних «удельных князей» более зависимыми и подконтрольными федеральному центру. Исключение же губернаторов и президентов республик вместе со спикерами региональных парламентов из состава Совета Федерации снизила роль и значение этого органа как института представительства интересов местных элит. В современных условиях для выходцев из региональных элит продолжение карьеры на федеральном уровне, как и в советское время, стало более привлекательным.

Контрольные вопросы и задания

1. В чем сходство и в чем различие между концепциями элиты В. Парето и Г. Моска?
2. Какие из названных Г. Моской условий попадания в состав «правлящего класса», с вашей точки зрения, имеют наибольшее значение для достижения политического успеха в современной России?
3. Насколько был оправдан вывод Р. Михельса об универсальном характере «закона олигархии»?

4. Совместимы ли теория элиты и теория демократии?
5. В чем причина разделения общества на элиту и массу?
6. В чем преимущество и в чем недостатки основных способов рекрутирования политической элиты?
7. Какие изменения произошли в составе и структуре российской политической элиты за последнее десятилетие?

ГЛАВА VII

Политическое лидерство

---

§ 1. Сущность и типология политического лидерства

Наряду с элитами важнейшими субъектами политического процесса являются политические лидеры. *Лидер — это личность, способная оказывать постоянное и решающее влияние на государство, общество, организацию, большую или малую группу.* Лидерство проявляется во всех сферах общественной жизни, включая политику. Поскольку политический лидер — это всегда живой человек со своими чувствами и эмоциями, при объяснении феномена политического лидерства обязательно учитываются психологические факторы.

В политической науке существует несколько теоретических концепций, объясняющих этот феномен. Исторически первой была теория черт лидера. Суть ее заключается в предположении о том, что лидер обязательно обладает качествами, отличающими его от других людей, причем эти качества могут передаваться по наследству. В русле этой концепции проводились исследования различных правящих династий, анализировались браки в среде правителей. Но никаких значимых результатов эти исследования не принесли. Это привело к разочарованию в теории черт и появлению новой, ситуативной концепции лидерства, сторонники которой полагали, что появление лидера возможно при совпадении места, времени и обстоятельств.

Противоречия между двумя вышеназванными подходами попыталась устранить личностно-ситуационная теория. Представители этой теории Г. Герт и С. Милз выделили четыре фактора, которые необходимо учитывать при анализе феномена лидерства: черты и мотивы лидера как человека; образы лидера и мотивы следовать за ним, существующие у его последователей; характеристики роли лидера; институциональный контекст, то есть те официальные рамки и правовые поля, в которых функционирует лидер и в которых он взаимодействует со своими сторонниками.

Р. Стогдилл и К. Шатл предложили изучать лидерство с точки зрения статуса, взаимодействия, восприятия и поведения индивидов по отношению к другим членам группы. Следовательно, лидерство рассматривалось теперь не как характеристика отдельного индивида, а как отношения между людьми.

Еще одной психологической концепцией лидерства стала теория «ожидания — взаимодействия». В ней внимание сконцентрировано на создании операциональной модели лидера. Представитель этого направления Ф. Фидлер предложил модель эффективного лидерства, определяющую желательный для каждой ситуации стиль лидерства. По мнению исследователя, это может быть либо ориентация на задачу (инструментальное лидерство), либо ориентация на межличностные отношения (эмоциональное лидерство).

Широкое распространение в политологии и политической психологии получила *мотивационная теория лидерства*. Среди ее представителей можно назвать С. Митчела и С. Эванса. Данная теория связывает эффективность лидерства с воздействием лидера на мотивацию его последователей. Поведение лидера можно считать мотивирующим в той степени, в которой он увеличивает вероятность достижения сторонниками их целей и разъясняет способы достижения целей. Мотивационная теория предлагает следующие основные типы поведения лидера: поддерживающее лидерство (отличающееся дружеским отношением к последователям, проявлением интереса к их потребностям); директивное лидерство (регламентирующее и контролирующее действия последователей); разделенное лидерство (консультирование с последователями); лидерство, ориентированное на достижение качественного результата.

Дж. Хоманс, Дж. Марч, Г. Саймон и другие ученые, разрабатывающие теории обмена и транзактного анализа, рассматривают лидера как человека, чувствующего потребности и желания своих

сторонников и предлагающего им способы их осуществления. При этом важнейшее значение имеет сам процесс взаимодействия между лидером и его окружением.

Различные атрибутивные концепции лидерства видят в лидере скорее человека, зависящего от своих последователей. Лидером становится тот, кто лучше понимает чаяния и надежды возможных сторонников и действует в соответствии с их представлениями о тех чертах и качествах, которыми он должен обладать. К подобного рода концепциям относится так называемая *концепция конститuentов*. Суть ее заключается в том, что взгляды, поведение, подходы к принятию решений политического лидера в значительной степени определяются внешним влиянием. Под конститuentами и понимают всех тех, кто так или иначе оказывает воздействие на лидера. Круг конститuentов широк, но внутри него особую роль играет ближайшее окружение лидера, а также политические активисты из числа его последователей. Концепция конститuentов рассматривает влияние господствующей в обществе политической культуры, прежде всего, ценностных ориентаций и массового политического сознания на формирование характера и стиля политического лидерства. И наличие такого влияния не может вызывать никаких сомнений. Но одновременно данная концепция принижает роль политического лидера, низводя ее едва ли ни до роли простого исполнителя воли своих последователей. С этим вряд ли можно согласиться.

Можно констатировать, что для более правильного понимания такого сложного феномена, как политическое лидерство, необходимо учитывать различные подходы к его исследованию, имеющиеся не только в политической науке, но и в смежных научных дисциплинах — политической социологии и политической психологии. Особо следует выделять такие параметры: личность самого лидера; характеристики его сторонников; отношения между лидером и его окружением; социальный контекст политического лидерства; результаты взаимодействия между лидером и сторонниками в определенных ситуациях.

Современная политическая наука предполагает наличие таких основных мотивов, детерминирующих поведение политических лидеров: потребность во власти; потребность в контроле над событиями и людьми; потребность в достижениях; потребность в аффилиации, то есть в принадлежности к какой-либо группе и получении одобрения.

Потребность во власти, как отмечалось, находилась в центре внимания политической психологии с момента зарождения этой научной дисциплины. В частности, ее изучали исследователи психоаналитического направления, например Г. Лассуэлл и другие политические психологи. Эта потребность может носить инструментальный характер, являться средством для удовлетворения иных потребностей личности, но может представлять собой и некий компенсаторный механизм. Человек, озабоченный своими недостатками физического, психологического или интеллектуального характера и поэтому страдающий от низкой самооценки, стремится найти такую сферу деятельности, где он смог бы показать свою компетенцию и утвердить собственное достоинство. Очень часто такой сферой оказывается политика, а главной целью участия в ней — продвижение к вершинам власти как к средству преодоления комплекса неполноценности. Потребность во власти может носить и ярко выраженный социальный характер — как осознанное стремление к контролю над распределением важнейших экономических, социальных и иных ресурсов.

С потребностью во власти тесным образом связана и переплетена потребность политического лидера в личном контроле над событиями и людьми. По своей природе данная потребность не что иное, как проявление в политической сфере базовой человеческой потребности в контроле над внешними силами и обстоятельствами, влияющими на повседневную жизнь людей. Потребность в контроле может быть развита у разных лидеров неодинаково, ее характеристики сугубо индивидуальны. Степень контроля над событиями и людьми в целом обратно пропорциональна сфере его распространения. Чем больше политических событий лидер хочет контролировать, тем меньше его возможности сделать такой контроль достаточно эффективным. И наоборот, уменьшение количества объектов контроля повышает его эффективность.

Потребность политического лидера в достижении мотивирует его деятельность примерно так же, как поведение бизнесмена — стремление к получению прибыли. Потребность в достижении вызвала особый интерес у психологов после того, как стали известны результаты исследований американских ученых Д. Макклелланда и Дж. Аткинсона. По их мнению, вышеуказанная потребность не может быть не только сведена к достижению какой-либо цели, но и связана с мастерством, манипулированием, организацией физического и социального окружения, преодолением препятствий, уста-

новлением высоких стандартов работы, соревнованием, победой над кем-либо. Для политических лидеров, у которых преобладает данная мотивация, характерна ориентация на экспертов, а не на друзей. Вместе с тем нередко в их среде попадаются нечестные люди, некоторые из них могут не остановиться даже перед прямым нарушением закона. Политические психологи Д. Винтер и А. Стюарт отмечают, что президенты с высокой потребностью в достижении быстро и часто меняют составы кабинетов.

Потребность в достижении остается важным мотивом поведения политического лидера на всем протяжении его карьеры, даже и после достижения вершины власти. В этом случае руководитель государства может, например, ставить перед собой различные внешне- и внутривнутриполитические цели. Гипертрофированность этого мотива может привести к тому, что политический лидер становится способным на слишком рискованные решения и поступки.

Потребность политического лидера в *аффилиации* (от фр. *affilier* — присоединять) проявляется в его заботе о близких отношениях с друзьями. С непохожими на себя и представляющими какую-либо опасность людьми политические лидеры, обладающие подобной потребностью, неустойчивы и склонны к самозащите. Вероятно, поэтому эти лидеры предпочитают обращаться за помощью при принятии решений скорее к близким друзьям, вне зависимости от их компетенции, чем к экспертам. Президенты с высокой потребностью в аффилиации в условиях риска и конкуренции занимают оборонительную позицию и демонстрируют сверхчувствительность, поэтому их популярность оказывается ниже, чем у президентов, обладающих этой потребностью в меньшей степени. В целом президенты и другие государственные деятели, весьма подверженные воздействию этого мотива, пассивны и поддаются чужому влиянию.

Основными функциями, которые выполняет лидер в политическом процессе, могут быть следующие:

- ✦ интегративная — интеграция групп или общества в целом;
- ✦ инструментальная — функция принятия решений;
- ✦ коммуникативная — передача информации и поддержание связи между народом и властью;
- ✦ мобилизационная — мобилизация масс на реализацию задач, стоящих перед группой или обществом;

- ✦ функции социального арбитража и патронажа — разрешение споров между группами и отдельными индивидами, а также защита интересов своих сторонников;
- ✦ функции легитимации политической системы и отдельных институтов.

В политологии существует несколько подходов типологии политического лидерства. Пожалуй, наиболее известен подход Макса Вебера, о котором уже шла речь при анализе проблем власти (см. главу III). В соответствии с ним лидеров делят на традиционных (вожди племен, монархи), поскольку основой их авторитета является традиция, обычай, рутинных, пришедших к власти демократическим путем на основе формально-правовых процедур, и харизматических, в той или иной степени обладающих харизмой, особыми личными качествами.

Широко распространено деление лидеров на демократических и авторитарных. Для первых характерен учет интересов и мнений широкого круга своих последователей, вторые отличаются единоличным направляющим воздействием под угрозой санкций и применения силы. Психологическая природа авторитарного лидерства стала известна благодаря работам Т. Адорно и его коллег.

Современный американский политолог М. Херманн предложила свою типологию политических лидеров, в основу которой положено такое понятие, как «имидж». Первый собирательный образ лидера — лидер-знаменосец, его отличает собственный взгляд на мир, наличие привлекательного для масс идеала. Второй собирательный образ лидера — лидер-служитель. Такой лидер стремится выступать в роли выразителя интересов своих сторонников и избирателей в целом, ориентируется на их мнение и действует от их имени. Третий образ — лидер-торговец, его задача — наиболее привлекательно преподнести свои идеи и планы, убедить граждан в их преимуществе и в итоге заставить избирателей их «купить», то есть поверить в данного лидера и оказать ему поддержку. И наконец, четвертый тип — лидер-пожарный. Лидер такого типа старается откликнуться на все происходящие события. Он способен эффективно действовать в экстремальных условиях, быстро принимать решения, адекватно реагировать на складывающуюся ситуацию.

Наряду с понятием «тип» при изучении феномена политического лидерства широко используется категория «стиль». Политический стиль включает в себя совокупность процедур выработки

и принятия решений, формирования и осуществления политического курса, способы взаимодействия политического лидера с электоратом и своими сторонниками, характерные подходы к решению возникающих проблем. Стили лидерства могут быть эффективными и неэффективными в зависимости от степени достижения поставленных целей, а также демократическими или авторитарными. Экспрессивный стиль лидерства связан с эмоциональным воздействием лидера на группу. Такое воздействие побуждает всех членов группы стараться достичь самых высоких целей и результатов даже тогда, когда сам лидер не имеет никакого официального статуса. Выделяют также директивный и поддерживающий стили политического лидерства. Для директивного стиля характерно стремление лидера жестко указывать своим сторонникам пути и способы достижения поставленных им целей. Поддерживающий стиль нацелен на сохранение стабильного поведения сторонников политического лидера.

В последние годы в политико-психологических исследованиях получает распространение классификация лидеров по стилю поведения. Выделяют пять таких стилей: параноидальный, демонстративный, компульсивный, депрессивный, шизоидальный. Параноидальному стилю поведения соответствует тип политического лидера, которому свойственны недоверие к окружающим, подозрительность, сверхчувствительность к скрытым угрозам и мотивам, постоянная жажда власти и контроля над другими людьми. Такой лидер видит мир в черно-белых тонах, а людей подразделяет на «друзей» и «врагов».

Демонстративный стиль характерен для политических лидеров, которых условно можно назвать «артистами». Они любят внешние эффекты, хотят нравиться публике, привлекать к себе внимание.

Компульсивный стиль поведения политического лидера отличается стремлением делать все наилучшим образом независимо от обстоятельств. Такой лидер постоянно озабочен, мелочен, чересчур пунктуален, педантично соблюдает все инструкции и правила. Лидер такого типа в чем-то похож на школьного отличника.

Политический лидер, для которого свойственен депрессивный тип поведения, не способен самостоятельно играть ведущую роль и поэтому пытается примкнуть к тому, кто реально может «делать политику».

Шизоидальный стиль лидерства, напротив, предполагает лидера-одиночку. Он предпочитает не присоединяться ни к какому политическому движению и остается сторонним наблюдателем, не

связанным с какой-либо политической ответственностью. Однако подобный стиль лидерства не может не носить временного характера, поскольку противоречит самой природе этого явления. Лидер-одиночка, если он действительно окажется вовлеченным в реальную политическую жизнь, будет вынужден трансформировать свой стиль в сторону одного из вышеперечисленных.

Существует в политической психологии и типология политических лидеров, разработанная Р. Зиллером на основе Я-концепции личности. Я-концепция, иными словами, осознание человеком самого себя, имеет несколько аспектов. Для политической психологии наиболее важным можно считать «образ-Я», самооценку и социальную ориентацию политических лидеров. Я-концепция имеет шесть тесно связанных аспектов: «Я» физическое, «Я» сексуальное, «Я» семейное, «Я» социальное, «Я» психологическое, «Я» преодолевающее конфликты. Сложность Я-концепции Р. Зиллер понимает как число аспектов «Я», воспринимаемых политическим лидером.

Первый тип, выделяемый Р. Зиллером и его коллегами, получил название «аполитичный политик». Это лидер с высокой самооценкой и высокой сложностью Я-концепции. Вследствие своих психологических особенностей он чувствует себя оторванным от окружающих и поэтому с трудом реагирует на действия своих сторонников или, в случае с главами государств, населения страны в целом. Второй тип — прагматики с низкой самооценкой и высокой сложностью Я-концепции. Они наиболее удачливы в политике, поскольку прислушиваются к мнению других и модифицируют свое политическое поведение на основе обратной связи. Третий тип — идеологи. Это лидеры с высокой самооценкой и низкой сложностью Я-концепции, не обращающие внимания на мнение окружающих. Четвертый тип — недетерминированные политики, отличающиеся низкой самооценкой и низкой сложностью Я-концепции. Они склонны реагировать лишь на узкий круг социальных стимулов.

Для большинства развитых стран на протяжении XX в. были характерны тенденции институализации и профессионализации политического лидерства. Институализация проявляется в том, что современные лидеры должны действовать в рамках политических институтов. При принятии решений они обязаны исходить из нормативных актов данных институтов. Эти нормативные акты — конституции, законы, программы, уставы политических партий — определяют порядок рекрутирования политических лидеров и их продвижение на вершины государственной или общественной

власти. Современный политический лидер находится в центре внимания средств массовой информации, а также под постоянным контролем как со стороны оппозиции, так и со стороны собственных соратников. Эти обстоятельства ставят политических лидеров в жесткие рамки, ограничивают проявление индивидуальных черт, делают их во многом похожими друг на друга. В стабильных демократических странах лидеры, обладающие харизматическими качествами, часто занимают маргинальное положение, зато на вершинах власти оказываются внешне ничем не примечательные люди.

Еще М. Вебер отмечал, что политика во все большей степени будет сферой профессиональной деятельности. Это предвидение полностью подтверждается. Для того чтобы сегодня быть успешным политиком, необходимо обладать разнообразными знаниями из области политологии, социологии, конфликтологии, экономики и юриспруденции, а также умениями и навыками в области социальных коммуникаций. Для людей, занимающихся политической деятельностью, она становится основным источником получения дохода независимо от их профессионального образования. При этом сферами приложения «политического труда» являются отнюдь не только структуры исполнительной власти, но и парламенты, политические партии и общественные движения, органы местного управления, средства массовой информации и т. д. Объективная тенденция профессионализации политического лидерства требует специальных усилий по отбору и подготовке политических кадров.

§ 2. Политическое лидерство в современной России

В силу традиций персонификации политики и власти, присущих отечественной политической культуре, феномен политического лидерства занимал в ней особое место. И до революции 1917 г., и в советское время, и в современной России личные качества государственных и политических лидеров имели и имеют немаловажное значение. Практика показывает, что даже в условиях одного и того же политического режима сосуществуют различные типы политического лидерства. В ранний период советской истории преобладали политические лидеры харизматического типа. Таким

был, например, В. И. Ленин, таким был и И. В. Сталин, хотя харизматичность первого, но особенно второго отчасти была искусственной, созданной в результате целенаправленного пропагандистского воздействия на массовое сознание. И Ленин, и Сталин обладали ярко выраженными индивидуальными особенностями, проявили способность к самостоятельной выработке и принятию судьбоносных (и в положительном, и в отрицательном смысле) для страны и мира решений. Несомненно, харизматическим лидером был и одержавший победу за власть после смерти Сталина Н. С. Хрущев. Он не обладал глубокими знаниями и высокой культурой, но был яркой и самостоятельной политической фигурой.

Пришедшие на смену Н. С. Хрущеву советские руководители в массе своей не обладали яркими личностными качествами. Они обладали стандартной внешностью, их речь была насыщена штампами. Большинство из них были людьми весьма преклонного возраста. Ни Л. И. Брежнев, ни К. У. Черненко, ни другие руководители более низшего ранга не могли самостоятельно, без подготовленного заранее текста выступать перед аудиторией. Часто они просто не были компетентными в вопросах, по которым принимали политические решения. Общение советских лидеров эпохи «застоя» с массовой аудиторией было строго регламентировано, контакты с представителями средств массовой информации были ограничены. Трудно даже представить себе Л. И. Брежнева лично, подобно Ленину или Сталину, дающего интервью иностранному корреспонденту. От имени последних советских генеральных секретарей давались «ответы на вопросы», предварительно представленные в виде списка тем или иным печатным изданием. Характер политического лидерства в позднесоветском обществе в немалой степени способствовал десакрализации власти и делегитимации существовавшей политической системы.

Неспособность советских лидеров 70–80-х гг. XX в. решить многочисленные проблемы, накопившиеся в экономической, социальной и политической сферах советского общества, привели его к глубокому системному кризису. «Перестройка» стала попыткой поиска выхода из этого кризиса. Начиная с 1985 г. политика все более приобретает публичный характер, что неизбежно приводит к изменению стиля политического лидерства. В политику вновь приходят яркие индивидуальности. При этом ответственность, лежащая на политических лидерах, неизмеримо возросла, поскольку наступил период глубоких экономических и политических реформ,

требующих принятия весьма сложных, можно сказать, судьбоносных для страны решений.

Возглавивший партию и государство М. С. Горбачев понимал, что необходимы радикальные перемены, но ни у него, ни у его ближайшего окружения не было четкого и продуманного плана реформ. Шла борьба различных мнений в высшем советском партийно-государственном руководстве, в результате которой принимались непоследовательные, порой прямо противоположные по своему смыслу решения (см. главу XVII). Горбачев принадлежал к четвертому поколению советской партийной номенклатуры (см. главу VI). Он не был обременен догматами и предрассудками прошлого. Но дальнейшая практика показала, что Горбачев не обладал в полном объеме и качествами, необходимыми руководителю государства, особенно государства, находящегося в кризисе. Он не приобрел на предшествующих постах достаточного опыта принятия самостоятельных политических решений, отсутствие такого опыта проявилось тогда, когда он стал руководителем самого высокого ранга. М. Горбачев часто колебался и обнаруживал нерешительность, когда от него требовалось сделать окончательный выбор в пользу той или иной альтернативы. Нередко он опаздывал с принятием давно назревших решений, иногда стремился переложить ответственность на других.

Социально-экономическая ситуация в годы «перестройки» неуклонно ухудшалась, а политические реформы вызвали и нарастание политической нестабильности. Неудивительно, что в таких условиях первоначально высокая популярность Горбачева внутри страны резко снизилась. Вместе с падением авторитета и влияния М. С. Горбачева в широких слоях российского общества росла популярность Б. Н. Ельцина.

О Б. Н. Ельцине в конце 80-х гг. XX в. можно говорить как о типичном харизматическом лидере. Формирование имиджа Ельцина как политического лидера в массовом сознании шло на фоне разочарования результатами деятельности и личностью Горбачева. Людям нравились в Ельцине те черты, которых они не находили в Горбачеве. Даже в 90-х гг. XX в., когда многие прежние сторонники разочаровались в Ельцине, участники социологических опросов отмечали наличие у первого российского президента таких позитивных качеств, как решительность и упорство в достижении цели. Привлекательными были и внешние данные Ельцина. Долгое время в массовом сознании Ельцин воспринимался как пример сильного

и здорового политического лидера в противоположность одряхлевшим «геронтократам» брежневского периода.

Вместе с тем несомненно, что для привлечения симпатий граждан страны Ельцин изначально широко пользовался популистскими приемами. Пребывая на посту руководителя московской городской организации КПСС и пользуясь тем, что его внешность еще не была всеми узнаваема, он разъезжал по столице на общественном транспорте, появлялся в магазинах, провоцируя скандальные ситуации. Эти факты становились известными далеко за пределами Москвы. Подлинные события мифологизировались, обрастали вымышленными подробностями, что еще больше повышало популярность Ельцина в глазах населения. Способствовали росту этой популярности и неуклюжие попытки высшего партийно-государственного руководства во главе с Горбачевым «устранить» Ельцина из большой политики. Благодаря таким попыткам к имиджу Ельцина добавился еще и ореол мученика, «пострадавшего за правду».

Популистский стиль лидерства сохранился у Б. Ельцина и после избрания на пост председателя Верховного Совета, а затем и первого президента России. Направо и налево раздавались заведомо невыполнимые обещания, звучали непродуманные призывы. Например, сделанное представителям властей автономных республик в составе Российской Федерации предложение о том, что они могут «брать суверенитета столько, сколько смогут проглотить» или обещание «лечь на рельсы» в случае, если программа экономических реформ не даст ожидаемого результата. Популизм Ельцина в итоге дорого обошелся ему самому как политическому деятелю. С 1993 г. его авторитет и влияние стали стремительно падать, а личный рейтинг к 1996 г., когда предстояли новые президентские выборы, снизился до 2 %. Победа Ельцина на выборах 1996 г. стала следствием не столько его личной харизмы, как в 1991 г., сколько итогом умело проведенной избирательной кампании. Эта кампания дала пример того, насколько важное значение в современном политическом процессе имеют средства массовой информации и избирательные технологии (см. главы XII, XIII).

В последние годы пребывания Ельцина на высшем государственном посту его здоровье резко ухудшилось. Первый российский президент лишился одной из существенных составляющих своего образа политического лидера. В то же время история показала, что мнение о нем как о человеке, для которого власть является самоцелью, было ошибочным. Ельцин сам, добровольно, до истечения

срока президентских полномочий подал в отставку, совершив один из наиболее важных поступков в своей жизни.

В эпоху Ельцина в российской политике появилась целая плеяда ярких политических и государственных деятелей. Харизматический тип политического лидерства стал распространенным. Примером такого лидерства может служить быстрая политическая карьера отставного генерала Александра Лебеда, занявшего третье место в первом туре президентских выборов 1996 г. Определенные индивидуальные качества участников политического процесса были весьма востребованы в условиях публичной политики и широкого использования маркетинговых политических технологий. Вследствие высокой персонализации российской политики личные качества политиков могли либо усилить позиции возглавляемых ими партий и движений, либо стать причиной их ослабления.

Пример первого рода — политическая деятельность В. В. Жириновского в 90-е гг. XX в. Личность этого российского политика негативно оценивалась большинством аналитиков. Совершенно справедливо его обвиняли в демагогии, разжигании нездоровых настроений и страстей. Он «прославился» экстремальными поступками и многочисленными скандалами. Не отрицая всего этого, В. Жириновского можно оценивать как весьма ловкого и умелого политического деятеля. Он может быть примером лидера-коммивояжера в соответствии с типологией М. Херман. Лучшее, чем кто-либо другой из российских политиков конца 80-х — начала 90-х гг. XX в., Жириновский чувствовал конъюнктуру политического рынка и предлагал на «продажу» те идеи и лозунги, которые в данный момент были в наибольшем дефиците. В начале своей политической карьеры он был одним из многочисленных маргинальных лидеров карликовых партий и политических группировок, появившихся в условиях «перестройки». В этот период наиболее модными и распространенными в советском обществе были представления о «демократическом и гуманном социализме», «социализме с человеческим лицом». Даже откровенные националисты из прибалтийских республик и западных областей Украины поначалу рядились в одежды сторонников и защитников горбачевской «перестройки». В. Жириновский был одним из первых, кто предложил на политическом рынке новый, незалежалый «товар» — некоммунистические и несоциалистические идеи и лозунги. Использование либеральной терминологии и фразеологии Жириновским на рубеже 80-х и 90-х гг. XX в. не было случайным. Этим он приобрел

некоторую известность и «застолбил» определенный участок политического пространства.

Когда В. Жириновский заметил, что в массовом сознании российского общества происходит сдвиг от социалистических к либеральным ценностям, он поспешил предложить новый «товар», спрос на который должен был появиться, но на политическом рынке пока этого «товара» практически не было. Таким «товаром» были патриотические и откровенно националистические идеи и лозунги. Для коммунистов в тот период главным было стремление сохранить прежний политический режим, для антикоммунистической оппозиции во главе с Ельциным — разрушить тоталитарную империю. В. Жириновский позиционировал себя как защитника единства и целостности государства безотносительно характера его политического режима. Он уже тогда широко пользовался популистской демагогией, учитывая настроения различных групп населения. В 90-х гг. XX в. Жириновский не только не изменил, но даже усилил такой стиль. Этот лидер лучше, чем другие российские политики, понимал специфику каждой президентской или парламентской избирательной кампании и в соответствии с ней выстраивал свою политическую линию. Как правило, результаты, получаемые самим Жириновским и его партией — ЛДПР, оказывались лучшими, чем ожидалось первоначально (см. главу XII). Само существование и успех Либерально-демократической партии (второе официальное название «Партия Жириновского») невозможны без ее лидера.

В. В. Жириновский как лидер-коммивояжер продемонстрировал свои способности и в том, что умело и легко конвертировал одни ресурсы в другие и обратно. Став известным политиком, он одновременно сделался и весьма состоятельным человеком. Но Жириновский не забывал проводить крупные инвестиции в партийное строительство, в организацию избирательных кампаний, сохраняя свое место на российской политической арене. Политические противники не раз ошибались, оценивая идейно-политические позиции Жириновского, его место и роль в российской политике. Жириновского называли едва ли не «фашистом», сравнивая с ранним Муссолини. Однако выдвижение тех или иных лозунгов определялось не личными убеждениями этого политика, а политической конъюнктурой. Характеризуя себя как оппозиционера, Жириновский всегда имел неплохие отношения с исполнительной властью, оказывая ей услуги в обмен на определенные ресурсы.

Примерами второго рода, когда личные качества политических лидеров либо снижали влияние возглавлявшихся ими партий, либо не способствовали его росту, можно назвать Г. А. Зюганова и Г. А. Явлинского. Оба были заметными политическими лидерами 90-х гг. XX в. А Г. Зюганов сохраняет свое место и в современной российской политике. Будучи идейно-политическими противниками, Зюганов и Явлинский вместе находились в оппозиции к режиму Ельцина.

Г. А. Явлинский с самого начала противопоставил реализуемому на практике варианту экономических реформ свою программу преобразований. Сторонники Явлинского отмечали аналитичность и креативность его мышления, участники социологических опросов характеризовали его как человека, который «говорит то, что думает», «дает вдохновение и идеи». Наиболее значимыми для респондентов социологических опросов были его политические и деловые качества. Ему, прежде всего, доверяли люди с высоким уровнем образования, но относительно низкими доходами, жители крупных городов. В основном это были те, кто увлекся демократическими лозунгами периода «перестройки», но был разочарован реальными результатами экономических реформ. Электоральная база самого Явлинского и его партии «Яблоко» долгое время была стабильной, но не росла. Явлинский не смог не только привлечь новых сторонников, но и мобилизовать прежних, когда возникла такая необходимость. В отличие от Жириновского, у Явлинского и его партии реальные электоральные результаты оказывались всегда ниже прогнозируемых.

Долгое пребывание Г. А. Явлинского в роли критика и оппозиционера, в то время как некоторые его соратники по партии «Яблоко» соглашались занимать посты в правительстве, привело к формированию о нем мнения как о политике, который много говорит, но мало делает. В одном из социологических опросов, проведенных в конце 90-х гг. XX в., респондент так отозвался о политике Явлинском: «Он не желает участвовать в практической реализации его же планов и дистанцируется от любой реальной деятельности». Кроме того, Г. Явлинский обнаружил неспособность договариваться и находить компромиссы с потенциальными политическими союзниками, что в еще большей степени способствовало утрате им и так не очень большого влияния.

Г. А. Зюганов сыграл важную роль в возрождении коммунистического движения в постсоветской России и стал в 90-х гг. XX в.

лидером левопатриотической оппозиции Б. Ельцину и курсу либеральных экономических реформ. На президентских выборах 1996 г. Зюганов лишь немного уступил Ельцину в первом туре голосования. Однако этот успех вряд ли можно объяснить только личными качествами лидера КПРФ. С одной стороны, за него голосовали как за фигуру, оппозиционному существовавшему режиму. С другой стороны, немалая часть избирателей поддержала его оппонента только потому, что не желала голосовать за коммунистов и за Зюганова. Респонденты социологических опросов тех лет оценивали его как человека, который «старается казаться не тем, кем на самом деле является». Многие аналитики в 90-х гг. XX в. обращали внимание на то, что личный рейтинг Зюганова оказывался, как правило, ниже, чем рейтинг его партии — КПРФ. Очевидно, что личные качества Зюганова как политического лидера ограничивали возможности повышения влияния компартии даже в условиях разочарования широких слоев населения результатами осуществлявшегося в 90-х гг. XX в. политического и экономического курса. Пока можно было клеймить «антинародный режим» Ельцина, КПРФ и ее лидеру удавалось сохранять прочные позиции в российской политической системе. Как только, после избрания президентом В. В. Путина, такая возможность исчезла, электоральные успехи КПРФ и самого Зюганова резко снизились.

С «эпохой Путина» были связаны существенные перемены в российской политике, которые не могли не затронуть и феномена политического лидерства. Тип политического лидерства, присущий В. В. Путину, ранее не встречался в России ни в советское, ни в постсоветское время. Немецкий журналист и политолог А. Рар назвал Путина «немцем в Кремле». Это связано с тем, что В. В. Путин похож на политического лидера и государственного деятеля западного образца. Его отличают деловитость и высокая функциональность. При этом Путин изначально позиционировал себя как защитник национально-государственных интересов России. В ситуациях, когда решались принципиальные вопросы внутренней и внешней политики Российской Федерации, он проявлял себя как человек весьма активный и даже резкий. Его обещание «мочить в сортире» террористов получило широкий резонанс как внутри страны, так и за ее пределами.

Внешне неброский, подтянутый, со скромными манерами, Путин отличается как от представителей прежней партийно-государственной элиты с ее барскими замашками, так и от харизматических

политических лидеров перестроенных и постперестроечных лет. Путь Путина в большую политику и к вершине власти отличался от путей рекрутирования политической элиты и политических лидеров, которые были характерны для 90-х гг. XX в. От назначения на пост премьер-министра до выдвижения кандидатом в президенты в конце 1999 г. он мало занимался публичной политикой. Занимая важные административные посты сначала в Санкт-Петербурге, а затем в Москве, Путин стремится держаться в тени. Став президентом Российской Федерации и, следовательно, публичным политиком, он так и стремился держаться подальше от мероприятий, которые можно истолковать как политическое шоу. Например, он отказался участвовать в предвыборных дебатах накануне президентских выборов 2004 г.

Будучи официальным «престолонаследником» утратившего остатки своей былой популярности Бориса Ельцина, Владимир Путин резко контрастировал со своим предшественником. Вместо пожилого и больного на вершине государственной власти оказался молодой, здоровый и деятельный человек. Уже первые шаги на посту премьер-министра, а затем и президента способствовали росту известности и популярности Путина внутри России. Его появление в качестве политического лидера было неожиданностью за рубежом, но новый российский президент быстро стал весьма заметной фигурой в мировой политике. Все восемь лет пребывания Путина на посту главы российского государства его личный рейтинг хотя временами и колебался, но неизменно оставался на очень высоком уровне.

Можно сказать, что как общенациональному политическому лидеру В. В. Путину способствовала удача. Он вышел на публичную политическую арену в момент, когда страна начала преодолевать последствия дефолта 1998 г. Выход из кризиса тогда оказался достаточно быстрым. Экономика страны впервые за весь посткоммунистический период возобновила устойчивый рост. Все восемь лет президентства Путина держалась благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура, цены на основные товары российского экспорта, прежде всего на энергоносители, оставались высокими. За эти годы удалось решить многие проблемы, полученные в наследство от кризиса 90-х гг. XX в., и некоторые социальные проблемы. Но после завершения президентских полномочий Путина в мире разразился финансовый кризис, вскоре принявший характер глобального экономического кризиса. Этот кризис не мог не затронуть Россию, ставшую частью мировой экономики.

В. В. Путин не ушел из политики. Он остался в ней как глава правительства и лидер «партии власти» — «Единой России». Теперь перед всеми российскими лидерами встала непростая задача поиска путей выхода из сложной социально-экономической ситуации, в которой страна будет находиться в ближайшее время. От них будут требоваться иные качества, чем те, которые были востребованы в предшествующий стабильный период. Между тем в современной России стал более распространенным рутинный тип политического лидерства. Этому способствовали институциональные изменения, происшедшие в последние годы в российской политике. Переход на пропорциональную избирательную систему на общенациональном уровне, отказ от прямых выборов губернаторов и президентов на региональном уровне способствовали появлению плеяды менее ярких политических деятелей, о потенциале и индивидуальных особенностях которых, как правило, мало что известно.

С избранием Д. А. Медведева на пост президента России открываются возможности для существенных изменений в кадровом составе органов власти на федеральном и региональном уровне, следовательно, можно ожидать прихода в политику нового поколения лидеров.

Контрольные вопросы и задания

1. Перечислите основные концепции политического лидерства и сравните их между собой.
2. Дайте характеристику известных вам типов и стилей политического лидерства.
3. К каким политическим лидерам современной России применимы черты «лидера-знаменосца», «лидера-коммивояжера», «лидера-пожарного» и «лидера-служителя»?
4. Какую роль политическое лидерство играло на разных этапах политической истории России?
5. Опишите оптимальный, с вашей точки зрения, портрет современного политического лидера.

Часть II

Политические институты и процессы

ГЛАВА VIII

Политические системы

---

§ 1. Теоретические концепции политической системы

Системный подход к изучению явлений природы и общества стал применяться сначала в области естественных наук, а с конца 50-х гг. XX в. получил распространение и в сфере гуманитарного знания. Системный подход требует рассматривать любой объект не как механическое соединение или простую сумму составляющих его частей, а как совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых между собой элементов, приобретающих в своем единстве некие новые качества. Элемент — это исходное понятие системной теории. Каждая система состоит из определенного количества элементов, причем удаление или, напротив, прибавление какого-либо элемента неизбежно меняет качество самой системы. Несколько элементов внутри системы могут составить относительно самостоятельную подсистему, которую также можно рассматривать как один из элементов системы более высокого уровня.

Следующая категория системного анализа — *структура системы*. Под структурой понимают: во-первых, способ включения элементов в систему, во-вторых, характер взаимоотношений элементов внутри системы и, наконец, в третьих, совокупность ограничений, вытекающих вследствие принадлежности к системе для ее элементов.

Системный подход неразрывно связан с понятием среды. Под средой понимается окружение системы, с которым она постоянно

взаимодействует. Схема этого взаимодействия была разработана в рамках кибернетики и поэтому традиционно описывается в терминах данной научной дисциплины. Окружающая среда направляет в сторону системы определенные импульсы. Попадая на вход в систему, эти импульсы проникают внутрь нее и начинают оказывать влияние на элементы и структуру их взаимоотношений в системе. Этот процесс на языке теории систем называется конверсией. В результате такой конверсии вырабатывается реакция системы на внешний импульс. Эта реакция на выходе из системы выражается в каком-либо ее воздействии на внешнюю среду, что, в свою очередь, приводит к новому циклу взаимодействия системы и среды между собой.

Одним из первых попытку использования системного подхода к анализу политической жизни предпринял известный американский социолог Толкотт Парсонс. Он рассматривал политику как одну из подсистем социальной системы в целом. Главной функцией политической подсистемы Парсонс считал мобилизацию ресурсов, необходимых для коллективных действий, направленных на достижение наиболее важных общественных целей. Сама политическая система, по мнению американского социолога, должна была включать в себя три основных элемента: лидерство, органы власти и регламентацию. Однако концепция Парсонса, исходящая из предпосылки стабильности и устойчивости политической системы, не учитывала всей специфики политической жизни, которая не исключает конфликтов и социально-политической напряженности.

В политической науке приоритет в использовании системного подхода принадлежит таким политологам, как Г. Алмонд, К. Дойч, Д. Истон, С. Липсет, Д. Пауэлл.

В наибольшей степени классической модели взаимоотношения системы с окружающей средой соответствует концепция политической системы Дэвида Истона. В качестве внешней среды, в которую погружена политическая система, Д. Истон рассматривает все остальные сферы общественной жизни: экономическую, социальную, культурную и т. д. Кроме того, во внешнюю среду политической системы он включает и сферу международных отношений, экологию, иначе говоря, все те отношения, которые должны регулировать политика как общественное явление. Сама политическая система понимается Истоном как совокупность политических взаимоотношений, присущих данному обществу. Главной целью существования и функционирования политической системы, по

Истону, является такое распределение ресурсов, которое принимается большинством членов общества в качестве обязательного. На входе политической системы Истон выделил два вида импульсов, приходящих в нее из окружающей среды, — во-первых, требование, а во-вторых, поддержка.

Под *требованием* Д. Истон понимает необходимость решения каких-либо общественных задач, что подразумевает определенное перераспределение соответствующих ресурсов. Например, если некая группа работников бюджетной сферы недовольна размером оплаты своего труда, то решить эту задачу можно либо за счет увеличения размера самого бюджета, увеличивая налоговое бремя, либо за счет перераспределения бюджетных расходов в пользу данной социальной группы. Требования к системе исходят как от отдельных граждан, так и от социальных групп.

Под *поддержкой* Д. Истон понимает лояльность граждан к органам власти, их готовность соблюдать законы и выполнять свои обязанности. Например, платить налоги, служить в армии, принимать участие в выборах и т. п., без чего не может существовать ни одно государство. Поддержка выражается и в политической активности граждан, их участии в выборах, референдумах, каких-либо массовых политических акциях, укрепляющих как саму систему, так и ее отдельные элементы. Категория «поддержка» у Истона тесным образом переплетается с категорией «легитимность» (см. главу III).

Поддержка, в соответствии с концепцией Д. Истона, может быть направлена как на политическую систему в целом, так и на ее отдельные элементы. Поэтому, в зависимости от того, на какой элемент направлена поддержка, политолог выделил три ее основных типа: поддержка режима, поддержка власти, поддержка политического сообщества.

Поддержка режима трактуется как признание и принятие людьми норм и ценностей, присущих данному политическому режиму. Например, коммунистический режим в СССР существовал долгие десятилетия, поскольку большая часть населения разделяла и признавала ценности марксистско-ленинской идеологии, лежавшие в его основе. Когда в годы перестройки появилось массовое разочарование в официальных идеологических нормах, советская система рухнула (см. главы III, XVII). *Поддержка власти* означает признание и конкретную поддержку того или иного политического института, осуществляющего функции государственной власти. К этому типу поддержки Истон относил и персональную поддержку

государственных лидеров, обладающих харизматическими качествами. *Поддержка политического сообщества* означает признание и ориентацию на целую группу лиц, связанных между собой разделением «политического труда». Наиболее характерным примером такого типа поддержки может быть поддержка правящей элиты, без чего последняя, как правило, не способна реализовывать свои лидерские функции.

Если поддержка резко снижается или даже полностью прекращается, то сама система неминуемо гибнет. Но степень поддержки напрямую зависит от того, насколько политическая система справляется с предъявляемыми к ней требованиями. Попадая внутрь политической системы, требования подвергаются конверсии. В результате на выходе из системы воспроизводятся политические решения и политические действия.

Политические решения могут принимать форму законов, указов, распоряжений органов государственной власти и управления. Политические действия представляют собой конкретные мероприятия по реализации принятых решений. Политические решения и политические действия представляют собой процесс перераспределения и мобилизации ресурсов, необходимых для решения тех общественных задач, которые были зафиксированы в форме требований, поступивших на вход политической системы.

Д. Истон обращал внимание на необходимость поддержания обратной связи между общественной средой и политической системой. От того, насколько принятые политические решения и осуществленные на их основе политические действия соответствуют предъявляемым к политической системе требованиям, зависит уровень поддержки самой системы и отдельных ее элементов. Если общественные проблемы решаются успешно и эффективно, то уровень поддержки возрастает, поскольку растет доверие граждан к институтам власти и их персональным представителям. И наоборот, если принятые меры не дают позитивного результата, то доверие граждан к власти и политикам падает и уровень поддержки политической системы, соответственно, снижается.

Теоретическую схему взаимодействия политической системы и общественной среды, разработанную Д. Истоном, можно проиллюстрировать примерами из социально-политической практики некоторых стран в различных исторических эпохи.

В 1932 г. на президентских выборах в США победил Ф. Рузвельт. Он пришел к власти в обстановке Великой депрессии, ставшей

результатом глубокого экономического кризиса, начавшегося в Северной Америке и затем охватившего весь мир. Администрация Рузвельта столкнулась с многочисленными проблемами экономического и социального характера, среди которых заметное место занимали проблемы массовой безработицы и обнищания многочисленных социальных групп американского общества. Принятые правительством меры способствовали оживлению американской экономики, она постепенно стала выходить из кризиса. Но эти меры затронули интересы олигархических групп, перешедших в открытую и непримиримую оппозицию к «новому курсу» Рузвельта. Однако попытки противников президента помешать его переизбранию на второй срок полностью провалились. Несмотря на то что крупный капитал отказал Рузвельту в поддержке, что привело к резкому сокращению его избирательного фонда, несмотря на то что контролируемые олигархическими группами средства массовой информации вели антирузвельтовскую пропаганду, действующий президент одержал победу и на президентских выборах 1936 г. Причем число голосов, отданных Ф. Рузвельту, не только не уменьшилось, но даже возросло. Можно констатировать, что вследствие эффективности принятых решений и результативности осуществленных действий доверие к президенту Ф. Рузвельту со стороны простых граждан возросло, что свидетельствовало об усилении поддержки как института президентской власти, так и американской политической системы в целом. Однако следует помнить, что неэффективные и нерезультативные решения и действия могут, напротив, снизить уровень поддержки политической системы ниже той черты, за которой начинается ее дезорганизация и распад. В условиях, когда в начале первого десятилетия XXI в. страны мира столкнулись с новым глобальным экономическим кризисом, уроки осуществления «нового курса» Рузвельта стали особенно актуальными.

Примером того, как политическая система может реагировать на новые требования, предъявляемые ей окружающей общественной средой, может быть политическое развитие многих государств Западной Европы в 70–80-х гг. XX в. Западноевропейские страны раньше, чем страны других регионов мира, столкнулись с экологическими проблемами. Существовавшие политические институты не были готовы в полной мере к решению этих проблем. Традиционные политические идеологии, как правило, не уделяли должного внимания вопросам взаимоотношения общества и природы, поскольку в момент возникновения этих идеологий — на рубеже

XVIII–XIX вв. — особой остроты в этих взаимоотношениях не было. Ориентированные на классические идеологические концепции партии продолжали игнорировать экологическую проблематику и во второй половине XX в., что пришло в противоречие с реалиями стран Западной Европы этого периода. Население крупных городов уже в полной мере страдало от загрязнения воздуха, рос страх перед получавшими распространение опасными для окружающей среды производствами и технологиями. Рождались гражданские инициативы, призывавшие решить конкретные проблемы экологического характера в той или иной местности. Экологические движения стали заметными явлением среди других, возникших на рубеже 60–70-х гг. XX в. новых социальных движений.

Постепенно активность экологических движений все больше проявлялась в сфере политики, сначала на местном, а затем на общенациональном уровнях. Поскольку традиционные политические партии не сумели в полной мере оценить важность новой экологической проблематики, в качестве альтернативы им начали формироваться политические организации и партии на основе экологических движений. В ФРГ партия «зеленых», едва возникнув, стала парламентской партией, преодолев 5%-ный барьер на выборах в бундестаг. Первоначально партия «зеленых» позиционировала себя как антисистемная сила, как с точки зрения ее программных установок, так и с точки зрения структуры и принципов деятельности. Отток избирателей от традиционных партий к этой новой политической силе свидетельствовал не просто об ослаблении влияния «старых» партий, но и о снижении уровня поддержки всей политической системы ФРГ в целом.

В последующем не только традиционные партии, но и государственные институты стали уделять гораздо больше внимания экологической проблематике. А партия «зеленых» постепенно отошла от своих прежних радикальных идей и экстравагантных форм политической деятельности. Она интегрировалась в существующую политическую систему, которая сумела адаптироваться к новым экологическим требованиям и сохранить поддержку большинства граждан ФРГ. Нечто подобное произошло и в других странах Западной Европы, где также проблемами экологии озаботились в последние десятилетия XX в. и либералы, и социал-демократы, и даже консерваторы. Совершенствование экологического законодательства и проведение на его основе эффективных природоохранных мероприятий позволили улучшить ситуацию с сохранением окружающей среды

в большинстве западноевропейских государств. Тем самым был предотвращен не только экологический, но и социально-политический кризис, укрепилась общественная стабильность и на прежнем уровне осталась поддержка существующих политических систем.

Концепция Д. Истона акцентирует внимание на взаимодействии политической системы с окружающей социальной средой. Но вопрос о внутренней структуре системы и о важнейших ее функциях не получил в работах Истона должного отражения. Этот вопрос является центральным в работах другого известного американского политолога — Габриэля Алмонда. Алмонд рассматривает политическую систему как множество взаимодействий между государственными и негосударственными акторами. Он обращает внимание на личностные, психологические аспекты этих взаимодействий. Так же как и Истон, Алмонд исходит из того, что информация от окружающей социальной среды входит в систему в виде требований и поддержки. Но в отличие от Истона Алмонд детально анализирует, как происходит конверсия информации в конкретное политическое решение. Подобный анализ невозможен без пристального изучения структуры самой политической системы и выявления основных функций как системы в целом, так и ее основных элементов. Структурно-функциональный подход стал применяться Г. Алмондом и другими политологами для сравнительного анализа политических систем, что позволило сделать весьма важные теоретические и практические выводы, в частности, выявить роль и значение феномена политической культуры в общественном развитии (см. главу V).

Коммуникационный подход к исследованию политических систем был использован американским политологом Карлом Дойчем. Этот ученый полагал, что эффективность любой политической системы в первую очередь зависит от своевременности и полноты первичной информации о положении дел в обществе, от того, насколько своевременно принимаются необходимые решения, но особенно от того, как четко действует механизм исполнения этих решений.

Теоретические исследования политических систем идут уже не одно десятилетие. Нельзя сказать, что цели этих исследований достигнуты полностью, но полученные теоретической и сравнительной политологией результаты позволяют составить более-менее целостное представление об основных элементах политической системы и о важнейших функциях, которые они выполняют в современных обществах.

§ 2. Структура и функции политической системы

Как и всякая социальная система, политическая система состоит из множества элементов, группирующихся внутри нее в отдельные подсистемы. Чаще всего в качестве подсистем политической системы выделяют три: институциональную, коммуникационную и нормативную.

Важнейшую роль в любой политической системе играет ее *институциональная подсистема*, представляющая собой совокупность всех существующих и функционирующих политических институтов. Политический институт — одна из наиболее часто используемых категорий политической науки. Однако содержание этой категории в научной литературе толкуется по-разному. В современной политологии под политическим институтом понимают: политическое установление, то есть комплекс формальных и неформальных принципов, норм и правил, обуславливающих и регулирующих деятельность человека в политической сфере; политическое учреждение или организация, то есть определенным образом организованное объединение людей со своей собственной внутренней структурой; устойчивый тип политического поведения, основывающийся на определенном механизме и процедуре коллективных действий. По сути все три варианта определения политического института отражают разные стороны и аспекты данного сложного социального феномена. Чаще всего политические институты рассматривают как учреждения и организации, потому что именно в таком качестве они предстают перед взглядом человека. Но при более пристальном рассмотрении конкретного политического института можно увидеть в нем также свод правил и норм, на основе которых данный институт действует. Эти правила и нормы формируют процедуры и механизмы коллективных действий, вырабатывающих в итоге устойчивые типы поведения людей в политической сфере.

Старейшим и важнейшим среди всех политических институтов было и остается государство (см. главу X). Государство концентрирует в себе политическую власть, обладает потенциальной возможностью использовать все ее источники и ресурсы. Все политические системы современных обществ по-прежнему замыкаются на государстве. Именно государство занимается распределением ресурсов и принимает решения, обязательные для всего общества.

Государство можно рассматривать не только как единый и монолитный элемент политической системы, но и как совокупность относительно самостоятельных политических структур. Так, в условиях разделения властей парламент, олицетворяющий собой законодательную власть, может вступать в отдельные от исполнительной власти взаимоотношения с негосударственными политическими институтами. В федеративных государствах взаимоотношения между федеральными органами власти и органами власти субъектов федерации оказывают серьезное влияние на функционирование политической системы и всех ее подсистем и элементов.

Во многих странах Азии, Африки и Латинской Америки на протяжении последних десятилетий самостоятельную политическую роль играли вооруженные силы. Но армия по своей природе — один из элементов государственной структуры. В обычных условиях армия находится под контролем исполнительной власти и выполняет строго очерченные и ограниченные задачи, прежде всего, связанные с обеспечением защиты от внешних угроз. Однако, как показывает практика, при определенных условиях армия может включаться в политическую борьбу как самостоятельная сила, может подминать под себя другие государственные органы, монополизируя политическую власть. Но и при отсутствии такой экстраординарной ситуации современные государства имеют весьма сложную внутреннюю структуру, поэтому рассмотрение отдельных государственных институтов в качестве элементов политической системы, наряду с государством, вполне оправдано.

Вплоть до XIX столетия политических систем в их современном виде не существовало, поскольку сфера политики полностью замыкалась на государстве. Сама политика была делом узкого круга лиц, имеющих отношение к функционированию государственной власти. В процессе модернизации, охватившей первоначально Западную Европу и Северную Америку (см. главу XV), уровень политического участия повышался, и тем самым расширялась сфера публичной политики. Наряду с государством стали формироваться и новые политические институты, прежде всего политические партии (см. главу XI). Партии способны овладевать рычагами государственной власти, формировать и реализовывать внутреннюю и внешнюю политику. Но и оппозиционные партии в условиях демократии могут воздействовать на принятие политических решений. Если действующая власть неэффективна, то влияние оппозиции возрастает. На входе в политическую систему поддержка

переориентируется с официальных государственных институтов и отождествляемых с ними правящих партий и политических лидеров на оппозиционные политические силы. Благодаря такой поддержке уже внутри системы оппозиционные партии оказываются способными одержать победу на выборах и овладеть рычагами государственной власти. В условиях тоталитарного режима правящая партия практически сливается с государством и становится несущей конструкцией всей политической системы (см. главу IX).

Наряду с партиями, влияние на принятие политических решений стремятся оказывать также разнообразные группы интересов. Впервые на наличие таких субъектов политического процесса обратил внимание в начале XX в. английский политолог А. Бентли. В современной политологии группами интересов принято считать объединения людей, специально созданные или приспособленные для выражения и отстаивания интересов этих людей в их отношениях с государством и иными институтами политической системы.

В зависимости от степени внутренней организации группы интересов делятся на аномические и институциональные. *Аномические группы интересов* — это стихийно возникающие объединения, участники которых проводят митинги, демонстрации, устраивают пикеты. У них есть совместные цели, но нет четкой структуры и формализованного лидерства. Подобные группы недолговечны, хотя в какой-то момент могут оказать существенное влияние на действия государственной власти. В противоположность аномическим группам *институциональные группы интересов* долговечны и стабильны, представляют собой хорошо структурированные организации с формализованным лидерством и профессиональным кадровым аппаратом. В реальной практике могут существовать и переходные типы групп интересов, например общественные движения, ставшие относительно постоянным фактором политической жизни, но пока не имеющие устойчивой организационной структуры.

С точки зрения степени добровольности участия людей в той или иной группе интересов их принято делить на ассоциативные и неассоциативные. К *ассоциативному* типу относятся организации и объединения, к которым участники присоединяются, исходя из своих рационально осознанных интересов. Примером таких групп являются профессиональные и творческие союзы, объединения предпринимателей, фермеров, лиц свободных профессий, в частности коллегии адвокатов, ассоциации врачей, занимающихся частной практикой и т. д. *Неассоциативные* группы интересов представляют

собой недобровольные объединения по корпоративному, этническому или религиозному признаку. Например, любая религиозная конфессия — это объединение людей на основе их специфических интересов. Принадлежность к такой группе определяется не столько добровольным выбором человека (хотя такое тоже бывает), сколько его происхождением. Конфессия может быть структурирована и организована, то есть относится к институциональным группам интересов. Все христианские конфессии имеют соответствующую церковную организацию, что не исключает возможности создания группами верующих своих собственных добровольных организаций, которые могут ставить перед собой цели как неполитического, так и политического характера.

Некоторые группы интересов прибегают к способу достижения своих интересов, получившему специальное название — лоббизм. Под *лоббизмом* понимают различные способы воздействия на органы власти с целью принятия ею решений в интересах определенных групп и индивидов. Лоббистская деятельность может вестись легально, в рамках существующих законов. Например, в Соединенных Штатах Америки даже существуют специальные лоббистские фирмы, за вознаграждение продвигающие интересы (законопроекты, распределение бюджетных средств, назначения на должности и т. д.) корпораций и даже иностранных государств. Лоббизм может носить и нелегальный характер, принимая форму прямого подкупа политических деятелей и государственных чиновников, то есть быть проявлением коррупции. Поэтому в некоторых странах, например в Индии, лоббистская деятельность преследуется по закону.

Как показывают исследования ряда зарубежных политологов, активность лоббистской деятельности напрямую зависит от эффективности партийных систем. Если партии полностью выполняют свои функции по представительству и защите разнообразных общественных интересов, то поле для использования лоббистских методов сужается, если партии не играют той роли, которая соответствует их месту в политической системе, то лоббистская активность групп интересов, в том числе и нелегальная, усиливается.

К числу институтов политической системы, бесспорно, относят и средства массовой информации. Они занимают особое место, на стыке институциональной и коммуникационной подсистем политической жизни общества. *Коммуникационная подсистема* представляет собой сеть политических коммуникаций, пронизывающих как саму политическую систему, так и ее структурные элементы.

Под политическими коммуникациями современная политологическая наука понимает передачу, движение и получение, то есть обмен информацией между элементами политической системы и между самой политической системой и внешней социальной средой. Существуют разные классификации политических коммуникаций. В частности, выделяют вербальные и невербальные политические коммуникации. В случае *вербальной коммуникации* информация передается при помощи слов, *невербальная коммуникация* предполагает использование знаков и символов. *Вертикальные политические коммуникации* связывают между собой вышестоящие и нижестоящие органы власти и управления. К вертикальным относятся коммуникации между властью и населением, политической элитой и массой, политическим лидером и его сторонниками. *Горизонтальные политические коммуникации* устанавливаются между политическими акторами и институтами, принадлежащими к одному и тому же уровню структуры политической системы. В России к горизонтальным относятся коммуникации между органами исполнительной и законодательной власти субъектов федерации. Горизонтальными являются и коммуникации между политическими партиями, общественными движениями и другими группами интересов. Коммуникации между этими политическими институтами принято называть также групповыми, а коммуникации внутри самих политических институтов характеризуются как внутригрупповые. Политические коммуникации между индивидуальными акторами, например между политическими лидерами, называются межличностными. Политические коммуникации, связывающие государства, партии, политических лидеров и иных акторов с многочисленными по составу группами людей или населением страны, принято называть массовыми.

Наконец, выделяют *формальные политические коммуникации*. Такие коммуникации осуществляются в соответствии с официально установленными правилами и процедурами. Например, в соответствии с Конституцией Российской Федерации Президент России ежегодно обращается с посланием к Федеральному собранию. В этом послании глава государства доводит до депутатов, а также до всего общества информацию о положении дел в стране и мире, об основных приоритетах внутренней и внешней политики в обозримой перспективе. Немотивированный отказ Президента от выступления с подобным посланием означал бы нарушение им своих конституционных обязанностей. Формальными коммуникациями

связаны между собой все звенья государственной власти в центре и на местах. Для государственных служащих участие в формальных коммуникациях является служебной обязанностью, которую они должны выполнять в соответствии с установленными правилами, зафиксированными в должностных инструкциях.

Неформальные политические коммуникации носят неофициальный характер и устанавливаются на основе индивидуальных межличностных и межгрупповых связей в соответствии с индивидуальными или корпоративными интересами. Неформальные политические коммуникации подчас могут играть более существенную роль, чем формальные. В условиях тоталитарных режимов, а также в слабо развитых странах третьего мира важнейшие политические коммуникации осуществляются на основе неформальных контактов между представителями высшего руководства. Информация «для массового потребления» тщательно дозируется и процеживается. В этом случае не только простые люди, но и чиновники, и политические функционеры среднего и низшего звена не допускаются к объективной информации, хотя она и не является государственной тайной. В Советском Союзе важнейшие решения принимались Политбюро Центрального Комитета КПСС. Формально все члены этого высшего партийного органа должны были получать всю информацию по предполагающим решениям. Соответствующие документы каждому из них рассылались в обязательном порядке. На практике же обмен мнениями по поводу готовящегося решения и получение наиболее полной и эксклюзивной информации осуществлялись в обстановке неформального общения тех членов Политбюро ЦК КПСС, которые были «приближены» к «первому лицу». Так было в последние годы жизни И. Сталина, нечто подобное происходило и при «позднем» Л. Брежневем, в частности при принятии важнейшего для страны решения о вводе Советских войск в Афганистан.

В структуре политических коммуникаций в целом можно выделить три уровня: семантический (от греч. *semanticos* — знак), технический и инфлуентальный (от англ. *influence* — влияние).

Семантический уровень связан с пониманием значения передаваемой информации. Прежде всего, это касается вербальных, то есть словесных коммуникаций, но может иметь отношение и к невербальным, в которых используется «язык» жестов, мимики, изображений. Чтобы информация дошла до своих потребителей, она должна передаваться такими словами (знаками), которые адек-

ватно воспринимаются соответствующей аудиторией. В условиях быстрых перемен в общественной и политической жизни «политический язык» меняется также быстро, и тот, кто этого не учитывает, может быть не понят теми, к кому он обращается.

Технический уровень политических коммуникаций важен постольку, поскольку передача информации в большинстве случаев невозможна без использования технических средств: от средневековых гусиных перьев до современных компьютерных технологий. При помощи технических средств передается, накапливается и сохраняется информация. Технический прогресс и развитие информационных технологий не раз приводили к существенным изменениям в функционировании политической системы и ее отдельных институтов. Достаточно вспомнить политические последствия таких открытий, как электрические средства связи, сначала телеграфа, а затем телефона, изобретения радио и телевидения. В современных условиях подобное революционизирующее влияние на политические системы и политические процессы в большинстве государств мира оказывает появление Интернета.

Наличие *инфлуентального уровня* политических коммуникаций следует учитывать государственным органам, политическим партиям и иным субъектам политического процесса. Для того чтобы информация оказала необходимое влияние и принесла плоды, она должна быть точно направлена на соответствующую аудиторию, причем форма подачи информации должна в полной мере учитывать особенности этой аудитории. Важно, чтобы призывы, лозунги и идеи, с которыми государство и партии обращаются к массовой аудитории, не находились в явном противоречии с социальными реалиями, в которых живут люди. Так, пропаганда успехов «развитого социализма» в СССР на рубеже 70–80-х гг. XX в. расходилась с повседневной практикой жизни простого населения, когда в советском обществе возникали и накапливались проблемы экономического и социального характера. Такая неумелая пропаганда привела к обратным результатам — не к укреплению коммунистической системы, а к ее постепенной делегитимации, поскольку происходило разрушение веры советских людей в официальные идеологические постулаты.

Политическая система не может функционировать без норм, определяющих характер взаимоотношений между ее основными структурными элементами. Эти нормы и правила являются элементами нормативной подсистемы политической системы любого

общества. Среди норм, регулирующих политический процесс, можно выделить моральные нормы (см. главу II). Важную регулирующую роль играют в политической сфере правовые нормы. Особенно это касается таких правовых актов, как конституции, законы о выборах, политических партиях, общественных объединениях, средствах массовой информации.

Регулирующую роль в политической системе могут играть нормы и принципы политических идеологий. В тоталитарных политических системах идеологические нормы могут иметь даже большее значение, чем нормы формального права, поскольку идеология для таких систем является важнейшим основанием их легитимности. Конституция СССР формально провозглашала целый ряд политических прав и свобод. Однако реализация этих прав и свобод на практике была невозможна, так как это противоречило бы господствующим идеологическим постулатам о «классовой природе политики», о «коренном отличии социалистической демократии от буржуазной демократии». Идеология может влиять на формирование политических норм и опосредованно. Например, содержащиеся в идеологии либерализма принципы нашли свое воплощение в законодательствах многих стран современного мира. Это касается принципов разделения властей, защиты прав человека, равенства всех граждан перед законом и др.

Составной частью нормативной подсистемы является политическая культура. От характера политической культуры (см. главу V) в конечном счете зависит то, как функционирует вся политическая система и ее отдельные институты, каким образом между ними и внутри них выстраиваются политические коммуникации.

Структура политической системы определяет ее основные функции. В политической науке представлены различные точки зрения по вопросу о функциях политической системы. Д. Истон выделил четыре функции политической системы: регулятивную, экстракционную, под которой понимается способность политической системы получать из внешней среды ресурсы, необходимые для ее существования и деятельности, дистрибутивную, заключающуюся в способности политической системы перераспределять полученные ресурсы между социальными институтами, общественными группами и отдельными индивидами, и, наконец, функцию реагирования, означающую способность политической системы быть восприимчивой к импульсам и сигналам, поступающим из внешней среды в форме требований.

Общепризнанной в политологии является классификация функций политической системы, предложенная Г. Алмондом и Д. Пауэллом. Они делят функции на две группы — функции на входе в политическую систему и функции на выходе из нее. К первой группе относятся: функция политической социализации и вовлечения в политическое участие; функция артикуляции интересов; функция агрегирования интересов; функция политической коммуникации. Во вторую группу входят: функция разработки норм; функция применения норм; функция контроля над соблюдением норм.

Современные политические системы не могут функционировать без привлечения больших масс людей к участию в различных формах политической деятельности. Простой пример: если граждане не придут на избирательные участки, выборы не состоятся, а значит, органы как законодательной, так и исполнительной власти либо не будут сформированы, либо не будут обладать достаточной легитимностью. Но участвовать в политической жизни общества индивид может только тогда, когда приобретет необходимые для этого качества, иначе говоря, пройдет процесс политической социализации (см. главу V).

Под *артикуляцией интересов* (от лат. *articulare* — членораздельно произносить) понимают первый шаг в процессе конверсии требований, поступающих на вход политической системы. Функцию артикуляции или, иначе говоря, выражения интересов должны выполнять соответствующие заинтересованные объединения и группы. Однако артикулированный или озвученный интерес — это еще не конкретное предложение по его реализации через принятие политических решений органами государственной власти. Для того чтобы это произошло, интересы должны быть *агрегированы* (от лат. *aggregare* — соединять), то есть сформулированы в виде политических программ, лозунгов, предложений, в том числе и альтернативных. Функцию агрегирования интересов должны выполнять политические партии.

Функцию политической коммуникации призвана выполнять коммуникативная подсистема политической системы.

Регулятивную функцию политической системы, которую выделил Истон, Алмонд и Пауэлл, рассматривают исходя из концепции разделения властей, закрепляя за каждой из ветвей государственной власти свою отдельную функцию. *Законодательная власть* выполняет функцию разработки и принятия норм-законов. *Исполнительная власть* отвечает за реализацию, исполнение, выполняя

функцию применения норм. *А судебная власть* выполняет функцию контроля за исполнением норм-законов.

Г. Алмонд также предложил свой вариант типологии политических систем, основанием которой стали присущие этим системам типы политической культуры (см. главу VI). Однако наиболее распространенным в политологии основанием для классификации политических систем являются политические режимы. То есть выделение определенного типа политической системы связывают с характером лежащего в ее основе политического режима.

Контрольные вопросы и задания

1. В чем суть системного подхода в политологии?
2. Что такое «политическая система общества»?
3. Дайте характеристику основных элементов политической системы.
4. Назовите основные функции политической системы.
5. Какие факторы определяют степень стабильности политических систем?
6. Перечислите основные типы политических систем.

ГЛАВА IX

Политические режимы

---

§ 1. Понятие политического режима в современной политологии

С категорией «*политическая система*» тесным образом связано понятие *политического режима*. Оно широко используется в работах как политологов, так и юристов. Последние также применяют категорию *государственного режима*. Некоторые правоведы полностью отождествляют эти категории, есть и авторы, которые рассматривают их как близкие, но не тождественные.

Нет единства мнений относительно сущности категории политического режима и среди политологов. Так, известный французский философ, социолог и политолог Р. Арон в своей работе «Демократия и тоталитаризм» отмечал, что под политическим режимом он понимает определенный порядок устройства власти и отношений между гражданами на основе присущих данному режиму идеалов. Другой французский политолог, М. Дюверже, понимал под политическим режимом определенный государственный строй, тип организации политической власти, охватывающий партийную и избирательную систему, способы принятия политических решений и структуру групп интересов. Французский политолог Ж. Л. Кермонн характеризует политический режим как совокупность элементов идеологического, институционального и социального порядка, способствующих формированию политической власти данной страны на определенный период. Основными компонентами политического

режима, по его мнению, являются принцип легитимности, структура институтов, партийная система, а также форма государства и его роль в политической системе. Близок к Ж. Л. Кермонну в понимании сущности политического режима работающий на Западе индийский политолог П. Шаран. Он рассматривает политический режим как один из компонентов политической системы, способ ее функционирования. Данный политолог отмечает, что понятие политического режима включает конституционно-правовые принципы и структуры, политические процессы, институциональные нормы и основные ценности, которые регулируют работу политической системы.

В российской политической науке с начала 90-х гг. XX в. утвердилось понимание политического режима как совокупности идеологических и институциональных факторов, определяющих ее характер. Каждому политическому режиму соответствует определенный тип политической культуры, способы и методы осуществления государственной власти. Политическим режимам различного типа соответствуют различные типы легитимности и способы легитимации власти (см. главу III). Политические режимы различаются между собой и в зависимости от того, в какой степени реализуются и защищаются права и свободы человека, как строятся взаимоотношения между государственной властью и народом.

Традиционно было принято противопоставлять демократические режимы, то есть режимы, в которых власть в той или иной степени отражает волю большинства населения, и диктатуры, то есть такие режимы, при которых власть бесконтрольно принадлежит отдельным лицам или небольшим группам. Еще в античности Платон и Аристотель выделили такие разновидности диктаторских режимов, как деспотия, тирания, олигархия (см. главу I).

В современной политологии, особенно в сфере сравнительных исследований политических систем, существуют различные классификации политических режимов. Очень интересную и оригинальную типологию политических режимов предложил американский политолог Р. Даль. В качестве критериев для своей типологии он выделил: степень допустимости оппозиции и, соответственно, уровень политической конкуренции; степень вовлеченности большинства людей в политику и их влияние на процесс публичного соперничества за власть. Различные сочетания этих критериев позволили Р. Далю выделить четыре идеальных типа политических систем. Каждому из идеальных типов соответствует опреде-

ленный характер политического режима. Политический режим, при котором оппозиция практически отсутствует, политическая конкуренция незначительна или ее вообще нет, а доля населения, участвующего в политике, крайне мала, Даль называет *закрытой гегемонией*. Для политической системы, где функционирует режим *включающей гегемонии*, при высокой степени вовлеченности населения в политическое участие характерен низкий уровень политической конкуренции. Политический режим *конкурирующей олигархии* предполагает низкий уровень политического участия, но высокую степень оппозиционности и конкуренции. Четвертый тип политического режима функционирует в политической системе, названной Р. Далем *полиархией*. Он отличается одновременно и высоким уровнем политической конкуренции и высоким уровнем политического участия.

Фактически то, что Р. Даль назвал полиархией, традиционно понимается как демократия. Однако, в соответствии с концепцией Р. Даля, демократия — это нормативный идеал. Полиархия же — это реально существующий тип политической системы с режимом, в значительной степени соответствующим представлениям о демократии. Но поскольку полностью реализовать демократические идеи на практике невозможно, правильное, считал Даль, называть систему с подобным режимом полиархией, то есть «властью многих». Такое определение должно было показать отличие данного режима от режимов диктаторского типа в соответствии с традиционными представлениями о демократии и диктатуре.

Некоторое сходство с типологией Р. Даля имеет типология политических режимов французского политолога Ж. Блонделя. Он также в качестве критериев выделения политических режимов использует понятия политической конкуренции и политического участия населения, при этом добавляя к ним понятие «структура элиты». На основании критерия политической конкуренции политические системы политолог определяет как *открытые* или *закрытые*. Открытая политическая система отличается возможностью свободной деятельности для оппозиции, которая способна оспаривать власть у правящей элиты. В закрытой политической системе либо ведется скрытая борьба за власть между узкими группировками внутри правящей элиты, либо политическая власть переходит по наследству без борьбы и конкуренции. С точки зрения структуры политической элита может быть *монолитной* или *дифференцированной*. Политические системы с высоким уровнем политического участия

Ж. Блондель называет *инклюзивными* (включающими), а политические системы с низким уровнем политического участия — *экс-клюдивными* (исключающими).

На основе сочетания различных признаков Ж. Блондель выделяет шесть типов политических режимов. *Традиционный* политический режим функционирует в эксклюзивных и закрытых политических системах с монолитной политической элитой. *Эгалитарно-авторитарному* политическому режиму соответствует инклюзивная, но одновременно закрытая политическая система с монолитной политической элитой. *Авторитарно-бюрократические* режимы характерны для закрытых, эксклюзивных политических систем с дифференцированной политической элитой. *Авторитарно-неэгалитарный* режим функционирует в закрытых, инклюзивных политических системах с дифференцированной элитой. Политический режим, характерный для открытых эксклюзивных политических систем, Ж. Блондель определяет как *конкурирующую олигархию*, а для открытых инклюзивных политических систем — как *либеральную демократию*. Структура политической элиты в обоих этих случаях, по мнению Блонделя, не имеет принципиального значения.

Предлагая свои классификации типов политических режимов, политологи нередко использовали и используют критерии социально-экономического, идеологического и иного характера. Сегодня в научной литературе рассматривается множество переходных и гибридных разновидностей политических режимов (см. главу XIX). В современной политологии признается неизбежность существования целой палитры конкретных форм политических режимов, при этом все политические режимы подразделяются на три большие группы: тоталитарные, авторитарные и демократические. Каждый из выделенных типов обладает своими особенностями организации власти, своей структурой и функционированием соответствующих этим режимам политических систем.

§ 2. Теоретические концепции и исторические формы демократии

Результатом так называемой «третьей волны» глобальной демократизации, прокатившейся по миру на рубеже XX и XXI вв. (см.

главу XVII), стало то, что значительная часть политических режимов, функционирующих в современных государствах (хотя далеко не во всех), относится к числу демократических. Сам термин «*демократия*» является одним из часто употребляемых политических терминов. В прямом переводе с древнегреческого языка он означает *власть народа* или, иначе говоря, *народовластие, народоправство*. Первоначально имевший отношение лишь к способу организации государственной власти, термин *демократия* стал впоследствии обозначать способ функционирования других политических институтов и структур, находящихся за пределами самой политической сферы. Сегодня часто можно встретиться с такими понятиями, как «внутрипартийная демократия», «профсоюзная демократия», «экономическая демократия», «социальная демократия», «промышленная демократия» и т. д.

В современном, расширительном значении термин «демократия» означает такой способ функционирования любой организации, социального института, сферы общественной жизни, при котором, во-первых, соблюдается принцип равенства всех, кто имеет отношение к этим структурам и сферам, а, во-вторых, решения в них принимаются на основе волеизъявления большинства.

В зависимости от того, каким образом возможность большинства влиять на принятие решения реализуется, демократия подразделяется на *прямую, плебисцитарную* и *представительную*. Прямая демократия предусматривает участие в принятии решений всех заинтересованных лиц путем непосредственного общения и обмена мнениями. Примерами прямой демократии являются общее собрание или митинг. Плебисцитарная демократия выражается в одобрении или отклонении какого-либо вопроса, вынесенного на референдум. В отличие от прямой демократии, при плебисцитарной процесс обсуждения предполагаемого решения и его принятие разводятся по времени. Причем в обсуждении реально имеет возможность принять участие незначительное меньшинство тех, от кого решение зависит. Принимается же решение всеобщим голосованием тех, кого оно касается. 12 декабря 1993 г. в Российской Федерации проходил референдум по принятию новой конституции. В обсуждении самой Конституции участвовал узкий круг политических и общественных деятелей, юристов, политологов, социологов, других специалистов. Большинство граждан России самого текста Конституции, скорее всего, полностью даже не читали. Но именно они участвовали в референдуме и большинством голосов принимали

данную Конституцию. Представительная демократия предполагает делегирование гражданами своего права на принятие решений отдельным лицам или специально приспособленным для этого выборным структурам — от органов местного самоуправления до общенациональных парламентов.

Демократия — это весьма старый общественный институт. Можно сказать, что этот феномен старше института государственной власти. Историческая наука отмечает, что еще до возникновения первых государств существовали такие формы демократии, как «племенная» и «военная». Сам же термин «демократия» появился в Древней Греции, где также возникла и первая классическая форма демократического режима. Античная демократия связана с феноменом города-государства, полиса (от греч. *polis* — город), и поэтому часто называется «полисной». Полисная демократия основывалась на политическом участии всех свободных коренных граждан каждого города-государства и носила преимущественно прямой характер. Демократические режимы древнегреческих полисов были слабо институционализированы и не имели стабильного характера. Античные политические мыслители, в том числе Платон и Аристотель, довольно скептически относились к полисной демократии. Они отметили тенденцию к перерождению демократических режимов в то, что впоследствии было названо *охлакратией* (от греч. *ochlos* — толпа и *kratos* — власть), то есть властью толпы. Демократии как несовершенному способу организации власти Платон и Аристотель противопоставляли модели, которые они считали оптимальными: Платон — утопический проект идеального государства, Аристотель — афинскую политику (см. главу I), вбирающую в себя достоинства всех политических режимов, включая и саму демократию. Близкие к полисному типу формы демократии сохранились и после падения древнегреческой цивилизации. Примеры подобных форм можно найти в республиканский период истории Древнего Рима, а позднее этому типу соответствовала модель городского самоуправления в средневековой Европе. До включения в состав Московского государства подобная модель существовала и в древнерусских феодальных республиках — Новгороде и Пскове.

Новый этап в истории демократии наступил в эпоху Просвещения. Если до этого демократические формы политического устройства развивались стихийно, а политическая мысль лишь постфактум фиксировала их, то теперь теоретические концепции стали оказывать определяющее воздействие на политическую практику.

Двумя основными концепциями демократии, сформировавшимися в политической мысли эпохи Просвещения к концу XVIII в., стали *либеральная* и *коллективистская*.

Для *либеральной* концепции демократии был характерен примат прав индивида над правами государства. Главная задача демократии — обеспечение личной свободы граждан, необходимой им для полной реализации своих интересов. Демократия с точки зрения либеральной концепции охватывает лишь политическую сферу и ограничивается формальным, правовым равенством граждан. Демократическое правление должно быть четко институционализированным с преобладанием представительных институтов власти. В классической либеральной концепции демократия рассматривается не столько как власть большинства, сколько как гарантия индивидуальной и групповой автономии и свободы. Государство же является неизбежным злом, которое надо терпеть там, где оно неизбежно — в обеспечении общественного порядка и безопасности граждан. Но государство не должно вмешиваться в сферу их частных интересов, оно должно находиться под контролем граждан общества. Для того чтобы ограничить опасность для частных свобод граждан, потенциально исходящую от государственной власти, она должна быть разделена, причем каждую из ее ветвей — законодательную, исполнительную и судебную — следует сделать противовесом друг для друга.

Основоположителем *коллективистской* концепции демократии можно считать французского философа и политического мыслителя Ж.-Ж. Руссо. Он возвращается к изначальной трактовке демократии как власти народа. В отличие от либеральной доктрины в концепции Руссо приоритет отдается не правам отдельного индивида, а правам всего народа как коллективного целого. Индивидуальные права человеку не нужны, поскольку демократическое государство, выражая интересы всего общества, одновременно заботится и о благе каждого из его членов. Народ, по мнению Руссо, есть коллективное существо, обладающее полным суверенитетом. Поэтому демократия может иметь только прямой характер. Оппозиции в условиях предложенной Руссо модели демократии не может существовать, поскольку не может быть частных интересов, расходящихся с интересами народа как коллективного целого. Данный постулат стал предпосылкой возникновения изобретенного якобинцами в годы Великой Французской революции термина «враг народа». Все, кто выступал против революционной власти, стали объяв-

ляться «врагами народа», поскольку сама власть, с точки зрения якобинцев, выражала его коренные интересы. Руссо чувствовал, что политическое равенство противоречит социально-экономическому неравенству, и призывал, по возможности, ограничить последнее.

Первые опыты демократизации политической жизни стран Западной Европы и Северной Америки осуществлялись на основе либеральной концепции. При этом, как правило, верх брало «правое» крыло либерализма. Правые либералы стремились разрешить имманентно присущее классическому либерализму противоречие между равенством и свободой в пользу свободы (см. главу IV). Первые демократические системы строились так, чтобы гарантировать права и свободы привилегированных слоев населения. Демократия носила ограниченный, цензовый характер, к тому же ей сопутствовала присущая начальному этапу развития капитализма усиливающаяся социальная дифференциация и острое экономическое неравенство. Неудивительно, что социалистические и коммунистические идеологические течения наряду с критикой капитализма содержали и критику либеральной модели демократии. Этой модели противопоставлялись теоретические модели, по сути, исходящие из концепции коллективистской демократии Ж.-Ж. Руссо. Подобное можно увидеть и в марксизме, по-новому трактовавшем взаимоотношения диктатуры и демократии. Особенно ярко новый подход был выражен у В. Ленина, который провозгласил диктатуру пролетариата «высшим типом демократии».

Для В. Ленина вообще была характерна своеобразная трактовка демократии, в которой он видел в первую очередь инструмент ликвидации «пережитков феодализма», таких как помещичье землевладение, религия, а уже во вторую очередь — тип политического режима. Ленин полагал, что демократия как политический режим всегда имеет классовый характер, и поэтому буржуазная демократия является лишь формой классового господства буржуазии. В последующем ленинские идеи о классовой демократии в их сталинской интерпретации были положены в основу политического устройства Советского Союза и других социалистических стран. Политический режим, утвердившийся там с 50-х гг. XX в., принято называть «социалистической демократией». В СССР после принятия в 1936 г. «сталинской» Конституции, а также в других социалистических странах формально соблюдались многие демократические правила и процедуры: созданы институты представительной власти, регулярно проводились выборы не только депутатов советов

разного уровня, но и «народных» судей. Однако в своей основе теория и практика социалистической демократии продолжили традиции коллективистской демократии Ж.-Ж. Руссо. В частности, не допускалось любое идеологическое или политическое инакомыслие, всякое проявление оппозиционности по отношению к правящей партии пресекалось в зародыше. В чем-то теория социалистической демократии и практика ее реализации были более последовательными, чем изначальная концепция Руссо, поскольку новое политическое устройство формировалось на принципиально новом социально-экономическом фундаменте — полном уничтожении частной собственности как главного источника существования частных интересов. В реальной действительности социалистическая демократия была не чем иным, как одной из разновидностей политического режима тоталитарного типа (см. § 4 данной главы).

На протяжении XIX и в начале XX в. в странах Запада шло становление и эволюция политических режимов, основанных на либеральной концепции демократии. Постепенно преодолевались присущие ее изначальному варианту недостатки и ограничения. Например, возрастал уровень политического участия широких слоев населения, шло становление политических партий и развитие партийных систем, снимались цензовые ограничения и расширялись избирательные права граждан. Практически во всех государствах Западной Европы и Северной Америки утвердились институты представительной, парламентской демократии. Но экспансия демократических принципов «вглубь» и «вширь» одновременно вела к разочарованию определенной части политической и научной общественности в демократии как некоем идеальном типе политического режима.

В частности, подобные настроения нашли свое выражение в процессе становления политологии как самостоятельной научной дисциплины. М. Вебер, например, выразил неодобрение существовавшим процедурам и институтам парламентской демократии. Даже в стране классического парламентаризма, в Англии, по мнению Вебера, налицо было отчуждение между большинством народа и властью. В парламенте доминировали интересы олигархических группировок, а исполнительная власть во многом была отдана на откуп бюрократии, функционировавшей без должного общественного контроля. В противовес существовавшим моделям демократического устройства М. Вебер предложил собственную *плебисцитарную концепцию демократии*. Эта концепция была основана на

синтезе разработанных самим Вебером идеальных типов легально-рационального и харизматического легитимного господства (см. главу III). По сути, Вебер отошел от классического либерального принципа разделения властей. Главной ветвью власти в его концепции становится исполнительная власть во главе с политическим лидером, наделенным широкими полномочиями. Такие полномочия глава государства получает в результате всенародного избрания. Время от времени лидер, у которого подразумевается наличие харизматических черт, «через головы» депутатов и чиновников обращается к массе избирателей, вынося наиболее важные вопросы на всенародный референдум. Между референдумами, а также другими актами всенародного волеизъявления глава государства действует по своему усмотрению в рамках предельно широких полномочий и до тех пор, пока он пользуется беспорной поддержкой граждан. Формулируя свои предложения, Вебер исходил из постулата устарелости традиционалистского абсолютизма и несовершенства формировавшегося парламентаризма. В реальности положения его концепции нашли воплощение в политической практике авторитарных и тоталитарных режимов XX в.

Параллельно с М. Вебером отрицательное отношение к реально сложившимся формам демократии выразили классики теории политической элиты Г. Моска, В. Парето и Р. Михельс. Они отрицали общепринятое представление о демократии как о «власти народа», указав, что в любой политической системе власть принадлежит узкой группе людей — элите. Более того, Р. Михельс сформулировал знаменитый «железный закон олигархии», в соответствии с которым идеал всеобщего политического и социального равенства принципиально недостижим. В любой, даже самой демократической по своему устройству системе или организации всегда выделяется элитарная группа, узурпирующая всю полноту власти (см. главу VI).

Впоследствии противоречие между теорией элиты и теорией демократии попытался снять работавший в США австрийский экономист и социолог Й. Шумпетер. В вышедшей в годы Второй мировой войны книге «Капитализм, социализм и демократия» Шумпетер предложил понимать под демократией такой политический режим, при котором народ имеет право выбора между конкурирующими группировками политической элиты. По мнению Шумпетера, для успешного функционирования демократических политических режимов необходимы следующие условия:

- ✦ во-первых, наличие групп достаточно подготовленных профессиональных политических деятелей, которых можно избирать на важнейшие государственные должности;
- ✦ во-вторых, институты государственной власти должны принимать решения, которые народ способен хорошо понять и высказать свое отношение к ним, иначе легитимность принятых решений будет невысока и возникнет угроза для стабильности политического режима;
- ✦ в-третьих, наличие хорошо организованной и квалифицированной бюрократии, способной лучше справляться с задачами государственного управления, чем дилетанты из числа непрофессионалов, причем прекрасным источником для рекрутирования корпуса чиновников Й. Шумпетер считал средние социальные слои общества;
- ✦ в-четвертых, демократический самоконтроль, рационально осознанная потребность в добровольном самоограничении, понимание и принятие приоритета общих ценностей и общественных интересов, являющиеся элементом политической культуры.

Идеи Й. Шумпетера легли в основу *элитарной концепции демократии*, получившей распространение после Второй мировой войны. В этот же период получили известность концепции *плюралистической* и *партиципаторной* демократии. Концепция *плюралистической демократии* вобрала в себя идеи одного из отцов-основателей США, Дж. Мэдисона, и основоположника теории заинтересованных групп А. Бентли. В политологической науке XX в. концепцию плюралистической демократии разрабатывали такие политологи, как Б. Гросс, В. Корнхаузер, Г. Ласки, Н. Полсби, Д. Трумэн. Первоначально сторонниками данной концепции были Р. Даль и И. Линдблом.

Концепция *плюралистической* (от лат. *pluralis* — множественный) демократии, так же как и праволиберальная теория начала XIX в., утверждала приоритет прав и свобод человека. Лучшей гарантией защиты прав и свобод человека является отсутствие угрозы монополизации власти. С этой точки зрения конкуренция различных групп интересов в борьбе за влияние на государственную власть может дать такую гарантию. Именно группы, а не отдельные индивиды, простые граждане становятся главными субъектами политического процесса. В соответствии с концепцией плюралистической демократии политическая система должна обеспечить баланс сил

между конфликтующими экономическими, профессиональными, религиозными, этническими и другими группами и организациями. При этом роль государства не должна быть значительной, поскольку его главная функция — примирять различные интересы, проявляющиеся в обществе. В концепции плюралистической демократии признается классический постулат о разделении властей, но он дополняется идеей *диффузии власти*. Суть этой идеи состоит в том, что в современных политических системах, в частности в США, власть «рассеивается» по вертикали и по горизонтали, а именно: между федеральным центром и отдельными штатами (по вертикали), между различными группами интересов (по горизонтали).

С концепцией плюралистической демократии тесно связана концепция *неокорпоративизма*. В целом под корпоративизмом понимали и понимают еще одну, наряду с лоббизмом, форму представительства групповых интересов. Возникновение термина корпорация (от лат. *corporatio* — объединение) восходит к периоду средневековья. Первыми корпорациями можно считать цеха средневековых ремесленников, стремившихся отстаивать общие интересы представителей какой-либо профессии. В современной политологии под корпорацией понимают институционализированную замкнутую группу, выполняющую определенные экономические, административные, военные, а иногда и политические функции и параллельно отстаивающую и защищающую интересы своих членов. Корпорация располагает определенными ресурсами, обеспечивающими ее существование и деятельность, а также имеет жесткую иерархическую структуру. Реально власть в корпорации принадлежит узким элитным группам, иногда и индивидам. Внутрикorporативные интересы строятся на принципах лояльности и личной преданности.

Корпоративизм означает такую систему организации представительства групповых интересов в определенной общественной сфере, при которой монопольное право на это представительство получает от государства какая-либо корпоративная структура. Взамен государство получает право контроля деятельности корпораций, включая контроль над формированием их руководящих органов, выдвижением лидеров, формулированием корпоративных требований. Долгое время принципы корпоративизма считались несовместимыми с демократией. В частности, наиболее известная попытка практической реализации идей корпоративизма связана с фашистской Италией, где было создано «корпоративное государство». Однако в середине 70-х гг. XX в. в политологии формируется концепция

неокорпоративизма, в которой корпоративный принцип представительства интересов вполне вписывается в модель плюралистической демократии. Примером служили системы социального партнерства, сложившиеся во многих странах Западной Европы. Подобные системы предполагают постоянное сотрудничество в следующем формате: государство — ассоциации предпринимателей — профсоюзы. В ходе такого сотрудничества участники, представляющие различные общественные интересы, согласовывают между собой основные параметры социально-экономической политики. Отличие неокорпоративизма от прежнего корпоративизма, с точки зрения сторонников соответствующей концепции, заключается в том, что государство не вмешивается во внутренние дела корпораций, поэтому неокорпоративизм — это демократическая система представительства групповых интересов, имеющих в каждом обществе.

Большинство сторонников концепции плюралистической демократии были политологами правоконсервативной ориентации. Своеобразной «левой» альтернативой концепции плюралистической демократии в политической науке последних десятилетий XX в. стала концепция *партисипаторной* демократии или, говоря иными словами, «демократии участия». Эта концепция представлена в работах западных политологов Б. Барбера, Дж. Вольфа, Ф. Грина, К. Макферсона, Дж. Мэнсбриджа, а также в поздних работах Р. Даля.

В отличие от авторов концепции элитарной демократии, полагающих, что основная масса людей не способна принимать рационально осознанные решения, сторонники концепции партисипаторной демократии считают, что человек — разумное существо, понимающее разницу между добром и злом, представляющее, в чем состоит личное и общественное благо. Народные низы часто не обладают необходимыми знаниями и умениями для активного политического участия, но это вполне поправимо. Следует формировать политическую культуру, вовлекать массы в различные доступные им формы политической деятельности. Авторы концепции партисипаторной демократии опираются на первоначальное понимание демократии как власти, отражающей волю большинства народа. По мнению политологов, чем выше политическая активность граждан, тем выше уровень легитимности политической системы. Особое внимание они уделяют проблеме участия населения в выборах на разном уровне, поэтому предлагают различные способы повышения электоральной активности граждан.

Авторы концепции партисипаторной демократии считают важным добиваться непосредственного влияния населения на принятие политических решений, поэтому они призывают развивать институты прямой демократии. Понимая, что на всех уровнях современных сложных политических систем внедрение прямой демократии технически невозможно, политологи предлагают развивать прямую демократию в нижних звеньях политической системы, а на более высоких исходить из принципов делегирования полномочий представительным органам власти. Сторонники партисипаторной демократии отмечают, что принятие разрабатываемых ими комплексов мер способно преодолеть негативные тенденции действия «железного закона олигархии» и предотвратить узурпацию и монополизацию политической власти узкими элитарными группировками.

Новые теоретические концепции демократии и в начале XXI в. продолжают разрабатываться в политической науке. В частности, предлагаются различные варианты теоретических моделей *электронной демократии*, которая, по мнению авторов таких моделей, лучше соответствует реалиям современного информационного общества.

При всем многообразии теоретических концепций демократии можно отметить, что сегодня в политологии существует консенсус по вопросу о том, какие черты должны быть присущи политическим режимам демократического типа. Структура демократической политической системы должна соответствовать принципу разделения властей при определяющей роли институтов парламентской демократии. Государство должно гарантировать всю полноту прав и свобод, и граждане должны иметь возможность пользоваться ими на практике. Все органы и ветви власти сверху донизу должны формироваться на основании результатов свободных и соревновательных выборов. В соответствии с принципами политического плюрализма должны быть созданы условия для свободного существования и деятельности различных политических партий и групп интересов. Политическая конкуренция предполагает наличие оппозиции, имеющей право на свободную деятельность в рамках закона.

Сегодня делаются попытки выработать математически формализованные критерии измерения степени демократичности того или иного конкретного политического режима. Однако в оценках уровня развития демократических институтов нередко проявляются субъективные подходы. Вместо структурных характеристик политических систем отдельных стран в расчет принимаются факторы

геополитического порядка. Такой подход характерен, например, при оценке итогов демократического транзита в странах Восточной Европы и в республиках бывшего СССР (см. главу XVII).

§ 3. Авторитаризм как тип политического режима

Авторитаризм (от лат. *autoritas* — власть, влияние) как в прошлом, так и сегодня остается преобладающим типом политического режима во многих регионах мира. Он является политическим режимом, соответствующим классическим представлениям о диктатуре, и его корни уходят в глубь веков.

В современной политологии принято выделять следующие основные черты авторитарных политических режимов:

1) политическая власть принадлежит либо одному человеку, либо узкой группе лиц, например военной хунте;

2) власть на практике ничем не ограничена и неподконтрольна рядовым гражданам, хотя могут соблюдаться установленные самой же властью законы, то есть формально такой политический режим функционирует на легальной основе;

3) власть опирается на силовые ресурсы и силовые методы управления, причем массовые репрессии могут и не осуществляться систематически, главное, что репрессии возможны, и это постоянно подчеркивается и демонстрируется;

4) отсутствует реальная политическая конкуренция; существование оппозиции в ряде случаев допускается, но она не имеет шансов законным путем прийти к власти; политические партии, общественные движения и организации либо вообще отсутствуют, либо находятся под контролем власти;

5) не осуществляется полный контроль со стороны государственной власти за неполитическими сферами общества и частной жизнью граждан; власть вмешивается в экономику от случая к случаю и не видит в этом своей главной задачи; основную задачу авторитарный режим видит в обеспечении собственной безопасности и общественного порядка, в реализации других традиционных функций государства в области внутренней и внешней политики;

6) политическая элита рекрутируется преимущественно путем кооптирования при отсутствии реальной конкурентной борьбы;

7) отсутствует активное политическое участие граждан; для авторитарной власти достаточно внешней лояльности или отсутствия открытого сопротивления; однако это не мешает некоторым авторитарным режимам организовывать политическую мобилизацию масс на выполнение стоящих перед ними задач.

Итак, авторитаризм представляет собой такой тип политического режима, который характеризуется неограниченной властью одного человека или узкой группы лиц, не допускающей открытой политической оппозиции, но сохраняющей автономию личных и общественных интересов в неполитической сфере.

Для стран, в которых существует авторитарный режим, как правило, характерен подданныческий тип политической культуры (см. главу V). Это обуславливает низкую политическую активность населения и создает предпосылки для спокойного и стабильного функционирования авторитарных режимов. Для своей легитимации авторитарная власть может широко использовать религию, националистические и патриотические лозунги, а также различные идеологические концепции. Однако идеологии, на которые опираются авторитарные лидеры, носят чаще всего эклектический характер и не играют такой же важной роли, как в условиях тоталитарных режимов.

Как показывает политическая практика, авторитарный режим может существовать при самых различных формах организации государственной власти — от абсолютной монархии до парламентской республики. В условиях авторитаризма могут решаться самые различные задачи — от сохранения существующих общественных устоев до их радикальной трансформации.

Амбивалентны авторитарные режимы и с точки зрения их партийной структуры. При авторитарном политическом режиме власть может быть монополизирована одной правящей партией, более того, партия вообще может быть единственной в однопартийной системе. Иногда допускается существование других, подконтрольных официальной власти партий и поэтому не способных выполнять задачи оппозиционной силы. Авторитарный режим может и совсем обходиться без политических партий, во всяком случае, они не играют такой роли, как при тоталитаризме. Главным политическим институтом любой авторитарной системы всегда остается государство.

Средства массовой информации подвергаются государственной цензуре. Их роль в условиях авторитаризма, особенно в экономически слаборазвитых странах, крайне низка.

При авторитарном политическом режиме могут проводиться выборы на разных уровнях политической системы, включая и выборы главы государства. Выборы могут носить даже конкурентный характер, то есть в случае мажоритарной избирательной системы к участию в них допускаются несколько кандидатов, претендующих на одно место, при пропорциональной избирательной системе — несколько партийных списков (см. главу XII). Однако такие выборы не бывают свободными и справедливыми. Власти контролируют и регулируют выдвижение кандидатов и партийных списков, а сами участники избирательного процесса поставлены в неравные условия. Результаты выборов могут подтасовываться и фальсифицироваться по усмотрению властей. Такова была практика проведения выборов в Португалии, Турции, Южной Корее, многих странах Латинской Америки в период существования там авторитарных политических режимов.

Авторитарные политические режимы не являются однородными ни с точки зрения присущих им политических систем, ни с точки зрения характера политического лидерства, ни с точки зрения целей, которые они перед собой ставят. В современной политологии выделяют несколько типов авторитарных политических режимов: *традиционные, охлократические, военные, бюрократические и популистские.*

Традиционные авторитарные режимы существуют в странах, не переживших в полной мере политической модернизации. В качестве примера можно назвать некоторые монархические государства Ближнего Востока, в частности крупнейшего экспортера нефти — Саудовскую Аравию. Эти страны и сегодня остаются абсолютной теократической монархией. Глава государства и духовный лидер страны — король, одновременно он занимает посты премьер-министра и главнокомандующего вооруженными силами. Правительство состоит исключительно из членов королевской семьи. Архаичная структура политической системы Саудовской Аравии сложилась в момент образования этого государства в 1926 г. (нынешнее название принято в 1932 г.), когда основную часть населения страны составляли бедуины, занимавшиеся примитивным кочевым скотоводством и жившие в условиях традиционного общества (см. главу XV). С тех пор благодаря огромным доходам от экспорта нефти Саудовская Аравия радикально изменилась с точки зрения ее технологической и экономической инфраструктуры, но не пережила существенной политической модернизации. В этой

стране никогда не было, нет и сейчас представительных органов власти, до 2005 г. не проводились выборы даже на муниципальном уровне. Лишь в 1993 г. был создан Консультативный совет, членов которого назначает сам король. В Саудовской Аравии запрещена деятельность не только политических партий, но и профсоюзов. Здесь существуют только лояльные властям религиозные организации. Репрессивный аппарат жестко пресекает и преследует любые проявления оппозиционности, независимо от того, вдохновляются ли они светскими идеологиями или исламским фундаментализмом. Коренное население Саудовской Аравии имеет широкий доступ ко многим социальным благам, например бесплатному образованию, но в целом проблема прав и свобод человека властями полностью игнорируется, а иностранцы и особенно иноверцы подвергаются открытой дискриминации.

Охлократические режимы возникают тогда, когда отдельные индивиды или группы лиц узурпируют власть для собственного обогащения, а затем для сохранения накопленных богатств и связанных с этим привилегий. Один из ярких примеров охлократического авторитарного режима дает политическая история Филиппин. Придя к власти в 1965 г. в результате президентских выборов, Ф. Маркос сохранял ее вплоть до 1986 г., нередко прибегая к такой мере, как введение чрезвычайного положения. Сам Маркос, члены его семьи и их ближайшее окружение использовали все имевшиеся в их распоряжении средства и способы для обогащения. В результате личный капитал Ф. Маркоса достиг нескольких миллиардов долларов, а его супруга стала обладательницей самой большой в мире коллекции дамских туфель. Однако самим Филиппинам государственная деятельность Маркоса не принесла процветания, и он был свергнут в результате военного переворота.

Военные перевороты были во второй половине XX в. весьма распространенным явлением в странах так называемого третьего мира. Особенно часто они происходили в странах Латинской Америки, поэтому испанское слово «хунта» (от исп. *junta* — объединение, союз) вошло во многие языки мира и стало обозначать военную диктатуру. Военные, как правило, отменяют существующие законы или приостанавливают их действие, вводят чрезвычайные методы управления. Запрещается или приостанавливается деятельность политических партий и общественных организаций. Таким образом, военное правление создает все необходимые условия для функ-

ционирования авторитарного режима. Однако часто военная форма авторитаризма не может быть долговечной, поскольку невозможно надолго сосредоточить в одних руках политические, административные и исключительно военные функции. Со временем военные либо «уходят в казармы», передавая власть гражданским лицам, либо сами превращаются в них, снимая офицерские и генеральские мундиры. При этом, как правило, армия остается главной опорой авторитарной власти. Направление эволюции военного режима зависит от того, на каких идеях он базируется и какие цели перед собой ставят его лидеры.

Очень часто на смену власти военных приходит авторитарный режим *бюрократического* типа. В условиях отсутствия демократических институтов и процедур происходит бюрократизация правящей элиты, в составе которой могут быть и технократы, способные решать задачи социально-экономического развития. Так было, например, в Испании в последние десятилетия существования режима генерала Франко или в Чили, где военная хунта во главе с генералом Пиночетом после переворота 1973 г. привела к управлению группу экономистов, осуществивших ряд первоначально представлявшихся эффективными, но впоследствии приведших к неоднозначным результатам реформ. Например, пришлось отказаться от созданной в те годы системы пенсионного обеспечения.

Весьма распространенными разновидностями авторитарных режимов в странах Азии, Африки и Латинской Америки были режимы *популистского* типа. Одним из признаков такого режима является наличие харизматического политического лидера. Во второй половине XX в. харизматические лидеры часто приходили к власти под радикальными антизападными и левонационалистическими лозунгами. Они заявляли о намерении «бороться с империализмом и строить социализм». Популистские режимы не всегда имели чисто левую ориентацию, например в Аргентине или Бразилии, но всегда апеллировали к народным низам, к «простому человеку». Для авторитарных популистских режимов свойственно использовать различные способы и формы политической мобилизации народных масс, но при этом не допускать несанкционированной властями активности. Авторитарные режимы подобного типа могут создавать массовые политические партии и общественные движения, но, охватывая почти все взрослое население страны, такие структуры остаются аморфными и недееспособными. Примером такой партии была Партия народного конвента в Гане во

времена президента Кваме Нкрумы или Арабский социалистический союз в Египте при президенте Г. А. Насере.

Иногда популистские авторитарные режимы приобретают весьма своеобразные, даже экстравагантные формы. Ливийский лидер М. Каддафи, пришедший в 1969 г. к власти в результате военного переворота, вначале стремился копировать египетский опыт. Затем, на основе выработанной самим Каддафи «третьей мировой теории», в Ливии произошло коренное реформирование политической системы. В 1977 г. страна была провозглашена Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирией. Официально были упразднены государство («Джамахирия» означает «правление народных масс») и такие его институты, как правительство и парламент в их классическом виде. Была ликвидирована партия Арабский социалистический союз, а на все остальные партии запрет наложили еще раньше. В Ливии фактически была создана новая политическая система, состоящая из «народных собраний» и «народных комитетов» разного уровня. Во главе пирамиды власти стоят Всеобщий народный конгресс, выполняющий функции законодательного органа, и Высший народный комитет, выполняющий функции правительства. Роль министерств играют так называемые «главные народные комитеты». Сам Каддафи не занимает никаких официальных государственных постов, а носит титул «лидера революции».

Авторитарные режимы могут трансформироваться в демократические или в тоталитарные, их эволюция может осуществляться и в направлении от одной разновидности авторитаризма к другой. Так произошло в крупнейшей стране Юго-Восточной Азии — Индонезии. В политической истории этой страны можно найти примеры почти всех известных типов авторитарных режимов. После обретения независимости в 1945 г. Индонезию возглавил популярный деятель национально-освободительного движения Сукарно. В 50-х гг. XX в. он сосредоточил в своих руках основные рычаги политической власти. Умело маневрируя и балансируя между различными политическими силами, Сукарно удалось создать своеобразную систему «направляемой демократии», основанную на принципах НАСАКОМ (сотрудничество националистов, мусульман и коммунистов). Фактически в Индонезии сложился авторитарный режим популистского типа. Несмотря на постоянные экономические проблемы в стране, Сукарно долго сохранял свою популярность среди массы населения. Он умело переключал недовольство людей на внешних врагов — империализм и неокOLONиализм.

Между тем в Индонезии нарастало противостояние между армией, с одной стороны, и массовой и влиятельной коммунистической партией, с другой. Это противостояние завершилось событиями 30 сентября 1965 г., в ходе которых вслед за провалом попытки левого переворота к власти пришли правоориентированные военные во главе с генералом Сухарто. Коммунистическая партия была запрещена, а тысячи ее членов и сторонников физически уничтожены. Президент Сукарно был лишен реальных полномочий и спустя несколько месяцев полностью отстранен от власти. Военный режим сохранил некоторые из прежних политических партий, поставил их деятельность под контроль. Главную свою опору «новый порядок» (так он официально назывался) видел в армии. Одновременно военные создали свою структуру ГОЛКАР (комитет функциональных организаций), позволявшую им налаживать взаимосвязи с различными группами населения. Со временем большинство руководителей высшего и среднего уровня ушли с действительной военной службы, и режим приобрел черты бюрократического авторитаризма. Это совпало с началом периода стабильного экономического роста, повышения жизненного уровня большинства населения страны. Но в обстановке отсутствия демократического контроля со стороны общества сложились благоприятные условия для разрастания коррупции, для личного обогащения высокопоставленных государственных чиновников.

В последние годы существования режим Сухарто можно охарактеризовать как олигархический авторитаризм. За три десятилетия бессменного правления Сухарто и члены его семьи накопили огромное состояние. Пока экономическая ситуация в стране оставалась более-менее благополучной, население мало обращало внимания на этот факт. Как только в результате азиатского финансового кризиса 1997 г. обстановка обострилась, недовольство режимом, особенно его коррумпированностью, резко возросло. В результате народных волнений Сухарто вынужден был сойти с политической арены. Период существования авторитарных режимов в Индонезии завершился, что не означало, однако, наступления политической стабильности и экономического процветания.

В 70–80-х гг. XX в. среди части политологов распространилось мнение, что авторитарные режимы могут способствовать быстрому экономическому прогрессу развивающихся стран. Появился даже термин — *авторитаризм развития*. В качестве положительного примера использования авторитарных методов технологической

и экономической модернизации назывался опыт стран Восточной Азии, таких как Тайвань, Малайзия, Сингапур, Южная Корея. Несомненно, эти страны добились впечатляющих успехов и сделали это они в условиях авторитарных политических режимов. Но главная причина экономического прогресса восточно-азиатских государств не в авторитаризме как таковом. Во всех этих странах авторитарные режимы в 50-х гг. XX в. соответствовали уровню их экономического развития и типу политической культуры. Авторитаризм обеспечил политическую стабильность, без которой вообще затруднительно экономическое развитие. Основная причина достигнутых успехов — сочетание благоприятных геополитических факторов, верно выбранной правящими элитами и лидерами этих стран стратегии развития и готовности реализовать ее на практике. Где такие условия не сложились, например на Филиппинах, не было и никаких особых экономических успехов, хотя политический режим и там носил авторитарный характер.

§ 4. Типология тоталитарных режимов

Абсолютно новым социально-политическим феноменом в первой половине XX в. стал *тоталитаризм* (от лат. *totalis* — весь, полный, целый). Суть тоталитарного политического режима заключается во всеобъемлющем контроле политической власти над всеми сферами общественной жизни, в подчинении всех личных и частных интересов целям, провозглашаемым от имени государства. Во второй половине XX в. само слово «тоталитаризм» обрело сугубо негативное значение, но первоначально его нередко толковали в позитивном смысле.

Впервые термином тоталитаризм воспользовался лидер итальянских фашистов Б. Муссолини, а вслед за ним это стали делать и идеологи его режима. Они доказывали, что тоталитаризм является лучшим вариантом политического устройства, превосходящим по своим возможностям как архаичные монархические формы, так и лживую и неэффективную либеральную демократию. Именно благодаря тоталитарному режиму, утверждали идеологи итальянского фашизма, удалось в короткие сроки навести порядок и добиться больших социальных и экономических успехов в Италии.

Постепенно термин «тоталитаризм» стал применяться не только для обозначения политического режима в фашистской Италии, но и для обозначения гитлеровского режима в Германии, а также сталинского режима в СССР. Серьезные научные исследования феномена тоталитаризма развернулись после Второй мировой войны. В политологии существуют различные подходы к определению признаков тоталитарного режима. Так, в получившей широкую известность в 50-х гг. XX в. работе К. Фридриха и З. Бжезинского «Тоталитарная диктатура и автократия» этими признаками были следующие.

1. Развернутая идеология, охватывающая все жизненно важные стороны человеческого бытия, которой, как предполагается, придерживается все население; эта идеология сфокусирована на некоем совершенном конечном состоянии общества.
2. Как правило, возглавляемая одним человеком единственная массовая партия, чье ядро безраздельно предано идеологии; партия, которая либо стоит над бюрократической государственной организацией, либо неразрывно слита с ней.
3. Система террористического полицейского контроля, поддерживающего партию и осуществляющего надзор за ней самой в интересах ее лидеров и систематически использующего при этом современную науку и особенно психологию.
4. Технологически обусловленный и почти полный контроль партии над средствами массовой коммуникации.
5. Аналогичный почти полный контроль над эффективными средствами вооруженной борьбы.
6. Централизованный контроль и руководство всей экономикой посредством бюрократической координации ее ранее независимых составных частей, как правило, распространяемый на большинство других общественных организаций и групп.

С точки зрения широко известного французского философа, социолога и политолога Р. Арона, для всех тоталитарных режимов характерны: монопольное право одной партии на политическую деятельность; идеология, получающая статус единственного авторитета, а в дальнейшем — и официальной государственной истины; применение всех средств убеждения от силового воздействия до индоктринации посредством средств массовой информации, находящихся под неусыпным контролем, для распространения этой

идеологии; подчинение государству большинства видов экономической и профессиональной деятельности; политизация и идеологизация всех сфер жизни человека и всех его прегрешений и, как заключительный аккорд, террор, одновременно полицейский и идеологический.

Известный американский исследователь Г. Спиро основными характеристиками тоталитаризма считал: приверженность одной, позитивно сформулированной цели (будь то индустриализация, расовое господство и т. д.); непредсказуемость и неопределенность, вытекающие из перманентной процедурной флуктуации; широко-масштабное использование организованного насилия военными или полувоенными формированиями и секретной полицией; усилия по подчинению или ликвидации организаций или ассоциаций, не приверженных режиму; стремление достигнуть всеобщего участия населения в общественных организациях, преданных единой цели; универсализация цели в направлении переделки всего человечества по образу и подобию самой тоталитарной системы.

Тоталитарные политические режимы принято делить на два основных типа: правые и левые.

Правая разновидность тоталитарных политических режимов — режимы фашистского типа. Это, прежде всего, собственно фашистский режим в Италии при Б. Муссолини и нацистский режим в Германии во времена А. Гитлера. Идеино-политическую основу этих режимов составляла идеология фашизма (см. главу IV). Другой тип тоталитарных политических режимов — *левые* тоталитарные режимы. Они формировались на основе левой, коммунистической идеологии. К этому типу тоталитарных режимов первоначально относился сталинский режим в Советском Союзе, а после Второй мировой войны по его образцу и подобию появились коммунистические режимы в ряде стран Европы, Азии и Латинской Америки.

Между фашистской и коммунистической разновидностями тоталитаризма с самого начала имелось принципиальное различие, вытекающее из принципиального различия между коммунистической и фашистской идеологиями. Идеи фашизма провозглашали неустрашимость неравенства между людьми, носили крайне националистический, шовинистический, расистский характер, были ориентированы на внешнюю экспансию, захват и угнетение других стран и народов. Коммунистическая идеология — марксизм-ленинизм — провозглашала своей целью создание бесклассового коммунистического общества, где полностью будут реализованы

идеалы социального равенства и справедливости. Коммунисты делили людей не по национальному, а по социально-классовому признаку и провозглашали принципы интернациональной солидарности.

Тоталитарные режимы сформировались не в соответствии с заранее определенным планом, а под воздействием политической власти. Когда В. Ленин и большевики пришли к власти, они провозгласили скорое отмирание всякой государственной власти и всякого принуждения. На практике же большевики создали невиданную ранее модель политической системы с монопольным контролем одной партии над государством и обществом, мощным репрессивным аппаратом и пропагандистской машиной. Революционный режим, сложившийся в России сразу же после революции 1917 г., еще нельзя назвать тоталитарным, но к началу 30-х гг. XX в. он постепенно таким стал. К этому же периоду относится завершение формирования фашистской политической системы в Италии и приход национал-социалистов и Гитлера к власти в Германии. Несмотря на идеологическую несовместимость и открытую политическую враждебность, лидеры тоталитарных режимов внимательно присматривались к чужому тоталитарному опыту и нередко его заимствовали. Этим-то и объясняется определенное структурное сходство тоталитарных режимов левого и правого типа.

Причины возникновения левых и правых тоталитарных движений, а затем и тоталитарных режимов известная исследовательница феномена тоталитаризма Ханна Арендт видела в разрушении в результате потрясений, вызванных Первой мировой войной, традиционных социальных институтов и связей. По словам Х. Арендт, произошла своеобразная «атомизация» индивидов, превратившихся в аморфную и деструктурированную массу. Тоталитарные движения вбирают эту массу в себя, подчиняют ее своим целям, а затем превращают изолированные атомы в «железные винтики» (термин Мао Цзэдуна) слаженно работающей тоталитарной машины.

Тоталитарные системы, как правило, носят мобилизационный характер, так как нуждаются в постоянном привлечении ресурсов, например больших масс людей, для достижения поставленных целей. Манипулирование сознанием и поведением людей осуществляется при помощи мощного аппарата пропаганды, а также посредством принуждения и страха, то есть насилием и террором. Террор сопровождает весь процесс зарождения и становления тоталитарного режима, но на определенном этапе он превращается

в террор особого, «тоталитарного» характера. Такой террор имеет ряд отличий. Эти отличия связаны с особенностями его организации (концентрационные лагеря с миллионами заключенных, разветвленная сеть тайной политической полиции), его объектами и целями. Если обычно насилие применяют по отношению к реальным противникам, то тоталитарный террор начинается тогда, когда все реальные противники режима либо полностью уничтожены, либо не представляют для него никакой опасности. Жертвами тоталитарного террора становятся законопослушные граждане и даже активные сторонники господствующей власти. Такой террор необходим для достижения более высокой степени управляемости общества и для мобилизации населения на решение грандиозных и необычных задач.

Один из наиболее ярких примеров тоталитарного террора — это «большой террор», организованный И. Сталиным в СССР в 1937–1939 гг. Жертвами репрессий того периода стали не только бывшие участники прежних оппозиций, но и многие искренне преданные режиму и лично И. Сталину партийные и государственные функционеры и военные. На основе вымышленных обвинений пострадали сотни тысяч обычных граждан из числа рабочих, крестьян и интеллигенции. Кроме политических, репрессии преследовали и прагматические экономические цели. Поскольку ГУЛАГ превратился в крупную хозяйственную структуру, он нуждался в постоянном притоке свежей рабочей силы. Это достигалось путем широкого применения суровых наказаний за небольшие проступки (опоздания на работу, прогулы, мелкие хищения), а также путем расширительного толкования понятия «политическое преступление».

Примеры тоталитарного террора можно найти и в практике других, как левых, так и правых, тоталитарных режимов — гитлеровской Германии, Китае времен Мао Цзэдуна, Северной Кореи, Камбодже периода правления «красных кхмеров». Разница между тоталитарными режимами фашистского и коммунистического типа заключается лишь в том, что жертвами первых было преимущественно население оккупированных стран и народы, объявленные расово неполноценными, а жертвами вторых — граждане своей страны. Правда, по мере либерализации этих режимов тоталитарный террор был прекращен, а использование репрессивных мер в целом резко уменьшено.

Между фашистскими и коммунистическими режимами имелись различия и помимо несхожести их идеологических принципов.

Коммунистические режимы были более последовательны в контроле над всеми сферами общественной жизни, и прежде всего над экономикой, основу которой составляли государственная собственность и тотальное планирование. Фашистские режимы также стремились контролировать экономику и подчинять ее своим планам подготовки к войне, но до ее огосударствления они не дошли. Частная собственность сохранялась и в нацистской Германии, и в фашистской Италии, но рассматривалась она не как священное и неприкосновенное право, а как привилегия, которую следует отрабатывать, выполняя поставленные государством задачи.

Тоталитарные режимы показали свою эффективность в условиях подготовки к войне и мобилизации сил, необходимых для военных побед. В Советском Союзе, а также в ряде стран Восточной Европы и Азии тоталитарная модель организации общества способствовала выполнению задач технологической и социокультурной модернизации. Но созданная в результате такой модернизации экономическая система оказалась неэффективной. Если фашистские режимы в Германии и Италии рухнули в результате их военного поражения, то кризис коммунистических режимов в СССР и странах Восточной Европы был вызван в первую очередь экономическими причинами. Кроме того, после смерти И. Сталина большинство тоталитарных режимов сталинского типа вступили в полосу постепенной эрозии и трансформации, затронувшую разные сферы общественной жизни.

Перемены в идеологической сфере функционирования тоталитарных режимов сталинского образца лучше всего можно понять на основе уже упоминавшейся концепции политического философа Х. Арндт. С одной стороны, она соглашается с общепризнанным мнением о том, что идеология играет огромную роль в легитимации тоталитарных режимов и лежит в основе функционирования основных институтов тоталитарного общества. С другой стороны, Арндт констатирует факт выхолащивания изначальных идеологических основ и политических программ тоталитарных движений, на основе которых они приходили к власти. По ее мнению, тотальная преданность возможна и тогда, когда идейная верность пуста, лишена всякого конкретного содержания, из которого могли бы естественно возникнуть перемены в умунастроении.

Сравнивая нацистскую Германию и Советский Союз 20–30-х гг. XX в., Х. Арндт отмечает, что Гитлеру, в отличие от Сталина, было легче приспособить эклектичную нацистскую идеологию для нужд

повседневного функционирования тоталитарного режима. Сталину же приходилось иметь дело с гораздо более фундаментально научно обоснованной и концептуально разработанной идеологией марксизма-ленинизма. Но в конце концов и Сталину удалась задача сведения всей премудрости марксистской теории к собственным установкам и лозунгам, менявшимся в зависимости от «текущего момента» и обеспечивавшим необходимую степень бездумного и бессловесного подчинения тоталитарной власти.

Предпринимавшиеся после смерти Сталина в СССР и других коммунистических государствах попытки десталинизации, «возвращения к ленинизму» неизбежно расшатывали прежнюю тоталитарную систему. В связи с этим можно вспомнить и советскую «оттепель» 50–60-х гг. XX в., и «пражскую весну» 1968 г. Немалая часть диссидентов начинала свое движение к разрыву с практикой «реального социализма» с попыток обратиться к «истинному марксизму», найти ответы на волновавшие их вопросы в трудах основоположников «единственно верного учения». Наконец, и горбачевская «перестройка» начиналась с клятв в верности марксизму-ленинизму, с требований о необходимости его «очищения» от всех наследий сталинизма и творческого обновления. Это «творческое обновление» и подтолкнуло те идеологические и социально-политические процессы, которые в конечном счете привели к кризису коммунистического режима и распаду СССР, крушению «социалистического лагеря» в Восточной Европе.

На таком фоне обращает на себя внимание Северная Корея, где, несмотря на все экономические трудности, прежняя политическая система сохраняется почти в неизменном виде. Становление и развитие тоталитарного политического режима в этой стране пришлось большей частью на период после выхода в свет классического труда Х. Арндт о происхождении тоталитаризма, но полностью подтвердило ее выводы о характере и функциональных особенностях тоталитарной идеологии. КНДР поначалу была лишь одним из государств «народной демократии», возникших по советскому образцу и подобию после Второй мировой войны. Однако впоследствии, оказавшись в эпицентре конфликта между двумя коммунистическими гигантами — СССР и КНР, — руководство Северной Кореи смело освободиться как от советского, так и от китайского контроля и влияния. К 70-м гг. XX в. в КНДР сформировалась особая модель коммунистической экономической и политической системы со своей спецификой во всех сферах, включая и идеологическую.

Постепенно из документов Трудовой партии Кореи и из речей и выступлений северокорейского лидера Ким Ир Сена исчезает само понятие «марксизм-ленинизм», на смену которому приходят «идеи чучхе». Эти идеи с содержательной точки зрения представляют собой тот же примитивный сталинский «марксизм», соединенный с конфуцианской традицией и корейским национализмом, но они в большей степени соответствуют тем чертам идеологии тоталитарного режима, о которых писала Х. Арендт. У идей чучхе только один источник — работы самого «Великого вождя» Ким Ир Сена, а после его смерти — статьи и речи его же собственного сына «Любимого руководителя» Ким Чен Ира. Всякая связь с предшествовавшей марксистской традицией прервана, а труды «основоположников» давно изъяты из публичного оборота. Своеобразный идеологический механизм дополняется полной изоляцией страны (даже от «социалистического лагеря» в период его существования) и репрессивной политикой, построенной в соответствии со всеми присущими тоталитарному террору требованиями. Северокорейский режим сумел относительно безболезненно осуществить процедуру «престолонаследования» — передачу власти от отца — Ким Ир Сена — сыну — Ким Чен Иру. Кстати, это подтверждает и еще один вывод Х. Арендт о том, что при всем значении феномена личной власти в условиях тоталитаризма сам вождь является своеобразным «чиновником от масс», функционером, которого можно заменить в любое время на схожего ему политика.

Северокорейский режим остается сегодня последним заповедником тоталитаризма в его чистом виде. В других странах, где коммунистические партии сохранили власть, экономическая и политическая системы претерпели серьезные изменения по отношению к первоначальному сталинскому образцу. В Китае и Вьетнаме осуществились рыночные реформы в экономике, ускорившие экономический рост. Постепенно, хоть и медленно, происходят сдвиги в политической и идеологической сферах. Определенные тенденции к переменам наметились в последнее время и на Кубе.

Контрольные вопросы и задания

1. Дайте определение политического режима.
2. Какие существуют типологизации политических режимов?

3. Охарактеризуйте основные черты тоталитарных политических режимов.
4. Чем авторитарные режимы отличаются от тоталитарных?
5. Приведите примеры разных видов авторитарных режимов.
6. Какие исторические формы демократии вы знаете?
7. Дайте сравнительный анализ основных теоретических моделей демократии.
8. Какой тип политического режима характерен, по вашему мнению, для современной России?

ГЛАВА X

Государство

как политический институт

---

§ 1. Сущность и происхождение государства

Важнейшим элементом политической системы является государство. Сам термин «*государство*» сегодня используется в нескольких значениях. Объектом изучения современной политической науки выступает государство как *институт публичной власти, призванный регулировать общественные отношения на определенной территории*. Понятие «государство» тесным образом связано с понятиями «страна» и «общество». Под страной понимается территория, обладающая границами и пользующаяся государственным суверенитетом. Под обществом же понимается социальная организация населения страны. Понятия «государство», «общество» и «страна» могут совпадать по своему объему, но они различаются по содержанию.

Государство обладает рядом признаков, которые отличают его от других социальных и политических институтов. Важнейшим признаком государства является наличие собственной территории. Государство как политический институт не может существовать, если не определены территориальные пределы, до которых распространяется его власть. Этим государственная форма организации общественной жизни отличается от предшествовавшей ей родоплеменной формы организации. Например, племя могло вести

кочевой образ жизни и не иметь какой-либо собственной постоянной территории.

Вторым общим признаком государства является наличие своего постоянного населения. Без людей нет общества, общественных отношений и, следовательно, нет главного условия существования любого государства. Население всякого государства состоит из разных категорий — собственных граждан, иностранцев и лиц без гражданства. Хотя с государством как с политическим институтом состоят в прямой и непосредственной взаимосвязи только лица, относящиеся к первой категории, его регулирующая роль распространяется на все отношения, в которых участвует каждый человек, находящийся на его территории.

Кроме вышеназванных базовых признаков, государство как политический институт имеет и специфические признаки.

1. *Публичность* означает, что государственная власть отделена от других видов власти, существующих в обществе, а ее носители и представители являются не частными лицами, а людьми, исполняющими общественно значимые функции.
2. Наличие *суверенитета* означает следующее: верховенство государства на его территории или, иными словами, безусловное признание примата государственной власти над всеми остальными видами власти в обществе; полная независимость и самостоятельность государства в международных делах, ограниченная лишь его обязательствами, вытекающими из международного права. Концепцию суверенитета впервые в истории политической мысли обосновал Ж. Боден.
3. Вытекающее из *верховенства государства право государства издавать законы и постановления*, обязательные к выполнению всеми физическими и юридическими лицами, находящимися на его территории.
4. Монопольное *право на легальное использование силы*, разных способов физического принуждения. Прибегать к использованию силы в общественной жизни и в политике могут не только люди, находящиеся на государственной службе, но любая вооруженная группа, не подконтрольная и не подчиненная государству, — это либо криминальная банда, либо незаконное вооруженное формирование, что в обоих случаях предусматривает уголовную ответственность. Частные лица могут владеть личным оружием на основе разрешения, выдаваемого государственными органа-

ми. Существуют пределы для использования частными лицами вооруженных средств. Так, нести на себе какое-либо вооружение имеют право лишь государственные морские и воздушные суда. Вооруженный корабль, не принадлежащий государству, в открытом море рассматривается как пиратское судно, к которому могут быть применены предусмотренные международным правом санкции.

5. *Право сбора налогов и других предусмотренных законом денежных сборов*, имеют только лица, находящиеся на службе у государства. Поэтому деятельность налогового инспектора является законной, а схожая по внешней форме деятельность рэкетира — это уголовно наказуемое преступление. Сбор налогов, таможенных пошлин и т. д. является условием существования любого государства и выполнением присущих ему функций. Литературный герой И. Ильфа и Е. Петрова Остап Бендер занимался мошенничеством, когда собирал плату за вход в «Провал» в Пятигорске.
6. *Возможность использования любых ресурсов, необходимых для осуществления внутренней и внешней политики государства*. Нет таких экономических, силовых, правовых, идеологических, информационных, культурных и иных ресурсов, которые государство не вправе было бы использовать в рамках предусмотренных внутригосударственным или международным правом для реализации собственных интересов. Ресурсов может быть много, но они могут и отсутствовать у конкретного государства в конкретный период. А транснациональная компания, с одной стороны, обладая огромной собственностью и денежными средствами, с другой стороны, не являясь субъектом международного права, не может, например, напрямую использовать военную силу.

Причины возникновения государства в истории политической мысли объяснялись по-разному. В Новое время популярной была *контрактная теория*, в соответствии с которой государство возникает в результате заключения общественного договора. Правда, мотивы заключения общественного договора у Т. Гоббса, Дж. Локка и других сторонников данной теории выглядели по-разному (см. главу I). Сама контрактная теория возникновения государства носила абстрактно-умозрительный характер и не была основана на каких-либо конкретных примерах. Уже после появления концепций

Т. Гоббса и Дж. Локка и под их влиянием были созданы Соединенные Штаты Америки. В 1948 г. было провозглашено создание государства Израиль. Хотя в данном случае речь шла о выполнении резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, сама идея образования еврейского государства на территории Палестины родилась в недрах сионистского движения и была краеугольным камнем, лежащим в основе своеобразного «общественного договора», объединявшего участников этого движения с момента его создания.

Подтверждение правильности контрактной теории можно найти в политической истории нашей страны. Еще в древнерусской летописи говорилось о «призвании варягов» представителями восточнославянских племен, аргументировавших это «призвание» словами: «Страна наша обильна и богата, но порядка в ней нет». Но если летопись передает мифологизированное видение событий, то о порядках, существовавших в древнем Новгороде, можно судить на основе более достоверных источников. В этой феодальной республике князя приглашали на княжение в соответствии с договором, где четко фиксировались его полномочия и одновременно оговаривались условия расторжения договорных обязательств.

В начале XX в. получила известность концепция австрийского социолога Л. Гумпловича, который полагал, что государство возникает вследствие внешнего военного завоевания. Вначале одна «первобытная орда» поработочает другую, а затем сложившиеся отношения господства-подчинения институционализируются и принимают государственные формы. Примеры, подтверждающие данную концепцию, также можно найти в историческом прошлом многих народов. Например, нынешнее название Болгарии происходит от названия тюркоязычного племени болгар, вторгшихся на Балканский полуостров и поработивших проживавших там южных славян. Это завоевание положило начало Первому Болгарскому царству во главе с Аспарухом. Впоследствии тюрки-болгары смешались со славянами и усвоили их язык. Однако тюркоязычные по своему происхождению названия болгарского народа и болгарского государства сохранились до сих пор.

В Советском Союзе господствовала марксистская концепция происхождения государства. Наиболее полно она была изложена в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». С точки зрения Ф. Энгельса, процесс зарож-

дения и становления государства выглядит следующим образом: развитие экономики приводит к появлению и росту объема прибавочного продукта, что, в свою очередь, рождает имущественное неравенство и классы. Экономически господствующий класс для охраны своей собственности создает специальный аппарат принуждения — государство. Свои выводы Ф. Энгельс основывал на исследованиях антрополога Г. Моргана, которые, как считал один из основоположников марксизма, подтвердили основные положения материалистического понимания истории.

Однако исследования Г. Моргана были далеко не единственными в антропологии. В XX в. на стыке между антропологией и политологией сформировалась новая отрасль знания — *политическая антропология* (см. главу I). Проблемы изучения генезиса политики в целом и государства в частности являются одними из главных проблем, поставленных перед этой наукой. Среди политических антропологов существуют разные точки зрения относительно тех факторов, которые повлияли на возникновение государства у разных народов мира. Таким фактором могут быть условия хозяйственной деятельности в отдельных регионах мира, например на Древнем Востоке. В засушливых районах там невозможно было заниматься земледелием без строительства ирригационных сооружений. В связи с этим сторонники *ирригационной* теории происхождения государства, среди них и К. Виттфогель, утверждают, что генезис ранней государственности связан с необходимостью организации крупномасштабных общественных работ по строительству каналов и других оросительных сооружений.

Э. Босерап предложила *демографическую* концепцию происхождения государства. Согласно этой концепции рост населения на определенном этапе приводит к интенсификации хозяйственного освоения всей обитаемой территории. Это влечет за собой дифференциацию социальных статусов и требует совершенствования механизмов управления, что приводит к генезису государства. Данная концепция очень близка к так называемой *ограничительной* теории происхождения государства Р. Карнейро. По его мнению, рост населения обуславливает возникновение и обострение конфликтов, связанных с конкуренцией за ресурсы. Единственным выходом из сложившейся ситуации является введение политической иерархии. Такая иерархия, с одной стороны, закрепляет господство победивших в конфликтах социальных групп, а с другой стороны, способствует интенсификации произ-

водства и тем самым разрешению возникших экономических и демографических проблем. Развивая идеи Р. Карнейро, Г. Джонсон и Г. Райт пришли к выводу, что увеличение размеров любой социальной системы возможно только до определенного порога. При чрезмерном ее увеличении возрастает нагрузка на существующую процедуру принятия решений, и система теряет прежнюю эффективность. Поэтому, для того чтобы справиться с перегрузками, необходимо вводить организационную иерархию, иначе говоря, создавать государство.

Образование государства — важный рубеж в развитии общества, связанный с прогрессом в технологической и экономической сферах, с увеличением плотности населения. Недаром первые государства возникли там, где в древности имела место наиболее высокая концентрация населения — на Ближнем Востоке в Междуречье и на Дальнем Востоке. Не случайно и то, что до государственной формы организации общественной жизни не смогли самостоятельно прийти многие народы, например народы Крайнего Севера, расселенные по огромным, мало приспособленным для жизни территориям, на протяжении тысячелетий занимавшиеся самыми примитивными видами хозяйственной деятельности.

В любом социуме с глубокой древности и до наших дней государство призвано выполнять ряд общественно значимых функций. *Функции государства* можно разделить на две группы: *внутренние* и *внешние*. К внешним функциям государства относятся *оборона, развитие отношений с зарубежными государствами, поддержание мирового порядка*.

К внутренним функциям государства относятся: *экономическая функция*, которая заключается в обеспечении условий для хозяйственной деятельности. Государство обеспечивает правовую, нормативную базу, регулирующую процесс производства товаров, торговли и предоставления услуг, денежного обращения. Государство может становиться непосредственным субъектом экономических отношений, например, через производственную и предпринимательскую деятельность. Степень вовлеченности государства в экономическую жизнь зависит от уровня общественного развития и характера политического режима. *Социальная функция* означает предоставление государством социальных услуг обществу: от простой материальной поддержки наиболее незащищенных и нуждающихся слоев населения до обеспечения функционирования систем здравоохранения и образования. В наибольшей степени данная

функция реализуется в государствах социального типа. *Политическая функция* выражается в регулировании взаимоотношений социальных групп и других субъектов политики. Главная цель такого регулирования — не допустить выхода политической борьбы за пределы, угрожающие общественной стабильности и безопасности. *Функция обеспечения общественного порядка* осуществляется в борьбе с уголовной преступностью и другими угрозами для внутренней безопасности общества. *Идеологическая функция* в основном присуща государствам с тоталитарными и отчасти авторитарными политическими режимами и заключается в обеспечении условий для монопольного существования господствующей идеологии.

Основными *формами реализации функций* государства являются:

- ✦ *Законодательство государства* — издание обязательных для всех законов, регулирующих общественные отношения в соответствующих странах.
- ✦ *Государственное управление* — исполнительно-распорядительная, административная деятельность государства, его органов и отдельных должностных лиц.
- ✦ *Правосудие* — действия, осуществляемые судебными органами на основе законодательства.
- ✦ *Три* вышеперечисленные формы соответствуют традиционному выделению трех *ветвей государственной власти: законодательной, исполнительной и судебной.*

Сегодня некоторые специалисты выделяют еще одну форму реализации функций государства — *контрольную*, которой, по их мнению, должна соответствовать особая, четвертая *ветвь власти* — *контрольная*. В Российской Федерации к органам этой ветви государственной власти можно отнести прокуратуру, Конституционный суд, Счетную палату. Контрольные функции в области прав человека осуществляет Уполномоченный по правам человека. Однако мнение о наличии контрольной функции не является общепризнанным, поэтому Конституционный суд чаще относят к судебной власти, а прокуратуру — к исполнительной.

Свои функции государство осуществляет разными методами, например методами убеждения, принуждения, поощрения и наказания.

§ 2. Формы государственного устройства и правления

Каждое государство отличается от другого своей *формой*, включающей два основных элемента — *форму правления* и *форму государственно-территориального устройства*.

Под *формой правления* понимают *способ взаимодействия основных элементов в структуре государственной власти и способы взаимоотношения между органами государственной власти и населением*.

С глубокой древности различают две основные формы правления — *республику* и *монархию*. *Монархия* — форма правления, при которой государственная власть носит наследственный характер. Ее глава — король, император, царь, султан, эмир — пользуется своими полномочиями без временных ограничений, а после его смерти эти полномочия переходят к одному из его потомков: детей или родственников. Формально монарх является основным источником суверенной власти. *Республика* — форма правления, предусматривающая выборный принцип формирования всех государственных органов на основе народного большинства, поскольку носителем суверенных прав является народ в целом.

В прошлом было принято противопоставлять монархическую и республиканскую формы правления. При этом монархию нередко отождествляли с автократией, а республику — с демократией. Современные политические реалии не дают оснований для таких жестких и однозначных оценок. Практика показывает, что и монархия, и республика как формы правления могут иметь место при любом политическом режиме — демократическом, авторитарном или тоталитарном. Вплоть до XIX в. преобладающей формой правления, за очень редким исключением, была монархия. Затем наблюдается устойчивая тенденция возрастания числа республик. Сегодня республиканская форма правления явно преобладает. По некоторым подсчетам республики составляют 5/6 от числа государств современного мира. Однако этот процесс не может быть назван однонаправленным: бывают случаи, когда упраздненная монархия вновь восстанавливается. Так, в Испании монархия была формально восстановлена во времена генерала Франко, а после его смерти место главы государства занял представитель династии испанских Бурбонов король Хуан Карлос I. В Камбодже в 1993 г. была

восстановлена монархия после урегулирования длившегося долгие годы внутривнутриполитического конфликта.

Монархии принято делить на два основных типа: *абсолютные* и *конституционные*.

При *абсолютной монархии* власть главы государства ничем не ограничена. Монарх правит на основе норм и правил, которые считает необходимым использовать и которые может устанавливать по своему усмотрению. Нередко абсолютная монархия приобретает *теократический* характер, поскольку монарх сосредоточивает в своих руках не только светскую, но и религиозную власть, а правовая система основана в первую очередь на религиозных нормах. К такому типу монархий относятся монархические государства Персидского залива — Саудовская Аравия, Кувейт, Бахрейн, Объединенные Арабские Эмираты, Оман. Правда, в последнее время их внешний фасад несколько меняется. Принимаются конституции, создаются представительные по форме органы власти, но, по сути, абсолютистский характер этих государств не меняется. Главное отличие *конституционной* монархии в том, что власть главы государства ограничена положениями основного закона — конституции. При этом не обязательно речь идет о документе, носящем именно такое название. Одна из старейших конституционных монархий — Великобритания — до сих пор не имеет подобного единого законодательного акта. Правящий монарх, а также все органы государственной власти при конституционной монархии должны действовать в очерченных конституцией либо другими нормами рамках.

Существует два вида конституционных монархий: *дуалистические* и *парламентарные*.

Дуалистическая монархия предполагает разделение власти между парламентом и монархом. Парламент (и только парламент) принимает законы, а монарх управляет страной с помощью назначенного и ответственного перед ним правительства. Классическим примером дуалистической монархии была Германская империя до 1918 г. В какой-то степени дуалистической монархией можно было называть и Российскую империю после принятия Основных законов 1907 г. Законодательная власть перешла к Государственной думе, а правительство было полностью подотчетно царю. Правда, царь сохранил за собой и законодательные функции на те периоды времени, когда Дума по каким-либо причинам не работала. Сегодня критериям дуалистической монархии больше всего соответствуют два монархических арабских государства — Иордания и Марокко.

Наиболее распространенным видом конституционной монархии в современных условиях является *парламентарная* монархия. Парламентарная монархия как форма правления существует во всех монархических государствах Европы (кроме Монако), в Японии, Таиланде, Малайзии, а также номинально и в бывших британских доминионах — Австралии, Канаде и Новой Зеландии, поскольку главой государства там по-прежнему считается английская королева. В парламентарных монархиях парламент не только осуществляет законодательную власть, но и формирует правительство. Состав парламента определяется выборами и поэтому право на образование правительства принадлежит политической партии или партийной коалиции, получившей на этих выборах большинство голосов и, соответственно, большинство парламенских мандатов. Правительство в своей деятельности зависит от парламента и находится под его контролем. Парламент может большинством голосов выразить вотум недоверия правительству и отправить его в отставку.

В условиях конституционной монархии король, королева, любой монарх «царствует, но не правит». Он может считаться символом государства и нации (как в Великобритании или Японии), но не имеет никаких реальных властных полномочий, выполняя исключительно представительские функции. Речь может идти о правовых ограничениях власти монарха, зафиксированных в конституции и других законодательных актах, но иногда такое ограничение основано на сложившихся обычаях. В Великобритании за последние столетия не принято каких-либо формальных правовых актов, лишающих монархов их прерогатив, но они сами добровольно отказались от властных полномочий в пользу парламента и правительства. Правда, если обстоятельства требуют, король (королева) может использовать свои права в полном объеме. Например, монарх сам назначал премьер-министра, когда ни одной из партий не удавалось создать однопартийного правительства или договориться о партийной коалиции. Уже упоминавшийся Хуан Карлос I при вступлении на испанский престол добровольно отказался от большинства властных полномочий, закрепленных за будущим королем во времена франкистского режима. Этот шаг положил начало переходу Испании от авторитаризма к демократии.

Республиканская форма правления сегодня представлена *президентскими*, *парламентскими*, а также *полупрезидентскими* республиками.

В *президентской республике* глава государства — президент — одновременно является и главой правительства. Президент избирается на основе волеизъявления большинства населения либо путем прямых выборов, либо, как в США, через коллегию выборщиков. В любом случае свою власть президент получает по мандату большинства избирателей. В президентской республике последовательно проводится принцип разделения властей. Исполнительная власть полностью замыкается на президента. Он назначает и смещает министров, которые зачастую даже не образуют самостоятельного органа — правительства. В США, например, нет правительства, а есть администрация, куда вместе с министрами входят и другие высокопоставленные чиновники. Хотя в тех же Соединенных Штатах Америки министры должны проходить процедуру утверждения верхней палатой конгресса — сенатом, критериями для этого акта являются не партийная принадлежность кандидата, а его деловые и морально-этические качества. Только если возникают сомнения в этих качествах, сенат крайне редко отказывает президенту в утверждении кандидатов на посты в его администрации.

Парламент в президентской республике — законодательный орган власти. Он может влиять на деятельность исполнительной власти либо путем принятия законов и ратификации международных договоров, либо через увеличение или уменьшение расходов по тем или иным статьям бюджета. Решение исполнительной власти не может быть реализовано, если под него не выделят бюджетные деньги. А принятие бюджета — исключительная прерогатива парламента.

Баланс в отношениях между исполнительной и законодательной властью в президентской республике достигается системой сдержек и противовесов. С одной стороны, в США президент может наложить вето на законопроекты, принимаемые конгрессом. Чтобы преодолеть вето, необходимо получить более 213 голосов и в палате представителей, и в сенате. С другой стороны, и конгрессмены имеют право начать процедуру импичмента президента (отстранения от должности). В 1974 г., опасаясь импичмента, вынужден был уйти в отставку президент США Ричард Никсон. Президентская республика является формой правления в большинстве стран Америки, Африки, в большинстве государств, возникших на территории бывшего СССР.

Парламентские республики преобладают в странах континентальной Европы, причем как в ее западной, так и в восточной части. Парламентскими республиками являются Германия, Италия,

Болгария, Венгрия. Парламентская республика как форма правления допускает наличие поста президента. Однако президент избирается либо парламентом, как в Италии, либо специально собираемым для этой цели Федеральным собранием, как в ФРГ. Но даже если президента избирают путем всеобщего голосования, как в Болгарии, его полномочия сильно ограничены по сравнению с полномочиями главы государства в президентской республике. Президент в парламентской республике, так же как монарх в парламентарной монархии, выполняет в основном представительские функции: принимает верительные грамоты иностранных послов, участвует в различного рода официальных церемониях, совершает протокольные зарубежные визиты.

Взаимоотношения между законодательной и исполнительной властью в парламентских республиках аналогичны подобным взаимоотношениям в парламентарных монархиях. Правительство парламентской республики может быть неустойчивым, если победившая на выборах партия не имеет прочного парламентского большинства или не способна создать достаточно широкую и прочную коалицию с другими партиями. В парламентских республиках нередко случаи создания правительств, опирающихся на парламентское меньшинство. Такие правительства являются недолговечными. Поэтому министерская чехарда, правительственные и парламентские кризисы, отставка правительств, роспуск парламентов, проведение досрочных выборов — характерные черты политической жизни многих парламентских республик. Так было во Франции во времена IV Республики (1944–1958 гг.) или в Италии с конца 40-х гг. XX в. и вплоть до сегодняшнего времени.

В то же время такая форма правления, как парламентская республика, в большей степени гарантирует, что политическая система не будет развиваться в направлении авторитаризма. Хотя гарантия и не является стопроцентной, например, в Португалии правая авторитарная диктатура Салазара, а затем Каэтану вплоть до 1974 г. функционировала в условиях формально существующей парламентской республики.

Особым типом республиканской формы правления является *полупрезидентская республика*. Классическим примером полупрезидентской республики можно считать современную Францию. До 1958 г. в этой стране существовала парламентская республика. Как уже было отмечено, такая форма правления часто обуславливает политическую нестабильность, что и было характерно для

политической истории Франции после Второй мировой войны. К концу 50-х гг. страна столкнулась с рядом серьезных внутренних и внешних проблем, главной из которых была колониальная война в Алжире. Сменявшие друг друга кабинеты министров не могли справиться с проблемами, более того, политическая нестабильность лишь усугубляла их. На волне недовольства тогдашними ведущими политическими партиями и политическими лидерами к власти пришел руководивший в годы войны движением «Свободная Франция» популярный политик генерал Ш. де Голль. Первоначально он занял пост премьер-министра. В дальнейшем Ш. де Голль инициировал проведение референдума, на котором была принята новая конституция, положившая начало так называемой V Республике во Франции. Левые силы, особенно коммунисты, обвиняли де Голля в авторитаризме, называли сложившуюся в V Республике политическую систему «режимом личной власти». На самом деле происходил переход от республики парламентского типа к полупрезидентской республике. Ш. де Голль стремился к расширению полномочий президента, который в IV Республике выполнял лишь представительские функции. Конституция 1956 г. расширила эти полномочия. Теперь президент во Франции избирается всеобщим прямым голосованием сроком на 5 лет (до 2002 г. на 7 лет). Он является главой государства и главнокомандующим вооруженными силами, председательствует на заседаниях Совета министров. Но главой правительства является премьер-министр. Хотя назначает премьер-министра президент, однако он может это сделать только с учетом результатов парламентских выборов. Правительство подотчетно парламенту — национальному собранию, состоящему из двух палат: палаты депутатов и сената. Как и в парламентских республиках, правительство формируется на основе парламентского большинства. Национальное собрание обладает правом отправлять правительство в отставку. В свою очередь, президент может распустить парламент и объявить досрочные парламентские выборы.

Когда Ш. де Голль закладывал основы новой политической системы, он, несомненно, учитывал свои собственные интересы как политического лидера. Ему удалось объединить вокруг себя многочисленных сторонников и создать мощное движение, получившее название «голлистского». Голлисты, представленные несколькими политическими партиями, составляли устойчивое парламентское большинство все годы пребывания генерала у власти. И президент, и правительство принадлежали к одной и той же

политической силе, поэтому ни при назначении премьер-министра, ни при формировании правительства, ни в процессе их практической деятельности никаких противоречий не возникало. В 1969 г., после ухода Ш. де Голля с политической арены, выяснилось, что государственный механизм V Республики может давать сбой, когда президент не принадлежит к победившей на выборах партии, а представляет иную политическую силу. За последние десятилетия такое случалось несколько раз и каждый раз усложняло процесс формирования правительства, а также отражалось на процессе выработки политического курса, особенно в международном аспекте, поскольку за президентом закреплены важные полномочия в сфере обороны и внешней политики.

В целом для полупрезидентской республики характерен некоторый дуализм исполнительной власти. Президент является сильной и самостоятельной политической фигурой, но одновременно есть и правительство, подотчетное и подконтрольное парламенту. Кроме Франции, полупрезидентские республики существуют в таких странах, как Австрия, Исландия, Польша, Португалия (по конституции 1975 г.). К государствам с такой формой правления можно отнести и современную Украину после «оранжевой революции».

В качестве одного из элементов *формы государства* выделяют *форму государственно-территориального устройства* или, иначе говоря, способ организации государственной власти по территориальному признаку. Форма государственно-территориального устройства характеризует соотношение государства как целого с его отдельными территориальными частями. Административно-территориальные единицы внутри государства могут иметь разный статус и занимать разное место в структуре властной иерархии в зависимости от того, какая форма государственно-территориального устройства принята в данной стране. В политической науке и в теории государства и права выделяют три основных формы государственно-территориального устройства: *унитарное государство*, *федерацию* и *конфедерацию*.

Унитарное государство представляет собой наиболее простую по структуре и наиболее распространенную в мире форму государственно-территориального устройства. Унитарное государство состоит из простых административно-территориальных единиц (губерний, областей, провинций и т. д.), не имеющих признаков собственной государственности. В унитарном государстве действует одна конституция, существует только институт общегосударствен-

ного гражданства. На всей территории страны действуют единые законы, имеются единые структуры исполнительной и судебной власти, проводится общая налоговая и бюджетная политика.

Наряду с *простыми* унитарными государствами существуют и *сложные* унитарные государства. Отличие сложных унитарных государств от простых заключается в том, что в их состав наряду с простыми административно-территориальными единицами входят территориальные образования, пользующиеся определенной внутренней автономией. Примером таких государств являются КНР, где кроме провинций есть пять автономных районов, и Украина, в состав которой, помимо областей, входит автономная Республика Крым.

В зависимости от типа взаимоотношений между органами государственной власти и органами местного самоуправления унитарные государства делятся на *централизованные* и *децентрализованные*. В централизованном государстве система прямого государственного управления доходит до самых нижних звеньев административно-территориального деления, то есть даже повседневная жизнь людей непосредственно в месте их обитания зависит от государственных чиновников. Правда, полная централизация встречается крайне редко, в основном в период чрезвычайного положения и в условиях военных режимов. Как правило, наряду со структурами государственного управления существуют органы местного самоуправления. Государства с развитым местным самоуправлением, охватывающим не только нижние, но и средние звенья административно-территориального деления, называют децентрализованными. В качестве примера унитарного децентрализованного государства можно назвать Великобританию.

Процессы децентрализации, шедшие в последние десятилетия во многих странах мира, привели к появлению новой разновидности государственно-территориального устройства — *регионального государства*. Региональное государство полностью состоит из автономных образований. Эти образования не имеют собственных конституций, но там есть избираемые населением законодательные собрания, обладающие правом принятия законов по местным вопросам. Создается собственная администрация с определенной автономией по отношению к центральной государственной власти. Примером подобных региональных государств на европейском континенте являются Италия и Испания. Региональное государство представляет собой переходный тип от унитарного государства

к другой форме государственно-территориального устройства — *федерации*.

Федеративное государство — это союз территориальных образований, обладающих признаками собственной государственности. Федеративных государств в современном мире большое количество. В их число входят Австралия, Австрия, Бразилия, Германия, Индия, Малайзия, Мексика, Соединенные Штаты Америки, Российская Федерация и многие другие страны. В федеративном государстве, как и в унитарном, существуют общие для всей страны конституция и законодательство, действует институт общегосударственного гражданства, функционирует общая система денежного обращения. Федеральный центр представлен тремя ветвями государственной власти — законодательной, исполнительной и судебной. В ведении федерального центра полностью находятся вопросы обороны страны и осуществления внешней политики. В то же время каждый из субъектов федерации имеет свой парламент и самостоятельно формирует органы исполнительной власти. В каждом субъекте федерации есть и собственные органы судебной власти. Субъекты федерации принимают и собственные конституции, на их территории одновременно действует и общегосударственное, и местное законодательство.

В федеративном государстве субъекты федерации имеют особое представительство в парламенте. Общегосударственный парламент состоит из двух палат. Нижняя палата формируется из депутатов, представляющих все население страны, а верхняя — из депутатов, представляющих субъекты федерации. В США сегодня по два сенатора представляют каждый из штатов, независимо от их размеров и численности населения.

В конституциях федеративных государств излагается разграничение предметов ведения самой федерации и ее субъектов. Есть вопросы разного уровня компетенции: вопросы исключительной компетенции федерального центра; вопросы, находящиеся в совместной компетенции центра и субъектов федерации; вопросы компетенции каждого из субъектов федерации. Так, по конституции Индии, принятой в 1949 г., 97 вопросов отнесено к общегосударственной компетенции, 47 — к совместной компетенции федерации и штатов, 66 — к компетенции штатов. Даже такой важный для государства вопрос, как внешняя политика и международные отношения, может в федерациях относиться к разной компетенции. Внешние сношения относятся к исключительной компетенции фе-

дерального центра по конституции Австрии, Аргентины, Бразилии и большинства других федеративных государств. Есть федерации, где субъекты располагают некоторыми возможностями в сфере международной деятельности, но под контролем общегосударственных властей, например в Соединенных Штатах Америки. Наконец, в таких федеративных государствах, как ФРГ и Швейцария, конституции признают за субъектами федераций определенные полномочия в области международных отношений.

Чрезмерная самостоятельность субъектов федерации, выход за пределы общего правового пространства может представлять угрозу интересам федеративного государства, особенно его территориальной целостности. Поэтому существуют различные способы обеспечения контроля федерального центра по отношению к субъектам федерации. Это — ординарные способы и чрезвычайные.

Ординарные способы основаны на использовании тех ресурсов, которые всегда имеются в распоряжении общегосударственных властей. К ним относятся: действия федеральных органов государственного управления с компетенцией, распространяющейся на всю территорию страны, меры финансового характера, судебные решения органов правосудия общегосударственного уровня. Если ординарных способов недостаточно, федеральный центр может обратиться к *чрезвычайным способам* контроля над «мятежными» субъектами федерации. К числу таких способов относятся: введение чрезвычайного положения, прямое президентское правление, приостановление деятельности органов управления в субъекте федерации. Наконец, существует институт федеральной интервенции (вмешательства). Эта мера означает использование находящихся в подчинении федерального центра вооруженных сил и правоохранительных органов для пресечения массовых беспорядков и восстановления законности в отдельных субъектах федерации. Право на федеральную интервенцию закреплено конституциями латиноамериканских федераций — Аргентины, Бразилии и Мексики. Федеральные интервенции неоднократно совершались и властями США.

По внутреннему устройству федерации делятся на несколько видов. По принципам построения выделяют *территориальные* и *национально-территориальные* федерации. По степени однотипности субъектов федерации выделяют *симметричные* и *асимметричные* федерации.

В федерации, построенной по *территориальному* принципу, субъекты федерации выделяются безотносительно этнического

состава их территорий. Все субъекты федерации имеют однотипное устройство и отличаются друг от друга по размерам территории, численности населения, наличию природных богатств и уровню экономического развития. Национальные интересы этнических меньшинств могут здесь выражаться в форме национально-культурной автономии. В федерации, построенной по *национально-территориальному* принципу, субъекты федерации выступают как своеобразная форма национального самоопределения проживающих на их территории народов. Поэтому между субъектами федерации допустимы различия, определяемые этническими и культурными особенностями их населения. Опыт социалистических федераций, построенных по национально-территориальному принципу — СССР, СФРЮ, ЧССР, — оказался неудачным. При крушении коммунистического политического режима распались и соответствующие федеративные государства. Однако национально-территориальный принцип по-прежнему используется в некоторых федерациях. Примером подобного государства является современная Бельгия, состоящая из трех частей — Фландрии, Валлонии и столицы страны — Брюсселя. Выделение этих регионов обусловлено культурно-лингвистическими особенностями каждого из них. Во Фландрии проживают говорящие на нидерландском языке фламандцы, в Валлонии — франкоговорящие валлоны, а населенный преимущественно валлонами Брюссель расположен на территории Фландрии. Имеется еще и немецкое этническое меньшинство, обладающее культурно-языковой автономией в местах компактного проживания.

В современной России использован как национально-территориальный, так и территориальный принципы построения федерации. С одной стороны, есть субъекты федерации территориального типа — это области, края, а также Москва и Санкт-Петербург, с другой стороны, существуют субъекты федерации национально-территориального типа — республики, автономные области и автономные округа. Кроме того, Российскую Федерацию можно отнести к федерациям *асимметричного* типа, что означает неодинаковый правовой статус субъектов федерации. Хотя между российскими регионами существует провозглашенное конституцией равноправие, республики обладают большими правами, чем остальные субъекты федерации. Например, они могут иметь, помимо русского, еще один (или несколько) государственный язык. К числу асимметричных федераций можно отнести и США, в состав которых, кроме пя-

тидесяти штатов, входит федеральный округ Колумбия, а также ассоциированное государство Пуэрто-Рико, население которого не пользуется всеми правами американских граждан.

В *симметричных* федеративных государствах никакого различия в статусе субъектов быть не может. Наиболее характерные примеры симметричных федераций — Австрия, Аргентина, Бразилия, Мексика.

Третьей основной формой государственно-территориального устройства, наряду с *унитарным государством* и *федерацией*, считается *конфедерация*. Однако это дискуссионный вопрос. *Конфедерация* представляет собой союз государств, объединившихся для решения какого-либо ограниченного круга вопросов, например, для объединения военных усилий или для решения определенных экономических задач. В конфедерации, как правило, не возникает общего правового и политического пространства, отсутствуют органы государственной власти и управления, решения которых выполнялись бы напрямую и автоматически. Государства, входящие в конфедерацию, могут создавать специальные органы для проведения согласованной политики. Но решения принимаются на основе консенсуса и вступают в законную силу только после их одобрения соответствующими органами власти входящих в конфедерацию государств. В отличие от федераций конфедерации не признаются субъектами современного международного права, правосубъектность же полностью сохраняется за вошедшими в конфедеративное объединение государствами.

Конфедерации обычно недолговечны. Они либо являются переходной формой от отдельных государств к федерации, либо, наоборот, возникают в процессе распада единой государственности. Конфедерацией были Соединенные Штаты Америки в первые годы своего существования с 1776 по 1787 г. Затем США стали федеративным государством. Аналогичные этапы прошла в своем развитии Швейцария, и в ее названии слово «конфедерация» сохранилось до сегодняшнего дня. В 70-х гг. XX в. северокорейское руководство выступило с инициативой объединения Северной и Южной Кореи путем создания так называемой «Конфедеративной Республики Корё». Однако этот шаг носил исключительно пропагандистский характер и не имел реального практического продолжения.

В последний месяц существования СССР появился вариант союзного договора, предусматривавший преобразование страны в «Союз суверенных государств». По сути, он представлял собой

проект перехода от федерации к конфедерации. Но этот проект не был реализован, а в декабре 1991 г. были подписаны Беловежские соглашения, провозгласившие создание Содружества Независимых Государств. В первоначальном виде СНГ также замышлялось как некая конфедеративная структура, призванная объединить бывшие республики СССР. Но в процессе создания Содружества первоначальный проект был выхолощен, и в результате СНГ стало не конфедерацией, а аморфной и малоэффективной международной организацией. Долгое время идут дебаты по поводу создания союзного государства России и Белоруссии, в основу которого должны быть положены конфедеративные принципы. Однако пока дальше разговоров и деклараций дело не продвинулось.

§ 3. Взаимодействие государства и гражданского общества

Место и роль государства в политической системе можно понять лучше, если рассмотреть его взаимоотношение с *гражданским обществом*. Само понятие «гражданское общество» находится в ряду важнейших как в политологии, так и в других социально-гуманитарных науках. Истоки гражданского общества в истории европейской цивилизации следует искать в античности. Даже термин «гражданское общество», который в английском и ряде других европейских языков обозначается как «Civil Society», восходит к латинскому «Societas civilis». Но античная, особенно древнегреческая политическая жизнь сильно отличалась от современной. Для греческого полиса было характерно слияние сообщества граждан с государством, поэтому сама идея неприкосновенности частной сферы жизнедеятельности человека для древнегреческой политической мысли была чужда. В соответствии со взглядами Аристотеля, приоритет всегда должен отдаваться общему интересу. Аристотель исходил из того, что отдельный индивид и в экономическом, и в социальном, и в политическом плане принадлежит полису как основополагающему началу. Какое бы положение человек ни занимал, он всецело зависел от полиса, частное и общественное полностью отождествлялось.

Вплоть до Нового времени теоретическая концепция гражданского общества не была сформирована. Идея гражданского общества

общества в политической мысли Нового времени тесно связана с теорией общественного договора. Родоначальник данной теории Т. Гоббс считал, что общество в его естественном состоянии подвержено опасности самоуничтожения и только государство способно обуздать природные страсти людей (см. главу I). Таким образом, проблема отношения общества и власти в духе Нового времени решалась как проблема общественного развития, управляемого государством. Государство творит гражданское общество или, как следует из концепции Т. Гоббса, закладывает его основы, устанавливая порядок, цивилизуя общество и его членов. Дж. Локк, в целом разделяя взгляды Т. Гоббса, обратил внимание на наличие определенных несоответствий между гражданским обществом, воплощающим в себе частный интерес, и государством, воплощающим интерес всеобщий. Процесс развития капитализма и начало промышленной революции в Англии означали постепенное упразднение единства экономики, политики и религии, отдаление публичного и частного секторов социума. В отличие от Т. Гоббса Дж. Локк отдает приоритет обществу перед государством. В еще большей степени такая позиция выражена другим английским мыслителем — Т. Пейном, который считал государство лишь необходимым злом. Он считал, что власть государства должна быть ограничена в пользу гражданского общества. Чем совершеннее такое общество, тем больше оно регулирует свои дела самостоятельно и тем меньше нуждается в стоящем над ним правительстве. Гражданское общество, построенное на принципах самоуправления, требует, по мнению Т. Пейна, лишь минимум политических механизмов. Этот подход лежал в основе известного тезиса классического экономического либерализма о «государстве — ночном стороже», а также в определенной степени был свойственен анархизму, либертаризму и другим радикальным течениям общественно-политической мысли.

Близкая к современной трактовка гражданского общества как особой, отличной от государства сферы, свободной от его диктата, принадлежала французскому социологу А. де Токвилю. В своей известной работе «О демократии в Америке» он показал взаимодействие политической демократии и гражданского общества на североамериканском континенте. В основе процесса становления гражданского общества, считал Токвиль, лежит развитие его основной ячейки — общины, которая возникает до образования государства и, следовательно, независимо от него. Общины, за исключением случаев, когда дело касается социального (всеобщего)

интереса, не допускают вмешательства государства в свою деятельность. Они являются гарантами равенства граждан, осуществляют нравственное воспитание своих членов, формируют у них привычку к свободе и чувство гражданственности. На основе общин создаются многочисленные гражданские ассоциации, охватывающие почти все сферы деятельности и, кроме непосредственных задач, выполняющие две функции. С одной стороны, они защищают нравственные ценности, свободу мысли и самостоятельность решений от покушений со стороны правительства. С другой стороны, выступают гарантом от чрезмерно эгоистических воздействий самих личностей на социальную среду и политические институты.

Гражданское общество, в отличие от государства, по Токвиллю, есть сфера, для которой органичны не принуждение, а добровольный выбор, не авторитет власти, а авторитет морали. Четкое размежевание гражданского общества и государства не означает противопоставления их друг другу, как доброго и злого начал, что было характерно для Т. Пейна. Наоборот, Токвиль подчеркивает плодотворность их взаимодействия при условии, если государство является демократическим. В связи с этим он указывает на огромную роль особого социального института — политических ассоциаций, которые не входят в состав гражданского общества, но и не становятся частью государственного аппарата, будучи полем и орудием их взаимодействия.

Г. В. Ф. Гегель, основываясь на работах предшествующих мыслителей, пришел к выводу, что гражданское общество представляет собой особую стадию движения от семьи к государству. Гражданское общество, по его мнению, — это комплекс частных лиц, классов, групп, корпораций, сословий, институтов, взаимодействие которых регулируется гражданским правом и которые прямо не зависят от государства. Социальная история рассматривалась Гегелем как процесс развертывания нравственной идеи, реализующейся на трех ступенях развития общества, в трех формах: семья, гражданское общество, государство. Противопоставление гражданского общества и государства здесь относительно. Каждая высшая форма, согласно взглядам Гегеля, вбирает в себя предыдущую, низшую. Появившись, государство не только возвышается над гражданским обществом, но и соотносится с ним как целое с частью. Поскольку государством, как воплощением высшего разума, для Гегеля увенчивается история человечества, то гражданское общество обретает у него двойственный характер одновременно и самостоятельного

и при других обстоятельствах слитного с государством, растворенного в нем феномена.

В качестве основополагающих принципов функционирования гражданского общества Гегель называет принципы частной собственности и личной свободы, а также принципы публичности и всеобщей осведомленности. Гражданское общество нуждается в свободно функционирующем общественном мнении, справедливом и строго соблюдаемом законодательстве. С одной стороны, Гегель рассматривал гражданское общество как самостоятельное образование, но с другой стороны, как органическую часть государства. Грань, разделяющая их, условна. Вероятно, такие взгляды были связаны с общей гегельянской концепцией государства как «божественной воли», проникающей во все отношения, и с реальным состоянием гражданского общества того периода. Государство и гражданское общество для Гегеля — это теснейшим образом связанные между собой части единого целого, где приоритет отдается все же государству.

В современной политологии преобладает концепция, в соответствии с которой под *гражданским обществом понимается сложная и многоуровневая система внегосударственных отношений и институтов*. Сторонники данной концепции включают в гражданское общество всю совокупность межличностных отношений, которые развиваются вне рамок и без вмешательства государства, а также разветвленную систему независимых от государства общественных институтов, реализующих повседневные индивидуальные и коллективные потребности. Поскольку повседневные интересы граждан определенным образом можно систематизировать, то и сферы гражданского общества имеют определенную соподчиненность.

Базовые потребности человека в пище, одежде, жилище и т. п., обеспечивающие его жизнедеятельность, удовлетворяются на уровне производственных отношений через такие общественные институты, как профессиональные и потребительские объединения и ассоциации. Потребности в общении, духовном совершенствовании, воспитании, образовании, вере и т. п. реализуются в комплексе социокультурных отношений. Данные потребности удовлетворяются через такие институты, как семья, институт образования, церковь, творческие союзы, спортивные общества. И наконец, следующий уровень потребностей составляют потребности в политическом участии, связанные с выбором на основе политических предпочтений и ценностных ориентаций. Политические предпочтения предпола-

гают сформированность политических позиций и осуществляются с помощью групп интересов, политических партий и движений.

Следует отметить, что понимание гражданского общества как особой сферы социума не означает разделения социального пространства на два отгороженных друг от друга поля. Общество — единое целое, между его различными сферами необходимы взаимосвязь и взаимодействие. Государство неизбежно влияет на частную сферу уже тем, что создает те или иные, благоприятные или неблагоприятные условия для ее функционирования. Гражданское же общество выполняет функции соединения частного и общественного интересов, посредничества между личностью и государством.

Концепция гражданского общества зародилась в европейской социально-политической мысли, очевидно, потому, что сам феномен — гражданское общество — имеет европейское происхождение, именно там сформировались его объективные и субъективные предпосылки. Основные ценности и элементы гражданского общества в ведущих западноевропейских странах сложились к XVIII в. Они включали в себя следующие представления о нормах человеческого существования: требование личной безопасности, свобода от давления со стороны, принцип равенства всех перед законом, право на частную собственность, право на частную жизнь, признание естественности индивидуальных различий, уважение к другому человеку. Основными элементами были: свобода личности и собственность. А механизм реализации этих интересов формировался в особых общественных группах — гильдиях. Основными принципами существования этих групп были взаимопомощь, чувство профессиональной чести, общее понимание справедливости.

Примерно в тот же период в Европе формируются города, которые по сравнению с профессиональными группами были гораздо более сложными самоуправляющимися структурами. Общими принципами города и гильдии были самоуправление, наличие правовых гарантий и принцип взаимопомощи. Таким образом, в Западной Европе пересекались и усиливали друг друга исторические тенденции и социокультурные традиции, ставшие основой рождения феномена гражданского общества. Хотя сходные формы общегития, например города и профессиональные объединения, существовали и в традиционных обществах. Среди западноевропейских тенденций и культурных традиций, обусловивших формирование гражданского общества, можно выделить наследие античности с его римским правом, христианское учение, в котором идея свобо-

ды человека получила наиболее полное выражение по сравнению с другими религиями, традиции народных собраний, городского самоуправления, развитие рыночных отношений. Огромное значение также имели эпоха Возрождения с ее культом человеческой личности и Реформация, результатом которой стало появление протестантской церкви, фактически основанной на принципах самоуправления общин.

Процесс оформления гражданского общества не был поступательным и монолитным. Но, несмотря на временное ослабление и даже уничтожение тех или иных форм личной или групповой автономии, последние возрождались и вновь усиливались. Эта преемственность политико-правовых и культурных традиций в западноевропейском регионе и привела в итоге к кристаллизации того феномена, который получил название гражданского общества.

Гражданское общество, включающее семью, церковь, корпорации предпринимателей, профессиональные и творческие союзы, политические партии и т. п., тем не менее не есть лишь сфера, отличная от государства. Гражданское общество тесно связано с государством, границы между ними весьма подвижны. Одни и те же общественные институты могут быть структурами государства и гражданского общества. Например, институт образования, зарождавшийся в основном как институт гражданского общества, сегодня находится под контролем государства, но функционирует на принципах самоуправления и автономии, присущих гражданскому обществу. Победившая на выборах политическая партия перемещается из сферы гражданского общества в сферу государства. Гражданское общество формирует естественный фундамент политической демократии, без которого последняя просто невозможна.

Вопрос о месте и роли политических партий в гражданском обществе является дискуссионным. С точки зрения ряда исследователей, политические партии вообще не относятся к сфере гражданского общества, которое включает в себя только неполитические институты. Существует и иное мнение. В соответствии с ним партии — принадлежность исключительно гражданского общества. Представляется, что партии можно определить как связующее звено между гражданским обществом и государством. Партия как организация формируется в недрах гражданского общества, но цель партии — использование государственной власти и государственных институтов. При тоталитарном режиме партия сливается с государством. Но в условиях демократии политическая партия

сливается с государством постольку, поскольку ее руководители и функционеры занимают официальные государственные должности. Оппозиционная партия, представленная в парламенте, также действует в государственной сфере. Именно появление политических партий привело к возникновению современных политических систем, где институты государства взаимодействуют с институтами гражданского общества.

Одним из важнейших институтов гражданского общества являются *профессиональные союзы*. Это определяется тем обстоятельством, что профсоюзы — едва ли не самая массовая форма самоорганизации общественных интересов вне сферы прямой деятельности и контроля государства. Место и роль профсоюзов зависят от степени развития гражданского общества. Причем эта зависимость взаимная: гражданское общество развито настолько, насколько развиты профсоюзы. В западноевропейских странах первоначально профсоюзы сталкивались с серьезными трудностями. С одной стороны, это были неблагоприятные экономические, политические и правовые условия их деятельности, что отражало уровень развития гражданского общества в этих странах. С другой стороны, существенным тормозом развития профсоюзного движения было положение наемных трудящихся, которые фактически не являлись полноправными гражданами. Постепенно меняла ситуацию в этих странах и деятельность самих профсоюзов. Вместе с социал-демократическими партиями они добились полноправного гражданского статуса для лиц наемного труда. Сами же профсоюзы стали представителями наиболее массовой и влиятельной социальной группы.

Как и другие структуры гражданского общества, профсоюзы выходят в политику, хотя имманентно это им не присуще. Они могут прибегать к политическим средствам решения своих социально-экономических задач, но могут и вторгаться в сферу политики, решая серьезные задачи, например, национального освобождения, защиты или восстановления демократии, поддерживая ту или иную политическую партию.

Столь же подвижны границы между гражданским обществом и государством в сфере деятельности средств массовой информации. СМИ могут быть государственными и отражать государственную точку зрения, но они могут и выражать интересы отдельных групп населения.

В сфере властных отношений гражданскому обществу должно соответствовать правовое государство, то есть такая организация

государственной и общественной жизни, которая характеризуется господством права и верховенством закона, призванными обеспечивать признание и гарантию прав и свобод всех граждан во всех сферах. А со стороны граждан это означает уважение к законам и институтам существующей системы, ставшее составным элементом правосознания населения.

Для гражданского общества государство необходимо как источник права, а не орган насилия. Правовое государство, в отличие от деспотического или полицейского, само себя ограничивает определенным комплексом норм и правил. Центральное место среди них занимает принцип разделения властей на три главные ветви — законодательную, исполнительную и судебную, которые, выполняя свои строго очерченные функции, сдерживают и уравновешивают друг друга, гарантируя выполнение демократических норм и недопущение злоупотреблений властью. Через всеобщую избирательную систему и избирательный процесс граждане имеют возможность контролировать власти. Законодатель также подзаконен, как и отдельный гражданин. Подзаконность государственной власти дополняется признанием за отдельной личностью неотъемлемых и неприкосновенных прав, предшествующих самому государству. Принцип неприкосновенности личности дополняется неприкосновенностью жилища и переписки. В процессе своего формирования правовое государство гарантировало индивидуальные свободы и права.

Правовое государство призвано обеспечить с помощью закона условия для существования гражданского общества, поэтому оно имеет ряд общих и объединяющих всех членов гражданского общества правовых основ, носящих по своей сути надклассовый и общечеловеческий характер, заключает в себе объединяющее начало. Не случайно в Западной Европе развитие гражданского общества и становление правового государства совпадает по времени с формированием наций. Нация — не столько этнический, сколько политический феномен, представляющий собой сообщество граждан, объединенных общими социально-политическими и социокультурными ценностями. Появление наций означало переход от государства территориального типа к государству национального типа. *Территориальное государство* — это государство традиционного общества. В нем нет организационной связи между государственной властью и подчиненным этой власти населением. Общество и государство существуют как бы в разных измерениях, слабо взаимодействуя между собой. *Национальное государство* — органичное единство

гражданского общества и политической власти в пределах его территории. Граждане сознательно идентифицируют себя с государством, ощущая принадлежность к единой нации. Недаром в западной традиции само слово «нация» стало синонимом понятия «государство».

В то время как гражданское общество представляет собой комплекс частных, противоречащих друг другу интересов, правовое государство как выражение всеобщей воли призвано примирить и совместить друг с другом эти интересы. Если бы государство отражало лишь экономическую силу собственников, оно имело бы форму олигархической республики. Однако на деле экономическое господство собственников сосуществует с разнообразными политическими формами. И хотя имущие группы стремятся превратить институты власти в орудие своего господства, демократические принципы, заложенные в основу государственного устройства, обеспечивают значительную степень независимости государства от тех или иных экономических интересов. Гарантией жизнеспособности этих принципов является гражданское общество и правовое государство.

Предусматриваемое правовым государством равенство перед законом и гражданские права необходимо дополнить политическими и социально-экономическими правами. Равенство — не цель, а основа для свободного выбора, равного доступа ко всему разнообразию жизненных возможностей. Одной из важнейших функций гражданского общества является обеспечение минимально необходимыми средствами существования всех членов, прежде всего тех, кто не в состоянии обеспечить себя самостоятельно (инвалиды, престарелые и т. д.). Первоначально эту задачу главным образом выполняли институты гражданского общества. Постепенно все бóльшую часть ответственности стало брать на себя государство. В индустриально развитых странах в результате расширения государственных социальных программ утвердилось *социальное государство*, взявшее на себя функции, ранее принадлежавшие гражданскому обществу.

Концепция социального государства начала формироваться в рамках того направления либеральной политической идеологии, которое возникло на рубеже XIX и XX вв. и получило название «новый либерализм». Позже название «новый либерализм» заменили на «социальный либерализм» (см. главу IV). Левое крыло либералов опасалось, что безудержное развитие капиталистических рыночных отношений, сопровождавшееся усилением экономического неравенства, может привести к социальному взрыву. Такой взрыв

в форме бунта, мятежа или революции опрокинет сложившуюся политическую систему и поставит под угрозу основополагающие права и свободы человека, в том числе и право на частную собственность. Поэтому сторонники нового направления в либерализме предлагали проводить сильную социальную политику, призванную сглаживать социальное неравенство и предотвращать острые политические конфликты.

Термин «социальное государство» ввел в научный оборот немецкий ученый Л. фон Штайн в конце XIX в. Во второй половине XX в. в политическом лексиконе появились его синонимы — «государство благосостояния», «государство всеобщего благоденствия». Данные термины широко использовались в публичных выступлениях политических лидеров, в программах политических партий. Это было связано с тем, что именно в этот период сложились экономические предпосылки для реализации теоретической концепции социального государства в государственной политике ведущих стран Запада.

Немецкий социолог и политолог Й. Альбер выделяет несколько этапов становления социального государства. Начальный этап, как он считает, пришелся на XIX в., когда во многих странах появилась и стала развиваться система социального страхования. Затем, с окончания Первой мировой войны и вплоть до 60-х гг. XX в., наступил этап расширения объема предоставляемых государствами социальных услуг, значительно возросли расходы на эти цели. Социально-экономические права человека или, иначе говоря, права человека второго поколения становятся, по словам Й. Альбера, фундаментальным элементом гражданских прав. В 60–70-х гг. акцент социальной политики смещается на улучшение качества жизни, а затем социальное государство, или «государство благосостояния», вступает в фазу своей консолидации.

С точки зрения современной политологии социальным следует считать такое государство, которое проводит политику, направленную на создание каждому гражданину достойных условий жизни и социальной защищенности. Через соответствующую налоговую политику социальное государство обеспечивает социальную поддержку наиболее нуждающимся слоям населения, принимает меры по борьбе с безработицей и стремится достичь (по возможности) всеобщей занятости. Социальное государство берет на себя значительную часть расходов по содержанию систем здравоохранения и образования. Главная цель социального государства — сохранение социального мира и общественной стабильности.

Первоначально концепция социального государства родилась в рамках левого крыла либералов и носила ярко выраженный реформистский характер. Впоследствии, после того как социал-демократы отказались от революционных идей марксизма и перешли на позиции социал-реформизма, идея социального государства была заимствована ими и нашла свое выражение в концепции *социальной демократии* как одного из базовых элементов идеологии *демократического социализма*. Именно с политикой социал-демократических партий западноевропейских стран связаны наибольшие успехи в реализации идей социального государства. В качестве примера можно назвать Швецию, в которой социал-демократы находятся у власти с небольшими перерывами начиная с 1932 г.

К концу XX в. концепция социального государства в той или иной степени была усвоена всеми основными политическими силами развитых стран, причем не только социал-демократами и либералами, но и консерваторами. Правда, в рамках «неоконсервативной волны», охватившей ведущие страны Запада в конце XX столетия, предпринимались попытки демонтажа социального государства как слишком затратного и экономически неэффективного. Но, несмотря на сокращение расходов на некоторые социальные нужды, основы государства социального типа во всех развитых странах сохранились. Не в последнюю очередь это обусловлено характером гражданского общества, сложившимся в этих странах.

Развернувшийся на рубеже XX и XXI вв. процесс глобализации вновь обострил вопрос о судьбе социального государства. С одной стороны, по мнению неolibеральных теоретиков, национальные государства вообще должны отказываться от своих полномочий в пользу наднациональных структур. С другой стороны, видный теоретик-неомарксист И. Валлерстайн считает, что развитие глобального капитализма ведет к «смерти» либерализма и деградации институтов социального государства в том виде, как они сложились за последнее столетие (см. главу XXII). Насколько обоснованы подобные резкие суждения, сказать пока трудно. Практика свидетельствует, что степень реализации принципов социального государства зависит не от того, как они воплощены в законодательстве той или иной страны, а от конкретной социально-экономической ситуации. В условиях экономического подъема расходы на социальные нужды растут, а в условиях спада и кризиса, наоборот, сокращаются. Это

даже не зависит от того, какая политическая партия находится у власти. Однако и в условиях кризиса есть пределы, до которых может сворачиваться социальная политика государства. И эти пределы определяются уровнем развития гражданского общества и степенью его активности.

Влияние гражданского общества на развитие государства можно проследить на протяжении нескольких последних столетий. Вначале это влияние привело к утверждению правового и социального принципов построения и деятельности государства. Начиная с 70-х гг. XX в., особенно в Западной Европе, эти принципы были дополнены экологическим принципом. Под воздействием экологических движений экологическая проблематика нашла свое отражение сначала в программах уставов политических партий, а затем и в законодательстве практически всех западноевропейских государств. Это еще раз показало возможность гражданского общества играть активную роль в процессе эволюции государства как политического института.

§ 4. Современная российская государственность

История российской государственности насчитывает более тысячи лет. Начало ей положило объединение восточнославянских племен в единое государство — Киевскую Русь. Затем последовал распад этого государства на отдельные княжества, и уже после монголо-татарского нашествия начался медленный процесс восстановления единства русской государственности. Новым политическим центром стала Москва, вокруг которой собирались русские земли. По мере увеличения территории и политического влияния Московского княжества возрастал его международный авторитет и повышался статус московских князей как правящих монархов. Сначала за московскими князьями закрепился титул великих князей, а Иван Грозный уже получил титул царя. Московское царство существовало до начала XVIII в. Далее наступил новый этап развития отечественной государственности в форме Российской империи, которая стала одной из великих держав Европы и мира того времени. Не справившись с нагрузками эпохи модернизации (см. главы XV, XVI), Российская империя рухнула в результате революции 1917 г.

Из революционных событий Россия вышла с левототалитарным политическим режимом, а ее государственность была воссоздана в виде Союза Советских Социалистических Республик. Несмотря на успехи, достигнутые на определенном этапе, Советский Союз вступил в конце 80-х гг. XX в. в полосу глубокого экономического, социального и идейно-политического кризиса, итогом которого стало падение коммунистического режима и дезинтеграция единого союзного государства. С конца 1991 г. начался отсчет современного этапа истории отечественной государственности — на этот раз в форме Российской Федерации.

Основы государственного устройства современной России были закреплены Конституцией, принятой на всенародном референдуме 12 декабря 1993 г. В Конституции Российская Федерация определяется как демократическое федеративное государство с республиканской формой правления. Отражены в Конституции России 1993 г. и принципы социального государства. Однако судить о форме и содержании современной российской государственности только на основе формально-правовых норм, зафиксированных в ее Конституции, было бы ошибочным. Необходимо принимать во внимание особенности российской политической культуры, а также обусловленные этими особенностями характер и эволюцию политического режима в посткоммунистической России.

При разработке текста Конституции 1993 г. опирались на опыт конституционного устройства зарубежных стран, в частности, с одной стороны, США, с другой стороны, Франции. Но конституционное устройство современной России и реальная практика функционирования институтов государственной власти испытывают влияние политических традиций как досоветского, так и советского прошлого.

В работах зарубежных и отечественных политологов и правоведов дается неоднозначная оценка формы правления, присущей современному российскому государству. Одни считают Российскую Федерацию президентской или даже, как иногда отмечается, суперпрезидентской республикой. Другие же характеризуют ее как полупрезидентскую республику. Каждая из этих точек зрения имеет под собой основания.

С одной стороны, институт президентской власти занимает центральное и основополагающее место в системе государственных институтов Российской Федерации. В соответствии с Конституцией президент России является главой государства и главноко-

мандующим ее вооруженными силами. Выборы президента РФ осуществляются путем прямого голосования всех граждан России, обладающих активным избирательным правом (см. главу XII). Избранным считается кандидат, набравший более половины голосов избирателей, принявших участие в голосовании. Срок полномочий Президента первоначально был установлен в 4 года, в соответствии с изменениями, внесенными в Конституцию РФ на рубеже 2008–2009 гг., увеличен до 6 лет. Конституция Российской Федерации заимствовала норму, существующую в США и ряде других государств с президентской формой правления, в соответствии с которой глава государства может занимать свой пост не более двух сроков подряд. Президент принимает меры по охране суверенитета, независимости и государственной целостности Российской Федерации, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие всех органов государственной власти.

Широкие полномочия закреплены за президентом РФ в области внешней политики. Он представляет Россию как государство на международной арене, ведет от ее имени важнейшие международные переговоры и подписывает международные договоры. Как Верховный главнокомандующий Вооруженными силами РФ президент определяет основные направления оборонной политики и осуществляет руководство обороной страны. Конституционное закрепление такой функции очень важно, так как Россия обладает одним из самых больших в мире потенциалов стратегических ядерных вооружений, и контроль над ними должен быть сосредоточен в руках конкретного, несущего всю полноту ответственности человека.

Президент осуществляет и еще ряд функций, обеспечивающих основы жизнедеятельности государства и общества в целом. В частности, он решает вопросы, связанные с гражданством РФ и предоставлением политического убежища; награждает орденами и медалями РФ, присваивает почетные звания, а также высшие воинские и специальные звания РФ; осуществляет помилование; издает указы и распоряжения, подлежащие исполнению на всей территории России, до появления законов, заменяющих эти указы и распоряжения, либо до их отмены по иным причинам.

Выполняя обязанности главы государства, президент РФ взаимодействует с общефедеральными органами исполнительной и законодательной власти. Его взаимодействие с законодательной властью, представленной Федеральным собранием, которое

включает в свой состав Государственную думу и Совет Федерации, заключается в следующем:

- ✦ президент обладает правом вето на законы, принятые Федеральным собранием;
- ✦ обращается к Федеральному собранию с ежегодными посланиями о положении в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики государства;
- ✦ вводит на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях военное положение с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной думе;
- ✦ назначает и отзывает после консультаций с соответствующими комитетами и комиссиями палат Федерального собрания дипломатических представителей РФ в иностранных государствах и международных организациях.

Взаимодействие президента с нижней палатой парламента — Государственной думой состоит в том, что он

- ✦ назначает с согласия Государственной думы председателя правительства РФ;
- ✦ представляет Государственной думе кандидатуру для назначения на должность председателя Центрального банка РФ (либо ставит вопрос об освобождении от этой должности);
- ✦ назначает выборы Государственной думы;
- ✦ распускает Государственную думу;
- ✦ вносит законопроекты в Государственную думу;
- ✦ возвращает в Государственную думу для нового рассмотрения отклоненные им федеральные законы.

Взаимодействуя с верхней палатой парламента — Советом Федерации, президент

- ✦ представляет Совету Федерации кандидатуры для назначения на должности судей Конституционного, Верховного, Высшего Арбитражного судов РФ, а также кандидатуру Генерального прокурора РФ;
- ✦ вносит в Совет Федерации предложение об освобождении от должности Генерального прокурора РФ.

В свою очередь, Совет Федерации утверждает указ президента о введении чрезвычайного и военного положения, а также предостав-

ляет ему как Верховному Главнокомандующему Вооруженными Силами право на их использование за пределами территории Российской Федерации в мирное время.

Взаимодействие президента и правительства как главного органа исполнительной власти Российской Федерации выражается в том, что он

- ✦ принимает решение об отставке Правительства;
- ✦ по предложению председателя правительства РФ назначает на должность и освобождает от нее заместителей председателя правительства и федеральных министров;
- ✦ имеет право отменять постановления Правительства.

Как видно, президент Российской Федерации обладает широкими полномочиями и выполняет многочисленные функции, сопоставимые с полномочиями и функциями главы государства в президентских республиках. Одновременно институт президентства в современной России продолжает традицию концентрации и персонификации верховной власти, присущую всем предшествующим этапам отечественной политической истории. Носителем верховной власти в России, причем в прошлом с неограниченными полномочиями, всегда был один человек, хотя называться он мог по-разному: великий князь, царь или император. Эта традиция была продолжена и в советское время, хотя формально должность реального главы государства также могла быть различной. Де-факто им всегда был лидер правившей коммунистической партии. Он мог не занимать значительных государственных постов, как И. Сталин в период с 1924 по 1941 г., Н. Хрущев в 1953–1955 гг., Л. Брежнев в 1964–1977 гг. и М. Горбачев в 1985–1987 гг. Или быть формально главой правительства, как И. Сталин в 1941–1953 гг. и Н. Хрущев в 1955–1964 гг. Он мог, как Л. Брежнев и последовавшие за ним генеральные секретари — Андропов, Черненко и Горбачев, занимать номинально высший государственный пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Суть от этого не менялась. Объем полномочий и степень неограниченности верховной власти в России менялась в зависимости от конкретной исторической ситуации, причем изменения носили нелинейный характер. Например, характер власти И. Сталина можно сравнить скорее с неограниченной властью Ивана Грозного, чем с властью последнего российского императора Николая II. Представляется, что подвергшиеся модернизации властные полномочия Николая II

в наибольшей степени схожи с полномочиями президента в современной России. В процессе крушения коммунистического режима произошла институционализация традиционной верховной власти, которая теперь приняла форму президентства.

Впервые в российской истории верховная государственная власть, в данном случае власть президента РФ, опирается на прочный правовой фундамент и на действующую Конституцию. Схожесть формы правления, закрепленной в этой Конституции, с формой правления, присущей республикам парламентского типа, помимо прочего, заключается и в том, что в ней отражен формально-правовой принцип разделения властей. В соответствии с ним в структуре высших органов общефедеральной государственной власти присутствуют три ее ветви — законодательная, исполнительная и судебная.

Законодательная власть представлена Федеральным собранием, состоящим, как уже отмечалось, из двух палат: верхней — Совета Федерации и нижней — Государственной думы. В соответствии с определенными Конституцией полномочиями Федеральное собрание

- ✦ принимает законы;
- ✦ определяет нормативную базу деятельности всех органов государственной власти;
- ✦ влияет парламентскими способами на деятельность исполнительной власти, в том числе и возможностью постановки вопроса о доверии Правительству РФ;
- ✦ участвует в той или иной форме в формировании правительства, судебных органов РФ.

Правительство как орган исполнительной власти

- ✦ организует исполнение законов;
- ✦ влияет на законодательный процесс (обладает правом законодательной инициативы, дает заключения по законопроектам, требующим привлечения дополнительных федеральных средств).

Судебная власть на общефедеральном уровне представлена Верховным судом РФ, Высшим Арбитражным судом РФ и Конституционным судом РФ. Все эти органы судебной власти осуществляют правосудие в стране. А на Конституционный суд возложены еще и контрольные функции по отношению ко всем другим ветвям и органам государственной власти.

Как в президентских республиках, в Российской Федерации в соответствии с действующей Конституцией предусмотрена система сдержек и противовесов между разными ветвями и центрами власти. С одной стороны, президент обладает правом роспуска Государственной думы, например, если она трижды отклонит предложенную им кандидатуру на пост премьер-министра. Правда, по Конституции это возможно только через год после начала работы Государственной думы и не позднее шести месяцев до окончания полномочий самого президента. С другой стороны, Государственная дума может выразить недоверие правительству, вопрос об отставке которого потом решается президентом. Федеральное собрание может осуществить процедуру импичмента (то есть лишения полномочий, отставки) президента РФ, хотя эта процедура носит сложный характер и требует немало времени. Процедура импичмента такова: в соответствии со статьей 93 Конституции РФ, Государственная дума на основании заключений Верховного суда РФ и Конституционного суда РФ может выдвинуть против Президента обвинения в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления, после чего на основании выдвинутого обвинения Совет Федерации может принять решение об отстранении президента от должности. В новейшей политической истории России имела место попытка импичмента президента Б. Н. Ельцина, предпринятая по инициативе оппозиционных депутатов Государственной думы. Однако эта попытка окончилась неудачей.

Вопреки сложившемуся мнению о слабости института законодательной власти в России, роль российского парламента, вытекающая из действующих конституционных норм, сравнима с ролью, которую обычно играет парламент в условиях президентской республики. Исходя из принципа разделения властей, парламент в республике президентского типа имеет ограниченные и преимущественно косвенные возможности влияния на политику, осуществляемую исполнительной властью. В современной России правовая база подобного влияния даже расширена, поскольку в соответствии с изменениями, внесенными в Конституцию по инициативе президента Д. А. Медведева, правительство обязано отчитываться перед Государственной думой о своей деятельности.

В 90-х гг. XX в. большинство депутатов Государственной думы были настроены оппозиционно, поэтому имели место конфликты между исполнительной и законодательной властью, вообще характерные для республик президентского типа. У правительства

не было прочной поддержки в парламенте, а президент, обладая обширными полномочиями, вынужден был считаться с расстановкой сил в Государственной думе, особенно при выдвижении кандидатуры на пост главы правительства. Можно сделать вывод о том, что место и роль парламента в российской политике зависят не от конституционных норм как таковых, а от общей ситуации в стране и особенно от результатов парламентских выборов. Действующие же конституционные нормы не дают оснований характеризовать современную Россию как республику исключительно президентского типа, поскольку правительство является отдельным институтом исполнительной власти, а наряду с постом президента существует пост премьер-министра.

Внешне форма правления, определяемая российской Конституцией, очень похожа на форму правления периода V Республики во Франции. Главное же отличие связано с ролью политических партий и характером партийных систем в России, с одной стороны, и во Франции — с другой. Именно степень развития политического плюрализма и партийной конкуренции определяют ту модель взаимоотношений между президентом, правительством и парламентом во Франции, которая существует в полупрезидентской республике. В России же партийная система в 90-х гг. XX в. имела аморфный характер, и ее становление не завершилось и по сегодняшний день. Поэтому отечественная модель взаимоотношений ветвей и институтов власти больше зависит от особенностей российской политической культуры. В России всегда важными были не политические институты или посты сами по себе, а то, кем данный политический институт персонифицируется и кто конкретно занимает тот или иной пост. Это проявлялось и в советский период, когда значение и роль главы Правительства зависели от того, кто на этом посту находился. Нечто подобное наблюдалось и в посткоммунистической России. В 90-х гг. XX в. по мере деградации персональной легитимности Б. Ельцина происходило снижение авторитета и ослабление президентской власти и возрастала оппозиционность парламента. Роль и значение главы правительства были различными, например, в период, когда на этом посту находился С. Кириенко, и тогда, когда его сменил Е. Примаков.

С избранием на пост президента РФ В. В. Путина, чей авторитет и популярность неуклонно возрастали, начался процесс «укрепления вертикали власти». В ходе этого процесса значение института президентства росло, а политическая роль правительства и его

председателя снижалась. Правительство все больше сосредоточивалось на чисто технических функциях исполнения решений, принимаемых на уровне Президента. Отказ В. В. Путина от предложений внести изменения в Конституцию, следствием которого стала невозможность для него баллотироваться на новый президентский срок, создал принципиально новую ситуацию. После избрания президентом Д. А. Медведева он, в соответствии с ранее достигнутыми договоренностями и с согласия Государственной думы, назначил на пост председателя правительства В. В. Путина. Впервые в истории России правительство возглавил лидер крупнейшей политической партии, имеющей в нижней палате парламента конституционное большинство. Это обстоятельство, а также высокий рейтинг нового премьера увеличили политический вес и главы правительства персонально, и самого правительства как института исполнительной власти. Сегодня роль правительства и его председателя ближе к той, которая характерна для республик полупрезидентского типа.

Таким образом, форму правления, существующую сегодня в Российской Федерации, можно определить как переходную от президентской к полупрезидентской республике. На практике, в рамках современных конституционных норм, она может эволюционировать в разных направлениях в зависимости от текущей политической ситуации.

По типу территориального устройства Российское государство и по официальному названию, и по сути является федеративным. Внешние атрибуты федерализма использовались и в советский период, но ни СССР, ни входившая в его состав РСФСР не были полноценными федерациями, поскольку в условиях коммунистического режима неизбежной была жесткая централизация государственной власти и управления в масштабах всей страны. Становление современного российского федерализма происходило в сложных и противоречивых условиях крушения прежнего политического режима и распада советской государственности.

Вопросы государственно-территориального устройства нередко становились объектом острой политической борьбы и использовались в конъюнктурных целях. Так, стараясь привлечь на свою сторону в борьбе против М. С. Горбачева и союзного центра политические элиты и лидеров национальных автономий в составе РСФСР, первый Президент России Б. Н. Ельцин бросил, обращаясь к ним,

свою ставшую знаменитой фразу: «Берите суверенитета столько, сколько можете проглотить!» Подобный призыв привел к хаосу во взаимоотношениях между российским федеральным центром и стремящимися к повышению своего статуса субъектами федерации. Автономные республики стали провозглашать себя полностью суверенными государствами, автономные области — республиками, республиканский статус присваивали себе и области с преимущественно русским населением. Национальные округа стали заявлять о выходе из состава краев и областей, в которые они входили на протяжении многих десятилетий.

В какой-то мере упорядочить федеративные отношения удалось после принятия в 1993 г. Конституции РФ. Хотя она закрепила принцип равноправия всех субъектов федерации в отношении с федеральным центром, однако сами субъекты федерации не тождественны между собой. С одной стороны, субъекты — составные части Российской Федерации. Они не имеют права выхода из РФ, не являются субъектами международного публичного права и осуществляют международные и внешнеэкономические связи в пределах, установленных федеральным законом. С другой стороны, можно выделить три разновидности субъектов РФ.

1. Республики, имеющие статус государства в составе Федерации и обладающие всей полнотой государственной (законодательной, исполнительной, судебной) власти на своей территории, кроме тех полномочий, которые находятся в ведении федеральных органов государственной власти. Они образованы на национально-территориальной основе. Статус республики характеризуется прежде всего тем, что она является государством. Особенности ее конституционно-правового положения отражены в Конституции РФ и конституции конкретной республики и заключаются в следующем: как государство она имеет свою конституцию, государственные символы (герб, флаг, гимн), соответствующие названия органов власти (президент, парламент, правительство, министерства и т. д.).
2. Политико-территориальные образования: края, области, города федерального значения.
3. Национально-территориальные образования: автономные области и округа. Эта форма обеспечивает малочисленным народам Сибири и Крайнего Севера возможность их сохранения

и развития в виде государственного образования. Автономные образования хотя и равноправны с другими субъектами РФ, имеют значительные отличия в конституционно-правовом статусе.

Следовательно, современное Российское государство, как уже отмечалось, относится к числу асимметричных федераций.

Конституция РФ 1993 г. в полной мере учла многие аспекты мирового опыта структурирования органов власти федеративных государств. Так, парламент — Федеральное собрание — построен в соответствии с присущим федерациям принципом *бикамерализма*. Это означает, что он состоит из двух палат, одна из которых представляет интересы населения страны в целом, а вторая — интересы субъектов федерации. В России эту функцию выполняет Совет Федерации, состоящий из представителей исполнительной и законодательной власти каждого из субъектов федерации. То, что члены Совета Федерации не избираются напрямую населением (кроме первого состава), не является чем-то необычным для практики федеративных государств. Механизм формирования Совета Федерации не был точно определен в Конституции РФ, кроме дополнительного положения об избрании первого состава верхней палаты парламента сроком на два года прямым волеизъявлением избирателей. Затем членами Совета Федерации стали главы исполнительной власти и руководители органов законодательной власти субъектов Федерации. Это повысило политический вес верхней палаты российского парламента, но создало весьма сложную ситуацию, когда одним и тем же лицам приходилось совмещать совершенно различные функции. Поэтому в начале XXI в. перешли к новому порядку формирования Совета Федерации, при котором его членов, по два от каждого субъекта федерации, как и было предусмотрено, делегировали региональные парламента. Одного из кандидатов предлагал глава исполнительной власти соответствующего субъекта федерации, а другого выдвигал сам орган законодательной власти, принимавший решение об избрании членов Совета Федерации.

Со временем выяснилось, что при такой процедуре комплектования верхняя палата российского парламента стала в значительной мере состоять из людей, не имевших никакого отношения к тем субъектам федерации, чьи интересы они должны были защищать. В результате федеративный принцип организации законодательной

власти был нарушен, поскольку некоторые члены Совета Федерации бывали в регионах, от имени которых они заседали в парламенте только лишь в момент своего избрания соответствующими органами. Такие парламентарии представляли различные группы интересов, действующих на общенациональном уровне, или получили почетный статус «сенаторов» по стечению обстоятельств и не владели достаточной информацией о положении дел в тех регионах, от имени которых они заседали в Совете Федерации. Попыткой преодолеть сложившийся порядок, противоречащий принципам федерализма, стало введение нормы, согласно которой члены Совета Федерации должны были постоянно проживать в представляемом ими регионе. Но затем эту норму, не успевшую даже в полной мере вступить в действие, заменили другой. Теперь, начиная с 2009 г., новых членов Совета Федерации должны избирать только из списка депутатов законодательных органов власти соответствующих российских регионов. Насколько подобная мера поможет придать верхней палате российского парламента характер, присущий органам законодательной власти федеративных государств, покажет время.

На протяжении первого десятилетия XXI в. было принято несколько важных политических решений, напрямую затрагивающих судьбу российского федерализма. Практические последствия этих решений невозможно оценить однозначно. Например, изменился порядок избрания глав исполнительной власти субъектов федерации. До 2004 г. почти повсеместно их избирали путем прямого волеизъявления избирателей каждого региона. Теперь президентов республик, губернаторов краев и областей и иных глав исполнительной власти наделяют полномочиями законодательные органы власти соответствующих субъектов федерации по представлению президента России. Критики данного решения из числа оппозиционеров праволиберального толка усмотрели в нем отход от демократических принципов. На самом деле порядок формирования местных институтов исполнительной власти напрямую не связан с характером политического режима. Прямое назначение чиновников всех уровней структуры исполнительной власти — это довольно распространенная практика и в демократических государствах, но только если они несут унитарный характер. А вот принципам федерализма, предполагающим право самостоятельного формирования субъектами федерации собственных органов власти, как законодательных, так и исполнительных, нынешний порядок не то избрания,

не то назначения глав российских регионов отчасти противоречит. В то же время следует учитывать наличие объективного противоречия между необходимостью добиться единства государственного управления в масштабах всей страны и тенденцией к децентрализации исполнительной власти, присущей федеративному устройству государства.

Начиная с 2004 г. главы исполнительной власти находятся под большим контролем федерального центра, что создает возможности для реализации многих общегосударственных задач. Но достигнуто это определенным отступлением от принципов федерализма. На устранение данного перекоса направлен проект Д. А. Медведева, в соответствии с которым кандидатуру на пост главы исполнительной власти субъекта федерации должна предлагать президентская партия, одержавшая победу на региональных парламентских выборах.

Меры, принятые в начале XXI в. по устранению противоречий между общефедеральным законодательством и законодательством субъектов федерации, одновременно следует рассматривать и как меры по укреплению и стабилизации федеративных отношений в современной России, поскольку в федерациях необходимо четкое различие полномочий центра и регионов в рамках общего правового пространства. К мерам по совершенствованию федеративных отношений следует отнести и меры по укрупнению российских регионов через объединение субъектов федерации. В условиях хаотичного процесса становления российского федерализма в начале 90-х гг. XX в. появилось немало нежизнеспособных субъектов федерации. Некоторые территории, получив все внешние атрибуты полноправных субъектов федерации, не могут существовать без помощи федерального центра и своих соседей, им не под силу содержать ту политико-административную инфраструктуру, которая им полагается в соответствии с их нынешним статусом. Поэтому вхождение таких регионов в состав более крупных и более жизнеспособных, сильных субъектов федерации соответствует сущности и принципам федеративного устройства современного российского государства. Пример такого укрупнения российских регионов — объединение Пермской области и Коми-Пермяцкого национального округа, в результате которого был образован единый Пермский край. В настоящее время в процессе реализации, а также на стадии обсуждения находится еще несколько объединительных проектов.

Контрольные вопросы и задания

1. В чем состоит специфика государства как политического института?
2. Какая из концепций происхождения государства представляется вам наиболее убедительной?
3. Охарактеризуйте основные функции государства в политической системе.
4. Как соотносятся между собой понятия «форма правления» и «форма государственного устройства»?
5. Что такое «дуалистическая монархия»?
6. В чем заключаются особенности взаимоотношений между законодательной и исполнительной властью в президентских, парламентских и президентско-парламентских республиках?
7. Чем федеративное государство отличается от унитарного?
8. Каким образом взаимосвязаны между собой процессы развития гражданского общества и эволюции государства?
9. Дайте характеристику основных этапов становления и развития российской государственности.
10. На основе Конституции РФ 1993 г. охарактеризуйте форму правления и форму государственного устройства Российской Федерации.

ГЛАВА XI

Политические партии и партийные системы

---

§ 1. Сущность и происхождение политических партий

Политические системы большинства стран современного мира невозможно представить без *политических партий*. Наряду с группами интересов партии обеспечивают взаимодействие гражданского общества и государства и тем самым являются связующим элементом современных политических систем. Нет единого и общепринятого определения политической партии. Политологи дают различные трактовки отличительных характеристик политических партий. Однако практически все исследователи едины в том, что партии имеют существенные отличия от общественных движений и общественных организаций. Если общественные движения при всей их аморфности могут в определенных условиях добиваться значительных социально-политических результатов, то общественные организации даже политического характера, имея стабильную и формализованную структуру, ограничены в возможностях воздействия на реальную политику и не ставят перед собой цели завоевания и осуществления политической власти. Как раз наличие подобной цели является характерным признаком всякой политической партии. Но если многие исследователи и ограничиваются

только этим признаком, то американский политолог Д. Ла Паломбара выделяет еще три.

1. Наличие определенной политической идеологии, на основе которой формируется программа и строится деятельность политической партии.
2. Высокий уровень институализации, что выражается в наличии сложившейся организационной структуры, пронизывающей все уровни политики.
3. Стремление охватить своим влиянием как можно большее количество людей как через привлечение на свою сторону избирателей, так и через расширение количества членов партии.

Последнее обстоятельство позволяет многим специалистам в области партологии включать в расширенную структуру политических партий и их избирателей.

Внутри же самих партий принято выделять рядовых членов, партийных активистов, партийных функционеров, партийных идеологов и партийных лидеров. Избиратели — это те, кто отдают свои голоса на выборах за данную партию, но в большинстве проводимых партией мероприятий участия не принимают. Рядовые члены партии участвуют во внутрипартийной жизни и могут выполнять от случая к случаю отдельные партийные поручения. Партийные функционеры — это внутрипартийные чиновники, занимающиеся партийной работой на профессиональной основе. Именно из них состоит партийный аппарат, без которого деятельность современной политической партии невозможна. Из среды партийных функционеров, как правило, выдвигаются лидеры партий. Хотя бывают и исключения, например, в нашей стране лидером партии «Единая Россия» стал В. В. Путин, формально не являясь ни членом, ни, следовательно, функционером данной партии. Организационно к партии могут не принадлежать и ее идеологи, хотя сегодня это встречается довольно редко.

Если политическая партия представлена в парламенте, то в ее составе выделяется и может играть особую роль группа партийных депутатов, а в случае, если партия становится правящей, появляются и ее представители в органах исполнительной власти. В условиях тоталитарных политических режимов прослеживается тенденция полного слияния партийного и государственного аппаратов.

Политические партии выполняют в современных политических системах ряд важных для жизни государства и общества функций.

Во-первых, это функции артикуляции и агрегирования интересов (см. главу VIII). И если с функцией артикуляции могут успешно справляться и разнообразные группы давления, то функцию агрегирования практически полностью реализуют политические партии. Во-вторых, это функции политической социализации. Через участие (как активное, так и пассивное) в деятельности партий индивиды приобретают соответствующий политический опыт, усваивают знания и навыки, необходимые для их дальнейшей политической практики. В-третьих, это функции рекрутирования политической элиты и политических лидеров. В современных условиях успешная партийная карьера может открыть путь к вершинам политической власти. В-четвертых, это функция обеспечения взаимосвязи между гражданским обществом и государством. Эту функцию осуществляют как правящие, так и оппозиционные партии. В-пятых, правящие партии осуществляют функцию разработки и реализации внутренней и внешней политики государства.

Термин «партия» (от лат. *partire* — делить) стал употребляться в политической лексике задолго до возникновения политических партий в современном значении данного понятия. При дворах монархов нередко возникали группировки приближенных к трону лиц, представлявших и отстаивавших различные цели и интересы. Например, выражения «партия войны» и «партия мира» активно использовались для обозначения противоположных позиций в среде правящей элиты вплоть до XX в. включительно. Нередко политический раскол затрагивал не только правящую элиту, но и значительную часть общества, что приводило к серьезным социально-политическим конфликтам. Примером такой ситуации может служить знаменитая война «алой» и «белой» роз в средневековой Англии.

В XVIII и в XIX вв. под «партиями» стали понимать организационно слабо оформленные движения и группировки, соперничавшие между собой на основе не совпадавших политических интересов и целей. Например, роялисты, жирондисты, якобинцы и «бешенные» во времена Великой Французской революции. Некоторые термины, служившие для обозначения подобных «партий», впоследствии стали использовать уже как неофициальные названия настоящих политических партий. Так, британских консерваторов до сих пор называют «тори». Этот термин появился в XVIII в. вместе с термином «виги» для обозначения сторонников и противников лишения будущего короля Якова II, а тогда еще герцога Йоркского,

права на престолонаследие. Сами термины «тори» и «виги» первоначально не несли никакой смысловой нагрузки, но сохранились на протяжении нескольких столетий. Начиная с XIX в. «тори» стали называть членов и сторонников консервативной партии, а «виги» — членов и сторонников либеральной партии. Постепенно эти партии институализировались и превратились в политические партии в современном значении этого понятия.

Не только в Англии, но и в других странах Западной Европы, а также Северной Америки во второй половине XIX в. завершается становление политических партий и партийных систем. В политологии причины и процесс возникновения политических партий объясняют и описывают по-разному. Одну из первых версий партогенеза предложил М. Вебер. По его мнению, в процессе своего становления политические партии прошли три основных этапа: возникновение неформальных аристократических политических кружков (котериев); создание политических клубов; образование массовых политических партий. Данную схему М. Вебер подтверждал примерами из истории эволюции английских «тори» и «вигов». Сначала они представляли собой котерии, в 30-х гг. XIX в. «тори» основали «Чарльтон Клуб», а «виги» — «Реформ Клуб». Затем пришла эпоха массовых партий. Первой такой партией стала возникшая в 1861 г. на основе «Реформ Клуба» либеральная партия. Несколько позже, в 1867 г., институализировалась и консервативная партия, сохранившая неофициальное наименование «тори» вплоть до сегодняшнего дня.

Несколько иную версию партогенеза представил в своей книге «Демократия и политические партии», впервые вышедшей в 1898 г., русский ученый М. Я. Острогорский. Кроме политического опыта Великобритании в ней ученый проанализировал также политический опыт Соединенных Штатов Америки и Франции. В своей концепции М. Острогорский связывает становление политических партий с развитием парламентской демократии, с распространением и расширением избирательного права. По его мнению, первоначально партии были представлены парламентскими фракциями, не имевшими устойчивой базы в широких массах населения. По мере увеличения числа избирателей партии переносят свою деятельность за пределы парламента. Они стремятся создать ассоциации избирателей. Целью ассоциаций является расширение числа сторонников партийных программ и тем самым увеличение количества голосов, подаваемых за партийных кандидатов на выборах.

Необходимость ведения предвыборной агитации потребовала создания местных избирательных комитетов, которые Острогорский назвал *кокусами*.

Именно с развитием кокусов М. Острогорский связывал третий — завершающий — этап процесса становления политических партий современного типа. На этом этапе партии институализируются, из разрозненных кокусов складывается мощный партийный аппарат, который Острогорский сравнивает с машиной. Постепенно партийная бюрократия становится самостоятельной силой и оттесняет прежних лидеров. При этом власть этого единого теперь кокуса носит преимущественно непубличный, скрываемый от постороннего взгляда характер. Эта власть опирается на возможность партийных функционеров манипулировать материальными ресурсами, кадрами и информацией. Выводы, сделанные М. Острогорским на примере развития партий в Северной Америке, отчасти нашли подтверждение в послереволюционной истории нашей страны, когда И. Сталин одержал победу в борьбе с более яркими политическими лидерами благодаря тому, что он возглавил аппарат большевистской партии.

Идеи М. Острогорского использовал в своей концепции возникновения партий известный французский политолог М. Дюверже. Правда, это касается только того пути возникновения партий, который Дюверже назвал «внутренним». Этот путь включает те же этапы, о которых говорил и Острогорский, то есть образование парламентских фракций, организация работы с широким кругом избирателей и создание местных партийных комитетов. Этот путь ведет от парламента как одного из элементов государства к гражданскому обществу, где и формируется полноценная партийная инфраструктура.

Второй путь возникновения партий, названный Дюверже путем «внешнего» происхождения, предполагает противоположную первому траекторию партийного строительства: от структур гражданского общества к политическому представительству на уровне законодательной, а затем и исполнительной власти. По мнению Дюверже, в качестве зародыша будущих партий могут выступать следующие структуры гражданского общества:

✦ *Профессиональные союзы.* Самым ярким примером такого варианта образования партий является создание Лейбористской партии Великобритании. Эта партия была учреждена в 1900 г. под названием «Комитет рабочего представительства». Целью

Комитета было избрание в депутаты парламента представителей объединенных в тред-юнионы (от англ. *trade* — ремесло, профессия + *union* — объединение), то есть профсоюзы наемных трудящихся. С 1906 г. партия стала носить свое нынешнее название, и долгое время большинством ее членов считались те члены профсоюзов, которые наряду с профсоюзными взносами платили и партийные взносы.

- ✦ *Философские общества.* Примером может быть та же Лейбористская партия Великобритании, к процессу создания которой, наряду с профсоюзами, было причастно и философское Фабианское общество. Оно объединяло левых интеллектуалов, пытавшихся разработать отличную от марксистской концепцию социализма, путь к которому, по их мнению, лежал не через революцию, а через реформы.
- ✦ *Крестьянские объединения и ассоциации,* включая сельскохозяйственные кооперативы, ставшие основой создания аграрных партий. Примером этого является возникновение современных Партий центра в Финляндии и Швеции.
- ✦ *Церкви и религиозные объединения.* По инициативе таких объединений были созданы многие партии религиозно-консервативной направленности.
- ✦ *Студенческие и молодежные организации.* Примером может быть создание в посткоммунистической Венгрии партии «Союз молодых демократов», ныне эта партия носит название «Венгерский гражданский союз».
- ✦ *Объединения ветеранов войн и военных конфликтов.* Яркий пример — создание фашистской партии Италии, само название которой восходит к термину «фаши комбатанте» (от ит. *fascio* — связка, объединение + фр. *combatant* — сражающийся) — «союз бойцов», обозначавшему многочисленные союзы ветеранов, возникшие в Италии после окончания Первой мировой войны.
- ✦ *Масонские ложи,* ставшие, как считается, основой для создания многих политических партий либерального толка.
- ✦ *Тайные общества и организации,* в том числе нелегальные партии, выходящие затем из подполья. Так было с большинством левых партий в дореволюционной России.
- ✦ *Корпоративные группы интересов,* на каком-то этапе создающие собственные политические партии. Примером может быть Союз

независимых в Швейцарии. Эта партия была основана в 1935 г. по инициативе крупного предпринимателя Дутвайлера и с тех пор опирается на финансовые ресурсы крупной торговой сети «Мигро».

- ✦ *Социальные движения.* Самый яркий пример последних десятилетий — создание на базе экологических движений партий «зеленых» во многих странах мира.

По мнению Дюверже, партии «внешнего» происхождения более организованы и централизованы, чем партии «внутреннего» происхождения. Если для последних главным направлением деятельности является парламентское, то для партий «внешнего» происхождения типично разнообразие форм и направлений политической деятельности.

Еще одну концепцию партогенеза представили в своей совместной работе американский политолог С. М. Липсет и скандинавский политолог С. Роккан. Эти исследователи считают, что формирование партий и партийных систем связано со спецификой становления национального государства в каждой стране. Ученые выделили конфликты, оказавшие наиболее серьезное влияние на формирование партий и партийных систем: между центром и периферией, между государством и церковью, между городом и селом, между собственниками и работниками.

Конфликт между центром и периферией является одним из старейших политических конфликтов, через который прошло большинство стран мира. В ходе этого конфликта формируются партии регионального типа. Примером таких партий являются Уэльская националистическая партия и Шотландская национальная партия в Великобритании. Хотя обе эти партии имеют некоторые этнические особенности, главной причиной их создания был конфликт между центром и регионами.

В процессе государственной централизации возникает конфликт между государством и церковью, которая претендует на наднациональное лидерство. В протестантских странах этот конфликт был решен в ходе реформации, тогда как в странах с преимущественно католическим вероисповеданием после введения всеобщего избирательного права возникли религиозные партии, пользующиеся популярностью у значительной части населения. Например, в Австрии в 1887 г. была создана Католическая социально-христианская партия, преемницей которой после 1945 г. стала Австрийская народная

партия, и по сей день являющаяся крупнейшей партией этой страны. Ряд партий сформировался на основе антирелигиозных идеологий, что также является результатом такого типа конфликта. Такой была, например, Партия радикалов и радикал-социалистов, возникшая в конце XIX в. во Франции. Впоследствии эта партия вместе с некоторыми другими левоцентристскими группировками участвовала в образовании в 1969 г. современной Французской социалистической партии.

Процесс разрешения кризисов между центром и периферией и между государством и церковью С. М. Липсет и С. Роккан называют национальной революцией. Процесс разрешения конфликтов между городом и селом и между собственниками и работниками получил название промышленной революции.

В ходе промышленной революции значительно усиливаются различия между городом и селом, что приводит к политическому противостоянию между новым слоем собственников и традиционной землевладельческой аристократией. Конфликт между собственниками и работниками привел к созданию социалистических партий, представляющих интересы рабочих. Характер этих партий зависел от того, как правящая элита отвечала на требования непривилегированных слоев общества. Там, где элита не противодействовала введению всеобщего избирательного права, а значит, и интеграции рабочих в политическую систему, партии заняли умеренные позиции. Примером этого является Лейбористская партия Великобритании, которая в отличие от большинства других партий, входящих сегодня в Социалистический Интернационал, никогда не разделяла идеологическую платформу революционного марксизма. В тех странах, где элита проявила меньшую гибкость, политическое движение рабочего класса приняло антисистемный характер. Коммунистические партии были наиболее сильны там, где борьба за права рабочих была длительной и напряженной, например, в странах Южной Европы. Долгое время крупнейшими коммунистическими партиями за пределами социалистического лагеря были компартии Италии и Франции. И сегодня наиболее влиятельными коммунистическими партиями в Европейском Союзе остаются компартии южноевропейских стран — Греции и Португалии.

Как полагают С. М. Липсет и С. Роккан, конфликты внутри отдельных стран не только повлияли на образование политических партий, но и нашли отражение в характере сформировавшихся

в этих странах партийных систем. Там, где кризисы национального и государственного строительства разрешались относительно мирно, возникли стабильные и эффективные партийные системы.

§ 2. Типология партий и партийных систем

Со времен Великой Французской революции наиболее распространенным принципом, на основании которого составлялись типологии политических партий, был идеологический. В соответствии с ним партии принято делить на «правые» и «левые». Программные цели правых партий вытекают из политических идеологий правого толка, а программные установки левых партий вдохновляются левыми идеологиями. Поскольку в современных условиях существует множество идеологических течений как правого, так и левого типа, палитра политических партий выглядит куда более разнообразнее, чем раньше.

В соответствии с идеологическими платформами и политическими целями сегодня выделяют: *леворадикальные, левые, левоцентристские, центристские, правоцентристские, правые и праворадикальные партии.*

Идеология *леворадикальных* партий основывается на таких леворадикальных концепциях, как анархизм, троцкизм, маоизм и т. д. *Левыми* считаются коммунистические партии ортодоксального марксистско-ленинского толка. К *левоцентристским* партиям сегодня относят социалистические и социал-демократические партии, входящие в состав Социалистического Интернационала. К числу *центристских* принадлежат те политические партии, идеологические платформы и политические установки которых включают элементы и левых, и правых идеологий. К *правоцентристским*, с некоторой долей условности, можно отнести политические партии либерального и умеренно-консервативного толка. *Правыми* принято считать традиционные консервативные партии, например Республиканскую партию США или Консервативную партию Великобритании. К *праворадикальным*, или, иными словами, крайне правым, партиям относятся те партии, чьи политико-идеологические установки близки идеологическим течениям праворадикального типа. В прошлом это были фашистские партии, сегодня это либо

неофашистские, либо крайне националистические политические партии. В их число, например, входят Национальный Фронт во Франции или Национал-демократическая партия в ФРГ.

Однако идеологический принцип не может быть единственным основанием типологии политических партий. Он вполне применим к так называемым доктринальным партиям, для которых весьма важно сохранение своей идеологической чистоты, но вряд ли его можно использовать по отношению к прагматическим партиям, легко меняющим свои идеологические установки в соответствии с меняющейся политической конъюнктурой. Существуют и политические партии, для которых идеология имеет значение, но главными являются другие факторы, а не идеологические принципы. Например, Демократический союз венгров Румынии относится к числу этнических партий, а итальянская политическая партия «Вперед, Италия!» — к числу харизматических. Хотя эту партию нередко характеризуют как правую или правоцентристскую, но наиболее существенным является то, что она была основана лично Сильвио Берлускони и вряд ли сможет существовать в нынешнем виде без своего лидера. Можно выделить и другие факторы, на основе которых формируются и действуют политические партии. Региональные партии представляют интересы населения отдельных регионов, есть партии, созданные по социальному (крестьянские) или гендерному (женские) признакам.

В качестве критерия типологизации политических партий можно использовать особенности их организационной структуры и взаимосвязей между ними и поддерживающими их группами населения. Именно эти факторы учитываются в работах М. Дюверже. Французский политолог представил несколько вариантов типологизации политических партий.

Первый вариант основан на выделении партий с *прямой* и *непрямой* структурой. Партии с прямой структурой состоят непосредственно из местных, региональных организаций и комитетов, объединенных общенациональным руководящим центром. Желающие вступить в такую партию обращаются в индивидуальном порядке в ближайшую местную партийную организацию, которая в соответствии с внутрипартийными нормами решает вопрос об их членстве. В состав партий с непрямой структурой, наряду с обычными партийными организациями на местах, входят профсоюзы и общественные организации. То есть в таких партиях предусмотрено как индивидуальное, так и коллективное членство. Человек, всту-

пивший в профсоюз, спортивное общество или иную подобную структуру, автоматически становился и членом партии. Большинство политических партий мира является партиями с прямой структурой. Наиболее характерным примером партии с непрямой структурой долгие годы была Лейбористская партия Великобритании.

Второй вариант типологизации политических партий у М. Дюверже основан на выделении *базовых элементов*, из которых складывается вся партийная инфраструктура. Исходя из этого критерия Дюверже выделил четыре типа партий.

1. *Партия-комитет*. Такая партия ориентирована на проведение избирательных кампаний в отдельных избирательных округах. Ее базовый элемент — местный партийный комитет, состоящий из профессиональных партийных функционеров. Деятельность комитета активизируется во время проведения избирательных кампаний и практически затухает в промежутках между ними. Таким образом, эта деятельность обладает ярко выраженным циклическим характером. Партиями-комитетами были большинство западноевропейских партий в конце XIX — начале XX вв. Сегодня примером такого типа партий являются ведущие партии США — Демократическая и Республиканская.
2. *Партия-секция*. Основу такой партии составляют местные территориальные партийные организации — секции. Несколько секций объединены комитетом, который, в свою очередь, входит в иерархическую структуру, возглавляемую центральным руководством партии. Хотя главной задачей партии-секции является организация избирательных кампаний, их деятельность только этим не ограничивается. В партии-секции идет постоянная внутрипартийная жизнь, в которой могут принимать участие не только партийные функционеры, но и рядовые члены партии. Первоначально по типу партии-секции были построены социал-демократические партии. Сегодня подобная организационная структура характерна для большинства политических партий европейского континента.
3. *Партия-ячейка*. Такая партия построена не только по территориальному, но и по территориально-производственному принципу. Партийные организации — ячейки — создаются по месту жительства и, если это возможно, на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях и даже воинских частях. Для партий подобного типа характерны жесткая централиза-

ция и строгая внутрипартийная дисциплина, основанная на принципах, которые В. Ленин называл «принципами демократического централизма». Партия-ячейка приспособлена как к легальным, так и к нелегальным формам политической деятельности. Первой партией подобного типа стала большевистская партия в России. Впоследствии организационную структуру партии-ячейки продублировали коммунистические и некоторые другие леворадикальные политические партии во многих странах мира.

4. *Партия-милиция*. Такие партии также основываются на централизации и жесткой дисциплине. Но наряду с местными ячейками в их структуру входят военизированные формирования. В случае необходимости они могут включаться в вооруженную борьбу или оказывать силовое давление на своих противников. Выделяя партии подобного типа, Дюверже в первую очередь имел в виду нацистскую партию в Германии и фашистскую партию в Италии. Однако организационную структуру партий-милиций могут иметь не только партии крайне правого, фашистского толка. В 20-х — начале 30-х гг. XX в. собственные военизированные формирования были не только у нацистов, но и у их политических противников. Немецкие социал-демократы сформировали Союз имперского флага — «Рейсхбаннер», а немецкие коммунисты создали Союз красных фронтовиков — «Рот фронт». Австрийские социалисты в тот же период имели мощную боевую организацию «Шуцбунд». Примеры существования партий-милиций можно найти и в современном мире. Так, в Ливане после гражданской войны 80-х гг. XX в. у всех ведущих политических партий есть собственные вооруженные отряды. Причем военная мощь партии «Хезболла» превосходит мощь даже самой ливанской армии.

В основу третьего варианта типологизации партий Дюверже положил способ интеграции базовых элементов в общепартийную структуру. По такому критерию политолог выделил партии с *сильной* и со *слабой* структурой. В первом случае внутренняя организация партии строго регламентирована. Во втором партия может состоять из относительно автономных элементов, имеющих нерегламентированное общепартийными нормами внутреннее устройство. О такой партии вообще трудно говорить как о едином и монолитном политическом институте.

Наибольшую известность среди политологов приобрел четвертый вариант типологизации партий, основным критерием для которого у Дюверже стал характер членства. Основываясь на этом критерии, ученый выделил *кадровые* и *массовые* партии. В кадровых партиях нет фиксированного членства. Членом партии может стать всякий, кто голосует за ее кандидатов. В период проведения избирательных кампаний в мероприятиях кадровой партии может принимать участие большое число людей. Но организация мероприятий — дело рук небольшого числа партийных функционеров и привлекаемых за отдельную плату профессиональных специалистов. Кадровая партия напоминает существовавшие в Советской Армии так называемые «кадрированные» воинские части. В мирное время в них проходило службу небольшое число офицеров, но в случае мобилизации такая часть разворачивалась до штатного состава военного времени за счет призванных из запаса резервистов. У кадровой партии есть лидеры и небольшой партийный аппарат, а также есть аморфная масса сторонников и активистов, которая только в определенный момент демонстрирует свою связь с этой партией.

В массовой партии существует фиксированное членство. В отличие от простых избирателей — сторонников партии ее члены состоят в местной партийной организации и регулярно платят членские взносы. Эти взносы являются одним из основных источников финансирования массовых партий, и поэтому они заинтересованы в расширении своих рядов. Наиболее активные члены массовой партии постоянно занимаются партийной работой на добровольной и безвозмездной основе, в силу собственных политических убеждений. Типичными кадровыми партиями всегда считались уже упоминавшиеся Демократическая и Республиканская партии США. Политические партии континентальной Европы традиционно тяготели к типу массовых партий.

М. Дюверже предложил и пятый вариант типологии партий, где критерием стала степень причастности членов партии к ее деятельности. По этому критерию французский политолог выделил два типа партий — *специализированные* и *тоталитарные*. Если специализированные партии предъявляют своим членам не слишком строгие требования и оставляют им максимум личной свободы, то тоталитарные партии стремятся полностью подчинить их своей воле. Члены тоталитарных партий должны строго следовать партийной доктрине и негативно относиться к любым проявлениям

инакомыслия в партийных рядах. Партийным организациям предоставляется право вмешиваться в личную жизнь членов партии. По внутренней организации такая партия напоминает средневековый религиозный орден. Нетрудно догадаться, что к тоталитарному типу Дюверже относил фашистские и коммунистические партии.

Концепция М. Дюверже оказала влияние на большинство политологов, изучавших политические партии во второй половине XX в. Но поскольку партийная жизнь в различных странах мира не стояла на месте и сами политические партии эволюционировали в идейно-политическом и организационном отношении, возникла потребность в уточнении и дополнении концепции Дюверже. В конце 60-х гг. XX в. американский политолог Ф. Эпстайн предложил дополнить типологии, представленные в работах Дюверже, еще одним типом партий, названным им *универсальным*. Универсальная партия, по мнению Эпстайна, совмещает в себе черты кадровой и массовой партии. Тогда же немецкий политолог О. Кирхаймер ввел в научный оборот понятие «всеохватной» партии, по сути, такого же типа, как универсальная партия Эпстайна. Эти партии стремятся привлечь на свою сторону людей из различных социальных групп, часто придерживающихся разных идейно-политических взглядов. Поэтому такие партии стремятся максимально деидеологизировать свои программы, акцентировать внимание не на традиционной агитации и пропаганде, а на организации массового шоу.

Концепции Ф. Эпстайна и О. Кирхаймера отразили процессы нивелирования различий между политическими партиями, когда-то занимавшими противоположные идеологические позиции. Например, в ФРГ на рубеже 50–60-х гг. XX в. практически одновременно объявили себя «народными партиями» как христианские демократы, так и социал-демократы, бывшие тогда и остающиеся сегодня главными конкурентами на германской политической арене.

Анализируя эволюцию взаимоотношений партий с государством и гражданским обществом на различных этапах политического процесса, Р. Катц и П. Мэйр создали свою концепцию, выделив следующие типы партий. Первыми политическими партиями были *элитные партии*, которые отличались тесной связью как с государством, так и с гражданским обществом. Партийные организации на местах представляли собой скорее элитарные клубы, а их членский состав был неустойчивым и включал образованных людей, занимавших высокое положение в политике и экономике. Элитные

партии действовали в условиях отсутствия всеобщего избирательного права и поэтому довольно индифферентно относились к проведению предвыборных кампаний, слабо использовали возможности средств массовой информации, которые контролировались членами партий.

Исторически следующим типом политических партий Р. Катц и П. Мэйр, вслед за М. Дюверже, называют *массовые партии*. Массовые партии стали связующим звеном между гражданским обществом и государством, а также приобрели важнейшую функцию рекрутации политической элиты. Партийная инфраструктура массовых партий активно развивается, причем такие ее элементы, как сеть партийных организаций, партийные средства массовой информации, связанные с партиями профсоюзы и массовые движения, становятся заметным сегментом гражданского общества. Массовые партии действуют в условиях всеобщего избирательного права и нуждаются в поддержке широких социальных слоев. Они стремятся к расширению своего влияния на избирателей, что способствует перерастанию массовых партий во всеохватные партии.

Предпосылками для появления всеохватных партий, по мнению Р. Катца и П. Мэйра, являются, во-первых, ослабление политической идентификации граждан, которые все меньше отождествляют себя с какими-либо конкретными политическими силами, во-вторых, разрушение взаимозависимости между интересами гражданского общества и политических партий, в-третьих, широкое использование партиями средств массовой информации для распространения своего партийного «бренда» среди максимального числа избирателей. Всеохватные партии имеют сильные позиции в органах власти, и поэтому они менее заинтересованы в сохранении прочных связей в институтах гражданского общества. Такие партии постепенно начинают отделять свои собственные интересы от интересов как государства, так и гражданского общества. Происходит своеобразная автономизация и суверенизация партий внутри политической системы.

На следующем этапе, в соответствии с концепцией Катца и Мэйра, всеохватные партии перерастают в картельные. Для *картельных партий* характерно, с одной стороны, сокращение дистанции, отделяющей партийных лидеров от электората, с другой стороны, снижение роли партийных организаций как посредников между руководством партий и структурами гражданского общества. Партии

картельного типа существуют не столько за счет членских взносов или других традиционных источников финансирования партийной деятельности, сколько за счет государственных субсидий. По мнению Р. Катца и П. Мэира, картельные партии усиливают связи с государством в ущерб связям с гражданским обществом.

Политические партии в каждой стране составляют особую подсистему в рамках политической системы в целом. Такую подсистему часто рассматривают как относительно самостоятельную партийную систему со своей специфической структурой и закономерностями функционирования. В политической науке наряду с многочисленными вариантами типологии партий существует и несколько вариантов типологии партийных систем. Чаще всего речь идет о трех основных типах партийных систем: *однопартийной*, *двухпартийной* и *многопартийной*. Критерием здесь является просто количество партий, функционирующих в каждой конкретной стране. Если политических партий вообще не существует, такую систему называют *апартийной*. Однако часто сходные по количеству элементов партийные системы различаются по своей структуре и другим качественным характеристикам. Поэтому, кроме вышеназванной, предлагаются и другие типологии.

Дж. Сартори, итальянский политолог, много лет проработавший в США, является автором следующей типологии партийных систем, существовавших в прошлом и существующих в современном мире.

Однопартийная система. Однопартийные системы характерны для многих тоталитарных режимов как правого, так и левого толка, а также для авторитарных режимов. Сегодня однопартийная система существует на Кубе и в некоторых других странах.

Гегемонистские партийные системы. Такие партийные системы, по сути, ничем не отличаются от однопартийных, когда одна правящая партия ни с кем не делит власть и ее господство никем не оспаривается. Но вместе с партией-гегемоном сосуществуют несколько зависимых и контролируемых ею небольших партий. Партийные системы гегемонистского типа сложились после Второй мировой войны в некоторых странах «народной демократии». В отличие от Советского Союза, где коммунистическая партия была единственной, в ряде социалистических государств, например в Польше, ГДР, Болгарии, сохранились и некоммунистические партии. Единственным условием их существования было безоговорочное признание гегемонии правящей коммунистической партии. В процессе трансформации коммунистических режимов и становления

многопартийности в Восточной Европе «союзнические» партии либо стали играть самостоятельную роль, либо полностью сошли с политической арены.

Формально гегемонистские партийные системы сегодня еще сохраняются в Китае и Северной Корее. Однако если в восточноевропейских социалистических странах в прошлом неправящие партии занимались какой-то деятельностью, то в азиатских коммунистических государствах некоммунистические партии уже с конца 50-х гг. XX в. были скорее вывесками для внешнего мира, чем реальными политическими структурами. В КНР некоммунистические партии хотя бы имеют небольшое число официально зарегистрированных членов, а в КНДР и «Социал-демократическая партия» и «Партия молодых друзей религии нового мира» имеют лишь официальных лидеров, входящих во второстепенные органы государственной власти, и давно лишились собственных партийных организаций на местах.

Партийная система с доминирующей партией. В отличие от гегемонистской партийной системы, где монопольное положение правящей партии обеспечивается недемократическим политическим режимом, в системе с доминирующей партией аналогичный результат достигается в условиях демократии. Одна и та же партия регулярно выигрывает выборы и контролирует законодательную и исполнительную власть. Другие партии не могут составить реальной конкуренции для доминирующей партии.

Такие партийные системы долгое время существовали в Индии, Мексике и Японии. В Индии с момента получения независимости и вплоть до 70-х гг. XX в. доминирующее положение правящей партии «Индийский национальный конгресс» было непререкаемым. Затем последовал раскол партии и начался процесс активизации ее политических оппонентов из числа религиозных и националистических партий. Хотя со временем партия «Индийский национальный конгресс» вновь вернулась к власти, назвать ее доминирующей в партийной системе современной Индии было бы неверно. Примерно такое же положение и в Японии, где с момента возникновения в 1955 г. и до 90-х гг. Либерально-демократическая партия доминировала в японской политической системе. На рубеже XX и XXI вв. партийная система Японии переживала трансформацию, и ЛДП на какое-то время утратила власть. Сегодня ее положение правящей партии не является столь же безусловным, как в середине и в конце прошлого столетия.

Партийную систему Мексики Дж. Сартори ошибочно отнес к партийным системам гегемонистского типа. Однако бесспорно находящаяся у власти с 1929 г. Институционально-революционная партия добивалась этого регулярными победами на президентских и парламентских выборах, и ее правильнее назвать так же, как и ИНК и ЛДПЯ, доминирующей партией.

Партийная система «простого плюрализма». Так обычно называют двухпартийные системы. Типичный пример двухпартийности или бипартизма — партийные системы Великобритании и США. В этих государствах существует множество политических партий, но только Лейбористская и Консервативная партии в Великобритании, а также Демократическая и Республиканская партии в США имеют реальную возможность завоевать власть через выборы.

Партийная система «умеренного плюрализма». В таких системах обычно сосуществуют три-четыре конкурентоспособные политические партии. Партии, победившей на выборах, не всегда удается сформировать однопартийное правительство, и она вынуждена вступать в коалиции с другими партиями. Партийные системы «умеренного плюрализма» имеются во многих странах Западной и Центральной Европы: Австрии, Бельгии, Швеции, Чехии и ряде других.

Партийная система «крайнего плюрализма». В этой системе насчитывается от пяти до восьми способных конкурировать между собой за места в парламенте политических партий. Такая партийная система существовала во Франции во времена IV Республики (1944–1958 гг.), в Италии во времена I Республики, после того как Христианско-демократическая партия в 60–70-х гг. XX в. утратила роль доминирующей.

Атомизированная партийная система. Здесь можно наблюдать конкуренцию между девятью и более средних и небольших политических партий, не имеющих шансов в одиночку добиться успехов на выборах и создать собственное правительство. Создаваемые же межпартийные коалиции неустойчивы, поэтому партийная система подобного типа отличается политической нестабильностью.

Французский политолог Ж. Блондель также исследовал партийные системы и предложил несколько вариантов их типологии, основанных на различных критериях.

Традиционное выделение *однопартийных, двухпартийных и многопартийных* систем у Блонделя основано не на количестве

партий, а на *количестве голосов избирателей*, полученных этими партиями на выборах. В однопартийной системе, по его мнению, одна и та же партия регулярно набирает более 65 % голосов избирателей, в двухпартийной системе две партии регулярно получают более 75 % голосов, но каждая из них не более 65 %. Многопартийная система существует в тех странах, где две наиболее популярные партии в совокупности получают на выборах не более 75 % голосов избирателей.

Еще одна типология Ж. Блонделя основана на совокупности ряда критериев количественного и качественного характера. В соответствии с ней политолог выделил четыре типа партийных систем: *двухпартийная*; *система «двух с половиной партий»*, примером которой может служить партийная система ФРГ до объединения Германии; *многопартийная система с одной доминирующей партией*, к которой Блондель отнес скандинавские страны — Данию, Норвегию и Швецию; *многопартийная система без доминирующей партии*, например, существовавшие и существующие сегодня партийные системы в Нидерландах, Швейцарии, Франции.

В типологии партийных систем американского политолога П. Ордешука критериями являются наличие или отсутствие доминирующих партий и их количество. Выделяются: *однополюсные*, *двухполюсные* и *многополюсные* партийные системы. К партийным системам первого типа политолог относит системы Мексики и Японии, к системам второго типа — системы Великобритании и США, а к системам третьего типа — партийные системы Бельгии, Нидерландов и ряда других западноевропейских государств. Можно заметить, что выделенные Ордешуком типы партийных систем совпадают с теми, которые рассматриваются и другими политологами, но иначе обозначаются.

Характер партийной системы в большой степени зависит от характера избирательной системы (см. главу XII). В соответствии со сформулированным М. Дюверже законом, пропорциональная избирательная система способствует развитию многопартийности, при этом партии стремятся к максимальной самостоятельности и независимости друг от друга. При мажоритарной избирательной системе с голосованием в два тура партии в многопартийной системе объединяются в межпартийные блоки и альянсы. При мажоритарной избирательной системе с голосованием в один тур партийная систем эволюционирует в сторону двухпартийной структуры.

§ 3. Партийная система России: история и современность

Первыми политическими партиями, возникшими в дореволюционной России, были партии революционного социалистического характера. Впервые термин «партия» в своем названии использовала террористическая организация «Народная воля». В конце XIX в. многочисленные кружки, действовавшие в различных районах Российской империи, объединились в Российскую социал-демократическую рабочую партию (РСДРП), которая на II съезде в 1903 г. раскололась на фракции большевиков и меньшевиков. За два года до этого революционные организации народнического толка объединились в Партию социалистов-революционеров (эсеров). Обе партии действовали в подполье и в эмиграции. К тому же эсеры избрали тактику индивидуального террора против представителей царской власти.

После 17 октября 1905 г., когда был издан Манифест, провозгласивший гражданские и политические свободы, в России возникли предпосылки для создания легальных политических партий. И такие партии появились. Среди них: либеральные — Конституционно-демократическая партия (кадеты) и Партия демократических реформ, более консервативный Союз 17 октября (октябристы), партии крайне правого толка — Союз русского народа и Союз Михаила Архангела, получившие обобщенное название «черносотенцев», а также многочисленные партии, представлявшие интересы национальных меньшинств, проживавших по окраинам империи.

Хотя конституционные реформы 1905–1907 гг. обеспечили некоторые условия для легальной деятельности политических партий, говорить о полной свободе не приходилось. Левые партии так и не перешли на легальное положение, и их преследование со стороны полиции после окончания революции 1905–1907 гг. продолжалось. Российская избирательная система слабо стимулировала партийное строительство, а царские власти смотрели на деятельность даже лояльных существующему режиму партий с подозрением. Свержение царизма в феврале 1917 г. открыло кратковременный период самых широких политических свобод, вскоре обернувшихся парией анархии и охлократией. Все ограничения для деятельности партий левого и леворадикального толка были сняты. Наиболее активно эту ситуацию использовали большевики, сумевшие осенью 1917 г. захватить

власть. В планы большевиков не входило установление режима, который впоследствии получил название тоталитарного. Но они с самого начала преследовали своих политических противников и соперников. Вслед за членами правых партий репрессиям стали подвергаться меньшевики, правые эсеры, а затем очередь дошла и до бывших союзников большевиков — анархистов и левых эсеров. После 1922 г. деятельность всех партий, кроме партии большевиков, на территории Советского Союза прекратилась.

Долгие годы в СССР существовала только одна партия — Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС). Это нашло отражение в Конституции, принятой в 1977 г. Сама статья Конституции, узаконившая монопольное положение КПСС в советской политической системе, ничего по существу не меняла. Коммунистическая партия де-факто давно уже была главной несущей конструкцией всего тоталитарного режима. Однако, когда в период перестройки под напором общественного мнения Съезд народных депутатов СССР отменил данную статью советской Конституции, этот акт имел огромные последствия для политического развития нашей страны. Начался процесс формирования партийной системы новой России, начальный период которого пришелся на последние месяцы существования Советского Союза и первое время после его развала. С одной стороны, возникали новые политические партии, с другой стороны, происходило размежевание внутри прежде правящей КПСС.

В 1990–1991 гг. появились такие новые партии, как либерально-демократическая, демократическая, социал-демократическая, христианско-демократическая. Предпринимались попытки возродить некоторые политические партии, действовавшие в дореволюционной России, например партию кадетов. Внутри КПСС образовалось несколько политико-идеологических платформ, а руководство партии во главе с М. С. Горбачевым все более эволюционировало в сторону социал-демократической идеологии. При определенных условиях на базе КПСС могло бы возникнуть несколько жизнеспособных партий центристского, левоцентристского и левого толка, но этого не произошло. Запрет деятельности коммунистической партии на территории России, введенный указом Президента Б. Н. Ельцина после провала августовского путча 1991 г., прервал процесс идейной эволюции и организационного размежевания в КПСС. Большинство ее членов отошло от активной политической жизни.

Но некоторые протопартийные и партийные структуры на базе КПСС были все же созданы. Сторонники ортодоксальных коммунистических взглядов объединились в ряд радикальных организаций, таких как Российская коммунистическая рабочая партия, Всесоюзная коммунистическая партия большевиков, Российская партия коммунистов. Большая часть функционеров и активистов КПСС, сохранивших приверженность коммунистической идеологии, создали в 1992 г. Коммунистическую партию Российской Федерации. На базе «демократической платформы» в КПСС была создана Республиканская партия. Часть бывших коммунистов группировалась вокруг тогдашнего вице-президента России А. Руцкого. Они объединились еще внутри КПСС первоначально под названием «Демократическая партия коммунистов России», а затем переименовались в Народную партию свободной России. НПСР не сумела пережить события, связанные с конфликтом между президентом России Б. Ельциным и Верховным Советом Российской Федерации осенью 1993 г. Эти события означали завершение первого этапа партогенеза и партийного строительства в посткоммунистической России и переход к новому этапу, продолжавшемуся до конца 90-х гг. XX в.

Переход к смешанной избирательной системе, когда половина депутатов Государственной думы избиралась по партийным спискам, стимулировал создание политических партий (см. главу XIV). Однако большинство партий пребывали в эмбриональном состоянии. Не было четких критериев, отделяющих партии от общественных организаций и политических движений, тем более что тогдашнее законодательство допускало участие в выборах по пропорциональному принципу как тех, так и других. Бурный рост протопартий грозил формирующейся российской партийной системе крайней атомизацией. Чтобы этого не допустить, по образцу некоторых зарубежных стран, прежде всего ФРГ, был введен 5%-ный заградительный барьер, призванный воспрепятствовать попаданию в парламент мелких и нежизнеспособных партий. Видимо предполагалось, что подобная мера будет способствовать объединению и укрупнению партий, позволит создать хорошо структурированный орган законодательной власти. На практике принятая мера стимулировала создание различных блоков и межпартийных объединений конъюнктурного характера, главной целью которых было проталкивание соответствующих списков кандидатов в депутаты Государственной думы через 5%-ный барьер. Правда, на основе не-

которых блоков формировались и полноценные политические партии. Например, на основе блока, созданного тремя политическими лидерами — Г. Явлинским, Ю. Болдыревым, В. Лукиным, сначала возникло движение «Яблоко», а впоследствии оно превратилось в политическую партию с тем же названием.

Партии, добивавшиеся успехов на парламентских выборах, закреплялись на политической арене. Так произошло с ЛДПР. До 1993 г. Либерально-демократическая партия России и ее лидер В. Жириновский занимали маргинальное положение в российской политической жизни. Благодаря электоральному успеху, достигнутому на первых выборах депутатов Государственной думы в 1993 г., ЛДПР вошла в число ведущих политических партий России. Однако наиболее влиятельной среди избирателей и наиболее многочисленной в середине 90-х гг. стала КПРФ. Успехам коммунистов способствовал продолжавшийся экономический спад, снижение популярности первого российского Президента Б. Ельцина и разочарование результатами либеральных реформ. Это разочарование обусловило и то обстоятельство, что попытки создать сверху «партию власти» в эти годы оказывались неудачными. На выборах 1993 г. в таком качестве выступали Партия российского единства и согласия (ПРЕС) во главе с одним из тогдашних вице-премьеров, С. Шахраем, и «Выбор России» во главе с главным автором либеральных экономических реформ Е. Гайдаром, также занимавшим пост вице-преьера. Оба избирательных объединения пользовались административным ресурсом и сумели провести своих депутатов в Государственную думу, но их дальнейшая судьба была не столь успешной. Созданная на основе «Выбора России» партия «Демократический выбор России» лишилась государственной поддержки и даже в союзе с рядом других партий и организаций не преодолела 5%-ный барьер на выборах 1995 г. Это же случилось и с Партией российского единства и согласия.

На выборах 1995 г. в качестве «партии власти» выступало созданное премьер-министром В. Черномырдиным движение «Наш дом — Россия» (НДР), однако его электоральные успехи оказались еще меньшими, чем у предшественников НДР. Хотя движение В. Черномырдина провело своих депутатов в состав Государственной думы, оно получило в два раза меньше голосов, чем коммунисты.

Вплоть до конца 90-х гг. XX в. влияние партий на реальную российскую политическую жизнь оставалось невысоким, но партийная система продолжала развиваться и приобрела довольно плюра-

листический характер. Среди партий и движений, игравших роль протопартий, были представлены партии и движения различной идеологической ориентации — от крайне левых до крайне правых. В наибольшей степени типу доктринальной партии, то есть партии, в которой весьма важное значение имеет идеология, на левом фланге соответствовала КПРФ, а на правом — Союз правых сил (СПС), созданный в результате объединения ДВР и политически близких ему организаций. СПС позиционировал себя как главная либеральная партия, а КПРФ пыталась совместить в своей идеологии традиционные коммунистические ценности и ценности национал-патриотического характера. Такие партии, как ЛДПР и «Яблоко», были типичными партиями харизматического, вождистского толка, поскольку их лидеры — В. Жириновский и Г. Явлинский — полностью определяли все направления деятельности своих партий. Но в идеологических ориентациях и в отношении к действующей исполнительной власти эти партии существенно различались между собой. ЛДПР и ее лидер во время избирательных кампаний активно использовали националистические лозунги и социальную демагогию, открыто объявляя о своем оппозиционном характере. В парламенте же либеральные демократы всегда поддерживали исполнительную власть, регулярно голосуя за правительственные законопроекты. «Яблоко» позиционировала себя как партия социально-либеральной ориентации, одновременно проводя оппозиционный курс по отношению к президенту и правительству вплоть до того, что в 1999 г. совместно с коммунистами предприняли безуспешную попытку объявить импичмент президенту.

Некоторые партии по своему происхождению имели исключительно корпоративный характер. Такими были, например, Аграрная партия и Партия пенсионеров.

Уход с политической арены Б. Н. Ельцина открыл «эпоху В. В. Путина», ставшего сначала премьер-министром, а затем и президентом России. Одновременно начался новый этап эволюции партийной системы. Уже в период парламентской избирательной кампании 1999 г. произошли существенные перемены в расстановке политических сил. На этот раз между собой конкурировали две «партии власти». Одна была представлена межрегиональным движением «Единство», вторая — блоком двух движений, «Отечество» и «Вся Россия», выступавшим под общим названием «Отечество — Вся Россия». Принципиальных идейно-политических различий между ними не было, но они представляли интересы различных

группировок внутри региональных и общенациональной правящих элит. Это и обусловило остроту борьбы между ними.

После парламентских выборов 1999 г., когда обозначилось явное лидерство В. В. Путина в развернувшейся президентской избирательной кампании, между фракциями «Единство» и «Отечество — Вся Россия» в Государственной думе началось сближение. Они в одинаковой мере стали оказывать поддержку вновь избранному президенту В. Путину и правительству. Впервые в посткоммунистической России исполнительная власть получила устойчивое большинство в обеих палатах парламента. В отличие от 90-х гг. XX в. президент и правительство понимали важность партийного фактора в политике и стали активно влиять на эволюцию партийной системы России «сверху». Одной из таких мер влияния стало создание на базе «Единства» и «Отечество — Вся Россия» новой мощной «партии власти» — «Единая Россия».

Новая партия неизменно расширяла свое влияние, опираясь на ресурсы, которыми располагает федеральная и региональная исполнительная власть. Это нашло отражение в убедительных победах, одержанных «Единой Россией» на парламентских выборах 2003 и особенно 2007 гг. По результатам последних «Единая Россия» стала обладателем конституционного большинства в Государственной думе. Кроме того, члены и сторонники партии составили большинство и в Совете Федерации. «Единая Россия» одержала победу на впервые проводившихся по пропорциональной системе выборах в законодательные органы субъектов Федерации (кроме Ставропольского края). Будучи типичной партией парламентского типа, для которой идеология не играет первостепенной роли, «Единая Россия» в целом может быть охарактеризована как центристская партия. Дополнительный вес этой партии всегда придавала поддержка со стороны В. В. Путина. Накануне парламентских выборов 2007 г. он дал официальное согласие возглавить избирательный список партии и с тех пор считается ее лидером. Правда, ни сам В. В. Путин, ни сменивший его на посту президента Российской Федерации Д. А. Медведев в рядах «партии власти» формально не состоят.

Упорядочить и стабилизировать партийную систему России были призваны принятые в 2001 г. федеральный закон «О политических партиях» и изменения в избирательном законодательстве. Закон «О политических партиях» ужесточил требования к их созданию и деятельности. Партии, не прошедшие регистрацию в соответствии с новым законодательством, либо совсем прекратили свою

деятельность, либо продолжили ее в качестве общественных организаций. Однако общественные организации, в соответствии с современным российским избирательным правом, не могут участвовать в выборах ни на федеральном, ни на региональном уровнях.

Переход от смешанной к пропорциональной избирательной системе и повышение 5%-ного барьера до 7 % способствовало дальнейшей дифференциации политических партий. Партии, не попадающие в парламент, оказываются в очень сложной ситуации. Они имеют гораздо меньший, чем парламентские партии, доступ к информационным и финансовым ресурсам, и их шансы добиться успеха на следующих выборах еще более снижаются. В такой ситуации мелкие и средние партии стремятся либо войти в состав крупных, либо объединиться между собой. С «Единой Россией» в последние годы объединились Аграрная партия, Народная партия и движение «Родина». Партия жизни и Партия пенсионеров создали партию «Справедливая Россия. Родина. Пенсионеры. Жизнь». Последний проект партийного строительства реализовывался по инициативе исполнительной власти и преследовал цель создать левоцентристскую партию, лояльную Кремлю. Накануне парламентских выборов 2003 г. также по инициативе Администрации Президента было создано движение «Родина». Оно должно было ослабить позиции КПРФ за счет части ее патриотически настроенного электората. В какой-то мере это удалось, но впоследствии власти предприняли меры по объединению ее с другими политическими силами.

«Справедливая Россия» стала одной из четырех партий, сумевших провести своих кандидатов в депутаты Государственной думы, тем самым она закрепилась в российской политической системе. «Справедливая Россия» позиционирует себя как партию социал-демократического характера, о чем свидетельствует ее вступление в состав Социалистического Интернационала. На практике же «Справедливая Россия», так же как и «Единая Россия», все более эволюционирует в направлении партии картельного типа.

Еще один пример объединения партий по инициативе «сверху» имел место на правом фланге российской политики. Претендовавший на роль главной праволиберальной партии России — Союз правых сил — в последние годы неуклонно терял свои прежние позиции. СПС не сумел преодолеть 5%-ный барьер на парламентских выборах 2003 г. и тем более 7%-ный барьер на выборах 2007 г. На этих выборах результат СПС оказался ниже, чем у родственного ему в идейно-политическом плане Демократической партии России и

партии «Гражданская сила». Именно с ними Союз правых сил объединился в новую партию — «Правое дело», также либеральную по своей идеологической платформе, но готовую к диалогу с исполнительной властью, в отличие от тех российских либералов, которые выбрали для себя роль «непримиримой оппозиции».

Многие российские политологи сходятся во мнении, что партийная система России к концу первого десятилетия XXI в. приобрела черты, характерные для партийных систем с доминирующей партией. Некоторые специалисты полагают, что на смену прежней конкуренции между партиями приходят иерархические взаимоотношения. Выделяют три иерархических уровня современной российской политической системы. На самом верхнем уровне находится «Единая Россия», играющая роль доминирующей партии. Ее позиции в политической системе Российской Федерации сравнимы с теми, которые имели в период своего доминирования такие партии, как «Индийский национальный конгресс» в Индии, Институционально-республиканская партия в Мексике и Либерально-демократическая партия в Японии. В некотором смысле положение «Единой России» сегодня даже более прочное, поскольку уровень партийной конкуренции очень низок. На среднем уровне находятся партии, которые исследователи относят к разряду «партий-сателлитов». Они безоговорочно признают сложившийся статус-кво и взамен получают определенные гарантии для своего существования и деятельности. Такими являются парламентские партии ЛДПР и «Справедливая Россия». Несмотря на официально провозглашаемую оппозиционность, по всем принципиальным вопросам они поддерживают политику правительства. Возможно, подобную нишу займет в будущем и вновь образованная партия «Правое дело».

Ни нижнем иерархическом уровне российской партийной системы расположились оппозиционные партии. Крупнейшей из них по-прежнему остается КПРФ, имеющая свою фракцию в Государственной думе и во многих региональных парламентах. В 90-х гг. XX в. КПРФ временами представляла реальную угрозу для исполнительной власти. Это наглядно продемонстрировали президентские выборы 1996 г., когда лидер коммунистов Г. А. Зюганов вышел во второй тур вместе с тогдашним президентом Б. Н. Ельциным. Сегодня влияние и возможности КПРФ как оппозиционной партии гораздо скромнее. Политико-идеологические ориентации КПРФ обращены более в прошлое, чем в будущее, у партии нет приемлемой для большинства населения позитивной программы решения

актуальных проблем российского общества. В составе партии и в ее электоральной базе преобладают люди старшего поколения. Все это предопределяет снижение влияния и популярности КПРФ.

Оппозиционные партии других идеологических ориентаций маргинализируются еще более. Яркий пример тому — судьба российской демократической партии «Яблоко». Если в 90-х гг. XX в. этой партии удавалось играть роль социал-либеральной оппозиции правительственному курсу в области экономики и политики, то в начале XXI в., оказавшись вне парламента по итогам двух последних избирательных кампаний, «Яблоко» утратило прежние возможности участия в политической жизни России. Некоторая часть активистов и местных организаций партии стала принимать участие в малоэффективных акциях внепарламентской оппозиции власти вместе с такими разнородными политическими силами, как Объединенный гражданский фронт и официально ликвидированная судебным решением Национал-большевистская партия.

Сегодня состояние партийной системы во многом отражает реальный характер и уровень развития гражданского общества в России. Как показывает опыт других стран, если не произойдет каких-либо чрезвычайных событий, нынешняя партийная система может просуществовать весьма продолжительное время.

Контрольные вопросы и задания

1. Когда и каким образом возникали первые политические партии?
2. Чем политические партии отличаются от других организаций, участвующих в политическом процессе?
3. Назовите основные функции политических партий.
4. Сравните основные типологии политических партий, существующие в политической науке.
5. Охарактеризуйте основные типы партийных систем.
6. К какому типу относятся ведущие политические партии современной России?
7. Дайте оценку современному российскому законодательству, регулирующему деятельность политических партий.
8. В каком направлении, по вашему мнению, будет эволюционировать партийная система России?

ГЛАВА XII

Избирательные системы и электоральный процесс

---

§ 1. Типы избирательных систем

Выборы — неотъемлемая черта политической жизни большинства стран современного мира. Важнейшими функциями, которые выполняют выборы в политической системе общества, являются:

1. Представительство различных общественных интересов.
2. Формирование представительных органов власти.
3. Легитимация политической власти в целом.
4. Диагностика социально-политической ситуации, сложившейся в данном обществе в данный отрезок времени.
5. Рекрутирование политической элиты.
6. Институционализация политического участия граждан.
7. Политическая социализация.

В условиях тоталитарных и авторитарных политических режимов выборы могут принимать форму ритуала или даже фарса, но демократический режим без института выборов в принципе невозможен. Поэтому для политических систем демократического типа наличие того или иного варианта избирательной системы является обязательным атрибутом. Единого и общепризнанного понимания того, что собой представляет избирательная система, в политиче-

ской науке не существует. В целом речь идет о сложившемся порядке организации и проведения выборов представительных органов власти, а также руководителей различного ранга.

Избирательная система включает два основных компонента: *избирательное право* как совокупность юридических норм, на основе которых проводятся выборы; *избирательный процесс*, то есть совокупность процедур и организационных мероприятий, сопровождающих подготовку, проведение голосования и подведение его итогов.

Выборы могут проводиться на разных уровнях — от выборов главы государства до избрания депутатов в органы местного самоуправления.

По характеру норм избирательного права и практике их применения выборы могут быть разного типа. Различают *всеобщие* и *ограниченные* выборы. При всеобщих выборах все взрослое дееспособное население страны в одинаковой степени обладает правом голоса, при ограниченных выборах такое право ограничено цензами: оседлости, имущественным, образовательным и т. д.

Равные выборы происходят в условиях обеспечения единой для всех нормы представительства, то есть одинаковое количество избирателей приходится на избирательные округа, в которых баллотируются кандидаты на одно и то же количество выборных мест. *Прямые выборы* означают непосредственное голосование избирателей за кандидатов на соответствующие выборные места. При *косвенных многоступенчатых выборах* избиратели сначала избирают выборщиков и делегатов и уже те на соответствующих мероприятиях делают окончательный выбор в пользу конкретного кандидата.

Выборы могут быть *тайными*, когда воля избирателя скрывается от посторонних лиц, результаты волеизъявления носят анонимный характер и оформляются в виде обезличенного общего для всех избирательного бюллетеня. Выборы могут быть и с *открытым* голосованием, когда избиратель публично в той или иной форме оглашает свой выбор.

В избирательных системах применяются разные варианты проведения самих выборов, но главным критерием, по которому избирательные системы различаются, является *способ определения результатов голосования*. На основе этого критерия принято выделять три типа избирательных систем: *мажоритарную*, *пропорциональную* и *смешанную*.

В *мажоритарной* избирательной системе голосование проводится за кандидатов, выдвинутых от партий или избирательных

объединений, а также за независимых кандидатов. Формируются или *одномандатные* (один округ — один депутат) или *многомандатные* (один округ — несколько депутатов) округа. Мажоритарная избирательная система основана на принципе большинства, в соответствии с которым победителями в округе становятся кандидаты, получившие установленное законом большинство голосов избирателей.

В зависимости от характера этого большинства голосов выделяют две разновидности мажоритарной избирательной системы: система *относительного* большинства; система *абсолютного* большинства. В мажоритарной системе *относительного* большинства выборы всегда проходят в один тур, и победителем считается тот кандидат, который набрал голосов больше, чем любой из его соперников. При этом чем больше кандидатов баллотируется в округе, тем меньше голосов может приходиться на каждого из них, включая победителя. Например, если кандидатов было больше десяти, то победителем может стать кандидат, набравший всего 10 % голосов избирателей, тогда как за его соперников в сумме проголосует 90 % избирателей, то есть абсолютное большинство принявших участие в голосовании. Возможность такой ситуации является главным недостатком системы относительного большинства. Достоинством этой системы является ее относительная дешевизна и простота, поскольку не нужно проводить второй тур голосования, отсутствует порог явки избирателей, и выборы практически всегда состоятся в назначенный день. Мажоритарная система относительного большинства на протяжении длительного времени существует в Великобритании, Индии, Канаде, Соединенных Штатах Америки и ряде других стран мира.

Мажоритарная система *абсолютного* большинства предполагает, что победивший кандидат должен получить более половины голосов избирателей. Таким образом, победитель всегда представляет большинство избирателей округа, и легитимность его избрания не может быть поставлена под сомнение. Это является главным достоинством подобной избирательной системы. Ее недостаток — высокая вероятность проведения повторных выборов. Во-первых, для повышения степени легитимности выборов устанавливается высокий порог явки избирателей, и часто реальная явка оказывается ниже этого порога. Во-вторых, часто ни одному кандидату не удается в первом туре получить больше половины голосов. Приходится переходить ко второму туру выборов, где соперничают уже только два кандидата, набравшие по итогам первого тура наибольшее число

голосов избирателей. Правда, есть и исключение: во Франции на выборах Национального собрания во второй тур голосования допускают всех кандидатов, получивших в первом туре не менее 12,5 % голосов избирателей соответствующего избирательного округа. Мажоритарная избирательная система абсолютного большинства чаще используется не на парламентских, а на президентских выборах, в том числе и в России.

Характеризуя мажоритарную избирательную систему во всех ее вариантах применительно к парламентским выборам, можно выделить следующие ее достоинства и недостатки. К достоинствам мажоритарной избирательной системы относится то, что она

- ✦ препятствует созданию чрезмерно большого числа партийных фракций в парламенте;
- ✦ способствует победе наиболее крупных и сильных партий, что позволяет формировать устойчивое парламентское большинство, необходимое для стабильной работы правительства в условиях парламентских и полупрезидентских республик;
- ✦ обеспечивает прямую связь между избирателями и избранными ими депутатами; поскольку победа на выборах зависит от волеизъявления избирателей, победивший кандидат в дальнейшей деятельности должен помнить об этом обстоятельстве и стремиться выполнять предвыборные обещания, иначе на следующих выборах избиратели отдадут свои голоса его конкурентам.

Недостатки мажоритарной избирательной системы заключаются в следующем:

- ✦ голоса, поданные за не прошедших в представительный орган власти кандидатов, «пропадают», немалая часть избирателей не имеет там своих представителей, и степень легитимности подобного органа власти снижается;
- ✦ происходит сокращение партийного представительства в органах власти, причем речь идет о партиях, пользующихся поддержкой определенной части избирателей; таким образом, социальные интересы и политические ориентации этой части избирателей оказываются не представленными в парламентах и не учитываются в полной мере при принятии важнейших государственных решений;
- ✦ нарушается принцип равенства при проведении выборов; партии, чьи кандидаты в совокупности набрали одинаковое коли-

чество голосов, получают разное количество депутатских мандатов; происходит это потому, что, во-первых, в разных округах для победы требуется разное число полученных голосов, а во-вторых, число зарегистрированных избирателей в избирательных округах тоже может быть разным.

Недостатки мажоритарной избирательной системы особенно ярко обнаружили в Франции в 50–60-х гг. XX в. Особенно в этой ситуации пострадали левые партии. Так, на парламентских выборах 1958 г. коммунисты и сторонники президента де Голля получили практически одинаковое количество голосов: первые — 19 %, вторые — 20 %. Но ФКП досталось всего 10 депутатских мандатов, а голлистскому Союзу за новую республику — 198. Диспропорция между числом голосов избирателей и числом депутатских мест в парламенте наблюдалась, пусть в меньших масштабах, и в дальнейшем. Под давлением левых партий в 70-х гг. XX в. во Франции отказались от мажоритарной избирательной системы, правда, затем вернулись к ней снова, но не в первоначальном, а в усовершенствованном виде. В частности, были пересмотрены границы избирательных округов, что позволило сбалансировать численность проживавших в них потенциальных избирателей.

Недостатки мажоритарной избирательной системы теоретически призвана устранить *пропорциональная* избирательная система.

Пропорциональная избирательная система предполагает проведение выборов либо по одному общенациональному избирательному округу, либо по нескольким многомандатным округам, создающимся в отдельных регионах. Суть пропорциональной избирательной системы заключается в том, что число избранных депутатов от каждой партии в представительные органы власти пропорционально числу голосов, поданных за список кандидатов этой партии. Пропорциональная избирательная система существует в большинстве стран континентальной Европы, например в Австрии, Бельгии, Португалии, Нидерландах, Швеции, Швейцарии, а также в странах других регионов мира — Бразилии, Израиле, Мексике и др.

Пропорциональная избирательная система, в отличие от мажоритарной, в более полной мере учитывает политические предпочтения избирателей. Пропорциональная система способствует развитию политического плюрализма, стимулирует партийное строительство. В то же время пропорциональная система обладает своими недостатками. В частности, она способствует фрагментации

политического спектра, ведь даже самые маленькие партии имеют шанс на собственное представительство в парламенте. Но парламент, состоящий из множества фракций, как правило, малоработоспособен. В таком парламенте сложно сформировать большинство, на которое может опираться правительство. В условиях парламентских и полупрезидентских республик это чревато политической нестабильностью. Для того чтобы избежать подобного развития событий, во многих странах с пропорциональной избирательной системой вводятся специальные заградительные барьеры, они позволяют не допускать в законодательные органы власти депутатов от небольших и совсем мелких политических партий. Классическим примером является ФРГ, где после Второй мировой войны был установлен 5%-ный барьер на выборах депутатов бундестага. Такие барьеры есть и во многих других странах. Он составляет от 1,5 % в Мексике до 8 % в Египте. Как показывает практика, слишком низкий уровень заградительного барьера не дает нужного эффекта, а слишком высокий может привести к парадоксальной ситуации, когда все депутатские мандаты в парламенте достаются одной партии, хотя она и не набирает 100 % голосов избирателей. Так произошло в 2007 г. в Казахстане, когда депутатами нижней палаты парламента — мажалиса — стали только кандидаты от пропрезидентской партии «Отан». Для того чтобы избежать подобной ситуации, в некоторых странах предусмотрены соответствующие юридические механизмы. Например, если в России только одна партия преодолевает 7%-ный барьер, то право иметь своих депутатов в Государственной думе получает и партия, идущая вслед за ней по числу набранных голосов.

Главный недостаток пропорциональной избирательной системы — голосование не за конкретных кандидатов, а за партийные списки, что ослабляет связь электората с его избранниками. Депутаты не чувствуют ответственности перед избирателями. Избрание в парламент зависит не от воли избирателей, а от партийных функционеров, распределяющих места в предвыборных партийных списках. Бесконтрольность депутатов, их неформальные связи в партийных структурах и государственном аппарате могут стать питательной почвой для коррупции.

Очень характерен в этом отношении пример Италии. После Второй мировой войны в результате преодоления наследия фашистского режима там сложилась политическая система, получившая впоследствии название «Первая республика». Среди прочего, она

характеризовалась тем, что выборы в парламент проводились по пропорциональной системе. Параллельно сложилась партийная система, в которой доминировала одна партия — Христианско-демократическая партия (ХДП). На протяжении десятилетий христианские демократы оставались правящей партией, либо возглавляя однопартийное правительство, либо входя в коалиции с другими правоцентристскими или левоцентристскими силами. Вторая по влиянию партия — коммунистическая — в условиях холодной войны не имела шансов прийти к власти, хотя в отдельные моменты электоральные успехи ИКП были сопоставимы с успехами ХДП. Так же как в большинстве стран мира, депутаты итальянского парламента пользовались депутатской неприкосновенностью, при том что принцип разделения законодательной и исполнительной власти строго не соблюдался. Члены итальянского правительства и многие высокопоставленные чиновники сохраняли за собой депутатские места с соответствующим иммунитетом и привилегиями. В ситуации, когда одни и те же политические силы контролировали рычаги власти, такое положение вещей создавало благоприятные условия для коррупции. При пропорциональной системе попадание того или иного политического деятеля в парламент обусловлено не его личными качествами и оценкой их со стороны избирателей, а местом в партийном списке, которое, в свою очередь, зависит от связей претендента в руководстве партии и в ее аппарате.

Немало политических и государственных деятелей в рядах христианско-демократической, социалистической и других партий, входивших в состав правительственных коалиций, оказались замешанными в коррупции, в связях с организованной преступностью и других неблагоприятных делах. Значительная часть сумм, полученных в качестве взяток, затем попадала в партийные кассы ведущих партий страны.

В начале 90-х гг. XX в. Италию потрясла череда коррупционных скандалов, их фигурантами стали такие известные государственные деятели I Республики, как Дж. Андреотти, Б. Кракси и многие другие. Всплывшие на поверхность факты вызвали глубокий политический кризис, в ходе которого резко упал авторитет таких традиционных партий, как ХДП и ИСП. Они утратили прежнюю роль в политической жизни страны. Под мощным давлением общественного мнения, получившего выражение на референдумах 1991 и 1993 гг., парламент Италии принял ряд важных решений, и среди них решения об отказе от принципа депутатской

неприкосновенности и о переходе от пропорциональной к смешанной избирательной системе.

Смешанная избирательная система предусматривает избрание части депутатов по мажоритарным избирательным округам, а часто — по партийным спискам. Смешанная избирательная система вбирает в себя преимущества мажоритарной и пропорциональной избирательных систем, одновременно устраняя их недостатки.

В Италии после 1992 г. действовала смешанная избирательная система. В соответствии с ней из 630 депутатов нижней палаты парламента (палаты депутатов) 475 избирались по мажоритарной системе, а 155 — по пропорциональной. В верхней палате итальянского парламента (сенате) 232 сенатора избирались по мажоритарной системе, а 83 — по пропорциональной. Смешанная избирательная система была принята в ФРГ после объединения Германии, она же действует в таких странах, как Армения, Литва, Мексика, Япония. Смешанная избирательная система существовала с 1993 по 2004 г. и в Российской Федерации. Ее введение и отмена стали важными этапами эволюции избирательной системы нашей страны.

§ 2. Эволюция избирательной системы России

Время первой русской революции 1905–1907 гг. стало началом формирования избирательной системы России. 11 декабря 1905 г. император Николай II издал закон, определяющий порядок проведения выборов в I Государственную думу. Изначально избирательное право распространялось только на мужскую часть населения. Выборы не были равными, а проводились по сословному признаку, для чего создавались так называемые «курии», например дворянская, мещанская, купеческая, крестьянская. Наибольшее представительство в составе коллегий выборщиков имели дворяне, составлявшие ничтожный процент населения Российской империи. Голосование было открытым, а выборы — многоступенчатыми. Можно сказать, что избирательная система России в то время носила откровенно недемократический характер, который после принятия в 1907 г. нового закона о выборах еще более усилился.

Первые в истории России относительно свободные и соревновательные выборы прошли осенью 1917 г., когда выбирали депу-

татов Учредительного собрания. Все цензы для избирателей были упразднены. Впервые была задействована пропорциональная избирательная система, которая принесла победу партии эсеров. Однако большевики, занявшие второе место по итогам выборов, захватили к этому времени власть и разогнали Учредительное собрание сразу же после начала его работы.

При советской власти избирательная система претерпела определенную эволюцию. Вплоть до конца 30-х гг. XX в. проводились многоступенчатые выборы. Сначала избирались депутаты низовых Советов, а также делегаты съездов Советов различного уровня. В условиях установившегося тоталитарного диктаторского режима голосование было открытым. Если в первые годы советской власти к выборам допускали некоторых представителей небольшевистских социалистических партий — меньшевиков, эсеров и анархистов, то после 1922 г. подобная практика прекратилась. Избирательное право, как и в царской России, не было равным, но теперь в качестве привилегированного социального слоя выступали не дворяне, а городские промышленные рабочие. Их голосов для избрания одного депутата или делегата требовалось гораздо меньше, чем голосов крестьян — самого многочисленного класса в СССР вплоть до начала 30-х гг. XX в. Тогда немалая часть населения Советского Союза вообще была лишена избирательного права и относилась к категории так называемых «лишенцев». В их число входили бывшие капиталисты, помещики, участники белогвардейского движения, священнослужители, а также члены их семей.

В 1936 г. в СССР была принята новая Конституция, формально гарантировавшая основные гражданские и политические права и свободы. Конституция должна была создать для советской политической системы демократический фасад, поэтому некоторые институты были существенно изменены или появились заново. Так, вместо прежней многоступенчатой системы съездов Советов и избрания ими исполнительных комитетов появился своеобразный советский «парламентаризм» в виде Верховных Советов СССР, а также союзных и автономных республик. Выборы депутатов Верховных Советов и местных советов депутатов трудящихся стали носить прямой характер. В советскую избирательную систему были внесены и другие изменения. Ликвидировалась категория «лишенцев», и избирательное право стало всеобщим и равным. Активным избирательным правом наделялись все дееспособные граждане страны старше 18 лет, а пассивное избирательное право имело лишь

один возрастной ценз — избираться депутатом Верховного Совета СССР могли лица, достигшие 21 года.

Впервые после выборов в Учредительное собрание голосование стало тайным. Формально была использована мажоритарная избирательная система абсолютного большинства. При выборах Верховного Совета СССР территория страны разбивалась на избирательные округа двух типов. Для выборов депутатов Совета Союза создавались территориальные округа с одинаковым числом избирателей. Для выборов депутатов Совета Национальностей формировались национально-территориальные округа, их количество зависело от статуса соответствующего национального образования. От союзных республик избиралось 32 депутата в Совет Национальностей, от автономных республик — 20, от автономных областей и национальных округов еще меньше. Поэтому в разных национально-территориальных округах могло быть различное число избирателей. Избранным, по закону, считался кандидат, набравший в своем округе более половины голосов проживающих там избирателей. Формально допускалось наличие нескольких альтернативных кандидатов в каждом избирательном округе, но на практике такого никогда не было. Всегда в избирательном бюллетене для тайного голосования значилась фамилия одного кандидата, представлявшего «нерушимый блок коммунистов и беспартийных».

Ко времени принятия нового избирательного закона тоталитарная система в СССР уже утвердилась, и выборы превратились в некий ритуал. Власти стремились достичь максимального участия избирателей в выборах и с этой целью проводили масштабные агитационные кампании. В качестве членов избирательных комиссий разного уровня и в качестве агитаторов к работе привлекалось огромное количество людей. В их задачу входило максимальное увеличение избирательной активности граждан в день голосования. Предпринимаемые усилия давали результаты, и процент участия советских избирателей в выборах был огромен (по сравнению с большинством стран с демократическими политическими режимами). Абсолютное большинство избирателей голосовало за выдвинутых кандидатов, однако и эти искусственно стимулированные результаты подвергались фальсификации при оглашении итогов голосования. По заведенной в советские времена традиции считалось, что в выборах Верховного Совета СССР принимало участие 99,99 % всех избирателей. За кандидатов в Совет Союза отдавали

голоса те же 99,99 %, а за кандидатов в Совет Национальностей — 99,98 % принявших участие в голосовании избирателей.

Советская модель избирательной системы была воспроизведена в большинстве других социалистических государств. Там также всегда выдвигался один кандидат на одно место депутата, и официально декларировалась почти стопроцентная явка избирателей. Кое-где, например в Северной Корее, в выборах принимали и принимают участие все 100 % избирателей, и все кандидаты в депутаты Верховного Народного Собрания КНДР получают 100 % голосов этих избирателей.

До конца 80-х гг. XX в. избирательная система, утвердившаяся в СССР еще до Великой Отечественной войны, действовала безотказно. Но с началом политических реформ в годы «перестройки» обнаружились ее недостатки. Первые попытки провести альтернативные выборы не увенчались успехом вследствие несовершенства советского избирательного законодательства. Для победы на выборах требовалось получить более половины голосов, зарегистрированных в соответствующем округе избирателей. При почти стопроцентной явке и таком же голосовании «за» данная норма гарантированно выполнялась. Когда возникла реальная политическая конкуренция, выяснилось, что явка избирателей на самом деле гораздо ниже ранее декларировавшейся. И при наличии нескольких кандидатов на одно депутатское место ни один из них не мог рассчитывать на половину голосов всех зарегистрированных (а не явившихся на выборы) избирателей. Поэтому в 1989 г., когда было принято решение провести первые альтернативные выборы народных депутатов СССР, были внесены изменения в избирательное законодательство. При сохранении пропорциональной системы абсолютного большинства в целом ряд норм радикально изменился. Подсчет поданных за кандидатов голосов велся от числа реально проголосовавших избирателей, а не от зарегистрированного в избирательном округе их общего количества. Был установлен порог явки избирателей в 50 % от общей численности. Если явка была ниже, то выборы объявлялись недействительными и должны были проводиться вновь. Если ни один из кандидатов не набирал половины голосов явившихся на выборы избирателей, проводился второй тур голосования, в котором участвовали два кандидата. Порог явки для второго тура уже не предусматривался.

Избирательная система, сформировавшаяся в Советском Союзе, действовала и в Российской Федерации как до, так и после распада

СССР. На основе этой системы формировался состав Съезда народных депутатов РСФСР и избравшегося им Верховного Совета. Политический кризис, в центре которого было противостояние Президента РФ Б. Н. Ельцина и руководства Верховного Совета и Съезда народных депутатов, привел к качественным изменениям в избирательной системе России.

После роспуска Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ президент Б. Ельцин издал в сентябре 1993 г. Указ о выборах депутатов Государственной думы. Параллельно должен был проходить референдум по принятию новой Конституции Российской Федерации. В соответствии с президентским указом вводилась смешанная избирательная система. По первоначальному варианту три четверти депутатов Государственной думы должны были избираться по традиционным мажоритарным округам, а одна четверть — по пропорциональному принципу. Через некоторое время под давлением праволиберальных сил, использовавших для собственной идентификации термин «демократы», первоначальный вариант указа был отменен. По новому варианту 225 депутатов из 450 избирались по пропорциональному и 225 — по мажоритарному принципу. Выборы по одномандатным округам стали проводиться не по системе абсолютного, как ранее, а по мажоритарной системе относительного большинства. Победителем считался тот кандидат, который набирал простое большинство голосов принявших участие в выборах избирателей. Порог явки был снижен с 50 до 25 %.

При выборах по пропорциональному принципу была введена необычная для избирательного законодательства большинства государств мира норма. В соответствии с ней избиратель мог проголосовать как за любой предлагавшийся избирательный список, так и «против всех». К выборам по пропорциональной системе допускались не только партии, но и общественные организации и движения. Впервые был установлен 5%-ный заградительный барьер. Однако не все политологи приветствовали внедрение элементов пропорциональной избирательной системы, полагая, что это сделано преждевременно, поскольку полноценная партийная система в России еще не сложилась. Сторонники же нововведений в электоральной практике полагали, что эти нововведения как раз и будут способствовать развитию партий и партийной системы в Российской Федерации.

В первых парламентских выборах 1993 г., проведенных по смешанной избирательной системе, приняло участие 13 избирательных объединений, восьми из которых удалось преодолеть пятипроцент-

ный барьер. Электоральная активность населения была низкой и составила 54,81 %. Следующие парламентские выборы состоялись через два года в 1995 г. Их проводили уже не на основе президентского указа, а на основе Федерального закона «О выборах депутатов Государственной думы Российской Федерации» от 21 июня 1995 г. Активность избирателей оказалась в этом случае выше и достигла 64,76 %. В избирательной кампании участвовало 43 избирательных объединения и блока, что привело к значительному распылению голосов между ними. Пятипроцентный барьер удалось преодолеть только четырем партиям и избирательным объединениям — КПРФ, ЛДПР, НДР и «Яблоко». Почти половина пришедших на выборы проголосовала за партии и объединения, в итоге не набравшие более 5 % голосов.

В 1997 г. был принят Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». На основе этого закона было пересмотрено все избирательное законодательство, в том числе и закон о выборах депутатов Государственной думы, новая редакция которого появилась в 1999 г. Однако, несмотря на некоторые нововведения, смешанная избирательная система для проведения парламентских выборов на общенациональном уровне сохранилась. В выборах депутатов Государственной думы 1999 г. участвовало 61,85 % избирателей. Число избирательных объединений, принимавших участие в выборах по пропорциональному признаку, сократилось по сравнению с выборами 1995 г. до 24. Из них 5%-ный барьер преодолели 6 партий и избирательных блоков. За малые партии, не сумевшие перейти этот барьер, отдали голоса около 13 % избирателей.

В 2002 г. в избирательное законодательство вновь были внесены изменения, причем в этот раз они коснулись как закона о выборах депутатов Государственной думы, так и закона о гарантиях избирательных прав граждан. В Федеральном законе «О выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации» был отменен порог явки избирателей, а заградительный барьер при выборах по пропорциональной системе был повышен с 5 до 7 %. Правда, эта норма должна была быть введена в действие только после парламентских выборов 2003 г.

Парламентские выборы 2003 г. продемонстрировали большой успех партии «Единая Россия». Явка избирателей по сравнению с 1999 г. снизилась до 55,75 %. «Единая Россия» получила 37,6 % голосов пришедших на выборы, КПРФ — 12,6 %, ЛДПР — 11,5 %,

а избирательный блок «Родина» — 9 %. Остальные партии и избирательные объединения получили менее 5 % голосов граждан, участвовавших в выборах. На долю «Единой России» пришлось 120 из 225 депутатских мандатов, распределявшихся по пропорциональной системе. Кандидаты от этой партии победили и в большинстве мажоритарных избирательных округов. Наряду со столь внушительной победой пропрезидентской партии другой заметной чертой парламентских выборов 2003 г. стало увеличение доли избирателей, проголосовавших «против всех» — до 4,6 %.

При очередной реформе избирательного законодательства, прошедшей по инициативе бывшего тогда президентом В. В. Путина в 2004–2007 гг., из бюллетеней для голосования была изъята строка «против всех». Но главным итогом этой реформы стал полный отказ от смешанной избирательной системы при проведении выборов депутатов Государственной думы. Теперь все 450 депутатов нижней палаты российского парламента должны были избираться по пропорциональному принципу. Право участия в парламентских выборах сохранялось лишь за политическими партиями, а создание любых избирательных блоков была запрещено. Заградительный барьер, как и намечалось ранее, был повышен до 7 %. Для того чтобы избежать типичной для пропорциональных избирательных систем оторванности кандидатов в депутаты от избирателей, проживающих в округах, был введен новый порядок распределения депутатских мандатов между партиями, преодолевшими заградительный барьер. Общефедеральные партийные предвыборные списки теперь ограничиваются тремя кандидатами, а все остальные кандидаты включаются в региональные списки, и их избрание в состав Государственной думы зависит не только от общего процента голосов, полученных данной партией, но и от результатов голосования за нее в конкретных избирательных округах. Насколько подобный способ распределения депутатских мандатов окажется эффективным, покажет время.

Выборы депутатов Государственной думы 2 декабря 2007 г. проходили уже по пропорциональной избирательной системе. В них приняло участие 63,78 % избирателей. Из 10 партий, участвовавших в выборах, 7%-ный барьер преодолели 4 партии. «Единая Россия» набрала 64,3 % голосов и получила 315 депутатских мандатов; КПРФ — 11,57 % голосов и 57 мандатов; ЛДПР — 8,14 % голосов и 40 мест в Государственной думе; «Справедливая Россия» — 7,74 % голосов и 38 депутатских мандатов.

Пропорциональная избирательная система используется теперь и при выборах законодательных органов власти субъектов Российской Федерации. Однако в современной России сохраняются и элементы мажоритарной избирательной системы. Традиционно на основе мажоритарной избирательной системы абсолютного большинства избирается президент Российской Федерации. По мажоритарному принципу проводятся выборы и многих органов местного самоуправления, включая выборы мэров городов, не имеющих, как Москва и Санкт-Петербург, статуса субъектов Российской Федерации.

Изменения в избирательной системе России возможны и в дальнейшем. В частности, вновь избранный Президент РФ Д. А. Медведев предложил дать возможность партиям, не прошедшим градительный семипроцентный барьер, но набравшим более 5 % голосов избирателей, быть представленными в Государственной думе одним-двумя депутатами.

§ 3. Политические технологии в избирательных кампаниях

В политике для достижения сходных целей используются однотипные приемы и способы деятельности, которые принято называть *политическими технологиями*. Разновидностью политических технологий являются *избирательные технологии*. Избирательная технология — это *совокупность средств, способов и приемов, используемых при организации и проведении избирательных кампаний и направленных на достижение предвыборных целей отдельных кандидатов или политических партий в соответствующей электоральной ситуации*.

Избирательные технологии подразделяются на два основных типа — *маркетинговые* и *немаркетинговые*. В основе маркетинговых технологий лежит понятие политического рынка — пространства, на котором происходит обмен политических товаров и услуг на голоса избирателей, на лояльность и поддержку всех граждан в целом. Так же как на традиционном экономическом рынке, на политическом рынке имеет место конкуренция, в ходе которой соперничающие политические субъекты предлагают свои «товары и услуги» потребителям, в данном случае гражданам. Политическая конкуренция

обостряется в период проведения избирательных кампаний, если выборы носят свободный и соревновательный характер. Конкурирующие кандидаты и партии стремятся привлечь на свою сторону голоса избирателей и действуют как продавцы на обычном рынке. Для того чтобы добиться успеха, субъекты избирательного процесса используют *политический маркетинг* — систему информационного воздействия на политический рынок, в основе которой лежит предварительное изучение этого рынка. Целью политического маркетинга является привлечение голосов избирателей.

Технологии маркетингового типа должны учитывать потребности избирателей и подстраиваться под них. В противоположность маркетинговым в основе немаркетинговых технологий лежит такое информационное воздействие на граждан, которое игнорирует потребности избирателей и сводится к монологу, обращенному к ним. Целью технологий немаркетингового типа является унификация политического сознания и поведения граждан, которых следует убедить в правильности взглядов и представлений, предлагаемых им «сверху». Для полного успеха немаркетинговые технологии нуждаются в определенной монополизации политического пространства, уменьшении или полном устранении конкуренции между политическими субъектами. Классическим примером немаркетинговых избирательных технологий были агитационно-пропагандистские кампании, сопровождавшие проведение выборов в Советском Союзе. Основная цель этих кампаний заключалась в обеспечении высокой явки на выборах и, соответственно, единодушного голосования за кандидатов «нерушимого блока коммунистов и беспартийных».

Элементы немаркетинговых технологий могут использоваться и в условиях реальной политической конкуренции. Так, в 1995 г. накануне выборов в Государственную думу в Администрации Президента были обеспокоены тем, что, по прогнозам, победу на этих выборах должны были одержать коммунисты. Из тех же прогнозов следовало, что успех коммунистов будет тем больше, чем меньше граждан придет на избирательные участки. Явка избирателей обещала быть низкой, следовательно, с точки зрения Администрации Президента, ее следовало повышать. Для этого Центральная избирательная комиссия с помощью средств массовой информации развернула агитационную кампанию по активизации граждан и привлечению на выборы тех, кто, по данным социологических опросов, не собирался принимать участие в голосовании. О продвижении

какой-либо политической программы речь не шла и к конкуренции между собой политических сил развернутая информационная кампания никакого отношения не имела. В ее основе лежали технологии немаркетингового характера. Конкретная узкая цель — повышение явки избирателей — была достигнута, активность граждан оказалась выше прогнозируемой. Однако главной цели — снижения процента голосов, поданных за коммунистов, организаторы кампании не добились. К выборам были привлечены не определившиеся и не имевшие четких политических ориентаций и симпатий избиратели. Их голоса распределились между 43 партиями и избирательными объединениями, принимавшими участие в тех парламентских выборах. Больше всего от этого пострадали средние по масштабам политического влияния партии. Большинство из них не сумело преодолеть пятипроцентный барьер, хотя предварительные прогнозы показывали, что они могли бы этого добиться. В итоге КПРФ, набравшая 22,3 % голосов, получила почти половину депутатских мандатов, распределявшихся по пропорциональному принципу. Из-за распыления голосов избирателей только четырем партиям удалось преодолеть пятипроцентный барьер.

Большинство избирательных технологий, использовавшихся в нашей стране начиная с 90-х гг. XX в., относились к технологиям маркетингового типа. Особо важную роль такие технологии играют в период существования смешанной избирательной системы при организации предвыборных кампаний в мажоритарных округах. Хотя маркетинговые технологии могут быть востребованы и при выборах по пропорциональной системе. Кроме того, в современной России выборы проводятся как по пропорциональному, так и по мажоритарному принципу.

Любая избирательная кампания основана на использовании определенного количества ресурсов, необходимых для достижения поставленных целей. Принято выделять следующие ресурсы:

- ✦ *Финансовые* ресурсы, без которых сегодня невозможна никакая избирательная кампания.
- ✦ *Временные* ресурсы. Время организации и проведения избирательной кампании играет важную роль. Чем больше времени отводится на ведение предвыборной агитации, тем больше возможностей для воздействия на сознание и поведение потенциальных избирателей. Дефицит времени предполагает его наиболее эффективное использование.

- ✦ *Интеллектуальные* ресурсы определяются квалификацией специалистов, которые привлекаются к организации избирательной кампании. К числу таких специалистов относятся политологи, социологи, психологи, юристы, экономисты. Весьма высока роль *политических технологов* — специалистов в области избирательных технологий. Все они входят в состав избирательного штаба, разрабатывающего стратегию и тактику избирательной кампании и осуществляющего непосредственное руководство ее организацией и проведением.
- ✦ *Организационные* ресурсы — это государственные, партийные и общественные структуры, на которые может опираться кандидат или партия при проведении своей избирательной кампании. Как показывает электоральная практика России и некоторых других стран, на результаты выборов может оказывать сильное влияние так называемый административный ресурс. Он используется тогда, когда за каким-либо кандидатом или партией стоит аппарат исполнительной власти.
- ✦ *Информационные* ресурсы связаны с возможностью использовать в избирательной кампании средства массовой информации — телевидение, радио, периодическую печать, а сегодня и Интернет.
- ✦ *Материально-технические* ресурсы обеспечиваются инфраструктурой, без которой невозможно проведение избирательной кампании. Это — помещения, оргтехника, транспорт и средства связи.

Каждый вид ресурсов по-своему важен, и попытки сделать ставку только на некоторые из них, как правило, оборачиваются неудачей. Об этом свидетельствует тот факт, что не всегда самые дорогостоящие избирательные кампании, то есть опирающиеся в основном на финансовые ресурсы, оказываются и наиболее результативными. В то же время в каждой конкретной избирательной кампании тот или иной вид ресурсов может иметь определяющее значение. Это должны учитывать организаторы избирательных кампаний. Примером успешного учета данного фактора можно назвать подход лидера ЛДПР В. В. Жириновского к организации избирательных кампаний по выборам в Государственную думу 1993 и 1995 гг. В первом случае он учел то, что предвыборная кампания проходила в сжатые сроки и наиважнейшую роль в условиях дефицита времени сыграли средства массовой информации, особенно

телевидение. Поэтому в избирательной кампании ЛДПР 1993 г. главное место заняла телевизионная реклама и личные выступления лидера партии перед телеаудиторией. На выборах 1995 г. наблюдалась иная картина. Конкуренция шла между 43 партиями и избирательными объединениями. Было ясно, что при таком большом количестве субъектов избирательного процесса доля телевизионного информационного пространства для каждого из них объективно уменьшается. Зато повышается роль организационных ресурсов, имеющихся в распоряжении партий и других участников избирательной кампании. В. В. Жириновский, видимо, заранее это просчитал и в предшествующие началу избирательной кампании месяцы значительно укрепил организационные структуры своей партии на местах. Многие другие партии этого не сделали, за что и заплатились потерей голосов на выборах. Перед началом любой избирательной кампании необходимо вырабатывать стратегию и тактику ее проведения и соответственно подбирать политические технологии для каждого этапа предвыборного процесса.

В условиях мажоритарной избирательной системы следует проводить предварительное изучение избирательного округа и получать количественную и качественную информацию по пунктам:

1. Общая географическая и экономическая характеристика округа.
2. Демографическая и социальная структура населения.
3. Характеристика основных производственных предприятий, организаций и учреждений, сосредоточенных на территории округа.
4. Структура и состав органов власти и местного самоуправления, имеющих непосредственное отношение к данному избирательному округу.
5. Оценка общей социально-политической и социально-экономической ситуации, сложившейся как в самом округе, так и в регионе, к которому этот округ принадлежит.
6. Данные, характеризующие интересы, ценностные ориентации и настроения избирателей округа.
7. Сведения о наиболее политически влиятельных лицах, проживающих на территории округа, а также о действующих здесь общественных организациях.
8. Характеристика местных средств массовой информации и степени их воздействия на население.

9. Данные о предшествующих избирательных кампаниях, проходивших в округе, и о результатах состоявшихся выборов.
10. Сведения о возможностях использования административного ресурса в предстоящей избирательной кампании.
11. Данные, характеризующие наиболее вероятных конкурентов.

На основе полученной информации политтехнологи осуществляют *сегментирование электората*, то есть выделяют группы избирателей, обладающих сходными характеристиками и, как предполагается, одинаково ведущими себя по отношению к предлагаемому «политическому товару» — кандидатам или партиям. В зависимости от того, как граждане относятся к данному кандидату или политической партии, можно выделить следующие категории избирателей:

- ✦ *твердые сторонники* — на их поддержку, в том числе и активную, кандидат всегда может рассчитывать;
- ✦ *нетвердые сторонники* — симпатизируют кандидату, но не участвуют в активных действиях в его поддержку;
- ✦ *настроенные безразлично* — не имеют четкой политической позиции и не проявляют определенных симпатий к каким-либо кандидатам и политическим силам, равнодушны к политике вообще;
- ✦ *настроенные негативно* — разочаровались в политике и не видят достойной политической силы;
- ✦ *нетвердые противники* — симпатизируют другому кандидату, но их предпочтения не являются устойчивыми;
- ✦ *твердые противники* — активно поддерживают другого кандидата;
- ✦ *лишние сторонники* — их поддержка ослабляет кандидата и даже дискредитирует его.

Кроме этого, в избирательной кампании учитывают группы избирателей, выделяемые и по другим критериям. В частности, по возрастному критерию выделяют молодежь, лиц среднего возраста и пожилых людей, по гендерному критерию — мужчин и женщин, также выделяют группы лиц разных профессий, по уровню дохода — богатых, лиц среднего достатка и бедных. По политическим ориентациям выделяют сторонников левых, центристских и правых партий, сторонников отдельных ярких политических лидеров.

На основе сегментирования определяют группы избирателей, на которые в первую очередь будет оказываться информационное воздействие, то есть так называемые *целевые группы*. Для этого используют политическую *технология позиционирования*, которая предполагает разработку для каждой отдельной целевой группы специального комплекса мероприятий. Когда подготовительный этап избирательной кампании завершается, переходят к решению ее основных стратегических и тактических задач.

Главной политической технологией, с помощью которой достигаются стратегические цели избирательной кампании, является *технология формирования имиджа*. Под имиджем в данном случае понимается сложившееся в сознании избирателей представление о кандидате или политической партии. Имидж кандидата формируют такие факторы, как возраст, пол, образование, семейное положение, внешние данные и личностные качества, трудовая биография, жизненный и политический опыт. Однако следует различать *облик* кандидата и его *образ*. Технология политического имиджмейкинга направлена на создание образа кандидата, например, как «крепкого хозяйственника», «честного человека», «спасителя отечества» и т. д. Нередко образ является искусственной конструкцией и сильно отличается от реальных характеристик личности кандидата. Но образ отличается и от облика, то есть того, как выглядит кандидат на политическом рынке. Облик складывается под воздействием многих факторов, в том числе имиджа его конкурентов и характера противодействия поддерживающих обоих кандидатов предвыборных команд. Политтехнологи, обслуживающие конкурентов, стремятся разрушить позитивный образ чужого кандидата и навязать избирателям разных целевых групп его негативный образ. Нередко сами кандидаты совершают поступки, разрушающие образ, который создавали их имиджмейкеры, и их реальный облик в глазах избирателей еще более отклоняется от изначально навязываемого образа. Эффективность технологии формирования имиджа кандидатов и партий определяется тем, насколько их облик в глазах электората будет близок к конструируемому образу.

Наряду с формированием имиджа в стратегии избирательной кампании важное место принадлежит ее *тематике*. В основе тематики избирательной кампании лежат идеи, с которыми кандидат или политическая партия обращаются к своему электорату. Число тем избирательной кампании не может быть очень большим и обычно ограничивается тремя-пятью. При этом одна из тем становится

ключевой, а остальные — вспомогательными. Типичным примером ключевой темы избирательной кампании является тема борьбы с коррупцией. Ее использовали и используют в своей электоральной практике как кандидаты, так и политические партии. Параллельно могут разрабатываться и другие темы — борьба с бедностью, охрана окружающей среды, строительство социально значимых объектов и т. д. Темы избирательной кампании должны согласовываться с создаваемым имиджем кандидата или партии. Если выстраиваемый образ кандидата не совпадает с заявленными темами его избирательной кампании, а реальный облик находится в противоречии с ними, рассчитывать на электоральный успех не приходится.

Стратегические цели избирательной кампании достигаются с помощью совокупности тактических способов и приемов. Речь идет о политических технологиях, применяемых для информационного воздействия непосредственно на потенциальных избирателей. Само воздействие осуществляется через различные коммуникационные каналы, в частности СМИ, телефон, Интернет, адресную доставку по месту жительства, а также через непосредственные контакты кандидатов и членов их предвыборных команд с избирателями.

К тактическим приемам, позволяющим в ясной и доступной форме донести до граждан основную тематику избирательной кампании, относятся разработка ее *лозунга* или, как его еще называют, *слогана*. Предвыборные лозунги выполняют ряд важных функций:

- ✦ обеспечивают узнаваемость кандидата или партии, демонстрируют их отличие от конкурентов и обозначают присутствие кандидатов и партий в информационном пространстве;
- ✦ обеспечивают целостность предвыборных мероприятий кандидатов и партий в сфере политических коммуникаций;
- ✦ стимулируют избирателей к голосованию за кандидата или партию, выдвинувших определенный лозунг;
- ✦ «правильный» слоган, то есть краткий, емкий, яркий и оригинальный, воздействует на эмоции потенциальных избирателей.

В качестве примера удачного предвыборного слогана может быть назван лозунг, выдвинутый в ходе парламентских выборов 2003 г. лидером ЛДПР В. В. Жириновским: «Мы за бедных. Мы за русских». Данный лозунг многие совершенно справедливо оценили как демагогический. Но с точки зрения маркетинговых избирательных технологий он оказался весьма эффективным и в очередной

раз позволил либерал-демократам и их лидеру преодолеть заградительный барьер, хотя накануне выборов шансы данной партии оценивались невысоко.

Тематика избирательной кампании находит свое развитие и выражение в разработке *предвыборной программы* партии или кандидата. Предвыборная программа должна быть реалистичной, ориентированной на жизненно важные для электората проблемы, строиться в соответствии с представлениями целевых групп, на которые программа в первую очередь рассчитана. Программа также должна быть простой и доступной по форме, укреплять имидж кандидата или партии, побуждать избирателей голосовать именно за них. Разработка предвыборных программ имеет большое значение тогда, когда выборы проводятся по пропорциональной избирательной системе.

Учитывая то, что подавляющее число избирателей программ не читают, партиям или кандидатам, рассчитывающим на успех, целесообразно на основе предвыборной программы подготовить еще и *предвыборную платформу*. Предвыборная платформа гораздо короче программы, и поэтому возрастают шансы, что ее избиратели прочитают. Платформа должна содержать краткие и яркие формулировки, раскрывающие основные программные требования.

В условиях конкуренции, которой сопровождается избирательная кампания, широко применяются технологии *политической рекламы*. Политическая реклама должна быть адресована целевым группам избирателей, с тем чтобы они «купили» предлагаемый «политический товар», то есть проголосовали за рекламируемых кандидатов или партии. Политическая реклама реализуется как специально созданный информационный продукт в различных формах. Существуют такие разновидности политической рекламы: *визуальная, аудиальная и аудиовизуальная*.

Визуальная реклама представляет собой публикации в периодической печати, плакаты, листовки, уличные щиты и растяжки, а также значки, календари, флажки, майки и другие рекламные продукты, доступные непосредственному зрительному восприятию. Аудиальная реклама — реклама на радио, это — рекламные радиоролики, интервью с кандидатами и представителями партий, их выступления перед радиослушателями. Аудиовизуальная реклама — рекламные продукты, распространяемые с помощью телевидения и других аудиовизуальных средств, например DVD, Интернета. Но телевизионная реклама имеет особое значение, поскольку телевидение является сегодня наиболее распространенным и доступным

средством массовой информации. В то же время телевизионная реклама — самый дорогостоящий вид политической рекламы, поэтому ее использование, особенно на уровне местных муниципальных выборов, может быть ограничено. Зато на подобных выборах широкое распространение имеют *политические технологии работы с избирателями на дому*.

К политическим технологиям работы с избирателями на дому относится, например, кампания «от двери к двери», то есть целенаправленное посещение потенциальных избирателей по месту их проживания агитаторами или даже самими кандидатами на выборную должность. В процессе посещения с гражданами проводятся беседы по тематике избирательной кампании и вручаются различные рекламные материалы. Эти материалы могут и просто опускаться в почтовые ящики избирателей, если их не застали дома. Накануне дня голосования совершается повторный обход тех граждан, которые изъявили желание голосовать за данного кандидата или партию. Таким избирателям вручают письмо с благодарностью за поддержку и напоминанием о месте и порядке голосования. Примерно по схожей схеме проходит кампания *телефонного внедрения*. На первом этапе производятся звонки избирателям с целью зондажа их отношения к предстоящим выборам и намерений поддержать какую-либо политическую силу. Накануне выборов активисты избирательной кампании звонят уже тем гражданам, которые в ходе зондажа выразили симпатии к представляемым организаторами кампании кандидатам и партиям. Цель таких звонков — обеспечить явку сторонников своего кандидата или партии на избирательный участок.

Еще одна разновидность технологий работы с избирателями на дому носит название «*директ мэйл*». Эта технология представляет собой распространение агитационных материалов, адресованных персонально какому-либо конкретному избирателю. При современной компьютерной и множительной технике изготовление адресных обращений к каждому потенциальному избирателю с указанием его фамилии, имени, отчества, а также с личным факсимиле кандидата вполне возможно. Используется также и *безадресная доставка* агитационных материалов, которые распространяются среди всех граждан и не имеют каких-либо отличительных, индивидуальных особенностей. Примером такой безадресной доставки могут быть листовки, буклеты, календари и прочая рекламная продукция, опускаемая в почтовые ящики независимо от того, кто в данной квартире проживает.

В ходе избирательных кампаний задействуются и *технологии проведения массовых мероприятий*. Наиболее массовыми являются *митинги*. Они собирают тысячи участников и поэтому представляют собой очень сложное и ответственное мероприятие. С одной стороны, митинг может сопровождаться массовыми беспорядками, что создает для его организаторов серьезные проблемы политического и правового характера. С другой стороны, низкая явка избирателей на митинг может стать аргументом политических конкурентов для дискредитации кандидата или партии, в поддержку которых этот митинг организован. Гораздо менее массовым предвыборным мероприятием являются *пикеты*. Они состоят из нескольких активистов, которые раздают агитационные материалы и ведут разъяснительные беседы с заинтересовавшимися гражданами. Пикеты выставляются в многолюдных местах, в больших городах это, как правило, станции метрополитена. К массовым предвыборным мероприятиям относятся и *встречи* кандидатов в депутаты, а также их личных представителей, с избирателями. Такие мероприятия обычно проходят в закрытых помещениях, где есть возможность открытого диалога между кандидатом и гражданами.

В процессе президентских избирательных кампаний как в России, так и в других странах кандидаты на пост главы государства совершают многодневные поездки по стране, в ходе которых происходит целая череда встреч с избирателями. Подобные мероприятия требуют от политических лидеров больших физических сил и эмоционального напряжения. Широкую известность получил тот факт, что в ходе президентской избирательной кампании 1996 г. Президент России Б. Н. Ельцин, не обращая внимания на проблемы со здоровьем, в ходе таких поездок и встреч пытался даже танцевать с потенциальными избирателями. В результате сразу же после переизбрания на пост главы государства он оказался на больничной койке, а позже перенес сложную операцию.

Избирательные технологии маркетингового типа нацелены на победу над политическими конкурентами. Однако конкуренция должна проходить корректно, в рамках моральных и правовых норм. Если эти нормы нарушаются, то речь идет о *некорректных* или так называемых *черных* избирательных технологиях. Наиболее распространенной технологией подобного типа является технология *манипуляции сознанием избирателей*. Манипуляционные технологии носят скрытый, завуалированный характер и довольно часто используются в предвыборной борьбе. Используя манипуля-

цию, политтехнологи стремятся получить односторонний выигрыш, не брезгуя преднамеренным *искажением информации*. В 90-х г. во многих городах России, в том числе и в Санкт-Петербурге, активно применялась технология выдвижения *подставных кандидатов*. В избирательных округах одновременно баллотировались несколько кандидатов-однофамильцев, некоторые были даже полными тезками. Но если один из них реально участвовал в предвыборной борьбе и стремился к победе, то другой был просто «кандидатом-двойником». Двойника продвигали конкуренты, рассчитывая отвлечь хотя бы часть голосов от настоящего кандидата. Неискушенный избиратель ставил в избирательном бюллетене галочку напротив знакомой фамилии, не вникая в ситуацию и не отдавая себе отчета, что он голосует не за своего кандидата, а за подставного «двойника».

Черные технологии выдвижения «кандидатов-двойников» следует отличать от встречающегося в электоральной практике феномена *кандидатов-страховок*. Их выдвигают тогда, когда есть опасность, что конкуренты снимут свои кандидатуры с выборов в последний момент, а безальтернативные выборы будут просто отменены. Такая технология тоже не совсем корректна с этической точки зрения, но допустима с точки зрения политической целесообразности.

Широкое распространение черных избирательных технологий во время выборов по мажоритарной избирательной системе стало одним из аргументов в пользу перехода к пропорциональной избирательной системе как при выборах депутатов Государственной думы, так и депутатов законодательных органов власти в подавляющем числе субъектов федерации. Однако так называемые черные технологии могут использоваться и на выборах по пропорциональной избирательной системе, следовательно, для борьбы с ними нужны продуманные меры не только политического, но и правового характера.

Контрольные вопросы и задания

1. Что понимается под избирательной системой?
2. В чем заключаются преимущества и недостатки мажоритарных и пропорциональных избирательных систем?

3. Приведите примеры функционирования мажоритарных, пропорциональных и смешанных избирательных систем в различных странах мира.
4. Как эволюционировала избирательная система в России?
5. Дайте характеристику избирательной системы современной России.
6. Какие политические технологии используются в избирательных кампаниях?

ГЛАВА XIII

Средства массовой информации как политический институт

---

§ 1. Сущность, структура и функции СМИ

Средства массовой информации занимают в политической системе современных обществ особое место. С одной стороны, СМИ относятся к сфере политических коммуникаций. С другой стороны, СМИ являются одним из основных политических институтов, составляя вместе с государством, партиями и другими институтами институциональную подсистему современных политических систем. СМИ имеют прямое отношение к осуществлению государственной власти и в то же время по своей природе и происхождению принадлежат сфере гражданского общества.

Роль СМИ в политическом процессе весьма велика. Особенно в процессах политической социализации, функционирования политических партий и организованных групп интересов, реализации избирательных технологий. Нередко в качестве синонима понятия «средства массовой информации» используют понятие «средства массовой коммуникации». Это не совсем верно. Понятие «*массовые коммуникации*» шире по своему содержанию, чем понятие массовой информации. Массовые коммуникации могут осуществляться как с помощью технических средств, так и в процессе непосредственного, «живого» общения. Примером такого общения могут быть

лекции, конференции, собрания, митинги, встречи, в ходе которых происходит обмен информацией в вербальной форме и при прямом общении лиц, вступивших в коммуникационное взаимодействие. Средства же массовой информации всегда используют технические инструменты коммуникации со своей аудиторией.

Единой, общепринятой позиции по поводу того, что следует понимать под средствами массовой информации, среди специалистов на сегодня нет. За основу можно взять определение, данное российскими политологами В. П. Пугачевым и А. И. Соловьевым, которые считают, что СМИ — это «учреждения, созданные для открытой, публичной передачи с помощью специального технического инструментария различных сведений любым лицам»¹. Прежде всего это — периодическая печать, радио и телевидение. В отличие от таких видов массовых коммуникаций, также использующих технические средства, как литература и кинематограф, СМИ более оперативно реагируют на изменения в общественной жизни, они, по сути, полностью погружены в эту жизнь. Книга не может успевать за ходом событий так, как ежедневная или даже еженедельная газета. К тому же периодические печатные издания более доступны массовой аудитории. Киножурнал, отражающий и комментирующий общественно-политические события, в любом случае отстает по оперативности освещения от телевизионной передачи на ту же тему. Средства массовой информации легче устанавливают обратную связь со своей аудиторией, способны быстрее реагировать на ее запросы и учитывать их. В результате возрастает возможность СМИ не только отражать процессы, происходящие в различных сферах общественной жизни, но и активно влиять на них. Именно этим, наряду с другими факторами, определяется высокая роль средств массовой информации в политике.

СМИ как целостная система характеризуется следующими качествами:

- ✦ с точки зрения их функционального предназначения, содержания информации и способов связи с аудиторией — *универсальность*;
- ✦ с точки зрения потенциального масштаба аудитории и возможностей влияния на различные сферы общественной жизни — *всеохватность*;

---

¹ Пугачев В. П., Соловьев А. И. Введение в политологию. М., 2002. С. 331.

- ✦ с точки зрения контактов с источниками информации — *доступность*;
- ✦ с точки зрения последовательности и периодичности распространения информации — *регулярность*;
- ✦ с точки зрения освещения текущих событий — *оперативность*.

Средства массовой информации как система имеют довольно сложную структуру. По техническим способам передачи информации СМИ делятся на *периодическую печать, радио, телевидение*.

Исторически первым видом средств массовой информации были *печатные периодические издания*. Печать как техническое средство осуществления массовых коммуникаций начинается с книгоиздания, но затем приходит время газет и журналов. Газета в отличие от книги проще по полиграфическому исполнению, поэтому быстрее создается и выпускается. Относительно небольшой объем и дешевая бумага позволяют делать большой тираж и резко расширять читающую аудиторию. Прогресс печатного дела дал возможность издавать ежедневные газеты. Сегодня большинство газет относится к разряду либо ежедневных, либо еженедельных, которые, как правило, больше по объему. По оперативности подачи информации ежедневные газеты значительно опережают еженедельные, но последние имеют преимущество с точки зрения возможности анализировать и обобщать информацию.

Первая газета в России появилась по указу Петра I в декабре 1702 г. Она называлась «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и во иных окрестных странах», кратко — «Ведомости» и пришла на смену рукописным информационным листкам, «курантам» (от фр. *courant* — текущий, бегущий), которые составлялись чиновниками Посольского приказа на основе газетных статей и сведений, получаемых из-за границы. Сам термин «газета» произошел от названия мелкой монеты — *gazetta*, ее платили в Венеции за один лист с изложением сводки новостей.

Несмотря на распространение радио и телевидения, роль газет как средства массовой информации осталась весьма значительной и в наши дни. Об этом говорят цифры роста числа периодических печатных изданий в нашей стране в начале XXI в. В 2001 г., по данным Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, общее число названий российских газет составляло 16 930, а журналов — 10 239, в 2005 г. названий газет стало 26 177, а жур-

налов — 18 188, в 2007 г. количество названий газет увеличилось до 35 500, а журналов — до 23 500.

Журналы в отличие от газет могут быть носителями более фундаментальной информации политического, экономического, научно-технического и иного характера. Журналы не способны быстро реагировать и отражать происходящие события. Однако они более масштабно и аналитично рассматривают эти события, отмечая в них наиболее важное и существенное. В полиграфическом исполнении журналы занимают промежуточное положение между книгами и газетами. Так называемые «толстые» журналы ближе к книгам, а «тонкие» — к газетам. В истории нашей страны роль «толстых» журналов была заметнее, чем во многих зарубежных странах. В условиях отсутствия слова формат «толстого» литературного журнала позволял выразить общественные мнения и настроения гораздо лучше, чем это можно было сделать в ежедневной или еженедельной газете. Хотя цензурные ограничения, существовавшие в Российской империи и в СССР, касались как газет, так и журналов, все же в рамках литературных журналов, используя «эзопов язык», авторам удавалось их обходить. В истории дореволюционной России такие журналы, как «Современник» и «Отечественные записки», были событием не только литературной, но и общественно-политической жизни. Пик популярности «толстых» журналов в Советском Союзе пришелся на 60–80-е гг. XX в. Тогда они выходили многомиллионными тиражами, но спрос все равно превышал предложение. Несмотря на господство официальной идеологии, идейно-политические ориентации «толстых» журналов различались. Если «Новый мир» выражал настроения либеральной интеллигенции, то «Наш современник» — настроения традиционалистов-почвенников, а «Октябрь» был близок консервативной части партийного аппарата и чиновников. Сегодня, в связи с новой экономической ситуацией, тиражи, а следовательно, возможности распространения и влияния «толстых» литературных журналов в нашей стране существенно упали.

Особенности периодических изданий как средств массовой информации, по сравнению с другими разновидностями СМИ, заключаются в форме подачи материала и в форме доставки информационного продукта потребителю, в данном случае читателю. В газетах и журналах информация содержится в форме напечатанного текста, а также в форме фотоснимков, рисунков, графиков, то есть неподвижного изображения. Читатель может окинуть взглядом весь

ассортимент предлагаемой информации, выбрать интересующую его информацию и распределить свое время для ознакомления с ней. Газету и тем более журнал можно не читать сразу же, отложить чтение до более подходящего момента. Для того чтобы «отложить» для ознакомления в будущем информацию, передаваемую по радио и телевидению, необходимы дополнительные технические средства в виде записывающей и воспроизводящей аппаратуры.

Но у прессы есть и ограничения по сравнению с другими видами СМИ. Если телевидение или радио передают информацию в непрерывном режиме, то печатные издания выходят в свет дискретно. Каждый номер журнала или газеты отделен временным интервалом, и информация поступает к читателю порциями. Периодическая печать уступает радио и телевидению в оперативности подачи информации. Газеты и журналы лимитированы в своем объеме и не всегда могут вместить всю интересующую читателя информацию. Даже специальные выпуски газет не способны кардинально изменить ситуацию. На телевидении же и на радио есть возможность отодвинуть запланированные передачи и полностью сосредоточиться на освещении какого-либо важного события. Печатные информационные продукты по своему характеру ориентированы на индивидуальное усвоение материалов читателями и поэтому требуют от них определенного уровня подготовки, способности к осмыслению прочитанного и, как минимум, умения читать, грамотности. В современном мире по-прежнему миллионы людей не умеют ни читать, ни писать, но для радиослушателей и телезрителей этого умения и не требуется.

Особенности подходов к подбору и форме подачи информационных продуктов, учитывающие запросы, интересы и возможности различных групп населения, являются критериями для разделения прессы на серьезную и «желтую». К первой относятся газеты и журналы, стремящиеся сообщать читателям не только некий объем достоверной информации, но и анализировать происходящие события, ориентировать свою аудиторию на критическое осмысление и обобщение прочитанного. К разряду «желтой» прессы относятся «бульварные» газеты и схожие с ними в подаче информации «тонкие» журналы. «Бульварная» пресса, ориентированная прежде всего на коммерческую прибыль, гонится за сенсациями, публикуя часто недостоверную информацию, обращаясь к читателям с низким образовательным и интеллектуальным уровнем, готовым поверить самым нелепыми публикациям. Такая пресса в погоне за сенсациями

не соблюдает этических запретов, описывая подробности частной, интимной жизни известных людей, жестоких кровавых преступлений. Широкое распространение сегодня получили периодические издания исключительно развлекательного характера. Это так называемые таблоиды — журналы, распространяющие информацию, далекую от содержательной стороны политики, экономики, культуры и других основных сфер общественной жизни.

Радио изначально появилось как новое техническое средство связи. Радиосвязь как в телеграфном, так и в телефонном режиме до сих пор служит для передачи информации конфиденциального или служебного характера. Прогресс радиопередающей и особенно радиопринимающей техники позволил использовать радио как средство массовой информации. Несмотря на тяжелые социально-экономические условия первых послереволюционных лет, массовое радиовещание стало развиваться и в нашей стране. Уже в 1919 г. радиолaborатория в Нижнем Новгороде провела первые опыты по передаче в радиоэфир человеческой речи, а в июле 1921 г. в Москве впервые через радиорепродукторы передавались устные выпуски центральных советских газет. В 1922 г. Центральная радиотелеграфная станция в Москве начала вести регулярные радиопередачи. Поскольку обычные волновые радиоприемники были дороги и мало доступны для основной части населения в СССР, в 30–40-х гг. XX в. широкое распространение получила трансляция единой радиопрограммы по проводам. К 50-м гг. XX в. ею были охвачены все города и многие сельские населенные пункты. В домах и квартирах советских людей появились радиорепродукторы. Основанная на этом система массового радиовещания в СССР сыграла важную роль в функционировании тоталитарного режима. Каждый советский гражданин получал ежедневную порцию отобранной и проверенной информации, а также набор установок, отражающих политический курс партии и правительства. Альтернативы получаемой информации практически не было, поскольку радиоприемники, способные принимать радиоволны зарубежных станций, были далеко не во всех советских семьях. Появление и широкое распространение мобильных транзисторных радиоприемников совершило революцию в советском информационном пространстве. «Железный занавес» был прорван в радиоэфире, и советским властям пришлось вести длительную борьбу с западными «голосами», предпринимая технические меры по их глушению. Эта борьба закончилась поражением коммунистического режима, поскольку медленно развивающийся

процесс эрозии идеологических устоев советской политической системы в конце концов привел ее к краху (см. главу XVII).

Радио как таковое является не средством массовой информации, а техническим способом осуществления массовых коммуникаций. Собственно СМИ, использующими данный способ, следует считать радиостанции. В Советском Союзе число радиостанций было ограниченным, все они принадлежали государству и полностью контролировались правившей коммунистической партией. После распада тоталитарной политической системы появились первые частные радиостанции, их число стало расти. Сегодня в России вещают пять государственных радиостанций, три — ведомственных и сотни региональных, муниципальных и частных.

Радиовещание имеет преимущества перед другими средствами массовой информации в силу своей доступности. Чтобы слушать радиопередачи, не обязательно быть грамотным. Радиоприемники по-прежнему гораздо дешевле телевизоров. Радиосигналы доходят в любую точку земного шара, в то время как телевидение доступно не везде. Неудивительно, что значительная часть радиослушателей проживает в бедных и отсталых странах. В России во многих труднодоступных районах радиовещание остается единственным средством массовой информации. Еще одно преимущество радиовещания заключается в том, что оно часто ведется в непрерывном режиме. Так работают многие современные радиостанции, а телевидение недавно стало осваивать такой порядок работы. Прослушивание радиопередач можно совмещать с другими видами деятельности. В развитых странах радиослушателей в чистом виде сейчас немного, зато очень многие слушают радио, находясь за рулем автомобиля. Радиовещание было и остается наиболее оперативным средством массовой информации.

Но у радио есть и недостатки. Радиопередачи воспринимаются только на слух, и люди способны усваивать и запоминать не более 20 % информации. Чем больше в радиосообщении конкретных цифр, фактов и подробностей, тем слабее усваивается прослушанная информация. Такая информация должна передаваться дозировано и по возможности неоднократно повторяться. Следует использовать разнообразные стилистические формы подачи материала для того, чтобы скрыть однообразие его содержания. Недостатком является и то, что радиостанции чаще не имеют постоянной аудитории, даже в течение суток состав аудитории может меняться несколько раз. Нестабильность аудитории затрудняет вы-

пуск радиопередач серийного характера. В отличие от чтения газет и журналов прослушивание радиопередач нельзя «отложить» на более удобное время. Поэтому, для того чтобы какая-либо передача была услышана аудиторией, которой она предназначена, необходимо заранее ее анонсировать, привлекая внимание потенциальных радиослушателей.

Телевидение в последние десятилетия потеснило другие средства массовой информации и в большинстве развитых стран мира является наиболее влиятельным и значимым из них. Так же как к изобретению радио, к изобретению технических средств и способов телевизионного вещания имеют непосредственное отношение наши соотечественники. Но если первенство в изобретении радио у русского ученого А. С. Попова оспаривал итальянец Г. Маркони, то приоритет в создании первых образцов телевизионной техники, несомненно, принадлежит отечественным изобретателям. Само слово «телевидение» впервые ввел в оборот, выступив в 1890 г. на Всемирном конгрессе электротехников, штабс-капитан российской армии К. Д. Перский. В 1911 г. профессор Санкт-Петербургского технологического института Б. Л. Розинг сконструировал и продемонстрировал первый образец электронно-лучевой трубки, ставшей технической основой электронного телевидения. Одним из «отцов телевидения» считается ученик Б. Л. Розинга В. К. Зворыкин, после революции 1917 г. оказавшийся в США. Именно там в 30-х гг. XX в. стала быстро развиваться телевизионная техника. В США, а также в Германии начинается регулярное телевизионное вещание, и, таким образом, телевидение превращается в одно из средств массовой информации.

Среди стран, где регулярное телевизионное вещание началось еще до Второй мировой войны, был и Советский Союз. Первая экспериментальная телевизионная передача электронными средствами состоялась в марте 1938 г. в студии Московского телецентра на Шаболовке. В июле этого же года вышел в эфир Опытный Ленинградский телевизионный центр. С начала 1939 г. регулярные телевизионные передачи стали проводиться и в Москве, и в Ленинграде. После Второй мировой войны в мире и в нашей стране телевидение развивалось очень быстрыми темпами. Основными вехами его эволюции стали: появление цветного изображения, трансляция через спутники связи, развитие спутникового и кабельного телевидения, переход от аналогового к цифровому телевидению. В 50-х — начале 60-х гг. XX в. даже жители крупнейших городов нашей страны

имели возможность смотреть только один телевизионный канал. Затем число каналов стало увеличиваться и сегодня составляет несколько десятков. Однако в силу своей обширности территория России охвачена телевидением неравномерно. Во многих дальних сельских районах доступными по-прежнему являются один-два общенациональных телевизионных канала. Несмотря на количественный рост региональных телевизионных компаний, большинство из них имеют слабую техническую базу и небольшой объем вещания. Около девяти тысяч населенных пунктов с общим населением 2 млн человек и в начале XXI в. были не охвачены телевидением. Все же подавляющее большинство населения нашей страны находится под воздействием телевидения.

Как одно из наиболее действенных средств массовой информации с точки зрения способов передачи и восприятия информации телевидение относится к аудиовизуальному типу массовых коммуникаций. Главной особенностью телепродукции является то, что она имеет форму зрительного образа. Люди и события, появляющиеся на телеэкране, выглядят живо и реалистично. Телевидение, прежде всего воздействует на эмоции человека, но одновременно телепродукция может претендовать на рациональное, рассудительное и обобщенное восприятие информации.

Большинство трудоспособного населения смотрит телевидение в вечернее время, а также по выходным и праздничным дням. Для многих просмотр телевизионных передач является едва ли не главным видом повседневного отдыха. Поэтому в программах телеканалов значительное место занимают передачи развлекательного характера. Информационные, образовательные, аналитические телепередачи встраиваются в сетку вещания так, чтобы учитывать интересы и пристрастия различных групп населения. До недавнего времени телевидение существенно проигрывало в оперативности и непрерывности подачи материала радиовещанию. Совершенствование технических средств привело к тому, что дистанция между ними в этом отношении сократилась.

Появление и массовое распространение телевидения не могло не отразиться на политической сфере. Уже в конце 50-х гг. XX в. телевидение использовалось в период проведения избирательных кампаний. Впервые это произошло во Франции в 1958 г. В США первым из президентов, обратившихся к гражданам своей страны в телеэфире, стал в 1961 г. Джон Кеннеди. Правда, некоторые специалисты тогда скептически относились к возможностям телеви-

дения в политическом процессе. Например, известный канадский специалист в области социологии массовых коммуникаций полагал, что телевидение больше подходит для прямого отображения происходящих событий, чем для передачи оформленных и однозначных по смыслу сообщений. Поэтому, с его точки зрения, эффективность использования телевидения в политике не могла быть высокой. Однако дальнейшее развитие телевидения позволило устранить его многие недостатки. Развитие телевидения изменило требования, которые предъявлялись к публичным политикам. Гораздо большее значение приобрел внешний вид, умение держаться перед телекамерами, манера поведения и стиль речи. В то же время телеканалы и тележурналисты нередко больше нацелены на внешние эффекты политического процесса, чем на его внутреннее содержание.

Кроме трех основных вышеназванных видов средств массовой информации есть и другие, менее заметные, но имеющие значение для общественной жизни и политики. Это различные *информационные агентства*. Данный вид средств массовой информации основан на использовании разнообразных технических средств информационных коммуникаций. Первым типом информационных агентств стали телеграфные агентства, появившиеся вместе с возникновением телеграфной связи еще в XIX в. Позднее для получения передачи информации информационные агентства начали использовать средства телефонной и радиосвязи, а сегодня к ним добавился Интернет. Информационные агентства большую часть информационного продукта предлагают не массовой аудитории, а печатным и электронным СМИ, которые затем пользуются этим продуктом в своей собственной информационной деятельности.

В последние годы увеличение числа средств массовой информации было связано с развитием Интернета. Сам Интернет представляет собой новый вид массовой коммуникации, возникший благодаря прогрессу компьютерной техники. Но на основе Интернета появляются новые возможности для многих традиционных средств массовой информации. Так, в Интернете сегодня распространяются электронные версии печатных изданий, радиостанции и телеканалы имеют там постоянно обновляемые новостные сайты. Некоторые телеканалы в полном объеме транслируются через Интернет. Существуют только в электронном виде и самостоятельные Интернет-издания.

Доступ к Интернету находится в прямой зависимости от уровня экономического развития той или иной страны или территории,

с одной стороны, и от уровня материального благосостояния граждан, с другой. В России в 1997 г. число пользователей Интернета составляло всего 0,15 % населения, причем бóльшая часть проживала в Москве, Санкт-Петербурге и других крупных городах. Сегодня этот показатель превысил 30 %, причем территориально Интернет охватил самые отдаленные места Российской Федерации. Это весьма заметный прогресс, хотя пока говорить о том, что Интернет в нашей стране стал общераспространенным и общедоступным, не приходится.

Структура средств массовой информации зависит не только от технических средств коммуникаций, которые лежат в их основе, но и от других факторов.

По формам собственности СМИ делятся на *государственные, частные и общественные*. По отношению к действующей исполнительной власти можно выделить *проправительственные, оппозиционные и независимые* СМИ. По пространственно-географическому фактору средства массовой информации подразделяются на *общенациональные, региональные и местные*. В информационном поле любого современного государства наряду с *отечественными* присутствуют и *зарубежные* СМИ. Средства массовой информации различаются в зависимости от того, содержание какой сферы они отражают: политической, экономической, научной, культурной и т. д., а также в соответствии с направленностью их информационной деятельности — общественно-политической, развлекательной, специальной и др.

В общественной жизни и в политических системах современных государств средства массовой информации выполняют ряд важных функций. Основной функцией СМИ, вытекающей из их природы, является *информационная функция*. Как и ряд других институтов политической системы, СМИ выполняют *функцию артикуляции интересов*. Сегодня именно через газеты, журналы, радио и телепередачи интересы тех или иных социальных групп и политических сил получают публичную огласку. *Функция интеграции* СМИ в политическом процессе проявляется в том, что часто создание какой-либо партии или общественного движения происходит благодаря организаторской деятельности печатных периодических изданий. Об этом в свое время говорил В. И. Ленин, имея в виду роль, которую сыграли газеты «Искра» и «Правда» в формировании и развитии большевистской партии. Подобную функцию могут выполнять и электронные средства массовой информации. Так, в создании

движения «Вперед, Италия!» большую роль сыграли принадлежащие С. Берлускони телевизионные каналы.

Средства массовой информации, контролируемые политическими партиями и движениями, в случае необходимости способны осуществлять *функцию мобилизации* сторонников этих партий и движений для достижения стоящих перед ними политических целей. Правительственные СМИ могут брать на себя *часть функций государственного управления*, а на долю оппозиционных средств массовой информации приходится *функция критики и контроля* по отношению к действиям исполнительной власти. Сегодня СМИ часто выполняют *функции социальной защиты* тех граждан, кто не способен самостоятельно отстаивать собственные интересы.

По указанию властей СМИ могут брать на себя *функцию отвлечения* населения от острых социальных проблем. Например, на заключительном этапе «перестройки» Центральное телевидение СССР резко увеличило долю программ развлекательного характера с целью снизить политическую активность оппозиционно настроенных групп населения. В условиях тоталитарных и авторитарных политических режимов, а иногда и в условиях демократии СМИ выполняют *агитационно-пропагандистскую функцию*. *Функцию политической социализации* средства массовой информации должны выполнять при любой ситуации и любом политическом режиме.

§ 2. Особенности взаимодействия СМИ с государством и гражданским обществом

Средства массовой информации, как уже было отмечено, занимают в политической системе особое место. В целом они относятся к сфере гражданского общества, но как отдельный элемент включены в состав политической системы, выполняя политические функции. Элементом политической системы обязательно являются государственные средства массовой информации, официальные правительственные и парламентские периодические издания, принадлежащие государству радиостанции и телевизионные каналы.

Степень и масштабы включенности СМИ в политическую систему зависит от характера политического режима. В наибольшей

степени средства массовой информации политизированы и идеологизированы в условиях тоталитарных режимов. С точки зрения современных политологических концепций, при тоталитаризме происходит полное подчинение и поглощение гражданского общества государством и правящей партией. Все средства массовой информации оказываются под жестким контролем партийно-государственной цензуры, существование независимых СМИ в принципе невозможно. Редкие исключения, имевшие место в некоторых социалистических странах, отражали не сущностные черты функционировавших там политических режимов, а являлись отклонением от первоначальной тоталитарной модели и свидетельствовали о постепенной эрозии и эволюции коммунистических политических систем.

Своеобразным символом тотальной политизации и идеологизации СМИ в Советском Союзе было то, что коммунистический лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», первоначально использовавшийся как девиз органами партийной печати, в дальнейшем стал девизом большинства газет и журналов независимо от их характера и направленности. Любое, даже узкоспециализированное печатное издание должно было реагировать на такие политические события, как съезд КПСС или пленумы ее Центрального комитета. СМИ были, прежде всего, инструментом официальной агитации и пропаганды, часто просто транслируя идущие сверху установки и указания.

Относительно самостоятельную роль СМИ могли играть в ограниченном информационном пространстве. Журналисты могли писать и говорить об отдельных недостатках в промышленности, сельском хозяйстве, коммунальной и бытовой сферах. Поскольку СМИ заведомо воспринимались как органы официальной власти, газетные публикации, радио и телепередачи часто давали практические результаты. Фельетон мог стать поводом к отстранению мелких и средних руководителей от занимаемых должностей. После телерепортажа коммунальные службы могли залатать какую-либо прореху в коммунальном хозяйстве. Но функции контроля и критики СМИ строго дозировались, их границы определялись «сверху». По команде разворачивались информационные кампании. В ходе таких кампаний разрешалось освещать те события и проблемы, которые раньше замалчивались. Эти кампании могли быть закончены так же внезапно, как и инициировались.

В условиях авторитарных политических режимов государство стремится проводить политику контроля над средствами массовой

информации и манипулировать ими. Для этого тщательно отслеживаются информационные потоки, нередко власти прибегают к методам прямой и косвенной цензуры по отношению к печатным и электронным средствам массовой информации. Не исключаются и прямые репрессии против неугодных журналистов. Оппозиционные СМИ стремятся вытеснить из информационного пространства, если не полностью запретить, то резко ограничить их возможности влиять на настроения в обществе. Оппозиционных политиков отлучают от государственных СМИ в целом и особенно от существующих во многих странах государственных телеканалов. Но поскольку авторитарное государство не претендует на полное поглощение гражданского общества, возможно существование значительного числа негосударственных средств массовой информации. Власть заинтересована в политической пассивности граждан, поэтому благосклонно относится к реализации развлекательной функции средств массовой информации. Если печатные или электронные СМИ «не лезут в политику», они не испытывают на себе давления со стороны государства.

Типичным примером положения СМИ в условиях авторитаризма является ситуация, имевшая место в годы франкистского режима в Испании. После победы сторонников генерала Франко в гражданской войне 1936–1939 гг. были уничтожены все левые печатные издания. Но правоавторитарное государство не стало устанавливать прямого контроля над большинством средств массовой информации, передав функции контроля на откуп католической церкви. Беспрепятственно развивалась пресса, освещавшая, например, спортивные мероприятия. Впоследствии появилось немало частных радиостанций и телеканалов развлекательного характера, которые успешно функционировали вплоть до конца франкистской диктатуры. Еще при жизни генерала Франко, в середине 60-х гг. XX в., был принят новый закон о печати, предоставивший прессе большие возможности в освещении событий и явлений неполитического характера. К середине 70-х гг. XX в. в Испании, еще в недрах старой политической системы, сложилась разветвленная структура негосударственных средств массовой информации, сыгравших активную роль при переходе от авторитаризма к демократии.

В условиях демократии взаимоотношения между СМИ, государством и гражданским обществом наиболее сложны и многообразны. Демократия как тип политического режима неразрывно связана с рыночной экономикой. А ведь любую газету, журнал, радиостан-

цию и телевизионный канал следует рассматривать не только как средство массовой информации, но и как предприятие по выпуску информационного продукта. Главное требование, которое рыночная экономика объективно предъявляет к любому предприятию, связано с уровнем его рентабельности. Если предприятие убыточно, то оно или должно разориться, или должны быть приняты меры, позволяющие ему оставаться рентабельным. Наиболее эффективными считаются предприятия, приносящие максимальную прибыль. Это относится и к средствам массовой информации. Издание газет, журналов, функционирование электронных СМИ требует немалых расходов, которые либо окупаются за счет «продажи» информационных продуктов, да еще и приносят прибыль, либо не окупаются. Но и в последнем случае средство массовой информации может существовать за счет спонсоров, например политических партий или общественных движений, содержащих свои СМИ. Государство может финансировать принадлежащие ему средства массовой информации за счет бюджетных средств. Частные владельцы могут содержать неприбыльные СМИ за счет доходов от других видов бизнеса. Средства, полученные от прибыльных СМИ, могут перераспределяться и поддерживать убыточные издания, радиостанции и телекомпании, принадлежащие тому же владельцу.

Общемировой тенденцией является коммерциализация средств массовой информации. В результате этой тенденции во многих странах изменилась их структура. Если в XIX и в первой половине XX вв. в странах Западной Европы политические партии, профсоюзы, общественные организации владели собственными газетами и журналами, выходящими значительными тиражами, то со второй половины XX в. число подобных изданий уменьшилось, и их тиражи стали резко падать. Сегодня партийная пресса ограничивается малотиражными газетами и журналами или просто информационными бюллетенями. Такие издания заведомо убыточны, но издержки на их содержание невелики и могут покрываться из партийной кассы. Крупные и влиятельные газеты и журналы могут выражать точку зрения той или иной партии, но их нельзя отнести к разряду партийной прессы, поскольку принадлежат они частным владельцам. Доля государства на медиарынке стран Запады сегодня невелика. Есть небольшие печатные издания, публикующие официально правительственную информацию. Правда, в Европе, традиционно, государство имеет собственный телеканал. Более того, во Франции в 80-х гг. XX в. общенациональное телевидение было

полностью государственным. Но доля частного сектора в структуре СМИ немного превышает долю государственного или общественного. В Соединенных Штатах Америки подавляющее большинство СМИ принадлежит частным владельцам.

Однако все это не означает, что в условиях демократии государство не проводит никакой информационной политики. Активность такой политики может быть весьма высокой. В демократических политических системах СМИ выступают в качестве основного выразителя общественного мнения, оперативного посредника во взаимоотношениях гражданского общества с государством. Они являются своеобразным орудием общественного контроля над органами государственной власти и управления, побуждая их к ответственности перед населением. Одним из критериев демократического политического режима может быть названо законодательно закрепленное многообразие форм собственности на средства массовой информации, обеспечение их свободной деятельности и конкуренции между собой. Конституционно-правовые нормы должны гарантировать сохранение плюрализма как государственных, так и частных СМИ и защитить их от потенциально возможного произвола со стороны властей.

Теоретически демократическое государство должно рассматривать СМИ как самостоятельного и авторитетного партнера. Однако на практике, в условиях коммерциализации, СМИ все больше используют технологии шоу-бизнеса, делают ставку на развлекательные передачи в ущерб политической информации и тем более ее осмыслению и анализу. Средства массовой информации активно используются для манипулирования сознанием и поведением граждан, особенно в период избирательных кампаний. Все это, так или иначе, способствует подрыву демократических ценностей и нарастанию отчуждения населения от политики. В условиях рынка демократическое государство не может в полной мере воспрепятствовать объективным процессам коммерциализации СМИ, но должно учитывать этот фактор в своей информационной политике.

Демократическая политическая система потенциально дает возможность для реализации различных моделей отношения государственной власти со средствами массовой информации.

Модель *свободного рынка идей* предполагает, что главной задачей государства является обеспечение доступа граждан к информации без предварительного разрешения властей. При такой модели государство гарантирует отсутствие цензуры и свободу

для журналистов при сборе любых информационных материалов в рамках действующего законодательства. Журналистам должна быть гарантирована и свобода деятельности внутри самих СМИ. Журналисты и средства массовой информации должны быть защищены от возможных преследований за критику власти.

В модели *социальной ответственности* обязанности государства и СМИ перед обществом разделяются. Государство обеспечивает плюрализм и свободу СМИ, но оставляет за собой право вмешиваться в их деятельность, если возникает реальная угроза для общественной безопасности. Средства массовой информации обеспечивают объективный, достоверный и сбалансированный характер своих материалов и сообщений. Кроме того, СМИ несут ответственность перед обществом за провокации страха, паники среди населения или популяризацию насилия.

В модели *демократического представительства* государство ограждает СМИ от жесткого бюрократического контроля и поддерживает их право удовлетворять культурно-просветительские потребности широкой аудитории, а не преследовать корыстные, исключительно коммерческие цели.

Абсолютной свободы средств массовой информации, понимаемой как вседозволенность, нет и быть не может в стабильных демократических системах. Существуют правовые и этические нормы, препятствующие распространению клеветнических сведений, пропаганде насилия, разжиганию национальной и расовой вражды. В последние годы во многих странах с демократическими политическими режимами приняты законодательные акты, которые в целях борьбы с терроризмом ограничили привычные способы журналистской деятельности. Так, в Великобритании фотографировать полицейских теперь можно только с их согласия.

Взаимоотношения СМИ с государством и гражданским обществом можно хорошо понять на примере формирования *общественного мнения* и механизмах его воздействия на политику. В целом общественное мнение можно определить как *совокупность суждений и оценок, характеризующих состояние массового сознания отдельных групп населения или общества в целом*. Общественное мнение способно влиять на содержание и развитие многих социально-политических процессов, в том числе на политику государственной власти. Общественное мнение — своеобразный механизм презентации перед органами государственной власти интересов населения, возникший в результате развития демократии и институтов

гражданского общества. Средства массовой информации, с одной стороны, отражают и выражают общественное мнение, с другой стороны, активно участвуют в его формировании.

В качестве объекта, находящегося в центре общественного мнения, могут выступать любые явления и факты социально-политической жизни, например, высказывания и действия политических лидеров, решения органов государственной власти — все, что может вызвать имеющую политические последствия реакцию со стороны населения. Так как мнения и суждения людей субъективны и неустойчивы, общественному мнению свойственна изменчивость и непостоянность. Как отмечал один из первых исследователей феномена общественного мнения У. Липпман, оно не всегда адекватно отражает происходящие в самом обществе события. На общественном мнении отпечатываются господствующие в массовом сознании предрассудки, стереотипы и заблуждения. Под влиянием охвативших широкие слои населения эмоций, вызванных каким-либо событием, общественное мнение может быть односторонним и предвзятым. Поэтому влияние общественного мнения на политику может иметь как позитивные, так и негативные последствия. С одной стороны, общественное мнение может заставить власть прислушаться к голосу граждан и реагировать на него. С другой стороны, общественное мнение может выражать некомпетентные взгляды по поводу решения сложных экономических, социальных и политических проблем. Под влиянием общественного мнения могут приниматься как верные, так и ошибочные политические решения.

В структуре общественного мнения можно выделить два основных элемента: во-первых, массовые настроения, эмоции и чувства, присущие отдельным группам населения; во-вторых, формализованные оценки и суждения. Эмоции и чувства находят свое выражение во время массовых мероприятий — демонстраций, митингов, а иногда и в ходе стихийно возникающих массовых беспорядков. Формализованные оценки и суждения содержатся в выступлениях лидеров, заключениях экспертов. Такие оценки и суждения отражают общественные настроения, но не в эмоциональной, а в рациональной форме.

Механизмы формирования общественного мнения многообразны и зависят от способов коммуникаций между гражданским обществом и государственной властью, от уровня зрелости гражданского общества и зрелости демократических институтов. Эмоциональные, стихийные механизмы формирования общественного

мнения складываются на основе непосредственных межличностных коммуникаций. Такие механизмы характерны для начальных этапов формирования институтов гражданского общества и низкого уровня институционализации демократии. В зрелом гражданском обществе действуют больше рациональные механизмы формирования общественного мнения. Здесь важная роль принадлежит не межличностным коммуникациям, а средствам массовой информации. Сформулированные в выступлениях политических лидеров и в материалах СМИ суждения и позиции, с одной стороны, выражают мнения граждан, а с другой стороны, влияют на эволюцию этих мнений. Придавая настроениям людей рациональную форму, лидеры общественного мнения и СМИ ориентируют эти настроения в нужном для себя направлении. Общественное мнение приобретает такой вид, который позволяет ему влиять на политику.

Одновременно появляются возможности для манипулирования общественным мнением, использования его в интересах самых различных политических сил. Нередко этим пользуется и сама государственная власть. Правящие круги при помощи государственных и проправительственных СМИ могут распространять суждения собственных «лидеров общественного мнения» о тех или иных событиях и фактах. Таким образом, в обществе создаются необходимые исполнительной власти настроения, на которые власть реагирует, исходя из своих интересов.

Для того чтобы использовать СМИ в своих интересах, государственная власть и другие политические акторы прибегают к различным способам и методам. Большинство этих способов и методов носят открытый, публичный характер. И государственные чиновники, и оппозиционные политические деятели дают интервью журналистам. Любая более-менее крупная государственная структура или политическая партия имеет в своем составе службу, устанавливающую и поддерживающую связи с общественностью. Одной из главных задач такой службы являются постоянные контакты с прессой и электронными СМИ. Для журналистов устраиваются пресс-конференции и брифинги. При необходимости органы государственной власти организуют специальные поездки журналистов в регионы, а также в те места, куда частным образом попасть невозможно, но интерес к которым у общества и у средств массовой информации велик.

Но существуют и теневые политические технологии воздействия на СМИ. К ним относятся скрытые от общественности методы

давления на отдельных журналистов и СМИ в целом. Власти могут прибегать к незаконным судебным преследованиям журналистов по надуманным предлогам и поводам. Могут иметь место неформальные контакты между представителями государственной власти, политических партий и представителями средств массовой информации. Не исключен прямой подкуп отдельных журналистов и теневое финансирование СМИ, осуществляемое государством, политическими партиями, бизнесом, а иногда и криминальными структурами. К сожалению, могут использоваться криминальные способы воздействия на средства массовой информации, например нападения на работников СМИ и даже убийства журналистов. Недаром профессия журналиста относится в современном мире к числу наиболее опасных. В России за годы постсоветской трансформации произошло несколько «громких» политических убийств представителей СМИ. Жертвами этих преступлений стали телепродюсер В. Листьев, журналисты Д. Холодов и А. Политковская, главный редактор русского издания журнала «Форбс», американский журналист П. Хлебников. Подобные явления следует искоренять, они противоречат принципам демократии и нормам, присущим правовому государству и гражданскому обществу.

Контрольные вопросы и задания

1. Чем различаются между собой понятия «средства массовой коммуникации» и «средства массовой информации»?
2. Когда и как появились средства массовой информации?
3. Как появление и развитие телевидения повлияло на характер политических процессов?
4. В чем специфика информационного воздействия различных видов СМИ?
5. Является ли Интернет средством массовой информации?
6. Охарактеризуйте особенности функционирования СМИ в условиях различных политических режимов.
7. Что такое «общественное мнение» и какова роль СМИ в его формировании?
8. Дайте характеристику места и роли средств массовой информации в современной российской политике.

ГЛАВА XIV

Политические конфликты

---

§ 1. Сущность и типология политических конфликтов

В политике, как в любой сфере общественной жизни, существуют конфликты и, следовательно, существуют проблемы поиска стратегий и способов их предотвращения и разрешения. *Политический конфликт можно определить как открытое столкновение политических субъектов на основе несовпадения, противоречия их интересов, базовых ценностей и идентификаций.* Главным объектом политического конфликта является сама политическая власть, а также те ресурсы, распределением которых в обществе эта власть занимается. *Субъектами* политического конфликта могут быть *индивиды, группы и организации.* Столкновение, борьба между политическими лидерами является примером конфликта, в котором субъектами выступают отдельные индивиды. Межличностные конфликты могут протекать внутри партий или органов государственной власти и не выходить за их пределы. Если же конфликт приобретает публичный характер, в него втягивается большое количество людей, а также политические институты. Такой конфликт может дестабилизировать целые сферы общественной жизни и приводить к трагическим результатам.

Межличностные конфликты в политике часто связаны с властными амбициями его участников, тогда как серьезных различий в их ценностных ориентациях и стратегических социально-

политических целях и интересах может и не быть. Например, после так называемой «оранжевой революции» на Украине возник острый конфликт между двумя ее лидерами — В. Ющенко и Ю. Тимошенко. Несмотря на постоянные апелляции к одинаковым базовым ценностям украинского национализма и провозглашение общих внешнеполитических целей — интеграция в Европу, присоединение к ЕС и НАТО, — соперничество между Ющенко и Тимошенко особенно остро проявилось, когда после победы «оранжевой революции» они заняли высшие государственные должности: президента и премьер-министра Украины. Сначала это соперничество привело к развалу «оранжевой коалиции», но при воссоздании данной коалиции борьба между Ющенко и Тимошенко стала еще более острой. Даже охвативший весь мир, в том числе и Украину, экономический кризис не заставил противников примириться и объединить усилия в решении сложных общественных проблем.

Примером межгрупповых политических конфликтов являются конфликты между профессиональными группами внутри одной и той же страны. Так, в Ливане в 70–80-х гг. XX в. такой конфликт развивался в форме гражданской войны, участниками которой были вооруженные формирования, представлявшие основные религиозные конфессии страны, — христиан-маронитов, мусульман-суннитов, мусульман-шиитов, друзов и др. Весьма сложный, потенциально конфликтный характер имеют отношения между шиитами и суннитами в Иране, между христианами и мусульманами на Филиппинах, в Индии и Индонезии. Религиозный фактор является причиной возникновения конфликтных ситуаций и во многих других государствах современного мира.

К межгрупповым конфликтам относятся конфликты между этническими и социальными группами. Такие конфликты нередко принимают форму гражданской войны, то есть военного столкновения граждан одной и той же страны. Причинами гражданских войн могут быть социально-политические факторы, например, в России в 1918–1922 гг. или в Испании в 1936–1939 гг., или этнонациональные факторы, например, в бывшей Югославии в 1992–1997 гг. Этнополитический конфликт в бывшей Югославии стал столкновением между этническими группами, стремящимися к национальному самоопределению. Но этнополитический конфликт может возникнуть между этнической группой и государством, тогда такой конфликт рассматривается как конфликт между группой и организацией, которой фактически и является государство.

В политической сфере могут иметь место конфликты между организациями, в частности между политической партией и государством, в том случае, если партия не соблюдает установленные государством правовые нормы. К конфликтам между организациями относятся конфликты между государством и церковью. В истории нашей страны такие конфликты были между царским правительством и старообрядческой церковью в XVII–XVIII вв., а также между советской властью и Русской православной церковью после Октябрьской революции 1917 г. К числу конфликтов между организациями следует отнести и межгосударственные конфликты, которые имеют место в сфере международных отношений (см. главу XX).

Большая часть внутриполитических конфликтов протекает внутри самого государства как политического института. К конфликтам государственно-административного характера относятся конфликты между министерствами, ведомствами и другими органами государственного управления. Такие конфликты нередко возникают по поводу размеров бюджетного финансирования или из-за различия во взглядах на ведомственные проблемы и способы их решения. Каждое ведомство стремится доказать важность своего существования и деятельности, перераспределить в свою пользу ресурсы, повлиять на политические решения исходя из собственных ведомственных интересов. Конфликты между ведомствами негативно влияют на реализацию общегосударственных интересов, приводят к неудачам во внутренней и внешней политике.

В любом государстве существует потенциальная возможность конфликтов между центральными и местными органами государственной власти и управления. Такие конфликты имеют место в унитарных государствах, но в федеративных вероятность подобных конфликтов усиливается. Конфликтный потенциал федеративных государств особенно велик тогда, когда федеративное устройство еще формализуется и не решены вопросы разграничения полномочий между федеральным центром и субъектами федерации. Такая ситуация складывалась в России на протяжении 90-х гг. XX в., когда многие республики, некоторые области и края пытались присвоить себе атрибуты суверенной государственности, что противоречило принципам федеративного устройства Российского государства. Позже федеральному центру пришлось затратить немало усилий для того, чтобы привести законодательства отдельных субъектов федерации в соответствие с Конституцией РФ.

Конфликты между ведомствами относятся к типу *горизонтальных* политических конфликтов, поскольку их участники принадлежат к одному уровню политической иерархии. Конфликты между центральными и местными государственными органами — *вертикального* типа, так как их участники находятся на разных уровнях вертикали политической власти.

Американский конфликтолог Д. Дэн по характеру протекания, масштабу и последствиям конфликтов, которые возникают внутри политической системы, разделяет на *стычки, столкновения* и *кризисы*. Стычки и столкновения — мелкие по масштабам и слабые по интенсивности конфликты. Политические кризисы представляют собой очень острую и масштабную форму протекания конфликта. Политический кризис может вызвать далеко идущие последствия как для отдельных политических институтов, так и для политической системы в целом. Наиболее распространенными разновидностями политического кризиса являются *правительственные* и *парламентские кризисы*.

Правительственный кризис выражается в остром противоборстве внутри правительства, прямом столкновении между его членами. Внешним выражением правительственного кризиса может быть отставка главы правительства или группы министров, развал правящей коалиции или невозможность создания новой коалиции. Правительственные кризисы чаще всего случаются в парламентских республиках, например, такой кризис наблюдался во времена IV Республики во Франции, в послевоенной Италии. Сегодня правительственные кризисы периодически случаются на Украине. Возникновению правительственных кризисов способствуют конфликтные отношения между исполнительной и законодательной властью, но их источники следует искать внутри парламентов.

Сложные взаимоотношения между представленными в парламентах политическими партиями и их депутатскими фракциями способны провоцировать парламентские кризисы. Парламентский кризис характеризуется неспособностью депутатов парламента прийти к договоренности ни по одному важному вопросу, в результате чего работа законодательного органа власти парализуется. Выходом как из правительственного, так и из парламентского кризиса может быть проведение досрочных выборов депутатов парламента в парламентских республиках или переизбрание главы государства в президентских и полупрезидентских республиках в том случае, если подобная процедура предусмотрена законом.

Гораздо сложнее найти выход из *конституционного кризиса*. Конституционный кризис может иметь место тогда, когда ветви государственной власти, политические лидеры, политические партии и другие субъекты политики выходят за пределы конституционного правового поля. Таким образом складывается опасная ситуация правового и политического хаоса и анархии, наступает паралич деятельности органов государственной власти и управления. Конституционный кризис может стать следствием ошибочных действий политических субъектов, а также несовершенства норм самой Конституции, их несоответствия характеру общественных отношений. Конституционный кризис наиболее возможен тогда, когда прежняя Конституция устарела, а новая еще не принята. Такая ситуация сложилась в 1993 г. в России. Политический кризис, имевший место в нашей стране осенью того года, можно определить как конституционный. 20 сентября 1993 г. президент РФ Б. Н. Ельцин издал указ «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации». Этот акт формально противоречил действовавшей на тот момент Конституции, оставшейся в наследство еще с советского времени. В разразившемся кризисе по-своему были виноваты все участники тех драматических событий: и президент Б. Ельцин, и противостоявшие ему председатель Верховного Совета Р. Хасбулатов и вице-президент А. Руцкой, и стоявшие за ними различные политические силы. Одна сторона несет ответственность за то, что вышла за пределы существовавшего на тот момент правового поля, а другая сторона всячески затягивала процесс принятия новой Конституции и сознательно провоцировала своих оппонентов на совершение формально антиконституционных действий. В результате вооруженного насилия, которым завершилось развитие конституционного кризиса, погибли люди, а престижу страны и ее международному имиджу был нанесен серьезный урон. Этот кризис наложил серьезный отпечаток на последующее политическое развитие страны.

Политический кризис сентября—октября 1993 г. в России можно охарактеризовать не только как конституционный, но и как *кризис легитимности* (см. главу III). Кризис легитимности наиболее вероятен в период быстрых общественных перемен, когда прежние факторы легитимации прекращают действовать, а новые еще не сложились. Так и было осенью 1993 г. в России, причем каждая из противоборствующих сторон рассматривала свои действия исключительно легитимными и находила поддержку в определенных слоях населения. На тот момент новый демократический тип леги-

тимности еще не сформировался, что и повлияло на возникновение и развитие политического кризиса.

Кризисы легитимности не следует отождествлять с понятием «*легитимный политический конфликт*». Легитимные политические конфликты являются противоположностью *режимных политических конфликтов*. Если режимные политические конфликты обусловлены стремлением отдельных политических субъектов (партий, движений) насильственным путем захватить власть, в том числе и для коренной смены общественного строя и политической системы, но без разрушения территориальной целостности государства, то легитимные политические конфликты как раз могут вести к разрушению территориальной целостности.

Наиболее распространенной формой режимных политических конфликтов являются революции (см. главу XVI).

Легитимные конфликты связаны с феноменом сепаратизма, то есть намерением отдельных территорий выйти из состава того государства, в которое они входят. Целью сепаратистов может быть как присоединение к другому государству, так и создание собственного. Сепаратизм может возникать на основе несовпадения целей, интересов, ценностных ориентаций населения, политических лидеров и элит разных частей единой страны. Примером тому является Гражданская война в США 1861–1865 гг., когда в вооруженном конфликте столкнулись армии северных и южных штатов. Но если северные штаты отстаивали политическое и территориальное единство США, то южные штаты стремились к обособлению ради сохранения рабовладельческих порядков на своей территории. В этом случае белое население Севера и Юга принципиально не различалось. Хотя сепаратизм чаще связан с этнонациональным фактором.

Наиболее распространенной разновидностью легитимных конфликтов являются этнополитические конфликты. Не все этнополитические конфликты относятся к числу легитимных, а только те, в которых целью национальных движений и их лидеров является создание отдельного государства. Есть немало примеров этнополитических конфликтов, в которых вопрос о территориальном разделении государства не стоит, а цели национальных движений могут быть достигнуты в рамках единого государства. По какому пути будут развиваться политические конфликты, возникающие на этнонациональной основе, зависит от ситуации в каждой стране. Этнополитические конфликты — распространенный тип политических конфликтов в современном мире, поэтому следует рассмотреть его более подробно.

§ 2. Этнонациональный и религиозный факторы в современных политических конфликтах

На рубеже XX и XXI вв. наиболее заметными в мире стали конфликты, возникающие *на этнонациональной и религиозной почве*. На их фоне конфликты, в основе которых лежат традиционные экономические, социальные или идеологические факторы, отошли на второй план. В развитых странах общественное развитие в целом подтвердило вывод, сделанный известным немецким социологом Р. Дарендорфом о том, что в рамках либерально-демократических политических систем удалось найти способы институционализации и регулирования социальных конфликтов. Возникающие в политической сфере стран Западной Европы, Северной Америки и других экономически развитых государств конфликтные ситуации не принимают острого характера и находят разрешение внутри существующих политических систем. В странах Азии, Африки, в некоторых посткоммунистических государствах Восточной Европы и бывших республиках СССР политические конфликты нередко принимали радикальные формы и даже перерастали в прямое вооруженное противостояние. Среди этих конфликтов преобладали конфликты этнополитического характера.

По мнению большинства исследователей, важнейшим условием этнополитической мобилизации, предшествующей началу многих этнополитических конфликтов, является рост националистических настроений и активизация движений, выступающих под националистическими лозунгами. Под *национализмом* понимают идеологию, политику, общественную психологию и общественную практику, чьей сущностью являются идеи национальной исключительности, обособленности и пренебрежения к другим нациям. Национализм может представлять собой и политическую платформу, консолидирующую этнос в нацию. В современном мире национализм чаще возникает в первой модификации. В прошлом национализм нередко возникал именно как идейно-политическая платформа народов, стремившихся к собственной эмансипации, но затем переродился в свою агрессивно-шовинистическую разновидность. Следует помнить, что в данном случае речь идет об этнонационализме, который

отделяют от национализма гражданского (государственного), являющегося синонимом понятия «*патриотизм*».

Этнонационализм может быть политическим и культурным. Политический этнонационализм стремится достичь или удержать государственность. Культурный этнонационализм направлен на сохранение целостности народа, его языка, культуры, исторического наследия. Он играет положительную роль при двух условиях: если не содержит в себе идей культурной замкнутости и изоляционизма, негативной оценки других культур и если не стремится возродить и распространить архаические элементы в культуре, которые препятствуют развитию этноса.

По мнению этносоциолога Л. Снайдера, впервые национализм активно проявил себя в европейской политической жизни в 1815–1871 гг. как *интегрирующий национализм*. Ученый использовал такой термин, поскольку речь шла об идейной платформе, на основе которой должна была произойти консолидация ранее политически разделенных этносов — немецкого и итальянского. В отличие от французов и англичан, живших в этнически однородных государствах, итальянцы и немцы были разбросаны на территории нескольких десятков средних, малых и мельчайших государственных образований. Процессы модернизации, происходившие в Западной Европе в первой половине XIX в., создавали объективную основу для объединения итальянского и немецкого народов в этнонации.

Первоначально как германская, так и итальянская общенациональная идея были облечены в радикально-демократическую форму. Дж. Гарибальди боролся не просто за объединение своей Родины, а за утверждение республиканской формы правления революционным путем. Однако в реальности государственное объединение и Германии и Италии было проведено не «снизу», а «сверху» и не радикальными демократами, а монархическими и консервативными кругами. При этом оказалось, что к моменту объединения процесс консолидации немецкого и особенно итальянского этносов еще не завершился. Этот процесс продолжался и после создания единой государственности. Недаром король Виктор-Эммануил произнес свою знаменитую фразу: «Мы создали Италию. Теперь будем создавать итальянцев».

Второй тип этнонационализма Л. Снайдер называет *разделяющим национализмом*. Этот тип национализма активно проявил себя в 1871–1890 гг. и был связан с развитием полиэтнических

государств Восточной Европы. К середине XIX столетия практически всю Восточную и Юго-Восточную части Европейского континента занимали три обширные империи — Австро-Венгерская, Российская и Османская (Турецкая). Во всех трех империях проживали десятки народов, отличавшихся между собой по языку, культуре, религии, уровню экономической активности. Во второй половине XIX в. Восточная Европа также начинает испытывать воздействие модернизационных процессов. В условиях полиэтнической среды здесь проявились неизвестные в западноевропейских государствах проблемы. Например, весьма актуальным стал вопрос о том, на каком языке должен функционировать государственный аппарат, развиваться культура, образование, гуманитарные и естественные науки. Чаще всего таким языком, получавшим преимущество в своем развитии, становился язык титульного этноса, к которому принадлежала правящая династия и большинство правящей элиты. Остальные ощущали себя ущемленными в правах этническими меньшинствами. Между тем в условиях модернизации усилилась интенсивность межэтнических связей. Возросшая мобильность привела к тому, что представители различных этносов стали чаще сталкиваться и взаимодействовать между собой, обращая внимание на существовавшие этнические различия. Люди теперь идентифицировали себя не только с какой-либо социальной группой (крестьяне, рабочие, ремесленники) или территориальной общностью (горожане, жители определенной области), а с конкретным этносом (чехи, латыши, хорваты и т. д.).

Острее всего этническую самоидентификацию воспринимали представители интеллигенции, слоя, который в условиях модернизации формировался почти во всех этнических группах. Используя уже появившуюся в Западной Европе идею нации, как в ее политическом, так и в этническом аспекте, интеллигенция этнических меньшинств начала формулировать собственную национальную идеологию. Можно сказать, что в Восточной Европе идеи нации возникали часто раньше, чем эти нации реально складывались на основе традиционных этнических групп.

Первоначально идейную платформу большинства национальных движений в восточноевропейских странах можно было охарактеризовать как культурный этнонационализм. Государственная власть, как правило, с недоверием относилась к культурной активности национальных движений и часто воздвигала препятствия для их деятельности. Таким образом, власти сами подталкивали нацио-

нальные движения к политическому национализму, главной целью которого было образование самостоятельных национальных государств. Распространение национальной идеологии способствовало во многих восточноевропейских странах ускорению процессов перехода этносов к высшей форме своего существования — нации. Особенно это касается чехов, проживавших в Австро-Венгрии, финнов, входивших в состав Российской империи, поляков, разделенных между Германией, Австро-Венгрией и Россией.

Переход национализма в политическую форму сопровождался усилением его агрессивности. На первый план выступало этноцентрическое видение мира, пренебрежительное отношение к другим народам. Причем агрессивные черты стали обнаруживаться не только в формирующихся нациях, но и в деятельности господствующих этнических групп (черносотенцы в России). Первую половину XX в. Л. Снайдер в целом называет периодом агрессивного национализма. Национализм оказал сильное воздействие на внешнюю политику государств, что привело к двум мировым войнам. Национализм стал важным компонентом идеологии и политики крайне правых, в том числе фашистских партий и движений.

Во второй половине XX в. из-за распада колониальной системы национальные движения наиболее активно проявили себя в афроазиатских странах. В конце столетия снова обострились межнациональные отношения, усилились националистические проявления в странах Восточной Европы и на территории бывшего СССР.

Характер межнациональных отношений зависит от таких современных факторов, как форма государственного устройства. Унитарное государство может вызвать недовольство национальных меньшинств, если не учитываются в полной мере их стремления и запросы. Хотя причины для недовольства могут быть и в случае федеративного государственного устройства.

На межнациональных отношениях отражается и тип политического режима. Авторитарные и тоталитарные политические режимы часто прибегают к дискриминации по национальному признаку, демократия же гарантирует всем, независимо от этнического происхождения, одинаковые права и свободы. Но переход от авторитаризма к демократии может сопровождаться всплеском националистических настроений, которые подавлялись при прежнем режиме.

Особенности функционирования политических элит также являются важнейшим фактором межэтнических отношений.

В развитии этих отношений элита выполняет следующие функции: определяет идеологию терпимости или вражды; вырабатывает политику, направленную на примирение или, наоборот, усиливающую сопротивление; направляет деятельность средств массовой информации, играющих огромную роль в формировании межэтнических установок и стереотипов; определяет образовательные программы; собственно деятельность элиты служит образцом поведения.

Когда межнациональные отношения не удается гармонизировать, могут возникать межэтнические конфликты, которые чаще всего перерастают в конфликты этнополитического характера. Межэтнический конфликт представляет собой гражданское, политическое или вооруженное противостояние, в котором участники мобилизуются, действуют и страдают по признаку этнических различий. Среди причин межэтнических конфликтов традиционно на первое место выходят причины *территориальные*. Этноты по своему происхождению — территориально организованные общности и любое посягательство на этническую территорию воспринимается как прямое посягательство и на само существование этноса. Поскольку в истории имели место массовые миграции населения, радикальные геополитические изменения, очень трудно объективно обосновать территориальные претензии. Каждая из спорящих сторон выбирает наиболее удобные для себя даты и факты. Углубление в историю не только не облегчает и не разрешает споры, но делает их еще более запутанными. В силу своей сложности территориальные споры практически неразрешимы, а включение территориальных проблем в программы политических движений и отдельных лидеров чаще всего является признаком назревающего этнического конфликта.

Политические причины межэтнических конфликтов обнаруживаются в стремлении различных этносов к созданию собственных национально-государственных образований. *Экономические* причины межэтнических конфликтов обусловлены борьбой за распределение материальных ресурсов и собственности, в большей степени это относится к сельскохозяйственным угодьям и земным недрам. Межэтнические конфликты могут зародиться на почве *социальных* отношений. Нередки случаи, когда социальная напряженность проявляется в форме межэтнических столкновений. *Этнопрофессиональные* причины конфликтов порождает сложившееся в большинстве полиэтнических обществ разделение труда между национальными группами. Поскольку разные сферы приложения

труда обеспечивают разные доходы, то между этническими группами складывается негласная конкуренция, сопоставление трудового вклада и вознаграждения за него. Если же обнаруживается определенная зависимость между сферами труда и этническими общностями, эта конкуренция переносится и на сами этнические группы, в результате чего возникает напряженность в межэтнических отношениях.

Этнополитические конфликты могут иметь статусную природу, предметом таких конфликтов часто бывает *политический статус* этнической группы. Участники такого конфликта стремятся изменить взаимодействие этнических групп или среды этого взаимодействия, при котором экономический или политический статус одной из них воспринимается ее членами как неприемлемый. Причем причиной конфликта может служить не только борьба за повышение статуса или борьба против дискриминации, но также опасение утратить имеющийся статус. Часто такие конфликты сводятся к борьбе этнических групп за конфедеративную форму устройства государства. К этому же типу конфликтов относятся этнические движения за создание своих национальных образований. Разрешение таких конфликтов может быть связано с изменением системы государственного устройства путем передачами части властных полномочий от центрального правительства к органам управления автономии.

Как показывает опыт последних десятилетий, возникновение межнациональных конфликтов может быть связано с факторами *культурного, языкового, экологического, исторического и бытового* характера.

На основе анализа этнических конфликтов в границах постсоветского пространства российские ученые Э. Паин и А. Попов выделили такие типы межэтнические конфликты: конфликты стереотипов; конфликты идей; конфликты действий. В *конфликтах стереотипов* проявляются взаимные негативные стереотипы этносов, когда конфликтующие этнические группы еще не четко осознают причины противоречий, но в отношении оппонента создают негативный образ «недружественного соседа», «нежелательной группы». В *конфликтах идей* выдвигаются требования и притязания на «историческое право», например на государственность или территорию. В средствах массовой информации распространяется информация, обосновывающая такое «историческое право», осуществляется политическая мобилизация вокруг данных идей. *Конфликты действий* связаны с проведением демонстраций, митингов,

пикетов и даже со столкновениями с оппонентами и представителями власти.

Еще одна типология межэтнических конфликтов принадлежит американскому ученому, этнологу Д. Горовитцу и основана на сравнении уровня экономического развития и социальной модернизированности сепаратистских регионов и этнических групп с уровнем развития государства в целом и доминирующего большинства его населения в частности. Исходя из такого сравнения, Д. Горовитц выделяет четыре группы конфликтов: сепаратизм отсталой этнической группы в отсталом регионе страны; сепаратизм отсталой этнической группы в развитом регионе страны; сепаратизм развитой этнической группы в отсталом регионе; сепаратизм развитой этнической группы в развитом регионе страны.

По формам протекания этнополитические конфликты делят на *насильственные* и *ненасильственные*. Среди насильственных конфликтов выделяют региональные войны и краткосрочные вооруженные столкновения. Региональные войны представляют собой длительные (не менее нескольких месяцев) вооруженные столкновения с участием регулярных войск и использованием тяжелого вооружения. Краткосрочные вооруженные столкновения продолжаются несколько дней, сопровождаются жертвами, представляют собой бунты, погромы, вооруженные выступления. Насильственные этнополитические конфликты сопровождаются жертвами, потоками беженцев, принудительными депортациями, разрушениями материальных объектов.

Ненасильственные этнополитические конфликты протекают без использования оружия в любом виде. Они могут проходить в форме манифестаций, митингов, демонстраций, голодовок, акций «гражданского неповиновения». В таких конфликтах главными действующими лицами выступают значительные массы людей. Ненасильственные этнополитические конфликты могут развиваться и в виде борьбы идеологий. Часто сложная история взаимоотношений между этническими группами способствует так называемому «мифотворчеству», искаженному историко-культурному и социально-политическому восприятию ситуации. Участниками идеологических по форме этнополитических конфликтов являются группы элиты — политической, научной, художественной. Их идеи транслируются работниками средств массовой информации и сферы образования, а также видными людьми страны — творческими деятелями, обладающими особым авторитетом в глазах населения.

Ненасильственные этнополитические конфликты сопровождаются психологическим напряжением в этнических группах, а также переселениями, перемещениями этнических групп.

В развитии этнополитических конфликтов происходит много сходных процессов, но в каждом из них участвуют люди со своими представлениями, убеждениями, стереотипами поведения. Вследствие чрезмерной эмоциональной составляющей этнополитические конфликты отличаются высокой степенью иррациональности, выражающейся в огромном потенциале агрессивности, далеко выходящей за рамки рационального понимания интересов сторон конфликта и выбора стратегии взаимодействия.

Иррациональность отличаются и политические конфликты, возникающие на религиозной основе. Так же как и националистические, религиозные лозунги обеспечивают мобилизацию населения, используются для оправдания методов и целей того или иного движения. Часто, особенно в странах третьего мира, недовольство социально-экономическими или политическими реалиями выражается в форме религиозных волнений, направленных на достижение высшей справедливости. В этих случаях религия может выступать альтернативой таким идеологиям современности, как консерватизм, либерализм или социализм. Религиозная вера может представлять собой органичную часть национальной культуры. Процессы глобализации, которые зачастую способствуют вестернизации традиционных обществ, вызывают там сопротивление, усиливают проявление национализма, который должен обеспечить сохранение самобытной культуры. Религия в таких случаях становится важной частью националистических программ.

Эти особенности общественного развития приводят к тому, что религиозный фактор все чаще играет важную роль во внутренних и международных конфликтах. Следует отметить, что мировые религии — буддизм, христианство и ислам в их классическом варианте основаны на терпимости и человеколюбии, они не призывают напрямую к борьбе с инакомыслящими. Однако религия и церковь обладают особыми возможностями воздействия на мировоззрение и поведение верующих. Божественные заветы истолковывают священнослужители, а они могут больше внимания уделять одним связанным друг с другом. Например, исламские фундаменталисты используют понятие «джихад» для обозначения войны с неверными во имя распространения мусульманской веры. Однако с арабского языка джихад переводится как «усилие». Если в первые века рас-

пространения ислама джихад действительно трактовался как война, причем война оборонительная, то начиная с XIV в. концепция джихада усложняется: наивысшим проявлением считается джихад духовный, то есть внутреннее самосовершенствование на пути к Аллаху. Таким образом, джихад можно истолковать и как обоснование приложения усилий для процветания государства, и как оправдание для террористических актов — все зависит от политических задач того или иного лидера.

Религиозный фактор может быть основой конфликтов не только в развивающихся и посткоммунистических обществах. Однако в последнее время особенно активно именно там ведут себя различного рода исламистские группировки, которые берут на себя функции реализации «исламского проекта». Как считают исламисты, «исламский проект» должен преодолеть социально-экономическую и политическую отсталость общества, исламское государство может обеспечить справедливость для всех его граждан. Глобализация, вестернизация, высокие информационные технологии связали традиционные религиозные структуры с современными техническими средствами и сделали возможными попытки реализации масштабной глобальной утопии, в которой сочетаются достижения современной цивилизации с ценностями ислама. Примером таких попыток является деятельность организации «Аль-Каида».

На территории бывшего Советского Союза и Югославии причинами усиления религиозного фактора и появления на этой почве многочисленных конфликтов стали кардинальные изменения политических режимов, экономической системы и национально-государственного устройства. Процесс активизации ислама на постсоветском пространстве стал частью поиска национальной идентичности. Национальное возрождение в мусульманских анклавах происходило вместе с возрождением ислама и его политизацией. Ислам является не только религией, но и образом жизни, он вбирает в себя традиции, подчиняя их определенным моделям поведения. Конфессиональная самоидентификация мусульман — важнейшая составляющая их национальной самоидентификации.

Активизации исламского фактора в России и других странах СНГ способствовали общие экономические и социальные проблемы переходного периода на постсоветском пространстве: падение уровня жизни, маргинализация населения, рост безработицы, появление депрессивных зон. Комплекс социально-экономических проблем стал причиной политизации и радикализации ислама. Коррупция,

опора на свои «кланы» в структуре местной власти закрыли для значительной части населения возможность выхода за пределы сужающегося социального пространства. Международные исламские фонды и отдельные исламистские режимы способствуют усилению исламского фактора на постсоветском пространстве. Прерванная в годы советской власти исламская традиция породила особую восприимчивость части мусульман к новым радикальным идеям, к потоку мусульманской литературы и возможности обучаться за границей. В мусульманских государствах Востока давно существуют радикальные мусульманские группы, которые заинтересованы в расширении своего влияния на единоверцев на постсоветском пространстве и во всем мире. При отсутствии сильного светского политического противовеса ислам стремится утвердиться в роли регулятора идеологической и духовной жизни, а также социальных отношений.

Религиозный фактор в современных политических конфликтах нередко тесным образом переплетается с этническим. Вместе эти факторы могут выступать основой самоидентификации как отдельных индивидов, так и социальных групп, втянутых в политические конфликты. В конфликтах на Северном Кавказе, в Таджикистане, Нагорном Карабахе религиозный фактор как элемент идентичности играл весьма существенную роль. В противостоянии сербов и хорватов в бывшей Югославии главным был не столько этнический, сколько религиозный фактор: сербы — православные, хорваты — католики. Причем включенность религиозного фактора определила особую бескомпромиссность радикалов, стремившихся изъять и уничтожить все, связанное с чужой культурой и историей. Известны примеры разрушения православных храмов и монастырей, противостоять которому не смогли или не захотели миротворцы стран — членов НАТО.

Конфликты, связанные с сосуществованием различных этносов и конфессий, их урегулирование и разрешение в современную эпоху обусловлены в каждом конкретном случае сложным клубком социально-политических противоречий. Анализируя причины возникновения и предлагая способы разрешения большинства этнополитических и этноконфессиональных конфликтов, следует учитывать его уровень — внутри- или межгосударственный. Для многих конфликтов сегодня имеют значение и факторы надгосударственного, то есть макрорегионального или даже мирового межправительственного и неправительственного уровня. Поэтому мирное

урегулирование этнополитических и религиозно-политических конфликтов стало, наряду с урегулированием международных конфликтов, важнейшим направлением деятельности по укреплению безопасности и стабильности в современном мире.

§ 3. Пути урегулирования политических конфликтов

Одной из особенностей конфликтов в политической сфере, как на международном, так и на внутригосударственном уровне, является реальная возможность их продвижения к стадии вооруженной борьбы. Любой же вооруженный конфликт представляет собой серьезную опасность для общества. Поэтому мирное урегулирование политических конфликтов становится весьма актуальной задачей там, где существует вероятность использования вооруженного насилия или такое насилие уже имеет место.

Общий термин «*мирное урегулирование*» подразумевает три направления мирного выхода из конфликтной ситуации и, соответственно, три варианта возможных мирных соглашений: собственно *мирное урегулирование*, *управление конфликтом* и *полное разрешение конфликта*.

Быстро найти устраивающее все стороны решение спорных вопросов очень непросто, а между тем, сохранение конфликтной ситуации может представлять угрозу для внутренней, а в некоторых случаях, и для международной безопасности. Значит, необходимо найти такое решение, которое могло бы снять напряжение и сделало бы ситуацию предсказуемой и по возможности безопасной для всех, кто имеет к ней отношение. Смысл деятельности по урегулированию как управлению конфликтом в таком случае сводится к достижению компромисса, который, не устраняя до конца причин конфликта, в той или иной степени удовлетворяет все втянутые в него стороны. Отношения между участниками конфликта нормализуются, устраняется опасность применения вооруженного насилия. Однако достигнутые соглашения не могут дать полной гарантии, что позже споры и противоборство не возобновятся вновь.

Разрешение конфликта даст возможность избежать эскалации конфликта и в дальнейшем. Добиться такого разрешения конфликта

сложнее. Для этого придется полностью устранить все причины, порождающие конфликтную ситуацию. По мнению американского политолога К. Митчелла, для реализации подобного решения необходимы следующие условия: его должны поддерживать не только политические элиты, но и широкие массы населения; соглашение может быть только самодостаточным, то есть его можно реализовать и без участия третьей стороны; решение должно быть основано не на компромиссе, а на сотрудничестве, то есть полной реализации целей сторон, которые считают его честным и справедливым; на основе достигнутых договоренностей отношения между сторонами приобретают новый, более позитивный характер; соглашение является добровольным, внешнее давление и принуждение отсутствуют.

Полное разрешение конфликта — это наилучший вариант, но на практике в международных отношениях он является скорее исключением из правил. Обычно заинтересованные стороны ставят перед собой более скромные задачи. Речь идет о так называемой деятельности по *предупреждению конфликтов*. Под этим термином понимается достижение соглашений по прекращению открытой вооруженной борьбы. Именно вооруженное насилие, война является наиболее негативным следствием конфликтов в международных отношениях, поэтому первоочередная задача — не допустить перехода конфликта в вооруженную фазу. Если вооруженная борьба уже началась, тогда важнейшая задача — ее прекращение. Сделать это можно, например, достигнув соглашения о прекращении огня. Но вооруженные силы конфликтующих сторон остаются в непосредственном противостоянии друг другу. Поэтому соглашение о прекращении огня следует дополнить решением о разъединении сторон. Еще лучше — заключить соглашение о перемирии, которое аккумулирует все условия, связанные и с прекращением огня, и с отводом войск от линии соприкосновения.

Перемирие не означает наступления состояния мира в полном смысле этого слова, но оно дает достаточно прочные гарантии прекращения военных действий. Конфликтная ситуация в результате заключения перемирия полностью не устраняется, однако вопрос о разрешении или улаживании конфликта переводится в политическое русло.

Мирное урегулирование в любом его варианте должно осуществляться при соблюдении принципа постепенности. Этот принцип означает четкое понимание невозможности моментального и полного решения всего комплекса накопившихся проблем, необходи-

мости последовательных этапов в продвижении к цели. Попытки игнорировать это обстоятельство, необоснованно перескакивать через отдельные этапы, спешить при принятии окончательного решения могут сорвать весь процесс мирного урегулирования.

Поскольку проблема мирного урегулирования чаще всего возникает тогда, когда конфликт дошел до вооруженной стадии, то основными фазами (этапами) процесса мирного урегулирования являются следующие: прекращение вооруженного насилия; установление прямых контактов между конфликтующими сторонами для начала диалога и подготовки переговорного процесса; сам переговорный процесс; реализация достигнутых в ходе переговоров договоренностей. На каждом этапе решаются свои задачи, и их решение в конечном итоге приведет к мирному выходу из конфликтной ситуации.

Наиболее оптимальным путем мирного выхода из конфликтной ситуации является *переговорный процесс*. Для того чтобы переговоры состоялись, необходимы определенные условия.

Прежде всего необходимо так называемое *переговорное пространство*. Оно предполагает совпадение границ, в которых конфликтующие стороны готовы вести переговоры и искать взаимоприемлемые решения даже при условии отхода от своих первоначальных позиций, переговорное пространство означает согласие сторон рассматривать ситуацию не только с собственных позиций. Если конфликтующие стороны понимают, что достижение договоренности потенциально возможно, то переговорное пространство для них существует.

На практике переговорного пространства может и не быть. Приведем пример из области нашей недавней политической истории. Когда начался второй вооруженный конфликт в Чечне, со стороны западных и российских правозащитников, некоторых политических и государственных деятелей раздавались многочисленные призывы к началу мирных переговоров. Однако все эти призывы игнорировали то обстоятельство, что в тот момент переговорного пространства между федеральными властями и чеченскими сепаратистами не существовало. Федеральные власти были готовы вести переговоры только исходя из того, что Чечня является субъектом Российской Федерации, сепаратисты же в качестве предварительного условия выдвинули признание российской стороной полной независимости мятежной республики. В отсутствие переговорного пространства переговоры состояться не могли.

В отсутствии переговорного пространства следует искать возможность для иных, достигнутых не в результате переговоров решений. На языке конфликтологии они носят название АТНА (альтернатива переговорному решению) и ВАТНА (лучшая альтернатива переговорному решению). Однако не всякое решение конфликтной ситуации, принятое вне переговоров, может быть признано лучшим. Вряд ли лучшим решением может быть признана капитуляция или продолжение вооруженной борьбы с неизбежными новыми жертвами и разрушениями. Если ВАТНА отсутствует, а АТНА по тем или иным причинам неприемлема, то конфликтующим сторонам остается только пытаться совместными усилиями создать переговорное пространство.

Но даже тогда, когда переговорное пространство имеется в наличии, началу переговорного процесса по мирному урегулированию политического конфликта предшествует *подготовительный период*. До начала переговоров стороны совместно, часто с участием посредников, должны решить все организационные вопросы. Каждой стороне в отдельности также необходимо пройти подготовительный этап, который создаст основу для возможности принятия конструктивных решений.

С содержательной стороны подготовка к переговорам должна заключаться в тщательном анализе проблем, которые предстоит обсуждать. На основе такого анализа стороны формулируют собственную переговорную позицию, представляющую официальный взгляд на проблему, выраженный в каких-либо предложениях и заявлениях. Наряду с переговорной позицией перед началом переговоров целесообразно выработать переговорную концепцию, определяющую основные конечные цели и приоритеты переговорного процесса, а также подготовить возможные варианты итогового решения.

Вырабатывая варианты решений, необходимо учитывать следующие аспекты:

- а) каково будет состояние проблемы после реализации каждого из возможных вариантов;
- б) какое время потребуется для реализации каждого решения;
- в) какие трудности могут возникнуть при реализации каждого из вариантов решений и какими способами эти трудности могут быть преодолены;
- г) как отразится каждое из решений на политической ситуации.

На стадии подготовки к переговорам определяются стратегии и тактики переговорного процесса. В процессе переговоров по

урегулированию политических конфликтов стороны могут придерживаться различных стратегий.

Конфликтующие стороны могут продолжать курс на *конфронтацию*, достижение односторонних выгод для себя в ущерб интересам противоположной стороны. По сути, речь идет о стремлении добиться победы, но иными методами, не переходя к насильственным действиям. Для достижения этой цели стороны ведут себя как участники торговых отношений, где каждый преследует собственную выгоду. Такое поведение участников переговоров принято называть *торгом*. Торг как стиль (стратегия) переговоров может быть использован одной из сторон и в том случае, когда главной целью переговоров для нее не является достижение соглашения по какой-либо спорной проблеме. Другими целями переговоров могут быть цели информационно-консультативные, отвлечение внимания общественности от определенных проблем, определение слабых мест другой стороны. Противоположностью торга является *партнерский стиль* переговоров, когда участники стремятся сообща найти взаимовыгодное и взаимоприемлемое решение спорных проблем. Возможна также комбинация двух вышеназванных стилей, когда периоды торга сменяются периодами партнерского взаимодействия, и наоборот.

Переговорный процесс включает в себя *три этапа*. Первый этап переговоров сводится к взаимному уточнению позиций, представлению точек зрения по обсуждаемым вопросам в соответствии с интересами участников и выработанной ими переговорной концепцией. В ходе второго, основного, этапа переговоров разворачивается дискуссия, целью которой является выработка общих рамок предполагаемого решения. На третьем, заключительном, этапе переговоров достигается окончательное соглашение между участниками.

В зависимости от того, какой *стиль* доминирует в переговорном процессе, избираются конкретные *тактические приемы*, которые характерны для каждого из стилей. Практика ведения переговоров во всех сферах общественной жизни, в том числе и в политической, включает множество тактических приемов, применяемых договаривающимися сторонами для достижения своих целей.

Если применяется стратегия торга, то наиболее активно используются приемы *завышения первоначальных требований, последовательного повышения требований в ходе переговоров, выдвижения новых требований в последний момент перед достижением соглашения, введения партнера в заблуждение относительно собственной позиции или ресурсов, выдвижение ультимативных требований*

и другие. Все эти тактические приемы используются для того, чтобы вынудить партнера пойти на уступки и тем самым реализовать собственные цели в максимально большем объеме. В переговорах нередко используют различные средства оказания психологического давления на партнеров. С этой целью в средствах массовой информации могут проводиться пропагандистские кампании.

Если выбирается стратегия совместного решения проблем, породивших конфликтную ситуацию, используются тактические приемы, способствующие созданию и сохранению взаимного доверия и поиска решений, приемлемых для обеих сторон. В процессе конфликтного взаимодействия всегда накапливается некоторый потенциал взаимной подозрительности и недоверия. В таких условиях быстрое решение накопившихся проблем нереально, поэтому часто вполне оправданно применяется прием постепенного усложнения обсуждаемых вопросов. Сначала дискуссия идет по второстепенным, не принципиальным вопросам, что дает возможность быстрее прийти к согласию и получить опыт совместных конструктивных действий. Как только первые точки соприкосновения найдены, можно переходить к обсуждению более сложных проблем, уже имея опыт успешного совместного достижения взаимоприемлемого результата.

Наиболее распространенным в практике переговоров по урегулированию конфликтов является прием пакетирования («пакета») или увязки. Такой прием заключается в формировании некоего «пакета» предложений, включающего в себя примерно в равной пропорции решения, отвечающие интересам и одной и другой стороны. Таким образом, взаимоприемлемые решения «увязываются в пакет» и принимаются целиком.

Стратегии мирного урегулирования могут использоваться как в случае международного, так и в случае внутривосточного конфликта. Но если для международных конфликтов, которые зарождаются и развиваются в среде, где главными акторами являются самостоятельные и независимые государства и где нет общего центра легитимной власти, вполне объяснима эскалация напряженности до той стадии, когда в повестку дня может встать использование силы, то для внутривосточных конфликтов подобная стадия является чрезвычайной. Вооруженные конфликты внутривосточного характера могут иметь место при сильной делегитимации государственной власти и дезинтеграции прежней политической системы. В обычных условиях политическая система и ее отдельные элементы, прежде всего государство, обеспечивают

институциональные рамки, позволяющие избегать незаконного насилия в случае возникновения конфликтных ситуаций.

Важную роль в предупреждении и разрешении внутривнутриполитических конфликтов играет право, четко приписывающее всем субъектам политического процесса правила поведения и очерчивающее границы, за которыми следуют санкции со стороны компетентных государственных органов. Политическая и социальная стабильность в обществе означает, что, несмотря на имеющийся некоторый потенциал конфликтности, конфликты не принимают открытой формы и, тем более, не дорастают до жесткого, сопряженного с насилием противостояния.

Предотвращение и урегулирование конфликтов возможно как на основе компромисса, так и на основе консенсуса. Под *консенсусом* в политике понимают соглашение значительного большинства граждан относительно основных общественных ценностей, характера политического режима и текущей деятельности правительства. На основе консенсуса можно предупреждать и разрешать противоречия, снимая напряженность в обществе и поддерживая его стабильность. Если консенсус в обществе нарушается, это приводит к возникновению конфликтных ситуаций со всеми характерными для них негативными последствиями.

Контрольные вопросы и задания

1. В чем состоит специфика конфликтов в политической сфере?
2. Назовите основные типы и виды внутривнутриполитических конфликтов.
3. Дайте характеристику политического кризиса и приведите примеры политических кризисов.
4. В чем причины возникновения национализма, какую роль он играет в современных этнополитических конфликтах?
5. Охарактеризуйте основные причины этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве.
6. Как взаимодействуют между собой этнические и религиозные факторы современных политических конфликтов?
7. Назовите основные пути выхода из конфликтной ситуации.
8. В чем состоит специфика подготовки и проведения переговоров по урегулированию политических конфликтов?

ГЛАВА XV

Политическая модернизация

---

§ 1. Общие закономерности модернизации и ее специфика в политической сфере

Во второй половине XX в., когда возникла необходимость в изучении социальных процессов, происходивших в странах третьего мира, на стыке социологии и политологии сформировалось новое направление научных исследований — *теория модернизации*. Хотя теория модернизации решала практические задачи определения путей дальнейшего развития освободившихся от колониальной зависимости стран, она одновременно стала концептуальной основой изучения исторического процесса в целом.

Методологическим фундаментом теории модернизации выступили социологические концепции О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма, Ф. Тенниса и их подходы к проблемам общественного развития. В самом общем виде эти подходы сводятся к следующему: социальные изменения являются однолинейными и поэтому менее развитые страны должны пройти тот же путь, по которому идут более развитые; социальные изменения носят неизбежный и необратимый характер, происходят мирно и постепенно; социальные изменения осуществляются через последовательные стадии, как правило, ни одна из них не может быть пропущена; всегда существует возможность общественного прогресса и улучшения социальной жизни.

Теория модернизации появилась в новых исторических условиях и имела практическую направленность: она должна была дать рекомендации для экономического, социального, культурного и политического становления новых государств в Азии, Африке и Латинской Америке. В отличие от приверженцев эволюционизма, опиравшихся на постулат спонтанного детерминированного объективными причинами развития, сторонники теории модернизации считали, что развитие направляется и контролируется интеллектуальной и политической элитой, которая стремится с помощью планомерных, целенаправленных действий вывести свою страну из состояния отсталости.

Под модернизацией понимается, по словам одного из ее видных теоретиков Ш. Айзенштадта, процесс, ведущий к созданию социальных, экономических и политических систем, сложившихся в Западной Европе и Северной Америке в период между XVII и XIX вв. и распространившихся затем на другие страны и континенты. Иными словами, *модернизация — это переход от традиционного аграрного общества к современному, индустриальному, а в последние десятилетия и постиндустриальному обществу.*

«Традиционное общество» и «современное общество» как базовые категории теории модернизации основываются на типологии социального действия М. Вебера. Для традиционного общества характерно господство традиционного типа социального действия, то есть такого действия, которое основано не на рациональном сознании и выборе, а на следовании однажды принятой привычной установке. Высшим типом социального действия Вебер считал целерациональное социальное действие, направленное на достижение заранее намеченных целей. Эти цели достигаются с помощью таких рациональных по своей природе средств, как естественнонаучные и общественно-научные знания, формально-правовые нормы, с использованием, если это необходимо, техники и технологии.

Сравним традиционный и целерациональный типы социального действия на основе следующего примера. Крестьяне на протяжении многих веков, в самых различных странах возделывали землю, выращивали скот и, в конечном итоге, производили разнообразные сельскохозяйственные продукты. Делали они это на основе производственного опыта, навыков и примитивных «технологий», которые усвоили от своих родителей, а те, в свою очередь, от представителей старших поколений. Крестьянин не в силах был изменить заведенный порядок вещей, да и не задумывался над смыслом своих

действий. Он просто существовал в соответствии с раз и навсегда установленными правилами. Жизнь деревни, крестьянский быт почти не менялись на протяжении столетий. Китайский крестьянин в середине XX в. пользовался в точности такими же орудиями труда и способами земледелия, какими пользовались его далекие предки две тысячи лет назад. Подобный тип социального действия может быть назван традиционным.

Фермеры в европейских странах или Северной Америке сегодня также занимаются производством продовольствия и сельскохозяйственных технических культур. Но делают они это совсем иначе, чем крестьяне в прошлом. Фермер сознательно выбирает специализацию своего хозяйства в зависимости от природно-климатических условий, конъюнктуры рынка, то есть на основе рационального выбора. В процессе достижения избранных целей — производство определенных видов сельскохозяйственной продукции в заданных объемах — фермер использует рациональные по своей природе экономические, агрономические, технические знания, пользуется агротехническими приемами, выработанными на основе научных рекомендаций и обобщения практического опыта многих хозяйств. Рациональная мотивация как в определении целей, так и в выборе средств их реализации здесь несомненна, поэтому такую деятельность вполне можно назвать целерациональным социальным действием.

Традиционное общество — это аграрное общество. Подавляющая часть его населения проживает в сельской местности и занята примитивным сельскохозяйственным трудом и ремеслом, основанным на простом воспроизводстве. Традиционное общество отличается закрытой социальной структурой, исключая вертикальную и горизонтальную социальную мобильность, и низким индивидуальным статусом большинства его членов. Религиозное сознание господствует здесь во всех жизненных сферах, а политическая власть носит авторитарный характер. Традиционное общество слабосприимчиво к инновациям, застойно по самой своей природе.

Современное общество основывается на преобладании целерационального социального действия. Технологической базой современного общества является промышленное производство, что обуславливает быстрое развитие науки и техники. Городское население в современном обществе преобладает над сельским, социальная структура такого общества приобретает открытый характер, появляются возможности для горизонтальной и вертикальной социальной

мобильности. Ролевые функции в современном обществе дифференцированы, а основные сферы жизнедеятельности секуляризированы, то есть освобождены от религиозного влияния. Власть и управление в современном обществе рационализированы. В целом это общество обладает мощным потенциалом саморазвития.

Переход от традиционного общества к современному включает целый ряд взаимосвязанных и взаимообусловленных процессов в экономической, социальной, культурной и политической сферах. Экономическая модернизация означает развитие и применение технологии, основанной на научном знании, высокоэффективных источников энергии, углубление общественного и технического разделения труда. В процессе экономической модернизации появляются и расширяются вторичный (промышленность и торговля) и третичный (сфера услуг) сектор народного хозяйства, сокращается доля первичного (аграрного) сектора при его технологическом совершенствовании. Трудоемкие производства сменяются капиталоемкими, а затем наукоемкими. Экономическая жизнь общества освобождается от влияния политики и идеологии, а экономический рост становится «самоподдерживающимся».

В отличие от марксизма, стоявшего на позициях экономического детерминизма, теория модернизации исходит из принципа технологического детерминизма, связывающего структуру общества и его основные характеристики с технологическим способом производства. В соответствии с таким подходом выделяют несколько типов социально-экономической модернизации. Первый тип может быть назван доиндустриальной модернизацией. Она была связана с переходом от естественных производительных сил к общественным, то есть таким, которые используются людьми только сообща, при помощи кооперации и разделения функций в процессе труда. Технологический способ производства, формирующийся в результате такого перехода, олицетворяет мануфактура.

Второй тип — раннеиндустриальная модернизация — технологически детерминирован переходом от ремесленного и мануфактурного производства к фабрично-заводскому. Третий тип — позднеиндустриальная модернизация — характеризуется переходом от фабрично-заводского к поточно-конвейерному производству. Наконец, четвертый тип — постиндустриальная или постмодернизация — вызван к жизни современной технологической революцией и осуществляется в странах, где идет переход к этапу, который получил название «постиндустриальное общество».

В начале 60-х гг. XX в. свою типологию этапов экономической модернизации предложил американский экономист У. Ростоу, сформулировавший концепцию пяти стадий роста, через которые должны проходить все страны. Первая стадия — традиционное общество с преобладанием примитивной аграрной технологии. Вторая стадия — переходное общество, в котором складываются предпосылки для подъема, формируется элита, готовая к осуществлению модернизации, появляются идеи, обосновывающие ее необходимость. Третья — стадия взлета, главным ее признаком является начало интенсивной индустриализации, осуществляемой за счет перераспределения национального дохода в пользу накопления. Четвертая — стадия зрелости, когда формируется диверсифицированная структура экономики, в которой представлены все базовые отрасли промышленности. Пятая стадия — общество массового потребления. На этой стадии усиливается роль сферы услуг и отраслей, выпускающих технически сложные потребительские товары длительного пользования, меняется структура потребления. Большинство населения получает доступ к таким материальным благам, которые ранее считались предметами роскоши или вовсе не существовали. На этой стадии также резко возрастает объем финансовых, материальных и иных ресурсов, направляемых на социальные нужды.

В социальной сфере модернизация означает изменение социально-классовой, демографической и территориальной структуры населения. В процессе социальной модернизации происходит замена отношений иерархической подчиненности и вертикальной зависимости отношениями равноправного партнерства. Усиливается специализация профессиональной деятельности людей, теперь успех в ней зависит не от происхождения, пола и возраста, а от личных качеств человека, его квалификации, уровня образования и усердия. Формируется социальный тип деятельной личности, важнейшей ценностной ориентацией становится индивидуализм.

Модернизация в культурной сфере предполагает секуляризацию образования, наличие идейного и религиозного плюрализма и распространение массовой грамотности. Составной частью социокультурной модернизации является развитие средств массовой коммуникации и появления массовой культуры, а также приобщение все возрастающей части населения к культурному наследию прошлого.

Модернизационный процесс в политической сфере имеет несколько аспектов. Во-первых, в результате экономических и социо-

культурных изменений на основе ранее существовавших этнических групп формируются нации. Вследствие этого прежние территориальные государства уступают место нациям-государствам. Полиэтнические государства распадаются или преобразуются на федеративных началах. Поэтому период модернизации отличается появлением и ростом национализма и национальных движений. Во-вторых, начинает перестраиваться государственная власть и управление. Возрастает роль и значение права, происходит разделение власти в соответствии с функциональным назначением на исполнительную, законодательную и судебную. Наряду с тенденцией к централизации политической власти действует тенденция развития и совершенствования местного самоуправления, деятельность государственного аппарата перестраивается на принципах рациональной бюрократии (по М. Веберу). В-третьих, в процессе политической модернизации расширяется участие широких народных масс в политике, и на этой основе меняется тип легитимности и механизм легитимации политической власти.

Модернизационные процессы делятся на два основных вида. Первый — органичная модернизация, осуществлявшаяся в странах Западной Европы и Северной Америке, то есть там, где впервые сформировался феномен современного общества. Переход к нему называется в данном случае органичным, потому что он имел характер естественно-исторического процесса. В странах, которые встали на путь перехода к современному обществу позднее, модернизация имела уже вторичный и, следовательно, неорганичный, догоняющий характер. Такая модель развития была присуща странам третьего мира, и именно она стала главным объектом изучения теории модернизации.

В условиях второго вида модернизации особая роль принадлежит политической элите. Исследователи выделяют четыре основных типа модернизационных элит: традиционную, либеральную, авторитарную и леворадикальную. Каждая из них по-своему понимает цели и задачи модернизации, имеет различное представление о последовательности ее этапов, по-разному относится к демократии западного образца. Так, если для либеральных элит она представляет собой естественный ориентир политического развития, то для других типично сдержанное и даже откровенно негативное отношение к такой демократии.

В своем развитии теория модернизации прошла несколько этапов. В 60-х гг. XX в. на первом этапе ее развития многие западные

ученые рассматривали модернизацию как вестернизацию, простое механическое заимствование западного опыта и западных институтов, без достаточного учета фактора социокультурной самобытности отдельных стран. Позднее такая односторонность была преодолена. Но в конце 70-х гг. XX в. исследования в области теории модернизации вступили в полосу глубокого кризиса. Причинами кризиса стало, с одной стороны, разочарование в результатах и перспективах социального и экономического развития в странах третьего мира, а с другой стороны, смена парадигм в самом западном общественном сознании: завоевавшие популярность постмодернистские концепции поставили под сомнение прежние представления о развитии, прогрессе, современности. В меньшей степени кризис затронул концепции политической модернизации, многие положения которых подтверждались не только реалиями развивающихся стран, но и историческим опытом государств Западной Европы и Северной Америки. В последние годы в связи с крахом коммунистических режимов эти концепции приобрели еще большую актуальность.

В процессе изучения механизмов и закономерностей модернизации в западной политологии сформировалось два основных направления — либеральное и консервативное. По мнению политологов *либерального направления* (Г. Алмонд, Р. Даль, Л. Пай и др.), успешное осуществление политической модернизации предполагает широкое вовлечение народа в деятельность институтов представительной демократии и создание условий для свободной конкуренции политических элит. Если такая конкуренция имеет приоритет перед политическим участием рядовых граждан, но уровень участия достаточно высок, складываются оптимальные условия для успеха демократических реформ.

Три других возможных сценария менее благоприятны. В первом случае на фоне возрастания роли конкуренции элит сохраняется низкая активность основной части населения. В такой ситуации возможно установление авторитарного режима, что с точки зрения либеральной политологии нежелательно, поскольку может способствовать торможению начатых преобразований. Второй сценарий предусматривает доминирование политического участия населения над соревнованием свободных элит, что неизбежно ведет к нарастанию охлократических тенденций и также может спровоцировать ужесточение политического режима и замедление модернизационного процесса. При третьем варианте развития событий одновременное падение уровня политического участия масс и понижение

степени соревновательности элит может привести к общественному хаосу и дезинтеграции политической системы. В итоге установление диктатуры становится неизбежным.

Теоретическая концепция, показывающая оптимальный путь политической модернизации развивающихся стран, была предложена американским политологом Р. Далем. Эта концепция основывается на выдвинутой им же теории полиархии. В отличие от демократии, представляющей собой некий нормативный идеал, *полиархия* — реальная политическая система, которая одновременно обеспечивает политическое участие широких масс и свободную конкуренцию политических лидеров и элит. Р. Даль выделил условия создания полиархии. Во-первых, это определенный уровень социально-экономического развития при существовании субкультурного плюрализма. Во-вторых, это сильная исполнительная власть, зависящая от демократических институтов. В-третьих, это интегративная партийная система и безопасность конкурирующих между собой политических групп. Р. Даль полагал, что политическая модернизация должна осуществляться последовательно, без резких скачкообразных движений, чреватых установлением авторитарной диктатуры. Отрицательное отношение к авторитаризму — одно из существенных отличий либерального направления теории политической модернизации.

Консервативные политологи видят главную опасность для процессов модернизации в политической нестабильности. При таком подходе авторитарный режим, если он обеспечивает экономический рост, не представляется им негативным явлением. Наиболее четко подобную позицию выразил в 70-е г. XX. в. американский ученый Т. Цурутани. Он полагал, что в странах третьего мира приемлемы любые формы политического режима, включая авторитарные, олигархические и даже тоталитарные, лишь бы они обеспечивали порядок и развитие.

Политологи консервативного направления серьезную опасность периода модернизации видят в том, что рост политического участия может обогнать реальный уровень подготовленности масс к такому участию. Поэтому они считают необходимым обращать внимание прежде всего на создание прочных политических институтов, гарантирующих стабильность общества. Вместе с тем ученые консервативной ориентации вовсе не отрицают демократические ценности и придерживаются схожих с либералами взглядов на конечные цели процесса политической модернизации. Об этом сви-

детельствует, например, теоретическая концепция наиболее видного представителя консервативного крыла американской политологии С. Хантингтона.

Хантингтон признавал, что конечным итогом политической модернизации должно стать становление стабильной и эффективной демократии либерального типа. Однако демократизация политической системы, по мнению ученого, должна идти постепенно, с учетом зрелости социально-экономической структуры общества и господствующей в нем политической культуры. Если эти условия будут нарушены, если элиты и лидеры, находящиеся у власти, не будут понимать опасности, с одной стороны, затягивания принятия решений по вопросам политической модернизации, с другой стороны, поспешных политических изменений, способных дестабилизировать общество, может возникнуть революционный кризис (см. главу XVI). И далеко не всегда этот кризис приведет к завершению процесса модернизации, о чем свидетельствует опыт многих стран мира, включая и Россию.

§ 2. Исторический опыт модернизации России

На протяжении трех последних столетий в России предпринимались попытки реформирования с целью технологической, экономической, социальной и политической модернизации страны.

Но ни одна из этих попыток полностью не удалась, и если в технологических и социокультурных аспектах ситуация порой складывалась благоприятно, то задачи политической модернизации оставались камнем преткновения во всех попытках по-новому «обустроить Россию».

Первая такая попытка — реформы Петра I. Поскольку «модернизация» и «вестернизация» — понятия не тождественные, то эти реформы были не первым опытом вестернизации России, но, очевидно, первым в мире примером догоняющей модернизации пусть и еще на доиндустриальной стадии. Петровские реформы не могли означать перехода к тому, что считается современным обществом, поскольку его еще не существовало и в самых передовых на то время странах. Однако успешное осуществление этих реформ могло бы обеспечить в последующем органичное развитие России

на пути к индустриализации, гражданскому обществу и политической демократии. Этого, однако, не произошло.

Петровские реформы в разных сферах дали неодинаковые результаты и привели к разным последствиям. Некоторые изъезы петровского варианта ранней модернизации повторялись и на более поздних этапах российской истории. Петр I пытался заимствовать технику и технологию в отрыве от тех социальных и экономических институтов, в условиях существования которых они развивались на Западе. Неудивительно, что последствия заимствования зарубежных образцов технической организации производства были прямо противоположны результатам, получаемым при применении их оригиналов в европейских странах. Если в Западной Европе развитие мануфактурного производства сопровождалось распадом феодальных структур, то в России такой институт феодализма, как крепостное право, получил дополнительный импульс с развитием мануфактурной промышленности. Некоторые нововведения были совершенно не подготовлены предшествующим развитием страны и носили искусственный характер. Например, когда Петр I учреждал первый университет, то пришлось «выписывать» из-за границы не только преподавателей, но и студентов.

Как и многие последующие реформации в России, петровская носила некомплексный характер (заимствование производилось в основном в области структур, которые сегодня принято называть военно-промышленным комплексом и бюрократической организацией государственной власти) и оказалась незавершенной. О политической модернизации и о создании конституционной, парламентской системы в тот период вообще не могло быть и речи, поскольку такая система лишь в зародыше имелась в некоторых европейских странах.

В то же время петровские реформы опосредованным образом оказали значительное воздействие на политическое развитие России и модернизацию ее политической системы в дальнейшем.

«Прорубив окно» в Европу, Петр I одновременно снял культурную изоляцию, в которой Россия существовала в предшествующие столетия. Однако последствия петровской деятельности в этом направлении почувствовала лишь часть общества, и в последующие два столетия социокультурный процесс в России носил дуалистический характер. Европеизированная элита перенимала западно-европейские ценности и ориентации, а основная часть населения продолжала жить в традиционной культурной среде, по-прежнему

отгороженной от Запада глухой стеной. При Петре Россия так и не стала Европой, если иметь в виду научно-технический и социально-экономический аспекты. Но через верхушечный образованный слой она стала Европой в духовном плане. Наконец, со времен Петра Россия стала заметным фактором европейской политики. Эти обстоятельства, на наш взгляд, обусловили специфику последующего развития России.

Установление тесных связей с Западом в духовной сфере привело к тому, что любая родившаяся там политическая или философская идея почти моментально находила своих сторонников в России, хотя зачастую эта идея и не имела никакого отношения к российской действительности. В этом смысле символичен образ Екатерины Великой, одной рукой подписывающей свои письма философам Просвещения, а другой — указы, прямо противоположные идеям ее корреспондентов. В России была нарушена схема взаимодействия социально-экономической и политической модернизации. Либеральные идеи проникали сюда в условиях отсутствия каких-либо реальных шагов по модернизации социально-экономических структур. Причем эти идеи оказывали противоречивое воздействие на настроения образованной части общества и правящей элиты.

Представители консервативных кругов правящей элиты, с одной стороны, либерально и радикально настроенная интеллигенция, с другой стороны, по-разному понимали задачу превращения России и «европейскую страну». Если для первых это означало формирование России как сильного в военном, политическом и экономическом отношении государства, способного оказывать серьезное влияние на европейскую политику, то для вторых — реализацию в России либеральных или социалистических идей, заимствованных из Европы.

Для России начала XIX в. характерно понимание необходимости реформ и составление соответствующих планов, причем на самом высоком уровне. Речь шла о вполне продуманных мерах, которые совмещали в себе социально-экономические преобразования в духе экономического либерализма и политические реформы, включая конституционное оформление представительной власти. Однако планы так и остались планами. Их осуществлению помешали и внешние факторы, что было следствием вовлечения России в европейскую политику, и совокупность внутренних факторов. С одной стороны, налицо было сопротивление консервативных элементов высших кругов правительственной бюрократии и ари-

стократии, с другой — это сопротивление стимулировала деятельность радикальных сил. Именно в это время на российскую почву проникают идеи революционного радикализма. И, как часто бывало с другими «импортными» идеями, в российских условиях они привели к результатам, обратным тем, на которые можно было рассчитывать, исходя из их содержания и пафоса.

Первые русские революционеры — декабристы — искренне желали освободить Россию от политического деспотизма и улучшить жизнь простого народа. Но их выступление завершилось поражением. К тому же трудно сказать, насколько реалистичными были их планы по переустройству российского общества.

Неудачное восстание декабристов окончательно перечеркнуло программу социальной и политической модернизации России начало XIX в. Восстание, организованное нелегальными союзами, развязало руки консерваторам, что предопределило контрреформистский, реакционный в политическом и социальном отношении курс Николая I.

В итоге упущенные десятилетия дорого обошлись нашей стране. Именно в тот момент, когда в сфере материального производства ведущих европейских государств развернулись процессы, характерные для раннеиндустриального типа модернизации, развитие России, и без того отстававшей от них в технологическом, экономическом, социально-культурном плане, существенно затормозилось. Усилившийся разрыв уровней экономического развития предопределил и военно-техническое отставание России от Западной Европы, что, в свою очередь, обусловило неудачный для нее исход Крымской войны. Военное поражение заставило правительство вновь поставить на повестку дня вопрос о модернизации.

Если оценивать период реформ Александра II с точки зрения современных концепций модернизации, поражает совпадение действий реформаторов с содержащимися в этих концепциях рекомендациями. Власть стремилась, как и рекомендует современная политология, сохраняя политическую стабильность, одновременно реализовывать программу социально-экономических реформ не под давлением «снизу», а на основе целенаправленной и обдуманной стратегии преобразований. Русскому народу было предоставлено столько гражданской свободы и возможностей, сколько он мог, в меру своей тогдашней социальной зрелости, реализовать и усвоить. Впервые в истории России начался процесс высвобождения общества от всепроникающего государственного контроля.

Экономическая и социально-культурная сферы получили автономию, что на практике означало реальное движение в направлении формирования полноценного гражданского общества. Этому же способствовала судебная реформа и развитие системы местного самоуправления.

Следующим логическим шагом со стороны властей (как это и обосновывается современной политической наукой) был бы переход к решению задач политической модернизации. О том, что понимание необходимости такого шага у высших правящих кругов, несмотря на все колебания, все же было, свидетельствует проект реформ, вошедший в историю под названием «конституции Лорис-Меликова». Конечно, данный проект был крайне ограничен и несовершенен с точки зрения либерально-демократического идеала. Содержавшийся в проекте план создания представительного органа власти лишь с большой натяжкой можно оценить как начало перехода к парламентской системе. Однако в стране, только что избавившейся от крепостного рабства, не имевшей необходимых политических традиций, реализация программы реформ, изложенной в «конституции Лорис-Меликова», могла бы стать действенным шагом на пути перехода от политической системы, в определенной степени эквивалентной тоталитарным режимам XX в., к системе, близкой современным разновидностям авторитаризма. Этот первый шаг в перспективе открыл бы возможности для осуществления всего комплекса задач политической модернизации. Однако действия левых радикалов в очередной раз перечеркнули такую возможность.

Левые радикалы пореформенной России представляли собой весьма специфичный слой русской интеллигенции. Политическое сознание русской интеллигенции формировалось в результате взаимодействия западноевропейских социалистических идей с российской действительностью. Поскольку между этими идеями и действительностью пореформенной России существовала пропасть, их взаимодействие не могло родить ничего, кроме мифов, которыми и руководствовались в своей деятельности теоретики и практики русского революционного социализма.

Одним из таких мифов было представление о том, что русский мужик — социалист по натуре, только и ждущий от кого-либо призыва к «социальной революции», направленной против самодержавия, помещиков, капиталистов и других «кровопийц». Когда тысячи молодых энтузиастов, вдохновленных этим мифом, «пошли в народ», их ожидало огромное разочарование. Русские мужики

оказались совершенно невосприимчивы к абстрактным политическим лозунгам, с подозрением относились к социалистическим агитаторам и предлагаемым ими схемам общественного переустройства. Пореформенное крестьянство в целом сохраняло лояльность по отношению к самодержавной власти и связывало с ней свои надежды на справедливое решение вопроса о земле.

Разочаровавшись в революции «снизу», часть молодых радикалов обратилась к политическому террору. Созданная для этих целей партия «Народная воля» в качестве одной из программных установок провозгласила созыв всенародно избранного Национального собрания. Средством, которое должно было послужить детонатором народной революции, называлось убийство царя. Ценой длительных и героических усилий последняя цель народовольцами была достигнута. Однако вместо того, чтобы открыть дорогу к мифическому Национальному собранию, этот акт перекрыл путь к реальному парламентаризму. Убийство Александра II стало причиной не только отката реформ в эпоху Александра III, но и резкого усиления позиций реакционных, консервативных элементов.

Последующая четверть века российской истории абсолютно точно воспроизводит обрисованную ранее ситуацию возникновения «ножниц» между необходимым для социально-экономической модернизации и реально достигнутым уровнем политического развития общества. Хотя с воцарением на престоле Александра III в социально-политической сфере возобладал контрреформаторский курс, проведенные ранее реформы в социально-экономической сфере способствовали бурному экономическому росту. В последние десятилетия XIX в. в России развернулась первая фаза индустриальной революции, сопровождавшаяся резким скачком промышленного производства. В 90-х гг. XIX в., по некоторым данным, темпы роста промышленного производства вдвое превосходили аналогичные показатели Германии и втрое — американские. Объем промышленной продукции в денежном выражении за 1890–1900 гг. возрос с 1,5 млрд руб. до 3,4 млрд руб. Производство чугуна выросло на 216 %, добыча нефти увеличилась на 449 %, протяженность железных дорог — на 71 %. В результате общий индекс промышленного производства России за 20 лет с 1880 по 1900 г. удвоился. В начале XX в. по своему индустриальному потенциалу Россия значительно превосходила такие страны, как Франция, Австро-Венгрия, Италия, Япония, уступая только США, Германии и Великобритании.

Под стать происходящим экономическим сдвигам были и социальные. За этот же период значительно возросла численность городского населения, шел процесс формирования массового среднего класса, других социальных групп, вызванных к жизни социально-экономической модернизацией (прежде всего слоя промышленных рабочих).

В начале XX в. социальные перемены стали находить выражение и в политической сфере. Возросла политическая активность различных групп городского населения. Общим для них стало стремление к непосредственному участию в политической жизни страны, выдвижение требований, направленных на институционализацию такого участия. Сначала эти требования выражались в программах первых леворадикальных партий, а затем и в деятельности более умеренных либеральных оппозиционных групп. Либералы надеялись на возможность превращения России в конституционную монархию по английскому образцу и осуществления назревших социальных преобразований «сверху».

Однако надеждам на мирный, эволюционный сценарий продвижения по пути политической модернизации не суждено было сбыться. Николай II и его ближайшее окружение боялись даже самой мысли об ограничении самодержавной власти. События 1905–1907 гг., накануне которых требования политических свобод, конституции и парламентаризма буквально переполняли общественную атмосферу, были типичным проявлением революционного кризиса, вызванного отставанием процесса политической модернизации от сдвигов, происшедших в экономике и социальной структуре (см. главу XVI).

Осуществленные под давлением «снизу» по своей сути конституционные реформы следует оценивать двояко. С одной стороны, возникшие политические институты еще трудно было охарактеризовать как институты развитой парламентской демократии. Законодательные права Государственной думы были сильно ограничены, она не обладала правом формирования правительства, даже ее возможности контролировать государственный бюджет оставались минимальными. Совершенно недемократической была избирательная система. Верховная государственная власть изначально враждебно относилась к Государственной думе, видя в ней временное и вредное для общественного спокойствия учреждение. Как только обстановка позволила, самодержавие стало по частям отбирать дарованные ранее права, изменило избирательную систему

в еще более антидемократическом направлении. Однако, с другой стороны, по уровню развития политической культуры и социокультурным характеристикам русское общество тогда еще не созрело для полноценной парламентской демократии.

Если рассматривать события 1905–1907 гг. в исторической ретроспективе, можно сделать вывод о том, что Россия уже не могла обойтись без политической модернизации, но пока не была способна ее полностью завершить. Нерешенность целого ряда важнейших задач экономической и социальной модернизации, недостаточная зрелость гражданского общества делали проблематичным непосредственный переход к правовому государству и эффективной демократической политической системе. Выбор, сделанный премьер-министром П. А. Столыпиным в пользу постепенных реформ в условиях политической стабильности, достигаемой репрессивными мерами, отражал российскую реальность. Не стремясь дать целостную характеристику деятельности и идеям П. А. Столыпина, отметим, что некоторые его идеи полностью совпадают с теоретическими выводами авторов современных концепций модернизации. В частности, в начале 70-х гг. XX в., анализируя проблемы политического развития и политических режимов в развивающихся странах, американский политолог Т. Цурутани отмечал, что цель развития страны — не свобода, а порядок. Под этими словами, очевидно, мог бы подписаться и Столыпин, говоривший о необходимости «успокоить страну» и обещавший: «Дайте государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России!»

Вероятно, намеченный П. А. Столыпиным авторитарный вариант осуществления назревших социально-экономических и отчасти политических реформ при определенных условиях имел шансы на успех. Одно из этих условий — 20 лет покоя, а другое — способность самодержавной власти добровольно идти по пути трансформации в направлении конституционной монархии, постепенно высвобождая место для новой, порожденной процессами модернизации политической элиты. Ни одно из условий соблюдено не было.

Если революция 1905–1907 гг. стала проявлением кризиса модернизации, то события 1917 г. лишь отчасти имели ту же основу. Форма и динамика революционного процесса 1917 г. обусловливались обстановкой затянувшейся войны, вызвавшей серьезную дезорганизацию экономической и политической жизни страны. В 1917 г. вопрос стоял не о выборе между тем или иным вариантом

диктатуры и демократией, а лишь между различными вариантами диктатуры. Порожденный военными трудностями, революционный кризис 1917 г. привел к столь стремительной демократизации политической системы, что, не выдержав перегрузок, она рухнула. Утвердившийся тоталитарный режим перечеркнул результаты политической модернизации страны за предшествующие десятилетия.

Однако процесс модернизации в большинстве сфер общественной жизни продолжился и в условиях коммунистического режима. Более того, со временем Советский Союз стал индустриально развитым государством, выйдя на второе место в мире по общему объему экономики. Результатом процесса урбанизации стало то, что большая часть населения СССР к концу XX в. проживала в городах. Еще до Великой Отечественной войны в Советском Союзе была ликвидирована массовая неграмотность, граждане страны получили широкий доступ к среднему и высшему образованию. Больших успехов удалось добиться в сфере искусства и массовой культуры. СССР лидировал в ряде направлений научного и технологического прогресса, например в освоении космического пространства. Однако многие из этих успехов были достигнуты ценой больших жертв и страданий советских людей.

Созданная в Советском Союзе экономическая система не была эффективной и нуждалась в реформировании. Неудачная попытка такого реформирования, предпринятая в годы «перестройки», привела к углублению системного кризиса советского общества и в итоге к крушению прежнего политического режима. Перед современной Россией вновь, как и 100 лет назад, стоят задачи реформирования и модернизации. Остается актуальной и проблема становления стабильной политической системы демократического типа. Для решения всех этих проблем и задач необходимо, с одной стороны, использовать научные знания из области теории модернизации и транзитологии, с другой — учитывать уроки собственного исторического опыта.

Контрольные вопросы и задания

1. Дайте сравнительную характеристику традиционного и современного общества.

2. Назовите основные закономерности модернизации в различных сферах общественной жизни.
3. В чем состоит специфика политической модернизации?
4. В чем различия либеральных и консервативных концепций политической модернизации?
5. Сравните опыт модернизации России с опытом модернизации зарубежных стран.

ГЛАВА XVI

Политические революции

---

§ 1. Теоретические концепции революции

Основными формами разрешения экономических, политических и социальных конфликтов и кризисов являются реформы и революции. Наиболее распространенное определение революции принадлежит американскому политологу С. Хантингтону, который считал ее быстрым, фундаментальным и насильственным изменением доминирующих ценностей и мифов общества, его политических институтов, социальной структуры, лидерства, правительственной деятельности и политики. В противоположность революциям, реформы — это частичные изменения в отдельных сферах общества, не затрагивающие его фундаментальных основ.

Политические революции — явление нового времени. Впервые феномен революции, осуществлявшейся под знаменем свободы, проявился в XVIII в., классическим примером стала Великая французская революция. Политический анализ революций первоначально происходил в рамках идеологизированного подхода.

Консервативная политическая идеология и возникла главным образом как реакция на события Французской революции. Описывая кровавые события этой революции, один из основоположников консерватизма Эдмунд Берк сформулировал присущий данной идеологии взгляд на революционные процессы: революция — общественное зло, она обнажает самые худшие, низменные стороны человеческой

натуры. Причины революции консерваторы видели, прежде всего, в появлении и распространении ложных и вредных идей.

С иных позиций оценивали революцию представители раннего либерализма. Либеральная доктрина оправдывала революцию в том случае, когда власть нарушала условия общественного договора. Классический либерализм считал одним из основополагающих прав человека и право на восстание. Более осторожная оценка этого явления стал формироваться в либерализме постепенно, на основе реальной практики революционной борьбы (см. главу IV).

Одну из первых теоретических концепций революции создал К. Маркс, он назвал революции «локомотивами истории» и «праздником угнетенных». С точки зрения марксизма глубинные причины революций связаны с конфликтом внутри способа производства — между производительными силами и производственными отношениями. На определенной ступени своего развития производительные силы не могут больше существовать в рамках прежних производственных отношений, прежде всего, отношений собственности. Конфликт между производительными силами и производственными отношениями разрешается в «эпоху *социальной революции*», под которой основоположник марксизма понимал длительный период перехода от одной общественно-экономической формации к другой. Кульминационным моментом этого периода является *политическая революция*. Причины политических революций К. Маркс видел в конфликте между общественными классами, которые представляют собой главную движущую силу общественного развития вообще. Классовые конфликты особенно обостряются как раз в периоды социально-экономических кризисов, вызванных отставанием производственных отношений от производительных сил. В ходе политической революции более передовой социальный класс свержает класс реакционный и, используя механизм политической власти, производит назревшие перемены во всех сферах общественной жизни.

Марксизм видел в революции высшую форму социального прогресса, политическая революция как бы подводила черту под процессом перехода от одной такой формации к другой. Исключение составлял лишь высший тип социально-политической революции — революции пролетарская или социалистическая. В ходе социалистической революции самый передовой класс — пролетариат — сначала свержает власть буржуазии, а потом начинает осуществлять переход к новому коммунистическому обществу. Диктатура пролетариата

сломит сопротивление эксплуататорских классов, а ликвидация частной собственности будет предпосылкой устранения классовых различий вообще. Предполагалось, что социалистическая революция неизбежно примет всемирный характер и начнется в наиболее развитых странах, так как для нее необходима высокая степень зрелости капиталистического общества и высокая степень зрелости материальных предпосылок нового общественного строя.

Реально общественное развитие пошло совсем не так, как представлял К. Маркс. Рабочее движение в странах Западной Европы в большинстве случаев социальной революции предпочло социальную реформу. Идеи революционного марксизма нашли поддержку в таких странах и регионах, которые сами основоположники данного направления не считали пригодными для начала коммунистического эксперимента. Заслуга приспособления доктрины марксизма к условиям слаборазвитых стран принадлежит В. И. Ленину. Дополнения, сделанные В. Лениным, вышли за рамки собственно марксистской парадигмы. В частности, это относится к ленинской концепции революционной ситуации. Ленин считал, что любая политическая революция нуждается в определенных условиях для своей победы. Первое условие — наличие общенационального кризиса, при котором не только бы «низы не хотели жить по-старому», но и «верхи не могли» управлять старыми методами. Второе условие В. Ленин характеризовал как «обострение выше обычного нужды и бедствий народных масс». И третье — значительное повышение социальной активности этих масс. Такое сочетание условий для возникновения революционной ситуации казалось обоснованным не только марксистам, но в какой-то мере и исследователям, далеким от коммунистической идеологии.

Марксистская теория революции на протяжении многих десятилетий была весьма привлекательной и в качестве научной методологии, и в виде конкретной программы социально-политического действия. Сегодня марксистская теория революции утратила свою привлекательность из-за фактического провала социальных экспериментов, проводившихся под влиянием идей К. Маркса и В. Ленина во многих странах мира.

Теоретическую концепцию революции, объяснение причин ее возникновения и механизмов развития предложил А. Токвиль. Он видел причины революций не в экономическом кризисе, вызванном отставанием производственных отношений от ушедших вперед производительных сил. Токвиль полагал, что революционные взрывы

могут происходить не обязательно в результате ухудшения ситуации в обществе: люди привыкают к лишениям и терпеливо переносят их, если считают неизбежными. Но как только появляется надежда на улучшение, эти лишения воспринимаются уже как невыносимые. То есть причиной революционных событий становится не сама по себе степень экономической нужды и политического гнета, а их психологическое восприятие. С точки зрения А. Токвиля, так было накануне Великой французской революции, когда массы французов стали воспринимать свое положение как невыносимое, хотя объективно ситуация во Франции в период правления Людовика XVIII была более благоприятной, чем в предшествующие десятилетия.

А. Токвиль признавал, что Франция стояла на пороге серьезных изменений в экономической сфере и политическом режиме, но не считал революцию в тех условиях неизбежной. В действительности революция проделала ту же работу, которая проводилась и без нее, но с огромными издержками для всего общества. Кульминацией революции стало установление диктатуры, превзошедшей по своей жестокости все предреволюционные монархические правительства.

Во второй половине XIX в. в рамках позитивистской социологии революция рассматривалась как отклонение от нормального хода общественного развития. О. Конт и Г. Спенсер противопоставляли идею революции идею эволюции — постепенных общественных изменений, совершаемых посредством политических, экономических и социальных реформ.

Широкую известность получила социально-психологическая концепция Г. Лебона, в основу которой положены его исследования массового поведения людей в революционные периоды. Для этих периодов характерна «власть толпы», когда поведение людей, охваченных всеобщим возбуждением, значительно отличается от их поведения на индивидуальном уровне или в малых группах. Пример подобного поведения Г. Лебон находил в действиях парижских народных низов во время Великой французской революции. Анализируя социально-психологический механизм этого явления, французский ученый отмечал, что люди, охваченные коллективным возбуждением, порожденным толпой, теряют критические способности, присущие им в повседневной жизни. Они становятся легко доступными внушению и поддаются на любые, в том числе и абсурдные, призывы лидеров толпы и демагогов, происходит массовое помутнение сознания. Идеи Лебона носили консерватив-

ный характер, их критическое острие было направлено не только против революционной теории и практики, но и против институтов парламентской демократии. Но опыт революций уже XX столетия показал, что наблюдения и выводы французского социолога и психолога были близки к истине.

Большое влияние на политическую науку и социологию XX в. оказала элитаристская концепция В. Парето. Парето считал элитой избранную часть общества, к которой должны приспособляться все отдельные его члены. Элита, по мнению В. Парето, характеризуется высокой степенью самообладания и расчетливостью, умением видеть слабые и наиболее чувствительные места в окружающих и использовать их в своих интересах. Массы же, напротив, характеризует неспособность справиться со своими эмоциями и предрассудками. Для правящей элиты особенно необходимы два основных качества. Во-первых, умение убеждать, манипулируя человеческими эмоциями; во-вторых, умение применять силу там, где это требуется. Качествами первого типа обладают люди, которых Парето называл «лисами». У них преобладают базовые инстинкты, названные Парето «искусством комбинаций», то есть способность лавировать, находя всевозможные варианты выхода из складывающихся ситуаций. Качества второго типа присущи «львам», то есть людям решительным, твердым, даже жестоким, не останавливающимся перед применением насилия. В разные исторические эпохи востребованы правящие элиты различного типа.

Механизм смены элит выглядит у Парето следующим образом: между элитой и массой происходит постоянная циркуляция — лучшие представители массы пополняют ряды элиты, а та часть элиты, которая утратила необходимые качества, покидает ее ряды. Если процесс циркуляции не происходит, элита вырождается, понижается результативность ее управленческой деятельности, вследствие чего обостряются экономические, социальные и политические проблемы общества. Оппозиционная контрэлита заявляет свои претензии на место во властных структурах. Используя недовольство народа политикой существующей власти, контрэлита привлекает его на свою сторону. В ситуации общественного кризиса она свергает правящую элиту и приходит к власти. Однако в дальнейшем, по мнению Парето, все неизбежно повторяется. Новая правящая элита постепенно приобретает все более закрытый характер, и вновь возникает революционная ситуация со всеми вышеописанными последствиями.

Известный социолог П. А. Сорокин в вышедшей в 1925 г. в США и ставшей всемирно известной книге «Социология революции» предпринял попытку объективного неидеологизированного научного анализа феномена революции. Выясняя причины революций, П. Сорокин основывался на господствовавшей тогда в социально-политических науках бихевиористской методологии. Он полагал, что человеческое поведение определяется врожденными, «базовыми» инстинктами. Это — пищеварительный инстинкт, инстинкт свободы, собственнический инстинкт, инстинкт индивидуального самосохранения, инстинкт коллективного самосохранения. Всеобщее подавление базовых инстинктов или, как писал П. Сорокин, «репрессирование» большого их числа неизбежно приводит к революционному взрыву. Необходимым условием взрыва является и то обстоятельство, что эти «репрессии» распространяются на весьма большую или даже подавляющую часть населения. Но кроме «кризиса низов» для революции необходим и «кризис верхов», описывая который П. Сорокин следовал подходам и выводам В. Парето. Так же как и итальянский социолог, он видел одну из важнейших причин революционных кризисов в вырождении прежней правящей элиты.

В революционном процессе П. Сорокин выделял две основные стадии: первую, переходную от нормального периода к революционному, и вторую, переходную от революционного периода вновь к нормальному. Революция, порожденная «репрессированием» основных базовых инстинктов, не устраняет этого «репрессирования», а еще более усиливает его. Например, голод получает еще более широкое распространение вследствие дезорганизации всей хозяйственной жизни и торгового обмена. В условиях хаоса и анархии, неизбежно порождаемых революцией, возрастает опасность для человеческой жизни, то есть «репрессирован» инстинкт самосохранения. Факторы, подталкивавшие людей на борьбу со старым режимом, способствуют нарастанию их конфронтации уже с новой революционной властью, которая своим деспотизмом еще более усиливает эту конфронтацию. Требования безграничной свободы, характерные для начального периода революции, сменяются на ее следующем этапе стремлением к порядку и стабильности.

Вторая стадия революции, по мнению П. А. Сорокина, представляет собой возвращение к привычным, проверенным временем формам жизни. Не отрицая, что революции приводят к осуществлению уже назревших перемен, П. Сорокин считал их худшим способом улучшения материальных и духовных условий жизни народа. Более

того, очень часто революции заканчиваются вовсе не так, как обещают их вожди и надеются увлеченные их целями люди. Поэтому П. Сорокин отдавал предпочтение постепенному эволюционному развитию, полагая, что прогрессивные процессы базируются на солидарности, кооперации и любви, а не на сопутствующих всем великим революциям ненависти и непримиримой борьбе.

Широкую известность перед Второй мировой войной приобрела книга американского социолога К. Бринтона «Анатомия революции». Основываясь на историческом опыте, прежде всего Франции и России, К. Бринтон выделил несколько этапов, через которые проходит всякая великая революция. Предшествует ей накопление социальных и экономических противоречий, способствующих накоплению недовольства и озлобленности у большей части населения. Растут оппозиционные настроения в среде интеллектуалов, появляются и распространяются радикальные и революционные идеи. Попытки правящего класса осуществить реформы оказываются запоздалыми, неэффективными и еще более усиливают общественное брожение. В условиях кризиса власти революционерам удается одержать победу, старый режим рушится.

После победы революции среди ее лидеров и активистов происходит размежевание на умеренное и радикальное крыло. Умеренные стремятся удержать революцию в определенных рамках, в то время как радикально настроенные массы желают удовлетворить все свои чаяния, в том числе невыполнимые. Опираясь на это противодействие, революционные экстремисты приходят к власти, и наступает кульминационный момент развития революционного процесса. Высшая стадия революции — террор — характеризуется попытками полностью и окончательно избавиться от всего наследия старого режима. Окончательной стадией революции К. Бринтон считал стадию «термидора». «Термидор» приходит во взбудораженное революцией общество так же, как отлив сменяет прилив. Таким образом, революция во многом возвращается в ту точку, с которой она начиналась.

Социально-политические потрясения середины XX в. усилили внимание к теоретическому изучению революционных процессов в политической науке и социологии 50–70-х гг. XX в. Наиболее известные концепции революции этого периода принадлежат Ч. Джонсону, Дж. Дэвису и Т. Гарру, Ч. Тилли.

Концепция революции Ч. Джонсона основывается на социологических идеях структурно-функционального анализа. Необходимым условием осуществления революции Ч. Джонсон считал выход

общества из состояния равновесия. Общественная неустойчивость возникает вследствие расстройств связей между основными культурными ценностями общества и его экономической системой. Возникшая неустойчивость воздействует на массовое сознание, которое становится восприимчивым к идеям социальных изменений и политическим лидерам — сторонникам этих идей. Хотя старый режим постепенно утрачивает легитимную поддержку населения, сама революция еще не является неизбежной, если правящая элита найдет в себе силы осуществить назревшие перемены и тем самым восстановить равновесие между основными общественными институтами. Иначе изменения проведут политические силы, пришедшие к власти в результате революции. В концепции Ч. Джонсона большое внимание уделяется так называемым акселераторам (ускорителям) революций, к которым он причислял войны, экономические кризисы, стихийные бедствия и другие чрезвычайные и непредвиденные события.

Концепция Дж. Дэвиса и Т. Гарра, по существу, является модификацией и развитием взглядов А. Токвиля и известна под названием теории «относительной депривации». Под относительной депривацией понимается разрыв между ценностными ожиданиями (материальными и иными условиями жизни, признаваемыми людьми справедливыми для себя) и ценностными возможностями (объемом жизненных благ, которые люди могут реально получить). Можно найти, указывает Д. Дэвис, большое количество исторических периодов, когда люди жили в бедности или подвергались чрезвычайно сильному гнету, но открыто не протестовали против этого. Постоянная бедность или лишения не делают людей революционерами, только когда люди начинают задаваться вопросом о том, что они должны иметь по справедливости, и ощущать разницу между тем, что есть, и тем, что должно бы быть, тогда и возникает синдром относительной депривации.

Д. Дэвис и Т. Гарр выделяют три основных пути исторического развития, которые приводят к возникновению подобного синдрома и революционной ситуации. Первый путь таков: в результате появления и распространения новых идей, религиозных доктрин, систем ценностей возникает ожидание более высоких жизненных стандартов, осознающихся людьми как справедливые, однако отсутствие реальных условий для реализации таких стандартов ведет к массовому недовольству. Такая ситуация может вызвать «революцию пробудившихся надежд». Второй путь является во многом

прямо противоположным. Ожидания остаются прежними, но происходит существенное ухудшение возможностей удовлетворения основных жизненных потребностей в результате экономического или финансового кризиса или, если речь идет, прежде всего, не о материальных факторах, в случае неспособности государства обеспечить приемлемый уровень общественной безопасности, или из-за прихода к власти авторитарного, диктаторского режима. Такая ситуация названа Д. Дэвисом «революцией отобранных выгод». Третий путь представляет собой сочетание первых двух. Надежды на улучшение и возможности реального удовлетворения потребностей растут одновременно. Это происходит в период прогрессивного экономического роста, жизненные стандарты начинают возрастать, также поднимается уровень ожиданий. Но если на фоне такого процветания по каким-либо причинам (войны, экономический спад, стихийные бедствия и т. д.) резко падают возможности удовлетворения ставших привычными потребностей, это приводит к тому, что получает название «революции крушения прогресса». Ожидания по инерции продолжают расти, и разрыв между ними и реальностью становится еще более нестерпимым.

Ч. Тилли сосредоточил внимание на механизмах мобилизации различных групп населения для достижения революционных целей. В работе «От мобилизации к революции» он рассматривает революцию как особую форму коллективного действия, включающую четыре основных элемента: организацию, мобилизацию, общие интересы и возможность. Движения протеста только тогда смогут стать началом революционного коллективного действия, полагает Ч. Тилли, когда будут оформлены в революционные группы с жесткой дисциплиной. Чтобы коллективное действие могло состояться, такой группе необходимо осуществить мобилизацию ресурсов (материальных, политических, моральных и т. д.). Мобилизация происходит на основе наличия у тех, кто вовлечен в коллективное действие, общих интересов. Социальные движения как средства мобилизации групповых ресурсов возникают тогда, когда люди лишены институализированных средств для выражения своих интересов, а также тогда, когда государственная власть оказывается не способной выполнить требования населения или когда она усиливает свои требования к нему. Неспособность оппозиционных групп обеспечить себе активное и действенное представительство в прежней политической системе обуславливает их выбор насильственных средств достижения своих целей.

Характер конфликта между правящей элитой и оппозицией обуславливает степень передачи власти. Если конфликт приобретает форму простой взаимоисключающей альтернативы, то происходит полная передача власти, без последующих контактов между представителями ушедшего политического режима и постреволюционным правительством. Если коалиции включают различные политические силы, это облегчает сам процесс передачи власти, но в итоге новая революционная власть будет опираться на широкую политическую базу, в том числе и отдельных представителей прежнего режима.

Подавляющее большинство теоретических концепций революции видят в ней вполне возможный путь разрешения накопившихся в общественной жизни конфликтов, но все же не считают такой путь оптимальным.

§ 2. Революции в политической истории России

В XX в. наша страна пережила несколько масштабных социально-политических кризисов. Первым таким кризисом стала революция 1905–1907 гг. Россия в прошлом веке переживала непростую и противоречивую эпоху модернизации — перехода от традиционного, преимущественно аграрного к современному, индустриальному, а в дальнейшем постиндустриальному обществу. Период модернизации связан с коренной ломкой и преобразованием экономических, социальных и политических структур, изменением в системе духовных ценностей общества. Поэтому в период модернизации назревают и обостряются многообразные социально-политические конфликты, и эти конфликты могут разрешаться в том числе и наиболее быстрым и радикальным путем, то есть через революцию. Находятся и политические силы, сознательно избирающие революционную стратегию и тактику для достижения своих целей.

Наиболее подробно механизм развития социально-политических конфликтов и вызревания революционных ситуаций в условиях модернизации был рассмотрен в труде известного американского политолога С. Хантингтона «Политический порядок в меняющихся обществах». Хантингтон полагал, что стимулом для начала модернизации традиционного общества может послужить некоторая

совокупность внутренних и внешних факторов, побуждающих политическую элиту решиться начать реформы. Преобразования могут затрагивать экономические и социальные институты, но не касаться традиционной политической системы. Следовательно, имеется принципиальная возможность осуществления социально-экономической модернизации «сверху», в рамках старых политических институтов и под руководством традиционной элиты. Важна готовность правящей элиты на осуществление не только технико-экономической, но и политической модернизации, включающей как процесс приспособления традиционных институтов к изменившимся условиям, так и процесс создания новых, связанных с происходящими переменами.

Политическая модернизация, которую С. Хантингтон понимает как демократизацию политических институтов общества и его политического сознания, обусловлена целым рядом факторов социального характера. Индустриализация, социально-экономический прогресс неизбежно способствуют развитию системы образования, заимствованию передовых технических и естественно-научных идей, но вместе с научно-технической информацией общество впитывает и новые политические и философские идеи, способствующие возникновению сомнений в целесообразности и неизбежности существующего политического режима. А поскольку составной частью модернизационного процесса является эволюция социальной структуры общества, то эти идеи падают на вполне подготовленную почву.

Индустриализация и урбанизация влекут за собой формирование и быстрый рост новых социальных групп. С. Хантингтон особо отмечает значение формирования среднего класса, состоящего из предпринимателей, управляющих, инженерно-технических специалистов, офицеров, гражданских служащих, юристов, учителей. Именно интеллигенция первой усваивает новые политические идеи и способствует их распространению в обществе. В результате все большее количество людей и социальных групп начинают осознавать, что политика напрямую касается их частных интересов, что от решений, принимаемых политической властью, зависит их личная судьба. Появляется все более осознанное стремление к участию в политической жизни, поиску механизмов и способов воздействия на принятие государственных решений.

Поскольку традиционные политические институты не обеспечивают возможностей политического участия просыпающейся к активной политической жизни части населения, на них распро-

страняется общественное недовольство. Наступает критическая ситуация. Если правящая элита не решится на назревшие политические реформы, то возникнет и будет увеличиваться разрыв между растущим уровнем политической активности широких социальных слоев и отстающей от него реально достигнутой степенью политической модернизации общества. В такой ситуации революция является наиболее быстрым и радикальным способом насильственной ликвидации подобного разрыва. Разрушая старую политическую систему, она создает новые политические институты, правовые и политические нормы, способные гарантировать участие народных масс в политической жизни общества. Одновременно прежняя правящая элита, не сумевшая справиться со стоявшими перед ней задачами, заменяется новой элитой, более динамичной и открытой веяниям времени.

По мнению С. Хантингтона, итоги революции могут носить двойственный характер. С одной стороны, она есть следствие недостаточно быстрого и комплексного осуществления модернизации, а с другой стороны, в ней выражается протест против самого процесса модернизации и его социальных последствий. Поэтому реальные политические результаты революции могут быть прямо противоположны тем лозунгам, под которыми она начинается. Если же речь идет о задачах социально-экономической модернизации, то революция, как и всякое социально-политическое потрясение, даже способна приостановить и затруднить их реализацию.

Многое из того, что описывает С. Хантингтон в своей теоретической модели, имело место в России в годы, предшествовавшие революции 1905–1907 гг. Отход от курса реформ и поворот к политической реакции после убийства Александра II по времени совпал с периодом интенсивного социально-экономического развития страны, которая по темпам роста промышленного производства в конце прошлого века вышла на первое место в мире. Под стать происходившим экономическим сдвигам были и социальные. За тот же период значительно выросла численность городского населения, шел процесс формирования массового «среднего класса», других социальных групп, вызванных к жизни социально-экономической модернизацией, прежде всего — слоя промышленных рабочих.

В начале нынешнего столетия социальные перемены стали находить свое выражение и в политической сфере. Возросла политическая активность различных групп городского населения. Накануне событий 1905–1907 гг. призывы к установлению политических

свобод, конституции и парламентаризма буквально переполняли общественную атмосферу, были типичным проявлением революционного кризиса, вызванного отставанием процесса политической модернизации от сдвигов, происшедших в экономике и социальной структуре.

Осуществленные под давлением «снизу», по своей сути конституционные, реформы следует оценить двояко. С одной стороны был сделан важный шаг на пути политической модернизации. С другой стороны, возникшие политические институты еще трудно было характеризовать как институты развитой парламентской демократии. Законодательные права Государственной думы были весьма ограничены. Она не обладала правом формирования правительства, даже ее возможности контролировать государственный бюджет оставались минимальными. Совершенно недемократичной была избирательная система. К тому же верховная государственная власть изначально враждебно относилась к Государственной думе, видя в ней временное и вредное для общественного спокойствия учреждение. Как только обстановка позволила, самодержавие стало по частям отбирать дарованные ранее права, изменило избирательную систему в еще более антидемократическом направлении.

Нерешенные социально-экономические и социально-политические проблемы России обострились в годы Первой мировой войны, поэтому революционные события 1917 г. наступили вполне закономерно. Однако в самом начале характер революционного кризиса был детерминирован не только социальными конфликтами «внизу», но и конфликтом элит «наверху». В российской действительности начала XX в. признаки такого конфликта заметны достаточно отчетливо. Правящая элита самодержавной России была аристократической по своему происхождению. Состав правящей элиты тогдашней России, способы ее рекрутирования определили и ее основные качества. В первую очередь — это консерватизм, проявляющийся в недоверчивом и даже враждебном отношении к любым инновациям, даже исходившим от самого императора. Замкнутость элиты неминуемо вела к ее деградации, выразившейся в появлении на важнейших государственных постах откровенно слабых и малокомпетентных людей, в снижении уровня и качества принимаемых управленческих решений и, как следствие этого, ухудшении ситуации в тех сферах, которых решения эти напрямую касались.

Тенденция к деградации правящей элиты особенно усилилась в годы Первой мировой войны. Неподготовленность России к вой-

не, дезорганизация снабжения населения и армии, прогрессирующий кризис транспортной системы были связаны с просчетами правящих кругов, неспособностью бюрократического аппарата империи справиться с назревшими проблемами. Такая ситуация резко обострила конфликт между аристократически-бюрократической элитой, находившейся у власти, и активно формировавшейся в предшествующие годы оппозиционной, довольно широкой по своему составу контрэлитой.

Для интеграции и политико-организационного оформления контрэлиты в результате революционных событий 1905–1907 гг. сложилась благоприятная ситуация. С одной стороны, появление условий для легальной деятельности неагрессивных политических партий и введение, пусть и усеченного, института парламентаризма в виде Государственной думы впервые создавало автономную от государства сферу публичной политики. Но, с другой стороны, принципы формирования структур исполнительной власти остались неизменными. Таким образом, возникла ситуация, позволявшая некоторым либеральным политикам открыто декларировать свои взгляды и предложения по вопросам общественного развития, но лишавшая их возможности оказывать реальное воздействие на решение этих проблем.

Многие трудности, обрушившиеся на Россию с началом военных действий, стали результатом недостаточной компетентности и нерациональных управленческих решений тогдашней правящей элиты. Естественно, контрэлита не могла не воспользоваться этим положением для того, чтобы еще громче заявить о своих претензиях на участие в решении наиболее важных проблем, стоявших перед государством и обществом. Эти претензии были даже институализированы в двух основных формах. Во-первых, в виде созданного при активном участии либералов и правоцентристов Союза земств и городов (Земгор), во-вторых, в виде сложившегося в Государственной думе Прогрессивного блока, включавшего в себя большинство депутатов нижней палаты, прежде всего представителей партий кадетов и октябристов. Заявляя о своей поддержке курса на ведение войны и сохранение верности союзническому долгу, Прогрессивный блок в качестве своеобразной платы за такую поддержку выдвигал требование о создании «ответственного министерства». То есть в разгар военных действий еще раз было открыто обнародовано довоенное притязание контрэлиты на свое участие в исполнительной власти путем формирования правительства, подотчетного Государственной думе.

Своих целей оппозиционеры стремились достигнуть вершущим переворотом. Среди лидеров Прогрессивного блока не раз возникала идея заговора с целью устранения от власти Николая II. Не только многие участники оппозиции, но и те, кто стоял близко к кормилу власти, возлагали свои надежды на брата императора — Михаила Александровича. Он, став регентом при малолетнем наследнике, должен был пойти навстречу чаяниям «общества» и удовлетворить все политические и экономические требования Прогрессивного блока, сохранив при этом верность союзникам и доведя войну до победного конца.

К февралю 1917 г. в стране скопился огромный потенциал для социального взрыва. Вызванный войной кризис совпал с конфликтом старой и новой элит, это наложило свой отпечаток на способ и форму его разрешения. Увидев в случившихся волнениях угрозу стабильности государства, деятели думской оппозиции решили спасти положение комбинацией с отречением Николая II от престола. Однако события приняли такой оборот, что все ранее строившиеся планы были сметены. Николай II неожиданно отрекся от престола не только за самого себя, но и за своего сына. Старая власть рухнула в одночасье, освободив место для тех, кто давно жаждал попробовать свои силы в управлении страной. В самом начале Февральская революция и впрямь выглядела как классическая смена правящих элит. Но на этом, пожалуй, сходство с теоретической концепцией и заканчивается. Эффективность деятельности Временного правительства оказалась не выше, чем у прежней администрации. Университетские профессора и столичные адвокаты оказались не лучше царских бюрократов, остро ими критикуемых. Конечно, неудачи Временного правительства объяснялись и тяжелой обстановкой в стране, но нельзя сбрасывать со счетов отсутствие реального управленческого опыта, а также специальных знаний у вновь испеченных министров и других государственных чиновников.

Русская революция прошла в своем развитии все этапы, характерные для великих революций вообще. Но ее отличие заключалось в том, что роль субъективного фактора — политической идеологии, политического лидерства — была чрезвычайно высока. Победа большевиков в октябре 1917 г. опиралась на вполне осознанную стратегию и хорошую организацию. В. Ленин и Л. Троцкий, как главные вожди большевизма, полагали, что победа «пролетарской» революции в России даст толчок европейской, а затем и мировой революции, которые только и могут гарантировать окончательный

успех затеянного ими социалистического эксперимента. Большевикам удалось захватить власть, но созданная в результате Октябрьского переворота политическая система приняла со временем тоталитарный характер, кардинально отличающийся от изначальных идеалов К. Маркса и В. Ленина.

§ 3. Революции и современность

На протяжении многих десятилетий революционный путь социально-политических изменений рассматривался как средство достижения лучшего общественного устройства сторонниками марксизма и других леворадикальных идеологических концепций. Однако во многих странах завоевание коммунистами власти стало результатом событий и процессов, развивавшихся не по схеме, которая предполагалась в марксистской теории революции. Коммунистические режимы в Восточной Европе возникли после окончания Второй мировой войны на территориях, освобожденных от фашизма Советской Армией. Во многих восточноевропейских странах коммунистические партии были маловлиятельными, и их приход к власти был бы невозможен без советского присутствия. Исключением стали лишь Албания и Югославия. Но и там хотя коммунисты и завоевали власть самостоятельно, однако не в результате классовой борьбы (по К. Марксу), а на волне национально-освободительного движения и победы в антифашистской партизанской войне, которую они возглавили в обеих странах. Партизанская война, опиравшаяся на поддержку не столько городских рабочих, сколько крестьянского сельского населения, привела к власти коммунистов Китая, а затем и коммунистов стран Индокитайского полуострова. Появлению коммунистического режима на Кубе также предшествовала партизанская война в сельской местности, во главе которой стояли Ф. Кастро и его ближайшие соратники, не декларировавшие публично своей приверженности коммунистической идеологии.

Несмотря на явные противоречия между теорией и практикой, в странах социалистического лагеря и в рядах коммунистического движения мифологизировали и абсолютизировали феномен социально-политических революций, считая их высшей формой общественного прогресса и, говоря словами К. Маркса, «локомо-

тивами истории», «праздником угнетенных». Между тем рассматривать политические революции как сугубо позитивное явление неправомерно. Даже если революционный социально-политический переворот и дает положительный эффект в какой-либо сфере общественной жизни, нет гарантии, что полученный результат соразмерен с «ценой», которую отдельные люди и общество в целом платят за революцию.

Историческая практика показала, что нет оснований отождествлять всякую революцию с торжеством идей и принципов, присущих левым политическим идеологиям. Марксисты традиционно противопоставляли «революции» и «контрреволюции», положительно оценивая первые и негативные — вторые. Для политолога и конфликтолога такое противопоставление некорректно, поскольку основано исключительно на ценностном аспекте и не учитывает идентичность механизмов и способов осуществления как «революционных», так и «контрреволюционных» переворотов. Городское вооруженное восстание может быть направлено против царского самодержавия, как это было в Москве во время революции 1905 г., но может носить антикоммунистический характер, как это было в Будапеште в октябре 1956 г., поэтому в советской историографии события в Будапеште оценивались как «контрреволюция». Партизанскую войну в XX в. вели не только китайские и вьетнамские коммунисты, никарагуанские сандинисты и другие «антиимпериалистические прогрессивные силы», но и афганские моджахеды, боровшиеся против прокоммунистического правительства в Кабуле и поэтому оценивавшиеся советской пропагандой как «контрреволюционные».

Конец прошлого века был насыщен такими событиями в мировой политике, которые поколебали устоявшиеся представления о «прогрессе», «регрессе», «революциях» и «контрреволюциях». Таким событием стала «исламская революция в Иране». По масштабам потрясений и социально-политическим последствиям исламская революция вполне сопоставима с «великими революциями» XIX — начала XX в., а по характеру базисных ценностей, ставших основой нового режима, она резко от них отличалась. Так же как и во многих странах, переживших период ускоренной догоняющей модернизации, в Иране к концу 70-х гг. XX в. возникли многочисленные конфликты, охватившие город и деревню, политику и экономику, социальную, культурную и духовную сферы. Шах Ирана Мохаммед Рода Пехлеви проводил модернизацию в услови-

ях режима авторитарной личной власти, подавляя и преследуя оппозицию и инакомыслящих как «справа», так и «слева». Целью провозглашенной властями «Белой революции шаха и народа» было создание процветающего государства с сильной армией, развитой экономикой, высоким жизненным уровнем, подобного передовым государствам Запада, поэтому модернизация Ирана осуществлялась в форме вестернизации, то есть заимствования элементов западных духовных ценностей и образа жизни.

Несмотря на несомненные успехи в экономическом и технологическом развитии, достигнутые не в последнюю очередь за счет доходов от экспорта нефти, конфликтный потенциал иранского общества к концу 70-х гг. XX в. усилился. Недовольными по разным причинам оказались едва ли не все слои населения. Городской средний класс и особенно европейски образованная интеллигенция испытывали дефицит политических свобод и мечтали о либеральных реформах. Традиционные ремесленники и торговцы были недовольны экспансией иностранного промышленного и торгового капитала. Причины для недовольства были и у промышленных рабочих, и у основной части крестьянства, испытавшего на себе все противоречивые последствия модернизационных процессов. Между вестернизированной элитой и большей частью населения, жившего под властью традиционных религиозных норм и социальных институтов, увеличивался ценностный разрыв. Растущая социальная напряженность в иранском обществе дополнилась политическим конфликтом между шахским режимом и оппозиционным этому режиму шиитским духовенством во главе с находившимся в изгнании аятоллой Хомейни.

Такая конфигурация внутривнутриполитического конфликта в Иране была предопределена следующими факторами. Еще в 50–60-х гг. XX в. в результате репрессий левые силы, и прежде всего иранские коммунисты из партии «Туде», были разгромлены. Гонениям подвергалась также либеральная оппозиция и представители духовенства, недовольные реформами шаха. Вызывавший особое недовольство аятолла Хомейни был посажен в тюрьму, а затем выслан в Ирак, откуда впоследствии он перебрался во Францию. Однако шахские власти не могли использовать против противостоящих им религиозных авторитетов весь арсенал средств, применявшийся ими против светской оппозиции. В условиях отсутствия пространства для публичной политической деятельности именно мечети стали центром, притягивающим всех недовольных шахом и его

порядками. Таким образом, политический конфликт между населением и властью стал приобретать религиозную окраску.

Осенью 1978 г. этот конфликт вылился в массовое выступление против ненавистного народу шаха. События иранской революции еще раз показали, что для вызревания революционной ситуации необходимо не столько «обострение выше обычного нужды и бедствий народных масс», сколько психологическое восприятие ими своего положения как нетерпимого положения «относительной депривации», говоря словами Д. Дэвиса. В. Ленин также был прав, когда говорил, что революции не происходят без охватывающих «верхи» и «низы» социально-политических кризисов. Такой кризис, завершившийся в итоге свержением шахского режима, имел место в Иране зимой и весной 1979 г. Хотя в вооруженном восстании, положившем конец монархии, активную роль сыграли леворадикальные группировки «федайнов» и «моджахедов», но ни надежды «левых», ни надежды прозападных либералов на торжество их идеалов не сбылись. Подавляющее большинство народа поддержало пришедшее к власти шиитское духовенство и горячо приветствовало вернувшегося в Тегеран аятоллу Хомейни.

Итогом иранской революции стало формирование неизвестной ранее модели теократического режима. «Исламская демократия», конечно, отличается от предшествовавшего ей авторитарного режима шаха, так же как и послереволюционный Иран отличается от дореволюционного. Но оценивать эти отличия привычными для европейского сознания понятиями «прогресс» и «регресс» сложно, если вообще возможно.

В совершенно противоположном направлении — от социализма к капитализму, а не наоборот, как это было принято ранее, повернули развитие восточноевропейских стран революционные события осени 1989 г. Некоторые из этих революций, например в Чехословакии, были названы «бархатными», поскольку массовые акции протеста обошлись без насилия и жертв с обеих сторон. Но были и другие примеры: в Румынии повторился «классический» революционный сценарий вплоть до скоропалительного суда и расстрела бывшего партийного и государственного лидера Николае Чаушеску и его супруги.

Механизм социально-политических изменений в странах бывшего социалистического лагеря хорошо объясняется именно марксистской теорией. Созданная на основе идей того же К. Маркса, экономическая система на практике оказалась неэффективной

и проиграла в соревновании с рыночной экономикой. Иначе говоря, производственные отношения оказались «тормозом» для дальнейшего развития производительных сил. Результатом стал кризис социально-экономических и социально-политических структур в восточноевропейских странах «реального социализма». Внешним импульсом, способствовавшим быстрому и радикальному разрешению этого кризиса, стала советская «перестройка». Идеологи «перестройки» в СССР на раннем этапе любили сравнивать ее с революцией, «продолжением дела Великого Октября». Процесс преобразований, инициированный М. Горбачевым в апреле 1985 г., завершился революционными по своему характеру изменениями, но не продолжив «дело Великого Октября», а положив ему конец.

События рубежа 80–90-х гг. XX в. в Советском Союзе подтвердили многие выводы, сделанные исследователями революционных процессов прошлого, в том числе был подтвержден «закон Токвиля», так как крушение советской системы произошло не тогда, когда она выступала в своей наиболее жесткой и деспотичной форме в годы сталинизма, а тогда, когда ее попытались перестроить, придав ей «человеческое лицо». Охватившее население СССР в начале 90-х гг. XX в. массовое недовольство было связано с тем, что «перестроечные» обещания советских лидеров и ожидания улучшения жизни народа натолкнулись как раз на резкое ухудшение реальной жизни из-за дезорганизации потребительского рынка, лавинообразного разрастания дефицита, появлением талонов, карточек, списков очередей и других атрибутов кризиса системы социалистического распределения. В какой-то мере крушение СССР стало следствием «революции пробудившихся надежд», очень быстро переросшей в «революцию крушения прогресса».

Не последнюю роль в развале коммунистической системы и Советского Союза сыграло и противоборство элит и лидеров. В последние месяцы существования СССР явственно обозначился конфликт между союзным центром во главе с М. Горбачевым и новой «демократической» контрэлитой, лидером которой был президент России Б. Ельцин. Существование двух центров власти, претендовавших на схожие полномочия, неизбежно породило острое соперничество. Итогом этого соперничества стал крах не только политической и экономической системы, но и самого многонационального советского государства.

Посткоммунистическое развитие стран Восточной Европы и бывших союзных республик, включая Российскую Федерацию,

породило новые проблемы и конфликты, вызвало массовое разочарование и крушение прежних надежд у немалой части населения. Все это стало основой таких тенденций общественного развития, которые в революционных событиях прошлого обозначались как «закон термидора», то есть возврат к прежним ценностям, институтам и привычным механизмам повседневного существования. Эти тенденции проявились в победах на парламентских и президентских выборах в странах Восточной Европы бывших коммунистических партий и их лидеров, хотя и отказавшихся от прежних идейно-политических принципов, но все равно, в той или иной мере ассоциирующихся с социалистическим прошлым. Эти же тенденции можно отметить и в России, начиная с электоральных успехов коммунистов в 90-х гг. XX в. и заканчивая некоторыми особенностями внутренней и внешней политики российского руководства в последние годы. «Закон термидора» не означает неизбежной реставрации прежних порядков, он выражает лишь возвратную тенденцию, результатом которой может быть корректировка политического курса, восстановление поспешно разрушенных социальных институтов, обращение к традиционным духовным ценностям, как правило, теряющим свою привлекательность в периоды радикальных потрясений.

Противоречия и конфликты социально-политического и социально-экономического развития некоторых посткоммунистических государств породили в начале XXI в. такой новый феномен, как «цветные революции». Первая из таких революций, по инерции названная «бархатной», произошла в Сербии, затем подобные сценарии повторились в Грузии, в Украине и, в какой-то степени, в Киргизии. В отличие от «бархатных» «цветные революции» были не столько результатом стихийных массовых выступлений, сколько следствием специально подготовленных и разыгранных сценариев, разработанных и осуществленных с участием западных неправительственных организаций, за спиной которых нередко стояли и официальные государственные структуры. По замыслу их организаторов, целью «цветных революций» было устранение неудобных и часто к моменту своего свержения потерявших популярность лидеров и формирование политических режимов, соответствующих геополитическим интересам стран Запада.

Политические технологии осуществления «цветных революций» были примерно следующие: результаты только что состоявшихся выборов объявлялись сфальсифицированными и нелегитимными,

после чего на улицы и площади организованно выводились противники существовавших режимов, устраивались массовые акции протеста, в некоторых случаях (в Сербии, Грузии, Киргизии) захватывались правительственные учреждения. В этих событиях активную роль играли студенческие организации, имевшие тесные связи и пользовавшиеся поддержкой западных неправительственных организаций. В Сербии такая организация называлась «Отпор», в Грузии — «Кхмара», на Украине — «Пора». Внутренние беспорядки дополнялись внешнеполитическим давлением и прямым вмешательством со стороны США, государств-членов Европейского Союза и некоторых международных организаций. Результатом всех этих усилий становился пересмотр итогов голосования, новые выборы, которые приносили победу лидерам «цветных революций» и открывали им дорогу к власти.

Осуществление сценариев «цветных революций» было возможно не только благодаря иностранному вмешательству, но и благодаря использованию технологий манипулирования политическим сознанием и поведением больших масс людей. Источниками движения революционных событий были и конфликт элит и лидеров, и кризис «верхов» и «низов», а также иные социально-политические и политико-психологические механизмы, традиционно присущие революционным процессам. Осуществились далеко не все надежды, возлагавшиеся на «цветные революции» их лидерами и организаторами. Об этом свидетельствуют события «оранжевой революции» на Украине и «революции тюльпанов» в Киргизии. «Цветные революции» еще раз показали, что цена революционных изменений может быть весьма высокой, не сбываются обещания и посулы их лидеров, а результатом не всегда становится процветание страны. «Революция роз» не решила сложных экономических проблем Грузии, половина населения которой по-прежнему живет и работает за границей. Лидер «революции роз» М. Саакашвили, ставший президентом Грузии, во внутренней политике неоднократно использовал силовые способы подавления оппозиции. Во внешней политике Грузии наметился курс на обострение отношений с Россией, кульминацией которого стал вооруженный конфликт в Южной Осетии летом 2008 г.

Так же как и «революция роз» в Грузии, не принесла с собой политической стабильности и экономического процветания «оранжевая революция» в Украине. Вытеснение русского языка и культуры, попытки реабилитации пособников фашистских оккупантов

свидетельствуют о том, что в результате «оранжевой революции» восторжествовали не идеалы свободы и демократии, а идеи украинского национализма. Если до «оранжевой революции» Украина лидировала на постсоветском пространстве по темпам экономического роста, то после прихода к власти «оранжевой» коалиции эти темпы резко упали.

Сложной и взрывоопасной продолжает оставаться социально-экономическая ситуация в Киргизии, хотя власти этой страны и не проводили такой же прозападной, антироссийской политики, как власти Грузии и Украины.

Опыт, накопленный за последнее столетие, свидетельствует о том, что если социально-политические революции и становятся неизбежными, они не гарантируют движения в сторону общественного прогресса. При реализации назревших перемен в экономике, политике и иных сферах общества необходимо помнить о последствиях и «цене» радикальных насильственных действий, какими и являются политические революции.

Контрольные вопросы и задания

1. Как появился термин «революция»?
2. Какой путь разрешения социальных конфликтов — революционный или реформистский — предпочтительнее и почему?
3. В чем достоинства и недостатки марксистской теории революции?
4. Чем различаются подходы к изучению революций в идеологических концепциях XIX в. и в «социологии революции» XX столетия?
5. Можно ли говорить о «законе Токвиля» как об универсальном законе революции и почему?
6. Что такое «закон термидора»? Приведите примеры его проявления в политической истории России и зарубежных стран?
7. Охарактеризуйте феномен «цветных революций». Чем такие революции отличаются от революций прошлого?

ГЛАВА XVII

Теория и практика перехода от авторитаризма и тоталитаризма к демократии

---

§ 1. Транзитологические концепции в современной политической науке

Транзитология — раздел политической науки, изучающий политические процессы в странах, совершающих переход от тоталитарных и авторитарных политических систем к демократической. Транзитология тесно связана с теорией политической модернизации (см. главу XV). Они близки в теоретико-методологическом плане (общностью категориального аппарата, и методологических подходов) и на уровне персоналий (многие видные политологи известны работами и в той и в другой области политологического знания). Но если теория политической модернизации ориентируется на проблематику развивающихся стран третьего мира, то в центре внимания транзитологии находятся политические процессы в таких государствах, где основные структуры современного общества уже сложились, причем в ряде случаев речь идет о повторной демократизации. Впервые проблемы демократизации стран, уже имевших опыт существования демократических режимов, встали в послевоенные годы в связи с необходимостью преодоления наследия тоталитарных фашистских режимов в Германии, Италии, устранения

последствий авторитаризма и милитаризма в Японии. Эти страны уже были индустриально развитыми, причем в Германии и Италии до прихода фашистов к власти несколько десятилетий существовали политические режимы демократического типа. Позднее похожие проблемы возникли в странах Южной Европы — Испании, Португалии и Греции, где также после периода авторитарного правления началось возвращение к демократическим принципам. Одновременно подобные изменения переживали страны Латинской Америки, там тоже военные диктатуры стали уступать место демократически избранным правительствам. И здесь также речь шла о возвращении к демократии, а не о становлении ее заново, как в большинстве афро-азиатских стран.

Основными формами перехода от авторитаризма к демократии, в соответствии с устоявшимися в политической науке представлениями, могут быть: эволюция, революция, военное завоевание. *Эволюция* предполагает постепенное осуществление демократических реформ без резкой смены правящей элиты. *Революция* — быстрая и радикальная смена политического режима. Для *военного завоевания* характерно «насаждение» демократии извне, после военного поражения тоталитарного или авторитарного режима в условиях военной оккупации. Так было после окончания Второй мировой войны в Японии и Германии, где основы политической демократии были заложены в условиях послевоенной оккупации.

С точки зрения прочности и необратимости результатов С. Хантингтон выделил три модели перехода к демократии.

Первая — *линейная* или *классическая модель*, примером которой может быть развитие Великобритании, а также стран Северной Европы. Для этой модели характерно последовательное решение задач демократизации, обеспечивающее ее необратимость. Классическая модель перехода к демократии представляет собой процесс постепенной трансформации традиционной политической власти, расширение прав и свобод граждан, возрастание степени их политического участия.

Своеобразным индикатором, показывающим степень продвижения той или иной страны по пути демократизации, служит роль и место законодательной власти (парламента) в структуре политических институтов общества. При завершении этого процесса, то есть тогда, когда создана стабильная демократическая система, институты парламентской демократии становятся ее важнейшей и неотъемлемой частью. Неважно, какая именно форма государства

и соответствующая ей модель разделения властей имеет место, главное, чтобы парламент обеспечивал представительство интересов всех социальных групп, имеющих в обществе, оказывал реальное воздействие на принятие политических решений.

Там, где становление парламентской демократии происходило без революционных потрясений, оно отличалось, как правило, плавностью и постепенностью. Примером могут служить наиболее стабильные демократические государства современности — страны Северной Европы. В каждой из них на утверждение принципов парламентаризма и формирование демократических избирательных систем ушло около 100 лет. Так, в Норвегии парламент (стортинг) был создан в 1814 г., принципы парламентаризма в политической системе утвердились в 1884 г., избирательное право для мужчин было введено в 1898 г., а для женщин — в 1913 г. В Швеции риксдаг в своем нынешнем виде появился в 1809 г., дважды — в 1866 и в 1974 гг. — существенно реорганизовывался, избирательное право стало всеобщим для мужчин в 1909 г., для женщин — в 1921 г. Несколько иначе складывалась ситуация в Дании, где парламент впервые появился в 1834 г. Там очень быстро утвердилось всеобщее избирательное право для мужской части населения — в 1849 г., а вот женщины получили его только в 1915 г. Похожие тенденции обнаруживает политическое развитие Исландии.

Для всех вышеперечисленных стран постепенность и последовательность демократических изменений обеспечила в дальнейшем их политическую стабильность.

Вторая — *циклическая модель*. Выделение этой модели первоначально было основано на обобщении опыта стран Латинской Америки. Во многих из этих государств были сделаны первые попытки перехода к демократии еще в XIX в., сразу же после освобождения от испанского колониального господства. Однако в большинстве латиноамериканских стран стабильных демократических режимов так и не сложилось. Часто демократическое правление прерывалось военными переворотами и установлением военных диктатур, но нередко были и случаи авторитарного перерождения гражданских режимов. Периоды авторитаризма сменялись периодами демократизации, и наоборот. Такое циклическое развитие было следствием того, что переход к демократии в странах Латинской Америки не подкреплялся адекватными социально-экономическими и социокультурными факторами. Начиная с 60-х гг. XX в. печальный латиноамериканский опыт повторяли многие вновь возникающие

государства Азии и Африки, в которых периоды демократического и авторитарного правления постоянно сменяли друг друга.

Третья — *диалектическая модель*, имевшая место в Германии и Италии, а также в Испании, Португалии и Греции. Всем этим странам удалось в свое время довольно далеко продвинуться по пути политической модернизации. Однако демократические изменения не стали необратимыми. Победившие в этих странах тоталитарные и авторитарные политические режимы перечеркнули развитие демократических институтов. Происшедшее впоследствии возвращение к демократии можно рассматривать как «отрицание отрицания», поэтому подобный путь демократического развития и получил название «диалектического».

Обобщение опыта перехода к демократии многих стран мира позволяет сделать вывод о существовании трех основных этапов такого перехода: кризис авторитарного режима и его либерализация; установление демократии; консолидация демократии. Кризис авторитарного или тоталитарного режима может наступить вследствие резкого снижения уровня его легитимности. Причинами такой делегитимации, как показывает историческая практика, являются потеря по какой-либо причине харизматического лидера, массовое разочарование населения в господствующей идеологии, что часто связано с неэффективностью авторитарной или тоталитарной власти. В ситуации кризиса режима разворачивается борьба между представителями «жесткой» и «мягкой» линий. Первые стремятся сохранить существующий режим, в том числе и с помощью репрессий, вторые считают необходимым снимать напряжение путем уступок и частичных реформ. Победа сторонников «мягкой» линии открывает дорогу либерализации режима. В данном случае под либерализацией понимается предоставление гражданам некоторых прав и свобод, введение элементов так называемой «ограниченной демократии». Желая сохранить свою власть, правящая элита старается придать политическому режиму внешнюю респектабельность. В результате либерализации возникают условия для усиления активности и повышения роли гражданского общества (если оно уже сформировалось). Либерализация означает также дальнейшую эрозию и разложение авторитарного (тоталитарного) режима и постепенный переход к следующему этапу — установлению демократии.

Основными составляющими процесса установления демократии являются формирование конкурентной партийной системы, с одной стороны, и демократическая институционализация механизмов

государственной власти, с другой стороны. На этапе установления демократии закладываются конституционные основы новой политической системы. Однако для того, чтобы произошедшие перемены стали необратимыми, необходим следующий, третий этап — этап консолидации демократии. На этом этапе осуществляется окончательная легитимация демократических институтов, происходит адаптация общества к новым механизмам политической власти.

На основе обобщения опыта перехода к демократии в различных странах и регионах политологи сделали следующие выводы о закономерностях такого перехода: существует органическая и неразрывная связь между рыночной экономикой и политической демократией; для перехода к демократии необходим определенный уровень технологического, социокультурного и социально-экономического развития; социальной базой демократизации является занимающий ведущее положение в обществе средний класс; становление демократии невозможно без формирования гражданского общества.

С середины 70-х гг. XX в. стал набирать силу глобальный процесс крушения антидемократических режимов, охвативший практически все континенты и регионы земного шара. Этот процесс С. Хантингтон назвал «третьей волной демократизации». «Первая волна демократизации», по его мнению, охватывала период более чем в сто лет с 1820 по 1926 г. и коснулась многих стран европейского и американского континентов. С 1926 г. — года окончательного утверждения фашистской диктатуры Муссолини в Италии, начинается возвратная, или «реверсивная», волна, характеризующаяся сокращением числа демократий и увеличением числа тоталитарных и авторитарных политических режимов. С 1942 г., то есть с переломного момента Второй мировой войны, начинается «вторая волна демократизации», продолжавшаяся, по мнению Хантингтона, до 1962 г. Затем вновь следует откат, озаглавленный длинной цепью военных переворотов в латиноамериканских, азиатских, африканских и даже европейских (Греция, 1967 г.) странах. «Третья волна демократизации» начинается с демократических перемен сначала в странах Южной Европы (Испания, Португалия, Греция), а затем в странах Латинской Америки и Восточной Азии.

Кульминацией «третьей волны демократизации» стало крушение на рубеже 80–90-х гг. XX в. казавшихся незыблемыми коммунистических режимов в Советском Союзе и странах Центральной и Восточной Европы. С этого момента процессы посткоммунистического развития становятся основным объектом изучения офор-

мившейся в относительно самостоятельную научную дисциплину транзитологии.

Первоначально проблемы становления демократических режимов в бывших социалистических странах исследовались на основе традиционных для теории политической модернизации и транзитологических концепций подходов. Перспективы утверждения в посткоммунистических странах новых экономических и политических институтов оценивались исходя из опыта посттоталитарного и поставторитарного развития Германии, Италии, стран Южной Европы, Латинской Америки.

Со временем мнения западных политологов, изучающих посткоммунистические переходные процессы, разделились. Одни, в их числе, например, такие известные ученые, как А. Лейпхарт и Ф. Шмиттер, считают, что процессы, происходящие сегодня в странах Восточной Европы и на постсоветском пространстве, при всей их специфике являются все же аналогом процессов и событий, имевших место в других регионах, затронутых «третьей волной демократизации».

Существует и иная точка зрения. Американский политолог С. Терри считает, что проблемы, стоящие перед посткоммунистическими странами, имеют как минимум пять отличий от проблем в странах, ранее осуществивших переход от тоталитаризма и авторитаризма к демократии. Первое отличие связано с тем, что в посткоммунистических странах пытаются одновременно создать рыночную экономику и плюралистическую демократию. До сих пор ни одна авторитарная или тоталитарная система не знала такой степени огосударствления экономики, как в коммунистических государствах. Стремление одновременно сформировать рыночное хозяйство и стабильную демократическую систему порождает внутреннюю противоречивость посткоммунистического перехода. Хотя в длительной исторической перспективе демократия и рынок взаимодополняются и укрепляют друг друга, на нынешнем этапе реформирования бывших социалистических государств они вступают между собой в конфликт. Он происходит по следующей схеме: радикальные экономические реформы приводят к серьезному снижению жизненного уровня населения, тяготы начального этапа перехода к рынку порождают политическую нестабильность, которая затрудняет создание правовых и институциональных основ дальнейших экономических реформ, мешает привлечению иностранных инвестиций, способствует продолжению экономического

спада, а экономический спад, в свою очередь, усиливает политическую напряженность в обществе.

Второе отличие также касается социально-экономической сферы. В странах, находившихся на более низком уровне экономического и индустриального развития, при переходе к демократии стояла задача создания новых отраслей народного хозяйства. А посткоммунистические государства столкнулись с необходимостью полного демонтажа значительной части уже существовавших секторов промышленности при одновременной радикальной перестройке и модификации многих производств.

Третье отличие связано с высокой этнической неоднородностью посткоммунистических стран. Это приводит к распространению националистических настроений. Национализм в любых его формах, как правило, плохо совместим с демократией, поскольку подчеркивает превосходство одних наций над другими, тем самым раскалывая социум по этнонациональному признаку и препятствуя возникновению подлинного гражданского общества.

Четвертое различие между посткоммунистическими и поставторитарными переходными процессами в концепции С. Терри связано с проблематикой гражданского общества. Гражданское общество предполагает не только существование автономных от государства политических и общественных организаций, но и их способность взаимодействовать в определенных границах. Без наличия таких институционально оформленных границ, без готовности общественных групп и лидеров следовать общепринятым правилам игры возможен паралич политической системы. В посткоммунистических странах существуют серьезные препятствия на пути формирования реального гражданского общества. С одной стороны, в большинстве этих стран до установления коммунистических режимов существовали лишь элементы гражданского общества, весьма далекие от его зрелых форм. С другой стороны, реальная политическая практика оппозиционных групп и политический опыт последних лет коммунистической власти не способствовали формированию представлений о политике как «искусстве возможного». Политическая жизнь здесь фрагментарна и излишне персонализирована, конфронтация по-прежнему преобладает над компромиссом, а электорат пребывает в состоянии отчуждения и замешательства.

Пятое отличие посткоммунистического развития С. Терри видит в международных условиях. Они менее благоприятны, чем были для Германии и Италии в послевоенные годы или для южнoев-

ропейских стран в 70-х гг. XX в. Многие посткоммунистические страны не получали должной помощи и поддержки.

С точки зрения другой американской исследовательницы, В. Барнс, в Восточной Европе, в отличие, например, от Латинской Америки, речь не шла о возвращении к демократии. На Востоке правовое государство и другие демократические институты не восстанавливаются, как это было в других странах, а создаются практически заново. Аналогичная ситуация и в сфере экономики, где рождается новая система, а не модифицируется уже существовавшая.

Первоначальные представления о сроках и этапах переходного процесса в посткоммунистических странах базировались на опыте предшествующих поставторитарных переходов, для таких относительно развитых в промышленном отношении стран, какими были государства Восточной Европы и СССР, предсказывалась возможность достаточно быстрого перехода к рыночной экономике, к стабильной демократии. С позиций прежних транзитологических концепций, этот переход должен был состоять из двух основных этапов — «перехода к демократии» и «консолидации демократии». На основе накопленного практического опыта экономических и политических реформ в бывших социалистических странах прежние выводы в последнее время уточняются. Американский политолог Л. Шин называет четыре этапа трансформации посткоммунистического общества.

1. Разрушение тоталитарной системы.
2. Переход к демократической системе.
3. Утверждение демократической системы.
4. Окончательное совершенствование демократических институтов.

3. Бжезинский, предлагая свою периодизацию посткоммунистического перехода, учитывает его политические и экономические аспекты. Он выделяет три фазы процесса демократизации и создания рыночной экономики. Первая фаза начинается сразу же после падения коммунистического режима. Ее задачами являются трансформация высших структур политической власти и первичная стабилизация экономики. Эта фаза может длиться от одного года до пяти лет. Вторая фаза институционально обеспечивает функционирование демократической системы. Задачи этой фазы включают в себя принятие новой конституции, утверждение новой избирательной системы, внедрение в общественную практику демократических процедур. Политическим изменениям сопутству-

ют серьезные сдвиги в экономической сфере. На этом этапе формируется банковский сектор, осуществляются демонополизация и малая и средняя приватизация, основанная на законодательном обеспечении прав собственника. Устойчивое функционирование демократических институтов на основе утверждения в обществе соответствующей политической культуры и стабильный рост экономики означает начало третьей фазы. Длительность второй фазы — от трех до десяти лет, а третьей — от пяти до пятнадцати и более лет. Таким образом, сроки посткоммунистического перехода оказываются весьма длительными, не менее десяти лет в самых благополучных государствах Центральной Европы, а в наименее подготовленных для такого перехода странах — больше двух десятилетий.

Проблемы соотношения экономики и политики в процессе трансформации постсоциалистического общества привлекают внимание многих западных транзитологов. Дискуссии ведутся вокруг отмеченной выше противоречивости «двойного перехода» и к рыночной экономике, и демократии. Ряд исследователей отмечает, что основная масса людей, отвергая коммунистические режимы, руководствовалась мотивами социально-экономического, а не идейного или политического характера. Поэтому падение жизненного уровня, нестабильность материального положения широких слоев населения вызвало в посткоммунистических обществах разочарование в демократии как политической системе. Это разочарование опасно, во-первых, резким усилением антисистемной оппозиции правого и левого толка, во-вторых, ограничением демократических свобод со стороны правящего режима из-за возможности массовых народных выступлений, в-третьих, приходом к власти нового авторитарного режима. Чтобы избежать этого, предлагается использовать метод шоковой терапии для ускорения периода экономических неурядиц либо, наоборот, отложить экономические реформы до того момента, когда производство достигнет низшей точки падения. Другой подход вообще рекомендует избегать одновременного проведения политических и экономических реформ. Сделать это можно, выбрав один из следующих сценариев: первый — экономические реформы предшествуют демократизации; второй — сначала предпринимаются комплексные политические реформы и только после их институционального закрепления начинаются рыночные преобразования.

Приверженцы первого сценария исходят из того, что экономические реформы требуют последовательных, решительных и непо-

пулярных действий сильной авторитарной власти. Подобный тезис отражает представления консервативного направления теории политической модернизации 70-х гг. XX в. Но сегодня он подвергается серьезной научной критике. Основные возражения против стратегии либерализации экономики авторитарными методами сводятся к следующему: во-первых, многие авторитарные правительства на практике не способны осуществить либерализацию экономики; во-вторых, способные к проведению либерализации правительства утрачивают, по крайней мере, в краткосрочной перспективе импульсы к демократизации.

Сравнительные исследования опыта различных стран Европы, Латинской Америки и Азии не дают однозначного ответа на вопрос о том, эффективен ли авторитарный путь экономической модернизации. Нельзя исключать возможности успешного последовательного проведения рыночных преобразований при авторитарном режиме, а затем либерализации и демократизации этого режима. Некоторые авторитетные ученые полагают, что в долгосрочной перспективе коммунистический Китай, демонстрирующий успехи в создании рыночной экономики, имеет не меньшие, а большие шансы создать демократическую политическую систему, чем государства, отвергнувшие коммунистический режим, но не сумевшие пока, добиться серьезных экономических успехов. На этом фоне деятельность М. Горбачева, инициировавшего либерализацию коммунистического режима в условиях начавшегося спада в экономической сфере и в отсутствии сколько-нибудь продуманного плана рыночных реформ, выглядит недостаточно обоснованной.

Многие видные западные политологи и экономисты полагают, что политические преобразования должны быть важнейшим условием для перехода от плановой экономики к рыночной. По их мнению, Б. Ельцин и его сторонники сделали ошибку осенью 1991 г., упустив время для серьезных политических изменений. Вместо того чтобы создать собственную политическую партию, скорректировать действовавшую советскую конституцию и провести новые парламентские выборы, российское руководство без необходимой политической и идеологической подготовки приступило к радикальным экономической реформе. Отдав приоритет экономическим изменениям перед задачами политического характера, Б. Ельцин, по мнению известных специалистов в области транзитологии Х. Линца и А. Штепана, совершил крупный просчет. В результате своими действиями он ослабил и государство, и демократию, и экономику.

Многие последующие кризисы посткоммунистического развития современной России происходили из того, что долгосрочные цели были принесены в жертву краткосрочным расчетам молодых экономистов, не имевших достаточного политического опыта и знаний.

Транзитология, в отличие от прежних концепций политической модернизации, не рассматривает демократизацию как процесс с однолинейной направленностью, а предусматривает самые различные, в том числе и пессимистические, сценарии ее осуществления. Сегодня пессимизм в оценках демократического будущего большей части посткоммунистических государств начинает преобладать. Меньше всего опасность отказа от демократической ориентации развития связывают с перспективой восстановления коммунистических режимов. Более вероятно установление националистической диктатуры или утверждение на длительное время политических режимов, содержащих в себе элементы авторитаризма. Как утверждает Ф. Шмиттер, перед странами, находящимися на этапе поставторитарного перехода, кроме альтернативы автократии или демократии существует и еще одна: либо возникновение гибридных режимов, сочетающих в себе элементы автократии и демократии, либо существование «стойких, но не утвердившихся демократий».

Для обозначения политических режимов первой группы в транзитологии используются специальные термины — «диктабланда» («опекаемая демократия») и «демокрадура» («ограниченная демократия»). По мнению того же Ф. Шмиттера, в посткоммунистических странах наиболее реальной перспективой является все же не существование гибридных режимов, а установление «не утвердившейся демократии». Не менее реальна и перспектива консервации нынешнего переходного состояния. Она также не выглядит привлекательно, так как постсоциалистическое общество совмещает в себе негативные черты, доставшиеся в наследство от тоталитарного прошлого, с не менее отрицательными чертами первоначального периода становления рыночной капиталистической экономики.

После крушения коммунизма бывшие социалистические страны развивались по-разному, и сегодня их уже нельзя рассматривать как некую недифференцированную группу. По мнению политолога Ч. Гати, лишь в небольшой группе бывших коммунистических государств Центральной Европы и постсоветских республиках Балтии есть возможность успешного завершения демократических преобразований и экономических реформ. Ч. Гати считает, что гибридные режимы могут существовать в посткоммунистических

условиях. Все не вошедшие в вышеназванную группу восточно-европейские государства, а также Россию, Украину, Белоруссию и Молдавию американский политолог причисляет к группе стран с полуавторитарными режимами. В этих странах осуществляются умеренные рыночные реформы, власти здесь допускают существование свободной прессы, проводятся внешне свободные, но на деле манипулированные выборы, для некоторых государств данной группы подходит утвердившееся в транзитологии понятие «делегированная демократия» или, иначе говоря, демократическая система, в которой реальная власть сосредоточена в единственном центре, например у президента.

К третьей группе относятся восемь бывших советских республик Закавказья и Центральной Азии. Эти страны Ч. Гати называет «проигравшими», считая, что в них на смену тоталитаризму пришли авторитарные режимы, а шансов на формирование демократической системы и на создание современной рыночной экономики в обозримой перспективе нет.

Следует отметить, что такие классификации могут быть субъективны. Например, к группе наиболее преуспевших в демократизации стран причисляются государства Балтии, которые даже после вступления в ЕС и НАТО не решили проблему прав некоренного населения. Весьма субъективно оценивают западные политологи политические процессы, идущие в постсоветских государствах, в частности результаты так называемых «цветных революций» в Грузии и Украине. Хотя никакого реального прогресса в области прав и свобод человека, эффективности функционирования государственных институтов, соблюдения демократических норм политической жизни в этих странах в последние годы не наблюдалось, западные эксперты стали называть их образцами демократии. Политическое развитие Грузии при М. Саакашвили явно демонстрирует авторитарные тенденции внутри страны и агрессивный курс в решении межнациональных проблем. Иллюстрацией этому являются события в Южной Осетии в августе 2008 г. Украина же после «оранжевой революции» остается расколотой по социокультурному признаку, что постоянно воспроизводит здесь политический кризис. Пришедшие к власти в Украине в результате «оранжевой революции» силы пытаются вопреки воли значительной части населения вытеснить русский язык и русскую культуру, насаждают антироссийские оценки исторического прошлого, реабилитируют националистов-бандеровцев, запятнавших себя многочисленными

преступлениями в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы.

Подобный курс не приближает эти страны к ценностям либерализма и демократии, но находит понимание и поддержку на Западе, поскольку и Грузия и Украина после «цветных революций» внесли коррективы в свою внешнюю политику, усилили в ней прозападные и одновременно антироссийские тенденции. Можно сделать вывод, что в оценке уровня демократизации Грузии и Украины в западной политической науке преобладает геополитический фактор. Геополитический аспект влияет и на оценки западными специалистами результатов посткоммунистического транзита в России. Негативные оценки политической и экономической ситуации в Российской Федерации усиливались по мере укрепления ее позиций на международной арене и повышения независимости и самостоятельности внешнеполитического курса.

§ 2. Современная Россия в контексте переходных политических и экономических процессов

Субъективизм оценок — одно из наиболее слабых мест большинства транзитологических концепций. Особенно это стало заметно на рубеже веков, когда пришло время подводить итоги посткоммунистического развития стран Центральной и Восточной Европы, а также бывших республик СССР. В отношении России такая субъективность характерна как для западных, так и для отечественных исследователей. Если в начале 90-х гг. XX в. в оценках перспектив развития России в экономической и политической сферах можно было увидеть чрезмерный оптимизм, то к концу десятилетия пессимистические прогнозы стали преобладающими. Начиная с середины 90-х гг. XX в. в работах зарубежных и отечественных политологов стало преобладать мнение, что Россия не сумела воспользоваться существовавшими шансами и совершить демократизацию, что в целом ее экономическая и политическая трансформация завершилась неудачей.

Подобного рода суждения навеяны наивными представлениями о существовании некоей идеальной модели демократии, неразрывно

связанной с эффективно функционирующей рыночной экономикой. Если бы это было так, то не только об опыте России, но и об опыте большинства других поставторитарных и посткоммунистических стран можно было бы говорить как о неудачном. В противоположность идеализированным представлениям об эталонной либеральной демократии в политической науке всегда присутствовали и присутствуют и иные подходы. Так, Р. Даль предлагал разделить понятия демократии как нормативного идеала и полиархии как реальной формы реализации подобного идеала. Современный американский политолог Дж. Мюллер прямо признает, что характерное для многих авторов идеализированное представление о демократии является своеобразной политологической проблемой, определяемой им как «проблема образа» демократии. Как отмечает Дж. Мюллер, ряд авторов, оценивая характер политического порядка, складывающегося в поставторитарных странах вообще и в посткоммунистических в частности, склонны руководствоваться в своих суждениях не «реалистическими стандартами», а неким «туманным идеалом». И это несоответствие между образом демократии и демократической реальностью становится, по мнению политолога, фактором, порождающим существенные аналитические трудности.

Разочарование результатами «демократического транзита» во многом обусловлено представлениями о нем как о линейном процессе, ведущем ко всеобщей политической унификации мира на основе общих демократических ценностей и институтов. Сегодня такое понимание устарело. Переход к демократии порождает множество моделей политического устройства, поэтому, учитывая реальные тенденции социально-политических трансформаций последнего десятилетия, можно согласиться с выводами Хантингтона, который констатировал, что по мере усвоения формальных демократических институтов все большим числом разнородных обществ «сама демократия становится все более дифференцированной».

В самой России сложившийся в начале XXI в. политический режим определяют также неоднозначно. Одно время широкое распространение получил термин «управляемая демократия». Имелось в виду, что, в отличие от 90-х гг. XX в., характеризовавшихся высокой степенью политической нестабильности, с избранием на пост президента РФ В. Путина верховная власть стала предпринимать меры для стабилизации ситуации, целенаправленно влияя на развитие политических процессов в стране. Однако этот термин неудачен хотя бы потому, что весьма похож на термин «направляе-

мая демократия», который использовали для обозначения авторитарного режима президента Индонезии Сукарно в 60-х гг. XX в. Такая аналогия могла бы дополнительно подкрепить аргументы тех, кто указывал на авторитарные тенденции в политическом развитии посткоммунистической России.

Постепенно определение «управляемая демократия» стало выходить из употребления, его заменило новое определение — «суверенная демократия». В данном случае речь шла о целой концепции, которая должна была, с одной стороны, отклонить обвинения исполнительной власти в отходе от демократических принципов, с другой стороны, обосновать самобытность российского пути экономического и политического развития, самостоятельный и независимый курс Российской Федерации на международной арене. Поскольку «отцом» концепции «суверенной демократии» считался заместитель руководителя Администрации Президента РФ В. Сурков, близкие к Кремлю журналисты и политологи стали активно ссылаться на нее в своих выступлениях и публикациях.

Между тем идея «суверенной демократии», в том виде как она интерпретировалась в последнее время, некорректна с теоретико-методологической точки зрения: феномены демократии и суверенитета имеют отношение к различным сферам политической жизни. Демократия — один из типов политического режима, а суверенитет означает самостоятельность и независимость государственной власти безотносительно характера политического режима, в рамках которого такая власть осуществляется. На это обстоятельство обратил внимание нынешний российский президент Дмитрий Медведев, занимавший в тот момент пост первого вице-премьера в правительстве РФ. После замечаний Д. Медведева термин «суверенная демократия» стал использоваться реже, а с его избранием на пост президента РФ и вовсе вышел из употребления.

Для политических систем многих поставторитарных и посттоталитарных стран, включая Россию, скорее подходят такие категории, как «электоральная демократия», «процедурная демократия». Эти категории выражают степень реализации нормативных идеалов в политической действительности.

Конечно, российская политическая система менялась и будет меняться далее. Хотя полной, стопроцентной реализации демократического идеала нет ни в одной, даже наиболее развитой стране мира, стремиться к реализации такого идеала необходимо. Однако решение этой задачи требует больших исторических сроков и поэтому

она остается задачей, скорее, будущего, а не сегодняшнего дня. На протяжении последних десятилетий политическое развитие России было тесно связано с проблемами ее социально-экономической трансформации.

Отсутствие политических условий для китайского или восточноевропейского варианта перехода к рыночной экономике привело к тому, что в России был реализован собственный, специфический вариант такого перехода. Хотя посткоммунистическая Россия на рубеже XX и XXI вв. с трудом добивалась от иностранных государств и международных организаций признания за собой статуса «страны с рыночной экономикой», де-факто таковой она, несомненно, уже была. Но это была весьма своеобразная рыночная экономика, которая отличалась от экономики ведущих стран Запада, как и российская политическая система отличалась от политических систем западных государств. Точно так же, как советская экономика стала реальным результатом попытки осуществления марксистской утопии в российских условиях, современный российский капитализм — плод реализации либеральной экономической доктрины на постсоветской российской почве.

Сложившуюся к концу 90-х гг. XX в. экономическую систему России часто определяли как «олигархический капитализм». Эта система отличалась определенной стабильностью, но не эффективностью. Объективно она находилась в противоречии с потребностями дальнейшего поступательного развития России. Она обусловила разделение российского общества на две неравные части. Одна часть выиграла от реформ и вполне вписалась в возникшую систему, а другая часть продолжала де-факто жить в социализме, но при постоянном свертывании присущих ему социальных гарантий. Сохранялась зависимость российского народно-хозяйственного комплекса от экспорта энергоносителей и, следовательно, от конъюнктуры мировых цен на них. Малый и средний бизнес сталкивался с серьезными трудностями.

Для того чтобы решить все проблемы в экономической, социальной и других сферах, обеспечить внешнюю и внутреннюю безопасность государства и общества, России был необходим длительный период стабильного экономического роста с более высокими темпами. А для этого, в свою очередь, были необходимы соответствующие социально-политические условия: продуманная стратегия дальнейшего развития России и наличие политической воли для осуществления этой стратегии.

Некоторые из этих условий были созданы в тот период, когда Президентом Российской Федерации являлся В. В. Путин. За годы его пребывания на этом посту удалось остановить длившийся все 90-е гг. XX в. экономический спад. Возобновился рост отечественной экономики, и хотя темпы этого роста были ниже, чем, например, в Китае, они все же значительно превышали темпы экономического роста США, стран Западной Европы и Японии. На этой основе удалось несколько смягчить остроту накопившихся за 90-е гг. XX в. проблем. Правда, сам экономический рост во многом был обусловлен благоприятной для России конъюнктурой на мировом энергетическом рынке, и лишь в последние годы ситуация стала меняться. Но задачи технологической модернизации, наращивания экономического потенциала, преодоления социального расслоения в обществе по-прежнему остаются актуальными. Удалось ослабить роль олигархических структур, сформировавшихся в 90-х гг. XX в. в экономике, и практически перекрыть каналы влияния олигархов на политику, средства массовой информации и другие сферы жизни российского общества. Однако все пороки сложившейся на предшествующем этапе развития системы олигархического «кланового» капитализма пока преодолеть не удалось.

Разразившийся в мире глобальный экономический кризис застал российскую экономику в состоянии далеко не завершенной модернизации. Резко ухудшившиеся макроэкономические условия могут стать стимулом для проведения давно назревших структурных реформ, призванных придать российской экономической системе большую эффективность. Однако для того чтобы эти возможности были реализованы, необходима соответствующая политическая воля и продуманная стратегия.

Существенные сдвиги произошли в годы президентства В. Путина в политической жизни Российской Федерации. Значительно обновилась правящая элита (см. главу VI). В начале XXI в. верхние эшелоны российской политической элиты заметно пополнились выходцами из силовых структур, а также из Санкт-Петербурга. Состав правящей элиты стал все более соответствовать тому курсу, который избрал В. Путин при вступлении на пост президента РФ. В тот момент весьма серьезной проблемой для страны была проблема сохранения ее территориальной целостности. В результате контртеррористической операции в Чеченской республике степень угрозы сепаратизма и терроризма на Северном Кавказе была снижена, хотя полностью не устранена. Так или иначе, опасность

территориального распада Российской Федерации сегодня уже не является актуальной.

Другой задачей, которую в целом удалось решить, стало восстановление нарушенной в 90-х гг. XX в. управляемости происходящими в стране процессами, или «укрепление властной вертикали». Некоторые реформы, предпринятые для решения этой задачи, вызвали неоднозначную реакцию как внутри страны, так и за рубежом. В частности, это касается изменения порядка избрания глав субъектов федерации (см. главу X).

Неоднозначные последствия в будущем может иметь еще одна политическая реформа — реформа избирательной системы (см. главу XII).

Переход к пропорциональной избирательной системе в России мотивировался необходимостью стимулировать развитие политических партий и партийной системы. Действительно, без стабильной и развитой партийной системы сегодня невозможна стабильная и эффективная демократия. В 90-х гг. XX в. партийная система Российской Федерации находилась в эмбриональном состоянии. Существовало множество карликовых партий, не имевших ни прочной социальной базы, ни вразумительной политико-идеологической платформы. Надежды на то, что становление партийной системы произойдет стихийным образом, не оправдались, поэтому понадобились соответствующие импульсы и стимулы «сверху». Однако реформа избирательной системы была проведена в пользу крупных и уже закрепившихся на политической арене партий. Именно для таких партий было выгодно поднять проходной барьер в Государственную думу с 5 до 7 % голосов избирателей. Среди этих партий и выделилась «Единая Россия», получившая статус «партии власти».

Итоги выборов в Государственную думу 2 декабря 2007 г. показали, что сумели преодолеть семипроцентный барьер и получить депутатские мандаты четыре партии — «Единая Россия», «Справедливая Россия», КПРФ и ЛДПР. Эти партии представляют собой основные элементы сложившейся в конце президентского срока В. Путина партийно-политической системы. Сформировавшаяся политическая конструкция, учитывая высокий рейтинг тогдашнего президента, возглавившего избирательный список «Единой России» (что обеспечило этой партии громкий электоральный успех), выглядит сегодня весьма прочно. Можно говорить о политической стабилизации в современной России, что является важным как

с точки зрения теории политической модернизации, так и ввиду глобального кризиса. Но направление и скорость социально-экономического развития будет зависеть от решений, которые должны быть адекватными и соответствовать складывающейся ситуации и национально-государственным интересам страны и ее граждан.

Контрольные вопросы и задания

1. Дайте сравнительный анализ теории политической модернизации и концепций транзитологии.
2. Каковы предпосылки и основные пути перехода к демократии?
3. Дайте сравнительную характеристику трех волн демократизации.
4. В чем состоит специфика посткоммунистического развития по сравнению с предшествующим историческим опытом перехода к демократии?
5. Каково соотношение политических и экономических реформ в условиях демократического транзита?
6. Каковы основные итоги и уроки посткоммунистического развития России?

Часть III

Мировая политика и международные отношения

ГЛАВА XVIII

Теоретические концепции международных отношений

---

§ 1. Международные отношения и мировая политика как объект изучения

Политика как социальный феномен проявляется в двух видах: внутренних и международных политических процессах. Понятия *«международная политика»*, *«мировая политика»* активно используются в научной литературе по проблемам политологии (см. главу II). Однако единой и общепринятой точки зрения на соотношение этих понятий не существует. Одни ученые высказывают мнение, что данные понятия — синонимы, другие же различают их по содержанию. Кроме того, понятия *«международная политика»* и *«мировая политика»* тесно связаны с феноменом международных отношений, который в политологической литературе также трактуется неоднозначно. Именно понятие *«международные отношения»* является базовым как для понимания сути международной и мировой политики, так и для выявления их соотношения.

Анализируя понятие *«международные отношения»*, следует иметь в виду, что феномен международных отношений не является раз и навсегда застывшим, а постоянно меняется, эволюционирует. Сегодня он не такой, каким был двести или, тем более, две

тысячи лет тому назад, а через сто лет будет совсем иным, чем в наши дни.

Сам термин «международные отношения» является русскоязычным эквивалентом термина «international relations». Этот термин был введен в оборот английским философом Дж. Бентамом на рубеже XVIII–XIX вв. Появление данного термина в тот период не случайно, поскольку именно рубеж XVIII–XIX вв. стал важным этапом в эволюции самого феномена международных отношений. К тому времени в Западной Европе окончательно сложилась система суверенных национальных государств. На смену отношениям между царствующими монархами и правящими династиями пришли отношения между государственно организованными народами-нациями. Недаром в западной традиции понятия «нация» и «государство» являются синонимами. Параллельно с формированием наций завершился процесс становления гражданского общества, подчинившегося себе и преобразовавшего в соответствии со своими потребностями государство.

Тогда же оформилась и та модель международных отношений, которая до недавнего времени считалась эталонной и само собой разумеющейся. В соответствии с ней гражданское общество каждой страны наделяло государство всеми полномочиями в области обеспечения национальной безопасности и внешних сношений. Правительство одного государства в соответствии с этими полномочиями вступало в официальные связи с правительством другого государства, и именно по этому каналу осуществлялось большинство взаимосвязей не только между государственными структурами, но и между различными субъектами гражданского общества этих стран. Конечно, частные связи, неопосредованные государством, существовали всегда, но неразвитость транспортных и информационных коммуникаций сильно ограничивала возможности таких связей. Большие расстояния требовали много времени и ресурсов, а государство, в отличие от частных субъектов, могло себе это позволить, и в значительной степени именно государство монополизировало сферу внешних сношений, на долгие времена оставаясь единственным международным актором.

Развитие социальной сферы, прогресс транспортных и информационных коммуникаций отразился на экономике и политике. Число взаимосвязей, прежде всего между частными субъектами, в наиболее развитых странах стремительно увеличивалось, причем государство уже не могло и не стремилось их полностью кон-

тролировать. Значительно возросло число и роль международных организаций, как правительственных, так и неправительственных, получивших возможность стать в один ряд с государствами как международными акторами. Эти процессы дали основание специалистам говорить о переходе от международных (international) к транснациональным (transnational) отношениям и даже о «смерти национальных государств». Представляется, что переход к новому типу отношений еще не произошел, такой переход, скорее, проявляется как тенденция в наиболее экономически и технологически развитой части современного мира. Но эта тенденция объективно детерминирована и в итоге приведет к «международным отношениям» совсем иного типа, чем те, которые господствовали последние два с половиной столетия.

Но и привычный для нас классический тип международных (international) отношений не был первым и единственным в истории. Ему предшествовали несколько более ранних типов, сложившихся в различные исторические эпохи. Очевидно, уже на ранних стадиях развития человеческого общества между первобытными племенами складывались какие-то взаимоотношения. Древние племена соперничали между собой по поводу территории или других ресурсов или, наоборот, сотрудничали в какой-либо форме. Эти взаимоотношения до появления первых государств не носили политического характера. С возникновением же государств стали складываться новые типы отношений: между государственно неорганизованными племенами и древнейшими государствами, а также между древнейшими государствами. Примеров отношений первого типа в истории немало, достаточно вспомнить многовековую борьбу Западной Римской империи с германскими племенами или Византийской империи со славянскими.

Межгосударственные отношения встречаются в древности гораздо реже, поскольку государства формировались не одновременно и не во всех регионах мира. Постепенно, по мере распространения государственных форм организации межгосударственный тип отношений между территориально обособленными социумами стал доминирующим, а затем и единственным. Однако это были не классические международные отношения, которые сложились в эпоху национальных государств. В традиционных социумах государство и общество часто существуют параллельно друг другу, почти не пересекаясь во времени и пространстве. Патриархальный крестьянин не отдавал себе отчета в том, в каком государстве он

живет и тем более какие отношения у этого государства с внешним миром. В традиционном государстве сфера публичной политики была ограничена чрезвычайно узким кругом правящей элиты. А в вопросах внешней политики этот круг, за редким исключением, сужался до одного человека — монарха, персонифицировавшего всю государственную власть в своем лице. Практически все межгосударственные отношения средневековья выглядели как межличностные отношения между монархами. Воевали между собой не народы, а короли, цари, князья и императоры. Вступали в соглашения, принимали на себя обязательства не государства, а те, кто себя с ними отождествлял.

Современные международные отношения имеют сложную внутреннюю структуру. Центральное системообразующее место в этой структуре принадлежит международным политическим отношениям. Они зародились вместе с появлением самой политики как общественного явления и основного политического института — государства. Эти отношения складывались в результате реализации каждым из государств собственной внешнеполитической линии, основанной на их собственных («национальных» применительно к эпохе национальных государств) интересах.

Международные политические отношения можно рассматривать и как международную политику — одну из основных сфер мира политических процессов и отношений. Субъектами международной политики изначально выступали государства, коалиции государств, а последние сто с лишним лет также и международные межправительственные организации. В центре международной политики находится борьба государств за власть, то есть способность в максимальной степени влиять на поведение других международных субъектов в соответствии со своими собственными интересами. Из этого вытекает основная дилемма международных политических отношений — межгосударственный конфликт или межгосударственное сотрудничество. В прошлом она часто выступала в виде главной международной проблемы войны и мира.

Международная политика формировалась и функционировала в локальных и региональных рамках, вплоть до второй половины XIX в. ее глобального уровня не существовало. В Древнем мире параллельно разворачивались конфликты в Европе, Азии, Африке, но между собой они не были взаимосвязаны из-за огромных расстояний между государствами и регионами. Появление глобального уровня международной политики, охватившего все пространство

земного шара, связано с завершением процесса превращения мира в единое целое. Начало ему было положено эпохой великих географических открытий, а завершился он в результате революционных технологических и экономических сдвигов середины XIX столетия. После изобретения парового двигателя и электрических средств связи (телеграф, телефон) появилась возможность преодолевать гигантские расстояния и перемещать огромные объемы грузов, моментально передавать информацию. Развитие транспортных и информационных коммуникаций повлекли за собой экономические, социальные, а затем и политические изменения. Первым и главным следствием революции в области производства, транспорта и связи стало формирование единого мирового хозяйства, в котором колебание экономической конъюнктуры в одной части земного шара сразу же отзывается в других, самых отдаленных его частях.

На базе сложившейся мировой экономики началось формирование и мировой политики. Об этом свидетельствовало и то, что вслед за мировыми экономическими кризисами пришли мировые войны — вооруженные конфликты невиданных и немыслимых ранее масштабов. Термины «мировая политика» и «международная политика» многими авторами употребляются как синонимы. Представляется, что это неверно, мировая политика — это не просто международная политика глобального масштаба. Появление мировой политики стало качественно новым этапом развития всей политической сферы. Мировая политика отличается от международной политики предшествующих столетий и по содержанию проблем, стоящих в ее центре, и по характеру субъектов, действующих в ее рамках.

Традиционные для международной политики проблемы межгосударственных конфликтов и межгосударственного сотрудничества дополнились проблемами выбора путей и целей экономического, социального и политического развития мира. Возникшие во второй половине XIX в. на базе глобальных политических идеологий (либерализм, консерватизм, социализм и т. д.) международные политические движения стали предлагать свои варианты общественного устройства, а также средств и способов их достижения. Эти движения институционализировались на мировой политической арене как сеть международных неправительственных организаций, тесно связанных с многочисленными партиями, организациями и движениями в отдельных национальных государствах. Граница, разделявшая внутреннюю и внешнюю политику, становилась все

более проницаемой, пока в конце XX в. не стала совсем условной. К этому времени особую актуальность для мировой политики приобрела группа проблем, получивших определение глобальных проблем современности: экологическая, демографическая, энергетическая, продовольственная и др. проблемы (см. главу XX).

Весьма точно характеризуют, на наш взгляд, отличия мировой политики XX в. от традиционной международной политики Первая и особенно Вторая мировые войны. Эти войны отличались от предшествующих не только своими глобальными масштабами и невиданными ранее техническими средствами ведения боевых действий. Война всегда была в рамках традиционной международной политики крайней формой межгосударственных конфликтов. В ходе войн государства стремились на основе силового потенциала максимально реализовать свои интересы за счет интересов государств-противников. Результатами войн традиционно являлись пересмотр межгосударственных границ и изменения баланса сил как между участвовавшими, так и не участвовавшими в войне государствами.

Первая мировая война сначала отличалась от предыдущих войн не только масштабами, но итогами и последствиями. Кроме привычных изменений на политической карте мира, распада одних и возникновения других государств, Первая мировая война привела к кардинальным сдвигам в мировом развитии. В результате русской революции, ставшей, в свою очередь, одним из последствий Первой мировой войны, возникла совершенно новая модель политического и экономического устройства — коммунистическая.

Реакцией на коммунистический эксперимент в России, на распространение идей коммунизма в мире стало появление идеологии и политической практики фашизма. Появилась альтернатива традиционным и либерально-демократическим моделям общественного устройства: левототалитарная — коммунистическая и правототалитарная — фашистская. Борьба между ними и определила политическое развитие мира в 20–30-х гг. XX в. и в период Второй мировой войны. Для этой войны, еще более чем для Первой мировой, наряду с обычной вооруженной борьбой государств, отстаивающих свои национальные интересы, было характерно противоборство различных идейно-политических сил.

Это противоборство выразилось и в глобальном противостоянии фашизма и антифашизма, и в борьбе внутри самой антифашистской коалиции. Эта борьба отражалась на отношениях между США и Великобританией, с одной стороны, и СССР — с другой, она на-

ходила свое выражение в расколе сил антифашистского сопротивления во многих поработанных фашистской Германией странах. Появление в послевоенные годы двух противоположных мировых систем, основанных на различных идеологических, социально-политических и социально-экономических принципах, можно считать основным итогом Второй мировой войны, безотносительно тех территориально-политических изменений, к которым она привела, как и любая иная война.

То, что содержанием мирового политического процесса на протяжении нескольких послевоенных десятилетий было противостояние двух блоков и возглавлявших их сверхдержав, общепризнано. Международные отношения этой исторической эпохи не случайно получили определение холодной войны. Но, образно говоря, основные «фронты» этой войны проходили не только и не столько по линии межгосударственного противостояния. Идеино-политическое противоборство накладывало сильный отпечаток на деятельность международных межправительственных и неправительственных организаций, нередко приводило их к расколу и к борьбе между собой. Примером может служить конфронтация прокоммунистической Международной федерации профсоюзов и антикоммунистической Международной конфедерации свободных профсоюзов.

Глобальное противостояние сверхдержав, использовавших в борьбе друг с другом все имеющиеся в их распоряжении ресурсы, детерминировало внутривнутриполитические конфликты во многих странах мира. Одновременно любой локальный, региональный или внутривнутриполитический конфликт привлекал внимание государств, представлявших соперничающие на международной арене блоки. Их вмешательство способствовало быстрой интернационализации и эскалации конфликтов. В этом ярко проявилась присущая мировой политике тенденция к преодолению резкого размежевания между внутривнутриполитической и внешнеполитической сферами.

Падение коммунистических режимов в Восточной Европе и распад Советского Союза положили, как считается, конец «холодной войне». И с этого момента уже более полутора десятилетий не утихает дискуссия о том, какие проблемы и тенденции характерны для мировой политики конца XX — начала XXI в.

По мнению американского социолога Ф. Фукуямы, окончание холодной войны стало началом «конца истории», понимаемого им как окончание борьбы между разными идеологиями или моделями

общественного развития. «Конец истории», как считал Фукуяма, — это окончательная победа либерализма, превращение его принципов и основанных на них инстинктов в универсальные, объединяющие вокруг себя все человечество и тем самым позволяющие ему решить те проблемы, которые раньше, в эпоху холодной войны, не имели решения.

Своеобразным ответом Ф. Фукуяме стала концепция другого американского ученого С. Хантингтона, получившая более широкую известность. Соглашаясь с Фукуямой в том, что мировая политика XX в. была связана с конфликтом идеологий, Хантингтон констатирует, что окончание холодной войны сделало мир иным. «В этом новом мире, — отмечает политолог, — локальная политика является политикой этнической, или расовой, принадлежности; глобальная политика — это политика цивилизаций. Соперничество сверхдержав сменилось столкновением цивилизаций». В отличие от Фукуямы, для которого был характерен присущий многим сторонникам либеральной традиции оптимистический взгляд на будущее, Хантингтон видел будущее в мрачных тонах. Наряду с проявившимися в первые годы после окончания холодной войны локальными конфликтами по линии цивилизационного разлома, по его мнению, существует и серьезный потенциал для глобального конфликта между западной и незападной цивилизациями, особенно исламской и буддистско-конфуцианской. Реальные тенденции развития мирового политического процесса в последние полтора десятилетия дают основания оспаривать прогнозы и Фукуямы и Хантингтона, хотя подтверждают их отдельные выводы.

С одной стороны, нет никаких оснований считать межцивилизационный коллапс неизбежным и предопределенным. Более того, концепция Хантингтона, при определенных обстоятельствах, может играть провокационную роль, подпитывая вражду и недоверие между странами и народами, имеющими различные религии, исторические и культурные традиции. Это, кстати, осознал и сам автор, пытавшийся после 11 сентября 2001 г. дезавуировать свои выводы о конфликте прошлом и будущем в отношениях христианского и исламского мира. Однако, с другой стороны, несомненно и то, что цивилизационный фактор в современной мировой политике присутствует, в том числе и определяя ее конфликтный потенциал. Об этом свидетельствуют, например, те трудности, с которыми сталкивается политика ведущих государств Запада, прежде всего США, в исламском мире, в частности в Афганистане, Ираке, на

палестинских территориях. Об этом свидетельствует и откровенно антизападная направленность исламской составляющей современного международного терроризма.

Специфика современной мировой политики в сравнении с международной политикой предшествующих исторических эпох проявляется и в том, что цивилизационные конфликты возникают не столько в сфере межгосударственных отношений, но еще в большей степени во внутривнутриполитической жизни многих стран мира. Публикация карикатур на пророка Мухаммеда в датской газете вызвала массовые волнения во многих арабских исламских странах и породила ответные действия, в том числе и экстремистского характера.

«Конец истории», если его понимать как окончательное торжество одной системы универсальных ценностей для всего мира, конечно же, не произошло. Но некоторые исследователи полагают, что развернувшийся в последнее десятилетие XX в. процесс глобализации ведет в перспективе не только к экспансии транснациональных компаний и утверждению неолиберальной модели экономической политики по всему миру, но и к торжеству западных либеральных ценностей во всех сферах общественной жизни, размыванию национально-государственного суверенитета и усилению роли наднациональных институтов. То есть речь идет о том же сценарии, что и у Фукуямы, только понимаемом не как одномоментно достигнутый результат, а как растянутый во времени и пространстве процесс.

Глобализация в ее нынешней неолиберальной форме порождает противоречивые, с точки зрения критиков, последствия. Так, по мнению видного представителя современного неомарксизма Иммануила Валлерстайна, мировая политика ближайших десятилетий сохранит высокий потенциал конфликтности. Однако природу конфликтов нынешней исторической эпохи Валлерстайн, в отличие от Хантингтона, видит не в различиях между цивилизациями, а в имманентно присущих капиталистической мир-экономике закономерностях функционирования и развития. По сценарию Валлерстайна экономические причины будут лежать в основе конфликтов и между развитыми государствами внутри ядра современной мир-системы, и между отсталыми государствами, находящимися на ее периферии. Конфликты между последними, по мнению американского неомарксиста, наиболее вероятны и весьма опасны, поскольку будут сопровождаться неизбежным распространением по миру оружия массового поражения.

Но наиболее фундаментальными противоречиями в мировой экономике и, следовательно, в мировой политике, как считает Валлерстайн, станут противоречия между ядром и периферией мир-системы или, иными словами, между глобальным «Севером» и глобальным «Югом». Такой конфликт всегда был присущ капиталистической мир-экономике, но после окончания холодной войны, которую Валлерстайн считает лишь гигантской игрой, затеянной США и СССР ради собственных интересов, этот конфликт вышел на первое место.

При всей оригинальности и даже экстравагантности отдельных суждений и выводов Валлерстайна, к некоторым из них, по нашему мнению, необходимо внимательно присмотреться. Валлерстайн считает, что одним из следствий глобального противоречия между «Севером» и «Югом» станет и уже стала массовая миграция населения из бедных и отсталых стран в развитые и богатые. Поэтому в отличие от Фукуямы, оценивавшего окончание холодной войны как окончательную победу либерализма, Валлерстайн, напротив, считает, что грядет историческое крушение либерализма и как идеологии, и как основанных на его принципах общественных институтов и политических систем. Не в последнюю очередь, по мнению Валлерстайна, это станет следствием нарастающей миграции из стран периферии, которая приведет к свертыванию прав и свобод человека, демонтажу «государства всеобщего благоденствия» в развитых странах. Подобное утверждение представляется слишком категоричным и недостаточно обоснованным, но последствия массового наплыва мигрантов из афро-азиатских стран в Западную Европу действительно может иметь далеко идущие и труднопрогнозируемые последствия, причем уже сегодня, а не через 20–30 лет, как предсказывал Валлерстайн. Некоторые западноевропейские государства сталкиваются с кризисами, вызванными наличием большого числа мигрантов, отличающихся от коренного населения религиозными и культурными традициями. Об этом свидетельствуют события осени 2005 г. во Франции, где на протяжении нескольких недель имели место массовые беспорядки, основными участниками которых были представители молодого поколения мигрантов преимущественно из арабских стран, так и не сумевших интегрироваться во французское общество.

Новые проблемы в мировом развитии обусловили появление множества общественных движений на национальном уровне

и новых неправительственных организаций на международной арене. Хотя большинство из них при создании не имели политического характера, сложившиеся обстоятельства способствовали их включению в мировой политический процесс, тем самым расширяя число его субъектов.

Мировая политика зародилась и выросла на фундаменте международных отношений и представляет с ним единый и неразрывный комплекс. Однако полного тождества между обеими частями этого комплекса нет. Мировая политика включает и международную политику, но не сводится к ней, она шире по своей проблематике и по числу задействованных в ней субъектов. Международные политические отношения, являясь ведущим и системообразующим элементом структуры международных отношений, не охватывают данную структуру в целом. Международные экономические отношения, входящие в ту же самую структуру, складываются в рамках мировой экономики, которая выступает по отношению к мировой политике в качестве внешней среды. Таким образом, взаимосвязь между мировой политикой и международными отношениями весьма сложна и динамична. Это следует учитывать при определении предмета исследования научных дисциплин, изучающих международные проблемы. Для теории международных отношений, как одной из важнейшей из них, предмет исследования может быть определен следующим образом: изучение закономерностей международных отношений как целостной системы, анализ международной политики и внешней политики отдельных государств, анализ динамики и тенденций развития мирового политического процесса, основных направлений деятельности его ведущих субъектов, а также комплексное исследование отдельных вопросов мировой политики. Такое широкое предметное поле и определяет место и роль теории международных отношений в структуре современного гуманитарного знания.

Теория международных отношений относится к числу сравнительно новых обществоведческих дисциплин. Хотя ее истоки можно найти в социально-политической мысли прошлых столетий и даже тысячелетий, окончательно она сложилась в 40-х гг. XX в. Поскольку предметная область теории международных отношений — это сфера политики, постольку данная наука относится к области политического знания, более того, до недавнего времени она рассматривалась лишь как один из разделов политической науки.

§ 2. Проблемы международных отношений в истории политической мысли

Теория международных отношений — важная и неотъемлемая часть современной политической науки. Так же как и политология в целом, теория международных отношений изучает реалии современного мира, но опирается на теоретический фундамент, созданный многовековым развитием политической мысли. Первые внешнеполитические концепции возникли одновременно с появлением государств. Большинство суждений о внешней политике и межгосударственных отношениях, высказанных древними мыслителями, сегодня звучат весьма наивно. Однако нельзя отрицать того, что некоторые из этих концепций вплоть до нынешнего столетия использовались в реальной внешнеполитической практике отдельных государств.

Например, внешняя политика традиционного Китая на протяжении веков в значительной степени вдохновлялась идеями, берущими свое начало в двух основных течениях древнекитайской политической мысли — конфуцианстве и легизме (см. главу I). Конфуцианство породило представление об исключительном положении Китая по отношению к соседним странам и народам, его превосходстве над ними и привело впоследствии к изоляционизму. В основе внешнеполитической концепции легизма лежал прагматический принцип выгоды и пользы отношений Поднебесной с теми или иными «варварами» (под которыми понимались все остальные народы). Поскольку легизм делал ставку на принуждение и насилие как наиболее эффективные средства управления людьми, постольку и во внешнеполитической сфере он ориентировался, прежде всего, на силовые методы. Об этом свидетельствует выдвинутая легистами теория прямой зависимости могущества государства от его военных успехов. По существу, это было одно из первых в истории теоретических оправданий агрессивных войн. Проблема войны и мира оказалась центральной для всех без исключения направлений внешнеполитической мысли с момента ее возникновения. Сходный взгляд на роль силового фактора в международных отношениях продемонстрировал древнегреческий мыслитель Фукидид в своей «Истории Пелопонесской войны». Одновременно Фукидид

указал, что в основе политики государств лежат не столько действия конкретных личностей, сколько объективные и не зависящие от воли людей интересы. Такой взгляд на внешнюю политику соответствует концептуальным подходам, сложившимся в гораздо более поздние периоды.

Однако более или менее систематическое представление о внешней политике и международных отношениях стало формироваться в Новое время. Одним из первых мыслителей этого периода, обратившихся к изучению проблем международных отношений, был Никколо Макиавелли. Он считал, что война является неизбежной спутницей человеческой истории в силу изначальной склонности людей к насилию. Поэтому при принятии решения о начале военных действий руководитель государства не должен быть связан никакими ограничениями. Главную задачу любого государства на внешнеполитической арене Н. Макиавелли видел в достижении выгоды, защите своих интересов, при этом он считал вполне возможным и необходимым игнорировать и моральные, и правовые нормы. В мирное урегулирование конфликтных ситуаций Н. Макиавелли не верил, полагая, что только сила является реальным фактором политики.

Прямой противоположностью взглядам Н. Макиавелли была внешнеполитическая концепция голландского гуманиста Эразма Роттердамского, который видел в мире, а не в насилии и войне высшую человеческую ценность. Для предотвращения войн он предлагал ввести принцип неизменности границ, поскольку территориальные споры выступают основной причиной военных конфликтов. Другой голландский мыслитель Гуго Гроций вошел в историю как один из первых теоретиков международного права. Его научная деятельность была посвящена вопросам правового регулирования международных отношений. Творчество Г. Гроция имело явную антивоенную направленность. Он первым пришел к выводу о необходимости коллективной борьбы за поддержание мира. Ему же принадлежит одна из первых классификаций справедливых и несправедливых войн.

Поиски путей установления прочного мира, устранения войны как способа решения межгосударственных споров отличают творческое наследие представителей французской политической мысли XVII–XVIII вв. Эмерика Крюсе и Шарля Ирины де Сен-Пьера. Э. Крюсе, невзирая на различия между нациями, рассматривал человеческое общество как единое целое. Поэтому цель политики

он видел в поддержании и расширении согласия между народами. Важным направлением международного сотрудничества Э. Крюсе считал развитие международной торговли, усматривая тесную связь между уровнем экономического взаимодействия между государствами и степенью конфликтности в их отношениях. Эмерик Крюсе первым высказал предложение о создании универсальной международной организации, которая стала бы гарантом сохранения мира. По его замыслу, в эту организацию на правах полного равенства независимо от размеров территории, численности населения и географического положения должны войти все государства Европы, Азии и Африки. Возглавлять эту организацию должен Совет, состоящий из избираемых ее членами представителей. В компетенцию Совета входило бы разрешение спорных вопросов, выработка рекомендаций о методах урегулирования межгосударственных разногласий. В проекте Э. Крюсе специально оговаривалось, что ни одно государство не должно предпринимать никаких действий в конфликтной ситуации, пока не изучит соответствующие рекомендации Совета.

Созвучные с идеями Э. Крюсе мысли высказывал его соотечественник Ш. И. де Сен-Пьер. Он также считал, что государства должны заключить договор о создании международной организации. Но предлагал в значительной степени ограничить суверенитет отдельных государств и строить эту организацию на конфедеративных началах, что уменьшит риск возникновения военных конфликтов. Коллективные органы такой конфедерации предполагалось наделить довольно широкими полномочиями. Кроме этого, Сен-Пьер считал необходимым учредить международный судебный трибунал с правом применения обязательных для членов организации постановлений и создать «армию» (говоря современным языком, коллективные миротворческие силы) для использования в тех случаях, когда отдельное государство будет оказывать сопротивление общей воле конфедерации. По существу, Сен-Пьер стоял на позиции создания мирового правительства. Эта идея неоднократно высказывалась в истории социально-политической мысли.

Сторонником создания мирового правительства был и такой известный мыслитель, как Томас Гоббс. Как общеизвестно, он считал, что естественному состоянию общества соответствует «война всех против всех». Такое положение может быть преодолено только посредством заключения общественного договора и образования государства. Но в сфере межгосударственных отношений естественное

состояние сохраняется и после этого. Как и Н. Макиавелли, Т. Гоббс видел в силе главный регулятор международных отношений. В естественном состоянии государства не связаны какими-либо ограничениями и стремятся к своему усилению, поэтому войны между ними неизбежны. Однако в отличие от Макиавелли Гоббс осуждал войны с морально-этической точки зрения и призывал к устранению их причин. А возможность прочного мира Т. Гоббс допускал только при условии функционирования мирового правительства, стоящего над властью отдельных государств.

На рубеже XVIII–XIX вв. развернутый план перестройки международных отношений предложил английский мыслитель, один из основоположников либерализма Джереми Бентам. В этом плане предусматривалось создание универсальной международной организации, международного суда, коллективных вооруженных сил. И. Бентам опередил свое время, предложив полностью отказаться от колоний, поскольку они являются для метрополий бременем, а не источником прибылей, как полагали тогда многие. Международные отношения, по мнению Дж. Бентама, должны носить демократический характер, строиться на принципах полного равенства государств и исключать господство одних народов над другими.

Почти одновременно с Дж. Бентамом свой план достижения вечного мира, вытекающий из его общеполитических взглядов, выдвинул Иммануил Кант. Поскольку И. Кант отдавал приоритет морали перед правом и политикой, то он полагал, что отношения между государствами должны регулироваться теми же простыми моральными нормами, какими регулируются отношения между людьми, а сами моральные нормы станут нормами права. Эффективность и результативность любой политики будет зависеть от того, насколько она учитывает эти нормы и принципы.

Взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на международную политику имели некоторое сходство с воззрениями немецких классических философов. Так же как и И. Кант, основоположники марксизма считали возможным достижение вечного мира, но путь к нему лежал, по их мнению, не через моральное совершенствование, а через классовую борьбу и революцию. Уничтожение частной собственности и классов должно было стать условием распространения простых нравственных норм, характерных для отношений между частными лицами, на отношения между народами. Но пока эта цель не достигнута, К. Маркс и Ф. Энгельс, вслед за Г. Гегелем,

считали войны и конфликты между государствами неизбежными и неустранимыми. Марксистское понимание проблем мировой политики и международных отношений базировалось на идеях экономического детерминизма. Сама мировая политика, по марксизму, могла появиться только после формирования мирового рынка. Буржуазия отдельных стран посредством контроля над этим рынком превращается в космополитическую силу, становится господствующим классом в мировом масштабе. Одновременно и социальный антипод буржуазии — пролетариат — превращается в некую интернациональную общность, не имеющую собственного отечества, но имеющую общие классовые интересы во всех странах. Пролетарская революция, призванная положить конец господству капитала, приобретает, таким образом, всемирный характер. Мировая революция призвана покончить не только с социальными, но и с национальными антагонизмами, превратить все человечество в единую общность, не знающую ни классовых различий, ни государственных границ. Классовая борьба, по мнению классиков марксизма, является движущей силой политического процесса не только на уровне отдельных стран, но и в сфере международных отношений. Национальный же суверенитет и государственные интересы — второстепенные, преходящие факторы.

В. Ленин в целом придерживался тех же взглядов на международную политику, что и основоположники марксизма, но дополнил их новыми положениями. Прежде всего, это касалось его теории империализма. В соответствии с постулатами этой теории, для последней стадии капитализма характерно господство монополий и финансовой олигархии внутри отдельных стран, усиление внешней экспансии, стремление к территориальному переделу мира. В. Ленин считал, что империалистическая политика имеет сугубо экономическую природу и неизбежно ведет к мировым политическим кризисам, войнам и революциям. Поддерживая марксистскую доктрину мировой революции, В. Ленин внес в нее некоторые коррективы. Но, как К. Маркс и Ф. Энгельс, он игнорировал проблемы национально-государственных интересов. Эта позиция отчетливо проявилась после прихода большевиков к власти, когда их внешняя (в значительной степени и внутренняя) политика осуществлялась в расчете на скорую победу мировой революции. Вследствие этого ни В. Ленин, ни его соратники не были особенно озабочены государственными интересами самой России, рассматривая ее лишь как

плацдарм мировой революции. Впоследствии внешняя политика советского государства приобрела прагматический характер, но окончательно избавиться от идеологизированного подхода к международным отношениям руководители СССР не смогли вплоть до середины 80-х гг. XX в. Попытка уйти от такого подхода, предпринятая под флагом «нового политического мышления», обернулась для внешней политики СССР, а затем и России гигантской катастрофой.

§ 3. Геополитические концепции международных отношений

На рубеже XIX и XX вв. стало формироваться совершенно новое направление в исследовании международных отношений — геополитическое. Идея о существовании зависимости между политической жизнью государств и народов и географической средой высказывалась задолго до XX столетия. В Новое время подобные взгляды были характерны для Ш. Монтескье. В конце XIX в. идеи географического детерминизма широко распространились в общественных науках, что стало непосредственной предпосылкой возникновения геополитики.

У истоков этого направления внешнеполитической мысли стояли немецкий географ Фридрих Ратцель и шведский правовед Рудольф Челлен. Заслуги последнего в основном заключаются во введении в научный обиход самого термина «геополитика». Ф. Ратцель сформулировал положение о пространстве как о непосредственной политической силе. Он полагал, что пространство — это не просто территория того или иного государства, а важнейший элемент его силового потенциала.

Особое место в истории геополитических исследований занимают идеи английского ученого Хальфорда Маккиндера. Х. Маккиндер исходил из предположения, что страны, контролирующие определенные участки континентального пространства, обладают преимуществом перед другими. В 1904 г. в статье «Географическая ось истории» Х. Маккиндер назвал главным, «осевым» регионом мировой истории и политики внутреннее пространство Евразии. Государство, обеспечившее себе господство в этом регионе, могло бы, по его мнению, претендовать и на мировое господ-

ство. В последующем геостратег ввел понятие «Мировой остров», под которым он понимал сплошной континентальный пространственный пояс, состоящий из Европы, Азии и Африки. Осевой регион получил название Хартленда, то есть Сердцевинной земли. В 1919 г. в книге «Демократические идеалы и реальность» Х. Маккиндер сформулировал свой знаменитый постулат: тот, кто контролирует Восточную Европу, господствует в Хартленде; тот, кто господствует в Хартленде, господствует над Мировым островом; тот, кто правит Мировым островом, господствует над миром. Позиция Х. Маккиндера отражала интересы Великобритании того периода, опасавшейся чрезмерного усиления двух континентальных держав — Германии и России и особенно возможного союза между ними.

До Первой мировой войны Х. Маккиндер считал Германию бóльшим злом по сравнению с Россией. После окончания войны и победы русской революции он стал автором идеи «санитарного кордона», суть которого состояла в необходимости образования в Восточной Европе группы буферных государств, разделяющих Россию и Германию. Санитарный кордон должен был, с одной стороны, изолировать большевистскую Россию, а с другой стороны, препятствовать господству в ключевом регионе как России, так и побежденной в войне Германии.

В конце своей жизни Х. Маккиндер достаточно точно спрогнозировал некоторые тенденции мирового политического развития второй половины XX в., одновременно пересмотрев свою прежнюю геополитическую концепцию. Он обозначил Северную Атлантику как Средиземный океан, являющийся опорной точкой всей Земли. И далее предположил, что прибрежные страны этого океана смогут сбалансировать могущество державы, доминирующей в Хартленде.

Германская геополитика, так же как и английская, пыталась дать теоретическое обоснование внешнеполитического курса своей страны. Поскольку цели внешней политики кайзеровской, а затем гитлеровской Германии носили откровенно агрессивный, захватнический характер, такой же характер имели и германские геополитические концепции. Уже Ф. Ратцель, исходя из принципов социал-дарвинизма, считал жизнеспособными только те государства, которые расширяют свои территории. Эти идеи развил Карл Хаусхофер, ставший центральной фигурой германской геополитики после Первой мировой войны.

К. Хаусхофер ввел понятие «жизненного пространства» и рассматривал его расширение как условие существования всякого динамичного государства, претендующего на положение великой державы. Он воспринял идею противостояния континентальных и морских государств и сделал из нее вывод о том, что главным врагом Германии как континентальной страны является Великобритания. И хотя К. Хаусхофер видел возможность расширения жизненного пространства Германии на Востоке, он был сторонником союза России и Германии в рамках направленного против океанских держав евразийского блока. Несмотря на то что многие концепции этого геополитика оказали влияние на внешнеполитическую деятельность национал-социалистов, их пути, в конце концов, разошлись. В конце Второй мировой войны К. Хаусхофер был заключен в концлагерь, после освобождения из которого покончил жизнь самоубийством.

Во второй половине XX в. центр геополитических исследований переместился в Соединенные Штаты Америки. Основателем американской школы геополитики был адмирал А. Мэхэн. В отличие от немецких и английских геополитиков, он считал, что основой силового потенциала государства является его морская мощь, поэтому морские державы имеют преимущество перед континентальными. А. Мэхэн полагал необходимым для США поддерживать контроль над мировыми морскими путями, что определялось географическим положением этой страны. Американская внешняя политика на протяжении нынешнего столетия практически подтвердила эти выводы.

Особое место в американской геополитике середины XX в. принадлежит Николасу Спайкмену. В отличие от Х. Маккиндера он считал ключом контроля над миром не Хартленд, а Римленд. Под Римлендом Н. Спайкмен понимал евразийский пояс прибрежных территорий или так называемый «маргинальный полумесяц», включающий в себя морские страны Европы, Ближний и Средний Восток, Индию, Юго-Восточную Азию и Китай. Этот пояс действительно охватывает Евразию с Запада на Восток и дает тому, кто его контролирует, немалые преимущества. Поэтому Н. Спайкмен заменяет формулу Х. Маккиндера своей: кто контролирует Римленд — господствует на Евразией; кто господствует над Евразией — контролирует судьбы мира. По мнению Спайкмена, географическое положение Соединенных Штатов весьма выгодно по отношению и к Хартленду, и к Римленду. США одновременно обращены двумя

своими побережьями к разным оконечностям Римленда, а через Северный полюс — к Хартленду и таким образом имеют возможность контролировать баланс сил во всей Евразии. Концепция Н. Спайкмена, выдвинутая еще во время Второй мировой войны, теоретически обосновала переориентацию внешней политики США на активное вмешательство в политические процессы за пределами Западного полушария.

Дальнейшим развитием идей Н. Спайкмена стала концепция другого американского геополитика — С. Коэна, поделившего весь мир на геостратегические и геополитические регионы. Геостратегическими им были названы те регионы, которые играют определяющую роль в мировой политике и экономике. С. Коэн выделил всего два таких региона: мир зависящих от морской торговли океанических держав и евразийский континентальный мир. Ядром первого геостратегического региона является территория самих США с прямыми выходами к трем главным океанам — Атлантическому, Тихому и Северному Ледовитому. Сердцевина второго геостратегического региона — российский промышленный район, включавший европейскую часть тогдашнего СССР, Урал, Западную Сибирь и Северный Казахстан. Страны морского побережья Западной и Северной Европы также входят в состав первого геостратегического региона, как и континентальный Китай в состав второго, но занимают в них периферийное положение. Нетрудно заметить, что данная геополитическая концепция отражала мировые реалии периода «холодной войны» с присущей ему биполярной структурой международных отношений.

В годы «холодной войны» геополитическая ситуация во многих регионах оставалась относительно стабильной. Окончание же «холодной войны» вызвало, помимо всего прочего, серьезные геополитические сдвиги, породившие нестабильность в прежде более или менее спокойных регионах. Эти изменения обусловили большой интерес к геополитическим исследованиям во всем мире, в том числе и в нашей стране. Такой интерес вполне закономерен, поскольку геополитика отражает объективно существующую взаимосвязь между географическими факторами и внешней политикой государства. Но следует помнить, что геополитика — лишь одно из направлений в исследовании мировой политики и международных отношений и строить реальный политический курс, учитывая только геополитический аспект, было бы ошибочным.

§ 4. Становление и развитие современной теории международных отношений

В процессе становления современной политической науки сформировалось несколько направлений теории международных отношений. Во многом они связаны с предшествующей историей социально-политической мысли. Первоначально основная дискуссия в области теории международных отношений развивалась между представителями политического идеализма и политического реализма. Первое направление воспроизводило подходы, характерные для таких мыслителей, как Г. Гроций и И. Кант. Сторонники политического идеализма надеялись добиться отказа от насильственных, военных способов в разрешении конфликтов между государствами, опираясь исключительно на правовые и моральные регуляторы. Особая роль отводилась международным организациям, силе общественного мнения, системе коллективной безопасности. Примером политического идеализма являются идеи и практическая деятельность президента США Вудро Вильсона, пытавшегося после окончания Первой мировой войны на основе принципов христианской морали добиться такой перестройки международных отношений, которая бы исключила в будущем войну как общественное явление. Практическим следствием идей и деятельности В. Вильсона стало создание первой универсальной организации — Лиги Наций. Однако в целом политика, основанная на идеалистическом подходе, не достигла провозглашенных целей и вызвала глубокое разочарование в самих США.

Одним из результатов этого разочарования было формирование в молодой американской политологии направления политического реализма. Данное направление основывалось на традиции, восходящей к Н. Макиавелли и Т. Гоббсу и постепенно превратилось в ведущее. С точки зрения политического реализма, на международной арене постоянно идет противоборство государств, стремящихся к увеличению своего влияния. По мнению одного из основоположников политического реализма, известного американского политолога Ганса Моргентау, цели внешней политики должны определяться в терминах национального интереса и поддерживаться соответствующей силой. Анализ категорий «национальный

интерес» и «национальная сила» находился в центре внимания самого Г. Моргантау и других представителей американской школы политического реализма — Дж. Кеннана, К. Томпсона, Ч. Маршалла, Л. Халле, Ф. Шумана, Ч. и Ю. Ростоу, Р. Страуса-Хюпе.

В англоязычной литературе понятие «нация» тождественно понятию «государство», что соответствует западным традициям и реалиям, где давно уже сформировалось и национальное государство, и гражданское общество. Поэтому речь фактически идет о национально-государственных интересах. Представители школы политического реализма подразделяют их на постоянные, основополагающие и преходящие, промежуточные интересы. К числу первых относятся: *интересы национальной безопасности*, под которыми подразумевается защита территории, населения и государственных институтов от внешней опасности; *национальные экономические интересы*, а именно развитие внешней торговли и рост инвестиций, защита интересов частного капитала за границей; *интересы поддержания мирового порядка*, включающие взаимоотношения с союзниками, выбор внешнеполитического курса.

Промежуточные интересы по степени значимости можно выстроить в следующем порядке: *интересы выживания*, то есть предотвращение угрозы самому существованию государства; *жизненные интересы*, то есть создание условий, препятствующих нанесению серьезного ущерба безопасности и благосостоянию всей нации; *важные интересы* — предотвращение нанесения «потенциально серьезного ущерба» для страны; *периферийные или мелкие интересы*, связанные с проблемами преимущественно локального характера.

В зависимости от конкретной ситуации, складывающейся в мировой политике, на первое место выдвигаются те или иные основополагающие или промежуточные интересы в различных сочетаниях между собой.

Термин «национальная сила», применяющийся в англоязычной литературе, не имеет точного эквивалента в отечественной. Наиболее близок он таким понятиям, как «государственная мощь», «внешнеполитический потенциал государства». Речь идет о ресурсах, которые государство может задействовать для достижения целей своей внешней политики. При выявлении того, что они понимаются под «национальной силой», представители послевоенной волны политических реалистов в США находились под сильным воздействием геополитических концепций. Г. Моргантау многое

заимствовал у А. Мэхэна и Н. Спайкмена. По его мнению, в структуру «национальной силы входят следующие элементы: географическое положение, природные ресурсы, производственные мощности, военный потенциал, численность населения, национальный характер, моральный дух нации, качество дипломатии.

Вместе с тем Г. Моргентау вовсе не отвергал роли права и морали в политике. Напротив, он утверждал, что политический реализм признает моральное значение политического действия. Однако американский политолог указывал на существование неизбежного противоречия между моральным императивом и требованием успешного политического действия. Государство не может, по его мнению, действовать по принципу: «Пусть мир погибнет, но справедливость должна восторжествовать!» Поэтому моральные критерии по отношению к действиям людей, определяющих государственную политику, должны рассматриваться в конкретных обстоятельствах места и времени, а высшей моральной добродетелью в международных отношениях должна быть умеренность и осторожность. Г. Моргентау фактически выступил против навязывания каким-либо одним государством своих принципов всем остальным, утверждая, что политический реализм отказывается отождествлять моральные стремления какой-либо нации с универсальными моральными нормами.

Поскольку направление политического реализма было ведущим в США, то и в Западной Европе постулаты этого направления получили самое широкое распространение. Западноевропейские политологи лишь использовали концепцию Г. Моргентау и других американских реалистов для объяснения тех или иных событий в международной политике, поэтому их работы не были оригинальными в теоретическом отношении. Исключением следует считать французскую школу изучения мировой политики и международных отношений. Ее ведущим представителем в 60-х гг. XX в. по праву считался выдающийся французский социолог, политолог и философ Раймон Арон.

Р. Арона нельзя называть ортодоксальным приверженцем школы политического реализма, поскольку он остро критиковал многие основополагающие тезисы, содержащиеся в работах Г. Моргентау. Вместе с тем Р. Арон в конечном счете пришел к тем же выводам, что критикуемая им школа политического реализма.

Р. Арон считал, что для внешней политики государств характерны две символические фигуры — дипломата и солдата, поскольку

отношения между государствами «состоят, по существу, из чередования войны и мира». Каждое государство может рассчитывать в отношениях с другими государствами только на свои собственные силы, и поэтому оно должно постоянно заботиться об увеличении своей мощи. Р. Арон усматривал специфику международных отношений в отсутствии единого центра, обладающего монополией на насилие и принуждение. Поэтому он признавал неизбежность конфликтов между государствами с применением силы и делал из этого вывод о том, что подлежат объяснению, прежде всего, причины мира, а не войны.

Несмотря на совпадение ряда базовых принципов и подходов французского социолога с аналогичными принципами и подходами школы политического реализма, между ними сохранялись и существенные различия. Р. Арон стремился дать социологическое объяснение многим феноменам в сфере мировой политики и международных отношений. Вслед за классиками социологии XIX в. он видел отличия между традиционным и индустриальным обществами в самом главном вопросе международных отношений — в вопросе о войне и мире.

В традиционном обществе, где технологическим и экономическим фундаментом является рутинное сельскохозяйственное производство, объем материального богатства заведомо ограничен, а само богатство сводится в основном к двум главным ресурсам — земле и золоту. Поэтому, указывает Р. Арон, завоевание было рентабельным видом экономической деятельности (естественно, для победителя). Таким образом, существовала рациональная мотивация использования вооруженной силы для присвоения богатств, произведенных трудом других народов. С переходом к индустриальному обществу рентабельность завоеваний стала неуклонно падать по сравнению с рентабельностью производительного труда. Происходило это потому, что развитие новых индустриальных технологий, широкое использование достижений науки и технического прогресса обусловило возможность интенсивного роста совокупного общественного богатства без расширения пространства и без завоевания силой сырьевых ресурсов. Как подчеркивал Р. Арон, во второй половине XX в. экономическая прибыль, которая может быть получена в результате войны, смехотворна по сравнению с тем, что дает простое повышение производительности труда.

Однако все вышеперечисленные обстоятельства не могут полностью исключить военную силу из числа средств достижения

внешнеполитических целей. Хотя значение этой силы уменьшилось, а значение экономических, идеологических и иных не чисто насильственных факторов внешней политики возросло, риск возникновения военных конфликтов не исчез. Причина тому — сохранение естественного состояния в международных отношениях и, как следствие, потенциальная возможность несовпадения, конфликта государственных интересов, взаимного недоверия, роковых ошибок в принятии внешнеполитических решений. Несмотря на кардинальные изменения в системе международных отношений, сохраняются прежние стереотипы в мышлении политических лидеров и военных, стереотипы, выработанные в те времена, когда применение военной силы было само собой разумеющимся. Личностный фактор становится, таким образом, весьма важным фактором мировой политики, а в исследовании международных отношений главным направлением — изучение способов и методов принятия внешнеполитических решений.

Модернизм появился в середине 50-х гг. XX в. и стал своеобразным противовесом господствовавшему в сфере изучения международных отношений политическому реализму. Возникновение нового направления было обусловлено разными причинами. Во-первых, влиянием технологического и научного прогресса, новыми средствами и возможностями для теоретического и эмпирического изучения международных отношений. Во-вторых, изменениями в мировой политике, вызванными ослаблением в конце 50-х гг. XX в. накала «холодной войны». В-третьих, приходом в американскую политическую науку нового поколения ученых. Куинси Райт, Мортон Каплан, Карл Фридрих и Карл Дойч, а именно с этими именами связывают рождение модернизма, стремились привнести в теорию международных отношений новые идеи и методы, частично заимствуя их из других общественных и естественных наук.

Усилия модернистов во многом были направлены на выработку некоей альтернативной политическому реализму общей теории международных отношений. Надежды на создание подобной теории были связаны с использованием для исследования мировой политики и международных отношений общей теории систем. Первая подобная попытка была предпринята в 1955 г. Ч. Макклеландом, выдвинувшим предположение о том, что международные отношения следует рассматривать как систему, состоящую из взаимосвязанных частей, структура которой в значительной степени опреде-

ляет поведение объединенных ею государств. Дальнейшее развитие данная концепция получила в работах М. Каплана, Дж. Розенау, Р. Розенкранца, Д. Сингера и других американских политологов. Они считали целью всякой международной системы сохранение внутреннего стабильного состояния.

В структурном отношении международная система подразделялась на отдельные подсистемы и элементы, которые во взаимодействии с окружающей средой проявляют себя как единое целое. Общее состояние международных систем определяется независимыми и зависимыми переменными. Термином «независимые переменные» обозначались основные акторы международных отношений (государства, международные организации), структура международной системы (различные типы политических и иных союзов и группировок), формы и виды взаимодействия между основными элементами системы (экономические, военные, дипломатические каналы взаимодействия в условиях либо конфликта, либо сотрудничества). Зависимые переменные включали: могущество государства (способность оказывать влияние на поведение других акторов), управление силой (применение силы одним государством против другого государства), стабильность существующей структуры и процессов в международной системе и их изменение. На основе количественного анализа перечисленных переменных предпринимались попытки построения математических моделей международных систем.

Внимание модернистов привлекал также вопрос о связи международной системы с внутренними политическими системами. Иначе говоря, проблема взаимодействия системы и среды рассматривалась как проблема воздействия внутренней политической ситуации на международные отношения, и наоборот. Один из самых известных представителей модернизма 60-х гг. XX в., Джеймс Розенау, выделил пять основных факторов, влияющих на внешнюю политику.

1. Индивидуальные факторы, под которыми понимаются личные качества, таланты, предшествующий опыт политических деятелей, определяющие особенности принятия внешнеполитических решений данными лидерами по сравнению с другими.
2. Ролевые факторы или, иными словами, факторы, имеющие отношение к внешнему поведению государственных деятелей, обусловленные ролью, вытекающей из занимаемого ими официального положения, а не из личных качеств и характеристик.

3. Правительственные факторы, касающиеся тех аспектов правительственной структуры, которые определяют границы внешнеполитического выбора политических лидеров.
4. «Общественные переменные» — основные ценности общества, степень его национального единства, уровень экономического развития и т. д.
5. «Системные переменные», то есть факторы, определяемые воздействием внешней среды и международной системы на внешнеполитический выбор государственных лидеров (географические реальности, идеологические вызовы со стороны других государств, стабильность правительств в странах, с которыми данное государство взаимодействует в системе международных отношений и т. д.).

Неудивительно, что при таком подходе к пониманию сути внешней политики и детерминирующих ее факторов внимание модернистов было сосредоточено на субъективной стороне международных отношений, на изучении роли отдельных личностей и групп в принятии внешнеполитических решений. Большую известность получила концепция Р. Снайдера. По его мнению, механизм принятия внешнеполитического решения можно объяснить взаимодействием трех переменных величин: ролью и взаимоотношением различных органов, поступлением в них информационных потоков и действиями отдельных лиц. Среди теоретических школ модернистского направления получила известность также теория игр. Цель теории — разработка линии поведения в различных смоделированных политических и экономических ситуациях.

Основным противовесом традиционным представлениям о мировой политике и международных отношениях, начиная с 70-х гг. XX в., стала концепция *транснационализма*. Новое направление в изучении мировой политики и международных отношений оформилось в 1971 г. с выходом в свет под редакцией Р. Кеохэйна и Дж. Найа книги «Транснациональные отношения и мировая политика». В этой работе на основе анализа сдвигов в мировом общественном развитии, происшедших к началу 70-х гг. XX в., Най и Кеохэйн констатировали резкий рост уровня взаимозависимости между отдельными странами, а также усиление взаимообмена в экономической, политической и социальной сферах. Государство больше не способно полностью контролировать такой обмен, оно утрачивает свою прежнюю монопольную роль главного субъек-

екта международных отношений. С точки зрения сторонников транснационализма, полноправными субъектами международных отношений могут выступать транснациональные компании, неправительственные организации, отдельные города или иные территориальные общности, различные промышленные, торговые и иные предприятия, наконец, отдельные индивиды. К традиционным политическим, экономическим, военным отношениям между государствами добавляются разнообразные связи между религиозными, профессиональными, профсоюзными, деловыми кругами этих государств, причем роль последних может иногда равняться роли первых. Утрата государством прежних места и роли в международном общении нашла выражение и в терминологии — замене термина «интернациональный» (межгосударственный, исходя из западного понимания единства нации и государства) термином «транснациональный» (то есть осуществляемый помимо государства, без его непосредственно участия).

Последователи транснационализма сделали вывод, что на смену традиционным международным (межгосударственным) отношениям должна прийти новая мировая политика как механизм демократической самоорганизации качественно обновленного международного сообщества. Главные тенденции этой политики будут определяться уже не столько индивидуальными действиями отдельных государств, сколько логикой развития международных политических институтов: глобальных и региональных международных организаций, системой официальных договоров и неофициальных договоренностей, институтами международного права и мирового общественного мнения.

Транснационализм стремился реабилитировать некоторые либеральные подходы к международной политике, отвергнутые прежде как идеалистические. В частности, это касается идей И. Канта, изложенных им в трактате «О вечном мире». Одновременно приверженцы транснационализма считали возможным примирить традиционные («реалистические») и либеральные («идеалистические») взгляды на мировую политику и международные отношения, поскольку эти взгляды, по их мнению, дополняют друг друга.

Возрастание взаимозависимости и снижение роли силового фактора в международных отношениях объяснялось действием ряда объективных тенденций в мировом общественном развитии, приводящим к расширению возможностей частных субъектов и небольших государств по сравнению с возможностями великих

держав. Первая тенденция связана с развитием транспорта и массовых коммуникаций. Это, в свою очередь, способствовало появлению и быстрому росту транснациональных корпораций при одновременном ослаблении правительственного контроля над их действиями. Мировая торговля стала теснить в структуре мировой экономики материальное производство, а это еще больше повысило роль транснациональных субъектов и сделало взаимозависимость между странами еще более сложной и интенсивной.

Вторая тенденция связана с процессами модернизации, урбанизации и развитием коммуникаций в странах третьего мира. Последствиями этих процессов стали социальные сдвиги и рост национализма в этих странах, что препятствует осуществлению военных интервенций и иных традиционных средств обеспечения господства со стороны более развитых государств. Причина поражения США во Вьетнаме и Советского Союза в Афганистане и заключалась в том, что обеим сверхдержавам не удалось навязать свою волю социально мобилизованному и националистически настроенному населению бедных и отсталых стран. В этом сторонники транснационализма также видят перераспределение власти в международных отношениях от правительств к частным субъектам, в данном случае национально-освободительным движениям.

Третья тенденция также ведет к перераспределению власти, но не в пользу частных субъектов, а в пользу небольших и слабых государств. В результате широкого распространения новых технологий, в том числе и военных, отсталые страны способны укреплять свой военный потенциал даже без сколько-нибудь серьезного экономического и социального прогресса. Поэтому военное вмешательство сверхдержав на региональном уровне становится все менее «рентабельным» и тем самым уменьшается их способность влиять на ситуацию в Третьем мире.

Четвертая тенденция заключается в сокращении возможностей ведущих государств мира контролировать состояние окружающей среды. Обострение экологической и других глобальных проблем выявляет неспособность даже наиболее крупных и могущественных государств справиться с ними. Эти проблемы по своей природе являются транснациональными, поскольку включают в себя как внутрисполитический, так и внешнеполитический компоненты. Решение глобальных проблем возможно только в рамках коллективных действий и сотрудничества всех государств. Отсюда исходит и стремление многих сторонников транснационализма рассматри-

вать весь мир как глобальное гражданское общество, то есть возрождать одно из традиционных либеральных положений, которое было теоретической предпосылкой для обоснования необходимости создания наднациональных органов вплоть до образования мирового государства.

Модификация в концепции транснациональных отношений тезисов классической либеральной доктрины дает основание многим исследователям идентифицировать ее вместе с рядом более мелких направлений (например, «функциональным подходом» Э. Хааса) как неолиберализм. Формирование неолиберального взгляда на мировую политику и международные отношения является отражением существенных изменений, происшедших в мире во второй половине XX в. Эти изменения заставили вносить коррективы в свою концепцию и главного оппонента либерального направления в теории международных отношений — школу политического реализма. В 70-х гг. XX в. традиционный реализм трансформировался в неореализм.

Утверждение неореализма в качестве самостоятельного направления исследований международной политики связывают с выходом в свет в 1979 г. книги К. Уолтца «Теория международной политики». Сохраняя приверженность традиционным постулатам классического политического реализма о естественном характере международных отношений, о национальном интересе как главной детерминанте внешней политики государств и о силе как средстве достижения целей такой политики, неореализм одновременно существенно обновил его воззрения.

В первую очередь это касается отказа от чисто эгатистского подхода к мировой политике как лишь к сфере борьбы отдельных государств за могущество и влияние между собой. Новое в неореализме выразилось в признании того факта, что действия государств зависят от структуры самой системы международных отношений, в которой все большую роль начинают играть международные организации и негосударственные акторы. «Естественное состояние» международных отношений сохраняется только для великих держав, взаимодействующих между собой и определяющих структурные свойства международной системы. Действия же мелких и средних государств зависят, прежде всего, от их места и роли в этой системе, следовательно, для них уже не подходит прежнее представление политического реализма о целях и детерминантах внешней политики. Неореалисты вслед за неолибералами признают

снижение роли чисто военных и, соответственно, возрастание роли экономических и социальных факторов в международных отношениях. Но делают это своеобразно: по их мнению, увеличивается экономическая составляющая совокупной мощи государства и относительно падает доля военной составляющей, но стремление к большей безопасности путем наращивания силы, как глубинный мотив внешнеполитического поведения самого государства, по-прежнему сохраняется.

Современные различия между неореалистами и неолибералами, по мнению американского политолога Д. Болдуина, сводятся к шести основным пунктам. Во-первых, неолибералы признают, что международная система характеризуется некоторой анархией, но в отличие от неореалистов, считающих такую анархию основополагающей, придают большее значение наработанным во внешнеполитической практике определенным моделям взаимодействия между государствами. Во-вторых, неореалисты согласны с неолибералами в том, что широкое международное сотрудничество и объединение усилий государств в различных сферах возможно, но в отличие от них считают такое сотрудничество и взаимодействие трудно осуществимым и по-прежнему в большей степени зависящим от правительств, чем от частных субъектов. В-третьих, неореалисты видят в кооперации (то есть сотрудничестве, объединении усилий) лишь относительную выгоду для государств, в то время как неолибералы настаивают на абсолютной выгоде от кооперации для всех ее участников. В-четвертых, хотя сторонники обоих подходов согласны с тезисом о том, что двумя главными приоритетами государства являются национальная мощь и экономическое благополучие, однако неореалисты отдают предпочтение первому, а неолибералы — второму. В-пятых, в отличие от неолибералов неореалисты больше подчеркивают значение действительных возможностей и ресурсов государства, чем декларируемых политических намерений. В-шестых, хотя неореалисты и признают возрастание роли международных организаций и их способности воздействовать на международные отношения, но полагают, что неолибералы преувеличивают такую возможность. К этим пунктам можно добавить и то, что, как правило, сами неолибералы склонны отрицать существование серьезных различий между ними и неореалистами, тогда как последние стремятся такие различия всячески подчеркнуть.

В конце XX в. в теории международных отношений сформировалось течение, получившее название постмодернизм. Постмо-

дернистский взгляд на мир означал критическое переосмысление всех результатов общественного развития за последние два столетия. Постмодернистские концепции отвергают многие положения, утвердившиеся в философии и гуманитарных науках, начиная с эпохи Просвещения. В теории международных отношений постмодернизм бросил вызов всем традиционным направлениям — и неореализму, и неолиберализму. Но наиболее критически он относился к неореализму. С неолибералами постмодернисты сходятся в вопросах снижения роли национальных государств и повышении роли негосударственных субъектов в мировой политике. Но они идут и дальше, утверждая исчезновение самого принципа территориальности политической власти. На этом основываются концепции «смерти географии», «сжатия времени-пространства», «эмансипации территориальности». Территориальный принцип построения власти, с точки зрения постмодернизма, возможен в случае однородности населения, а поскольку такой однородности в современном мире становится все меньше, то и данный принцип должен уйти в прошлое. Постмодернисты констатируют, что многие из существующих ныне политических, этнических, культурных, религиозных или профессиональных общностей действуют в масштабах, далеко выходящих за пределы самых крупных государственных образований. Все чаще имеет место внерегиональная, внегосударственная, в целом, внетерриториальная форма организации экономических, политических, социокультурных, этноконфессиональных процессов.

По мнению некоторых постмодернистов, традиционные основы национальных государств размываются не только из-за перераспределения значительной части властных полномочий в пользу наднациональных структур, таких как Европейский Союз, но и потому, что сама политическая власть теряет свое значение по отношению к власти экономических институтов и глобальных рыночных механизмов. Постмодернисты вводят понятие «внутренняя граница», которая разделяет группы и отдельных индивидуумов внутри каждого государства. «Внутренняя граница» приходит на смену традиционным государственным границам, поэтому в будущем следует ожидать перехода от территориальных сообществ к сетевым сообществам, функционирующим на базе общих интересов и ценностей и не зависящих от территориальной принадлежности участников. Территориальность, в соответствии со взглядами постмодернистов, может быть поглощена иными интегрирующими

факторами, например принадлежностью к той или иной мировой религии. В таком случае этнонациональная принадлежность или гражданско-политическая лояльность по отношению к государственным институтам может обладать меньшей значимостью, чем вероисповедание, чувство солидарности с единоверцами.

Постмодернисты отказывают общественным наукам в объективности и беспристрастности. Научные выводы не отражают социальную реальность, а творят ее. Представитель постмодернистского направления в теории международных отношений Дж. Дер Дериан утверждал, что даже холодная война стала результатом появления в американской политической науке школы «политического реализма». Каждое направление в теории международных отношений, по мнению постмодернистов, является выражением интересов определенных политических элит и государств. В основном это интересы развитых государств Запада и, соответственно, их элит и лидеров. Сложившийся мировой порядок также выражает эти интересы. Поэтому для того чтобы его изменить, следует брать за основу концепции, основанные на иных, ранее не принимавшихся в расчет интересах. Примером подобного постмодернистского подхода являются феминистские концепции международных отношений. В рамках этих концепций современное состояние международных отношений, отличающееся высоким уровнем конфликтности и агрессии, связывается с традиционным доминированием в мировой политике мужского начала с его склонностью к насилию. Следовательно, сделать мир более стабильным и безопасным может более широкое представительство женщин в политике, поскольку женское начало олицетворяет собой стремление к сохранению семейного очага и заботу о детях.

По мере развития теории международных отношений возникла дискуссия о ее статусе и месте в структуре социально-гуманитарного знания и соотношении с политической наукой.

Некоторые зарубежные и российские специалисты выдвигают тезис о том, что произошло размежевание теории международных отношений и политической науки. Более того, высказывается мнение о существовании отдельной науки о международных отношениях. С одной стороны, представления об обособлении области изучения международных отношений от политологии имеют под собой объективную основу институционального характера. Если в 50-х гг. XX в. международная проблематика разрабатывалась внутри общеполитологических структур, то в последние десятилетия

наблюдается организационное усложнение данных структур, выделение отдельных подразделений, занимающихся исследованием международной политики. Сегодня в странах Запада подготовка политологов и специалистов в области международных отношений и дипломатии часто осуществляется раздельно, в России же так было принято изначально. Очевидно, тезис о существовании отдельной науки — теории международных отношений — стал отражением такой тенденции, поскольку традиционно всем фундаментальным наукам соответствует отдельный учебно-научный комплекс. Например, такие науки, как биология, физика, химия, история и т. д., изучаются в рамках соответствующих факультетов университетов, по ним готовят специалистов для научной и практической деятельности.

С другой стороны, подготовка специалистов в области международных отношений имеет свою специфику, которая заключается в изучении большого количества дисциплин, например иностранных языков. К тому же в современном мире международные отношения отнюдь не сводятся к отношениям политическим, следовательно, специалист в этой сфере — это не всегда политолог. Международные отношения обладают сложной внутренней структурой и исследуются не отдельной наукой, а целым набором научных дисциплин. Каждая из них связана со своей «материнской» сферой научного знания: международное право — составная часть юридической науки; история международных отношений — составная часть исторической науки; мировая экономика и международные экономические отношения — часть экономической науки. Теория международных отношений рассматривалась в этом ряду как составная часть политической науки. В современных условиях это положение изменилось, но лишь отчасти. Сегодня наука развивается динамично, во всех областях научного знания происходят значительные перемены, объем научных знаний возрастает, увеличивается число исследовательских проблем и направлений. Вследствие этого внутри наук обособляются отдельные субдисциплины, которые могут стать полностью самостоятельными, возникают пограничные области знания. Сфера политических исследований не является исключением.

В последние годы в рамках политологии появляются новые разделы, такие как сравнительная политология, этнополология, экполитология и т. д. Кроме политологии, развиваются и другие науки о политике — политическая философия, политическая со-

циология, политическая антропология, политическая психология, политическая история, политическая география (см. главу I). Место теории международных отношений, на наш взгляд, между этими относительно самостоятельными политическими науками и одним из разделов политологии, каковой, собственно, она и была в момент рождения и на первых этапах своего развития. В целом можно сделать вывод, что процесс превращения теории международных отношений в полностью самостоятельную науку, видимо, еще не завершился, о чем свидетельствует и сама дискуссия о ее нынешнем статусе.

Контрольные вопросы и задания

1. Как соотносятся между собой понятия «международные отношения», «международная политика» и «мировая политика»?
2. Какие проблемы международных отношений привлекали к себе внимание мыслителей на различных этапах истории социально-политической мысли?
3. В чем состоит специфика геополитического подхода к анализу международных отношений?
4. В чем причина возникновения «школы политического реализма» и каковы ее теоретико-методологические принципы?
5. В чем сходство и в чем различие взглядов на международные отношения Г. Моргантау и Р. Арона?
6. Дайте характеристику модернистского направления исследования международных отношений.
7. Сравните основные методологические и теоретические подходы неореализма и неолиберализма.

ГЛАВА XIX

Международные отношения как система

---

§ 1. Типология международных отношений и международных акторов

Системный подход к изучению международных отношений предполагает, с одной стороны, выделение основных элементов, которые составляют данную систему, с другой стороны, — анализ их внутренней структуры. Основными элементами системы международных отношений традиционно были государства. Важнейшим признаком государства как участника международных отношений является государственный суверенитет. Суверенитет означает, что данный социальный субъект не признает в отношении себя никакой другой власти, кроме собственной, никаких других обязательств, кроме тех, которые были взяты им на себя добровольно или под воздействием объективных обстоятельств. Кроме того, государства как международные акторы отличаются от других международных акторов наличием собственной территории и постоянного населения. Государство обладает всеми ресурсами, которые используются в политике в целом и в международной политике в частности. Это — экономические, идеологические, культурные, информационные, правовые и собственно политические ресурсы, например дипломатия. Государству принадлежит монополия на использование легитимного насилия не только на собственной территории, но и в международных отношениях.

Современное международное право ограничивает применение силы в мировой политике. Однако только государства имеют легальную возможность содержать свои вооруженные силы. То, что имеет право делать государство, категорически запрещено частным структурам и частным лицам. Морское судно, принадлежащее государству, может быть вооружено, более того, государства обладают военным флотом. Но то, что частные лица без ведома государственных органов или международных организаций вооружают какое-либо морское или речное судно, расценивается как пиратство — один из видов преступлений международного характера. Действия, являющиеся законными для лиц, находящихся на государственной службе, для частных лиц могут быть уголовно наказуемы.

Суверенитет государства как актора международной политики гарантируется международным правом. Обычно между политическим и правовым статусом государства не существует противоречия. Государство, соответствующее всем общепринятым критериям, получает международное признание и становится полноценным субъектом международного права. Однако существуют государства, получившие в свое время международное признание, но сегодня не вполне соответствующие общепринятым критериям. Прежде всего, на территории таких стран отсутствует централизованная система легитимных политических институтов. Нередко их отдельные части находятся под контролем преступных и террористических группировок. Говорить в таком случае о полноценном государственном суверенитете не приходится, и в научной политологической литературе используется определение «*несостоявшееся государство*». Число таких государств увеличилось в последние годы, особенно на африканском континенте. Типичным примером является Сомали, прибрежные воды которого стали опасными для международного морского судоходства из-за действий никем не контролируемых и никому не подчиняющихся пиратов.

Кроме несостоявшихся государств в мировой политике и международных отношениях на рубеже XX и XXI вв. заметным явлением стали *непризнанные государства*. Непризнанные государства обладают, в отличие от несостоявшихся, всеми общепринятыми признаками государства де-факто, но они не получили международного признания де-юре. С точки зрения международного права подобных субъектов не существует, но в политической реальности они есть. Среди непризнанных государств можно найти такие, которые действительно никто не признал и не собирается этого делать,

например Нагорно-Карабахская республика и Приднестровская Молдавская республика. Можно найти образования, которые получили признание только одного из всех обладающих реальным суверенитетом государств. Пример этого — Турецкая Республика Северного Кипра, которую никто, кроме самой Турции, никогда официально не признавал.

Существуют и государственные образования, получившие частичное международное признание, например Тайвань. Китайская Народная Республика рассматривает Тайвань как одну из своих провинций. Эту точку зрения разделяют Российская Федерация и многие другие страны мира. Но с 1949 г. этот остров контролируется некоммунистическими политическими силами. Эти силы (Гоминьдан и другие действующие там партии) считают, что на Тайване временно находятся легитимные власти Китайской республики. В этом качестве Тайвань до сих пор признают некоторые иностранные государства. Скорее всего, со временем Тайвань объединится с материковым Китаем, но пока, очевидно, будет сохранять нынешний, неопределенный статус.

Столь же неопределенный статус имеют еще несколько государственно-территориальных образований, получивших в последнее время частичное международное признание. Примером такого образования является Сербский Край Косово, находившийся с 1999 г. под международным контролем и в одностороннем порядке провозгласивший весной 2008 г. свою независимость. Хотя Косово не вполне соответствует всем необходимым критериям, его признали США, некоторые страны Западной Европы и других регионов мира. Россия, Китай и большая группа государств отказались признавать Косово. Одновременно Россия, Никарагуа и еще несколько стран после акта грузинской агрессии против Южной Осетии признали эту республику, а также Абхазию в качестве независимых государств и установили с ними официальные отношения. Примеры несостоявшихся и непризнанных государств демонстрируют, как меняется в современном мире характер акторов международных отношений.

Изменение характера таких акторов проявляется и в увеличении числа международных организаций, а также возрастании их роли в мировой политике. В целом под *международными организациями понимают учреждения, созданные представителями нескольких государств для совместного достижения общих целей и решения задач, требующих постоянного международного сотруд-*

ничества. Выделяют два основных вида международных организаций — *международные межправительственные* и *международные неправительственные* организации. Международные межправительственные организации — это организации, созданные представителями официальных властей (правительств) суверенных государств. Неправительственные организации создаются представителями неофициальных неправительственных структур, существующих и действующих на территории различных государств.

Первые международные межправительственные организации появились в 20–30-х гг. XIX в. на основе международных конференций. *Международные конференции представляют собой встречи представителей нескольких государств, на которых обсуждаются интересующие их проблемы и принимаются совместные решения*. Конференции — временные мероприятия, хотя они могут длиться месяцами, а иногда и годы, сроки работы конференций ограничены. Чаще всего конференции созывались для выработки условий мирных договоров, решения политических, экономических или юридических споров. Когда в практике международных отношений появились вопросы, требующие постоянного обсуждения и принятия по ним совместных решений, конференции стали превращаться в постоянно действующие учреждения и, таким образом, по основным признакам приближаться к современным международным организациям. С точки зрения современного международного права эти признаки таковы:

1. Международная организация создается на основе международного права, ее цели и задачи не могут противоречить основополагающим международным нормам и принципам.
2. Международные организации имеют договорной характер, то есть создаются и действуют на основе международного договора.
3. Международная организация должна иметь свои постоянные представительные органы, отличающие ее от любых временных образований.
4. Сферы деятельности организации должны быть четко обозначены.
5. Международные организации имеют вытекающие из их статуса права и несут связанные с ними обязанности наряду с другими участниками международных отношений.

6. Международные организации обладают собственной правосубъектностью, отличающейся от правосубъектности создавших их государств; правосубъектность международных организаций дает им возможность заключать юридически правомочные договоры с государствами и другими международными организациями, иметь постоянные представительства и временные делегации, действующие на основе дипломатического права.

В теории международных отношений существует несколько типологий международных межправительственных организаций. Исходя из целей, задач и содержания деятельности международных межправительственных организаций они делятся на *политические, экономические, военные организации и организации по специальным вопросам*.

Политические организации занимаются вопросами преимущественно политического характера: обеспечение международной безопасности, развитие межгосударственного сотрудничества во всех сферах, например Лига арабских государств, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. Военные или военно-политические организации построены по принципам военного союза, и кроме политического взаимодействия осуществляющие совместную подготовку к возможному ведению военных действий. В годы «холодной войны» военно-политических организаций было довольно много — это Организация Варшавского договора (ОВД), СЕАТО, СЕНТО и АНЗЮС. Сегодня из них сохранилась лишь Организация Североатлантического договора (НАТО). Деятельность экономических межправительственных организаций посвящена проблемам торговли, кредитно-финансовым отношениям, инвестиционной деятельности. Международными экономическими организациями являются Всемирная торговая организация (ВТО) и Международный валютный фонд (МВФ).

Большинство современных международных организаций — это организации по специальным вопросам, которые сосредоточены на отдельных сферах неполитического и неэкономического характера. Например, сфера транспорта находится в ведении Международной морской организации (ИМО), Международной организации гражданской авиации (ИКАО); связи — Всемирного почтового союза, Международного союза электросвязи; сфера культуры и образования — ЮНЕСКО; здравоохранения — Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ).

Организации, занимающиеся одновременно проблемами политического, экономического и иного характера, выделяют в разряд организаций общей компетенции, например Организация Объединенных Наций.

Одновременно ООН является и универсальной международной организацией. Деление международных организаций на *универсальные* и *региональные* основано на пространственно-географическом факторе. Членами универсальных организаций могут быть все государства мира, что вовсе не налагает на них обязательства быть ими. Кроме ООН к универсальным относятся организации, входящие в систему ООН: ЮНЕСКО, ИКАО и др. Членами региональных организаций могут быть лишь государства конкретного международно-политического или географического региона.

По условиям членства международные организации могут быть разделены на *открытые* и *закрытые*. Большинство международных организаций являются открытыми: в них могут вступить все государства, соответствующие критериям полноправного членства или присутствию в качестве наблюдателей. Присутствовать в качестве наблюдателей могут государства, которые не соответствуют критериям полноправного членства, но проявляют интерес к деятельности организации. Закрытые организации сами отбирают кандидатов для вступления в свои ряды и делают им специальные приглашения. Пример закрытой организации — НАТО.

Вовлеченность международных неправительственных организаций, а также других негосударственных акторов в международные отношения зависит от того, о каком виде этих отношений идет речь. Выделяют *политические, экономические, научно-технические, идеологические, культурные, военные* международные отношения. На первом плане стоят международные политические отношения. Политические международные отношения определяются тем, что это отношения государств. Любая проблематика межгосударственных отношений, ставшая предметом государственной политики, в том числе и внешней, пройдя сквозь механизм и процесс разработки и осуществления этой политики, приобретает политический характер, воплощается в межгосударственных политических отношениях. Экономические, научно-технические, идеологические, культурные и военные отношения воздействуют на политические отношения, преломляясь через внешнюю политику, через процесс формирования и реализации внешней политики государств. Любые общественные явления становятся объектом межгосударственных

политических отношений лишь тогда и постольку, когда и поскольку они опосредованно становятся объектом внешней политики государств, воплощаются во внешнеполитические цели, внешнеполитическую деятельность.

Различные виды отношений не только в субъективном плане, через политику государств, но и объективно являются политическими. В силу свойств самой системы межгосударственных отношений она концентрированно выражает различные отношения государств как в их политическом содержании, так и в специфической политической форме. Отделить собственно политические отношения государств, в отличие, например, от экономических, научно-технических, культурных и т. д., — весьма трудно, а порою невозможно. Всякое такое «отделение» носит условный характер и предполагает постоянный учет реального взаимодействия собственно политических проблем с другими.

В структуре международных отношений выделяют несколько уровней: *глобальный, региональный, субрегиональный, международно-ситуационный, групповой, двухсторонний*. Выделение первых трех уровней основано на геополитическом подходе и определяется пространственными факторами. Три последних уровня могут быть выделены и на глобальном, и на региональном, и субрегиональном уровнях международных отношений.

Глобальный уровень международных отношений охватывает наиболее общие проблемы мировой политики, экономического и социального развития человеческой цивилизации. Ни одно государство или иной актор международной жизни не может игнорировать проблемы глобального характера, хотя непосредственное участие в их решении является неодинаковым. Чем крупнее государство по своему размеру, чем выше его экономический и политический потенциал, тем больше оно вовлечено в глобальные политические и социально-экономические процессы.

При анализе *регионального уровня* международных отношений важнейшую роль играет категория «*международный политический регион*». Она означает отдельную подсистему международных отношений, которая складывается в крупных географических зонах. Но лишь географический фактор не является главным для выделения международного политического региона. В его основе лежат особые экономические, политические и иные отношения, складывающиеся между входящими в данный регион государствами. Географические границы региона могут поэтому меняться в зависимости

от динамики этих отношений или под влиянием иных факторов, например религиозного или политического характера. Например, на протяжении нескольких десятилетий было принято выделять в качестве отдельного международного политического региона Восточную Европу. К ней относили страны социалистического лагеря, расположенные между СССР и государствами Западной Европы. После распада мировой системы социализма территория бывшей ГДР отошла к Западной Европе, а оставшиеся страны стали все чаще объединять под новым названием — страны Центральной и Восточной Европы, иногда включая в их число некоторые западные республики бывшего СССР.

Различия между *региональным* и *субрегиональным* уровнями международных отношений весьма условны и зависят от точки отсчета. В одном случае та или иная географическая зона может быть названа «регионом», а в другом — «субрегионом». Так или иначе, субрегион является частью региона и представляет собой локальные группы государств с более тесными и имеющими свою специфику по отношению ко всему региону в целом взаимоотношениями. Упомянутая выше Восточная Европа была субрегионом в рамках Европейского региона, также как Персидский залив — субрегион региона Ближнего и Среднего Востока. В некоторых случаях границы регионов и субрегионов могут пересекаться между собой. Например, страны Южной Европы являются субрегионом в рамках Европейского региона и одновременно они же составляют субрегион в Средиземноморском регионе, в который входят также североафриканские страны.

Международно-ситуационный уровень может проявляться на любом структурном уровне системы межгосударственных отношений. Его главный отличительный признак — наличие конкретной международно-политической ситуации, порождающей особый узел политических, военно-стратегических и иных межгосударственных отношений. Типичный пример международно-политической ситуации — международный конфликт.

Региональный и субрегиональный уровни международных отношений по своей природе представляют собой отношения групповые. Но особый *групповой уровень* может быть выделен и внутри каждого отдельного региона и субрегиона. В качестве примера групповых отношений на глобальном уровне могут быть названы отношения в стратегическом «треугольнике» США—КНР—СССР на заключительном этапе «холодной войны». В целом же в период

«холодной войны» глобальный уровень международной политики был связан в большей степени с двусторонними советско-американскими отношениями. Двусторонние отношения на региональном и субрегиональном уровнях представлены наиболее широко и разнообразно.

§ 2. Теоретические модели международных систем

В теории международных отношений существуют различные подходы к типологии международных систем. Причем речь может идти о системах международных отношений, которые существовали, существуют или гипотетически могут существовать. На основе строго исторического подхода выделяют системы, сформировавшиеся после важнейших исторических событий, которые оказали значительное влияние на политический процесс. За примерами можно обратиться к часто встречающимся в литературе по истории международных отношений терминам «Венская система международных отношений», «Версальско-Вашингтонская система международных отношений», «Ялтинско-Потсдамская система международных отношений». В первом случае имеется в виду система международных отношений, сложившаяся после Венского конгресса 1815 г., во втором случае — после Версальской мирной конференции 1919–1920 гг., в третьем случае — после Ялтинской и Потсдамской конференций 1945 г. Все эти события на протяжении длительного времени влияли на развитие международных отношений, определив их особенности. Подобный подход вполне правомерен, но явно недостаточен с теоретико-методологической точки зрения.

Более распространенным в теории международных отношений является подход, в соответствии с которым главными критериями для выделения типов международных систем являются такие факторы, как количество и характер участников, а также особенности взаимодействия этих участников между собой. Примером может быть концепция известного скандинавского исследователя Й. Галлунга. По его мнению, могут существовать два «идеальных» типа международных систем и один «смешанный», характеризующейся той или иной комбинацией структур первых двух. Идеальными типами международной системы могут быть *эгалитарный* и *иерар-*

хический. Все элементы эгалитарного (от лат. *egalitas* — равенство) типа международной системы абсолютно равны и независимы друг от друга. Ни один актер подобной системы не имеет власти по отношению к какому-либо из других акторов, все акторы действуют исходя из своих собственных интересов. Поскольку их интересы не могут совпадать полностью, конфликты в такой системе неизбежны. Иерархический (от греч. *hierarchia* — расположение в порядке подчинения) тип системы международных отношений противоположен эгалитарному. Здесь отношения формализованы и подчинены жесткой иерархии. Каждый актер иерархической системы имеет фиксированный статус, определяющий его права и обязанности. Стоящие выше на иерархической лестнице акторы обладают властью по отношению к нижестоящим и могут контролировать и направлять их действия. Если все участники иерархической системы будут подчиняться установленным правилам, то конфликты между ними в принципе невозможны.

В реальной действительности, как полагал Й. Галлунг, в чистом виде не существует ни эгалитарных, ни иерархических систем, а есть смешанные типы, включающие элементы и одной, и другой. Международная система по характеру структуры и присущим ей закономерностям может приближаться к тому или иному идеальному типу, а может быть и равноудалена от них обоих.

Анализ практики международных отношений на основе теоретических положений Й. Галлунга позволяет сделать два вывода.

Во-первых, если в регионе складывается система отношений близкая к иерархической, с государством-гегемоном, обеспечивающим контроль над всеми другими акторами, то такая система отличается определенной устойчивостью и стабильностью, конфликты внутри нее маловероятны. В любом случае у государства-гегемона есть ресурсы и возможности для управления конфликтами, в том числе и для их полного прекращения, если они противоречат интересам самого государства-лидера.

В качестве примера можно назвать ситуацию, сложившуюся на европейском континенте в 40–80-х гг. XX в. Это был период холодной войны между двумя блоками. Внутри каждого из них сложилась система отношений, близкая к той, которую Й. Галлунг называл иерархической. На Востоке Европы Советский Союз сначала установил контроль над внешней и внутренней политикой государств «народной демократии», сплотив их в «социалистический лагерь», не имевший поначалу формальных институтов и механизмов управ-

ления. Затем отношения внутри «социалистического лагеря» были формализованы через создание Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) и Организации Варшавского договора. Аналогичный процесс происходил и на Западе, где при активной роли США в 1949 г. была создана Организация Североатлантического договора (НАТО). Хотя в НАТО были провозглашены демократические принципы взаимоотношений между его участниками, фактически в годы холодной войны данный блок выступал как орудие внешней и военной политики США. Государства — лидеры блоков не могли допустить открытых конфликтов внутри своих сфер влияния. Если не оценивать это с моральной точки зрения и оставить за рамками противостояние двух сверхдержав, то можно сказать, что на смену межгосударственным конфликтам и войнам, сотрясавшим Европу в предшествующую эпоху, пришел длительный период стабильности.

Во-вторых, если не понимать буквально термин «иерархическая система» как отсутствие равенства между государствами и насильственное навязывание воли одних государств другим, то такая модель международных отношений предполагает множество формальных правил и процедур. Иначе говоря, это господство международного права, широкое развитие сети международных организаций, наличие сложившихся и устойчивых международных режимов во многих сферах мировой политики и мировой экономики. Чем больше государства связаны между собой различными обязательствами, чем меньше пространство, где они могут действовать без оглядки на интересы и мнения других государств, тем меньше угроза открытых международных конфликтов, тем выше уровень международной стабильности и безопасности.

Широкую известность в научной среде приобрела разработанная на рубеже 50–60-х гг. XX в. типология международных систем М. Каплана. Всего ученый выделил шесть типов международных систем: *система «баланса сил», свободная биполярная система, жесткая биполярная система, универсальная система, иерархическая система и система вето.*

В *системе «баланса сил»* основными акторами являются национальные государства с широкими военными и экономическими возможностями. В этой системе не существует дифференциации ролей; если в ней насчитывается менее пяти государств-акторов, то система может оказаться неустойчивой. Если имеется пять или более таких государств, то они проявляют заинтересованность в том,

чтобы не допустить устранение других государств как основных акторов системы, сохранив их как будущих союзников. Каждый из акторов стремится обеспечить свою безопасность путем получения больших, чем равные возможностей в системе, поэтому они образуют союзы и вступают между собой в войны. Но эти войны носят локальный характер, а союзы неустойчивы. Возникающие коалиции чаще всего направлены против акторов, претендующих на господство или обладающих преимуществами, способными дать им господствующее положение. Любое из союзных государств-акторов может быть приемлемым партнером, ибо только таким образом оно в состоянии обеспечить себе оптимальную вероятность того, что будет членом победившей коалиции или не слишком пострадает от поражения, если окажется в проигравшей коалиции. Такая система является устойчивой.

В *свободной биполярной системе* роли дифференцированы. Она состоит из акторов различных типов: отдельных государств, блоков государств, лидеров блоков, членов блоков, неприсоединившихся стран и универсальных организаций. Устойчивость такой системы возрастает в том случае, если лидеры блоков обладают монополией на атомное вооружение. Союзы создаются на базе постоянных общих интересов. Войны имели бы тенденцию к превращению из локальных в тотальные, если бы не сдерживающее влияние ядерного оружия, а также посреднической деятельности неприсоединившихся стран и универсальных акторов. Такая система менее устойчива, чем система «баланса сил».

Жесткая биполярная система имеет много общего со свободной биполярной системой. Отличается она тем, что в жесткой системе упраздняется роль неприсоединившихся государств и в значительной степени атрофируется роль универсальной организации. В случае существования такой системы она характеризовалась бы очень высоким напряжением.

Универсальная система могла бы, по мнению М. Каплана, возникнуть в том случае, если бы ряд политических полномочий был передан универсальной организации. Такая система потребовала бы от части своих членов переориентации, поскольку предпочтение было бы оказано коллективным и международным ценностям.

Иерархическая система представляет собой модификацию универсальной. Предполагается, что она могла бы сформироваться вследствие изменения масштабов международной организации или установления единоличной власти какого-либо одного актора.

Система вето — это система государств-акторов или блоков-акторов, в которой каждый актор располагает значительным запасом атомных вооружений. Члены такой системы не склонны к образованию союзов. Они стремятся к тому, чтобы вероятность войны не увеличивалась, но при этом сохранялось бы напряжение, порождающее относительную неустойчивость. Эта система менее устойчива, чем свободная биполярная система.

В годы «холодной войны» система международных отношений балансировала между жесткой и свободной биполярными моделями. В 50-е гг. XX в. тенденция шла в сторону жесткой биполярной системы, поскольку противоборствующие сверхдержавы стремились вовлечь в орбиту своего влияния как можно больше стран, а количество нейтральных государств было невелико. Жесткая конфронтация США и СССР фактически парализовала ООН. США, располагая большинством голосов в Генеральной Ассамблее ООН, использовали ее как послушный механизм для голосования, чему СССР мог противопоставить только свое «право вето» в Совете Безопасности. В результате Организация Объединенных Наций объективно не могла играть возложенной на нее роли.

С конца 50-х гг. XX в. система международных отношений развивалась в сторону мягкой биполярной модели. За счет новых независимых государств Азии и Африки увеличилось количество нейтральных стран, многие из которых составили Движение неприсоединения. Несколько повысилась результативность деятельности ООН и других международных организаций. Но одновременно усилилось соперничество противоборствующих блоков в третьем мире, что стало причиной возникновения региональных конфликтов.

§ 3. Эволюция системы международных отношений в современных условиях

В 1991 г. Советский Союз перестал существовать как одна из сверхдержав биполярного мира. Это событие разрушило прежнюю международную систему.

В связи с этим на протяжении последних двух десятилетий в мировом политологическом сообществе идет дискуссия о характере

и структуре новой системы международных отношений. Главный вопрос этой дискуссии — вопрос о том, стал ли мир после окончания холодной войны однополюсным (однополярным) или многополюсным (многополярным).

Об однополюсном мире, в котором существует единственный центр силы, центр принятия решений и их реализации в различных частях света говорил в начале 90-х гг. XX в. американский политический обозреватель Ч. Краутхэммер. Он отмечал, что ожидания формирования многополюсного мира после окончания холодной войны с такими центрами как Япония, Германия, Европа, Китай, Россия, не оправдались. По его мнению, мир, каким он предстал сразу после окончания холодной войны — это не многополюсный, а однополюсный мир. Идею однополюсного мира поддержал известный политолог У. Уолворт. Политолог К. Лэйн пояснял, что в однополюсной системе геополитически преобладает одна держава, так как она обладает значительными возможностями для предотвращения формирования превосходящей или уравнивающей ее коалиции, направленной против нее. Так же определяют однополюсную систему другие американские исследователи, например Ч. Кегли и Г. Реймонд. По их словам, однополюсная система — это система, в которой одна страна наделена преобладающей силой.

Особым вариантом идеи однополюсного мира стала концепция *униполярности*, предложенная американским политологом А. Страусом и поддержанная рядом других западных исследователей в 90-х гг. XX в. Униполь, с точки зрения сторонников данной концепции, — совокупность экономически развитых демократических государств, перешедших от борьбы и соперничества между собой к тесному и институционализированному взаимодействию. При этом американские политологи главную, лидирующую роль во всех вариантах «униполя» приписывают Соединенным Штатам Америки. А. Страус указывал, что «униполь» состоит из демократических индустриальных стран, которые обладают превосходящим весом в глобальной системе, а Соединенные Штаты, в свою очередь, являются ведущей державой униполя. Ч. Краутхэммер утверждал, что существует только один единый полюс мировой силы, образуемый Соединенными Штатами, возвышающимися над индустриальным Западом.

Взгляды сторонников однополюсного или однополярного мира изначально подвергались критике. Критически настроенные ученые считали, что униполь как раз и не способен обеспечить стабильность

и продлить мир. Само состояние однополярности характеризуется как временное и исторически недолгое, поскольку неуравновешенная сила лидера создает среду, ведущую к появлению новых центров силы, великих держав и разрушению однополюсной системы. Уже упоминавшийся К. Лейн полагал, что «момент однополюсности» является моментом геополитической интерлюдии, которая уступит место многополюсности между 2000–2010 гг. Фактически об этом еще в начале 90-х гг. говорил и К. Уолтц. Он отмечал, что в сравнительно недалеком будущем, примерно в течение двадцати лет, три актора могут обрести ранг великой державы: Германия, Япония и Китай. Неизбежность трансформации «униполя» определялась, по его мнению, неизбежностью структурных изменений в мировой политической и экономической системе.

Критики однополюсной системы, кроме теоретических, имели и практические мотивы, стремясь подготовить Соединенные Штаты Америки к возможному приходу таких времен, когда США уже не будет единственной великой державой. По мнению американского политолога Ч. Капчана, высказанному им в конце 90-х гг., превосходство Америки и ее стремление предписывать международный порядок не будут продолжаться вечно. Он предполагал, что даже если американская экономика будет расти высокими темпами, ее доля в мировом продукте и ее глобальное влияние начнут уменьшаться по мере того, как другие крупные страны будут развиваться и проявлять меньшую склонность следовать за Америкой. В связи с этим он предупреждал об опасности заблуждений в том, что международный порядок может бесконечно покоиться на американской гегемонии. Многие специалисты и аналитики считали, что мир опять станет многополюсным.

Достоинством *многополюсной* или *многополярной системы*, по мнению ее сторонников, является стабильность. Хотя эта система характеризуется сложностью, наличием множества переменных, неопределенностью, именно эта сложность и обеспечивает стабильность и осторожность действий государств. Другое достоинство — возможность создания широких коалиций, способных обеспечить значительный перевес над агрессором. Еще одно достоинство, по мнению аналитиков, заключается в меньших масштабах милитаризации государств, рассчитывающих не только на собственные силы, но и на оборонительные альянсы.

Безусловно, кроме достоинств у многополюсного мира существуют и недостатки, на которые указывают исследователи.

Во-первых, сложность многополюсного мира обуславливает плохое знание акторами друг друга и непонимание, чреватое международными конфликтами. Во-вторых, громоздкость такой системы порождает трудности в создании коалиций, в оценке перспектив государств и их готовности поддержать в трудных ситуациях какую-либо сторону. В-третьих, большое количество государств затрудняет кооперацию.

О многополярной системе международных отношений многие специалисты писали еще во времена холодной войны, правда, относя возможность её формирования к будущему. Возможное возникновение такой системы рассматривалось не как следствие чьих-либо пожеланий, а как результат объективных процессов, например, процесса дезинтеграции биполярной системы, появления новых центров силы в ряде регионов параллельно с ослаблением мощи двух тогдашних сверхдержав. Правда, большинство авторов анализировали структуру международной системы с традиционных позиций, используя ограниченный объем факторов, фактически отождествляя государственную силу с военной мощью. На этом фоне выделялась концепция известного американского политолога С. Хоффмана, многие положения которой не утратили своей актуальности и в наши дни.

С. Хоффман указывал на целый ряд тенденций в развитии международных отношений в конце 70-х гг. XX в., отмечая увеличение числа государств, возрастание роли негосударственных акторов, нарастание взаимозависимости, изменение соотношения между экономическими и военными факторами. Но, пожалуй, главным было то, что он увидел возникновение новых иерархических структур в международной системе. Если ранее имела место одна иерархия, основанная на исключительно силовом факторе, то уже в тот период складывались несколько функциональных иерархий, каждая из которых основывалась на различных факторах — экономических, военных, идеологических, социокультурных и т. д.

Например, после Второй мировой войны Германия и Япония вышли на ведущие позиции в мировой экономике, но оставались «политическими карликами», имели несопоставимый со своими возможностями военный потенциал. В отличие от них посткоммунистическая Россия занимала весьма скромное место в мировой экономической иерархии, но ее международная роль была довольно высокой. Российская Федерация сохранила за собой статус постоянного члена Совета Безопасности ООН и основную часть

советского потенциала стратегических вооружений. Кроме того, Россия — крупнейшая по территории страна во всем мире и обладает огромными запасами природных, прежде всего энергетических, ресурсов.

Хотя окончательно новая система международных отношений еще не сложилась, однако некоторые из определяющих ее структурных иерархий уже просматриваются. Например, ясно, что сегодня в мире существует лишь одна, соответствующая прежним меркам, сверхдержава — Соединенные Штаты Америки. США занимают ведущие позиции в экономической структуре современных международных отношений, в военно-стратегической структуре, а также лидируют в технологическом и научно-техническом отношении. В условиях глобализации, которая в значительной степени направлялась из самих Соединенных Штатов, эта страна получила дополнительные преимущества перед другими государствами (см. главу XX). В 90-х гг. XX в. резко усилилось политическое влияние США за счет приобретения новых союзников в Восточной Европе и на постсоветском пространстве. Однако можно ли говорить о том, что США выполняет сегодня роль единственного полюса в международной системе, которую М. Каплан обозначил как иерархическую? Казалось бы, события последних десятилетий свидетельствуют в пользу этого. Администрация США не раз позволяла себе действовать, игнорируя нормы международного права, в обход существующих международных институтов, включая ООН.

Один из примеров — ситуация, сложившаяся вокруг Ирака и Афганистана. Поскольку Соединенные Штаты поставили цель провести военную операцию против режима Саддама Хуссейна еще задолго до ее фактического начала и руководствовались при этом сугубо собственными интересами, то шли они к ней невзирая ни на какие возражения. Вопрос о наличии оружия массового поражения был лишь предлогом, для США это стало способом легитимировать свои действия на основе ооновских решений и документов. Когда же стало ясно, что необходимого для себя решения в Совете Безопасности ООН США не получит, американская администрация пошла в обход механизмов ООН. Устав ООН и ряд важнейших международных норм и принципов были нарушены. Как известно, США делали так и в годы холодной войны, но только в той степени, в какой это позволял сделать другой полюс, вторая сверхдержава — СССР.

С распадом биполярной системы и исчезновением второго полюса внешняя политика США лишилась прежнего ограничителя. Однако из этого не следует делать вывод, что США могут в одиночку предпринимать любые, в том числе и насильственные, действия и брать на себя ответственность за события в любой точке земного шара. Война против Ирака, также как до этого антитеррористическая операция в Афганистане, показали, что, несмотря на военную, экономическую и политическую мощь, даже достигнув быстрого военного успеха, США сталкивались с серьезными трудностями и вынуждены были обращаться за помощью к другим государствам и международным институтам.

Когда же сначала в США, а затем и во всем мире начался финансово-экономический кризис, выяснилось, что Соединенные Штаты, несмотря весь свой потенциал, не способны справиться с последствиями этого кризиса без взаимодействия с другими странами мира. Практика, таким образом, свидетельствует, что даже единственная сверхдержава нуждается во взаимопомощи и координации действий с другими центрами силы. Именно «центрами», а не «полюсами», поскольку понятие «полюс» относится к прошлому, к тому времени, когда главным регулятором международных отношений был закон баланса сил. Понятие «центр» соответствует упомянутой концепции С. Хоффмана и его мнению о существовании в международной системе различных структурных иерархий.

Наряду с США на роль ведущих международных акторов сегодня претендуют Китай, Индия, Бразилия, Россия, Япония, Германия, Великобритания, Франция. Три последних являются активными и влиятельными членами Европейского Союза, способного, после окончательного формирования его внешней и оборонной политики, стать самостоятельным субъектом международных отношений.

Сложившаяся на сегодняшний день структура системы международных отношений не является раз и навсегда данной и застывшей. По мере изменения потенциала различных стран, по мере возрастания или, наоборот, снижения роли тех или иных ресурсов в мировой политике и экономике, будут происходить изменения в той или иной структурной иерархии, очевидно, будет меняться и положение Российской Федерации в системе международных отношений. Конечно, о восстановлении статуса сверхдержавы даже в долгосрочной перспективе говорить не приходится, но роль России как одного из центров мировой экономики и политики, по мнению многих экспертов и специалистов, будет усиливаться. С того

момента, как в России возобновился экономический рост, ее все чаще стали сравнивать и ставить в один ряд с такими странами, как Китай, Индия и Бразилия. Всех их объединяет то, что они обладают большой территорией, значительными природными ресурсами, многочисленным населением. Темпы их экономического роста в начале XXI в. превосходили общемировые, а потенциал роста очень большой. Следовательно, эти государства, получившие в научной литературе наименования «восходящие страны-гиганты» (ВСГ), а также группа БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай), вполне смогут в обозримом будущем по своим макроэкономическим показателям не только вплотную приблизиться к ведущим державам мира, но даже превзойти некоторые из них.

Сравнивая динамику развития ряда ВСГ с динамикой развития традиционных центров мировой экономики, аналитики отмечали усиление их позиций. Интерес представляет прогноз специалистов исследовательской группы «Голдман и Сакс», которые рассчитали вероятные траектории экономического роста с учетом изменения уровня производительности труда и душевого дохода в группе БРИК до 2050 г. и сопоставили их с шестеркой нынешних лидеров мировой экономики (США, Японии, Англии, Германии, Франции, Италии). В результате был сделан прогноз о том, что в предстоящие 35–40 лет абсолютный размер экономик стран БРИК в совокупности превысит суммарный объем экономик нынешней «большой шестерки». Если в начале нынешнего столетия их доля от суммы ВВП «большой шестерки» составляла 15 %, то уже к 2025 г. она должна была превысить 50 %. Из нынешних лидеров в составе ведущей шестерки к 2050 г. должны были остаться лишь США и Япония. К началу 40-х гг. XX в. Китай должен был превзойти США, а Индия к началу 30-х гг. XX в. обойти Японию. По этим прогнозам, Россия во второй половине 20-х гг. XX в. могла бы превзойти Германию, а Бразилия — Германию во второй половине 30-х гг. XX в.

Похожие сценарии предлагали и другие специалисты. Например, в прогнозе Центра развития ОЭСР отмечалось, что страны БРИК вместе с Индонезией к 2020 г. могут повысить долю своего участия в мировом валовом внутреннем продукте (ВВП) до 31–37 %, а в мировой торговле до 14–21 %.

Эксперты ИМЭМО считали, что все страны БРИК по производству ВВП могут войти в десятку крупнейших уже к 2015 г. Для Китая было отведено второе место (14,2 %), для Индии — четвертое (5,5 %), для России — шестое (5,4 %). По душевому доходу пред-

полагаемые показатели были значительно скромнее. К 2020 г. Россия могла бы выйти на уровень 12,5 тыс. долл., Бразилия — 6,3 тыс. долл., Китай — почти 5 тыс. долл., Индия — 1,6 тыс. долл. Предполагалось, что страны нынешней большой шестерки будут иметь подушевой доход от 27, 3 тыс. долл. (Италия) до 48,8 тыс. долл. (США). К 2050 г. Россия по размеру подушевого дохода (49,6) могла приблизиться к Франции (51,6), но пока еще отставала бы от США (83,7), Японии (66,8) и Англии (59,1). Китай по размеру подушевого дохода по прогнозам экспертов мог бы выйти к 2050 г. на уровень 37 % от показателя США, а Бразилия — на уровень 32 % от США. Для сравнения можно отметить, что в 2004 г. этот показатель для России оценивался в 8,5 % от уровня США, для Китая — 3 %, Бразилии — 6,2 %.

Хотя эти прогнозы делались до начала мирового финансово-экономического кризиса, все вышеперечисленные факторы в перспективе должны стать фундаментом серьезных изменений в мировой расстановке сил и в характере международного порядка.

Процесс формирования нового международного порядка непосредственно связан с эволюцией системы международных отношений. Сами понятия «международная система» и «международный порядок» очень тесно взаимосвязаны. Но если понятие «международная система» в большей степени отражает объективную сторону развития международных отношений, то понятие «международный порядок» связано с субъективным фактором этих отношений, то есть с тем, как государства строят свои взаимоотношения: на основе собственных подходов и интересов, но в рамках неизбежных структурных ограничений.

Международный порядок — совокупность правил, на основе которых строятся взаимоотношения между государствами и другими международными акторами, а также способы и процедуры принятия ими совместных решений по затрагивающим их интересы проблемам. Международный порядок обеспечивает для всех участников международных отношений, прежде всего государств, общие условия для их безопасного сосуществования и развития. В разные исторические периоды нередко случалось так, что попытки действовать в соответствии с сформулированными основами международного порядка приходили в противоречие с существующей структурой международных отношений. Дело в том, что такая структура складывается стихийно, под воздействием объективных факторов, а люди, пытающиеся от имени государств определить

принципы, на которых должен выстраиваться мировой порядок, не всегда принимают во внимание изменения в структуре международных отношений.

В качестве примера можно назвать Венский конгресс 1815 г., на котором государства-победители наполеоновской Франции пытались заложить основы послевоенного международного порядка в Европе. Было принято решение о создании так называемого «Священного Союза». Цель этого Союза заключалась в сохранении легитимных монархических режимов на континенте и предотвращении революционных катаклизмов. Принципы «Священного Союза» обязывали Англию, Австрию, Пруссию, Россию и Францию, где была восстановлена монархия Бурбонов, к совместным действиям против любых угроз для монархических форм правления на континенте. Исходя из этого участники «Священного Союза» должны были доверять друг другу и оказывать при необходимости помощь союзникам, включая и военную. Но такой международный порядок не соответствовал существовавшей в тот период международной системе, базирующейся на законе баланса сил. Каждое европейское государство, включая и участников «Священного Союза», неизбежно должно было рассматривать другие государства как источник потенциальной угрозы. Наличие или отсутствие подобных угроз, а не абстрактные принципы политического, правового или морального характера, были мотивами формирования внешней политики всех, без исключения, европейских государств. Очень скоро обнаружилось, что реальные интересы учредителей «Священного Союза» расходятся. Это стало причиной дезинтеграции международного порядка, который пытались установить после окончания Наполеоновских войн в Европе.

Международный порядок может и не полностью разрушиться, а лишь модифицироваться под воздействием эволюции структуры международных отношений. Главные участники антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритания — на заключительном этапе второй мировой войны пытались договориться о принципах послевоенного международного порядка. Предполагалось, что сотрудничество между этими странами будет продолжаться. Важнейшей институциональной основой такого сотрудничества должна была стать Организация Объединенных Наций. Планировалось, что эффективность этой универсальной международной организации, в отличие от ее предшественницы — Лиги Наций — будет более высокой, и она обеспечит безопасность и стабильность послевоен-

ного мира. Поэтому в структуре ООН выделили особую позицию для наиболее активных участников антигитлеровской коалиции. СССР, США, Великобритания, Франция и Китай получили место постоянных членов Совета Безопасности ООН. В таком качестве эти государства должны были стать гарантами сохранения всеобщего мира и обеспечения безопасности как на глобальном, так и на региональном уровне.

Результатом эволюции системы международных отношений стало формирование биполярной структуры, где главную роль играли две сверхдержавы — СССР и США. Значение же Англии и Франции уменьшилось. Между сверхдержавами развернулась острая борьба, детерминированная различием их общественно-политических систем и идеологий. Мир раскололся на два блока, между которыми на протяжении нескольких десятилетий шла холодная война. Некоторые пункты соглашений, достигнутых на конференциях в Ялте и Потсдаме в 1945г. соблюдались и в годы холодной войны, но только в той степени, в какой это соответствовало реалиям биполярной системы международных отношений. Международный порядок функционировал, но не совсем в том виде, в каком он был задуман первоначально.

Вместе с дезинтеграцией биполярной системы международных отношений встал вопрос о новом международном порядке. Нередко этот вопрос смешивали с вопросом о новом характере структуры международной системы и сводили его к уже упоминавшемуся спору об однополярности и многополярности. На самом деле речь шла о разных понятиях. В одном случае — о структуре международных отношений, которая складывается объективно, в другом случае — о совокупности договоренностей о правилах и процедурах, в соответствии с которыми эти отношения должны развиваться в будущем. В отличие от предшествующих этапов мировой истории, сегодня международный порядок должен формироваться с учетом реальной структуры международных отношений, которая эволюционирует в направлении усиления полицентричности.

В частности, это следует учитывать в таком аспекте формирования современного международного порядка, как реформа Организации Объединенных Наций. Вопрос о реформе ООН встал еще в конце 80-х гг. XX в. Это было вполне закономерно, поскольку структура и принципы ООН отразили ситуацию, сложившуюся в середине 40-х гг. XX в. Одной из конкретных задач реформирования ООН является задача реформирования ее важнейшего орга-

на — Совета Безопасности. С момента начала дискуссии о реформировании ООН и до нынешнего дня речь идет об увеличении числа членов Совбеза. Очевидно, что в Совете Безопасности должны быть представлены и другие государства, играющие существенную роль в современной мировой политике и мировой экономике. По поводу новых кандидатов на место постоянных членов Совета Безопасности в мировом сообществе нет единства мнений, более того, не достигнута договоренность даже по вопросу о том, какое количество членов должно быть в Совбезе. Не согласованы позиции разных стран и по другим вопросам реформирования ООН. В результате реформа постоянно откладывается.

Затягивание реформы ООН приводит к снижению степени легитимности этой универсальной организации. У некоторых стран, как уже отмечалось, возникает соблазн действовать в обход Устава ООН и вопреки решениям ее органов. Это дестабилизирует ситуацию в мире, а в некоторых научных исследованиях и публицистических статьях появился термин «новый международный беспорядок». Между тем новые реалии развития экономических и политических процессов в современном мире требуют реформирования ООН и некоторых других международных институтов. Это необходимо для решения многих важнейших проблем глобальной политики.

Контрольные вопросы и задания

1. В чем заключается особенность государства как международного актора? Верно ли суждение о снижении роли национальных государств в современных международных отношениях?
2. Какие виды международных отношений вы можете назвать?
3. На основе теоретических моделей международных систем М. Каплана определите основные параметры новой системы международных отношений.
4. Как соотносятся между собой понятия «международная система» и «международный порядок»?
5. Какова роль ООН в современной мировой политике и социально-экономическом развитии?
6. Назовите основные направления реформирования ООН.

ГЛАВА XX

Актуальные вопросы мирового политического процесса

---

§ 1. Особенности современного этапа глобализации

Мировая политика на рубеже XX–XXI вв. находится под воздействием процесса глобализации. Нет единого и общепринятого определения данного термина. Например, под *глобализацией* некоторые исследователи понимают всестороннее сближение и интеграцию всех стран мира в технологической, информационно-культурной, экономической и политической сферах. Тенденции к интеграции и сближению между государствами существовали всегда, но наиболее радикально они проявились в двух исторических периодах. Первый раз — в середине XIX в., до начала Первой мировой войны, и второй раз — в 90-х гг. XX в.

Технологической основой первой волны глобализации были телефон и телеграф в сфере коммуникаций, строительство железных дорог в сфере транспорта, машинное, а затем поточно-конвейерное производство в промышленной сфере. Технологические сдвиги повлекли за собой экономические, выражавшиеся, прежде всего, в усилении экономической взаимозависимости и формировании единого мирового хозяйства.

О постоянно усиливающейся интернационализации (глобализации) экономического развития свидетельствует и тот факт, что мировая торговля росла быстрее, чем мировое производство, а значит, с каждым годом возрастала роль международных экономических связей. Это подтверждается следующими цифрами: с 1870 по 1917 г. объем мировой торговли ежегодно увеличивался в среднем на 3,4 %, а объем мирового производства — на 2,1 %. С 1850 по 1914 г. население мира увеличилось в 1,5 раза, а международный товарооборот вырос в 10 раз. Зависимость экономически ведущих стран мира от внешней торговли выросла за этот период в 2,3 раза.

Начиная с 70-х гг. XIX в. наряду с экспортом товаров растет экспорт капитала. В период с 1885 по 1900 г. оборот мировой торговли вырос в 2,1 раза, а иностранные инвестиции — в 2,3 раза. В 1901–1913 гг. мировое производство увеличилось на 40 %, мировая торговля — на 62 %, а иностранные инвестиции — на 100 %. Успехам мировой торговли и росту иностранных инвестиций способствовало то обстоятельство, что национальная валюта большинства стран была свободно конвертируемой. К 1910 г. в таких странах проживало около 90 % населения всего мира. Движение товаров и капиталов было свободным, такой же свободной была миграция рабочей силы, которая приобрела большие масштабы. Развивался международный туризм. Для поездки из страны и страну не требовалось визы, а иногда даже и паспорта.

Экономическая глобализация во второй половине XIX — начале XX в. подтолкнула интеграционные процессы и в других сферах. Именно в этот период появляются первые международные межправительственные (Всемирный почтовый союз, Международный союз электросвязи) и неправительственные (Красный крест) организации. Стали проводиться международные спортивные соревнования, что привело к возрождению Олимпийского движения и созданию международных спортивных федераций.

Более всего глобализация проявилась в политической сфере. Вслед за мировой экономикой началось формирование мировой политики. Мировое экономическое и социальное развитие проходило под сильным воздействием либеральной политической идеологии. Либерализм обосновывал необходимость экономической свободы на национальном и международном уровнях, стремление ко все большей взаимозависимости и интеграции как в экономике, так и в политике.

Наряду с либерализмом, появились и другие политические идеологии, обосновывающие необходимость глобализации и связывающие достижение политических целей с этим процессом. Прежде всего, речь идет о марксизме. Для К. Маркса и Ф. Энгельса экономическая глобализация мира была главной предпосылкой для его социально-политической трансформации. На основе марксизма было создано первое международное политическое движение. Институционализация этого движения нашла свое выражение в создании и деятельности I (1864 г.) и II (1889 г.) Интернационалов.

Глобализация оказала прямое влияние и на международные отношения. На рубеже XIX и XX вв. состоялось несколько международных конференций, на которых обсуждались вопросы предотвращения войн и конфликтов, мирного сотрудничества государств, совершенствования норм и принципов международного права. Было широко распространено мнение о том, что в условиях достигнутого уровня экономической взаимозависимости большая война между основными странами мира становится невозможной.

Однако экономическая глобализация намного опередила формирование стабильной и устойчивой системы международных отношений, ее институциональное оформление. Несмотря на все разговоры и благие пожелания, реальный механизм предотвращения глобального вооруженного конфликта не был создан. Неадекватная и непродуманная политика «великих держав», реальные и надуманные противоречия между ними привели к Первой мировой войне. Таким образом, первая мировая война оказалась своеобразным итогом первой волны глобальной интеграции, следствием имманентно присутствующих этой волне внутренних противоречий.

Первая мировая война стала разделительным рубежом между двумя историческими периодами — глобальной интеграции и глобальной дезинтеграции. Хотя после окончания войны была предпринята попытка реализации давнего либерального интеграционного проекта — создание универсальной международной организации (Лиги Наций), социально-экономическое развитие мира пошло в противоположном направлении.

Неудача Лиги Наций, помимо иных причин, была связана с тем, что в мировой экономике в 20–30-х гг. XX в. преобладали дезинтеграционные тенденции. Государства стремились защитить свои национальные рынки от иностранных конкурентов при помощи высоких таможенных тарифов. Мировая торговля и зарубежные инвестиции перестали увеличиваться, а в некоторые периоды даже

сокращались. Так, с 1929 по 1932 г. в результате мирового экономического кризиса мировое промышленное производство сократилось на 20 %, а мировая торговля — на 40 %. Экспорт капитала накануне первой мировой войны составлял в среднем более одного миллиарда долларов в год, а в послевоенные годы всего 110–170 млн долл. Границы становились менее прозрачными не только для товаров и капиталов, но и для людей. Для поездок за рубеж теперь требовались паспорта и визы. Некоторые страны (Германия, СССР и др.) резко ограничили зарубежные поездки своих граждан. Повсеместно усложнились условия трудоустройства иностранцев. В результате сократились трудовая миграция и международный туризм. Многие страны мира стремились к созданию замкнутой автаркической экономики, ограничивали конвертируемость своих национальных валют, что еще более способствовало ослаблению международных экономических связей.

Вторая мировая война способствовала еще большей дезинтеграции мировой экономики. В 1950 г. только шесть стран мира имели свободно конвертируемую валюту. Это мешало как зарубежным инвестициям, так и развитию международной торговли. Несмотря на предпринятые при создании Организации Объединенных Наций меры по стимулированию мировой экономики при помощи международных экономических институтов — МВФ (Международный валютный фонд), ВБ (Всемирный банк) и другие, долгое время уровень экономической взаимозависимости, степень вовлеченности отдельных стран в международное разделение труда оставались ниже, чем в начале XX в. К тому же мир оказался расколотым по политико-идеологическому и социально-экономическому признаку на два блока.

Предпосылки для новой волны глобализации стали формироваться на рубеже 50–60-х гг. XX в., с началом новой технологической революции. В 70-х гг. XX в. результаты этой революции нашли отражение и в материальном производстве, и в других сферах жизни человеческого сообщества. Прежде всего, в сфере транспорта, информатики и телекоммуникациях. Последние десятилетия XX в. были отмечены бурным развитием реактивной авиации, компьютерных, информационных технологий. Количество компьютеров удваивалось каждые 18 месяцев. Резкое увеличение объемов информационного обмена и сокращение времени на передачу информации подтолкнули темпы экономического развития и экономическую интеграцию в мире.

Однако и в 70-х, и в 80-х гг. XX в. реальная степень глобальной интеграции оставалась по многим показателям ниже, чем накануне Первой мировой войны. Эти показатели были превышены только в рамках новой, третьей волны глобализации. В полной мере новая волна глобализации проявила себя в 90-х гг. XX в. Те факторы глобализации, которые имели место в предшествующий период, получили дополнительный импульс после окончания «холодной войны» и преодоления идеологического, политического и экономического раскола мира. Произошла либерализация как мировой экономики в целом, так и национальной экономики отдельных стран. Если в начале 60-х гг. XX в. в странах с открытой рыночной экономикой проживало 20 % населения мира, то к началу XXI в. этот показатель достиг 87 % (если включать Россию и Китай). Только в 90-х гг. XX в. был превышен уровень 1913 г. по относительному объему иностранных инвестиций. Такой показатель был достигнут благодаря деятельности ТНК, на зарубежных филиалах которых в конце XX в. производилось товаров на 5 трлн долл.

Экономическая глобализация — преимущественно объективный процесс. Однако в 90-х гг. XX в. ее успехи были связаны и с теми рекомендациями, которые давали Международный валютный фонд и Всемирный банк для проведения экономической политики. Эти рекомендации были составлены на основе идей экономического неолиберализма и направлены на разрушение барьеров в мировой торговле и иностранных инвестициях. Большинство государств мира оказались перед выбором: или принять эти рекомендации, или оказаться в числе, так называемых, стран-изгоев. Третья волна глобализации была детерминирована, таким образом, и политическими факторами, но ее политические последствия оказались неоднозначными и противоречивыми. Экономическое и политическое развитие мира в 90-х гг. XX в. получило разную направленность. Если в экономике наблюдалась растущая взаимозависимость и интеграция, то в политическом отношении мир стал менее стабильным и более хаотичным. После окончания холодной войны и дезинтеграции биполярной системы международных отношений новая структура международной системы так окончательно и не сложилась. Вызванное процессами экономической глобализации некоторое ослабление власти национальных правительств не дополняется адекватным возрастанием роли международных институтов. За два десятилетия, прошедшие после окончания холодной войны, так и не была начата давно назревшая реформа ООН. В результате

главная международная организация современного мира далеко не всегда способна выполнить имманентно присущие ей регулирующие функции и поэтому теряет свой авторитет.

На смену старым проблемам международной безопасности приходят новые, к которым государства и другие субъекты международной политики оказались не готовы. К таким проблемам относится, например, угроза международного терроризма. Государства же, как выяснилось, оказались слабо подготовленными к новым вызовам и угрозам, исходящим от противников, обладающих значительно меньшими ресурсами. Поэтому вопросы безопасности приобретают новое измерение как на национальном, так и на международном уровнях.

Проблема терроризма порождена, наряду с другими причинами, и социальными последствиями глобализации. Как было уже отмечено, на рубеже XX и XXI вв. процесс глобализации осуществлялся в соответствии с неолиберальными экономическими принципами, что неизбежно вело к нарастанию разрыва между богатыми и бедными странами, усиливало социальную дифференциацию во всем мире. Такой вариант глобализации был выгоден наиболее развитым в экономическом и технологическом отношении странам, стремившимся сохранить и обеспечить свое доминирование также и в политической сфере.

Глобализация порождала серьезные социальные проблемы и внутри развитых стран. Против ряда последствий глобализации выступают профсоюзы и новые социальные движения, получившие название антиглобалистских. Однако оппозиция неолиберальной модели глобализации не имела единой политической и идеологической платформы. Традиционные левые политические идеологии и движения оказались в глубоком кризисе. Так, международное коммунистическое движение как единое целое фактически перестало существовать, хотя коммунисты сохраняют власть в некоторых странах (Китай, Вьетнам, Куба, Северная Корея). Многие партии и группировки, сохранившие приверженность ортодоксальной коммунистической идеологии, крайне негативно относятся к глобализации, хотя К. Маркс связывал с аналогичным процессом в XIX в. надежды на воплощение в жизнь своей теории.

Международное социал-демократическое движение пытается выработать собственные подходы к глобализации, обосновать возможность ее альтернативного, «гуманистического» варианта. Об этом говорилось на Парижском конгрессе Социалистиче-

ского Интернационала в 1999 г. Однако в своих странах социал-демократы, находясь у власти, были не способны реализовать традиционную социально-экономическую программу и вынуждены проводить такую же политику, как у консерваторов и либералов.

Вместе с тем только в начале XXI в. появилась реальная возможность для формирования глобального гражданского общества не на словах, а не деле. Новые средства коммуникации и информационные технологии позволяют неправительственным организациям и движениям, индивидам более тесно взаимодействовать между собой, выработать общие позиции и в конечном счете оказывать воздействие на экономические и политические процессы.

И вторая, и третья волна глобализации, так же как в свое время первая, связаны с определенными предпосылками в финансовой сфере. Прежде всего, это наличие конвертируемых валют, без которых невозможны ни международная торговля, ни иностранные инвестиции. В основе конвертируемости национальных валют до первой мировой войны лежал золотой стандарт. Любая из валют свободно обменивалась на золото или другую валюту в соответствии с их фиксированным золотым содержанием. После Второй мировой войны валютой в рамках Бреттон-Вудской системы стал американский доллар. Вначале он также основывался на золотом стандарте, но с 70-х гг. XX в. положение изменилось. Власти США отказались от обязательств по поддержанию золотого стандарта своей денежной единицы, тем не менее она сохранила роль главной резервной валюты мира. Несмотря на то что существовали и другие свободно конвертируемые валюты, именно доллар пользовался наибольшим доверием и спросом на мировых финансовых рынках. Не золотой запас, а доверие к американской экономике как наиболее мощной экономике мира стало основой роли доллара. Можно сказать, что в мировых финансах сложился «однополярный мир». Даже появление единой денежной единицы ЕС — евро не изменило ситуацию кардинальным образом, хотя евро несколько потеснил доллар. В целом доллар сохранил свою роль главной резервной валюты и в начале XXI в., в какой-то мере отразив проявившуюся после окончания холодной войны тенденцию к усилению доминирования США в системе международных отношений.

Между тем аналитики отмечают, что, пользуясь преимуществами процесса глобализации, США на государственном уровне не всегда ведут ответственную бюджетную и финансовую политику. Американская экономика, оставаясь ведущей экономикой мира,

существенно изменила свою структуру по сравнению с серединой XX в. Тогда США были ведущей промышленной державой мира, а в конце XX в., в связи со вступлением в постиндустриальную фазу развития, США эту роль стали утрачивать. Характерно, что доля США в мировом потреблении в последние годы выше, чем их доля в мировом производстве, причем этот разрыв увеличивается в пользу потребления.

В США располагаются штаб-квартиры большинства транснациональных компаний, там же сосредоточены основные финансовые центры современного мира. Главным экспортным американским товаром, наряду с продукцией высокотехнологичных отраслей производства, является сам доллар, сохранивший роль главной мировой валюты не только за счет экономических, но и за счет психологических факторов. Разразившийся в США летом 2008 г. финансовый кризис очень скоро приобрел глобальный характер и вышел за пределы финансовой сферы. По своему размаху он стал самым большим кризисом со времен Второй мировой войны. Этот кризис еще раз показал степень интегрированности мировой экономики и экономическую взаимозависимость стран в условиях глобализации. Начавшись на американском рынке ипотечного кредитования, он быстро перекинулся на финансовую сферу других государств, в итоге затронув все отрасли их экономик. От кризиса в той или иной степени пострадали и богатые, и бедные страны, и те страны, экономический рост которых был, как в России, основан на экспорте сырьевых ресурсов. Пострадали и государства, где росло производство и увеличивался экспорт готовой продукции.

Поскольку прежняя экономическая политика на глобальном и национально-государственном уровнях большей частью опиралась на неолиберальные экономические принципы, разразившийся кризис подставил под сомнение эти принципы. Уже первые антикризисные меры, предпринятые в странах Западной Европы, в США и других странах, были направлены в противоположном направлении от неолиберальных экономических постулатов. Если до кризиса общепризнанным было положение о необходимости уменьшения государственного вмешательства в экономику, то в ситуации кризиса государственное регулирование возросло даже в таких странах, традиционно считавшихся оплотами экономического неолиберализма, как Великобритания и США. В 90-е гг. XX в. не только в Восточной Европе и России, но и во многих других странах мира проводилась широкомасштабная приватизация ранее

принадлежавших государству предприятий. С началом кризиса вопрос о национализации отдельных банков, финансовых и промышленных компаний стал возникать и в Соединенных Штатах, где никогда сколько-нибудь большого государственного сектора в экономике не существовало.

В какой-то степени под вопросом оказалась и необратимость самого процесса глобализации. Так же как и в период между первой и второй мировыми войнами у многих государств возник соблазн с помощью протекционистских мер защитить собственные экономики от негативных последствий мирового кризиса. Протекционизм в данном случае означает закрытие границ для иностранного экспорта и, следовательно, идет вразрез с основополагающими тенденциями экономической глобализации. Несмотря на многочисленные призывы не прибегать к протекционизму, протекционистские по своей сути меры принимались во многих странах мира, включая и Россию. Для нашей страны принятие таких мер было несложным, поскольку она еще не успела вступить во Всемирную торговую организацию, которая стала одним из символов самого процесса глобализации и переживает в последние годы трудные времена.

Кризис обострил отношения внутри Европейского Союза, обнаружив отсутствие общих подходов как к пониманию перспектив самой европейской интеграции, так и к решению важнейших вопросов мировой экономики и мировой политики в целом. А как раз вопрос о путях выхода из мирового кризиса стал главным вопросом повестки дня мировой политики, оттеснив на второй план еще недавно весьма острую проблему борьбы с международным терроризмом.

В мировой политике наметились серьезные структурные и институциональные сдвиги. До сих пор обсуждение важнейших вопросов политического и экономического развития мира проходило в рамках так называемой «Большой восьмерки». «Большая восьмерка» сложилась на базе «Большой семерки» — своеобразного элитарного клуба, куда входили некоторые страны Западной Европы, США, Канада, Япония. После окончания холодной войны к работе этого клуба присоединилась и Россия. «Большая восьмерка» имеет два аспекта деятельности: политический и экономический. Если участие России в политическом аспекте деятельности «Восьмерки» не вызывало серьезных возражений, то ее подключение к экономическому аспекту работы «Большой восьмерки» затянулось, несмотря на достигнутые до начала мирового кризиса экономические успехи. Кризис очень быстро обнаружил, что масштаб «Большой

восьмерки» уже не соответствует реалиям современной мировой политики и мировой экономики. Поэтому появилась идея проведения встреч лидеров крупнейших по экономическим потенциалам стран в масштабах «Большой двадцатки». Хотя «Большая двадцатка» делает только первые шаги и существует параллельно с «Большой восьмеркой», проведение встреч между представителями как развитых, так и развивающихся экономик стало симптоматичным в период мирового экономического кризиса.

Обсуждая проблемы поиска путей выхода из кризиса, участники дискуссий обратили внимание и на ситуацию в мировых финансах. Доверие к доллару как к главной мировой резервной валюте снизилось, но реальной альтернативы ему по-прежнему не существует. В связи с этим были сделаны различные предложения, в том числе и о переходе к новой единой мировой валюте. Такое предложение прозвучало от имени России, Китая, его поддержал Международный валютный фонд. В качестве варианта новой мировой валюты рассматривается условная расчетная единица МВФ — «специальные права заимствования» (СДР). Эта единица была введена в 70-х гг. XX в. для определения суммы кредитов, предоставленных Мировым валютным фондом той или иной стране. Сегодня СДР исчисляется на основе корзины валют, куда входят американский доллар, евро, британский фунт стерлингов, швейцарский франк, японская иена. Создание единой мировой валюты теоретически возможно, но технически трудно и вряд ли реально в обозримой перспективе. Но финансовая система нуждается в кардинальном реформировании, в том числе и за счет усиления роли национальных валют в различных регионах мира.

Нуждаются в реформировании и главные международные экономические институты — МВФ и Всемирный банк. Вопрос об этом был поставлен уже на первой встрече «Большой двадцатки». Внутренняя структура МВФ и ВБ не отражает современных экономических реалий. Когда эти институты создавались, в мировой экономике доминировали США и другие страны Запада. И МВФ и ВБ стали инструментами той модели глобализации, которая соответствовала интересам наиболее развитых и наиболее богатых стран мира. Поскольку эта модель глобализации не считается сегодня оптимальной и подвергается критике, то неизбежно должны быть пересмотрены как роль международных экономических институтов, так и факт доминирования в них западных государств и Японии.

Мировой финансово-экономический кризис может способствовать ускорению реформирования ООН и ряда других международных организаций, деятельность которых также критиковалась в последнее время. Кризис и его последствия могут найти отражение в самых разных аспектах мирового политического процесса. С одной стороны, может возрасти и уже возрастает привлекательность левых политических идеологий. С другой стороны, можно ожидать активизации экстремистских политических движений как левого, так и правого толка. Последствия кризиса повысят конфликтность политических процессов на глобальном, региональном и национальном уровнях, следовательно, в той или иной степени затронут сферу международной безопасности и окажут влияние на поиски путей решения глобальных проблем современности.

§ 2. Глобальные проблемы современности и пути их решения

Понятие «глобальные проблемы» появилось в научной и политической литературе в 60-х гг. XX в. Впервые наличие глобальных проблем в развитии человеческого общества было отмечено Римским клубом — неправительственной организацией, объединившей в своих рядах ученых разных специальностей из различных стран мира. *Глобальные проблемы — это проблемы, от решения которых зависит будущее всего человечества, а в некоторых случаях и само его существование.*

По поводу того, какие именно проблемы следует отнести к числу глобальных, среди ученых и политиков никогда не было полного согласия. Одни сводили количество глобальных проблем к трем-четырем, другие считали, что их несколько десятков. Сегодня выделяют три группы глобальных проблем. В *первую группу* входят глобальные проблемы, вызванные противоречиями в отношениях между обществом и природой: *экологическая, энергетическая, проблема исчерпаемости природных ресурсов, продовольственная проблема*. Ко *второй группе* относятся проблемы, порожденные противоречиями развития самого человеческого общества: *демографическая проблема, проблема борьбы с массовыми эпидемическими заболеваниями, проблема бедности и отсталости стран третьего мира, проблема предотвращения внутренних и международных*

конфликтов, проблема нераспространения оружия массового поражения, проблема борьбы против международного терроризма и организованной преступности, проблема борьбы с производством и распространением наркотиков.

Третья группа глобальных проблем включает проблемы, возникшие в связи с необходимостью решения проблем первой и второй группы. Это — *проблема поисков альтернативных источников энергии, проблема освоения космического пространства, проблема освоения ресурсов мирового океана* и т. д.

Полный перечень глобальных проблем приведенным списком не ограничивается. Их число может быть как большим, так и меньшим. С одной стороны, из глобальной экологической проблемы нередко вычлениют проблему глобального изменения климата. С другой стороны, объединяют вместе глобальную энергетическую проблему и проблему исчерпаемости природных ресурсов. Ведь суть энергетической проблемы и заключается в том, что сегодня человечество в основном пользуется энергией, получаемой за счет невозполнимых источников — нефти, угля, газа.

Все глобальные проблемы взаимосвязаны между собой, часто одна порождает другую или вытекает из нее. Например, демографическая проблема, выражающаяся в быстром увеличении численности населения земного шара, обостряет проблему обеспечения этого населения продовольствием.

В последние пятьдесят лет на первый план как в научных дискуссиях, так и в мировой политике в целом выдвигались разные глобальные общечеловеческие проблемы. Созданный в 1968 г. Римский клуб, объединивший представителей мировой политической, финансовой, научной, культурной элиты, одну из своих главных задач видел в привлечении внимания мировой ответственности к глобальным проблемам. В первую очередь Римский клуб обратил внимание на проблему *исчерпаемости природных ресурсов*. В опубликованном в 1972 г. Римским клубом докладе «Пределы роста» утверждалось, что если тенденции роста численности населения, индустриализации, загрязнения природной среды, производства продовольствия, истощения ресурсов сохранятся, то мир подойдет к пределам роста. Уже к 80-м гг. XX в. запасы некоторых из видов полезных ископаемых полностью закончатся, а к началу XXI столетия будут исчерпаны все важнейшие природные ресурсы, необходимые для функционирования мировой экономики.

Столь тревожные прогнозы, несомненно, преследовали важную цель — привлечь внимание научной и политической общест­венности к данной проблеме. Можно констатировать, что членам Римского клуба тогда это сделать удалось. Однако в дальнейшем обнаружилось, что прогнозы, обнародованные в докладе «Пределы роста», были слишком пессимистичными. Произошло это во многом потому, что его авторы, с одной стороны, механически экстраполировали темпы прироста использования природных ресурсов, имевшие место в середине XX в., на будущее, с другой стороны, они не учли появления новых разведанных месторождений природных ископаемых. Возможно, ситуация была драматизирована сознательно, чтобы наиболее ярко продемонстрировать сложную ситуацию, складывающуюся в области обеспечения человечества необходимыми для его развития и существования природными ресурсами. Сегодня внешне ситуация не выглядит столь драматично. Разведанных запасов минерального сырья и углеводородных энергоносителей (нефти, газа и угля), по прогнозам специалистов, хватит на долгие сроки. В одних случаях речь идет о нескольких десятках лет, в других — о сотнях и даже тысячах лет. Кроме того, технические и технологические возможности по извлечению природных ресурсов из земных недр постоянно совершенствуются, данные геологоразведки уточняются. Одновременно расширяются возможности поиска альтернативных источников тех видов сырья и энергии, которые традиционно считаются невозполнимыми. Однако, если рассматривать проблему исчерпаемости природных ресурсов в целом и в перспективе, она, несомненно, сохраняет своей глобальный характер и остается актуальной.

В 70-х гг. XX в. в центре внимания оказалась *глобальная экологическая проблема*. Она возникла в связи с возрастанием нагрузки на окружающую среду, вызванной ростом промышленного производства. Первоначально эта проблема рассматривалась в русле локальных проблем крупных промышленных районов. Однако во второй половине XX в. стало ясно, что неконтролируемое и безграничное воздействие человека на среду обитания может закончиться глобальной экологической катастрофой.

Большая заслуга в осознании остроты экологической проблемы, в том, что государственные власти, политические партии, отдельные политические лидеры стали обращать внимание на эту проблему, принадлежит такому институту гражданского общества, как массовые социальные движения. Активность массовых социальных

движений привела к тому, что требования к охране окружающей среды в развитых странах, особенно в Западной Европе, резко ужесточились. В результате экологическая ситуация здесь к концу XX в. заметно улучшилась. Но экологическая проблема в современных условиях носит не локальный или региональный, а всемирный, глобальный характер. Меры по охране окружающей среды, принимаемые в одной стране, не могут предотвратить глобальной экологической катастрофы. Защита окружающей среды должна быть делом всех государств мира, их правительств, международных межправительственных и неправительственных организаций, общественных движений, действующих внутри отдельных стран мира.

Есть проблемы экологического характера, требующие для своего решения согласованных усилий многих и даже всех стран на протяжении длительного времени. Например, проблема глобального изменения климата. Конкретные аспекты данной проблемы по-прежнему являются предметом дискуссий в научных и политических кругах, но ясно, что без тесного и эффективного сотрудничества разных государств ее решить не удастся.

Международное сотрудничество по вопросам охраны окружающей среды, особенно в рамках международных организаций, приобретает особенно большое значение, поскольку еще не во всех странах мира осознали важность этих проблем. Это касается стран Азии, Африки и некоторых других регионов с низким уровнем социально-экономического развития. До недавнего времени там не существовало каких-либо серьезных экологических проблем, поскольку не было крупных промышленно-технологических источников загрязнения окружающей среды. Меры по охране природы, принимаемые в развитых странах, вынудили многие западные компании переносить свои химические, металлургические и другие, связанные с экологическими рисками, производства на периферию мирового хозяйства — в развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки. Теперь именно в некоторых из этих стран существуют предпосылки для экологических катастроф как локального, так и потенциально глобального характера. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, здесь отсутствует разработанное экологическое законодательство и не сложилась продуманная и последовательная природоохранная политика, с другой стороны, местная рабочая сила является привлекательной для иностранных компаний из-за своей дешевизны, но, кроме того, она не обладает достаточной квалификацией и технологической культурой. Последнее обстоя-

тельство увеличивает вероятность производственных аварий, часто имеющих негативные экологические последствия.

Особую тревогу вызывает у специалистов экологическая ситуация, складывающаяся в ряде регионов крупнейших по численности населения странах мира — Индии и Китае. Цена, которую платят эти страны за свой бурный экономический рост, — возрастание технологической нагрузки на природу и риск для окружающей среды. До недавнего времени в Китае и Индии на экологические проблемы практически не обращали внимания. Как показывает мировой опыт, осознание важности проблем экологического характера приходит только на определенном уровне социально-экономического развития. Озабоченность состоянием окружающей среды рождается в богатых странах, где многие другие социальные проблемы в основном решены. В бедных странах на первом месте стоят задачи преодоления нищеты и экономической отсталости, а экологические вопросы уходят на второй план. Однако охрана природы сегодня не является сугубо внутренним делом отдельных стран, это важнейшее дело всего мирового сообщества.

Страны Азии и Африки имеют самое прямое отношение еще к одной глобальной проблеме современности, а именно *демографической*. В начале 60-х гг. XX в. демографическую проблему нередко трактовали в духе неомальтузианства, то есть взглядов, присущих английскому экономисту XIX столетия Мальтусу. Последний считал, что производство продовольствия растет в арифметической прогрессии, а население нашей планеты увеличивается в геометрической прогрессии. Увеличивающийся разрыв между ростом населения и возможностью обеспечить его продуктами питания должен, по мнению Мальтуса, привести к катастрофе — перенаселению земного шара, а затем массовой гибели людей от голода и недоедания.

Во второй половине XX в., когда численность населения во многих африканских и азиатских странах стала заметно расти, некоторые ученые забили тревогу. Они полагали, что столь значительный и все увеличивающийся демографический рост может привести к катастрофическим последствиям, поэтому предлагали принять срочные меры по снижению уровня рождаемости в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Сегодня демографическая проблема исследована лучше, и она трактуется несколько иначе, чем полвека назад. Причина демографических проблем в современном мире — идущий, но еще не заверченный глобальный демографический

переход, который означает изменение процесса прироста численности населения. Сначала этот процесс определяется снижением смертности населения, а затем падением уровня рождаемости. Демографический переход поначалу приводит к резкому росту численности населения, которая затем стабилизируется, но уже на новом, более высоком уровне.

Первый демографический переход в истории человечества имел место в эпоху неолита. Вследствие так называемой «неолитической революции», то есть перехода от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству, увеличилось производство продовольствия. Смертность стала снижаться, а численность населения, напротив, расти. Первый демографический переход занял довольно много времени и привел к росту численности населения Земли с нескольких сотен тысяч до нескольких сотен миллионов человек. Затем на долгое время численность человечества стабилизировалась, хотя количество людей, живущих на конкретных территориях колебалось как в одну, так и в другую сторону.

Второй демографический переход начался в XIX в. в странах Западной Европы, которые затронула промышленная революция. В результате модернизационных процессов смертность там уменьшилась, что привело к росту численности населения. Вслед за этим стала снижаться рождаемость, причем со временем она упала ниже уровня, обеспечивающего простое воспроизводство населения. Постепенно демографический переход охватывал все новые страны и регионы мира. В середине XX в. он проявился в странах Азии и Африки, что выразилось в увеличении темпов прироста населения. Именно это обстоятельство и заставило ученых заговорить о глобальной демографической проблеме.

Среди специалистов сегодня есть ясное понимание того, что бесконечного увеличения темпов роста населения земли не будет. Демографический переход рано или поздно завершится, хотя к тому времени численность населения будет в несколько раз больше, чем в середине XX в. Конечно, это представляет серьезную проблему для человечества, но все же не столь катастрофическую, как оценивалось несколько десятилетий назад. Пока демографический переход не завершится, в разных странах демографическая проблема будет выглядеть по-разному. В одних странах, например в Западной Европе или России, проблемой является низкая рождаемость и, как следствие, угроза депопуляции населения, то есть сокращение его численности. В других странах, например в большинстве африкан-

ских и некоторых азиатских странах, демографическая проблема, наоборот, выражается в чрезвычайно высокой рождаемости и излишне высоких темпах прироста населения. С этим связана и проблема резкого омоложения населения. Подавляющее большинство жителей некоторых африканских стран — дети и молодежь. В свою очередь, это создает новые проблемы — занятости населения, массовой нищеты, повышения уровня конфликтности общественного развития. Своеобразным отличительным признаком многих конфликтов на африканском континенте стало усиленное участие в них так называемых «детей-солдат». Несовершеннолетние участники конфликтов часто демонстрируют большую жестокость и агрессивность, чем взрослые, они легко поддаются внушению и манипулированию со стороны самых различных социально-политических сил.

Китай, который в последние десятилетия добился заметных успехов в снижении рождаемости, и в социальной структуре которого постепенно возрастает доля пожилых людей и сокращается доля молодежи и лиц среднего возраста, может столкнуться в ближайшем будущем с проблемами, порожденными старением населения.

Вряд ли можно найти общий для всех стран рецепт решения демографических проблем. Но в современном мире накоплен разнообразный опыт, который успешно может быть заимствован в странах, где возникают сходные ситуации.

Демографическая проблема тесно переплетается с экологической и продовольственной проблемами. Этот конкретный пример взаимозависимости всех глобальных проблем дает основание говорить о необходимости предпринимать комплексные меры по их решению. Осознание этого стало основой формирования в 70–80-х гг. XX в. концепции *устойчивого развития*. Под устойчивым развитием понимается такая модель социально-экономического и социально-политического развития отдельных стран и всего мира, которая не обостряла бы глобальные проблемы, наоборот, способствовала бы их решению. С точки зрения концепции устойчивого развития экономический рост должен в разумных пределах обеспечиваться наличными природными и энергетическими ресурсами и одновременно он должен быть экологически сбалансирован. Экономическое развитие должно не порождать проблемы социального характера, а, наоборот, создавать условия для их решения. Большая заслуга в разработке концепции устойчивого развития принадлежала как отдельным ученым и политикам, так и международным организациям, особенно ООН. В 1992 г. в бразильском городе Рио-де-Жанейро

состоялся первый в истории форум по окружающей среде и развитию на высшем уровне. В последующие два десятилетия было проведено еще несколько подобных мероприятий, правда, с менее представительным составом участников. Однако пока концепция устойчивого развития — скорее декларация о намерениях, а не конкретный план решения стоящих перед человечеством глобальных проблем. К тому же в последнее десятилетие, когда внимание мирового общественного мнения было приковано к проблемам исключительно политического и экономического характера, интерес к вопросам устойчивого развития у политических лидеров и политических элит ведущих государств мира несколько ослаб. Однако объективно эти вопросы сохраняют свою актуальность в рамках мирового политического процесса.

Нельзя не заметить, что в начале XXI в. обострились глобальные проблемы третьей группы. Необходимость решения задач энергетической безопасности вновь привлекла внимание к процессам поиска альтернативных источников энергии. В принципе, энергетическая проблема может быть решена кардинально в том случае, если человечество овладеет энергией термоядерного синтеза. Отказ от использования углеводородов и переход к водородной энергетике даст людям неограниченные и абсолютно ликвидные источники энергии. Однако это случится не сегодня, а в перспективе. Пока же, кроме интенсификации поиска альтернативных источников энергии, может усилиться и борьба за доступ к традиционным источникам энергоресурсов. Данное обстоятельство прямо касается проблем освоения ресурсов Мирового океана. Специалисты полагают, что основная часть неразведанных еще запасов нефти и газа сосредоточена на морском шельфе и океанском дне. Поэтому можно ожидать, что технические и технологические аспекты проблемы освоения ресурсов Мирового океана будут переплетаться с политическим соперничеством государств, участвующих в погоне за возможностью контроля над отдельными его участками, например, в районе Северного полюса.

Точно так же политика во все большей степени будет влиять на процесс освоения космоса. Политические аспекты в освоении космического пространства имели место и в 60–70-х гг. XX в. Но тогда успехи в освоении космоса были нужны соперничавшим сверхдержавам — СССР и США — для укрепления их международного престижа. Сегодня ближний космос рассматривают и как реальный источник восполнения недостающих на Земле ресурсов, и как про-

странство, имеющее важное значение для обеспечения безопасности ведущих государств мира. В целом интересы безопасности для многих государств сегодня все больше переплетаются с решением глобальных проблем. В этом заключаются характерные особенности мировой политики начала XXI в.

§ 3. Международные конфликты и международная безопасность

Центральной проблемой теории и практики международных отношений всегда была проблема международных конфликтов. И это вполне оправданно, если иметь в виду цель, которая объективно стоит перед всем человечеством последние десятилетия, — это выживание, предотвращение глобальной термоядерной катастрофы. Поскольку любое вооруженное столкновение есть лишь крайнее выражение политического конфликта, его высшая стадия, постольку изучение причин конфликтов и способов их урегулирования, особенно на тех стадиях, когда это еще сравнительно легко осуществить, имеет не только теоретическое, но и огромное практическое значение.

Международный конфликт — это непосредственное или косвенное столкновение интересов двух или нескольких международных акторов (государств, групп государств, народов, политических движений) на основе имеющихся между ними противоречий объективного или субъективного характера. По своему происхождению эти противоречия и порожденные ими проблемы в отношениях между государствами могут быть территориальными, национальными, религиозными, экономическими, военно-стратегическими, научно-техническими и т. д. Но в целом конфликт всегда принимает политическую форму, поскольку эти противоречия осознаются и разрешаются государствами с присущей им внутренней, внешней и военной политикой через механизм формирования и осуществления этой политики.

Возникновение и развитие международного конфликта связано не только с объективными противоречиями, возникающими в отношениях между государствами, но и с такими субъективными факторами, как внешняя политика самих государств. Конфликт вызывается, «подготавливается», разрешается именно сознатель-

ной целенаправленной внешней политикой государств, но нельзя игнорировать и такой субъективный фактор, как личные характеристики и качества политических деятелей, причастных к принятию решений. Иногда личные взаимоотношения между лидерами могут оказать существенное влияние на межгосударственные отношения, в том числе и на развитие конфликтных ситуаций.

Политическая наука и практика международных отношений знает различные типы и виды международных конфликтов. Однако единая, признаваемая всеми исследователями типология международных конфликтов отсутствует. Наиболее часто в классификациях международных конфликтов встречается их разделение на симметричные и асимметричные. К симметричным относят такие конфликты, которые характеризуются примерно равной силой вовлеченных в них сторон. Асимметричные же конфликты — это конфликты с резким различием потенциала конфликтующих сторон.

Интересную классификацию конфликтов предложил известный канадский политолог А. Раппопорт, использовавший в качестве критерия форму протекания международного конфликта. По его мнению, конфликты бывают трех видов: в форме «сражения», в форме «игры» и в форме «дебатов». Наиболее опасным для мира и безопасности является конфликт, развивающийся в форме «сражения». Само название его говорит о том, что стороны, вовлеченные в конфликт, изначально настроены воинственно по отношению друг к другу и стремятся нанести противнику максимальный урон, невзирая на возможные последствия для себя. Поведение участников такого конфликта можно определить как иррациональное, так как они ставят перед собой зачастую недостижимые цели, неадекватно воспринимают международную ситуацию и действия противоположной стороны.

Напротив, в конфликте, который разворачивается в форме «игры», поведение участников определяется рациональными соображениями. Несмотря на внешние проявления воинственности, стороны не склонны доводить обострение отношений до крайности. Решения принимаются на основе учета всех факторов и обстоятельств, на основе объективной оценки ситуации.

Для конфликта, развивающегося как «дебаты», изначально присуще стремление участников разрешить возникшие противоречия путем достижения компромиссов.

Международный конфликт может рассматриваться как относительно самостоятельное явление в системе международных от-

ношений. Субъектами международного конфликта могут быть государства, межгосударственные объединения, международные организации, включая ООН, организационно оформленные общественно-политические силы внутри государства или на международной арене. В ходе конфликта может меняться степень и даже характер заинтересованности сторон в конфликте, может меняться и место конфликта в иерархии целей каждого из участников, может расширяться или уменьшаться само число участников, может произойти подмена одних непосредственных или косвенных сторон другими.

Исследование процесса развития международного конфликта дает возможность установить многие его существенные для анализа исторические и причинно-следственные аспекты, а изучение его системы и структуры выявляет главным образом структурно-функциональные стороны конфликта. Нельзя воспринимать эти аспекты международных конфликтов изолированно друг от друга. Анализ последовательно меняющихся фаз развития конфликта позволяет рассматривать его как единый процесс, обладающий различными, но взаимосвязанными сторонами.

Фазы развития международного конфликта — это не произвольные, абстрактные отрезки времени, в которых развивается данный конфликт, они реальны, определяются историческими и социальными причинами. Эти причины проявляются в конкретных признаках, относящихся к изменению внутренних характеристик государств-участников конфликта, общим политическим и конкретным интересам, целям, средствам, внешним союзам и обязательствам участников конфликта, масштабам и интенсивности развития самого конфликта, вовлечению новых участников с присущими им и применяемыми в данном конфликте средствами борьбы, союзам и обязательствам, международным условиям, в которых конфликт развивается.

В зависимости от сущности, содержания и формы данного конфликта, конкретных интересов и целей его участников, применяемых средств и возможностей введения в действие дополнительных средств, вовлечения новых или выхода имеющихся участников и общих международных условий развития конфликта, он может проходить через самые различные, в том числе и необязательные по схеме, «нестандартные» и непредсказуемые заранее фазы. Некоторые фазы могут полностью выпасть, создать «брешь» в типовом развитии того или иного конкретного конфликта. Могут появляться

«неожиданные» фазы, деформируя устойчивую картину. Фазы конфликта могут и спрессовываться во времени, сливаться друг с другом или, наоборот, растягиваться во времени, распадаться на дробные части. Международный конфликт в своем развитии способен в считанные дни и часы совершать скачок через фазы, но может развиваться медленно, как бы растягиваться. Развитие его может идти от фазы к фазе по нарастающей, но возможно также и «топтанье на месте», повторение фаз, «отступление», «снижение» уровня. В каждом конкретном случае высокий уровень развития конфликта может быть различным.

Первая фаза международного конфликта определяется как *латентная*, ее наличие не до конца может осознаваться даже самими участниками. Это формирование отношений по поводу политических, правовых, экономических, идеологических противоречий.

Вторая фаза — *актуализация* конфликта. На этой фазе происходит осознание наличия конфликтной ситуации всеми сторонами. Участники конфликта на этой фазе вырабатывают стратегии достижения своих целей, заняты поиском средств и определением методов, с помощью которых они могут быть достигнуты. Определяются потенциальные союзники и возможные противники на случай разрастания масштабов конфликта.

Третья фаза — фаза *активизации* конфликта, когда участники переходят к активным действиям по защите своих интересов. На этой фазе речь идет об использовании преимущественно мирных средств — политических, информационных, экономических, дипломатических, хотя могут рассматриваться и планы военного разрешения назревших противоречий.

Четвертая фаза — *международный кризис*, который представляет собой резкое обострение отношений между конфликтующими сторонами. На этой фазе используется весь арсенал средств, имеющихся у непосредственных участников конфликта. По мере исчерпания средств мирного характера, в повестку дня встают вопросы о применении вооруженной силы. К принятию решений по поводу конфликта начинают привлекать военных, действующих на основе собственных планов и исходя из собственного видения ситуации. Международный кризис может стать прологом к началу открытых военных действий.

Пятая фаза — *международный вооруженный конфликт*, начинающийся с ограниченного конфликта и способный развиваться до

более высокого уровня вооруженной борьбы с применением современного оружия, вовлечением союзников и крупнейших мировых держав, расширением территории.

Изучение закономерностей развития международных конфликтов весьма важно для их предотвращения и урегулирования. В случае возникновения конфликта необходимо стремиться к его локализации, консервации на начальных фазах.

Особое место среди последних занимает международный политический кризис. Его опасность заключается в том, что он вплотную подводит конфликтующие стороны к вооруженному столкновению. В период международных кризисов очень быстро меняется ситуация, возрастает активность и роль военных, которые вольно или невольно могут подтолкнуть участников конфликта к использованию силы. Серьезную опасность представляли международные политические кризисы периода «холодной войны», поскольку могли повлечь за собой мировую термоядерную катастрофу. Наиболее известным кризисом того периода был Карибский кризис 1962 г., называемый «ракетным». Столкновение интересов СССР и США по поводу утверждения власти Ф. Кастро на Кубе, очень быстро пройдя начальные фазы конфликта, привело к всеобъемлющему кризису не только в отношениях между странами, но и глобальному кризису.

Анализ событий того периода показывает, что причиной обострения ситуации стали ошибки руководителей обоих государств, неверные оценки намерений и действий противоположной стороны. Большая доля вины за Карибский кризис лежит на советском лидере Н. Хрущеве, который недооценил потенциал молодого американского президента Д. Кеннеди, посчитав его неопытным в международных делах. Н. Хрущев принял ряд решений, не опиравшихся на объективный анализ ситуации и не адекватных вытекавшим из этой ситуации задачам. Однако в последний момент и Н. Хрущев, и Д. Кеннеди сумели остановиться перед пропастью и нашли пути к урегулированию конфликта вокруг Кубы.

В условиях международного кризиса лица, принимающие политические решения, несут повышенную ответственность. Многие структуры государственного управления переходят на особый режим работы, а в сфере дипломатической деятельности используются нестандартные приемы и формы, получившие общее название «кризисной дипломатии». Выделение кризиса как чрезвычайной ситуации в международных отношениях обусловлено тем, что он

может стать прологом как ограниченного вооруженного конфликта, так и широкомасштабной и разрушительной по своим последствиям войны.

Долгое время в процессе развития вооруженных конфликтов можно было выделить три стадии: начальная, кульминационная и завершающая. В войнах прошлого происходили генеральные сражения, в ходе которых четко определялся победитель. Начальный этап военных действий не имел принципиального значения. Про английскую армию говорили, что она проигрывает все битвы, кроме последней. В истории нашей страны было немало примеров, когда неудачи начальной стадии войны не мешали ее победному окончанию. В Великой Отечественной войне, несмотря на поражение Красной Армии в летние и осенние месяцы 1941 г., Советский Союз одержал в итоге победу над гитлеровской Германией.

В скоротечных вооруженных конфликтах начальная стадия приобретает самостоятельное и весьма важное значение. При помощи современных средств вооруженной борьбы можно нанести столь мощный удар противнику, что уже этот удар решит исход войны. Следовательно, значение имеет не наличие больших мобилизационных ресурсов, а уровень боевой готовности вооруженных сил, существующих в мирное время. Для армии, комплектуемой на основе всеобщей воинской обязанности, это труднодостижимая задача, поскольку сроки службы не могут быть длительными, а постоянная смена состава военнослужащих снижает степень ее боеготовности. Поэтому армии некоторых развитых государств перешли на профессиональные основы комплектования.

Задачи военного реформирования встали и перед Россией в 90-х ХХ в. гг. Смысл военной реформы вовсе не в полном отказе от призыва и переходе к военной службе по контракту, а в том, чтобы сделать вооруженные силы компактными, мобильными и высокопрофессиональными. Но в обозримом будущем обойтись без сохранения службы по призыву будет невозможно, поскольку, с одной стороны, останется потребность в некоторых мобилизационных ресурсах, с другой стороны, солдаты и сержанты для службы по контракту будут набираться из числа призванных на службу по новому закону на один год. Кроме организационных аспектов военной реформа должна решить задачу технического переоснащения вооруженных сил, необходимого для их подготовки к участию в вооруженных конфликтах современного типа и для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Традиционно понятие «*безопасность*» рассматривалось в теории и практике международных отношений как отсутствие непосредственной военной угрозы. В последнее время появились новые проблемы в обеспечении безопасности, например, обусловленные усилением международного терроризма, так как последствия террористических актов на атомных электростанциях, химических предприятиях и подобных им объектах способны привести к серьезным катастрофам. Большое значение приобретают экономические и информационные аспекты обеспечения безопасности. Экономические кризисы в условиях глобализации мировой экономики могут в считанные часы дестабилизировать народное хозяйство государств, расположенных друг от друга за тысячи километров. Несут угрозу и возможные последствия сбоев в функционировании информационных сетей, поскольку информация становится важным экономическим, политическим и социальным ресурсом. Нерешенные глобальные проблемы современности — экологическая, энергетическая, продовольственная — также наполняют новым содержанием понятие международной безопасности.

Изменились общественно-политические условия, в которых должны решаться принципиально новые задачи в системе международных отношений в целом и в сфере международной безопасности. Если раньше у государства были две четко разграниченные области деятельности — внутренняя и внешняя, и безопасность в них обеспечивалась различными способами, то на рубеже XX и XXI вв. эта грань размывается. В прошлом внутренне стабильное государство и на международной арене занимало уверенные позиции. Сегодня, с одной стороны, международный фактор может оказать кардинальное воздействие на любое, внутренне сколь угодно стабильное государство, не проявляющее внешней агрессивности (например, в случае мировой ядерной катастрофы были бы «попутно» уничтожены десятки нейтральных стран). С другой стороны, международная сфера может стать мощным фактором внутренней безопасности государства, не достижимой по каким-либо причинам иными средствами.

1. С позиции традиционного военно-политического понимания феномена безопасности можно выделить три основные модели режимов безопасности для любого региона современного мира: *режим общей безопасности, режим коллективной безопасности, режим безопасности на основе сотрудничества*. Международный режим *общей безопасности* предусматривает добровольный вза-

имный отказ от конфронтации. Основными принципами такого режима является отказ от использования военной силы как способа урегулирования международных конфликтов и применение ее исключительно в целях самообороны.

2. Отказ от традиционной стратегии достижения военного преимущества над другими государствами.
3. Признание того, что безопасность государства не должна зависеть от уровня его военной мощи.
4. Признание сокращения вооруженных сил и вооружения базовым принципом общей безопасности.

Концепция общей безопасности утвердилась тогда, когда стала ясна бесперспективность старых представлений о роли вооруженной силы в международных отношениях, особенно в связи с осознанием бессмысленности применения ядерного оружия.

Под *коллективной безопасностью* понимается такой порядок межгосударственного сотрудничества, при котором любой акт агрессии против кого-либо из участников подобной системы расценивается как агрессия против всех остальных ее участников. Коллективная безопасность направлена не только вовне, против не участвующих в данной системе государств, но и против участников этой же системы, допускающих в нарушение своих обязательств агрессивные акты. Особенности системы коллективной безопасности заключаются в универсальности, включающей требования необходимых действий от каждого члена системы, в автоматизме применения санкций в случае необходимости, в приверженности членов системы статус-кво и отсутствию разногласий в понимании агрессии и необходимости реагировать на нее. Преимущество режимов коллективной безопасности состоит в том, что их распространение, вовлечение в них новых государств делает агрессию все менее вероятной и, следовательно, укрепляет всеобщую стабильность.

Однако режимы коллективной безопасности имеют и определенные недостатки. Например, существует так называемая проблема коллективного действия, которая заключается в том, что некоторые участники режимов коллективной безопасности стремятся пользоваться преимуществами такого участия без адекватного вклада в поддержание самого режима. Принятые в системах коллективной безопасности процедуры принятия решений замедляют ответные шаги на агрессию в случае ее возникновения.

Если в рамках системы коллективной безопасности государства объединяются против общего возможного (или действительного) агрессора, то концепция *безопасности на основе сотрудничества* исходит из принципа общего участия, при котором наличие формальных институтов является необязательным, а поддержание неформального диалога представляется более уместным и эффективным.

Еще одним международным режимом является режим, основанием которого является концепция безопасности на основе сотрудничества. Если в рамках системы коллективной безопасности государства объединяются против общего агрессора, то концепция безопасности на основе сотрудничества опирается на принцип общего участия, при котором на первое место выступает не наличие формальных институтов, а поддержание неформального диалога.

В последние десятилетия самую большую угрозу всеобщему миру и безопасности на глобальном уровне представляло оружие массового поражения, в первую очередь ядерное оружие. Хотя с окончанием холодной войны вероятность крупномасштабного военного конфликта с применением ядерного оружия резко снизилась, опасность исходит из самого факта существования такого оружия. Одним из механизмов обеспечения ядерной безопасности является существующий режим нераспространения ядерного оружия. Данный международный режим зафиксирован в Договоре о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) 1968 г., нормы которого обязывают:

- ✦ государства, обладающие ядерным оружием, не передавать кому бы то ни было ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства и контроль над ними; не помогать, не поощрять и не побуждать какое-либо государство, не обладающее ядерным оружием, к приобретению ядерного оружия, ядерного взрывного устройства и контроля над ними;
- ✦ государства, не обладающие ядерным оружием, не принимать передачи от кого бы то ни было ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств и контроля над ними; не производить и не приобретать каким-либо иным способом ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства;
- ✦ неядерные государства, пожелавшие приобщиться к использованию ядерной энергии в мирных целях, осуществлять такое

приобщение под контролем МАГАТЭ, которая может проводить инспекции и требовать отчеты от государств по использованию расщепляющих материалов.

Кроме ядерного к оружию массового поражения относятся химическое и бактериологическое оружие. С одной стороны, эти виды оружия обладают меньшими поражающими характеристиками, с другой стороны, они проще, дешевле и доступнее. Эти виды оружия находятся под полным запретом. С 1972 г. действует Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсического оружия и об их уничтожении.

Борьба с химическим оружием началась после первой мировой войны, когда в 1925 г. был подписан Женевский протокол о запрещении его использования во время военных действий. С 1997 г. в отношении химического оружия действует тот же режим запрета, что и по отношению к бактериологическому. Основой этого режима является Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и об его уничтожении. В тоже время контроль над безусловным выполнением всеми государствами обязательств, принятых на себя в области химического и бактериологического разоружения, остается актуальной политической проблемой.

Обеспечение международной безопасности связано не только с контролем над оружием массового поражения, но и с ограничением и сокращением обычных вооружений и вооруженных сил. Дальше всего в этом направлении продвинулись страны европейского континента. История Европы была историей бесконечных вооруженных конфликтов, в XX столетии именно здесь начались две мировые войны. Во второй половине XX в. военное противостояние двух сверхдержав и возглавлявшихся ими блоков также в первую очередь осуществлялось на европейском континенте и затрагивало его интересы. Долгое время сохранялась опасность возникновения в самом центре Европы крупномасштабного вооруженного конфликта, так как здесь были сконцентрированы огромные воинские контингенты и находилось большое количество военной техники. Взаимное недоверие и напряженность между государствами были чреватые случайным обострением опасных конфликтных ситуаций. Такое положение стало меняться после проведения в 1975 г. Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в городе Хельсинки. После Хельсинского совещания были разработаны и по-

степенно осуществлялись меры по установлению доверия, которые помогли несколько снизить уровень военной опасности.

Параллельно начался процесс подготовки соглашений по всеобъемлющему сокращению обычных вооруженных сил и вооружений на европейском континенте. Переговоры были трудными и затянулись на целых пятнадцать лет. Лишь в 1990 г. в Вене был подписан Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Он предусматривал значительное сокращение численности сухопутных войск, уменьшение количества танков, бронированных машин, артиллерийских систем, самолетов и вертолетов у всех участников. Вводились так называемые фланговые ограничения на юге и севере Европы. Договор исходил из наличия двух противостоящих друг другу военных блоков — НАТО и Варшавского договора. В связи с этим квоты на сокращение войск и военной техники исчислялись на основе блокового принципа. Но уже в момент подписания Договора ситуация начала меняться. Организация Варшавского договора стала распадаться и уже через год прекратила свое существование. Затем развалился Советский Союз, а его бывшие восточноевропейские союзники выразили желание присоединиться к Североатлантическому пакту.

Расширение НАТО наряду с другими геополитическими изменениями по-новому поставило вопрос о военной безопасности России на европейском направлении. Договор об обычных вооруженных силах в прежнем виде уже не соответствовал российским интересам в области национальной безопасности.

Хотя 19 ноября 1999 г. в Стамбуле было подписано Соглашение об адаптации ДОВСЕ, практическая реализация достигнутых соглашений сталкивается с рядом трудностей. В связи с новой волной расширения НАТО в 2004 г. встал вопрос о Латвии, Литве, Эстонии и Словении, которые не были участниками Договора и поэтому их присоединение к Северо-Атлантическому альянсу создает опасность появления «серых зон», где концентрируются войска и техника, не подлежащие учету по ДОВСЕ. Кроме того, адаптированный вариант ДОВСЕ ратифицировали только четыре государства — Россия, Белоруссия, Украина и Казахстан, а страны Западной, Центральной и Восточной Европы, а также США и Канада этого не сделали. Российская Федерация в конце 2007 г. заявила о временной приостановке своего участия в ДОВСЕ, поскольку западные партнеры не обнаружили понимания и уважения интересов ее национальной безопасности.

Такое же непонимание и неуважение интересов безопасности РФ проявилось и в вопросе о базировании элементов американской противоракетной обороны в Восточной Европе. Хотя представители США заявляли, что данная система ПРО направлена не против России, а против Ирана, однако интересы обеспечения военной безопасности нашей страны она затрагивает непосредственным образом. Вопреки мнению руководства Российской Федерации администрация Дж. Буша-младшего в конце его срока пребывания у власти подписала соглашение с правительствами Польши и Чехии о размещении на их территории американских противоракет и радара как элементов будущей системы противоракетной обороны. Происходило это на фоне усиливающегося конфликта в Южной Осетии, когда российским вооруженным силам пришлось оказывать помощь собственным миротворцам и мирному южноосетинскому населению, которые подверглись агрессии со стороны Грузии. Все эти события, а также сохранение планов расширения НАТО на восток, свидетельствовали о появлении реальных проблем в обеспечении европейской безопасности уже после окончания холодной войны. Поэтому руководство РФ в лице Президента Д. А. Медведева выступило с инициативой заключения нового Договора о европейской безопасности. Конкретный вариант такого договора еще не подготовлен, но несомненно, что он должен соответствовать интересам всех без исключения государств континента и обеспечивать стабильность на всей территории современной России.

Кроме вышеперечисленных проблем обеспечения международной безопасности актуальной является проблема контроля торговли оружием. С одной стороны, торговля оружием представляет собой важное направление внешнеэкономической деятельности многих государств, включая и Российскую Федерацию. С другой стороны, при отсутствии контроля оружие может попасть и попадает в руки участников незаконных вооруженных формирований, террористических группировок. Эта проблема требует к себе внимания, и ее решение будет способствовать укреплению военной безопасности в современном мире.

Наметившаяся в последнее время тенденция к возобновлению гонки вооружений в некоторых сферах (противоракетная оборона, высокоточное оружие, ядерные боеприпасы нового поколения) может нанести ущерб межгосударственному сотрудничеству в области безопасности. Поэтому защита от этих угроз остается важнейшим вопросом мирового политического процесса начала XXI столетия.

§ 4. Современная Россия в мировом политическом процессе

С распадом СССР в международном положении нашей страны произошли существенные изменения. Россия, в отличие от Советского Союза, уже не была одной из сверхдержав в биполярной системе международных отношений. Экономический, социальный и духовный кризис начала 90-х гг. XX в. ослабил позиции Российской Федерации на мировой арене. Впоследствии ситуация стала меняться. Вплоть до начала мирового экономического кризиса 2008 г. Россия демонстрировала устойчивые темпы экономического роста. Как постоянный член Совета Безопасности ООН и полноправный участник «большой восьмерки», Российская Федерация способна оказывать влияние на процессы, идущие в мировой политике. У России есть возможности занять весомое место в формирующейся полицентричной системе международных отношений. Внешняя политика России, так же как и внешняя политика любого государства, строится на основе собственных национально-государственных интересов.

Для того чтобы объективно решить проблему национально-государственных интересов России, необходимо прежде всего уяснить содержание этой категории. Традиционная же интерпретация государственного интереса широка и связана в основном с достижением таких целей, как существование нации в качестве свободного и независимого государства, обеспечение роста экономики и национального благосостояния, предотвращение военной угрозы или ущемления суверенитета, сохранение союзников, достижение выгодного положения на международной арене и т. д. Сам государственный интерес находит конкретное выражение в постановке целей и задач внешнеполитического курса страны.

В формировании национально-государственных интересов большое значение имеет геополитический фактор. В основе геополитики лежат объективные реалии. Прежде всего, это географический фактор: протяженность границ, расположение и пространственная протяженность одного государства относительно другого, наличие выхода к морю, народонаселение, рельеф местности, принадлежность государства той или иной части света, островное положение государства, наличие природных ресурсов и т. п. Из множества факторов, влияющих на деятельность людей, географический менее

всего подвержен изменениям. Он служит основой преемственности политики государства, пока его пространственно-географическое положение остается неизменным.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что основным национально-государственным интересом и главной внешнеполитической задачей России на обозримый период, по-видимому, является сохранение своей традиционной глобальной геополитической функции как объединяющей и стабилизирующей силы центра Евразии. Способность реализовать эту задачу зависит, во-первых, от того, насколько это позволят материальные ресурсы, а, во-вторых, от политических условий внутри России — политической воли руководства, стабильности социальных и международных отношений.

Итак, задачи российской внешней политики, обеспечивающие ее национально-государственные интересы, таковы: самоутверждение в качестве главного преемника прав и обязанностей СССР, его продолжателя в мировых делах и сохранение статуса великой державы; сохранение территориальной целостности Российской Федерации на основе учета интересов всех народов и регионов, мира, демократии и реализма; обеспечение внешних условий, способствующих свободному включению страны в мировую экономику и политику; защита экономических, социальных и гуманитарных прав своих граждан, равно как и русской диаспоры на всех территориях бывшего СССР; сохранение и укрепление оборонного потенциала в пределах, необходимых для защиты национальной безопасности страны. Все эти задачи диктуют необходимость по-разному строить отношения с государствами различных регионов современного мира.

Официальным документом, на основе которого формируется внешнеполитическая стратегия нашей страны, является Концепция внешней политики Российской Федерации. Ее новая редакция была утверждена президентом РФ Д. А. Медведевым 12 июля 2008 г. Наряду с характеристикой ситуации в мировой политике в целом и определением общих целей и задач российской внешней политики на глобальном уровне, в концепции указаны приоритеты развития отношений Российской Федерации с различными странами и регионами современного мира. Россия, отмечается в Концепции, будет строить свои отношения со странами СНГ на основе равноправия, взаимной выгоды, уважения и учета интересов друг друга. В Концепции выражено намерение в дальнейшем реализовать

потенциал СНГ как региональной организации. Одновременно большое внимание уделяется вопросам сотрудничества Российской Федерации с другими постсоветскими государствами в рамках таких международных институтов, как Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) и Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Как традиционно важные, рассматриваются в Концепции отношения со странами Европы. Главной целью российской внешней политики на европейском направлении является создание стабильной и демократической системы общеевропейской безопасности и сотрудничества. В связи с этим в документе подробно рассмотрены вопросы взаимоотношений Российской Федерации с важнейшими международными институтами, существующими на европейском континенте — Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Советом Европы, Европейским Союзом (ЕС), Организацией Североатлантического договора (НАТО). Характеризуется роль каждой организации в формировании новой региональной системы отношений и оцениваются перспективы развития отношений России с ними. Отмечается, что взаимодействие с государствами Западной Европы, в первую очередь с такими влиятельными, как Великобритания, Германия, Италия и Франция, представляет собой серьезный ресурс для отстаивания Россией своих национальных интересов в европейских и мировых делах, для стабилизации и роста экономики России.

В отношениях с Соединенными Штатами Америки приоритетным определяется сотрудничество по проблемам разоружения, контроля над вооружениями и нераспространением оружия массового поражения, а также предотвращения и урегулирования наиболее опасных локальных и региональных конфликтов. В Концепции внешней политики Российской Федерации выражается пожелание избавить российско-американские отношения от наследия прошлого и поднять на новый уровень стратегического партнерства. Одновременно отмечается заинтересованность России в том, чтобы действия США на мировой арене соответствовали бы нормам и принципам международного права и, прежде всего, Уставу ООН.

Возрастающее значение во внешней политике Российской Федерации имеет Азия. В Концепции отмечается, что это обусловлено прямой принадлежностью России к этому динамично развивающемуся региону, а также необходимостью экономического подъема

Сибири и Дальнего Востока. Предполагается активизировать участие России в основных интеграционных структурах Азиатско-Тихоокеанского региона — форуме Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество, региональном форуме Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) по безопасности, Шанхайской организации сотрудничества.

Важнейшим направлением российской внешней политики в Азии является развитие дружественных отношений с ведущими азиатскими государствами, в первую очередь с Китаем и Индией. Совпадение принципиальных подходов России и КНР к ключевым вопросам мировой политики — основа региональной и глобальной стабильности. Главная задача в сотрудничестве с Китаем — приведение масштабов экономического взаимодействия между нашими странами в соответствие с уровнем политических отношений. Россия также стремится углублять традиционное партнерство с Индией, способствовать преодолению сохраняющихся в Южной Азии проблем и укреплению стабильности в регионе. Помимо двусторонних отношений, Россия выступает за развитие эффективного внешнеполитического и экономического взаимодействия в трехстороннем формате: Россия — Индия — Китай.

Российская Федерация выступает за устойчивое развитие отношений с Японией, за достижение подлинного добрососедства, отвечающего национальным интересам обеих стран. В рамках существующих переговорных механизмов Россия продолжит поиск взаимоприемлемого решения оформления международно-признанной границы между двумя государствами.

Принципиальное значение имеет для России общее оздоровление ситуации в Азии, где усиливаются геополитические амбиции ряда государств, нарастает гонка вооружений, сохраняются источники напряженности и конфликтов. Озабоченность Российской Федерации вызывает обстановка на Корейском полуострове, поэтому наша страна будет стремиться равноправно участвовать в решении корейской проблемы, поддерживать сбалансированные отношения с обоими корейскими государствами.

Напрямую затрагивает российские национальные интересы и создает угрозу безопасности южных рубежей СНГ затяжной конфликт в Афганистане. Вместе с другими государствами Россия будет прилагать усилия для политического урегулирования афганской проблемы, недопущения экспорта терроризма и наркотрафика из этой страны.

В Концепции дается обзор тех задач, которые российская внешняя политика должна решать в отношениях со странами Ближнего и Среднего Востока. Отмечается необходимость в расширении сотрудничества со странами африканского континента, государствами Латинской Америки.

Таким образом, внешняя политика России сохраняет свой глобальный характер.

Контрольные вопросы и задания

1. В чем, по вашему мнению, заключается противоречивость процессов глобализации?
2. Как глобальный финансово-экономический кризис может повлиять на мировую экономику?
3. Что такое глобальные проблемы современности и каковы могут быть пути их решения?
4. Что такое международные политические кризисы? Назовите их примеры.
5. На основе известных вам типологий международных конфликтов дайте характеристику современных международных конфликтов.
6. Покажите различия традиционных и современных подходов к обеспечению международной безопасности.
7. Каков сегодня внешнеполитический потенциал России и ее роль в структуре современных международных отношений?
8. В чем заключаются национально-государственные интересы современной России? Каковы основные приоритеты ее внешнеполитического курса?

Сергей Алексеевич Ланцов
Политология: Учебное пособие

Заведующая редакцией

М. Трофимова

Руководитель проекта

М. Трофимова

Ведущий редактор

Е. Власова

Литературный редактор

М. Антипов

Художественный редактор

Л. Адуевская

Корректоры

В. Листова, И. Тимофеева

Верстка

Е. Егорова

Подписано в печать 25.06.10. Формат 60х90/16. Усл. п. л. 34. Тираж 3000. Заказ
ООО «Лидер», 194044, Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., д. 29а.
Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том 2;
95 3005 — литература учебная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Типография Правда 1906».
191126, Санкт-Петербург, Киришская ул., 2.